

К. М А Р К С
и
Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА - ФИЛОСОФИЯ - ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАПИТАЛ
ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
II
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
IX

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1933 МОСКВА

О Т Д Е Л П Е Р В Ы Й

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1852—1854

ПРЕДИСЛОВИЕ.

IX том Сочинений Маркса и Энгельса почти целиком состоит из корреспонденций, написанных по-английски для «Нью-йоркской трибуны». В течение нескольких лет, следовавших за поражением революции 1848 — 1849 гг., статьи эти являлись единственным средством, при помощи которого творцы научного коммунизма могли бороться в печати за гегемонию своей пролетарской политики внутри революционного движения против мелкобуржуазной демократии.

Маркс получил приглашение сотрудничать в «Трибуне» в конце июля или в начале августа 1851 г. от Чарльза Дана, редактора, стоявшего во главе иностранного отдела газеты. В письме к Энгельсу от 8 августа 1851 г. Маркс просит прислать ему в недельный срок статью на английском языке о положении дел в Германии. «Это было бы великодушным началом», — писал он. Результатом этого предложения была знаменитая серия статей, известная под именем «Революция и контр-революция в Германии». Будучи напечатана за подписью Маркса, серия сразу же обеспечила ему постоянное место в качестве иностранного корреспондента. Однако личное сотрудничество Маркса в действительности началось лишь спустя год, когда в августе 1852 г. им была написана серия статей об английских выборах и английских политических партиях.

«Нью-йоркская трибуна» была органом левого крыла американских вигов, противников рабства, из среды которых вышли будущие основатели республиканской партии. Газета имела многочисленных читателей и в Европе — в среде английских фритредеров, а также лондонских немецких и венгерских эмигрантов. Она была основана в 1841 г. журналистом Орасом Грили, позднее ставшим одним из самых влиятельных республиканских деятелей.

После революции 1848 г. эта газета с ее прогрессивной, полусоциалистической, демократической точкой зрения сделалась любимым органом многочисленных политических эмигрантов в Америке, особенно немцев, составлявших большинство в эмигрантской

колонии. Этим она была обязана главным образом тому энтузиазму и интересу, с которым Дана, редактор иностранного отдела, следил за революционным движением в Европе. Во время революции Дана сам лично побывал во Франции и Германии и давал отчеты о ее развитии в ряде статей «Трибуны». Во время этого путешествия, предпринятого им по делам газеты, он познакомился с Марксом в Кельне. В ноябре 1848 г. в доме Маркса он встретил также и Фрейлиграта. Личность Маркса, революционного редактора «Новой рейнской газеты», произвела на Дана глубокое впечатление. Поэтому нет ничего странного в том факте, что, нуждаясь в лондонском корреспонденте, который бы информировал его читателей о положении дел в Европе, Дана вспомнил о Марксе, как подобным же образом он пригласил сотрудничать и Фрейлиграта, бывшего помощником Маркса по изданию «Новой рейнской газеты». Однако не одно личное знакомство с Марксом заставило Дана решиться на этот шаг. Здесь играло также и то обстоятельство, что имя Маркса было хорошо известно как раз тем из читателей «Нью-йоркской трибуны», которые наиболее интересовались внешней политикой, т. е. политическим эмигрантам, главным образом из среды немцев.

Обстоятельства сложились так, что эта газета, орган прогрессивной американской промышленной буржуазии, сделалась на несколько лет единственной публичной политической трибуной для Маркса и Энгельса. Это не обошлось без некоторых противоречий. «Трибуна» была протекционистской газетой, отчаянно сражавшейся против фритредеров южных рабовладельческих штатов за высокие тарифы в интересах молодой американской промышленности. Редакция охотно печатала те статьи Маркса, где он едко разоблачал радикальный и демократический обман английских фритредерских лидеров Кобдена и Брайта, на которых тогда английская буржуазия и часть французских промышленников смотрели как на своего рода священных оракулов. Но это было не совсем по душе Марксу и Энгельсу, считавших одинаково эксплуататорами как протекционистов, так и фритредеров. Хотя между американскими протекционистами и их английскими или континентальными собратьями и было весьма глубокое различие, Маркс вовсе не имел желания лить воду на мельницу американских протекционистов. Он продолжал критиковать протекционизм в его английском одеянии, также как и свободную торговлю с ее пророками.

«Трибуна», орган американской промышленной буржуазии, была склонна заигрывать с «жандармом Европы» — царской Россией,

8 August, 1851. 30
28, New York

Dear Engels

I have just received your letter of the 27th and am glad to hear that you are well. I am well at present and hope these few lines will find you all the same. I have not much news to write at present. I am still in New York and have not yet had time to do much. I have, however, been thinking of you and of our common work. I have also been thinking of the friends of the cause in New York and of the work that has to be done. I have not yet had time to do much, but I have been thinking of you and of our common work. I have also been thinking of the friends of the cause in New York and of the work that has to be done. I have not yet had time to do much, but I have been thinking of you and of our common work. I have also been thinking of the friends of the cause in New York and of the work that has to be done.

Письмо Маркса к Энгельсу от 8 августа 1851 г., где Маркс сообщает о приглашении его в сотрудники «Трибуны».

подобно тому как к этому была склонна и часть английской буржуазии, руководимая Кобденом. В обоих случаях мотив был один и тот же: поиски рынка. Маркс, наоборот, всю тяжесть своего огня направлял против контр-революционной роли царского правительства в Европе.

В буржуазно-радикальной «Нью-йоркской трибуне» коммунисты Маркс и Энгельс были, конечно, случайными гостями. По мере роста и обострения классово-борьбы в самих Соединенных Штатах, — в 1856 г. происходила открытая гражданская война в Канзасе, — интерес «Трибуны» к иностранной политике все более и более ослабевал. Издатели становились все менее заинтересованы в том, чтобы иметь наилучшего иностранного корреспондента, и лишь опасение, что соперничавшие газеты нанесут чувствительный удар, печатая какие-нибудь сенсационные известия о европейской или Восточной войне, заставляло их сохранять связь с Марксом. Поэтому в последующие годы роль Маркса и Энгельса фактически все более сводилась к роли чисто военных или дипломатических корреспондентов; недовольство политикой «Трибуны», не раз резко высказываемое Марксом в письмах к Дана, привело, в конце концов, Маркса и Энгельса к полному разрыву с редакцией «Трибуны».

Какова была доля Энгельса в корреспонденциях для «Нью-йоркской трибуны»? Официальным сотрудником «Трибуны» был Маркс, но таким же регулярным сотрудником-корреспондентом газеты был и Энгельс, не сносившийся с редакцией непосредственно. Прекрасно владея английским языком, Энгельс вначале или сам писал целиком статьи для газеты, или переводил на английский язык статьи Маркса, написанные по-немецки. Почти исключительно Энгельсом были написаны статьи военного характера, о Ближнем востоке и часть статей на дипломатические темы. Кроме того, Энгельс оказывал постоянную поддержку Марксу своими советами и подбором материала. Обширная переписка между Марксом и Энгельсом за 1852 — 1853 гг. содержит целый ряд дискуссий по различным вопросам. Результаты этих обсуждений воплощались затем в статьях для «Трибуны». В частности для своих экономических очерков Маркс обращался к Энгельсу за информацией о состоянии промышленного рынка. Но роль Энгельса не ограничивалась одной информацией. Сотрудничество между обоими авторами было настолько тесно, что даже не всегда возможно определить, если не встретишь специального упоминания о том в переписке, какая статья принадлежит Энгельсу и какая Марксу; особенно это приходится сказать о первом периоде, когда Энгельс являлся также и переводчиком для Маркса.

Позднее, когда Маркс был уже в состоянии сам писать по-английски, его английский стиль все же сплошь да рядом выправлялся Энгельсом.

Период с осени 1852 г. и до весны 1854 г. был наиболее плодотворным для сотрудничества Маркса в «Нью-йоркской трибуне». Его статьи почти без изменений печатались обычно два раза в неделю за его подписью; начиная с конца 1853 г. издатели «Трибуны» усвоили правило печатать его статьи в качестве передовиц. Настоящий том, обнимающий период до августа 1852 г. до апреля 1854 г., содержит наиболее полный анализ, который когда-либо был сделан Марксом по вопросу о политической борьбе в Англии, равно как и изложение взглядов его и Энгельса на важнейшую проблему международной политики — на так называемый восточный вопрос, на вопрос о политической судьбе Турецкой империи. В тех спорах, которые имели тогда место между великими державами вокруг турецкой проблемы, Маркс и Энгельс должны были определить свое отношение и к другой, еще более крупной проблеме, — к угрозе европейской войны, в которой главными противниками выступали с одной стороны царская Россия, а с другой — Англия и Франция. Наконец, они впервые лицом к лицу столкнулись с важнейшим вопросом английской политики — с вопросом об Индии. В ряде мастерски написанных статей, где дается история завоевания и эксплуатации Индии, Маркс вскрыл сущность отношений между метрополией и колонией. Часть этих статей печатается по-русски впервые.

Период после 1848 г. и до середины 60-х годов был весьма важным в английской истории. Неудача чартистского движения означала, что для Англии открывался путь беспрепятственного превращения ее в страну «образцовой» парламентарной демократии. Освободившись от страха перед пролетарской революцией, буржуазия могла теперь снова возвратиться к вопросу о ликвидации политической власти аристократии, как это выразилось в политическом господстве двух больших партий, ториев и особенно вигов. Маркс описывал в статье за статьей гнилую систему английского парламентаризма, с безошибочной точностью указывая путь дальнейшего развития со всеми его противоречиями.

Развитие парламентарной демократии в Англии, происходившее под руководством Брайта, Кобдена и других манчестерцев, сопровождалось в то же время ожесточенной классовой борьбой, и в своих статьях в «Трибуне» Маркс и Энгельс, описывая битвы английского пролетариата против торжествующей фритредерской буржуазии, раскрывают всю пустоту и лицемерие либеральных фраз о демо-

кратии. Мнимым битвам Кобдена и К^с против аристократии они противопоставляют настоящие битвы рабочих против всех фракций буржуазии и указывают тот путь, которым нужно идти, чтобы установить «политическую гегемонию рабочего класса» через завоевание народной хартии. Чартистское движение было уже в последней фазе, но Маркс в своих статьях 1853 г. указывал путь превращения его в подлинно-революционное массовое движение через объединение политической борьбы за хартию с ожесточенными экономическими боями рабочих, — путь, по которому и пытался вести английский пролетариат Эрнест Джонс, пользовавшийся поддержкой Маркса.

Упадок старых партий вигов и ториев, фактическое уничтожение каких-либо серьезных различий между ними, попытки создания объединенной «национальной» аристократической партии — во всем этом Маркс видел доказательство перехода классовой борьбы в Англии на новую, высшую ступень. Страдания масс, бурные конфликты между рабочими и предпринимателями, беспощадное уничтожение крестьянства аристократией, массовая эмиграция, коррупция парламентских «финансистов», для которых бюджет представляет собою не что иное, как «ряд мер для возвышения непроизводительных классов», постоянная параллель в развитии «пауперизма и свободной торговли», — все это Маркс показывает в своих статьях как необходимое дополнение к триумфу «парламентарной демократии» в конституционной Англии.

Но не только в Англии, по мнению Маркса, происходит победа промышленного капитализма. Разоблачая обман «манчестерской» идеологии, Маркс и Энгельс в этот период направляли свое внимание и на другое поле капиталистического развития, давая анализ того, как англичанами производилось разрушение азиатского общества в Индии путем введения там капиталистического способа производства. В своих статьях о хартии Ост-индской компании, о китайской революции и в блестящей статье «Ирландское земельное право» Маркс заложил основы революционной социалистической политики в национально-колониальном вопросе, которую так блестяще развил Ленин для эпохи империализма. «Маркс и Энгельс, анализируя в свое время события в Ирландии, в Индии, в Китае, в странах Центральной Европы, в Польше, в Венгрии, дали основные отправные идеи по национально-колониальному вопросу. Ленин в своих трудах базировался на этих идеях», — говорит т. Сталин в беседе с первой американской рабочей делегацией. Главным образом в своих статьях в «Нью-йоркской трибуне», и особенно

за 1853 г., Маркс дал теоретические основы для разрешения национально-колониальной проблемы, диалектического понимания самого характера азиатского общества и процесса превращения его в тот «черносотенно-октябристский капитализм» (Ленин), т. е. в смесь капитализма и крепостничества, который составляет сущность колониального капитализма. Кроме того, здесь же, — беспощадно критикуя «реформаторское» усердие либеральных промышленников в Индии, направленное к кровавому разорению индийских крестьян и ремесленников, — Маркс установил и общую связь, существующую между национально-освободительным движением, которое должно развиваться в Индии, и борьбой английского пролетариата за свержение своих угнетателей — капиталистов. Марксисты-ленинцы, изучающие проблему национально-колониальной революции и особенно революционное движение в Индии и Китае, найдут неопценное теоретическое оружие в статьях этого тома об Индии, Китае и Ирландии. Статьи эти даются здесь впервые в полном их виде.

Хотя издатели «Нью-йоркской трибуны» сами были сторонниками «европейской демократии» и высказывались против «абсолютизма», Маркс никогда не прекращал своей борьбы против мелкобуржуазного политического кретинизма «демократов», выступая особенно против Мадзини и Кошута. В своей критике преждевременного миланского восстания, происходившего в феврале 1853 г., Маркс выставляет то требование, которое для Ленина было основным пунктом марксистского учения о вооруженном восстании, а именно, что восстание есть искусство, что неподготовленное, преждевременное восстание обречено на поражение.

Вторая половина IX тома посвящена вопросам международной политики, в частности восточному вопросу, быстро превратившемуся тогда в европейскую войну. Здесь точка зрения Маркса и Энгельса также коренным образом отличалась от позиции «демократов». Идея революционной войны против России и Англии, этих двух главных устоев европейской контр-революции, энергично пропагандировалась еще «Новой рейнской газетой» в 1848 — 1849 гг. Но теперь положение резко изменилось: Англия оказалась втянутой в войну с Россией по самому животрепещущему вопросу — по вопросу о разделе Турции. Какую позицию заняли «честные люди» из европейской демократии в этот момент ссоры между двумя крупнейшими акулами контр-революции? Мелкобуржуазная демократия со всей искренностью поддерживала Англию и хитрого старого пройдоху Пальмерстона, который выставлял теперь себя национальным героем в предпринятом «крестовом походе» против России. Маркс и Энгельс, ана-

лизируя положение, приходили к другому заключению. Английская буржуазия вовсе не имела намерения доводить войну против России до конца, как, по крайней мере, это было ясно из политики Пальмерстона. Мысль о возможности всеобщей европейской революционной войны, целью которой было бы низвержение «царского жандарма», удерживала английских государственных деятелей от решительных действий. Английский публицист и туркофил Давид Уркарт, в течение целого ряда лет проводивший «частную» войну против Пальмерстона, собрал ценнейший материал, разоблачавший руссофильские маневры старого хитрого государственного дельца, внешне выступающего якобы против русских захватов на Востоке. Но у Уркарта имелись серьезные недостатки, которые мешали Марксу и Энгельсу заключить с ним политический союз. Его ненависть к Пальмерстону и России доходила до мономании, а любовь к Турции до смешной идеализации.

Маркс и Энгельс, используя со всей полнотой факты дипломатических интриг, сообщаемые Уркартом, старательно отмежевывались от его практической политики и со всей четкостью проводили свою классовую линию в вопросах войны и мира в период 1853 — 1856 гг. Точка зрения Маркса и Энгельса, вполне подтвержденная последующим развитием событий, состояла в том, что Англия будет до самого последнего момента избегать войны, если только можно будет благоприятно разрешить вопрос о Константинополе. Особенно саркастично и удачно полемизировали Маркс и Энгельс против пацифизма Кобдена и Брайта. Манчестерцы были против войны в надежде на получение новых рынков на Балканах в случае освобождения Дунайских княжеств от турецкого господства. Владение Индией не стало еще тогда для них настолько важным, чтобы заставить их изменить точку зрения в вопросе о «свободной торговле» с Индией.

В развитии промышленного кризиса, в быстром распространении революционного движения в Китае и в начавшихся военных действиях в Восточной Европе и Малой Азии Маркс и Энгельс видели назревание революционной ситуации, с чем «революционная партия может себя только поздравить» (стр. 435). В то же самое время они решительно высказывались против демократической демагогии Уркарта и его последователей, которые надеялись превратить «мнимую» войну в настоящую, в целях свержения русской империи, действуя чисто парламентскими, конституционными средствами. Только победоносное пролетарское революционное движение внутри Англии могло бы действительно превратить настоящую войну в войну для

освобождения Европы от «царского жандарма» и одновременно о этим от господства английских капиталистов. Маркс и Энгельс ясно высказывались за *гражданскую войну* в Англии как первую ступень к победоносной революционной войне. В статье «Нью-йоркской трибуны» от 4 октября 1853 г. (до сих пор не печатавшейся) имеется следующий интересный абзац, критикующий позицию Уркарта: «Одно из двух: либо уголовные законы Англии должны быть со всей строгостью применены к четырем изменникам (Эбердину, Кларендону, Пальмерстону и Росселю), либо русский царь властвует над миром». Тирады, подобные этому заявлению Д. Уркарта в «Morning Advertiser», не имеют никакого смысла. Кто будет судить четырех изменников? Парламент. Из кого состоит этот парламент? Из представителей биржевых дельцов, магнатов промышленности и аристократов. Какую иностранную политику представляют эти представители? *Политику paix partout et toujours* (мира везде и всегда). А кто проводит в жизнь их программу внешней политики? Те самые четыре человека, которых они должны будут судить как изменников, по мнению простоватого «Morning Advertiser». Одно во всяком случае ясно: именно биржевые дельцы и торгующая миром буржуазия, представленные в правительстве олигархией, выдают Европу России, и, следовательно, для того, чтобы дать отпор притязаниям царя, нужно прежде всего свергнуть бесславное господство этих низких, раболопных и подлых обожателей *veau d'or* («золотого тельца») (стр. 474).

Во время империалистической войны немецкие и русские социал-предатели тщетно пытались опереться на позицию Маркса и Энгельса по вопросу о восточной войне. Ленин блестяще доказал, что они не поняли самой сущности этой позиции, особенно в таком важнейшем вопросе, как *революционное разрешение проблемы войны*. Из вышеприведенного абзаца, в котором Маркс открыто призывает английский пролетариат к гражданской войне против своей собственной буржуазии как предварительному условию для всеобщей революционной войны, еще более ясно выступает предательство и измена делу революционного марксизма партий II Интернационала в 1914 г.

Для понимания развития взглядов Маркса и Энгельса на парламентарную демократию, на национально-колониальный вопрос и на международную политику IX том имеет исключительную важность. В период загнивания капитализма, колониальных революций и победоносного строительства социализма в Советском союзе эти вопросы особенно важны для революционного рабочего движения.

Выпуск в свет статей Маркса и Энгельса из «Нью-йоркской трибуны» (тома IX, X и XI в двух книгах) открывает новый теоретический арсенал для борьбы против реформизма и разлагающейся буржуазной демократии, еще более укрепляет основы марксизма-ленинизма.

* * *

Для настоящего тома переводы сделаны со статей, печатавшихся в «New-York Daily Tribune»; несколько статей взяты из чартистского органа «People's Paper» (статьи о бюджете Гладстона, одна статья о Рабочем парламенте и серия статей о Пальмерстоне). Часть материала в неполном виде, с пропусками и по преимуществу в переводах не с английского оригинала, а с немецкого перевода была издана в 1924 г. как «X том» Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В настоящем издании число статей почти удвоено; впервые печатаются на русском языке статьи об Ирландии и большая часть статей об Индии, многие статьи по Восточному вопросу, а также ряд корреспонденций об экономическом положении и рабочем движении в Англии 1852 — 1854 гг.

Расположение материала носит тематическо-хронологический характер. В содержании тома выделяются три крупных отдела: 1) Англия и континент (Европа), 2) Колониальный Восток (Китай и Индия) и 3) Восточный вопрос (Ближний восток) и русско-турецкая война. Внутри этих больших частей имеются новые подразделения в виде серий статей, объединенных общим содержанием, внутри которых материал расположен в хронологическом порядке.

Заголовки печатаемых статей взяты частью из «Трибуны» или «People's Paper», частью же, в тех случаях когда в газетах совсем не имелось заглавия, или последнее было сделано редакцией газеты слишком неопределенно или неточно, новые заглавия даны редакцией настоящего тома. В начале каждой корреспонденции дается дата написания (или отправления из Лондона); название газеты, где статья была напечатана, и дата этой газеты приводятся в общем оглавлении в конце книги. Статьи, печатавшиеся в качестве передовых, не имеют корреспондентской даты и отмечены в тексте лишь пометкой «передовая».

Текст «Трибуны» содержит большое количество опечаток и искажений (пропуск букв и строк, искажения в собственных именах и названиях, неточность цифр в приводимых статистических данных и т. п.). Исправления этих ошибок, производившиеся на основании источников, использованных Марксом и Энгельсом — в первую

очередь прессы и парламентских отчетов (Hansard's Parliamentary Debates), а также различных справочников и словарей — для каждого отдельного случая нами как правило не оговариваются.

В статьях о бюджете Гладстона читатель встретит некоторые параллельные места (статьи, печатавшиеся по тексту «Трибуны», и статьи, взятые из «People's Paper», ср. стр. 125, 126 и 142 — 143, 125 и 145, 130 и 150, 146 и 151 и нек. др.). Редакция, несмотря на эти отдельные незначительные повторения, сочла необходимым напечатать оба варианта, ввиду больших расхождений этих вариантов между собою. В статьях о Пальмерстоне за основу взят текст «People's Paper», к которому сделаны добавления из статей, печатавшихся на ту же тему в «Трибуне».

Текст этого тома, как и весь аппарат к нему, подготовлены гг. Р. Фоксом и В. Семеновым и проредактированы *В. Адоратским* и *А. Ангаровым*.

В. Адоратский.

21 января 1932 г.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
1852—1854

ВЫБОРЫ И ПАРТИИ В АНГЛИИ

ВЫБОРЫ В АНГЛИИ. — ТОРИИ И ВИГИ.

Лондон, 6 августа 1852 г.

Результаты общих выборов в британский парламент уже известны. О них я поговорю в своем следующем письме.

Каковы были те партии, которые боролись между собою или поддерживали друг друга во время избирательной кампании? Тории, виги, либерал-консерваторы («пилиты» — сторонники Пила), фритредеры *par excellence* (приверженцы манчестерской школы, сторонники парламентской и финансовой реформы) и, наконец, чартисты. Виги, фритредеры и пилиты объединились между собою в оппозиции к ториям. Между этой коалицией и ториями и разыгралась, собственно, избирательная борьба. Что же касается чартистов, то они стояли в оппозиции к вигам, к пилитам, к фритредерам и к ториям, ведя таким образом борьбу против всей официальной Англии.

Политические партии Англии в достаточной степени знакомы американцам, и я поэтому могу ограничиться здесь лишь несколькими штрихами, чтобы восстановить в памяти читателей наиболее характерные отличительные черты этих партий.

Тории до 1846 года считались хранителями традиций «старой Англии». О них полагали, что они видят в английской конституции восьмое чудо света, что они *laudatores temporis acti* (восхвалители минувшего) и ревностные поклонники трона, государственной церкви, привилегий и вольностей британских граждан. Роковой 1846 год, принесший с собою отмену хлебных пошлин, показал, что тории, поднявшие по поводу этой отмены поистине отчаянный вопль, являются ревностными приверженцами лишь своей земельной ренты; в то же время разоблачился и секрет приверженности ториев к политическим и религиозным учреждениям «старой Англии». Дело в том, что эти учреждения — наиболее удобные для *крупного землевладения*: благодаря им последнее до настоящего времени господствовало над страной, и, опираясь на них, оно пытается еще и сейчас удержать свое господство. 1846 год вскрыл

во всей своей наготе *истинный материальный классовый интерес*, являвшийся *реальной основой* партии ториев. 1846 год сорвал с ториев ту освященную традицией львиную шкуру, под которой скрывался классовый интерес этой партии. 1846 год превратил ториев в *протекционистов*. Слово «тории» было священным именем, «протекционисты» стало житейским прозвищем; «тории» звучало как политический боевой клич, «протекционисты» есть крик экономического отчаяния; «тории», казалось, обозначало идею, принцип, «протекционисты» выражает материальный интерес.

Чему покровительствуют эти сторонники покровительственных пошлин? Своим собственным доходам со своих собственных земель. Таким образом, тории являются такими же буржуа, как и прочие, ибо где взять такого буржуа, который не заботился бы о своем собственном кошельке? От других буржуа тории отличаются ровно в той мере, в какой земельная рента отличается от торговой или промышленной прибыли. Земельная рента консервативна, прибыль — прогрессивна; рента — национальна, прибыль — интернациональна; рента — верует в английскую церковь; прибыль же от рождения является диссиденткой.

Отмена хлебных законов в 1846 г. является лишь признанием давно совершившегося факта, констатированием давно уже происшедшего изменения в элементах английского буржуазного общества, а именно: подчинения интересов землевладения интересам денежных кругов, земельной собственности — торговле, сельского хозяйства — индустрии, деревни — городу. Как можно еще сомневаться в этом факте, когда сельское население количественно относится к городскому, как один к трем? Материальной основой могущества ториев являлась земельная рента. Последняя определяется ценами на продукты питания, цены же эти поддерживались на искусственной высоте при помощи хлебных пошлин. Отмена хлебных пошлин понизила цены продуктов питания; благодаря этому упала и земельная рента, а с падающей рентой рушилась и экономическая мощь ториев, на которой покоилось их политическое могущество.

Что же теперь пытаются сделать тории? Удержать за собой политическую власть, общественный базис которой уже перестал существовать. И каким путем они могут добиться своей цели? У них нет другого пути, кроме *контр-революции*, т. е. реакции государства против общества. Они борются за насильственное сохранение таких учреждений и такой политической системы, которые были обречены на гибель с того момента, как количество городского населения превысило численность сельского. Такая попытка не-

избежно должна закончиться неудачей, она должна ускорить и обострить социальное развитие Англии и повлечь за собой кризис. Тории вербуют своих сторонников среди той части арендаторов, которые либо еще не потеряли привычки видеть в своих землевладельцах своих естественных повелителей, либо экономически зависят от них, либо еще не научились понимать, что между интересами арендатора и земельного собственника ровно столько же общего, сколько между интересами заемщика и ростовщика. Кроме того, тории находят сторонников и поддержку еще в кругах, связанных с интересами колониальной политики и судоходства, в партии государственной церкви, — словом, среди всех тех элементов, которые считают необходимым защищать свои интересы против неизбежных последствий развития современной фабричной промышленности и против подготовляемой ею социальной революции.

Наследственным врагом ториев являются виги — партия, у которой с американскими вигами обще только имя.

Английские виги образуют в политической естественной истории такой вид, который, подобно всем амфибиям, преспокойно существует, но с трудом поддается описанию. Назовем ли мы их, по примеру противников, ториями в отставке? Или мы будем в них видеть, подобно континентальным писателям, представителей определенных *народных* принципов? В последнем случае мы могли бы попасть в такое же затруднительное положение, в какое попал историк вигов, г-н Кук, чрезвычайно наивно заявивший в своей «Истории партий», что хотя партия вигов и опирается на ряд «либеральных, нравственных и просвещенных принципов», но что ей, к сожалению, за все время ее более чем полуторавекового существования, каждый раз, когда она была у власти, что-нибудь мешало провести эти принципы в жизнь. Таким образом, виги, по признанию их собственного историка, на деле проводят нечто такое, что чрезвычайно далеко расходится с теми «либеральными и просвещенными принципами», которые они отстаивают в теории. Эта партия оказывается совершенно в положении того анекдотического пьяницы, который заявил на суде, что он, собственно говоря, сторонник трезвости, но по воскресеньям каждый раз совершенно случайно напивается вдрызг пьяным.

Но мы оставим принципы вигов в стороне, а попытаемся лучше изложить, каково их историческое значение и что они в действительности провели в жизнь, а не то, что они когда-то сами о себе думали и что хотели бы и сейчас еще внушить о себе миру.

Подобно ториям, виги представляют собою часть крупного землевладения Великобритании. Наиболее старинные, богатые и гордые землевладельцы Англии как раз и образуют, собственно, ядро партии вигов.

Чем же они отличаются от ториев? Виги являются *аристократическими представителями* буржуазии, промышленного и торгового среднего класса. Под известным условием буржуазия представляет им, этой олигархии аристократических родов, монополию управления и исключительное право замещения всех государственных должностей; взамен этого олигархия делает среднему классу все те уступки, *неизбежность* и *неотложность* которых обнаружилась в ходе социального и политического развития, и помогает ему добиться их проведения в жизнь. Не больше и не меньше. И каждый раз, когда такого рода непредотвратимый закон принимается, виги громогласно возвещают, что достигнут крайний предел исторического процесса, что общественное развитие дошло до своего завершения, до своей конечной цели. И за этот «крайний предел» они цепляются очень упорно. Виги могут легче, нежели тории, перенести уменьшение своих земельных доходов, так как они считают себя богом ниспосланными арендаторами британского национального дохода. Пока они считают монополию правительства своим родовым достоянием, они могут отказаться от монополии хлебных законов. Со времени «славной революции» 1688 г. государственные должности постоянно были в пользовании вигов, с краткими перерывами, вызванными главным образом первой французской революцией и ее последствиями. Кто вспомнит этот период истории Англии, тот убедится, что вигизм в эту эпоху отличается исключительно стремлением сохранить власть своей родовой олигархии. Интересы и принципы, которые виги помимо того время от времени представляли, принадлежали не им самим, а навязывались им развитием промышленного и торгового класса, буржуазии. После 1688 года виги объединяются с финансовыми тузами, которые к тому времени приобрели большое значение, а в 1846 г. — с фабричными магнатами. Виги столь же мало провели «билль о реформах» 1831 г., как и «билль о свободе торговли» 1846 г. Оба эти реформистские движения — политическое и торговое — были движениями буржуазии. Как только такое движение настолько усиливалось, что становилось непреодолимым, как только оно становилось в то же время вернейшим средством для вытеснения ториев из правительственных должностей, на сцену выступали виги, стараясь использовать свою победу для захвата правительства в свои руки. В 1831 г.

они довели политическую сторону реформы ровно до той грани, до которой нужно было ее довести для того, чтобы буржуазия не осталась совершенно неудовлетворенной; после 1846 г. они ограничили фритредерские мероприятия настолько, насколько нужно было для того, чтобы спасти для дворянского землевладения как можно больше привилегий. Каждый раз они брали движение в свои руки исключительно для того, чтобы помешать его поступательному движению и чтобы в то же время вновь занять свои посты.

Совершенно ясно, что с того момента, как земельная аристократия не будет больше в состоянии отстоять себя как самостоятельную силу, борющуюся в качестве самостоятельной партии за власть, — словом, когда тории окончательно падут, тогда не будет места в английской истории и для вигов. Если аристократия окончательно уничтожена, какой толк в аристократическом представительстве буржуазии перед лицом этой аристократии?

В средние века, в эпоху расцвета городов, германские императоры, как известно, назначали своих губернаторов, так называемых «advocati», для защиты этих городов от соседних дворян. Но когда население городов и их богатство настолько возрастало, что города могли не только защищаться, но и, в свою очередь, даже нападать на дворян, они немедленно изгоняли королевских дворян-губернаторов, advocati.

Виги были такими advocati для британской буржуазии, и их монополия управления должна рухнуть в тот самый момент, когда рухнет монополия ториев в качестве землевладельцев. Виги вырождаются из партии в котерию в той же мере, в какой средние классы становятся все сильнее и независимее. В конечном счете выясняется истинный характер британских вигов как отталкивающей помеси разнородных элементов: крепостники-мальтузианцы; денежные мешки с феодальными предрассудками; аристократы без чувства чести; буржуа без промышленной энергии; ограниченные ретрограды с прогрессивными фразами на устах; прогрессисты, являющиеся фанатичными консерваторами; реформисты, отмеривающие прогресс гомеопатическими дозами; покровители всякого рода кумовства; великие мастера коррупции; ханжи в религии, тартюфы в политике. Массы английского народа отличаются здоровым эстетическим чутьем и питают поэтому инстинктивное отвращение ко всему разноцветному и двумысленному, к летучим мышам и к партии Росселя. Вместе с ториями английские народные массы, городской и сельский пролетариат, ненавидят «денежные мешки». А вместе с буржуазией массы питают ненависть к

аристократии. В виггах же народ ненавидит оба класса: аристократию и буржуазию, землевладельца, который его угнетает, и денежного туза, который его эксплуатирует. В лице виггов народ ненавидит олигархию, которая господствует над Англией в течение более ста лет и которая не позволяет народу взять дело правления в свои собственные руки.

Пилиты (либералы и консерваторы) являются не партией, а скорее воспоминанием об одном партийном человеке, о покойном сэре Роберте Пиле. Но англичане слишком прозаический народ, чтобы воспоминания считать чем-либо бóльшим, нежели поводом для элегии. Теперь же, когда английский народ воздвиг покойному сэру Роберту Пилю во всей стране ряд памятников из бронзы и мрамора, он тем более считает возможным обойтись без кочующих монументов Пилю в лице Грехемов, Гладстонов, Кардуэлей и т. п. Так называемые «пилиты» представляют собою не что иное, как штаб партийных чиновников, вышколенных Робертом Пилем для себя. И так как штаб этот довольно многочисленный, то он на момент совершенно забывает, что за ним нет никакой армии. Эти старые сторонники Пили не решили еще, к какой партии им примкнуть.

Но такого рода нерешимость не является, понятно, достаточной причиной для образования самостоятельной политической силы.

Остаются еще фритредеры и чартисты. Их краткие характеристики я дам в следующем письме.

ЧАРТИСТЫ.

Лондон, 10 августа 1852 г.

Тории, виги, пилиты, — словом, все описанные нами до сих пор партии в большей или меньшей степени являются достоянием прошлого. Партия же, официально представляющая *современное английское общество*, ту Англию, которая господствует на мировом рынке, это — *фритредеры* (манчестерцы, сторонники парламентской и приверженцы финансовой реформы). Фритредеры представляют собою партию сознающей свою силу буржуазии, промышленного капитала, которая стремится использовать свою социальную мощь и в политическом отношении для того, чтобы искоренить последние надменные остатки феодального строя.

Вожди этой партии рекрутируются из самой деятельной и энергичной части английской буржуазии, из фабрикантов. Их целью является неограниченное, ничем не прикрытое преобладание буржуазии; они добиваются подчинения всего общества законам современного буржуазного производства и господству тех людей, которые руководят этим производством. Под свободой торговли они понимают нестесняемую свободу движения для капитала, освобожденного от всяких политических, национальных и религиозных пут. Земля, земельная собственность должна стать рыночным товаром и должна эксплуатироваться по общим торговым законам. Должны существовать только фабриканты продуктов питания, подобно тому как есть фабриканты пряжи и бумажной ткани; помещики же должны исчезнуть. Словом, не должно быть никаких политических или социальных ограничений, установлений или монополий, кроме тех, которые вытекают из «вечных законов политической экономии», т. е. из тех условий, при которых капитал производит и распределяет.

Лозунгом этой партии в ее борьбе против старых английских учреждений — этого продукта устаревшего, быстро уходящего в прошлое периода социального развития — является: *«производить как можно дешевле и устранить все faux frais* (непроизводительные

издержки) *производства!*» С этим лозунгом они обращаются не только к отдельным частным лицам, но и главным образом *ко всей нации.*

Королевская власть со своим «варварским блеском», со своим двором, своим «цивильным листом» и толпой лакеев принадлежит к числу *faux frais* производства. Нация может производить и обменивать продукты и без короля; поэтому долой корону! Синекуры дворянства, палата лордов — все это *faux frais* производства. Большая постоянная армия — *faux frais*. Колонии — *faux frais*. Государственная церковь со своими богатствами, накопленными при помощи грабежа и попрошайничества, — точно так же *faux frais*. Пусть священники свободно конкурируют между собой, и пусть каждый им платит, сколько хочет. Весь громоздкий аппарат английского законодательства, со своим Канцлерским судом, — все это *faux frais*. Национальные войны — *faux frais*. Англия сможет с меньшими затратами эксплуатировать чужие нации, если она будет с ними жить в мире.

Дело в том, что этим передовым борцам британской буржуазии, сторонникам манчестерской школы, каждое учреждение «старой Англии» кажется с точки зрения машинного производства столь же разорительным, сколь и бесполезным, не имеющим никакой другой цели, кроме того, чтобы мешать нации производить как можно больше и как можно дешевле и свободно выменивать свои продукты. Их последним словом является, конечно, буржуазная республика, в которой во всех областях господствует полная свобода конкуренции и в которой остается лишь тот минимум правительственной власти, который необходим для внешнего и внутреннего управления, в соответствии с классовыми интересами и делом (*business*) буржуазии; но и этот минимум должен быть организован как можно проще и экономнее. В других странах такую партию назвали бы *демократической*. Но она по необходимости должна быть революционной и должна сознательно или бессознательно привести к полному уничтожению «старой Англии» как аристократического государства. Ее ближайшей целью является проведение парламентской реформы, благодаря которой она могла бы захватить в свои руки ту законодательную власть, которая необходима для подобного рода революции.

Но британские буржуа, это — не то, что легко возбудимые французы. Если им и хочется добиться парламентской реформы, то они для этого еще не устраивают февральских революций. Напротив. Когда в 1846 году отменой хлебных законов была достигнута огромная победа над земельной аристократией, они ограничи-

лись тем, что прикарманили себе доставшиеся им материальные выгоды, не сделав в то же время из своей победы необходимых политических и экономических выводов и дав тем самым вигам возможность снова овладеть своей наследственной монополией управления. За все время от 1846 г. до 1852 г. они выставляли себя насмех своим боевым кличем: *«Великие принципы и практические (т. е. малые) дела!»* Почему они так поступали? Да потому, что при всяком насильственном перевороте они вынуждены были бы апеллировать к *рабочему классу*. Но если они в аристократии видят своего умирающего противника, то в рабочем классе они видят своего нарождающегося врага. И они предпочитают вступить в сделку с слабеющим, уходящим в прошлое противником, нежели усиливать не показными, а реальными уступками и без того все усиливающегося врага, которому принадлежит будущее. Поэтому они стараются избежать скольконнибудь резких столкновений с аристократией. Но историческая необходимость и тории все же толкают их вперед. Они неизбежно должны выполнить свою миссию и уничтожить «старую Англию», Англию прошлого. С того момента, когда они окажутся единственными обладателями политической власти, когда экономическая мощь и политическая власть сосредоточатся в одних и тех же руках и поэтому борьба против капитала сольется с борьбой против существующего правительства, — с этого момента поведет начало *социальная революция в Англии*.

Обратимся теперь к чартистам, этой политически активной части британского рабочего класса. Шесть пунктов той *хартии*, за которую они борются, не содержат в себе ничего, кроме требования *всеобщего избирательного права* и тех условий, которые необходимы для того, чтобы всеобщее избирательное право не стало иллюзорным для рабочего класса; этими условиями являются, например: тайное голосование, оклады для членов парламента, ежегодные выборы. Но всеобщее избирательное право обозначает для рабочего класса Англии политическое господство. Пролетариат образует здесь огромное большинство населения; в ряде долгих, хотя и не явных, гражданских войн он выработал себе ясное сознание своего классового положения. И даже в сельских округах не осталось больше крестьян: там имеются помещики, производители-капиталисты (арендаторы) и наемные рабочие. Введение всеобщего избирательного права было бы для Англии завоеванием, в котором было бы гораздо больше социалистического духа, нежели в любом мероприятии, которому на континенте присваивается это почетное имя.

Его неизбежным результатом явилась бы *политическая гегемония рабочего класса!*

Чтобы получить избирательное право в британский парламент, избиратель должен владеть в городе домом, ежегодный доход с которого при раскладке налога в пользу бедных определен не ниже 10 фунтов стерлингов; в графствах избирательным правом пользуются землевладельцы (freeholders), получающие ежегодно ренту не ниже 40 шиллингов, и арендаторы (leaseholders), уплачивающие, по меньшей мере, ежегодную ренту в 50 фунтов стерлингов. Отсюда уже вытекает, что чартисты официально могли принять лишь незначительное участие в только что закончившейся избирательной борьбе. Но чтобы объяснить, каким же образом они все-таки принимали в ней участие, я должен упомянуть об особенности английской избирательной системы, различающей: день выставления кандидатов (nomination day) и день голосования (declaration day). Поднятие рук и голосование!

Когда кандидаты выступают в день выборов и публично обращаются к народу, они в первой инстанции избираются поднятием рук. Каждая рука может подняться, безразлично, принадлежит ли она избирателю или неизбирателю. Тот, за кого поднялось наибольшее число рук, объявляется комиссаром по выборам временно избранным. Но теперь медаль поворачивается своей оборотной стороной. Избрание посредством поднятия рук представляло лишь пустую формальность, акт вежливости по отношению к «суверенному народу». Вежливость кончается, как только опасность начинает угрожать привилегиям. Ибо, если избрание поднятием рук падает не на кандидатов привилегированных избирателей, то эти кандидаты требуют голосования, в котором имеют право участвовать уже лишь привилегированные избиратели, и только тот, кто при голосовании получает большинство голосов, считается законно избранным. Первое избрание поднятием рук представляет собой не что иное, как видимость уступки, которую делают общественному мнению лишь для того, чтобы в ближайшую минуту тем сильнее напомнить ему об его бессилии.

Могло бы, пожалуй, показаться, что это избрание поднятием рук, эта опасная формальность изобретена лишь с той целью, чтобы сделать смешным вообще избирательное право и позволить себе невинную аристократическую шутку за счет «черни» (как обыкновенно выражается майор Бересфорд, военный министр). Но то была бы ошибка. Традиция, вытекающая из старых обычаев, общих всем германским народам, могла продержаться до девятнадцатого сто-

летия только благодаря тому, что она без больших издержек и без опасных осложнений придает британскому классовому парламенту видимость народности. Для господствующих классов этот обычай имел тот приятный результат, что народ более или менее горячо защищал их частные интересы в качестве своих национальных интересов. И только тогда, когда буржуазия начала занимать самостоятельное положение по отношению к обеим официальным партиям — вигов и ториев, — рабочий класс также начал самостоятельно выступать в дни выборов. Однако никогда раньше день выборов и день голосования не различались один от другого так ясно, никогда противоположность их принципов не определялась так резко, никогда это не было таким угрожающим и повсеместным явлением, как на последних выборах 1852 г. И какие проявились различия! Кто был намечен поднятием рук, непременно проваливался при голосовании. А кто получал большинство при голосовании, того народ уже обязательно встречал гнилыми яблоками и камнями. Избранным по всей форме закона членам парламента приходилось не мало возиться с приведением в безопасность своего собственного парламентского телесного «я». На одной стороне стояло большинство народа, а на другой — двенадцатая часть всего населения и пятая часть всего взрослого мужского населения страны. На одной стороне — энтузиазм, на другой — подкуп. На одной стороне — партии, отрекающиеся от своих собственных отличительных черт: либералы, которые проповедывали консервативные идеи, и консерваторы, которые проповедывали либерализм; на другой — народ, заявивший о своем существовании и защищающий свое собственное дело. На одной стороне — износившаяся машина, которая вечно вращается в своем порочном кругу и при этом не может сделать ни одного шага вперед, и бессильный процесс постоянных трений, в котором все официальные партии медленно перемалывают друг друга в пыль; на другой — масса шествующей вперед нации, угрожающая разорвать порочный круг и уничтожить официальную машину.

Я не собираюсь проследить по всей стране контраст между поднятием рук и голосованием, между угрожающим поведением рабочего класса на выборах и трусливыми избирательными маневрами господствующего класса. Из многих избирательных округов я хочу взять для примера только один, в котором эта противоположность концентрируется, как в фокусе; я имею в виду выборы в Галифаксе. В качестве кандидатов там выступали торий Эдвардс, виг сэр Чарльз Вуд, бывший министр финансов и зять графа Грея, манчестерец Френсис Кросли и, наконец, Эрнест Джоне, наиболее

одаренный, энергичный и последовательный представитель чартизма. Галифакс — фабричный город, и потому торий с самого начала имел мало шансов. Кросли, сторонник манчестерцев, соединился с вигом, и таким образом настоящая борьба разыгралась между Вудом и Джонсом, между вигом и чартистом.

Сэр Чарльз Вуд говорил около получаса, начало и вторую половину его речи нельзя было разобрать из-за громких возгласов неодобрения со стороны несметной человеческой массы. По отчету сидевшего близко репортера, его речь содержала только краткий обзор уже проведенных фритредерских реформ, нападки на правительство лорда Дерби и хвалебный гимн «беспримерному процветанию страны и народа». (Слушайте, слушайте!) Он не предложил ни одной новой реформы и лишь весьма робко в немногих словах упомянул о билле лорда Джона Росселя о расширении избирательного права.

Так как ни одна из больших буржуазных газет Лондона не передает полностью речи Эрнеста Джонса, то я хочу остановиться здесь на ней несколько подробнее.

Встреченный с громадным энтузиазмом, Эрнест Джонс сказал: «Избиратели и неизбиратели!

«Вы собрались сюда по великому и торжественному случаю. Конституция признает сегодня всеобщее избирательное право в теории, может быть, для того, чтобы завтра отказаться от него на практике. Перед вами стоят сегодня представители двух систем, и вам надлежит решить, которая из них должна управлять вами в течение ближайших семи лет. Семь лет — это почти целая небольшая жизнь! Я призываю вас, подумайте на пороге этих семи лет, дайте им спокойно и медленно протечь перед вашим духовным взором. Скажите свое решающее слово сегодня вы, двадцать тысяч человек, забыв о том, что завтра пятьсот человек могут ваши решения отменить. (Слушайте, слушайте!) Я сказал, что перед вами стоят представители двух систем. Налево от меня стоят виги, тории и капиталисты — по существу между ними нет никакой разницы. Капиталист-торговец говорит, что надо дешево покупать и дорого продавать. Торий говорит, что надо дорого покупать и еще дороже продавать. Таким образом, для рабочего они оба одинаковы. Но в настоящее время система первого берет перевес, и она приносит с собою растущее обнищание. Она покоится на конкуренции с заграницею. Но я утверждаю, что при этой системе дешевой закупки и дорогой продажи, системе, покоящейся на конкуренции с заграницею, разорение рабочего класса и мелких торговцев должно неудержимо про-

должаться. А почему? Труд есть создатель всех богатств. Для того, чтобы выросло хотя бы одно зернышко или был выткан хоть один локоть ткани, человек должен трудиться. Но в этой стране для рабочего человека нет никаких независимых занятий. Труд является товаром, который отдается в наем, труд превратился в предмет рыночной купли-продажи, и так как труд создает всякое богатство, то его и приходится прежде всего покупать. «Покупайте дешево, покупайте дешево!» Труд покупается на самом дешевом рынке. Но с другой стороны: «Продавайте дорого, продавайте дорого!» Что продавать? *Продукт труда*. И кому? Не за границе, о нет! *Самому рабочему*. Ибо труд работает не на себя, и рабочий не имеет никакой доли в продукте своего труда. «Покупайте дешево, продавайте дорого!» Покупайте дешево труд рабочего и продавайте дорого тому же рабочему продукт его собственного труда! Что рабочий должен при этом потерять, — лежит в самой сущности этой сделки. Предприниматель дешево покупает труд. Он продает, и при этом должен получить прибыль. Он продает самому рабочему, — и в результате каждая сделка между предпринимателем и нанимающимся представляет собою явный обман со стороны предпринимателя. Так труд от постоянных потерь падает все ниже и ниже, а капитал от постоянных обманов поднимается все выше и выше. Но описываемая система не ограничивается одним этим. *Она распространяется также и на заграничную конкуренцию, т. е. мы должны убить торговлю других стран, как разорили уже свой собственный труд*. Как это сделать? Страна с высокими пошлинами должна продавать дешевле, нежели страна с более низкими пошлинами. Но заграничная конкуренция постоянно возрастает; поэтому должна в равной мере возрасти и дешевизна. А отсюда следует, что заработная плата в Англии должна непрерывно падать. Каким образом это достигается? *Посредством прибавочного труда*. А каким образом создается последний? *Посредством монополии на землю, которая гонит на фабрики рабочие руки в большем количестве, чем это там требуется; посредством монополии на машины, которая гонит эти рабочие руки на улицу; посредством женского труда, который отесняет от ткацкого станка мужчину, и посредством детского труда, который в свою очередь прогоняет от челнока женщину*. И поставив ногу на этот живой базис прибавочной стоимости, попирая ногами измученные сердца, громко провозглашают приговор, осуждающий их на голодную смерть. «Кто хочет работы? Пол-хлеба лучше, чем ничего!» И измученная масса жадно соглашается на всякое предложение. (Громкое: слушайте, слушайте!) Так обращаются с рабочими.

Но как это отражается на вас, избиратели? Как это влияет на внутреннюю торговлю, на мелких торговцев, на налог в пользу бедных и на налоги вообще? Всякое усиление заграничной конкуренции должно быть уравновешено ростом дешевизны на родине. Возрастающая дешевизна труда должна каждый раз основываться на увеличении прибавочного труда, а последнее достигается увеличением числа машин. Я снова спрашиваю, как же это отражается на вас? Манчестерский либерал, стоящий налево от меня, вводит новое изобретение и выбрасывает на мостовую триста человек безработных. Мелкие торговцы! Вы потеряли триста покупателей. Плательщики налогов! Это триста новых нищих. (Громкое: слушайте, слушайте!) Но поверьте мне, это еще не все. Эти триста человек в свою очередь понижают заработную плату тех, которые остались при своей прежней работе. Предприниматель говорит: «Теперь я понижаю вашу заработную плату». Рабочие в нерешительности. Тогда он прибавляет: «Видите ли вы этих триста человек, которых я только что выбросил на улицу? *Если угодно, вы можете поменяться с ними местами*, они готовы вернуться на любых условиях, ибо иначе им придется умереть с голоду». Рабочие видят, что он прав, и покоряются. О ты, манчестерский либерал, фарисей в политике! Перед лицом этих людей, которые слушают нас здесь, ты должен дать мне ответ. Ибо я еще не кончил! Беда еще не вся. Люди, вытесненные из своей первоначальной профессии, пытаются найти занятия в других отраслях, чрезмерно увеличивая этим предложение труда и понижая заработную плату. Профессии, плохо оплачиваемые сегодня, оплачивались раньше хорошо, а хорошо оплачиваемые сегодня будут завтра оплачиваться плохо. Так покупательная сила рабочего класса уменьшается с каждым днем, и торговля внутри страны падает все ниже. Запомните это, торговцы! Ваши покупатели становятся беднее, ваша прибыль уменьшается, зато ваши нищие становятся все многочисленнее, а ваши налоги и платежи в пользу бедных все выше и выше. Ваши доходы падают, ваши расходы увеличиваются. Вы получаете меньше и платите больше. Как вам нравится эта система? Богатый фабрикант и землевладелец стараются всю тяжесть налогов и платежей в пользу бедных переложить на вас. Вам, людям среднего достатка, приходится платить налоги за богатых. Они вызывают бедность, создающую их богатства, и заставляют вас оплачивать расходы, связанные с этой, ими созданной, бедностью. Землевладелец ускользает от налогов благодаря своим привилегиям, фабрикант — благодаря тому, что он покрывает свои убытки за счет заработной платы своих рабочих. А вся тяжесть ложится на вас.

Как нравится вам эта система? Это та система, которую практикуют господа, сидящие налево от меня. Но вы спросите: что же я вам со своей стороны предлагаю? Я разоблачил перед вами несправедливость; это уже кое-что значит. Но я хочу сделать больше. Я стою здесь перед вами, чтобы показать вам, в чем правда, и просветить вас на этот счет». (Громкие одобрения.)

После этого Эрнест Джонс стал развивать свои собственные взгляды на политические и экономические реформы и затем продолжал: «Избиратели и неизбиратели, я сейчас изложил вам некоторые из социальных и политических реформ, за немедленное проведение которых я выступаю сейчас, как уже выступал в 1847 году. Но за то, что я хотел расширить *ваши* свободы, я был лишен *своей* свободы. (Слушайте, слушайте!) За то, что я хотел построить для вас всех храм свободы, меня, как преступника, бросили в тюремную клетку. И здесь, налево от меня, сидит один из моих самых суровых тюремщиков. (Громкий продолжительный ропот на левой стороне.) За то, что я хотел открыть уста истины, я был присужден к молчанию. Два года и одну неделю меня держали в тюрьме, в одиночной камере, при режиме обязательного молчания, без чернил, пера и бумаги, — но зато я имел право «щипать паклю». Обращаясь к Чарльзу Вуду, Джонс продолжает: «Два года и одну неделю вы торжествовали, теперь пришел мой день! Пусть в сердцах всех присутствующих здесь англичан восстанет мститель за меня. (Громкий гул одобрения.) Прислушайтесь! Не слышите ли вы шума крыльев духа мести над бушующим морем толпы? (Новые продолжительные одобрения.) Мне возражат, что это частное дело, но это не так. (Слушайте, слушайте!) Это не частное дело, ибо кто не имеет сочувствия к жене арестованного, тот не может сочувствовать и жене рабочего. Кто не сочувствует детям заключенного в тюрьме, тот не может сочувствовать также детям невольника труда. (Слушайте, слушайте! и громкие одобрения.) Его прошлое доказывает это, его сегодняшние обещания этого не опровергают. Кто голосовал за насильственные законы против Ирландии, за удушение ирландской прессы? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал пятнадцать раз против предложения Юма о расширении избирательного права, против предложения Локка Кинга о понижении избирательного ценза в сельских округах, против предложения Юарта о коротких парламентах, против предложения Беркли о введении тайного голосования? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против освобождения Фроста, Вильямса и Джонса? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против расследования жестокостей в колониях и в пользу Уорда и Торрингтона, тиранов

Ионических островов и Цейлона? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против уменьшения содержания герцога Кембриджа в двенадцать тысяч фунтов стерлингов, против всякого сокращения расходов на армию и флот, против отмены пооконного налога? Кто голосовал сорок восемь раз против понижения всех других налогов, включая его собственное жалованье? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против отмены налога на бумагу и объявления и за налог на знание? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал за новые епископские кафедры, за новые викариаты, за увеличение субсидии на Maunooth¹ и против ее уменьшения и против освобождения диссентеров от церковных налогов? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против всякого расследования фальсификации пищевых продуктов? Виг! Кто голосовал против понижения налога на сахар и против отмены налога на солод? Виг! Кто голосовал против сокращения ночной работы булочников, против анкеты о положении чулочников, против врачебного надзора за работными домами, против запрещения работы маленьких детей до 6 часов утра, против поддержки общинами бедных беременных женщин и против десятичасового рабочего дня? Виг! Вот он! Долой его! Долой его во имя бога и человечности! Граждане Галифакса! Граждане Англии! Обе системы теперь ясны вам. Судите и выбирайте!» Энтузиазм, вызванный этой речью, в особенности ее заключительной частью, с трудом поддается описанию. Толпа, слушавшая, затаив дыхание, гремела в каждой паузе, подобно грохоту волн, и грозила смести представителей вигизма и классового господства. То была незабываемая для каждого сцена. При поднятии рук за сэра Чарльза Вуда голосовали лишь отдельные, повидимому запуганные и подкупленные лица. За Эрнеста Джонса поднялись обе руки почти всех присутствующих при неописуемых ликованиях и нескончаемых одобрениях.

Мэр объявил избранными поднятием рук Эрнеста Джонса и Генри Эдвардса. Тогда Чарльз Вуд и Кросли потребовали голосования. И случилось так, как Джонс предсказал заранее: он был избран 20 000 голосов, но виг сэр Чарльз Вуд и манчестерец Кросли были 500 голосами посланы в парламент.

¹ Королевский католический колледж, построенный в Maunooth (Ирландия) по постановлению парламента. *Ред.*

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ.

Лондон, 20 августа 1852 г.

Перед тем, как разойтись, последний парламент решил преградить своим преемникам путь в парламент возможно большим количеством препятствий. Он проголосовал драконовский закон против подкупов, запугиваний и нечестных избирательных приемов вообще. Был выработан длинный список самых подробных и назойливых вопросов, которые на основании этого закона могут быть предложены инициаторам избирательного протеста или избранным депутатам парламента. Они могут быть опрошены под присягой о том, кто были их агенты и какого рода связи они имели с ними. Их можно опросить и заставить дать сведения не только о том, что они знают, но даже о том, что они «предполагают, думают, допускают», например сколько денег было израсходовано на их выборы ими или другими, с их ли согласия или без него. Словом, ни один кандидат не в состоянии выдержать это удивительное испытание огнем без риска впасть в клятвопреступление, если только он имеет хотя бы малейшее подозрение в том, что кто-нибудь допустил ради него поругание закона.

Если бы даже этот закон исходил из предположения, что новые законодатели присвоят себе такую же свободу, как духовные лица, которые подписываются под *всеми* 39 статьями веры, хотя верят лишь в некоторые из них, — то и тогда остается еще достаточно пунктов, чтобы считать этот парламент наиболее девственным собранием из всех, которые когда-либо вели прения и вотировали законы для трех королевств. Если сравнить этот закон и непосредственно последовавшие за ним выборы, то ториям будет обеспечена та бесспорная слава, что при их господстве была теоретически установлена величайшая строгость нравов для выборов, а практически допущена величайшая избирательная коррупция. «Новые выборы продолжаются, и в их ходе разыгрываются *сцены подкупов, коррупции, насилия, пьянства и смертоубийств*, не имеющих примера с того времени, когда еще неограниченно господствовала старая

монополия ториев. Нам сообщают о солдатах, которые с заряженными ружьями и примкнутыми штыками насильно хватали либеральных избирателей и на глазах у землевладельцев заставляли их голосовать против своих убеждений; о солдатах, которые, хладнокровно целясь, стреляли в толпу, выражавшую сочувствие избирателям, подвергавшимся насилию, и прибегали к массовому убийству этих, не оказывавших ни малейшего сопротивления, людей (намек на события в Сикс Майль Бридже; в Лимерике [в графстве Клер]). Нам, может быть, возразят: ах, это было в Ирландии. Да, а в Англии пользовались полицейскими для того, чтобы разрушать трибуны противников; высылались организованные банды темного сброда, которые устраивали заставы на улицах, чтобы запугивать и перехватывать либеральных избирателей; были открыты настоящие клоаки пьянства; лилось дождем золото коррупции, как, например, в Дерби, и почти в каждой спорной местности делались систематические попытки запугивания».

Так пишет Эрнест Джонс в «People's Paper». После еженедельника чартистов дадим слово самому трезвому, благоразумному и умеренному органу промышленной буржуазии, «London Economist».

«Мы утверждаем, что во время этих всеобщих выборов было пущено в ход больше *насилия, коррупции, запугивания* и проявилось больше *фанатизма и разгула*, чем когда-либо раньше в подобных случаях. На этот раз прибегали к подкупам больше, чем в прежние годы... Самая пылкая фантазия вряд ли может представить себе, в какой мере запугивали и всяческим образом незаконно влияли на избирателей... Если мы соединим все это вместе: скотское пьянство, низкие интриги, массовую коррупцию, варварские попытки запугать избирателей, забрасывание грязью доброго имени кандидатов, разорение честных избирателей, обольщение и обещание наиболее слабохарактерных среди них, ложь, козни, клевету, неприкрыто и бесстыдно выставляемую напоказ среди бела дня, осквернение священных слов, оклеветание честнейших имен, — то мы можем только в ужасе остановиться перед этой огромною гекатомбою уничтоженных тел и погубленных душ, на вершине которой высится новый парламент».

Запугивание и коррупция производились традиционным образом — путем прямого давления со стороны правительства. Так, в Дерби у одного агента по выборам, пойманного с поличным при попытке подкупа, было найдено письмо военного министра Бересфорда, в котором последний открывает ему у одной торговой фирмы

кредит на избирательные расходы. «Pool Herald» печатает циркуляр адмиралтейства, подписанный главным начальником одной морской станции и обращенный к офицерам запаса. В нем рекомендуется подавать свои голоса за министерских кандидатов. В Корке, Бельфасте и Лимерике прямо применялась вооруженная сила (в последнем месте убито восемь человек). Землевладельцы угрожали своим арендаторам изгнанием, если они будут голосовать не так, как они; сельские агенты лорда Дерби первые стали на этот путь. Лавочникам угрожали потерей клиентуры, рабочим — увольнением, был пущен в ход алкоголь и т. д.

К этим светским средствам коррупции тории прибавили еще *духовные*. Была выпущена королевская прокламация против римско-католических процессий, чтобы разжечь ханжество и религиозную ненависть; повсюду раздавался клич: «Долой папство!» (No popery!) Одним из результатов этой прокламации были беспорядки в Стокпорте. Само собою понятно, что ирландские священники старались отразить это нападение подобным же оружием.

Не успели закончиться выборы, как к одному из королевских прокуроров поступили уже из двадцати пяти местностей прошения об аннулировании выборов в парламент по причине подкупа и запугивания. Дерби, Кокермоут, Барнстепль, Гарвич, Кентербери, Ярмут, Вэвфилд, Бостон, Ходдерсфильд, Виндзор и многие другие местности подали подобного рода протесты против избранных депутатов и внесли издержки на ведение дела. Уже установлено, что не менее восьми или десяти депутатов, сторонников Дерби, будут лишены своих мандатов в результате этих протестов.

Главным местом, где разыгрывались эти сцены подкупов, коррупции и запугивания, были, конечно, сельские округа и зависящие от паров местечки (boroughs); в 1831 году виги напрягли все свое остроумие для того, чтобы сохранить в билле о реформе эти последние в возможно большем числе.

Масса избирателей больших городов и густо населенных фабричных округов представляет собою, благодаря некоторым своим особым свойствам, весьма неблагоприятную почву для таких избирательных маневров.

В Англии дни выборов издавна являлись вакханалией пьяного разгула, обычными биржевыми сроками для учета политических убеждений, временем богатейшей жатвы для трактирщиков. Вполне правильно замечает одна английская газета: «Не может быть, чтобы эти постоянно возвращающиеся сатурналии не оставили длительных следов своего губительного действия». Вполне естественно. Ибо

действительно, это — сатурналии в древне-римском смысле слова. И там господин делался рабом, а раб — господином. Но когда раб делается господином только на один день, то в этот день неограниченно господствует грубость. Господами были высшие представители господствующих классов или части этих классов, рабами же являлась масса тех же классов, т. е. привилегированные избиратели окружены массою неизбирателей, тех тысяч, единственное назначение которых состоит в том, чтобы быть попутчиками, и поддержка которых путем голосования или поднятия рук всегда желательна, хотя бы только ради театрального эффекта. Если проследить историю английских выборов за сто лет или больше, то хочется задать вопрос не о том, почему английские парламенты были так плохи, а, наоборот, каким образом им все же удалось быть даже такими, каковы они были, и отражать, хотя бы и неясно, действительное движение английского общества, — совершенно так же, как иногда и противникам представительной системы приходится удивляться, когда они открывают, что законодательные собрания, в которых, казалось бы, решающим должно являться только абстрактное большинство, только соотношение чисел, тем не менее часто принимают решения в соответствии с требованиями положения, по крайней мере в период своей полной жизненной силы. При самом сильном логическом напряжении никогда нельзя будет из простого арифметического соотношения чисел вывести необходимость вотума, соответствующего действительному положению вещей. Но из данного положения вещей само собою вытекает необходимость определенного соотношения депутатов. Ибо традиционный подкуп на английских выборах представлял собою не что иное, как форму, — столь же грубую, сколь и наглядную, — в которой проявлялась относительная сила борющихся партий. Средства воздействия и господства, которые они в других случаях пускали в ход в *нормальной* форме, здесь, в продолжение нескольких дней, применялись в ненормальной и более или менее преувеличенной форме. Но предпосылка в обоих случаях все та же, а именно, что кандидаты соперничающих партий представляют интересы массы избирателей, а привилегированные избиратели, в свою очередь, — интересы массы неизбирателей, или, вернее, что эта масса, лишенная избирательных прав, еще не имеет своих особых интересов. Для того, чтобы дельфийские жрицы могли найти своего оракула, их святилище должно было быть окружено туманами. Британский народ должен затуманить свое сознание водкою и портером, дабы быть в состоянии найти своих оракулов-законодателей. А где нужно было искать этих оракулов — было ясно само собою.

С того момента, как промышленные и торговые средние классы, т. е. буржуазия, выступили в качестве официальной партии рядом с вигами и ториями, и особенно со времени билля о реформе 1831 г. взаимное положение классов и партий решительно изменилось. Буржуа не признавали дорого стоящих избирательных маневров, этих *faux frais* общих выборов. Они нашли, что гораздо дешевле оспаривать поле сражения у землевладельческой аристократии при помощи общих моральных средств, чем при помощи личных денежных средств. С другой стороны, они сознавали себя представителями общих интересов, господствующих в современном обществе. Поэтому они были в состоянии требовать, чтобы избиратели руководились своими общими национальными интересами, а не личными местными мотивами; и чем больше они переходили к этому требованию, тем больше отживший способ воздействия на избирателей, именно в силу состава массы избирателей, ограничивался сельско-аристократическими округами и терял смысл по отношению к средним классам. Таким образом буржуазия боролась за принцип моральных выборов и заставляла принимать направленные к этому законы, из которых каждый в отдельности имел целью служить барьером против местных влияний аристократических землевладельцев.

И действительно, с 1831 г. подкуп принял более цивилизованные, более скрытые формы, и общие выборы происходили в более трезвой обстановке, чем раньше. Народные массы перестали, наконец, быть простым хором, который принимал более или менее близко к сердцу борьбу официальных героев, метавших жребий между собою, и бурно участвовал в вакхическом ликовании по поводу сотворения парламентских божков, — как *куреты* при рождении Юпитера — хором, который за это участие в прославлении героев заставлял себя угощать золотом и яствами. Чартисты грозною толпою окружили всю арену, на которой должна была разыгаться официальная избирательная борьба, и подозрительно следили за каждым движением внутри этого круга. При таких условиях выборы 1852 года должны были возбудить всеобщее негодование и впервые вырвать даже у консервативного «Times'a» несколько слов в защиту всеобщего избирательного права, между тем как широкие массы британского пролетариата сказали себе: «Враги реформы дали самые лучшие аргументы в ее пользу. Так вот как выглядят выборы при режиме классового господства, так вот какая получается палата общин при этой избирательной системе!»

Чтобы вполне понять способ подкупа, коррупции, запугивания,

который практиковался во время последних выборов, необходимо обратить внимание на одно обстоятельство, действовавшее в том же направлении.

Анализируя общие выборы, происходившие после 1831 г., мы видим, что чем больше усиливалось давление лишенного избирательных прав большинства населения на круг привилегированных избирателей и чем громче средние классы требовали расширения числа избирателей в рядах рабочего класса, чтобы уничтожить всякий след подобного привилегированного круга, тем число избирателей, действительно принимавших участие в голосовании, все более уменьшалось, и избирательный корпус таким образом все более и более суживался.

Это никогда не обнаруживалось так ясно, как на последних выборах.

Возьмем для примера Лондон. В Сити число избирателей равняется 26 728; из них голосовали только 10 000. В округе Тоуэр-Гамлет были внесены в списки 23 534 избирателя, из них голосовали только 12 000. В Финсберне из 20 025 избирателей голосовало менее половины. В Ливерпуле, где разыгралась одна из наиболее оживленных избирательных кампаний, из 17 433 внесенных в списки избирателей голосовали лишь 13 000. Этих примеров достаточно. Что они доказывают? Что в среде привилегированных избирателей растет апатия. А что доказывает эта апатия? То, что эти избиратели изжили себя, что они потеряли всякий интерес к своему собственному политическому существованию. Но это никоим образом не значит, что они стали равнодушны к политике вообще; эта апатия относится только к тому роду политики, когда все возможности исчерпываются вопросами, прогонят ли тории вигов или виги одолеют ториев. Масса избирателей инстинктивно чувствует, что решение не зависит уже более ни от парламента ни от тех, кто его выбирает. Кто отменил законы о хлебных пошлинах? Конечно, не избиратели, голосовавшие за протекционистский парламент, ни тем менее сам этот протекционистский парламент. Это сделало единственно и исключительно давление извне. Об этом давлении извне, о воздействии на парламент другими средствами, кроме одного только голосования, думает теперь уже большая часть самих избирателей. В действующем до сих пор законе о способе голосования они усматривают устарелую формальность, и в тот момент, когда парламент захотел бы сопротивляться давлению извне и навязать нации законы, составленные в духе этого ограниченного круга избирателей, они примкнули бы к общему штурму против всей этой устарелой системы.

Поэтому подкуп и запугивание, практиковавшиеся ториями, были лишь насильственной попыткой гальванизировать труп избирателя, который стал неспособным создать что-либо положительное и не может дать ни решающих результатов выборов, ни истинно национального парламента. Что получилось в результате этого? Старый парламента был распущен, ибо он к концу своей жизни распался на ряд отдельных мелких фракций, обрекавших друг друга на полнейшее бессилие. Новый же парламента начинается там, где кончил старый. Это — мертворожденное дитя.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ.

Лондон, 27 августа 1852 г.

Обратимся к результатам последних общих выборов.

Если мы объединим под общим именем «оппозиции» вигов, фри-тредеров и «пилитов» и противопоставим их всех, вместе взятых, ториям, то увидим, что на составе нового парламента ясно отражается великая противоположность между городом и деревнею, на которую мы уже раньше указывали. В Англии были избраны: в городских избирательных округах 104 сторонника министерства и 215 сторонников оппозиции, а в сельских — 109 первых и лишь 32 последних. Из сельских округов, этой крепости ториев, должны быть исключены наиболее богатые и влиятельные: Уэст-Ридинг в Йоркшире, южный Ланкашир, Миддльсекс, восточный Серри и другие, на которые падает четыре из десяти миллионов сельского населения, не считая тамошних городов, посылающих отдельных депутатов в парламент.

В *Уэльсе* результаты выборов в городе и деревне диаметрально противоположны: город избрал 10 сторонников оппозиции и 3 сторонников министерства, сельские округа — 11 сторонников министерства и 3 депутатов оппозиции.

В *Шотландии* это различие проявляется наиболее ярко. В городах избранным 25 депутатам оппозиции не противостоит ни один сторонник министерства. Сельские округа послали 14 сторонников министерства и 13 депутатов оппозиции.

В *Ирландии* отношение иное, чем в других частях Великобритании. В Ирландии национальная партия сильнее всего в деревне, где население находится под прямым влиянием католического духовенства, в то время как в городах севера преобладает элемент английский и протестантский. Настоящим центром оппозиции является здесь деревня, хотя при теперешней системе выборов это не может так резко проявиться. В Ирландии города выбрали 14 сторонников министерства и 25 сторонников оппозиции, а сельские округа — 24 первых и 35 последних.

Если спросят, какая же партия победила на выборах, то надо сказать, что, собственно говоря, все вместе победили ториев, ибо последние получили меньшинство, несмотря на пущенные ими в ход подкупы, запугивания и правительственное давление. По самым точным сведениям избрано: 290 сторонников министерства, 337 либералов или объединенной оппозиции и 27 сомнительных. Если даже причислить эти 27 сомнительных к сторонникам министерства, то оппозиция все же сохраняет еще большинство в 20 человек. Между тем, тории рассчитывали иметь большинство, по крайней мере, в 336 человек. Но даже не говоря о численных соотношениях, поражение ториев несомненно уже потому, что их руководящие вожди вынуждены были отказать от своих протекционистских принципов. Из 290 сторонников Дерби 20 высказались против всяких охранительных пошлин, а из остальных многие, в том числе сам Дизраэли, высказались против хлебных пошлин. Лорд Дерби уверял в своих парламентских заявлениях, что поведет в Англии другую торговую политику, лишь когда сможет опереться на значительное большинство. Так мало ему приходило в голову, что он может остаться в меньшинстве. Но если результаты выборов совершенно не соответствуют пылким ожиданиям ториев, то, с другой стороны, они гораздо благоприятнее для них, чем того ожидала оппозиция.

Ни одна партия не потерпела столь позорного поражения, как виги, и как раз в той области, где они были сильнее всего — в вопросе о перевыборах их прежних министров. Масса вигов смешивается, с одной стороны, с фритредерами, а с другой — с пилитами. Но настоящий жизненный принцип английских вигов концентрируется в личности ее официального главы. Правда, глава последнего министерства вигов, лорд Джон Россель, переизбран в городе Лондоне; но на выборах в Сити в 1847 году кандидат ториев м-р Мастерман получил на 415 голосов меньше лорда Росселя. В 1852 году он получил на 819 голосов больше лорда Росселя и вообще имел наибольшее число голосов. Одиннадцать членов последнего министерства вигов потеряли свои места в парламенте, а именно: сэр В.-Г. Крейг, лорд казначейства, Р.-М. Беллью, лорд казначейства, сэр Д. Дендас, верховный судья Шотландии, сэр Дж. Грей, министр внутренних дел, Дж. Гетчиль, обер-прокурор Ирландии, Дж. Корнуэль-Льюис, секретарь казначейства, лорд К.-Э. Педжет, секретарь адмиралтейства, сэр В. Соммервиль, министр для Ирландии, адмирал Стюарт, лорд адмиралтейства; к ним еще надо причислить м-ра Реннеля, прежнего председателя комиссий. Словом, со времени издания закона о реформе виги не терпели столь решительного поражения.

Пилиты, число которых было уже в прежнем парламенте весьма незначительно, еще больше уменьшились в числе, и некоторые из их наиболее влиятельных вождей потеряли свои мандаты, как Кардуэль, Юарт (оба от Ливерпуля), Грин (Ланарк), лорд Мегон (Гертфорд), Раундель Пальмер (Плимут) и т. д. Наибольшую сенсацию вызвало поражение Кардуэля. Не только потому, что представленный им город столь важен, но и благодаря его отношениям к покойному сэру Р. Пилю, литературными душеприказчиками которого были он и лорд Мегон. Кардуэль потерпел поражение, потому что защищал отмену Навигационного акта и не принимал участия в кампании против католиков, а в Ливерпуле церковь и государство имели исключительное влияние на выборы. «Эта столь деловая и столь стяжательская община, — замечает по этому поводу одна фритредерская газета, — имеет слишком мало времени, чтобы культивировать религиозные чувства; поэтому она должна опираться на духовенство, делаясь орудием в его руках». Кроме того, избиратели Ливерпуля, в отличие от Манчестера, — не простые люди, а джентльмены, а отличительная черта старой ортодоксии та, что главным достоинством джентльмена является религиозность.

Наконец, и фритредеры также потеряли в этой избирательной борьбе некоторые из своих лучших имен. Так, в Бредфорде провалился полковник Томпсон, он же — «Старая гусыня», один из старейших агитаторов и литературных защитников свободной торговли; в Ольдгеме — В.-Дж. Фокс, один из лучших пропагандистов и остроумнейших ораторов партии; в Манчестере, твердыне партии, Брайт и Гибсон победили противников, вигов, лишь незначительным большинством. Разумеется, при господствующей избирательной системе манчестерцы не рассчитывают и не могут рассчитывать на парламентское большинство. Но они уже много лет хвастливо уверяют, что если только виги будут удалены от власти и во главе правительства станут тories, то они разовьют колоссальную агитацию и совершают героические дела! Вместо этого мы увидели их в этой избирательной борьбе скромно выступающими рука об руку с вигами, что одно уже обозначает их моральное поражение.

Но если ни одна из официальных партий не одержала победы, а, собственно говоря, все они потерпели поражение, то английская нация может утешаться тем, что вместо одной определенной партии на этот раз в парламенте представлена более импонирующим образом, чем раньше, одна определенная профессия — а именно: *юриссть*. В одной только Нижней палате заседают приблизительно 100 юристов, что, пожалуй, не служит хорошим предзнаменованием

ни для партии, желающей выиграть свое дело в парламенте, ни для парламента, который хочет отстоять свой приговор перед страной.

После изложенного численного соотношения партий не остается никакого сомнения в том, что объединенная оппозиция обладает, по сравнению с ториями, отрицательным большинством. Совместным выступлением она может в первые же дни после открытия парламента опрокинуть министерство. Но сама по себе она неспособна своими собственными силами создать прочное правительство. Поэтому нужен был бы новый роспуск парламента и новые общие выборы; но новые выборы, с своей стороны, вызвали бы опять лишь необходимость нового роспуска. Для того, чтобы выйти из этого заколдованного круга, была бы необходима реформа парламента. Но устаревшие партии и новый парламент охотнее примирятся с правительством ториев, чем решатся на такой героический шаг.

Если рассматривать каждую партию в отдельности, то тории являются наиболее сильною партией, хотя и имеют меньшинство по сравнению с объединенною оппозициею. Кроме того, они укрепились в твердых государственных должностях, имеют за собою дисциплинированную, компактную и довольно однородную армию и слишком ясно сознают, что если они проиграют на этот раз, то их игра закончена навсегда. Им противостоит коалиция из четырех армий, из которых каждая имеет особого военачальника и состоит из смеси фракций, разделенных интересами, программами, воспоминаниями и страстями, негодующих против неограниченной парламентской дисциплины и ревниво относящихся друг к другу.

Само собою разумеется, что число представителей отдельных оппозиционных партий *в парламенте* не стоит ни в каком отношении к числу их сторонников *в стране*. Так, виги образуют в парламенте основную массу оппозиции, центр, вокруг которого группируются остальные секции. Это тем более опасно, что эта партия, воображающая, что она должна всегда стоять во главе государственного управления, гораздо больше заботится о том, чтобы отстать от требований своих союзников, чем о том, чтобы бить общего врага. Вторая оппозиционная фракция, «пилиты» (сторонники Пилля), насчитывает 38 членов: во главе ее стоят: сэр Дж. Грехем, С. Герберт и Гладстон. Грехем спекулирует на союзе с манчестерцами. Он сам слишком сильно стремится к премьерству, чтобы ощущать хотя бы малейшее желание помочь вигам вернуть себе свою старую правительственную монополию. С другой стороны, многие «пилиты» разделяют консервативные взгляды ториев, и либералы могут рассчитывать на их поддержку только в вопросах торговой политики.

«Во многих других вопросах, — пишет одна либеральная газета, — министрам не трудно будет придать своим мероприятиям такой вид, чтобы обеспечить им значительное большинство».

Фритредеры *par excellence* представлены в парламенте сильнее, чем в последний раз; они насчитывают 113 членов. Борьба с ториями поведет их дальше, чем то покажется правильным вогам с их осторожною политикою.

Наконец, «ирландская бригада» из 63 человек, не стяжавшая себе лавров со времени смерти «короля Дана», но при своей численности вполне могущая сыграть роль добавочного груза, дающего перевес то одной, то другой стороне, не имеет с британскою оппозицией ничего общего, кроме ненависти к Дерби. В британском парламенте она представляет Ирландию против Англии. В более длительной кампании ни одна парламентская партия не может с уверенностью рассчитывать на ее поддержку.

Если, формулируя вкратце результаты изложенного, мы обратим внимание на то, что хотя ториям и противостоит отрицательное большинство, но нет той одной партии, которая могла бы вместо них взять в свои руки государственное управление, что их поражение неизбежно повело бы за собою реформу парламента, что они обладают компактною, однородною, дисциплинированою массою и прочно сидят на правительственных местах, что оппозиция представляет конгломерат четырех различных секций и что коалиционные армии всегда плохо сражаются и неуклюже оперируют, что отрицательное большинство составляет лишь от 20 до 30 голосов, что четвертая часть парламента, 173 депутата, состоит из новых людей, которые будут боязливо избегать всего того, что могло бы угрожать купленным ими дорогою ценою депутатским местам, — то мы необходимо придем к выводу, что тории будут достаточно сильны, если не для того, чтобы победить, то для того, чтобы привести дело к кризису. И на это они, кажется, решились. Боязнь этого кризиса, который революционизировал бы всю официальную жизнь Англии, «квозит в каждой строчке» лондонской ежедневной и еженедельной прессы. «Times», «Morning Chronicle», «Daily News», «Spectator», «Examiner», — все они поднимают страшный вой, ибо все они полны страха. Больше всего им хотелось бы, при помощи крепких слов, уговорить ториев отказаться от «должностей и титулов» и тем предотвратить кризис. Но кризис разразится над ними несмотря на крепкие слова и на все их добродетельное возмущение.

МНИСТЕРСТВО ДЕРБИ

ПАУПЕРИЗМ И СВОБОДА ТОРГОВЛИ. — УГРОЖАЮЩИЙ ТОРГОВЫЙ КРИЗИС.

Лондон, 15 октября 1852 г.

Г-н Хенли, министр торговли, заявил недавно в своей речи на пивоваренном заводе в Ханбери своим собравшимся друзьям, сельским хозяевам, что пауперизм уменьшился по причинам, не имеющим ничего общего со свободной торговлею, прежде всего вследствие *голода в Ирландии*, затем вследствие открытия золотых россыпей за океаном, эмиграции из Ирландии, вызывавшей большой спрос на английские суда, и т. д. Мы должны, во всяком случае, признать, что «голод» есть такое же радикальное средство против пауперизма, как мышьяк против крыс.

Лондонский «Economist» замечает: «Тории, во всяком случае, вынуждены будут признать, что теперь имеются налицо период процветания и его естественный результат — опустевшие рабочие дома». В дальнейшем «Economist» пытается доказать неверующему министру торговли, что рабочие дома опустели исключительно в результате свободной торговли и что, если только свободная торговля будет беспрепятственно развиваться, они, вероятно, совершенно исчезнут с лица британской земли. К сожалению, статистика «Economist'a» не доказывает того, что она должна доказать. Как известно, современная промышленность и торговля переживают периодические циклы, продолжающиеся от пяти до семи лет; в правильной последовательности проходят они через стадии покоя, оживления, растущих надежд, оживленного хода дел, процветания, пароксизма, перепроизводства, краха, ограничения производства, востоя и безденежья, дабы, в конце концов, снова вернуться к покою.

Запомним это, прежде чем снова обратиться к статистике «Economist'a». Со времени 1834 г., когда на поддержку бедных тратилось 6 317 255 фунтов стерлингов, эта сумма упала к 1837 г. до минимума в 4 044 741 фун. стерлингов. Потом она опять ежегодно увеличивалась до 1843 года, когда достигла 5 208 027 фун. стерл. В 1844, 1845

и 1846 г. она опять упала до 4 954 204 фун. стерл., но в 1847 и 1848 г. снова поднялась до 6 180 674 фун. стерл., почти до уровня 1834 г., т. е. времени до введения нового закона о бедных. В 1849, 1850 и 1851 г. она опять упала до 4 724 619 фун. стерл. Но время от 1834 до 1837 г. было периодом процветания, в 1838—1842 г. был кризис и застой, в 1843—1846 г. — период процветания, в 1847—1848 г. — кризис и застой и в 1849—1852 г. — опять период процветания.

Итак, что доказывает эта статистика? В лучшем случае, она приводит к той, ставшей общим местом, тавтологии, что британский пауперизм усиливается и падает вместе со сменяющимися периодами застоя и процветания, независимо от свободной торговли или протекционизма. Больше того, мы даже находим, что в 1852 году, в год свободной торговли, сумма, истраченная на поддержку бедных, была на 320 122 фунта стерлингов выше, чем в 1837 г., в год протекционизма, несмотря на ирландский голод, австралийские золотые слитки и непрерывно продолжающуюся эмиграцию.

Другая английская фритредерская газета пытается доказать, что свободная торговля увеличивает экспорт, а экспорт создает период расцвета; в результате же процветания пауперизм должен уменьшаться и, в конце концов, совершенно исчезнуть. Для доказательства приводятся следующие цифры. Число способных к труду лиц, вынужденных прибегать к пособиям для бедных, равнялось:

1 января 1849 г. в 609 округах попечительства о бедных	—	201 644
1 » 1850 » » 609 » »	»	181 159
1 » 1851 » » 609 » »	»	154 525

Сопоставляя с этим статистику вывоза, мы найдем следующие цифры для британских и ирландских товаров:

1848 г.	48 946 395 фунтов стерлингов
1849 »	58 910 883 » »
1850 »	65 756 032 » »

Что же доказывает эта таблица? Увеличение вывоза в 1849 г. на 9 964 488 фунтов стерлингов освободило из работных домов приблизительно 20 000 человек; в 1850 году увеличение экспорта на 6 845 149 фунтов стерлингов сопровождалось освобождением 26 634 человек. Итак, если мы даже примем, что свободная торговля могла бы совершенно устранить промышленные циклы с их колебаниями, то при теперешней системе для освобождения всех способных к труду бедняков из работных домов потребовалось бы дальнейшее увеличение нашего вывоза на 50 000 000 фунтов стерлингов еже-

годно, т. е. почти на 100 процентов. И эти трезво мыслящие буржуазные статистики осмеливаются называть нас «утопистами». Поистине, нет больших утопистов, чем эти буржуазные оптимисты.

Передо мною лежат документы, опубликованные главным управлением попечительства о бедных. Эти документы доказывают, правда, что за время с 1848 по 1851 г. замечается уменьшение числа бедных. Но вместе с тем из этих документов видно, что в период 1841—1844 гг. среднее число пауперов равнялось 1 431 571, а в период 1845—1848 гг.—1 600 257. В 1850 году поддержкою в рабочих домах и вне их пользовались 1 809 308 пауперов, в 1851 г. их было 1 600 329, т. е. больше среднего числа за годы 1845—1848.

Сопоставляя теперь эти числа с количеством народонаселения, установленным переписью, мы найдем, что в годы 1841—1848 на одну тысячу народонаселения приходилось 89 пауперов, а в 1851 г.—90 пауперов. Итак, в действительности пауперизм увеличился по сравнению со средними числами годов 1841—1848, несмотря на свободную торговлю, голод, процветание, австралийское золото и не прекращающуюся эмиграцию.

Заметим кстати, что число преступников также возросло. Достаточно лишь заглянуть в медицинский журнал «Lancet», чтобы убедиться в том, что фальсификация и отравление пищевых продуктов развивались параллельно со свободой торговли. «Lancet» вызывает в Лондоне каждую неделю новую панику, ибо постоянно открывает новые тайны. Этот журнал учредил форменную следственную комиссию из врачей, химиков и т. д., которая должна подвергать исследованию продаваемые в Лондоне пищевые продукты. И отчеты неизменно гласят о том, что все фальсифицируется и отравляется: кофе, чай, уксус, перец, пикули и так далее. Оба направления буржуазной торговой политики, свобода торговли и протекционизм, равно не в состоянии уничтожить эти явления, представляющие естественный и необходимый результат экономических условий буржуазного общества. И наличие миллиона пауперов в британских рабочих домах так же неразрывно связана с британским процветанием, как присутствие в Английском банке от восемнадцати до двадцати миллионов золота.

Это нужно раз навсегда установить по отношению к буржуазным фантастам, которые, с одной стороны, видят результаты свободной торговли в том, что является лишь неизбежным спутником каждого периода процветания, или, с другой стороны, ожидают от буржуазного процветания таких вещей, которых последнее совершенно не в состоянии дать. Констатируя это раз навсегда, необходимо в то же

время признать, что 1852 год является одним из наиболее замечательных годов процветания, которые Англия когда-либо переживала. Размеры государственных доходов, несмотря на отмену налога на окна, отчеты о судоходстве, размеры вывоза, состояние денежного рынка и прежде всего невиданное раньше оживление в фабричных округах — все это неопровержимо доказывает правильность нашего утверждения.

Но кто знаком, хотя бы поверхностно, с историею торговли с начала XIX столетия, тот не сомневается, что недалек уже момент, когда промышленный цикл вступит в период *оживления*, чтобы затем перейти к сверхспекуляции и краху. «Ничего подобного, — кричат нам в ответ буржуазные оптимисты, — ни в один из прежних периодов процветания спекуляция не была так незначительна, как теперь. Наш теперешний период процветания базируется на производстве товаров, имеющих непосредственную полезность; они потребляются сейчас же, как только появляются на рынке; производитель зарабатывает на них соответствующую прибыль, которая побуждает его к новому и расширенному производству».

Другими словами, теперешний период процветания отличается тем, что имеющийся в наличности излишек капитала устремляется и устремился непосредственно в промышленное производство. По последнему отчету главного фабричного инспектора Леонарда Горнера, в 1851 г. в одной только хлопчатобумажной промышленности двигательная сила увеличилась на 3 717 лошадиных сил. Он перечисляет почти бесконечный ряд фабрик, начатых постройкою. В одном месте прядильня на 150 лошадиных сил, в другом ткацкая фабрика на 600 станков для цветных материй, в третьем опять-таки прядильная фабрика на 60 000 веретен и 620 лошадиных сил, далее прядильная и ткацкая фабрика на 200 лошадиных сил, другая на 300 и т. д. Но самая крупная фабрика устраивается в Бредфорде (Йоркшир) для выделки альпага и различных материй. «О величине этой фабрики, устраиваемой мистером Титом Сольтом, можно судить уже по тому, что она рассчитана на поверхность в шесть акров. Главный корпус будет представлять собою массивное каменное здание весьма затейливой архитектуры; одна только мастерская будет длиною в 540 футов. Употребляться будут только машины новейшей конструкции и признанного достоинства. Паровые машины, которые должны будут приводить в движение этот громадный аппарат, построены у господина Ферберна в Манчестере и рассчитаны на 1 200 лошадиных сил. Один только газовый завод не уступает по величине газовому заводу небольшого города. Он устроен по углеводородной системе Уайта и

стоит около 4 000 фун. стерлингов. Предполагается 5 000 рожков, которые ежедневно будут поглощать 100 000 кубических футов газа. Кроме этой гигантской фабрики, господин Сольт строит в непосредственном соседстве с нею 700 жилищ для рабочих».

Но что же следует из этой колоссальной затраты капитала для целей непосредственного промышленного производства? Что не будет кризиса? Нисколько. Напротив, он примет гораздо более опасный характер, чем в 1847 г., когда он больше имел характер торгового или денежного, чем промышленного кризиса. На этот раз он с наибольшею силою обрушится именно на *фабричные* округа. Вспомним период небывалого застоя 1838—1842 годов, который также был прямым последствием промышленного перепроизводства. Чем более избыточный капитал концентрируется в промышленном производстве, вместо того, чтобы разливаться по многообразным каналам спекуляции, тем шире, продолжительнее и непосредственнее будет действие кризиса на рабочие массы и на самую *élite* (отборную часть) буржуазии. И если в момент перелома вся огромная, уже находящаяся на рынке масса товаров сразу превращается в тяжелый балласт, то это тем более справедливо для многочисленных расширенных или вновь построенных фабрик, которые как раз настолько готовы, чтобы начать работу, и для которых возможность немедленно приступить к работе составляет вопрос жизни или смерти. Всякий раз, когда капитал покидает свои обычные каналы обращения, в торговом мире возникает сильнейшая паника, которая чувствуется даже в залах Английского банка. Тем сильнее должно действовать такое *saue qui peut* (спасайся кто может) в тот момент, когда огромные суммы превратились в постоянный капитал в виде таких фабрик, машин и т. д., которые либо начинают работать как раз в начале кризиса, или отчасти нуждаются в новом притоке оборотного капитала, прежде чем они будут в состоянии начать работать.

Из «The Friend of India» я заимствую другой факт, показательный для характера приближающегося кризиса. Этот журнал содержит статистику торговли Калькутты за 1852 г., из которой видно, что стоимость хлопчатобумажных товаров и пряжи (*twist and yarn*). ввезенных в Калькутту в 1851 г., составляла 4 074 000 фун. стерлингов, почти две трети всей торговли. В этом году цифры импорта будут еще выше. При этом сюда еще не включены Бомбей, Мадрас и Сингапур. Но кризис 1847 г. принес нам столько поучительного относительно нашей торговли с Индией, что никто не может питать ни малейшего сомнения относительно характера окончательного

исхода периода промышленного процветания, в котором импорт «нашей индийской империи» составляет две трети общей суммы.

Вот все, что можно сказать о характере катастрофы, которая должна последовать за теперешним периодом процветания. На наступление этой катастрофы в 1853 г. указывают многие симптомы, как, например, чрезмерное обилие золота в Английском банке и те своеобразные обстоятельства, при которых происходит этот гигантский приток золотых слитков. В данный момент в Английском банке скопилось слитков на сумму 21 353 000 фун. стерлингов. Некоторые пытались объяснить этот приток усиленным производством золота в Австралии и Калифорнии. Но простое знакомство с фактами убеждает нас в неправильности этого мнения.

Увеличение запаса золотых слитков в Английском банке означает лишь уменьшение ввоза других товаров; другими словами, вывоз значительно превышает ввоз.

И действительно, последние торговые отчеты показывают значительное уменьшение ввоза конопли, сахара, чая, табака, вин, шерсти, зерна, масел, какао, муки, индиго, кож, картофеля, сала, свинины, масла, сыра, ветчины, жиров, риса и почти всех продуктов европейского континента и Британской Индии. Очевидно, что в 1850 и 1851 гг. ввоз был чрезмерно велик. К этому надо прибавить повышение цен на континенте на муку и зерно вследствие плохого урожая. В результате ввоз приостановился. Увеличение показывает только ввоз льна и хлопка.

Этим перевесом вывоза над ввозом и объясняется, почему сейчас вексельный курс благоприятен для Англии. С другой стороны, благодаря тому, что этот избыток экспорта покрывается ввозом золота, значительная часть английского капитала изымается из оборота, чем увеличиваются банковские резервы. Банки и отдельные капиталисты настойчиво ищут возможности пустить в обращение этот втуне лежащий капитал. Этим объясняется обилие в данный момент ссудного капитала и низкая норма процента. Учетный процент для первоклассных векселей равняется $1\frac{3}{4}$ и 2. Но из каждой истории торговли, например из «Истории цен» Тука, мы можем узнать, что совпадение таких симптомов, как необычайное накопление наличного золота в подвалах Английского банка, перевес вывоза над ввозом, благоприятный вексельный курс, обилие ссудного капитала и низкий учетный процент постоянно обозначают наступление той фазы торгового цикла, когда процветание переходит в пароксизм, когда, с одной стороны, вложено слишком много капитала в импорт, а с другой стороны, неизбежно развиваются самые рискованные спекуляции с блестя-

щими мыльными пузырями всякого рода. Эта стадия пароксизма является лишь предшественницей стадии краха. Этот пароксизм есть высшая точка процветания; он, конечно, не создает кризиса, но вызывает его наступление.

Я, конечно, очень хорошо знаю, что английские официальные экономисты, типа fortunetellers (гадальщиков), объявят этот взгляд весьма еретическим. Но случилось ли хоть раз со времен «процветающего Робинзона», того великолепного канцлера казначейства, который в 1825 году, непосредственно перед наступлением кризиса, открыл парламент предсказанием неслыханного и прочного процветания, чтобы эти буржуазные оптимисты предвидели или предсказали кризис? Не было еще ни одного периода процветания, когда бы они не воспользовались случаем доказывать, что *на этот раз* медаль не имеет оборотной стороны, что *на этот раз* неумолимый рок побежден. А когда кризис все же наступал, они делали невинное лицо и обрушивались на торговцев и промышленников, со всей силой своего морального негодования осыпая их банальными упреками за то, что они не были достаточно осторожны и предусмотрительны.

Темою моего ближайшего пиесма будут те своеобразные политические обстоятельства, которые созданы переживаемым периодом торгового и промышленного процветания.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТОРГОВОГО ОЖИВЛЕНИЯ.

Лондон, 19 октября 1852 г.

В своем последнем письме я обрисовал положение промышленности и торговли в Англии. Рассмотрим теперь вытекающие отсюда политические последствия. Наступление угрожающего промышленного и торгового кризиса придаст неизбежной, по нашему мнению, борьбе против ториев более опасный и революционный характер. Зато теперешнее процветание является, без сомнения, лучшим союзником этой партии; правда, этот союзник не позволит им восстановить хлебные пошлины, от которых они и сами уже отказались, но он в высшей степени укрепляет их политическую власть и помогает им продлить социальную реакцию, которая, в случае своего дальнейшего продолжения, безусловно завершится приобретением существенных классовых выгод; впрочем, она и с самого начала была введена во имя материального классового интереса. Дизраэли требует «не хлебных пошлин, а нового распределения налогов в интересах чрезмерно обложенных арендаторов». Но почему чрезмерно обложены арендаторы? Потому что им в большинстве случаев приходится платить прежнюю протекционистскую арендную плату, в то время как прежние протекционистские цены на хлеб навсегда канули в вечность. Правда, аристократия и не думает понизить земельную ренту, но зато она хочет ввести новую форму обложения, имеющую целью вознаградить арендаторов за те большие суммы, которые они переплачивают аристократам.

Повторяю: теперешний расцвет деловой жизни благоприятствует торийской реакции. Почему? «Патриотизм, — жалуется «Lloyd's Weekly Newspaper», — в состоянии спать даже в шкафчике для провизии, если он находит там пищу и питье. Поэтому свободная торговля служит теперь опорой для лорда Дерби; он возлежит на ложе из роз, сорванных Кобденом и Пилем».

Народные массы имеют достаточно работы и более или менее хорошо устроились за исключением, конечно, пауперов, существование

которых неразрывно связано с британским процветанием; поэтому в настоящий момент народ представляет собою не очень пригодный материал для политической агитации. Но что больше всего помогает лорду Дерби в его махинациях, так это тот фанатизм, с которым *буржуазия* бросилась в мощный процесс промышленного производства; она основывает фабрики, конструирует машины, строит суда, прядет и тклет хлопок и шерсть, наполняет амбары, производит банковские операции, фабрикует, вывозит, ввозит, — словом, предается всевозможным более или менее полезным делам, целью которых, однако, всегда является нажива. В этот момент промышленного подъема буржуазия, которая хорошо знает, что подобные благоприятные моменты становятся все реже и следуют через все большие промежутки, старается и должна добыть денег, много денег, ничего, кроме денег. Надзор за ториями она предоставляет своим профессиональным политикам. Но последние (смотри письмо Джозефа Юма в «Hull Advertiser») с полным правом жалуются на то, что без давления извне они не могут агитировать, подобно тому как человеческий организм не может работать без давления атмосферы.

Но при этом буржуазия никак не может отделаться от неприятного предчувствия, что в высших правительственных кругах происходит что-то подозрительное и что министерство старается *использовать*, и использовать не совсем добросовестно, политическую апатию, вызванную теперешним процветанием. Поэтому она время от времени делает в своих печатных органах правительству предостережения. Так, например, лондонский «Economist» пишет: «Нельзя предвидеть, как долго демократия (читай: буржуазия) сохранит свое теперешнее *мудрое* долготерпение, свое уважение к собственной силе и к чужим правам, не делая попыток укрепить свою позицию при помощи тех же приемов, к которым некогда прибегала аристократия. Из общего поведения демократии аристократия не должна делать того вывода, что первая никогда не откажется от своей умеренности». На это Дерби отвечает: «Неужели вы считаете меня таким дураком, что я дам запугать себя теперь, когда светит солнышко, и сложу руки на груди, пока снова придут бури и заминка в делах, и у вас опять будет больше досуга для занятий политикой».

План, преследуемый ториями, проявляется с каждым днем все яснее и яснее.

Они начали с того, что стали придирааться к собраниям на открытом воздухе и преследовать ирландские газеты, печатавшие неприятные для них статьи; в данный момент они обвиняют агентов

«Общества мира» в подстрекательстве к мятежу за то, что те распространяли брошюры против телесных наказаний в милиции. Так они везде, где только могут, спокойно и определенно уничтожают разрозненную оппозицию, которая пытается действовать на улицах и в прессе.

Но вместе с тем они избегают всякого открытого и решительного разрыва со своими противниками, откладывая открытие парламента, и готовят все для того, чтобы, после его открытия, заняться «похоронами мертвого герцога, а не интересами живого народа» (выражение одной радикальной газеты). В первую неделю ноября парламент соберется, но не может быть никакой речи о том, чтобы сессия на самом деле началась раньше конца января.

Чем же тории заполняют остающийся промежуток времени? Проверкой избирательных списков и образованием милиции.

Проверка избирательных списков имеет целью либо лишить избирателей противных партий избирательного права, либо помешать их внесению в новые избирательные списки путем выставления всевозможных возражений, протестов, которые по закону могут воспрепятствовать внесению в списки избирателей. Каждая политическая партия представлена своими адвокатами и сама должна оплачивать все расходы. Вопрос о степени правильности того или иного требования занести в списки или протеста против внесения решается чиновниками, которым поручена ревизия списков и которые назначаются верховным судьей Королевской скамьи. Кампания на этой почве разыгралась до сих пор главным образом в Ланкашире и Миддлсексе. В северном Ланкашире тории, для покрытия расходов по кампании, пустили в обращение подписной лист, в котором фигурирует сам лорд Дерби, подписавший 500 фунтов стерлингов. В Ланкашире число протестов против внесенных избирателей достигло чрезвычайной цифры в 6 769, из них 4 670 в южном Ланкашире и 2 099 в северном. На юге 3 575 протестов было заявлено ториями и 1 095 либералами, на севере 1 334 ториями и 765 либералами (разумеется, это относится лишь к избирателям деревенских частей избирательного округа, а не к городам). В Ланкашире победили тории. В избирательном округе Миддлсекс из списков были вычеркнуты 353 радикала и 140 консерваторов; таким образом, последние выиграли свыше 200 голосов.

В этой борьбе на одной стороне стоят тории, на другой — виги и манчестерцы. Последние, как известно, учредили ряд обществ земельных собственников, т. е. попросту машин для создания новых избирателей. Тории не трогают этих машин, но уничтожают произве-

дения. Решением ревизора избирательных списков для Миддлсекса, м-ра Шадуэля, были лишены избирательных прав многие избиратели, принадлежавшие к указанным обществам; он разъяснил, что избирательное право дает лишь такой участок земли, который стоит, по меньшей мере, 50 фунтов стерлингов. Так как эти решения касаются вопросов факта, а не права, то на них нельзя апеллировать в гражданский суд. Ясно, что это различие вопросов факта от вопросов права открывает широкое поле для произвола ревизоров, составляющих новые избирательные списки и доступных всем воздействиям со стороны существующего министерства.

К чему же привела напряженная деятельность ториев в кампании по проверке избирательных списков и прямое вмешательство их вождя в эту кампанию?

К тому, что лорд Дерби не возлагает никаких особых надежд на продолжительное существование нового парламента, что он склонен распустить его, если он окажется непокорным, и что он пытается пока при помощи ревизоров избирательных списков подготовить консервативное большинство для новых общих выборов.

Итак, с одной стороны, тории сумели при помощи кампании по проверке избирательных списков овладеть законодательной машиной, а с другой стороны, они путем закона о милиции запамятываются штыками, нужными им для того, чтобы спокойно проводить даже самые реакционные акты парламента и противостоять угрозам «Общества мира».

«Если парламента придаст ей законный вид, вооруженная милиция даст ей активную власть, — реакция будет в состоянии сделать в Англии все, что ей угодно», — восклицает орган чартистов.

И в этот критический момент смерть «Iron Duke'a» (железного герцога), этого доброго героя Ватерлоо, освободила аристократию от неудобного ангела-хранителя, который был достаточно опытен в военном деле для того, чтобы часто жертвовать видимостью победы хорошо прикрытому отступлению и блестящим наступлением своевременному компромиссу. Веллингтон был в Верхней палате тем человеком, который всегда призывал к умеренности; в решающие моменты он мог предъявить доверенность на 60 голосов и больше; он не давал ториям объявить открытую войну буржуазии и общественному мнению. Но теперь, под руководством ищущего конфликта торийского министерства, во главе которого стоит спортсмен, палата лордов, «которая под руководством Веллингтона была надежным балластом для государственного корабля, может легко превратиться в парус, поставленный против ветра и грозящий кораблю».

гибелью». Мнение, что балласт в виде палаты лордов необходим для безопасности государства, принадлежит, конечно, не нам, а либеральной лондонской газете «Daily News». Новый герцог Веллингтон, бывший маркиз Дауро, без дальних околичностей перешел из лагеря сторонников Пия в лагерь ториев. Итак, налицо имеются признаки, что аристократия собирается сделать самые отчаянные усилия для того, чтобы вновь завоевать потерянные позиции и вернуть золотое время 1815—1830 годов. А между тем буржуазии некогда ни агитировать, ни возмущаться, ни даже надлежащим образом выразить свое негодование.

ПОПЫТКИ СОЗДАТЬ НОВУЮ ОППОЗИЦИОННУЮ ПАРТИЮ.

Лондон, 9 ноября 1852 г.

Само собою понятно, что по мере того, как господствовавшие до сих пор партии разлагаются и их отличительные признаки стираются, начинается чувствоваться потребность в новой оппозиционной партии.

Эта потребность выражается различным образом. Первое слово по этому вопросу берет, в своей уже упомянутой речи, лорд Джон Россель. Он говорит, что тревога, поднятая лордом Дерби, вызвана отчасти слухами, обвиняющими его, лорда Джона Росселя, в «весьма демократических взглядах». «Мне, конечно, нет надобности указывать, что эти слухи совершенно неосновательны и лишены всякой почвы». Но, тем не менее, он подтверждает, что является демократом, и вслед за тем разъясняет безобидный смысл этого слова. «Демократия страны — это значит, другими словами, народ этой страны. Демократия имеет такое же право пользоваться своими правами, как и монархия, и аристократия. Демократия совершенно не намерена посягать на какие-либо прерогативы короны. Демократия не сделает никакой попытки урезать законные привилегии палаты лордов. Что же такое представляет собою демократия? Это — рост богатства, увеличение интеллигентности, возникновение просвещенных взглядов, более пригодных к управлению миром на началах просвещения. Но я хочу пойти еще дальше и сказать, что при этом усилении позиции демократии *уже не может более применяться старая система принуждения, которая когда-то была мне так хорошо знакома.* Напротив, демократию должно укреплять и поощрять, проявлению ее силы и ее влияния необходимо дать легитимный и законный орган».

По этому поводу «Morning Herald» замечает: «Лорд Джон Россель имеет двоякого рода принципы: для того случая, когда он у власти, и для того случая, когда он в оппозиции. Будучи у власти, он руководствуется правилом: «ничего не делать», а когда он не у власти, его правило состоит в том, чтобы «обещать все». Любопытно, что

«Morning Herald» понимает под словом «ничего», если в цитированной болтовне лорда Росселя он узрел «все» и если он маленькому лорду Джону Росселю угрожает судьбой Фроста, Вильямса и других за его любящую короля, почтительную к лордам и охраняющую епископов демократию? Но соль всей этой истории заключается в том, что лорд Дерби в палате лордов заявляет себя величайшим противником «демократии» и говорит о демократии, как об единственной партии, против которой стоит вести борьбу. И вот на сцену является неизбежный Джон Россель и начинает исследовать, что такое, в сущности, эта демократия: это — рост богатства, увеличение его интеллигентности и притязаний на то, чтобы влиять на правительство путем общественного мнения и при помощи законных средств.

Таким образом, демократия есть не что иное, как воплощение притязаний буржуазии, промышленного и торгового среднего класса. Лорд Дерби выступает противником этой демократии, лорд Джон Россель — ее знаменосцем. Оба они сходятся на открытом признании того факта, что старая распря внутри их собственного класса, аристократии, уже не представляет никакого интереса для страны. И Россель охотно готов отказаться от клички «вигов» и заменить ее словом «демократы», если это есть *conditio sine qua non* для того, чтобы победить своих противников. Виги в таком случае продолжали бы свою прежнюю роль, официально выступая в качестве слуг буржуазии. Таким образом, план Росселя о реорганизации партии сводится к тому, чтобы дать партии новое название. Джозеф Юм также признает необходимость образования новой, «народной партии». Но, по его мнению, такая партия не может образоваться на основе нового арендного права и тому подобных предложений. «На почве таких лозунгов мне не удастся объединить даже 100 депутатов из 654». В чем же заключается его секретное средство?

«Народная лига, или же партия, или союз, — должна сойтись на одном пункте, — скажем, на требовании тайного голосования; достигнув этого, можно будет шаг за шагом перейти к другим пунктам. И движение, которое первоначально ограничено лишь несколькими отдельными депутатами Нижней палаты, может рассчитывать на успех лишь в том случае, если народ на улице и избиратели убедятся в необходимости оказать свое содействие и поддержать маленькую народную партию в парламенте».

Этот Юм был одним из тех, которые разработали проект «народной хартии». От народной хартии с ее шестью пунктами он перешел к «маленькой хартии» финансовых и парламентских реформистов с их тремя пунктами, а теперь он уже готов ограничиться одним

единственным пунктом о тайном голосовании. Как мало он сам ожидает успеха от нового спасительного средства, видно из заключительной части его письма в «Hull Advertiser»: «Скажите мне, сколько редакторов осмелятся поддержать партию, которая при данном парламенте никогда *не может достигнуть власти*».

Так как эта новая партия не намерена в данный момент изменять что-либо в составе парламента, но ограничивается требованием тайного голосования, то она, по его собственному признанию, никогда не может достигнуть власти. Какая же польза в основании партии *бессилия*, и притом открыто признанного бессилия? Кроме Джозефа Юма, делается еще одна попытка основать новую партию. Речь идет о так называемой *национальной партии*. Вместо народной хартии эта партия хочет сделать своим *исключительным* лозунгом всеобщее избирательное право. Но при этом она упускает из виду как раз те условия, которые одни только могут движение за всеобщее избирательное право превратить в движение национальное и обеспечить ему поддержку народа. Мне в дальнейшем еще придется писать об этой национальной партии. Она состоит из бывших чартистов, стремящихся к респектабельности, и из радикалов, идеологов буржуазии, желающих овладеть чартистским движением. За ними стоят, — повимают ли это «националисты» или нет, — сторонники парламентской и финансовой реформы, манчестерцы, которые их подгоняют и используют в качестве авангарда.

Всеми этими жалкими компромиссами и отступничеством, всею этою погонею за ничтожным выигрышем, всеми этими колебаниями и шарлатанством доказывается с очевидностью лишь то, что Катилина стоит у ворот, что подготавливается решающая борьба, что оппозиция знает, как она непопулярна и неспособна к сопротивлению, и что все попытки создать новые центры обороны сходятся, по крайней мере, в одном пункте: в «политике отступления». «Национальная партия» отступает назад от хартии к всеобщему избирательному праву, Джозеф Юм — от всеобщего избирательного права к тайному голосованию, третий — от тайного голосования к более равномерному распределению избирательных округов, и так далее, пока мы не приходим, в конце концов, к Джону Росселю, единственным лозунгом которого является голое слово: демократия. «Демократия» лорда Джона Росселя представляла бы, в сущности, кульминационный пункт национальной партии, юмовской «народной партии» и всех прочих мнимых партий, если бы хоть одна из них действительно имела в себе каплю жизнеспособности.

С одной стороны, политическая вялость и равнодушие как

результат периода материального процветания, с другой стороны — убеждение, что тории замышляют что-то нехорошее, далее — уверенность вождей буржуазии, что им скоро понадобится поддержка народа, но вместе с тем и почерпнутое из опыта сознание, что народ слишком апатичен для того, чтобы в данный момент собственными силами создать движение, — все эти обстоятельства создали следующее положение: партии делают попытки к взаимному сближению, различные фракции оппозиции вне парламента стремятся к союзу, и все, от самой радикальной до наименее радикальной, делают друг другу уступки, пока, в конце концов, не возвращаются к тому, что лорду Росселю угодно было назвать «демократией».

По поводу попыток основать «национальную партию», как она сама себя называет, Эрнест Джонс замечает вполне справедливо:

«Чартизм есть наиболее всеобъемлющее из всех существующих политических движений, направленных к реформе, и чартисты являются единственной истинно-национальною партией для достижения политических и социальных реформ в Великобритании».

Р.-Дж. Гаммедж, один из членов Исполнительного комитета чартистов, следующим образом обращается к народу: «Отклоните ли вы содействие буржуазии? Конечно, нет, если это содействие будет вам предложено на подобающих, почетных условиях. Каковы же эти условия? Они ясны и просты. Примите хартию и, приняв ее, объединитесь с ее друзьями, которые уже организовались для ее проведения в жизнь. Если вы уклоняетесь от этого, то вы либо являетесь противниками самой хартии, либо же вы, ссылаясь на свои классовые преимущества, воображаете, что последние дают вам право на руководящую роль. В первом случае ни один честный чартист не может пойти с вами, во втором случае ни один рабочий не может настолько отказаться от чувства самоуважения, чтобы преклониться перед вашими классовыми предрассудками. Пусть рабочие полагаются только на свои собственные силы; они примут честную помощь, откуда бы она ни исходила, но они должны действовать всегда так, как будто их спасение зависит только от их собственных усилий». Чартистские массы в настоящий момент также целиком поглощены материальным производством. Но ядро партии повсюду организуется, и восстанавливаются связи в Англии и в Шотландии. Когда наступит политический и торговый кризис, результаты теперешней бесшумной деятельности главного штаба чартизма скажутся повсюду, во всей Англии.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Лондон, 2 ноября 1852 г.

Продолжим рассмотрение политических последствий, неизбежно вытекающих из теперешнего расцвета промышленности и торговли.

Среди этой атмосферы всеобщей промышленной деятельности, усиленных торговых сношений и политического равнодушия парламентские партии, освобожденные от всякого давления извне, продолжают в полном спокойствии процесс своего собственного разложения.

«Пилиты и росселиты чувствуют в настоящий момент удивительное тяготение друг к другу. Пилиты, эти необходимые «государственные люди», которые ничего не в состоянии сделать собственными силами, хотят теперь быть принятыми в лоно правящего круга. Как расхваливает, например, их орган «Morning Chronicle» совершенно безразличную речь, произнесенную лордом Росседем в Перте!»

Так говорит «Morning Herald», полуофициальный орган правительства.

Ничего подобного, — возражает «Guardian», — дело обстоит как раз наоборот. Достаточно только послушать, что говорил министр торговли Хенли на пивоваренном заводе в Ханбери своим друзьям из арендаторских кругов. «Эта партия, — заявил Хенли, — имеет свои собственные принципы и крепко держится их. Вопрос о свободе торговли или о протекционизме был оставлен открытым, и лишь покойный сэр Роберт Пиль сделал из него вопрос партии». Он с уважением отзывается о сторонниках Пиля, говоря, что «в действительности уже не существует больше никаких препятствий к объединению *большой консервативной партии*». Вот это правильно, — восклицает «Guardian», — отбросим протекционизм и возродим консервативную партию. Другими словами, «Guardian» полагает, что сторонники Пиля готовы вступить в реакционный союз с ториями, оставляя в стороне вопрос о хлебных пошлинах.

И «Daily News» сообщает, как о совершившемся факте, что ряд сторонников Пилля уже перешел в лагерь Дерби. В том же преступлении подозревают целый ряд вигов; если принять во внимание, что аристократическое ядро состоит из кучки карьеристов, то в этом нет ничего удивительного. Вот, например, лорд Долгаузи. Он был министром при Пилле в либеральный период его правления. После падения Пилля Россель предложил ему место в своем новом кабинете. В союзе с герцогом Ньюкестлем, лордом Сен-Джерменом и другими членами бывшего правительства он поддерживал в палате лордов маневры вигов и за это получил освободившуюся должность генерал-губернатора Индии, этот высокий приз в олигархической лотерее. Он сумел извлечь из своего положения самые крупные материальные выгоды. Впги хвастались тем, что принесли «бе примерную» жертву, сткзавшись ст этой длжности, которой они всегда столь горячо добивались для своих ближайших родственников. В настоящий момент лорд Долгаузи имеет лакомый кусок в виде губернаторства Пяти Портов; это — синекура, которая приносит ежегодно тысячные доходы. Этот добрый человек не имеет, говорят, своего собственного состояния и потому считает своим долгом охранять Пять Портов от всяких неожиданностей даже при министерстве Дерби.

В еженедельной либеральной прессе можно найти целые кучи подобных выдержек из *chronique scandaleuse* и анекдотов о переговорах того или иного вига относительно цены, за которую он готов продаться ториям. Они свидетельствуют о глубокой коррупции, охватившей партию вигов, но значение их умалается по сравнению с расколом между ее двумя наиболее выдающимися вождями, Росселем и Пальмерстоном. Уже несколько времени тому назад нам были известны из последней избирательной борьбы случаи, когда выступления лорда Пальмерстона в пользу министерских кандидатов казались, по выражению либеральных газет, безответственными. «Morning Post», орган самого Пальмерстона, напечатал передовую статью, в которой приводит слух, что Пальмерстон либо вступит в кабинет в качестве государственного секретаря и лидера Нижней палаты, либо же, в случае скорого падения министерства Дерби, составит новый кабинет из тех обломков старого, которые еще не совсем себя скомпрометировали. «Morning Post», приводя эти слухи с видимым удовольствием, вместе с тем заявляет, что говорит от своего собственного имени, а не от имени лорда Пальмерстона. Но Пальмерстон, несмотря на все настойчивые и даже бурные нападки вигетской

прессы и либеральных газет, все же не считает нужным опровергнуть это клеветническое сообщение. Пилитская «Morning Chronicle» говорит об этих слухах в таком тоне, который ясно показывает, что Гладстон и компания не почувствовали бы никакого *hogrog vacui* (бязнь пустоты), если бы такого рода слияние и произошло. «Daily News», газета манчестерцев, вскрывает это обстоятельство и с возмущением требует, чтобы предатели из среды виггов и пилитов открыто перешли на сторону Дерби. Мы видим, таким образом, что ни одна из парламентских котерий, сменяющих друг друга у государственного руля, не доверяет ни другим котериям, ни своим собственным членам, что они обвиняют друг друга в дезертирстве, в коррупции, в готовности пойти на сделку; но тем не менее каждая из них в отдельности и все вместе признают, что, собственно говоря, оставляя в стороне хлебные пошлины, их объединению со сторонниками Дерби не препятствует ничто, кроме личных козней и личного честолюбия. Они занимают по отношению к Дерби приблизительно такое же положение, какое занимали по отношению к Бонапарту различные фракции партии порядка накануне 2 декабря.

Легко понять, что оппозиция взирает на наступающую парламентскую кампанию с большим малодушием.

Маленький Джон Россель получил в маленькой папке диплом на звание гражданина города Перта и, после грандиозного обеда, благодарил за это в маленькой речи, наиболее важная часть которой состояла в следующем заявлении: «Справедливость и, я полагаю, также *политический разум* связывают нас *подсждать, пока будут приняты мероприятия, благодаря которым сельское хозяйство*, колонии и судоходство получают то вознаграждение, в котором им до сих пор несправедливо отказывали (*смех*), — замечательные мероприятия, которые должны будут положить конец долгой борьбе».

Единственная ежедневная газета, которою Россель еще располагает, «The Globe» (вечернее издание), прибавляет к этому следующий комментарий: «Всякая оппозиция, подобная той, что выступила в 1835 году против сэра Р. Пила, неизбежно должна была потерпеть неудачу», а именно по причине соперничества отдельных либеральных вождей. Поэтому мысль свалить кабинет Дерби общим голосованием объединенной оппозиции немедленно после открытия сессии была оставлена, и лорд Джон Россель остался попрежнему верен своей роли человека, который первый дает знак к отступлению. Об общих перспективах парламентской оппозиции ее вождь Джозеф Юм делает в письме в «Hull Advertiser» следующее признание:

«Поскольку я знаю прежних ирландских депутатов Нижней палаты, они едва ли способны подчиниться их вождю и покорно следовать за ним. Ирландские депутаты слишком страстны, слишком горячи, слишком проникнуты страданиями и несчастьями Ирландии. По моему мнению, до сих пор не произошло ничего такого, что могло бы привести к объединению либералов, недоверчиво относящихся к деятельности министерства Дерби. И когда я припоминаю пустозвонные уверения тех (вигов), которые были предшественниками лорда Дерби, и вижу, что они скорее выйдут из игры, чем, примкнув к сторонникам реформы, станут честно служить интересам народа, то я не могу питать истинного доверия к их попыткам способствовать объединению партии. Я боюсь, что их, спокойно пережевывающих свою жвачку, придется предоставить собственной участи, в то время как сторонники Дерби, находясь у власти, злоупотребляют ею для того, чтобы доставить успех своему собственному делу и поддержать своих сторонников. И эти явления будут продолжаться еще долгое время, прежде чем создастся возможность образовать народную партию».

Джон Брайт, в настоящий момент глава манчестерской школы, попытался в обеденной речи к фабрикантам Бельфаста при помощи лести ирландцам загладить то дурное впечатление, которое осталось у них от нападок Джозефа Юма. Но во всех вопросах парламентской дисциплины авторитетным остается попрежнему мнение «старого Джозефа».

Таким образом, парламентская оппозиция совершенно отчаялась в себе самой.

Да, старая парламентская оппозиция до такой степени изжила себя, что ее Нестор, Юм, в конце своей продолжительной жизни публично заявляет, что в палате общин нет «народной партии»: то, что всегда носило это имя, есть всего-навсего «горсточка праха».

Всеобщее разложение, всеобщая слабость и импотентность в лагере оппозиции — такова общая картина.

ПАРЛАМЕНТ. — ГОЛОСОВАНИЕ 26 НОЯБРЯ. — БЮДЖЕТ ДИЗРАЭЛИ.

Лондон, 10 декабря 1852 г.

Мое предсказание относительно бурного завершения новейшей борьбы партий в парламенте исполнилось. При открытии сессии оппозиция располагала, по сравнению со сторонниками министерства, отрицательным большинством; но с тех пор отдельные фракции, из которых это большинство составлялось, своей взаимной борьбой парализовали друг друга. Когда 26 ноября Нижняя палата приняла, вместо «радикальной» резолюции Вилльерса о свободе торговли, двусмысленную поправку Пальмерстона, она явила картину всеобщего и взаимного сбмана, общего разложения и передвижки всех старых парламентских партий.

Резолюция Вилльерса, характеризовавшая закон 1846 года как «мудрый и справедливый», была составлена без ведома Кобдена и Брайта, этих сторонников свободной торговли *par excellence*.

Виги решили действовать в интересах фритредеров, но не хотели предоставить им ни инициативы, ни участия в правительстве после ожидаемой победы. Россель, который первоначально придумал столь неприятные для министерства слова: «мудрый и справедливый», согласился с поправкой Грехема; «пилиты», которым вторили сторонники министерства, внесли предложение, которым свободная торговля признавалась подходящей для будущего времени, но отвергалась для прошедшего, и ториям предоставлялась возможность вознаграждать за убытки, причиненные законом Пила. Те же «пилиты» отвергли поправку Дизраэли и приготовились было поддержать первоначальную резолюцию о свободной торговле, вернувшись к своему предложению. Виги уже побеждали, как вдруг были разбиты выступлением Пальмерстона, который принял поправку Грехема и таким образом с помощью «пилитов» обеспечил министерству победу. В конце концов, сама эта победа, доставшаяся протекционистскому министерству, состояла в признании свободы торговли и была одержана не более и не менее, как вопреки голосам

53 наиболее решительных сторонников министерской партии. Таким образом, результат прений 26 ноября является пестрой смесью ложных положений, партийных интриг, парламентских маневров, взаимных предательств и т. д.; политика свободной торговли была официально признана, но она защищалась протекционистами, была представлена протекционистами и была проведена протекционистами.

В одном из своих прежних писем, написанном еще до начала сессии, я уже упомянул, что Дизраэли, отказавшись сам в своих избирательных речах от восстановления хлебных пошлин, хотел вознаградить землевладельцев налоговой реформой, которая дала бы лендлордам возможность удержать арендную плату на том же уровне, как при господстве охранительных пошлин. Снимая часть теперешнего налогового бремени с плеч лендлордов и перекладывая ее на спину народных масс, Дизраэли льстил себя мыслью, что он нашел для нуждающихся лендлордов гораздо более верное средство спасения, чем старая ненадежная система охранительных пошлин, которая задевала непосредственно *желудок* массы. Гениальный план Дизраэли заключался в том, чтобы спекулировать на ее *кармане*; это свое откровение он изложил в своем бюджетном докладе, который он 3-го сего месяца представил в Нижнюю палату; судьба его будет, вероятно, решена сегодня ночью.

Германские правительства и германские филантропы любят говорить о «мероприятиях к улучшению положения трудящихся классов». Бюджет Дизраэли можно было бы по всей справедливости назвать рядом «мероприятий к улучшению положения правдных классов». Но подобно тому как все этого рода проекты наших немецких правительств и филантропов неизменно оказываются мошенничеством, так и план, придуманный теперешним канцлером казначейства Англии в интересах нетрудовых классов, представляет собой чистейший обман, который должен привести лишь к тому, чтобы арендаторы, которым бросается приманка в виде кажущегося уменьшения их налогов, тем охотнее уплачивали свою теперешнюю высокую арендную плату; выполнить по отношению к ним это обманчивое обещание он мог бы лишь в том случае, если бы он действительно и явно нанес ущерб городскому населению. Дизраэли уже давно с таинственным видом возвещал о своем бюджете, обещая миру не более и не менее, как восьмое чудо света. Его бюджет должен был «положить конец борьбе интересов», «прекратить ожесточенную борьбу классов», «удовлетворить всех, никого не обижая», «слить различнейшие интересы в гармоническое единство», «впервые создать гармонию между нашею торговою и финансовою системами,

устанавливая новые принципы», *которые вытекают из тумана будущего.*

Рассмотрим теперь эти откровения, которые уже более не принадлежат туману будущего, но неделю тому назад были сообщены английскому парламенту и всему миру. Как и подобает таким таинственным откровениям, Дизраэли изложил их с подобающим торжественным церемониалом и с важным видом. Пилю в 1842 году понадобилось два часа для доклада о финансах. Дизраэли взял для этого целых пять часов. Один час он употребил на то, чтобы показать, что «нуждающиеся» вовсе не нуждаются; другой час — на то, чтобы указать, чего он не намерен сделать для них, причем взял обратно прежние заявления Вальполя, Пекингтона, Мальмсбери и свои собственные; остальные три часа он наполнил изложением бюджета, различными сообщениями о положении Ирландии, о защите отечества, о предполагаемых административных реформах и другими интересными вещами.

Основные начала бюджета заключаются в следующем:

1) *Интересы судоходства.* Понижается часть выгрузных пошлин, что составляет приблизительно 100 000 фун. стерлингов в год; это означает немного менее 6 пенсов ежегодно на одну тонну и может оказать сколько-нибудь заметное влияние на судоходство не ранее середины следующего года. Транзитные пошлины совершенно упраздняются. Некоторые полномочия адмиралтейства, неудобные для торгового флота, отменяются; так, например, морские офицеры, набирающие матросов в заграничных стоянках, лишаются права настаивать на немедленной уплате им жалованья; они должны оказывать безвозмездную помощь судам, попавшим в затруднительное положение; мирные суда не должны прогоняться в гаванях с мест, наиболее удобных для бросания якоря. Наконец, Нижняя палата должна учредить комиссию по вопросам о лоцманстве и балластных делах. Таковы постановления о судоходстве. Но, дабы фритредеры не могли похваляться, что брошенные им подачки содержат какие-либо положительные уступки, сохраняются без изменения таможенные пошлины на лес для постройки судов.

2) *Интересы колоний.* Разрешается рафинировать сахар, еще не оплаченный таможенною пошлиною, так что пошлина будет отныне взиматься по количеству лишь проданного рафинированного сахара, а не с сырья. Кроме того, предполагается облегчить эмиграцию китайцев в Вест-Индию, дабы обеспечить плантаторам достаточное количество дешевых рабочих. Дифференциальная пошлина на сахар не отменяется.

3) *Налоги на солод и хмель.* Налог на солод понижается наполовину, что, по утверждению Дизраэли, повлечет за собою уменьшение доходов на 2 500 000 фунтов стерлингов. Также должны быть понижены наполовину пошлины на хмель, что опять-таки вызовет уменьшение доходов на 300 000 фунтов стерлингов. Это понижение должно быть проведено в жизнь 10 октября 1853 года и вступает в силу с этого дня. Запрещение ввоза солода отменяется, и существующая ввозная пошлина на заграничный хмель должна быть понижена в соответствии с понижением внутреннего налога.

4) *Чай.* Теперешняя ставка понижается для всех сортов с 2 шиллингов $2\frac{1}{2}$ пенсов до 1 шиллинга на фунт; но это понижение должно быть проведено постепенно: в 1853 году — на $4\frac{1}{2}$ пенса и в каждый последующий год на 2 пенса до 1858 года. Для 1853 года это будет означать уменьшение доходов на 400 000 фунтов стерлингов.

5) *Поимущественный и подоходный налог.* Этот налог, утвержденный лишь до 5 августа 1853 г., возобновляется на три года; его размер сохраняется прежний, но распределение должно быть изменено. Должно быть проведено различие между обложением недвижимой собственности и налогом на доходы с промышленных предприятий. Недвижимости и процентные бумаги должны платить, как и раньше, по 7 пенсов с фунта. Для доходов с промышленных предприятий (аренда, торговля, также свободные профессии и жалованье) вводится понижение с 3 до 2 процентов, т. е. лишь $5\frac{1}{4}$ пенса с фунта. С другой стороны, минимальный доход, освобождающий от налога, понижается с 150 до 100 фунтов стерлингов в год, а для ипотек и ценных бумаг — до 50 фунтов стерлингов в год. Для того, чтобы арендаторы не пострадали от этих изменений, они будут оплачивать налогом не половину своей арендной платы, как до сих пор, а лишь одну треть, так что все арендаторы, уплачивающие ежегодную аренду менее 300 фунтов стерлингов, освобождаются от налога. Из особой милости по отношению к церкви все священники с ежегодным доходом в 150 фунтов стерлингов освобождаются от налога. Наконец, подоходный налог впервые распространяется на Ирландию, однако не на землевладельцев, а лишь на доходы от ценных бумаг и от жалованья.

6) *Квартирный налог.* Этот налог распространяется на всех арендаторов домов, уплачивающих 10 фунтов стерлингов, а не, как до сих пор, 20 фунтов стерлингов в год. Далее, квартирный налог удваивается с 6 пенсов до 1 шиллинга с фунта для магазинов и с 9 пенсов до 1 шиллинга 6 пенсов с фунта для жилых домов.

Итак, этот бюджет означает, с одной стороны, распространение

подоходного налога в Англии на те классы городского населения, которые до сих пор были от него свободны, и введение подоходного налога в Ирландии для владельцев ценных бумаг и для государственных чиновников; распространение квартирного налога на те классы городского населения, которые до сих пор были от него свободны, удвоение прежних налоговых ставок. *С другой стороны* — сокращение на 2 800 000 фунтов стерлингов налога на солод и хмель, падающего на сельское хозяйство; понижение на 100 000 фун. стерлингов пошлин с судоходства и уменьшение на 400 000 фун. стерлингов таможенных пошлин на чай.

Городское население подвергается более сильному обложению новым подоходным налогом, распространению на него квартирного налога и его удвоению для того, чтобы сельское население получило облегчение налогового бремени на 2 800 000 фунтов стерлингов. Мелкий лавочник, лучше оплачиваемый наемный рабочий и торговый приказчик должны участвовать в новом квартирном налоге и впервые видят себя обложенными подоходным налогом. С земельных участков уплачивается 7 пенсов с фунта, а с жилых домов в городе — 2 шиллинга 1 пенс. Понижение пошлины на чай не влияет на эти цифры, так как эта сумма очень мала по сравнению с повышенным прямым обложением, а выгоды от этого понижения одинаковы для деревни и для города.

Освобождение ирландских землевладельцев от всякого подоходного налога и английских арендаторов и духовенства от расширенного подоходного налога представляет собою открытое предпочтение деревни городу. Но кто же выигрывает от понижения налога на солод, — землевладелец, арендатор или потребитель? Понижение налогов означает уменьшение риска производителя. По законам политической экономии, понижение издержек производства должно было бы вызвать понижение цены, и выгоду от этого должен был бы получить не землевладелец и не арендатор, а лишь потребитель.

Но при этом необходимо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, почва, на которой произрастает первоклассный ячмень, имеется только на определенных земельных участках в Ноттингемпшайре, в Норфольке и т. д., а ввозу заграничного солода поставлен естественный предел, ибо ни ячмень, ни солод не переносят продолжительного морского пути. Во-вторых, крупные английские пивовары фактически имеют монополию, которая основывается на теперешней концессионной системе на открытие трактиров. Благодаря этому даже отмена хлебных пошлин не вызывала понижения цен на портер и на эль.

Таким образом, выгода от понижения пошлин на солод достанется не арендаторам и не потребителям, а будет поделена между землевладельцами и крупными пивоварами. А так как ненавистное столкновение акциза с земледелием должно быть сохранено, то взимание половинной суммы налога потребует таких же административных расходов, как и взимание полной суммы. В настоящее время расходы по взиманию 14 400 000 фун. стерлингов достигают 5 фунтов 6 шиллингов на сто. После уменьшения налога на 3 миллиона они составят от 6 фун. до 6 фун. 4 шиллингов. Словом, доход уменьшается, а накладные расходы увеличиваются.

Итак, бюджет Дизраэли сводится всего-навсего к вознаграждению землевладельцев, — и «вознаграждению весьма щедрому».

Но этот бюджет имеет также и другую, в высшей степени интересную особенность.

Если хотят провести систему свободной торговли, то прежде всего необходимо изменить финансовую систему. Поэтому Дизраэли и говорит: «Мы должны от косвенного обложения вернуться к прямому». И Дизраэли прав. Прямое обложение, как простейшая форма обложения, одновременно является его древнейшею и первою формою, которая идет рука об руку с общественным строем, основанным на землевладении. Лишь впоследствии города ввели систему косвенных налогов; но с течением времени последняя вступила в двойной конфликт с социальными потребностями благодаря растущему современному разделению труда, преобладанию крупного производства и прямой зависимости внутренней торговли от внешней и от мирового рынка. На границах государства эта система превращается в охранительные пошлины и нарушает или затрудняет свободный обмен с другими странами. Внутри государства она равносильна фискальному вмешательству в производство, изменяя относительные стоимости различных товаров и мешая свободной конкуренции и обмену. По этим двум причинам упразднение ее безусловно необходимо, и мы должны возвратиться к системе прямого обложения. Но последняя не допускает абсолютно никакого обмана, и каждый класс точно знает, какую долю государственных расходов он несет. Поэтому в Англии нет ничего более непопулярного, чем прямые налоги, подоходный налог, поимущественный налог, квартирный налог и т. д. Теперь спрашивается: каким образом промышленные классы Англии, вынужденные благодаря свободной торговле перейти к системе прямого обложения, могут ввести последнюю, не возбуждая общественного недовольства и не увеличивая своих собственных тягот?

Для этого существует три способа.

Во-первых, *атаковать государственный долг*. Но это означало бы нарушение общественного доверия, конфискацию, революционное мероприятие.

Во-вторых, *в центре обложения поставить земельную ренту*. Но и это представляло бы собою покушение на собственность, конфискацию, революционное мероприятие.

В-третьих, *отобрать церковные имущества*. Но это опять-таки являлось бы покушением на собственность, конфискацией, революцией.

«Ничего подобного, — отвечает Кобден, — мы должны только сократить государственные расходы, и тогда мы сможем также уменьшить теперешнее налоговое бремя».

Это — утопия. Во-первых, международные отношения между Англией и континентом требуют постоянного увеличения национальных расходов; во-вторых, победа промышленного класса, представленного Кобденом, привела бы к тому же результату, ибо благодаря ей борьба между капиталом и трудом сделалась бы лишь интенсивнее, и необходимо было бы увеличить средства защиты; словом, бюджет не допускает никакого сокращения.

Я резюмирую: свободная торговля толкает к системе прямых налогов. Прямое обложение включает в себя революционные мероприятия против церкви, против землевладельцев, против держателей государственных бумаг. Эти революционные мероприятия требуют сотрудничества с *рабочим классом*, а это сотрудничество лишает английскую *буржуазия* тех главных выгод, которых она ожидает от свободной торговли, а именно — неограниченного господства капитала над трудом.

ПОРАЖЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА.

Лондон, 17 декабря 1852 г.

Спешу сообщить вам результат вчерашнего ночного заседания, которое принесло министерству поражение. Этому общему поражению министров предшествовала единичная схватка, в которой с позором пал наиболее отчаянный из их компании, Ахилл-Бересфорд, военный министр. Комиссия для проверки выборов в Дерби сделала свой доклад. В нем подтверждаются все те факты, на которые ссылались в своем избирательном протесте либералы, и в заключение говорится, что надо считать доказанным, что во время выборов в Дерби действовала широко поставленная система подкупов. Но вместе с тем комиссия уклонилась от дальнейшего расследования доказательств и, вместо того, чтобы предъявить Бересфорду обвинение в покушении на подкуп, ограничилась строгим выговором ему за небрежное отношение и недостаточное внимание к возможным последствиям. Посмотрим, объявит ли себя парламент солидарным с этою почтенною комиссиею, разрешит ли он господину Бересфорду сохранить свое место в парламенте. В последнем случае была бы лишь доказана правильность замечательного изречения господина министра Бересфорда, что «английский народ представляет собою самую продажную чернь в мире». Как бы то ни было, но своего министерского портфеля м-р Бересфорд сохранить не может.

После этого краткого отступления я хочу возвратиться к моей собственной теме. Четыре ночи подряд и большую часть пятой ночи члены Нижней палаты дебатировали вопрос о том, должен ли быть подвергнут рассмотрению весь бюджет или лишь его общие основы, его принципы или данные, те или иные отдельные пункты. Наконец, они пришли к заключению, что Нижняя палата должна теперь заняться лишь вопросом о повышении квартирного налога, расширением области *прямого обложения*.

Это первое бюджетное предложение Дизраэли палата отклонила 305 голосами против 286. Большинство против министерства равнялось 19. После этого палата отложила свои заседания до ближайшего

понедельника. Недостаток времени не позволяет мне рассмотреть дебаты так подробно, как бы мне хотелось. Я должен поэтому ограничиться лишь изложением важнейших мест из речи Дизраэли, которая кажется мне наиболее замечательною из всех.

Сэр Чарльз Вуд, бывший министр финансов, и сэр Джеймс Грехем направили свои главные нападки против предложения Дизраэли обратить фонд для общественных работ (400 000 фунтов стерлингов в год) на покрытие дефицита, образуемого благодаря понижению пошлин на судоходство. Особенно энергично распинался сэр Джеймс Грехем, доказывая благодетельное действие этого фонда. Что же на это отвечает Дизраэли?

«Я хочу рассказать комиссии, какие кричащие злоупотребления производились с государственными деньгами, какие громадные суммы денег непроизводительно тратились фактически без ведома и воли парламента, исключительно при помощи этого фонда для общественных работ».

После этого следует детальное изложение скандальных финансовых операций, произведенных вигистским министерством суммами этого фонда. Затем Дизраэли переходит к развитию основных положений своего бюджета.

«Прежде чем договориться о первом шаге, который должен быть предпринят, необходимо в первую очередь разрешить в высшей степени важный вопрос о том, в какой мере мы должны повлиять на страну, чтобы она установила сумму прямых налогов, которая необходима министерству, желающему приступить к финансовой реформе. (Слушайте, слушайте!) Представитель Галифакса (сэр Чарльз Вуд) обвиняет меня в том, что я внес легкомысленное предложение об увеличении прямого обложения страны. (Слушайте, слушайте!) Представитель Карлейля (сэр Джеймс Грехем) обвиняет меня в необдуманном чрезмерном увеличении прямого обложения. Прежде всего, проект, внесенный мною от имени правительства, не только не предлагает с легким сердцем увеличения суммы прямых налогов, но, если бы он был принят, то не привел бы даже к тому усиленному обложению, которое было введено во время финансового управления высокопочтенного джентльмена, представителя Галифакса, который прибегал не только к подоходному и поимущественному налогу, но даже к налогу на окна; этот налог в последний год своего существования принес ему почти два миллиона фунтов стерлингов. (Аплодисменты.) Достопочтенный депутат, который предостерегает нас против легкомысленного повышения прямого обложения, понизил доходы от налогов на окна и в последний год удовлетворялся скромною

суммою в 700 000 фунтов, которую ему еще принес видоизмененный налог на окна. Я не могу забыть, что достопочтенный член палаты, легкомысленно обвиняющий меня в повышении суммы прямого налога, первоначально предложил полное преобразование, при котором его квартирный налог еще превысил бы предложенный мною. (Громкие аплодисменты.) Но это еще не все, что сделал этот почтенный джентльмен, который обвиняет меня в легкомысленном повышении прямых налогов страны. Вы видите в его лице министра, при котором взимался поимущественный налог, полные размеры которого выясняются для нас только теперь; на-ряду с этим он взимал налог на окна почти в два миллиона ежегодно; в один прекрасный день появляется этот министр перед Нижнею палатой и предлагает пришедшим в ужас слушателям приблизительно удвоить поимущественный и подоходный налог. (Громкие аплодисменты.) Такое поведение я называю безжалостным и легкомысленным... Нам говорят об удвоении квартирного налога, — безобидная сумма! Но если бы почтенный джентльмен провел удвоение поимущественного и подоходного налога, его, по моему мнению, вполне можно было бы обвинить в легкомысленном повышении прямых налогов страны. (Громкие аплодисменты.) И он еще говорит о легкомыслии! Но разве что-нибудь во всей истории наших финансов может сравниться с тем легкомыслием, какое проявил этот почтенный джентльмен? (Громкие аплодисменты). А что давало ему право вносить свои чрезмерные и невероятные предложения? Предложения, которые можно было бы делать лишь в том случае, если бы от них зависело спасение страны. Когда же он был отвергнут, разбит, осыпан насмешками, он неожиданно заявил, что имеет достаточно доходов и может обойтись без своего предложения. (Шумные, продолжительные аплодисменты.) Никто не захочет поверить будущему историку, что был такой министр, который в один прекрасный день захотел удвоить подоходный налог, а уже на следующий день заявил, что у него совершенно достаточно средств и доходов». (Новые аплодисменты.)

Покончив, таким образом, с сэром Чарльзом Вудом, Дизраэли продолжает:

«Мы должны установить, что существует различие между имуществом и доходом, между неопределенным доходом и определенным. Мы должны также, и прежде всего, выставить принцип, который мы считаем и считали правильным и который, если и не теперь, то со временем, будет всеми признан правильным и принят, а именно, что *базис прямого обложения должен быть расширен* (одобрение на правительственных скамьях)... Если бы в нашей социальной системе

установился принцип, что могут существовать классы, которые пользуются политической властью для того, чтобы обременять более богатую часть общества несправедливыми прямыми налогами, а рабочих — несправедливыми косвенными налогами, то я не мог бы представить себе обстоятельства, более рокового для нашей страны и более чреватого дурными последствиями. (Аплодисменты.) Но я убежден в том, что привилегированные классы первые почувствовали бы на себе эти печальные последствия».

Обращаясь к фритредерам, Дизраэли продолжает:

«Мы видели здесь, что большие противники колониальных пошлин, объединившись, как один человек, выступают за высокое обложение производителей; мы видим здесь, что как бы в насмешку над нами прибегают ко всем тем ложным выводам, от которых мы, наконец, имели похвальное мужество отказаться. (Бурные овации.) И вы мне говорите, что протекционизм умер, и вы говорите, что нет партии протекционистов! О, нет, она жива, и она здесь (указывая на скамью оппозиции). Вместе с нашими скамьями вы присвоили себе наши основные принципы, но я уверен, что вы будете иметь столь же мало успеха». (Аплодисменты.)

На благожелательный совет сэра Чарльза Вуда — взять бюджет обратно — Дизраэли отвечает в заключение следующим образом:

«Мне советуют взять обратно мой бюджет. Питт взял обратно свой бюджет, и еще совсем недавно то же самое сделали некоторые другие лица (виги и в частности сэр Чарльз Вуд). (Смех.) Я не мечтаю о славе Питта, но я также не хочу пасть до уровня этих других. (Громкие аплодисменты.) Нет, господа, я уже видел, к каким результатам для правительства приводит то обстоятельство, что оно не в состоянии провести своих мероприятий. Эти результаты приносят мало чести правительству и мало пользы стране; кроме того, они, по моему мнению, несовместимы с достоинством этой палаты, которое ближе всего моему сердцу. (Громкие аплодисменты.) Я вспоминаю об одном бюджете в 1848 году, который был взят обратно, снова внесен и вторично взят обратно. (Смех.) Что же случилось с этим едва терпимым правительством? Что случилось с финансами этой страны? Мы тогда вынуждены были прибегнуть к позорной операции, к тому видоизменению налога на окна и дома, которое я теперь стараюсь исправить. (Аплодисменты.) Зло сидит глубже, дело идет здесь не только о партийных вопросах... Да, я хорошо знаю, кого я буду иметь против себя. То будет коалиция. (Аплодисменты.) И, быть может, коалиция удачная. У нас не раз были коалиции, которые имели успех. Но даже самые удачные коалиции существовали лишь недолго. И я знаю также, что

Англия не любит коалиций. (Аплодисменты.) От коалиции я апеллирую к тому общественному мнению, которое управляет страной, к тому общественному мнению, которое своею мудростью и непреодолимым давлением может влиять даже на решения парламента и без поддержки которого даже наиболее возвышенные и старые учреждения остаются бессильным порождением фантазии». (Дизраэли возвращается на свое место при нескончаемых оглушительных аплодисментах.)

Что говорит пресса о поражении министров?

«Morning Chronicle» (орган пилитов) и «Morning Advertiser» (орган радикалов) считают отставку министерства несомненной. «Times» держится того же мнения, хотя и сильно сомневается в том, сможет ли оппозиция так же быстро образовать новое министерство, как быстро она свалила старое. «Daily News» (орган манчестерцев) обсуждает возможность восстановления павшего министерства, а именно в комбинации с лордом Пальмерстоном. «Morning Post» (Пальмерстон) считает это восстановление открытым вопросом. Наконец, «Morning Herald» (направления Дерби-Дизраэли) заявляет, что если министры подадут сегодня в отставку, королева вынуждена будет завтра снова призвать их. Одно несомненно: министерство пало из-за фритредерской резолюции и в результате предложения о расширении прямых налогов. Ему во всяком случае остается то удовлетворение, что если оно смогло успешно отразить первый парламентский удар лишь ценою отказа от своих собственных основных принципов, то и оппозиция победила во втором сражении лишь благодаря тому, что отказалась от своих принципов. В этих дебатах вполне подтвердилось то, что я уже раньше говорил о положении парламентских партий. Коалированная оппозиция имеет по сравнению с компактной массой (286) ториев большинство лишь в 19 голосов. Попробуй она образовать новое правительство. Оно падет при первом же столкновении. Если правительство из оппозиционных партий распустит Нижнюю палату, новые выборы будут происходить при прежних условиях; получится тот же результат, т. е. появится новая Нижняя палата, в которой различные партии будут взаимно обессиливать одна другую и в которой начнется снова старая игра: политика Англии снова должна будет вращаться в заколдованном кругу.

Поэтому для меня стоит попрежнему старая дилемма: либо дальнейшее существование торийского правительства, либо реформа парламента.

**КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВО ЭБЕРДИНА
МИЛАНСКОЕ ВОССТАНИЕ**

ОТЖИВШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. — ПЕРСПЕКТИВЫ КОАЛИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Лондон, 11 января 1853 г.

«Мы подошли теперь к началу политического *«тысячелетнего царства»* (*Political Millenium*): на земле уже нет партийных раздоров, и лишь гений, опыт, прилежание и любовь к родине одни дают право на занятие должности. Мы имеем теперь министерство, которое, как нам кажется, может быть уверено в одобрении и поддержке всех направлений. Его основные принципы заслуживают всеобщего одобрения и поддержки».

Таковыми словами «Times» в первом пылу своего энтузиазма приветствовал министерство Эбердина. Отсюда можно было бы заключить, что Англия будет отныне осчастливлена министерством, состоящим исключительно из новых, молодых, многообещающих сил. Поэтому мир будет не мало удивлен, узнав, что для введения новой эры в Великобритании призваны неработоспособные восьмидесятилетние старцы. Эбердину — восемьдесят лет; Ленсдоун стоит одною ногою в могиле; Пальмерстон и Россель быстрым темпом приближаются туда же; Грехем, типичный чиновник, служит с конца прошлого столетия почти при всех правительствах; некоторые другие члены кабинета уже дважды умирали от старческой слабости и истощения и теперь лишь искусственно пробуждены к жизни. Словом, если информатор «Times'a» применил к этой дюжине столетних старцев простое сложение, то нет ничего удивительного, что он таким манером легко получил новое «тысячелетнее царство».

Нам обещают, что в этом «тысячелетнем царстве» должны исчезнуть не только всякие партийные раздоры, но даже сами партии. Верит ли этому «Times» на самом деле? Неужели все партии должны с этого часа перестать существовать по той причине, что определенные аристократические круги, которые до сих пор считали своею привилегиею образовывать партии, называющие себя национальными или парламентскими, увидели теперь, что комедия приходит к концу, и что эти аристократические котерии, придя к этому убеждению и в

результате недавних жестоких уроков, оставляют свои мелкие препритательства и хотят объединиться в компактную массу для защиты своих общих привилегий? И не служит ли именно то обстоятельство, что образуется такая «коалиция», вернейшим признаком того, что наступило время, когда заметно усилившиеся, но все же в известной части еще не представленные основные классы современного общества — промышленная буржуазия и рабочий класс — готовятся потребовать для себя права быть единственными политическими партиями нации?

В правление лорда Дерби тории раз навсегда отказались от своего старого протекционизма и высказались за свободную торговлю. Когда лорд Дерби объявил об отставке своего кабинета, он сказал: «Милорды, я вспоминаю, — да и вам, милорды, это памятно, — что благородный лорд (Эбердин) неоднократно заявлял перед этою палатой, что кроме вопроса о свободной торговле не существует *ни одного* вопроса, в котором он расходился бы с теперешним правительством». И лорд Эбердин, подтверждая это заявление, пошел еще дальше: «Он единодушен с благородным лордом (Дерби) в борьбе против экспессов демократии, но при всем своем желании не может открыть существование последней». Обе стороны признают, что не существует уже никакого различия между «пилитами» и «ториями». Но этого мало. По поводу внешней политики лорд Эбердин замечает: «Хотя в практике и были незначительные отклонения, но в принципе внешняя политика нашего государства была всегда одна и та же в продолжение последних тридцати лет». Итак, вся борьба между Эбердином и Пальмерстоном, продолжавшаяся с 1830 до 1850 года, борьба, в которой первый требовал союза с северными государствами, а последний — «*entente cordiale*» (сердечного согласия) с Францией, причем один был за Луи-Филиппа, а другой — против, один против вмешательства, а другой — за него; все их споры и разногласия, даже их недавнее общее возмущение «позорною» политикою лорда Мальмсбери во внешних делах, — все это, по их же признанию, было лишь обманом.

Да существует ли вообще в политических условиях Англии что-либо другое, что изменилось бы столь основательно, как ее внешняя политика? До 1830 года союз с северными государствами; с 1830 года союз с Францией (четверной союз); с 1848 года полнейшая изоляция Англии от всего континента.

После того как лорд Дерби заверил нас, что нет никакого различия между ториями и пилитами, лорд Эбердин уверяет нас, что пилиты и виги, консерваторы и либералы, точно так же ничем не

отличаются друг от друга. По его мнению, «страна устала от этих тонких различий, которые не имеют никакого смысла и не оказывают никакого влияния на поведение или принципы общественных деятелей. Другое правительство, кроме консервативного, невозможно, но столь же верно и то, что возможно лишь правительство либеральное».

Смысл этих слов не очень ясен. Страна устала от этих тонкостей, которые не имеют никакого смысла.

Итак, три аристократические партии — тории, пилиты и виги — согласны в том, что они в действительности не имеют ничего, что отличало бы их друг от друга. И еще в другом они согласны. Дизраэли заявил, что он согласен проводить принцип свободы торговли. Лорд Эбердин говорит: «Великая задача теперешних министров ее величества и главная особенность ее правительства должны состоять в сохранении и мудром расширении свободной торговли. Это та миссия, которою они в особенности облечены». Одним словом, вся аристократия убеждена в том, что правительство должно действовать к выгоде, т. е. в интересах буржуазии, но вместе с тем она решила не допускать того, чтобы сама буржуазия руководила этим делом. Для этой цели все, что имеется у старой олигархии в смысле талантов, влияния и авторитета, с последним напряжением сил делегируется в министерство, задача которого состоит в том, чтобы по возможности дольше удержать буржуазию от непосредственного доступа к власти. Объединенная аристократия Англии намерена применить по отношению к буржуазии то же правило, которым руководился Наполеон по отношению к народу: «*Tout pour le peuple, rien par le peuple*» (все для народа, но ничего через народ).

Эрнест Джонс замечает в «*People's Paper*»: «Разумеется, явное намерение исключить буржуазию придется некоторым образом затушевать, и они (министры) надеются легче всего достигнуть этого предоставлением некоторых подчиненных и невлиятельных мест аристократическим либералам, как сэр Вильям Мольсворт, Бирнелль Осборн и другие. Но они не должны думать, что этот шутовской либерализм удовлетворит строгих господ из манчестерской школы. Последние имеют в виду настоящую сделку (*business*) и ничего меньше. Они стремятся к фунтам, шиллингам и пенсам, они стремятся к местам и должностям, они хотят пользоваться гигантскими доходами величайшего в мире государства, которое со всеми своими ресурсами должно быть целиком подчинено исключительно их классовым интересам».

И действительно, достаточно одного взгляда на «*Daily News*»,

«Advertiser» и особенно на «Manchester Times», орган Брайта, чтобы убедиться в том, что сторонники манчестерской школы, обещая коалиционному правительству свою временную поддержку, преследуют ту же политику, которую виги и пилиты приняли по отношению к последнему министерству Дерби: они хотят дать возможность министрам «испытать себя» (fair trial). Дизраэли имел только недавно случай изведать, что это значит.

Так как поражение торийского кабинета было решено ирландскою бригадою, то новое коалиционное министерство естественно считало необходимым предпринять шаги для того, чтобы обеспечить себе парламентскую поддержку этой фракции. Г-н Седлер, этот маклер ирландской бригады, был быстро завоеван назначением на должность лорда казначейства. Г-ну Киху был предложен пост ирландского генерального прокурора, а г-н Монселль получает должность в артиллерийском управлении. «Этими тремя подкупками, — пишет «Morning Herald», — они надеются завоевать ирландскую бригаду». Но еще вопрос, достаточно ли этих трех подкупков, чтобы обеспечить себе поддержку всей ирландской бригады. В «Irish Freeman's Journal» мы, например, уже читали: «Теперь наступил решительный момент для завоевания религиозной свободы и прав арендаторов. Ожидает ли эти стремления удача или неудача, зависит теперь уже не от министров, но от ирландской фракции. Министерство Дерби было опрокинуто девятнадцатью голосами. Если бы десять человек перешли на другую сторону, все дело сложилось бы совсем иначе. При таком положении ирландские депутаты всемогущи».

В конце моего последнего письма я высказал свое мнение о том, что существует одна альтернатива: торийское правительство или парламентская реформа. Вашим читателям будет интересно узнать мнение лорда Эбердина по этому же вопросу. Он говорит: «Улучшение положения народа не может исключать улучшения представительной системы (sic!), ибо события, имевшие место во время последних выборов, были, без сомнения, такого рода, что вряд ли кто-нибудь воспылял особой любовью к этой системе». Коллеги лорда Эбердина точно так же заявили единодушно во время выборов, — которые сделались необходимыми благодаря их вступлению в министерство, — что реформа представительной системы необходима. Разумеется, они каждый раз давали своим слушателям понять, что подобные реформы «должны быть умеренными, разумными и быть проведены не опрометчиво, но осторожно и после долгого обсуждения». Итак, чем больше недостатков обнаруживает теперешняя представительная система

и чем больше эти недостатки всеми сознаются, тем больше придется желать, чтобы она не была изменена быстро и основательно.

По случаю последних перевыборов министров было впервые испытано новое изобретение, позволяющее политикам сохранять свой характер при всех обстоятельствах, независимо от того, состоят ли они на государственной службе или нет. Это изобретение состоит в том, чтобы играть понятием «открытый вопрос» в мере, до сих пор небывалой. Осборн и Вилльерс высказывались раньше за тайное голосование. Теперь они объявляют это «открытым вопросом». Мольсворт стоял за колониальные реформы, теперь это — «открытый вопрос». Ких, Седлер и другие были сторонниками права арендаторов, теперь это — «открытый вопрос». Одним словом, все пункты, которые для них, как для депутатов парламента, давным-давно считались окончательно решенными, теперь, когда они стали министрами, ставятся снова под знак вопроса.

В заключение я должен отметить еще одно замечательное обстоятельство, проистекающее из коалиции пилитов, вигов, радикалов и ирландцев. Каждый из их выдающихся представителей выброшен из того ведомства, для которого он, по крайней мере по слухам, обладает наибольшим талантом или наилучшими способностями, и назначен на пост, для которого он на редкость мало подходит. Пальмерстон, этот знаменитый министр иностранных дел, назначен в министерство внутренних дел, из которого Россель, состаревшийся на этом посту, удален с тем, чтобы получить иностранные дела. Гладстон, этот Эскобар пьюзеизма, становится министром финансов. Мольсворт, приобретший некоторую известность в качестве подражателя или сторонника сумасбродной колониальной системы м-ра Векфильда, становится министром общественных работ. Сэр Чарльз Вуд, который в качестве министра финансов неизменно спотыкался либо о дефицит, либо об остатки в казначействе, получает пост председателя Контрольного совета Индии. Монселль, вряд ли способный отличить винтовку от мушкета, назначен секретарем артиллерийского ведомства. Единственный человек, попавший на свое место, это сэр Джеймс Грехем, который в должности первого лорда адмиралтейства уже давно завоевал себе весьма большую славу тем, что ввел в британском флоте ~~rotten worm~~ (гнилого червяка).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ. — ПРОЦВЕТАНИЕ ТОРГОВЛИ. — СЛУЧАЙ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ.

Лондон, 14 января 1853 г.

Когда лорд Джон Россель получил в министерстве иностранных дел знаки своего достоинства, он заявил, что намерен занимать этот пост лишь временно и в ближайшем будущем уступит место графу Кларендону. И действительно, в министерстве иностранных дел лорд Россель всегда оставался «иностранцем»; он там никогда ничем не выделялся, если не считать того, что издал скучную компиляцию истории договоров, заключенных со времени Нимвегенского мира, произведение, которое читается с таким же интересом, как «трагедия», которою тот же Россель в один прекрасный день удивил мир. По всей вероятности лорд Джон сделается лидером Нижней палаты, сохранив место в кабинете, и вся его деятельность сосредоточится, повидимому, на создании нового билля о реформе. Ведь реформа парламента издавна является специальностью Росселя, еще с 1831 года, когда он ухитрился столь мастерски поделить «гнилые местечки» между ториями и вигами.

Мое предсказание, что трое купленных министерством ирландцев не окажутся в состоянии перетянуть на сторону коалиции всю бригаду, — оправдалось полностью. Поведение «Freemans Journal» и «Tablet», содержание речей и заявлений господ Люкеса, Мура и Деффи, наконец резолюция, принятая на последнем собрании «Союза защиты прав арендаторов» против господ Седлера и Киха, достаточно свидетельствуют о том, что правительство Эбердина может рассчитывать лишь на весьма незначительную ирландскую фракцию.

Как известно, лорд Эбердин, глава кабинета, будет заседать в Верхней палате. Недавно в Манчестере на банкете в честь Ингерсоля, нового американского посла, м-р Брайт воспользовался случаем заявить, что *conditio sine qua non* прогресса промышленного среднего класса является полное уничтожение Верхней палаты. Это первое официальное заявление манчестерской школы со времени образования коалиционного министерства, наверное, поможет лорду

Эбердину напасть на след той демократии, которой лорд Дерби так сильно боится.

Итак, партийная борьба, которую пылкий сотрудник «Times'a» объявил навсегда потухшею, снова разгорелась, несмотря на то, что «тысячелетнее царство» началось отсрочкою заседаний парламента до 10 февраля.

К началу нового года было громогласно возвещено продолжение и усиление торгового процветания, для доказательства чего были пущены в ход также отчеты о государственных доходах до 5-го сего месяца, статистические таблицы министерства торговли за этот месяц и за предшествующие одиннадцать месяцев (кончая 5 декабря 1852 года), далее отчеты фабричных инспекторов и, наконец, выходящие к началу каждого года торговые отчеты с обзором состояния торговли за весь истекший год.

Отчеты о государственных доходах показывают их увеличение на 978 920 фунтов стерлингов за весь год; за четверть года — на 702 770 фунтов стерлингов.

Этот год показывает увеличение по всем статьям, за исключением *таможенных пошлин*. Общая сумма государственных доходов составляет 50 486 193 фунта стерлингов.

Акцизные сборы, по которым считают возможным судить о степени народного благосостояния, дали за год, до 5 января 1852 года, 13 093 170 фунтов стерл., а в следующем году — 13 356 981. *Штемпельные сборы*, являющиеся масштабом для суждения о степени оживленности торгового рынка, дали в 1851 — 1852 гг. — 5 933 544 фунт. стерлингов, а в 1852 — 1853 гг. — 6 287 261. *Поимущественный налог*, показывающий увеличение богатства высших классов, принес в 1851 — 1852 гг. 5 304 923 фунта стерлингов, а в 1852 — 1853 гг. — 5 509 637 ф. ст.

Министерство торговли показывает следующие цифры: стоимость товаров, вывезенных с 5 ноября по 5 декабря: в 1852 г. — 6 102 694 фунт. стерл., в 1851 г. — 5 138 216, в 1850 г. — 5 362 319. Стоимость товаров, вывезенных в течение 11 месяцев до 5 декабря: в 1852 г. — 65 349 786, в 1851 г. — 63 314 272, в 1850 г. — 60 400 525.

Итак, за месяц увеличение стоимости вывоза составляет почти миллион, а за одиннадцать месяцев — свыше двух миллионов. Однако насколько уравновешено или превзойдено это увеличение возросшим ввозом, — мы не можем сказать из-за полного отсутствия сведений о последнем.

В своем только что опубликованном отчете за полугодие, закончившееся 31 октября 1852 года, Леонард Горнер, фабричный

инспектор Ланкаширского округа, пишет: «В моем округе в шерстяном, камвольном и шелковом производствах в течение последнего года произошло мало изменений; льнопрядильни остались также без изменения со времени 1 ноября 1851 года. Но необходимо отметить сильное увеличение хлопчатобумажных фабрик. Если не считать фабрик, которые в данный момент не работают,—хотя весьма многие из них будут вскоре снова работать, в особенности те, в которых остались машины,—то в течение последних двух лет пущены в ход 129 новых фабрик с числом лошадиных сил 4 023. В 63 случаях существующие фабрики расширены на 2 090 лошадиных сил, так что общее увеличение лошадиных сил равно 6 113, что соответствует увеличению числа рабочих приблизительно на 24 000. При этом еще непрерывно строятся новые фабрики; на ограниченном участке, охватывающем города Эштон, Стелибридж, Ольдгем и Лиз, в настоящий момент строятся *одиннадцать* фабрик, которые вместе оцениваются в 620 лошадиных сил. Машиностроители засыпаны заказами; один очень умный, наблюдательный фабрикант сказал мне недавно, что многие из начатых теперь постройкою фабрик смогут начать работу, вероятно, не ранее 1854 года, ибо невозможно достать для них машины. Но как ни велик прирост, отмечаемый в моих отчетах и в отчетах, которые публикуются теперь моими коллегами, они никоим образом не охватывают всего прироста. Ибо существует большой и очень богатый источник увеличения производства, о котором очень трудно получить сведения. Я имею в виду современные усовершенствования для паровых машин и самые эти новые машины, работоспособность которых значительно превосходит ту, которая соответствует их номинальной мощности и которую раньше считали бы невозможною».

Далее Горнер цитирует письмо выдающегося гражданского инженера Нэсмита из Бирмингама, из которого видно, насколько может увеличиться производительность, если заставить машины более быстро работать и снабдить их вольфовым двойным цилиндром высокого давления, благодаря которому машины дают по меньшей мере на 50 процентов больше работы, нежели до этого.

Из отчетов всех фабричных инспекторов видно, что в течение года, кончающегося 31 октября 1852 года, общее число всех новых, находящихся в ходу фабрик равнялось 229 с числом паровых двигателей в 4 771, лошадиных сил и водяных — в 586 лош. сил; расширены 69 уже существующих фабрик с числом паровых двигателей в 1 532 лош. силы и водяных — в 28, что составляет в общем 6 917 лош. сил.

Ежегодные торговые отчеты дышат тем же духом энтузиазма, что и «Times», когда он недавно возвещал новое «тысячелетнее царство», но они имеют перед ним то преимущество, что опираются на факты, а не только на одни ожидания, по крайней мере поскольку речь идет об истекшем годе.

Сельское хозяйство также не может пожаловаться. К началу года цена пшеницы была 37 шиллингов 2 пенса, к концу года — 45 шиллингов 11 пенсов. За вздорожанием зерна последовало повышение цен на скот, мясо, масло и сыр.

В августе 1851 года наступило неслыханное падение цен на колониальные товары, главным образом на сахар и кофе; это падение продолжалось весь 1851 год, ибо паника в «Минсинг Лайн» (центр торговли колониальными товарами) достигла своего апогея лишь в январе 1852 года. Теперь ежегодно отчеты отмечают значительное повышение цен на большинство заграничных продуктов, в особенности на колониальные продукты: сахар, кофе и т. д.

О положении дел в области сырья мы можем судить на основании следующих данных: «Согласно отчету господ Юза и Рональда, торговля шерстью была в течение всего года в высшей степени удовлетворительна... Внутренний спрос на шерсть был необыкновенно большой... экспорт шерстяных и камвольных товаров достиг таких размеров, что превысил даже экспорт 1851 года, высота которого до сих пор была наибольшая... Цены повышались все время, но лишь в течение последнего месяца они так решительно пошли вверх, что в среднем превосходят цены прошлого года на 15 — 20 процентов».

«Лесное дело, — заявляют Черчилль и Лейн, — имело свою значительную долю в общем процветании страны в 1852 г... Ввоз в Лондон составлял 1 200 корабельных грузов, ровно столько, как в 1851 году. Оба года превзошли на 50 процентов предшествующие годы, которые показывали в среднем 800 грузов. Если количество строевого леса осталось на средней высоте ряда прежних лет, то спрос на доски, пиленые брусья в 1852 г. непомерно увеличился; со средней ежегодной цифры 4 900 000 штук он повысился до 6 800 000».

О кожах фирма «Пауэлль и К^о» сообщает следующее: «Только что истекший год был, без сомнения, очень благоприятен для кожевенной промышленности. Сырой материал стоил к началу года очень дешево, а потом наступили обстоятельства, повысившие стоимость кож больше, чем то имело место в предыдущие годы».

Особенно процветает железоделательная промышленность, ибо железо вздорожало с 5 фунтов стерлингов за тонну до 10 фунтов 10 шиллингов, а недавно даже до 12 фунтов стерлингов; возможно,

что последует еще повышение до 15 фунтов стерлингов; а доменных печей пускается в ход все больше и больше.

О судоходстве дают отчет Оффор и Генимен: «В только что истекшем году британское судоходство отличалось необычайным оживлением: причиною тому было оживление в делах, вызванное открытием австралийского золота... Количество грузов непрерывно возрастало».

О таком же оживлении в области судостроения сообщают господа Тондж, Кэрри и К^о из Ливерпуля: «Мы никогда раньше не могли сообщить столь благоприятные сведения о продаже судов в этой гавани как в смысле размеров проданного тоннажа, так и в смысле полученных цен. Колониальные суда повысились в цене на 17 процентов с продолжающейся тенденцией к повышению. Число непроданных судов уменьшилось до 48, вместо 76 в 1852 году и 81 в 1851 году, а вместе с тем в ближайшем будущем не предвидится новых поступлений...»

«Число проданных в течение этого года в Ливерпуле судов—120 с тоннажем в 50 000 тонн. Число судов, спущенных в нашей гавани в воду или находящихся в постройке, равнялось в 1851 году 39 (около 9 200 тонн). Число находящихся в постройке или изготовленных пароходов составляло 13 (4 050 тонн)... В высшей степени замечательно, что все большее предпочтение отдается железным парусным судам; как здесь, так и на Клайде, в Ньюкестле и повсюду судостроители заняты постройкою этих судов в размерах еще небывалых».

О железных дорогах Вуде и Стебб пишут: «Отчеты дают право на самые смелые ожидания и превосходят все прежние расчеты. Отчет за последнюю неделю показывает, по сравнению с 1851 годом, удлинение рельсовой сети на 351 милю, или на 5½ процентов, и увеличение перевозок на 41 425 фунтов стерлингов, или на 14%».

Наконец, Дюфей и К^о (Манчестер) в своем отчете характеризуют торговый оборот с Индией и Китаем в декабре месяце как очень обширный. Уже упомянутое обилие денег благоприятствовало предприятиям на отдаленных рынках и позволило их участникам возместить убытки, понесенные ими к началу года на продуктах промышленности и колониальных товарах. В настоящий момент новые сельскохозяйственные, горностроительные и другие проекты привлекают к себе спекулянтов и капиталистов.

Процветание промышленных округов вообще и хлопчатобумажных в частности было уже отмечено в отчетах фабричных инспекторов. Фирма Джон Рингли и сын (Ливерпуль) сообщает о хлопчатобумажном производстве: «Рост хлопчатобумажной промышленности в истекшем году является высоко приятным событием как показа-

тель общего преуспевания страны. При этом обнаружился целый ряд удивительных вещей. Но более всего замечательна и бросается в глаза та поразительная легкость, с которою был переработан еще небывалый до сих пор урожай в 3 миллиона кип, привезенный из Соединенных Штатов Америки. Во многих округах уже принимаются подготовительные меры к дальнейшему расширению фабричных предприятий, и мы можем ожидать, что в ближайшем году будет переработано большее количество хлопка, чем когда-либо раньше.

То же относится в равной мере ко многим другим отраслям промышленности. «Укажем на Глазго, — говорят господа Мак-Нер, Гринхау и Ирвинг (Манчестер), — с его железнорудной и хлопчатобумажной промышленностью, на Ходдерсфилд, Лидс, Галифакс, Бредфорд, Ноттингем, Лейстер, Шеффилд, Бирмингам, Вольвергемптон с их разнообразными отраслями промышленности, — все они, по видимому, находятся в состоянии величайшего процветания».

Единственным исключением является шелковая промышленность и шерсточесальни в Йоркшире. И один отчет из Манчестера вполне правильно характеризует общее положение дел таким образом: «На нас это производит скорее впечатление сверхспекуляции, чем бездеятельности и недостатка средств».

В самый разгар этого всеобщего оживления вызвал в торговом мире всеобщее смущение один шаг, недавно предпринятый Английским банком. 22 апреля 1852 года банк понизил учетный процент до 2. Утром 6 января 1853 года распространился слух, что учетный процент повышается с 2 до 2½, т. е. на 25%. Это повышение пытались объяснить крупными обязательствами, которые были выданы некоторыми крупными железнодорожными предпринимателями, о которых было известно, что они имеют в обращении векселя на очень большие суммы. В других кругах полагали, напр. лондонский «Sun», что Английский банк, повышая учетный процент, хотел получить свою долю выгоды от общего процветания. В общем, к этому шагу отнеслись отрицательно как к «ненужному». Дабы его можно было вполне оценить, я привожу здесь следующие данные из «Economist'a»:

Английский банк.			
	Золото	Бумажное обеспечение	Минимальный учетный процент
	(в фунтах стерлингов)		
22 апреля 1852 г.	19 587 670	23 782 000	понижен до 2 %
24 июля » »	22 065 349	24 013 728	» » 2 »
18 декабря » »	21 165 224	26 765 724	» » 2 »
24 декабря » »	20 794 190	27 545 640	» » 2 »
1 января 1853 »	20 527 662	29 284 447	2%, но с 6 янв. пов. до 2½.

Итак, в банке имеется золота на один миллион больше, чем в апреле 1852 г., когда учетный процент был понижен до 2; но есть большая разница между этими обоими периодами, ибо движение золота перешло из фазы прилива в фазу отлива. Особенно силен отлив, превысивший ввоз золота из Америки и Австралии, за последний месяц. Кроме того, бумаг было в апреле на $5\frac{1}{2}$ миллионов меньше, чем теперь. Следовательно, в апреле предложение ссудного капитала превышало спрос на него, в то время как теперь имеет место обратное соотношение.

Вывоз наличного золота сопровождался заметным падением заграничного вексельного курса — явление, которое объясняется отчасти значительным повышением цен на большинство предметов ввоза, отчасти обширною спекуляциею с предметами ввоза. К этому еще присоединяются влияние на сельское хозяйство неблагоприятной осени и зимы, сомнения и опасения насчет ближайшего урожая и, как результат этого, неимоверная спекуляция с заграничным зерном и мукою.

Наконец, английские капиталисты принимали выдающееся участие в основании железнодорожных и других обществ во Франции, Испании, Италии, Швеции, Норвегии, Дании, Германии и Бельгии и еще участвуют в том всеобщем мошенничестве, которое царит теперь на парижской бирже. Поэтому векселя на Лондон имеются теперь на всех европейских рынках в большем числе, чем когда-либо раньше, что вызывает продолжающееся падение вексельного курса. 24 июля 1 фунт стерлингов стоил 25 франков 30 сантимов, а 1 января — только 25 франков, а кое-где даже меньше 25 франков.

Поскольку спрос на капитал возрастал по сравнению с его предложением, последнее мероприятие Английского банка кажется вполне правильным. Но поскольку оно должно воспрепятствовать спекуляции и эмиграции капитала, я осмеливаюсь предсказать ему полнейшую неудачу.

После того как читатели столь терпеливо следовали за мною при перечислении всех фактов, доказывающих растущее преуспеяние Англии, я прошу их уделить немного внимания истории бедного игольщика, Генри Моргана, отправившегося из Лондона в Бирмингем в поисках работы. Дабы избежать обвинения в преувеличении, воспроизвожу буквально сообщение из «Northampton Journal».

Смертный случай в результате полного отсутствия средств к существованию.

Косгров. Когда в понедельник утром, около 9 часов, двое рабочих, спасаясь от дождя, хотели укрыться в низкий овин, принадлежащий господину Следу из Косгрова, они услышали там громкие стоны. Они стали искать и нашли человека,

лежащего в углу совершенно без сил. Они дружески заговорили с ним и предложили ему разделить с ними завтрак, но не получили никакого ответа. Когда они дотронулись до него, он оказался совершенно холодным. Они позвали господина Следа, находившегося поблизости. Последний через некоторое время велел работнику отвезти найденного человека в тележке, с настланной соломой в приют для бедных в Ярдли Гобион, на расстоянии около одной мили. Туда они прибыли приблизительно через час, но через четверть часа после приезда несчастный умер. Исхудавшее, плохо одетое, сплошь покрытое грязью тело представляло печальное зрелище. Насколько можно судить, этот несчастный получил в четверг 2-го от надзирателя над бедными в Стокей Стредфорде разрешение на ночевку в приюте в Ярдли; он был принят там после того, как проделал пешком длинный путь в Ярдли, больше трех миль. Он с большим аппетитом съел предложенный ему ужин и попросил разрешения остаться еще на один день и на одну ночь, что и было ему разрешено. В субботу, вскоре после завтрака (возможно, что это была его последняя еда на земле), он оставил приют и пошел обратно в Стредфорд. Будучи, повидимому, очень слаб, с израненными ногами — у него была поранена пятка, — он воспользовался ближайшим кровом. Таковым оказался открытый навес, принадлежавший наружным постройкам фермы, на расстоянии приблизительно четверти мили от дороги. Там нашли его лежащим в соломе в понедельник, 6-го, и, так как ни одному чужому не разрешалось оставаться на этом участке земли, он был прогнан. Он просил оставить его еще на некоторое время и ушел около 4-х часов. При наступлении ночи он влез в этот овин, у которого недоставало полкрыши и двери стояли открытыми. В этом страшно холодном строении он залез в угол, где лежал без пищи семь дней, пока, как описано было выше, его не нашли 13-го утром. Этот несчастный показал, что зовут его Генри Морган, что по профессии он игольщик. Это был крепкий, хорошо сложенный человек в возрасте от 30 до 40 лет.

Можно ли указать на более ужасный случай? Сильный, крепко сложенный человек, в лучшем возрасте, — его долгий страдальческий путь из Лондона в Стокей Стредфорд, его горестная мольба о помощи к окружающей «цивилизации», его семидневная голодовка, жестокость покинувших его окружающих, поиски им крова, изгнание его из убежища, бесчеловечность владельца Следа, венчающая все остальное, и терпеливая одинокая смерть совершенно истощенного человека, — это картина, которая воистину заставляет подумать и поражаться.

Без сомнения, он нарушил право собственности, когда искал убежища в овине.

Расскажите разжиревшему лондонскому буржуа из Сити об этом случае голодной смерти в период блестящего процветания, и он ответит вам словами лондонского «Economist'a» от 8 января: «Приятно видеть, как процветают при свободной торговле все классы. Вследствие надежды на успех их силы напрягаются, они улучшают свое производство, и все общество в целом, как и каждая личность в отдельности, от этого выигрывает».

ВЫБОРЫ. — ПЕЧАЛЬНОЕ ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. — ГЕРЦОГИНЯ СУТЕРЛЕНД И РАБСТВО.

Лондон, 21 января 1853 г.

Сейчас закончились новые выборы, сделавшиеся необходимыми вследствие перемен в министерстве. Министры потерпели поражение. Г-н Седлер, один из лордов казначейства, считавшийся до сих пор вождем «ирландской бригады», был побежден г. Александром, который получил большинство в шесть голосов и обязан победою коалиции католиков и оранжистов. С другой стороны, министры победили в Оксфордском университете, где избирательная борьба была необычайно оживленная и голосование продолжалось пятнадцать дней. Большинством в 124 голоса Гладстон одержал победу над Дедли Персивалем, кандидатом англиканской партии. Любители *Гудибрасовой* логики пусть прочитают передовые статьи во враждующих друг с другом газетах — «Morning Chronicle» и «Morning Herald».

После долгих дебатов директора Английского банка повысили вчера минимальный учетный процент с $2\frac{1}{2}$ до 3, что немедленно оказало влияние на парижскую биржу, где все виды бумаг снова испытали понижение. Но если бы даже Английскому банку удалось сдержать спекуляцию в Париже, то для отлива наличного золота все еще осталась бы одна возможность — ввоз зерна. Последний урожай в Англии и на континенте, по общему мнению, на одну треть ниже среднего. Возникают также сомнения относительно количества продуктов питания, которыми можно располагать до ближайшего урожая, ибо засев запоздал вследствие влажности почвы. Поэтому уже принимаются подготовительные меры для ввоза большого количества зерна, и в результате вексельный курс останется неблагоприятным для Англии. Корабли, везущие золото из Австралии, никак не смогут угнаться за внезапным увеличением ввоза хлеба.

В одном из моих последних писем я упомянул о спекуляции с железом, которая теперь в ходу. Первое повышение Английским банком учетного процента с 2 до $2\frac{1}{2}$ уже повлияло на эту отрасль

торговли. Шотландский чугун, стойвший за последние две недели 78 шиллингов, понизился 19-го сего месяца в цене до 61 шиллинга.

Рынок для железнодорожных акций тоже окажется в полавленном состоянии вследствие повышения учетного процента и, по всей вероятности, благодаря принудительной продаже акций, лежавших до сих пор в качестве обеспечения. Первые признаки этого процесса уже появились. Но, по моему мнению, отлив золота из банка вызван не только вывозом золота, но также и деловым оживлением внутри страны, особенно в фабричных округах.

Обращение женского собрания в Стефффорд-Гаузе к американским женщинам в защиту черных рабов и «любвеобильный и христианский адрес многих тысяч женщин Соединенных Штатов Америки к своим сестрам, женщинам Англии», по поводу белого рабства представляют в настоящий момент политического затишья хорошую находку для прессы. Но ни одна газета не обратила внимания на то, что собрание в Стефффорд-Гаузе происходило во дворце и под председательством герцогини Сутерленд. А между тем этих двух имен: Стефффорд и Сутерленд — достаточно для того, чтобы охарактеризовать по достоинству человеколюбие английской аристократии, — человеколюбие, которое ищет себе приложения по возможности подальше от родины и лучше по ту сторону океана, чем по эту.

История обогащения семьи Сутерленд представляет одновременно историю разорения и экспроприации шотландско-кельтского народа. В десятом столетии датчане выселились в Шотландии и завоевали равнины Кетнесса, прогнав коренное население в горы. Mheog-Thair-Chattailh, как назывался по-кельтски «великий муж Сутерленда», всегда находил товарищей по оружию, готовых с опасностью для жизни защищать его против его врагов, датчан или шотландцев, иностранных или внутренних.

После революции, изгнавшей Стюартов из Великобритании, частные раздоры среди мелких шотландских вождей становились все реже, и британские короли, желавшие сохранить, по крайней мере, видимость своей власти в этих отдаленных округах, поощряли клановых вождей к организации родовых полков; при помощи этой системы лорды («lairds»), как назывались эти вожди, сумели соединить современные военные учреждения со старою системою кланов таким образом, что одно поддерживало другое.

Для правильного понимания происшедшей впоследствии узурпации необходимо выяснить себе значение *кланов*. Они относятся к исторической эпохе, представляющей собою ступень исторического развития, предшествовавшую феодальному строю, т. е. к *патриархальной*

эпохе. «Клаеп» значит по-кельтски «дети». Все обычаи и традиции шотландских кельтов основаны на предпосылке, что все члены клана принадлежат к одному и тому же роду. «Великий муж» — вождь клана — с одной стороны, обладает столь же неограниченной властью, а с другой стороны, столь же связан кровным родством и т. п., как любой глава семьи. Та округа, границы которой род, клан, сам для себя установил, принадлежит клану, роду, подобно тому как в России, где земля, на которой живет крестьянская община, принадлежит не отдельным крестьянам, а всей общине. Округа также является общею собственностью рода. Таким образом, при этом строе столь же мало можно говорить о частной собственности в современном смысле слова, как и сравнивать общественное положение членов клана с гражданами современного общества. Деление и распределение земли соответствовали военным функциям отдельных членов клана. В соответствии со своими военными способностями получали они различные наделы от вождя, который увеличивал или урезывал земельные держания отдельных своих слуг всецело по своему усмотрению. Эти слуги, в свою очередь, разделяли отдельные участки земли между своими вассалами и подвассалами. Но вся округа постоянно оставалась собственностью клана, и как бы ни менялись притязания отдельных членов, держание земли оставалось всегда постоянным; точно так же никогда не увеличивалась военная повинность или дань лэ, ду, который был одновременно и военным вождем, и верховной властью во время мира. В общем, каждый участок земли из поколения в поколение обрабатывался одною и тою же семьею, уплачивавшею всегда одни и те же взносы. Последние были совершенно незначительны и скорее представляли собою дань, уплатою которой признавалась верховная власть «великого мужа» и его слуг, чем арендную плату в современном смысле слова или источник доходов. Слуги, непосредственно подчиненные «великому мужу», назывались «taksmen», а переданная им земля — «tak». Им, в свою очередь, были подчинены низшие слуги, стоявшие во главе каждой деревушки, а этим слугам было подчинено крестьянство.

Как видите, клан есть не что иное, как организованный на военный лад род, т. е. нечто, столь же мало регламентированное точными законами, но столь же сильно ограниченное традициями, как и всякий род. Во всяком случае, земля являлась *собственностью рода*, в среде которого, несмотря на кровное родство, существовали такие же различия в общественном положении, как и во всех древних азиатских общинах.

Первая узурпация произошла в эпоху после изгнания Стюартов благодаря установлению родовых полков. С этого момента главным источником доходов для «великого мужа», Mheor-Thair-Chattaibh, сделалась уплачиваемая ему дань. Зараженный расточительством лондонского двора, он старался выжать как можно больше денег из своих слуг, а последние, в свою очередь, применяли ту же систему по отношению к ниже их стоявшим. Первоначальная дань превратилась в твердый денежный оброк. С одной стороны, эти оброки являлись прогрессом, ибо они сопровождались точной фиксацией традиционных платежей. Но, с другой стороны, они означали узурпацию, ибо «великий муж» занял теперь положение землевладельца-помещика по отношению к «taksmen», а последние, с своей стороны, выступили по отношению к крестьянам в роли арендаторов. И так как «великий муж», как и «taksmen», нуждался в деньгах, то появилась потребность в производстве не только для непосредственного потребления, но также для вывоза и обмена. Поэтому систему национального производства пришлось изменить, а от рабочих рук, ставших благодаря этому излишними, старались как-нибудь отделаться. Народонаселение начало вследствие этого уменьшаться. Но из одного места у Стюарта, шотландского экономиста, сочинение которого появилось за десять лет до книги Адама Смита, мы видим, что в восемнадцатом столетии население некоторым образом еще сохранялось, и люди еще не совсем были принесены в жертву наживе. В I томе, в 16 главе, он говорит: «Земельная рента очень незначительна по сравнению с величиной земельных участков; но если взять число голодных ртов, прокармливаемых имением, то окажется, что участок земли в Шотландии может содержать в десять раз большее число людей, чем имение той же величины в богатейших провинциях».

Г-н Локк, управляющий графини Сутерленд, руководивший улучшениями в ее имениях, в своем сочинении, появившемся в 1820 г., показывает нам, что даже к началу девятнадцатого столетия земельные платежи были еще очень низки. Для примера он приводит список земельных платежей для имения Кинтредеуэль за 1811 г., из которого видно, что к этому времени каждая семья должна была вносить ежегодно несколько шиллингов наличными деньгами, немного птицы и самое большее отбывать несколько дней барщины.

Лишь после 1811 года произошла окончательная и действительная узурпация, насильственное превращение *собственности клана в частную собственность*, в современном смысле слова, *возвоя*. Лицо,

стоявшее во главе этой экономической революции, было своего рода Мехмет-Али женского пола, хорошо усвоившим Мальтуса: то была графиня Сутерленд или, иначе, маркиза Стеффорд.

Мы считаем нужным заранее указать, что предками маркизы Стеффорд были «великие мужи» северной части Шотландии, охватывавшей почти три четверти Сутерлендшира. Это графство обширнее иного департамента Франции или иного маленького немецкого княжества. Когда графиня Сутерленд унаследовала эти земли, которые она потом принесла в приданое своему мужу, маркизу Стеффорду, впоследствии герцогу Сутерленд, их население уже сократилось до 15 000 душ. Графиня решила предпринять радикальное преобразование и превратить весь участок в пастбища для овец. С 1814 по 1820 г. эти 15 000 человек, составлявших приблизительно 3 000 семей, систематически изгонялись и выселялись. Все их деревни были срыты и сожжены, и все их поля превращены в луга для овец. Для этой экзекуции были командированы британские солдаты, и дело доходило до побоищ между ними и местными жителями. Одна старуха, отказавшаяся оставить свой дом, была сожжена вместе с ним. Так наша графиня присвоила себе 794 000 акров земли, принадлежавших с незапамятных времен клану. В приливе щедрости она отдала изгнанным жителям 6 000 акров, т. е. по 2 акра на семью. Эти 6 000 акров оставались до тех пор невозделанными и не приносили собственникам никаких доходов. Графиня была настолько великодушна, что потребовала в среднем лишь по 2 шиллинга 6 пенсов за акр с членов клана, которые в течение столетий проливали свою кровь за графскую семью. Вся незаконно присвоенная клановая земля была разделена на 29 больших ферм для разведения овец; на каждой из них была поселена только одна семья, по большей части английские сельские рабочие. В 1821 году 15 тысяч шотландцев (Gaels) были уже заменены 131 тысячью овец.

Часть местных уроженцев была отеснена на морской берег и пыталась жить там рыбным промыслом. Они превратились в земноводных, которые, по выражению одного английского писателя, жили наполовину в воде и наполовину на суше и, несмотря на оба эти источника доходов, могли жить лишь впроголодь.

Сисмонди в своих «Etudes sociales» пишет об этой экспроприации сутерлендширских кельтов, которая, впрочем, послужила примером подражания и для других «великих мужей» Шотландии, следующее: «Сильное расширение сеньериальных доменов характерно не для одной только Англии. Во всей империи Карла Великого, на всем Западе, воинственные военачальники захватывали целые

провинции и заставляли побежденных, а иногда даже своих собственных товарищей по оружию, обрабатывать их в пользу захватчика. В девятом и десятом столетиях Мен, Анжу и Пуату являлись для графов этих провинций скорее тремя обширными поместьями, нежели тремя княжествами. Швейцария, которая в столь многих отношениях похожа на Шотландию, была в ту же эпоху поделена между маленькой группой сеньеров. Если бы графы Кибург, Ланцбург, Габсбург и Грюйер стояли под защитою английских законов, они находились бы теперь точь-в-точь в таком же положении, как графы Сутерленд двадцать лет тому назад. Возможно, что многие из них обнаружили бы такую же любовь к «улучшениям», как маркиза Стефффорд, и не одна республика в Альпах должна была бы исчезнуть, чтобы уступить место стадам овец. Даже самый деспотический монарх в Германии не мог бы позволить себе что-либо подобное.

На это господин Локк в своей защите графини Сутерленд (1820 г.) возражает: «Почему именно в этом частном случае должно быть сделано исключение из правила, применяемого во всех других случаях? Почему абсолютная власть землевладельца над его землей должна быть принесена в жертву общественным интересам и мотивам, которые касаются лишь общества самого?»

Но, в таком случае, почему же рабовладельцы южных штатов Северной Америки должны пожертвовать своими частными интересами филантропическим наклонностям ее сиятельства, герцогини Сутерленд? Британская аристократия, которая повсюду заменила людей овцами и быками, будет, в свою очередь, в не слишком отдаленном будущем также заменена этими полезными животными.

Процесс «очищения поместий» (clearing of estates) был проделан в Англии точь-в-точь в таких же формах, как в Шотландии в шестнадцатом, семнадцатом и восемнадцатом столетиях. Томас Мор жалуется на это уже в начале шестнадцатого столетия. В Шотландии этот процесс завершился в начале девятнадцатого столетия, а в Ирландии он в полном разгаре как раз теперь. Благородный виконт Пальмерстон всего несколько лет тому назад выжил крестьян описанным выше способом из своих имений в Ирландии.

Если выражение «собственность есть кража» где-либо уместно, то это в буквальном смысле слова по отношению к собственности британской аристократии. Грабеж церковных земель, грабеж общинных земель, вероломное превращение феодальной и патриархальной собственности в частную собственность, сопровождаемое убийствами и насилиями, — таковы правовые титулы английской аристократии на их владения. Какие услуги в этом процессе оказал аристократии

рабски-угодливый класс юристов, это раскрывает нам один английский юрист последнего столетия, Далримпль; в своей книге «История феодальной собственности» он со всей наивностью показывает, что в тяжбах из-за права владения каждый закон и каждый документ о владении толковались юристами в Англии в эпоху, когда росло богатство среднего класса, в пользу *среднего класса*, а в Шотландии в эпоху, когда обогащалась аристократия, — в пользу аристократии, но в том и другом случае толкование было направлено *против народа*. Описанная выше турецкая реформа графини Сутерленд могла, по крайней мере, найти свое оправдание с точки зрения мальтузианства. Другие шотландские аристократы пошли еще дальше. После того как люди были заменены овцами, последние были заменены дичью, а пастбища — охотничьими парками. Герцог Атол превзошел в этом отношении всех. В книге Р. Семерса «Письма о Шотландии» (1848) имеется следующее место: «После завоевания Англии норманнские короли превратили обширные пространства английской земли в леса; совершенно так же поступают в настоящее время землевладельцы здесь, в Шотландии».

А человеческие существа, вытесненные овцами графини Сутерленд и дичью герцога Атола, — где нашли они себе кров и убежище?

По большей части — в *Соединенных Штатах Северной Америки*.

Враги английского наемного рабства имеют право клеймить рабство негров, но герцогиня Сутерленд, герцог Атол, хлопчатобумажный лорд из Манчестера — никогда!

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ. — ПАМФЛЕТ ГОСПОДИНА КОБДЕНА. — ПОСТАНОВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО БАНКА.

Лондон, 28 января 1853 г.

«Times» от 25 января излагает в статье, озаглавленной «Любители самоубийства» (hanging), следующие мысли: «Уже часто можно было наблюдать у нас, что за каждую публичную казнь следует ряд самоубийств или случайных смертей через повешение; в этом сказывается, очевидно, то подавляющее впечатление, которое казнь известного преступника производит всегда на незрелые и болезненные души».

Из различных случаев, приводимых «Times'ом» для иллюстрации этого утверждения, в одном речь идет о душевнобольном из Шеффилда, который, после беседы с другим душевнобольным о казни Барбура, повесился. Другой случай произошел с четырнадцатилетним мальчиком, который тоже повесился.

Ни один разумный читатель не догадается, в защиту какой доктрины приводятся эти случаи; а речь идет не более и не менее, как о прямом апофеозе палача и о признании смертной казни за «ultima ratio» (последнее средство) человеческого общества. Это помещено в руководящей статье «руководящей газеты».

«Morning Advertiser» самым резким образом обрушивается на пристрастие «Times'a» к палачу и на кровавую логику этой газеты; свою меткую критику он заканчивает перечнем следующих интересных календарных дат за двадцать три дня 1849 года:

Казни:

Миллен	20 марта
Петли	21 »
Смит	27 »
Хау	31 »
Лендиш	9 апреля
Сара Томас	9 »
Гриффит	18 »
Реш	21 »

Убийства и самоубийства:

Ганна Седдльс	22	марта
Н.-Г. Ньютон	22	»
Дж.-Г. Глизон (четыре убийства в Ливерпуле)	27	»
Убийство и самоубийство в Лейстере	2	апреля
Отравление в Бёте	7	»
В. Бейли	8	»
Дж. Уорд убивает свою мать	13	»
Ярдли	14	»
Докси, отцеубийство	14	»
И. Барли убивает своих двух детей и самого себя	14	»

Сам «Times» вынужден признать, что эта таблица показывает не только самоубийства, но и отвратительнейшие убийства, которые всегда следуют непосредственно за казнью преступников. Удивительно, что упомянутая статья «Times'a» не приводит ни одного аргумента в пользу пропагандируемой ею варварской теории. Впрочем, в том-то и дело, что трудно, если не невозможно выдвинуть принцип, которым можно было бы обосновать справедливость и целесообразность смертной казни в обществе, гордящемся своею цивилизациею. Вообще говоря, наказание оправдывалось как средство либо к исправлению, либо к устрашению. Но какое право мы имеем наказывать одного для того, чтобы исправлять или устрашать других? История и статистика с достаточной убедительностью показали, что со времени Каина никого не удалось исправить или устрашить наказанием. Наоборот, с точки зрения абстрактного права существует лишь одна теория наказания, которая в абстрактной форме отдает должное достоинству человека; это — теория Канта, особенно в более строгой формулировке Гегеля. Последний говорит: «Наказание есть *право* преступника. Оно — акт его собственной воли. Преступник объявляет нарушение права своим правом. Его преступление есть отрицание права. Наказание есть отрицание этого отрицания, т. е. утверждение права, которое вызывается самим преступником и навязывается ему насильно». В этой теории, без сомнения, много подкупающего, ибо Гегель, вместо того, чтобы видеть в преступнике только простой объект, раба юстиции, поднимает его до ранга свободного, самоопределяющегося существа. Но, приглядевшись немного ближе, мы открываем, что и здесь, как и во многих других случаях, немецкий идеализм лишь санкционирует законы существующего общества и набрасывает на них сверхчужденный покров. Не значит ли это обманывать самого себя, когда на место индивидуума, с его действительными мотивами, с испытываемым им

многообразным воздействием социальной среды, ставят абстракцию «свободной воли», заменяя всего человека одним из многих человеческих свойств. Эта теория, усматривающая в наказании результат собственной воли преступника, является лишь метафизическим выражением древнего права возмездия, «*jus talionis*». Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь. В действительности наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против всякого нарушения условий его существования. Как жалко то общество, которое не знает лучшего средства самозащиты, чем палач, и которое через посредство «руководящей мировой газеты» объявляет свою жестокость вечным законом!

Кетле в своем превосходном ученом труде «*L'homme et ses facultés*» говорит: «Есть бюджет, который мы выплачиваем с ужасающе аккуратностью: это — расходы на тюрьмы, темницы, виселицы... Почти с тою же точностью, с которою мы предсказываем число ежегодных рождений и смертей, мы можем предсказать и то, сколько человек обогреть свои руки в крови своих ближних, сколько прибегнут к яду или к подлогам».

В своем «Расчете вероятных преступлений», опубликованном в 1829 г., Кетле с удивительною точностью заранее предсказал не только число, но и различные роды преступлений, которые будут иметь место во Франции в 1830 г. В нижеследующих таблицах за 1822 — 1824 гг. Кетле показал, что процент преступности в отдельных частях общества определяется не столько специальными политическими условиями отдельных стран, сколько основным характером буржуазного общества в целом. Из ста осужденных преступников в Америке и Франции было:

	Филадельфия	Франция
Возраст до 21 года	19	19
» от 21 до 30 лет	44	35
» » 30 » 40 »	23	23
» свыше 40 лет	14	23
Итого	100	100

Итак, если преступления, взятые в большом числе, обнаруживают в своем количестве и характере закономерность явлений природы и если, по выражению Кетле, трудно решить, в которой из двух областей (физического мира или социальной жизни) причины с большею закономерностью влекут за собою свои необходимые последствия, то не следует ли серьезно подумать об изменении системы, которая *плодит* эти преступления, вместо того, чтобы

прославлять палача, который устраняет известное число преступников лишь для того, чтобы дать место новым?

В настоящий момент предметом злободневных разговоров является недавно появившаяся брошюра Ричарда Кобдена под заголовком: «1793 и 1853 гг.—три письма» (140 страниц). В первой части брошюры Кобден рассматривает время до революции и эпоху самой революции и с похвальной прямою и силою нападает на издавна господствующие в Англии предубеждения насчет этой эпохи. Кобден доказывает, что в революционной войне Англия была нападающею стороною. Конечно, в этом вопросе он не может претендовать на оригинальность, ибо по существу его изложение лишь повторяет, и притом в гораздо менее блестящей форме, выводы величайшего английского памфлетиста, покойного Вильяма Коббета. Другая часть брошюры, несмотря на свое экономическое содержание, имеет некоторую романтическую окраску. Господин Кобден изо всех сил старается доказать, насколько абсурдно предположение, что Луи-Наполеон замышляет нападение на Англию; болтовня о беззащитности Англии лишена всякого основания и распространяется лишь людьми, заинтересованными в повышении государственных расходов. Чем же он доказывает, что Луи-Наполеон не питает никаких враждебных намерений по отношению к Англии? Простым утверждением, что Наполеон не имеет никакого разумного основания нападать на Англию. А чем доказывает он невозможность неприятельского вторжения в Англию? Простой ссылкой на то, что в течение восьми столетий Англия не подвергалась нападению. Наконец, почему разговор о беззащитности Англии является лишь своекорыстным обманом? А потому, что высшие военные авторитеты заявили, что чувствуют себя совершенно спокойными.

Даже в Законодательном собрании Луи-Наполеон не мог бы найти такого легковерного поклонника его лояльности и его мирных намерений, какого он теперь совершенно неожиданно нашел в лице Ричарда Кобдена. «Morning Herald», обычный защитник Наполеона, напечатал во вчерашнем номере письмо к Кобдену, инспирированное, повидимому, самим Бонапартом; в нем августейший герой Сатори заверяет нас, что он появится в Англии лишь в том случае, если королева, теснимая восставшею демократией, будет нуждаться в помощи двухсоттысячной армии его *декабрьских бандитов* или сутенеров. Но демократией, по мнению «Herald'a», является не кто другой, как Кобден и компания.

Мы должны сознаться, что по прочтении этой книжки начинаем сами почти подозревать, что предстоит нечто вроде нашествия на

Англию. Господин Кобден не принадлежит к числу счастливых пророков. После отмены хлебных законов он предпринял путешествие по континенту, которое завело его даже в Россию. По возвращении он объявил, что все находится в наилучшем порядке, что времена насилия пришли к концу, что народы самым ревностным образом заняты исключительно своими промышленными и торговыми делами и что их мирному хозяйственному развитию не угрожают ни политические бури, ни восстания, ни другие помехи. Не успело его пророчество дойти до континента, как во всей Европе разразилась революция 1848 года, образуя несколько проническое эхо к кротким предсказаниям господина Кобдена. Он говорил о мире там, где никакого мира не было.

Было бы большою ошибкою предполагать, что «евангелие мира» манчестерской школы имеет сколько-нибудь глубокое философское значение. Оно целиком сводится к тому, что феодальный метод ведения войны должен быть заменен промышленным, что место пушек должен занять капитал. «Общество мира» имело вчера в Манчестере собрание, на котором было единогласно решено, что нет оснований подозревать Луи-Наполеона во враждебных замыслах против безопасности Англии. *Нужно только, чтобы пресса прекратила свою отталкивающую критику его правления и умолкла.* Но рядом с этим утверждением кажется странным, что повышение кредитов на армию и флот было принято в Нижней палате без возражений и что ни один из членов парламента, присутствовавших на «конференции мира», не обмолвился ни единым словом против предложенного увеличения военных сил.

Политическое затишье, вызванное отсрочкою заседаний парламента, пресса пытается заполнить разглагольствованиями о предстоящем *билле о реформе* и о последних постановлениях Английского банка *об учетном проценте.*

«Times» от 24-го сего месяца сообщает публике, что готовится билль о реформе. О характере билля можно судить по избирательной речи сэра Чарльза Вуда (в Галифаксе), который высказался против принципа *равных избирательных округов*; далее по речи Джемса Грехема в Карлейле, в которой он высказался против тайного голосования, и, наконец, по негласному сообщению, что даже маленькие реформистские пилюли, предписанные сэром Джоном Росселем в фэврале 1852 года, считаются слишком опасными и сильно действующими. Но еще подозрительнее то, что рупор коалиционного министерства, «Economist», в номере от 22 января не только утверждает, что «реформа нашей представительной системы

не стоит в ряду неотложных вопросов первостепенной важности», но даже говорит, что у нас *«отсутствует материал для законодательной деятельности в этом направлении*. Расширение, уравнение, очищение, охрана и перераспределение избирательных прав — таковы отдельные частности вопроса, которые все требуют серьезного изучения и продолжительного размышления... Не в том дело, что наши государственные люди недостаточно знакомы со всеми этими вопросами или некоторыми из них; но их знания нахватаны из книг, *не проработаны*, перемешаны в одну кучу, пристрастны и неполны... Очевидно, этому несчастью можно помочь лишь учреждением *комиссии для изучения вопроса*, которая должна изучить все, прямо или косвенно относящееся к данному предмету».

Итак, наше мафусаилово министерство снова начнет свой курс изучения политических наук *«сogam publico»* (на виду у публики). Сотоварищи Пиля и Мельбурна, помощник Каннинга, заместитель старшего Грея, люди, служившие при лорде Ливерпуле, заседавшие в кабинете лорда Гренвиля, новички, начавшие свою деятельность полвека тому назад, все они за недостатком опыта объявляются неспособными сделать парламенту какое-либо решительное предложение об избирательной реформе. Старая пословица, что опыт приходит с возрастом, этим, повидимому, опровергается. «Эта скромность коалиции ветеранов различных партий слишком комична для того, чтобы ее легко было описать!» — восклицает «Daily News» и прибавляет: *«Где ваш билль о реформе?»*

«Morning Advertiser» отвечает: «Мы почти готовы предположить, что теперешняя сессия вообще не принесет нам никакого билля о реформе. Возможно, что будет сделана попытка провести некоторые законы о предупреждении избирательных подкупов и наказаниях за них, а также некоторые другие столь же незначительные законы; быть может, будет сделана попытка устранить недостатки, связанные с парламентским представительством страны, но такого рода законодательные мероприятия нельзя назвать биллем о реформе».

Паника, вызванная последними распоряжениями Английского банка об учетном проценте, улеглась теперь, и практики и теоретики уверились, что теперешнему процветанию не угрожает никакой серьезной опасности.

Тем не менее в «Economist» можно прочесть следующее: «В этом году у нас остались незасеянными громадные пространства земли. В каждой более обширной области нашей мало плодородной страны осталось необработанной много земли, предназначенной под пшеницу,

а многие обработанные участки находятся не в лучшем положении, так как либо посев не взошел, либо взошел очень плохо, или же настолько поврежден паразитами, что владельцы обработанной земли вряд ли имеют более утешительные перспективы, чем владельцы земли, оставшейся необработанной. Теперь уже почти невозможно обработать всю площадь, предназначенную под пшеницу».

Кризис, несколько отсроченный открытием калифорнийских и австралийских рынков и рудников, несомненно наступит, если будет неурожай. Распоряжения Английского банка об учетном проценте являются лишь первым предвестником этого; в 1847 году банк менял учетный процент тринадцать раз; в 1853 году это будет сделано, быть может, двадцать раз. Я хотел бы в заключение поставить «Economist'у» вопрос: каким образом случилось, что современная политическая экономия начала свой поход против меркантилизма с доказательства, что прилив или отлив золота безразличен для страны, что продукты обмениваются лишь на продукты, а золото такой же продукт, как и все другие? И почему теперь та же политическая экономия, стоя у конца своего жизненного пути, с величайшей опаской следит за приливом и отливом золота? «Действительная цель, которую банк должен выполнить, — говорит «Economist», — это — предупредить вывоз капитала при помощи своих операций». Но придет ли «Economist'у» в голову воспрепятствовать вывозу капитала в виде хлопчатой бумаги, железа, шерстяной пряжи и материй? А разве золото не такой же продукт, как и всякий другой? Или же «Economist» на старости лет превратился в меркантилиста? Или он хочет, открыв свободный ввоз иностранных капиталов, запретить вывоз британского капитала? Или он хочет, освободившись от цивилизованного протекционизма, возвратиться к турецкому?

В момент, когда я кончаю это письмо, мне сообщают, что в политических кругах идет слух, будто у Гладстона возникли разногласия по поводу подоходного налога со многими руководящими членами министерства Эбердина и что результатом этих разногласий может явиться отставка этого почтенного джентльмена. В таком случае его преемником, вероятно, будет сэр Френсис Беринг, бывший канцлер казначейства при лорде Мельбурне.

ОБОРОНА. — ФИНАНСЫ. — ВЫМИРАНИЕ АРИСТОКРАТИИ. — ПОЛИТИКА — ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА.

Лондон, 8 февраля 1853 г.

«Daily News» утверждает, что вопрос об учреждении береговой милиции для целей обороны серьезно обсуждается правительством.

Отчеты банка показывают дальнейшее уменьшение золотого запаса на 362 084 фун. стерлингов. За последние две недели около 1 000 000 фун. стерлингов отправлены частью на континент, частью, — перечеканные на монету, — в Австралию. Так как золотые запасы Французского банка также уменьшаются, несмотря на значительный приток золота из Англии, то, очевидно, частные лица начали припрятывать золото; это доказывает, что публика не верит в прочность наполеоновского режима.

В настоящий момент все рабочие выставляют требование повышения заработной платы, в особенности судостроители, углекопы, фабричные и машиностроительные рабочие. Это требование вызвано господствующим «процветанием», и в нем нельзя усматривать явление, заслуживающее особенного внимания. Факт, заслуживающий большего внимания, это — форменная стачка сельских рабочих, факт, до сих пор небывалый. Сельские рабочие Южного Уильтшайра забастовали, требуя повышения заработной платы на 2 шиллинга, так как в настоящее время их заработная плата равна лишь 7 шиллингам в неделю.

Согласно отчету главной регистратуры, в истекшем году эмиграция из Великобритании достигла 1 000 человек в день; прирост населения был несколько меньше, одновременно сильно увеличилось число браков.

В течение последних двух недель вследствие смерти виконта Мельбурна, графа Тирконнеля и лорда Оксфорда закончили свое существование три пэрства. Если существует класс, свободный от мальтусовского закона о размножении в геометрической прогрессии, то это класс наследственной аристократии. Для примера возьмем пэров и баронов Великобритании. От норманнской ари-

стократии теперь мало или почти ничего не осталось, и также обстоит дело со старинными баронскими родами эпохи короля Якова I. Значительное большинство палаты лордов создано после 1760 г. Звание баронета возникло в 1611 году, при Якове I. Из всех созданных тогда баронетских родов сохранилось донныне лишь тринадцать, из пожалованных в 1625 году осталось только 39. Необычайное уменьшение венецианской аристократии представляет дальнейшее доказательство действительности того же закона, несмотря на то, что там все сыновья уже в силу рождения считались дворянами. Амло насчитывая в свое время в Венеции 2 500 дворян, пользовавшихся правом голоса в Совете. К началу восемнадцатого века их было только 1 500, хотя в промежуточное время прибавилось много новых дворянских родов. Высший Совет в Берне за время от 1583 до 1654 г. включил 487 семейств в наследственный патрициат; из них 379 вымерли в течение двух столетий, к 1793 г. их осталось лишь 108. О древнем времени Тацит сообщает нам, что император Клавдий создал новое патрицианское поколение «exhaustis etiam, quos dictator Caesar, lege Cassia, et princeps Augustus, lege Laenia, sublexere» (ибо вымерли те, которые были назначены диктатором Цезарем по закону Кассия и принцепсом Августом по закону Ления). Из этих фактов ясно видно, что природа не дорожит наследственной аристократией, и можно смело утверждать, что английская палата лордов уже давно умерла бы естественною смертью, если бы к ней постоянно не подбавляли свежей крови и не применяли системы искусственных прививок. Современная физиология установила, что среди высших животных плодовитость уменьшается в обратном отношении к развитию нервной системы, в частности к увеличению мозговой массы. Но, конечно, никто не осмелится утверждать, что вымирание английской аристократии может быть в какой-нибудь степени объяснено чрезмерным обилием мозговой массы.

Кажется, что те же партии, которые возвещали и старались приблизить наступление «тысячелетнего царства», считают его погибшим уже сейчас, прежде чем еще собралась Нижняя палата. «Times» пишет 3 февраля: «В то время как манчестерцы изрыгают яд и желчь против министерства Эбердина..., ирландский клерикализм и социализм (?) расточают свои сомнительные похвалы лорду Дерби и господину Дизраэли».

Само собой понятно, что выражение *ирландский социализм*, о котором говорит «Times», относится к агитации в пользу прав арендаторов. Впоследствии, когда представится случай, я намерен

доказать, что теории всех современных английских буржуазных экономистов находятся в полном согласии с принципами прав арендаторов. Как мало содержание только что цитированной статьи «Times'a» разделяется другими газетами, можно видеть из следующего замечания «Morning Advertiser'a»: «Мы презирали бы ирландцев, если бы могли считать их способными изменить принципам прав арендаторов».

Ярость органа Эбердина объясняется фактом полного крушения «тысячелетнего» (millenarian) министерства. Господа Седлер и Ких были признанными вождями ирландской бригады—один в кабинете, другой вне его, один в качестве дирижера и дельца, другой в качестве оратора. Купив их обоих, надеялись приобрести всю компанию. Но члены бригады были посланы в парламент с обязательством быть в оппозиции и оставаться независимыми от всякого правительства, которое не проведет полного религиозного равенства и не осуществит билля Шермена Кроуфорда в защиту прав ирландских арендаторов. Таким образом, «Times» возмущается людьми, которые не согласились нарушить свои обещания. Непосредственный повод к данному взрыву ярости дал митинг и банкет в Кельсе, в графстве Мит; разосланное циркулярное письмо призывало всех, к кому оно было обращено, выразить свое негодование «по поводу последнего дезертирства из рядов ирландской парламентской партии»; в этом смысле и была принята резолюция.

Неудачу расчетов министерства на эту бригаду можно было предвидеть заранее; но кажется, что всего значения перемен, происходящих ныне в характере и позиции ирландских партий, не замечают ни сама эти партии, ни английская пресса. Епископы и масса духовенства одобряют поведение католических депутатов, вступивших в правительство. В Карлоу все духовенство поддерживало господина Седлера, и он не потерпел бы поражения, если бы против него не объединились все сторонники прав арендаторов. Как относится к этому расколу настоящая католическая партия, можно видеть из одной статьи французского «Univers», европейского органа иезуитизма: «Единственный упрек, который с полным правом можно сделать господам Киху и Седлеру, это — то, что они допустили, чтобы их поставили в связь с двумя ассоциациями («Лигою арендаторов» и «Ассоциациею для завоевания религиозного равенства»), имеющими своею единственною целью вызвать наружу анархию, пожирающую Ирландию». В припадке негодования «Univers» выдает свою тайну: «Мы глубоко опечалены тем, что обе эти ассоциации стали в открытую оппозицию к епископам и духовенству, и это в стране, где па-

стыри душ и носители церковного сана были до сих пор вернейшими вождями народа и нации».

Отсюда мы можем заключить, что если бы сторонники прав арендаторов случайно попали во Францию, «Univers» постарался бы, чтобы их сослали в Кайенну. Движение в пользу отмены исключительных законов было лишь политическим действием, и потому католическое духовенство могло использовать его для того, чтобы вынудить у английского правительства уступки, причем ирландский народ служил лишь орудием в руках духовенства. Агитация же в пользу прав арендаторов представляет социальное движение, имеющее глубокие корни, которое в своем дальнейшем ходе неизбежно вызовет разрыв между церковью и ирландскою революционною партией и таким образом освободит народ от духовного рабства, которое в течение столетий сводило на-нет всю его борьбу, все его стремления и жертвы.

Теперь я перехожу к «сходу» руководящих сторонников реформы в графстве Ланкастер и их депутатов, состоявшемуся в Манчестере 3-го сего месяца. Председательствовал г-н Джордж Вильсон. Он говорил только о неравномерном представительстве торговых и промышленных округов по сравнению с земледельческими округами и сказал по этому поводу следующее: «В пяти графствах — Букингем, Дорсет, Уилтс, Нортгемптон и Шропшир — 52 921 избирателем были избраны 63 депутата, в то время как графства Ланкашир и Йоркшир, имея 89 669 сельских и 84 612 городских избирателей, т. е. всего вместе 174 281 избирателя, избрали такое же число депутатов. Если считаться с числом избирателей, то эти пять графств могли бы притязать только на 19 депутатов, а Ланкашир и Йоркшир — на 97. Двенадцать крупных городов (считая Лондон дважды) посылают 24 депутата, избранных 192 000 голосов, при общем количестве населения 3 268 218 и числе обитаемых домов 388 000. Эндوفر, Букингем, Чиппенгем, Кокермаут, Тотнесс, Гарвич, Бедфорд, Лимингтон, Мальборо, Грейт-Мальборо и Ричмонд также представлены 24 депутатами, имея 3 569 избирателей, 67 434 жителя и 1 373 обитаемых дома... Самый робкий реформатор и самый умеренный человек вряд ли мог бы возразить что-нибудь против того, чтобы отнять избирательное право от избирательных округов с населением менее 5 000 душ и предоставить на двадцать мандатов больше крупным избирательным округам».

Г-н Мильнер Гибсон говорил на тему о народном образовании и о налогах на знание. В его речи заслуживает внимания единственное место, это — по поводу билля о реформе, в котором

он заявляет относительно пункта о равных избирательных округах: «Конечно, это может превратиться в важный *классовый вопрос*».

Господин Бредертон, другой депутат парламента, сказал: «В настоящее время не может считаться удовлетворительным ни один билль о реформе, который не высказывается за равное представительство».

Но наиболее замечательную речь произнес господин Брайт, член парламента, этот настоящий муж среди «манчестерских мужей». Он сказал: «Правительство является коалиционным правительством виггов и пилитов... Нет никаких оснований торжествовать и действовать так, как будто бы мы имели в правительстве людей, которые преследуют новую политику, имеют новые идеи, склонны к широкому размаху и не нуждаются в том, чтобы их толкали вперед все друзья реформы во всей стране». (Слушайте!)

О парламентской реформе Брайт сказал: «Если бы Луи-Наполеон начал во Франции с такого же представительства, как наше, если бы он предоставил избрание всех депутатов сельским округам, в которых династия Бонапарта столь популярна, и не допустил бы представительства Парижа, Лиона, Марселя, — то вся английская пресса возмущалась бы лжепредставительством, введенным им во Франции. (Слушайте, слушайте!) Здесь, в Ланкашире, мы имеем одну восьмую часть населения Англии; здесь мы имеем десятую часть ее собственности, подлежащей обложению, и десятую часть общего числа домов... Мы начинаем понимать, до чего мы дошли... (Сильные рукоплескания.) Но есть еще одно маленькое препятствие; это — тайное голосование. (Слушайте, слушайте!) Я читал речь, произнесенную лордом Джоном Росселем на выборах, и подумал, что, вероятно, лондонские избиратели были в отличнейшем настроении, ибо в противном случае они не могли бы оставить без возражений его заявление о том, что он во всех случаях — враг тайны. Прочитав это, я сказал самому себе: если бы я был одним из твоих избирателей, я посоветовал бы тебе взять с собою на ближайшее заседание кабинета репортера из редакции «Times'a». (Слушайте, слушайте! смех.)

«Послушаем теперь, что заявляет сэр Джемс Грехем: он не думает, чтобы можно было сделать обязательной избирательную тайну. Но почему ее нельзя сделать обязательной? Ведь были же сделаны обязательными публичные выборы; то же можно сделать с тайными выборами. Во всяком случае они уже введены в Массачузетсе и, быть может, также в других штатах Северной Америки; и сэр Джемс Грехем отлично знает, насколько малодоказательно было то, что он говорил в Карлейле в дождливый день перед двумя или тремя тыся-

чами слушателей, которые, как я предполагаю, под своими дождевыми зонтиками недостаточно внимательно проверяли его доводы.

«Мы не должны забывать, — заключил Брайт, — что все, достигнутое странкою со времени революции 1688 года, — и особенно завоевания последних лет, — добыто в мужественной борьбе промышленных и торговых классов против аристократии и привилегированных классов страны. Мы должны продолжать дальше ту же борьбу, еще осталось довершить великие дела». (Слушайте, слушайте! и рукоплескания.)

Единогласно принятая резолюция говорит: «Настоящее собрание призывает либеральных депутатов, связанных с графством Ланкастер, смотреть на себя как на органы, которые должны деятельно поддерживать всякий шаг к ускорению парламентской реформы, с целью обеспечить графству такое усиление его представительства, которое соответствует его населению, богатству, промышленности и культуре».

На этом собрании манчестерская школа снова провозгласила свой военный клич: «Промышленная буржуазия против аристократии». Но, с другой стороны, она выдала тайну своей политики, которая состоит в следующем: исключение народа из государственного представительства и строгое сохранение своих особых классовых интересов. Все разговоры о тайном голосовании, государственном образовании, налоге на знания и т. д. представляли лишь риторические украшения; единственным существенным пунктом на собрании было *уравнение избирательных округов*; по крайней мере, это единственный пункт, по которому принята резолюция, по поводу которого от участников требовалось твердое обязательство. Почему?

При равных избирательных округах городские интересы взяли бы верх над сельскими: буржуазия стала бы госпожею Нижней палаты. Если бы манчестерцам удалось добиться равных избирательных округов, не делая значительных уступок чартистам, то последние увидели бы против себя, — вместо прежних двух врагов, которые, стараясь каждый перетянуть чартистов к себе, наперебой предлагали им самые заманчивые условия, — одну компактную армию врагов, объединивших все свои силы для противодействия требованиям народа. Тогда на некоторое время капитал господствовал бы неограниченно не только в промышленности, но также и в политике.

Зловещее предзнаменование для коалиционного министерства можно было расслышать в тех похвалах, которые раздавались в Кельсе и Манчестере бывшему правительству. Господин Люкес, депутат парламента, заявил в Кельсе, что «нет более злых врагов

арендаторского права, чем маркиз Ленсдоун, лорд Пальмерстон, Сидней Герберт и другие... Не брюзжало ли всегда вигистское министерство, и разве сторонники Грехема не были всегда недовольны арендным вопросом? То же самое делали, со своей стороны, официальные тори. Можно спокойно предоставить совести каждого, кто читал проекты, исходящие из различных партий, решить, не относилось ли министерство Дерби к этому вопросу в тысячу раз честнее, чем то делают виги».

Мильнер Гибсон сказал на собрании в Манчестере: «Если даже бюджет последнего министерства в целом никуда не годился, то в нем все-таки можно было найти зачатки будущей лучшей политики. (Слушайте, слушайте!) Последний канцлер казначейства, по крайней мере, сломал лед. Я имею в виду таможенные пошлины на чай, и я слышал из достоверных источников, что последнее правительство намеревалось отменить налог на объявления».

Господин Брайт пошел в своих похвалах еще дальше: «В вопросе о подоходном налоге последнее правительство сделало смелый шаг. То обстоятельство, что английские дворяне (country gentlemen), которые являются владельцами большей части земельной собственности в стране, сами выступили и поддержали проект, по которому земельные владения должны облагаться налогами иначе, чем доходы от торговых предприятий и от других ненадежных источников,—является шагом, который мы должны запомнить и который мы решительно поддержим в нашем округе. Дизраэли затронул еще один пункт, и я должен признать, что я ему за это благодарен. Во вступительном слове к бюджету и в той речи, в которой он в ночь накануне своего последнего поражения в продолжение трех часов боролся с мобилизованными против него силами, он говорил о налоге на наследства, под которым мы понимаем наследственные пошлины, и признал, что этот налог нуждается в переработке». (Шумные рукоплескания.)

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ. — АМНИСТИЯ ЛУИ- НАПОЛЕОНА. — БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА.

Лондон, 11 февраля 1853 г.

Политическое равнодушие, столь долго господствовавшее здесь под защитою распростертого природою густого тумана, сразу исчезло, как только прибыли революционные вести из Италии. Телеграфный провод сообщает, что 6-го сего месяца в Милане дело дошло до восстания, что выпущены были две прокламации, одна от Мадзини, другая от Кошута, причем в последней находящиеся в австрийской армии венгерцы призывались примкнуть к революционерам; что восстание было сперва подавлено, но потом началось снова; что австрийцы, расквартированные в арсенале, перебиты и т. д.; что ворота Милана заперты. Правда, французская пресса напечатала две дальнейшие телеграммы, посланные из Берна 8-го и из Турина 9-го сего месяца, в которых сообщается, что мятеж окончательно подавлен 7-го. Но друзья Италии видят благоприятный признак в том, что английское министерство иностранных дел в продолжение двух дней не получает прямых известий.

В Париже ходят слухи, что в Пизе, Лукке и других городах господствует большое возбуждение.

В Турине министерство, вследствие сообщения австрийского консула, поспешно собралось для обсуждения положения дел в Ломбардии. Первые известия пришли в Лондон 9 февраля; любопытно, что этот день был днем провозглашения римской республики в 1849 г., казни Карла I в 1649 г. и низложения с престола Якова II в 1689 г.

Шансы теперешнего восстания в Милане незначительны, если на сторону восставших не перейдет несколько австрийских полков. Надеюсь, что благодаря частным письмам из Турина, которые я ожидаю со дня на день, я получу возможность дать более подробные сведения о всем этом событии.

О характере амнистии, которую Луи-Наполеон даровал недавно французским эмигрантам, в печати появились различные сведения. Виктор Фронд (бывший офицер) заявляет в брюссельской газете

«Nation», что он с удивлением прочел в списке амнистированных свое имя; он сам себя амнистировал уже пять месяцев тому назад, когда совершил свой побег из Алжира.

Первоначально «Moniteur» сообщил, что амнистируются 3 000 изгнанников и лишь 1 200 граждан остаются под действием проскрипции. Но через несколько дней тот же авторитетный орган сообщил, что помилованы 4 312 человек, т. е. что Луи-Наполеон помиловал на 112 человек больше, чем в свое время осудил.

Один только Париж и департамент Сены дали 4 000 изгнанников. Из них только 226 попали под амнистию. Департамент Эро насчитывал 2 611 изгнанников, из них амнистированы 299 человек. Ниевр дал 1 478 жертв, среди них 1 100 отцов семейств, у которых было в среднем по трое детей; из них амнистированы 180 человек. В департаменте Вар из 2 181 эмигранта амнистированы 687. Из сосланных в Кайенну 1 200 республиканцев помилованы лишь немногие, и главным образом как раз те, которые бежали оттуда. Число сосланных в Алжир и освобожденных лиц велико, но оно не идет ни в какое сравнение с громадным числом сосланных в Африку, которое достигает 12 000. Эмигранты, проживающие в Англии, Бельгии, Швейцарии и Испании, за очень немногими исключениями, не попали под амнистию. С другой стороны, списки амнистированных содержат большое число лиц, которые либо никогда не оставляли Францию, либо давно уже получили разрешение вернуться; более того, имеются даже имена, которые напечатаны в списках по несколько раз. Но отвратительнее всего то, что списки переполнены именами лиц, которые, как хорошо известно, погибли во время кровавых декабрьских избиений.

Вчера открылась новая сессия парламента. В виде достойного вступления к будущим деяниям «тысячелетнего» министерства в Верхней палате разыгралась следующая сцена. Граф Дерби запросил графа Эбердина, какие проекты правительство намерено подготовить для парламента, на что последний ответил, что он уже раньше имел случай изложить свои принципы и повторение их было бы неуместно; кроме того, делать здесь дальнейшие сообщения до оглашения их в Нижней палате было бы несвоевременно. За этим последовал весьма замечательный диалог, в котором граф Дерби говорил, а граф Эбердин лишь покачивал головой в знак согласия.

Дерби: «Я хотел бы спросить благородного лорда, какие проекты намерен он предложить палате лордов в течение этой сессии?»

Пауза в несколько секунд. Благородный лорд не поднимается с места. Дерби продолжает: «Может быть, молчание является таким проектом?» (Смех.)

Граф Эбердин бормочет что-то невнятное.

Граф Дерби: «Могу ли я позволить себе спросить, какие проекты будут предложены этой палате?»

Никакого ответа.

Когда лорд-канцлером был поставлен вопрос об отсрочке заседаний, лорды соизволили отсрочить.

Если мы от палаты лордов перейдем к «верноподданной Нижней палате ее величества», то нам, пожалуй, придется согласиться, что граф Эбердин гораздо ярче изложил программу министерства своим молчанием, чем лорд Джон Россель вчера вечером в своей длинной и значительной речи. Краткий смысл этой речи был — «никаких новых проектов, но новые люди»; отсрочка всех вопросов парламентской важности на один год и аккуратная выплата жалованья королевским министрам в течение этого года. Это намерение правительства лорд Джон Россель облек приблизительно в следующие слова: «Что касается контингента войск, подлежащего утверждению для армии, флота и артиллерии, то он не будет выше того, который утвержден перед рождественскими праздниками... Что касается различных бюджетов, то по сравнению с прошлогодними ставками будет значительное повышение... Будет внесен билль, которым канадские законодательные органы будут уполномочены распоряжаться резервными фондами духовенства... Министр торговли внесет предложение о регулировании лоцманского дела... Ограничения для подданных ее величества иудейского вероисповедания будут отменены... Будут сделаны предложения о государственном обучении, но я не в состоянии сказать, смогу ли от имени правительства предложить вам очень большой проект по этому вопросу. Он будет содержать реформу воспитания для бедных классов и предложения об университетах Оксфордском и Кембриджском... Ссылка в Австралию будет прекращена... Внесен будет законопроект, регулирующий приведение в исполнение второстепенных уголовных приговоров. Сейчас же после пасхального перерыва или как только возможно будет, канцлер казначейства внесет предварительную смету к бюджету текущего года... В ближайшие дни лорд-канцлер изложит проекты, которые он намерен внести для улучшения судопроизводства... Государственный секретарь Ирландии намерен через несколько дней предложить выбрать комиссию, которая должна заняться вопросом о землевладельцах и арендаторах в Ирландии... Министры приложат все усилия к тому, чтобы возобновить для этого года подоходный налог без дальнейших дискуссий или обсуждения». Относительно парламентской реформы лорд Джон Россель заявляет, что о ней, быть может,

придется подумать в продолжение ближайшей сессии. Это значит, что сейчас не будет никакой реформы. Мало того, маленький Джонни изо всех сил старается опровергнуть слух, будто бы он однажды обещал внести более либеральный проект парламентской реформы, чем его билль во время последней сессии. Он был даже очень возмущен тем, что ему приписываются выражения подобного рода. Никогда он ничего подобного не говорил и не думал. Он не может также никак обещать, что билль, который он намерен внести в ближайшую сессию, будет иметь столь же обширный характер, как билль 1852 года. Огносительно подкупов и коррупции он сказал: «Я считаю более удобным покамест воздержаться от выражения своего мнения о том, нужны ли дальнейшие мероприятия для прекращения подкупов и коррупции. Я только говорю, что это — предмет громаднейшей важности».

Нет возможности изобразить то холодное удивление, с которым Нижнюю палату была принята эта речь Джона-Точки (*finality John*). Трудно сказать, что было больше: смущение его друзей или веселое настроение врагов. Но, кажется, все усмотрели в этой речи полное опровержение учения Лукреция, по которому «*nihil de nihilo fit*» (из ничего ничто не возникает). По крайней мере, лорд Джон сделал из ничего кое-что, а именно сухую, длинную и весьма скучную речь.

До сих пор предполагалось, что кабинет министров связал свое существование с двумя вопросами: с новым распределением подоходного налога и новым биллем о реформе. По поводу подоходного налога предлагается оставить его в теперешней форме еще на один год. По поводу билля о реформе, даже в размерах, намеченных вигами, сделано заявление, что министры проведут его лишь при том условии, если они останутся на своих постах еще целый год. Это в точности программа последнего министерства Росселя, за вычетом билля о реформе. Даже дебаты о финансах откладываются на послепасхальную сессию, так что министры во всяком случае смогут получить свое жалованье за четверть года.

Отдельные проекты реформ почти все заимствованы из программы Дизраэли. Таковы, например, улучшение судопроизводства, отмена ссылки в Австралию, билль о лоцманстве, комиссия для регулирования вопроса об арендном праве и т. д. Единственными пунктами, исходящими собственно от теперешнего министерства, являются: предложенная реформа государственного обучения, которая, по уверению лорда Джона, будет не крупнее его самого, и устранение неудобств для барона Лайонеля Ротшильда. Сомни-

тельно, будет ли английский народ очень удовлетворен распространением избирательного права на еврейского ростовщика, который, как установлено, был одним из участников произведенного Бонапартом государственного переворота.

Трудно было бы понять бесстыдство министерства, составленного из двух партий, совершенно разбитых на последних общих выборах, если бы мы не приняли во внимание, что всякий новый билль о реформе требует роспуска теперешней Нижней палаты; а ее большинство сильно цепляется за свои депутатские места, купленные столь дороною ценою и добытые лишь ничтожным большинством голосов.

«Times» придумал для своих слушателей великолепное утешение: «Ближайшая сессия, это—срок, гораздо менее неопределенный, чем *завтра*, ибо «завтра» зависит не только от воли, но и от жизни того нерешительного, который откладывает дело. А ближайшая сессия непременно наступит, если только не погибнет мир. Итак, надо отложить всю парламентскую реформу до ближайшей сессии и оставить министерство в покое на один год».

Я, с своей стороны, считаю, что это большой выигрыш и для народа, что министры не *октроируют* нации билля о реформе при теперешнем притуплении общественного мнения «под сладостной сенью аристократического коалиционного кабинета». Не надо забывать, что лорд Эбердин был членом того торийского кабинета, который в 1830 году отказался согласиться на какой бы то ни было проект реформы. Национальные реформы должны быть завоеваны национальной агитациею, а не дарованы милостью какого-нибудь лорда Эбердина.

В заключение я хочу еще упомянуть, что на специальном заседании генеральной комиссии *Национальной ассоциации для защиты британской промышленности и британского капитала*, происходившем в последний понедельник под председательством герцога Ричмонда в доме «Южного Океана», это общество приняло мудрое решение распустить себя.

ПОКУШЕНИЕ НА ФРАНЦА-ИОСИФА. — МИЛАНСКОЕ ВОССТАНИЕ. — БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА. — РЕЧЬ ДИЗРАЭЛИ. — ЗАВЕЩАНИЕ НАПОЛЕОНА.

Лондон, 22 февраля 1853 г.

Телеграф сообщает из Штульвейсенбурга: «18-го сего месяца в 1 час дня на гулявшего на Бастионе в Вене австрийского императора Франца-Иосифа напал венгерский портной-подмастерье, по имени Лассо Либени, бывший венский гусар, и попытался нанести ему удар кинжалом. Удар был отражен адъютантом, графом О'Доннелем. Франц-Иосиф ранен в нижнюю часть затылка. Венгерец, которому 21 год, был повержен на землю ударом сабли адъютанта и немедленно арестован».

По другим версиям, оружием нападения служил не кинжал, а мушкет.

В Венгрии только что раскрыт очень обширный заговор для свержения австрийского господства. «Венская газета» печатает некоторые из приговоров военного суда по делу 39 лиц, которые обвинялись главным образом в соучастии в заговоре Кошута и Бусака из Гайнбурга.

Немедленно после подавления революционного восстания в Милане Радецкий приказал прекратить всякое сообщение с Пьемонтом и Швейцарией. Вы, вероятно, еще до этого письма получите те скудные известия, которым удалось проскользнуть из Италии в Англию. Сейчас я хочу обратить ваше внимание на одну характерную черту миланских событий.

Несмотря на то, что помощник главнокомандующего граф Страсольдо в своем первом объявлении от 6-го сего числа прямо признает, что большинство населения совершенно не участвовало в восстании, он тем не менее объявляет Милан на строжайшем осадном положении. Радецкий в прокламации, изданной в Вероне 9 февраля, извращает заявление своего подчиненного и старается использовать мятеж для того, чтобы под лживыми предложениями получить деньги. Всех лиц, не принадлежащих заведомо к австрийской партии, он

облагает денежным штрафом в неопределенном размере в пользу гарнизона. В своей прокламации от 11-го он заявляет, что «большинство жителей, за немногими похвальными исключениями, не захотело подчиниться императорскому правительству, и предписывает всем судебным чиновникам, т. е. военным судам, конфисковать имущество всех «соучастников», определяя соучастие следующим образом: «*Che tale complicitia consista semplicemente nella omissione della denuncia a chi ognuno è tenuto*» (подобным соучастием является уже и простое недонесение, ибо всякий обязан донести). На таком же основании он мог бы сразу конфисковать весь Милан под тем предлогом, что о восстании 6-го числа жители не донесли еще 5-го. Итак, кто не хочет сделаться шпионом и сыщиком Габсбургов, тот подвергается опасности стать законною жертвою кроатов. Словом, Радецкий провозгласил новую систему грабежа оптом.

Миланское восстание замечательно как симптом приближающегося революционного кризиса на всем европейском континенте. И оно достойно удивления как героический акт небольшой группы пролетариев, которые, будучи вооружены лишь ножами, осмелились напасть на цитадель и на сорокатысячную армию лучших войск Европы, в то время как итальянские сыны Мамона плясали, пели и устраивали празднества среди крови и слез своей униженной и истерзанной нации. Но это восстание, разумеется, является жалким, поскольку оно должно представлять собою конечный результат вечных заговоров Мадзини, его напыщенных прокламаций и его претенциозных *проповедей* против французского народа. Но будем надеяться, что серия импровизированных революций, как называют их французы, теперь пришла к концу. Слышал ли кто-нибудь, чтобы великие импровизаторы были также великими поэтами? В политике дело обстоит так же, как в поэзии. Революции не делаются по приказу. После страшного опыта, который народы проделали в 1848 и 1849 гг., для того, чтобы вызвать национальное восстание, требуется нечто большее, чем бумажные воззвания находящихся вдали вождей.

Кошут воспользовался случаем, чтобы публично отречься от миланского восстания вообще и в частности от прокламации, выпущенной от его имени. Немного подозрительно, однако, что он вслед за этим добывается признания своего превосходства в качестве политика над своим другом Мадзини. По этому поводу газета «*Leader*» замечает: «Мы считаем нужным указать нашим читателям, что это дело касается исключительно гг. Кошута и Мадзини и что последний в настоящий момент не находится в Англии».

Делла Рокка, друг Мадзини, в письме в «Daily News» высказывает свое мнение об опровержениях Мадзини и Агостини. Он говорит: «Некоторые подозревают их в том, что они, прежде чем действовать, хотели дожидаться окончательных известий об успехе или неудаче восстания, одинаково готовые как присвоить себе честь успеха, так и отклонить от себя ответственность за неудачу».

Б. Семере, бывший венгерский министр, в письме, адресованном издателю «Morning Chronicle», протестует против того, что «Кошут незаконно узурпирует имя Венгрии». Он говорит, что «кто хочет составить себе мнение о Кошуте как о государственном человеке, тому достаточно лишь внимательно изучить историю последней венгерской революции; а кто хочет узнать его таланты заговорщика, тот пусть бросит один только взгляд на прошлогоднюю несчастную гайнбургскую экспедицию».

Что революция побеждает даже тогда, когда она терпит поражение, доказывает нам лучше всего тот страх, который миланские беспорядки нагнали на континентальных владык. Достаточно только прочесть следующее письмо, напечатанное в официальной «Frankfurter Oberpostamtzeitung»: «Берлин, 15 февраля. Телеграфное известие о миланском восстании, произведшее здесь большое впечатление, получилось 9 февраля, когда король находился на придворном балу. Король немедленно заявил, что движение стоит в связи с глубоко коренящимся заговором, разветвленным повсюду, и что перед лицом этих революционных событий безусловно необходим тесный союз между Пруссией и Австрией... Один из высоких сановников воскликнул: «Нам, быть может, придется защищать корону Пруссии на берегах По».

Страх был так велик в первую минуту, что в Берлине было арестовано около двадцати человек. Единственной причиной ареста было «глубокое впечатление» от миланских известий. «Neue Preussische Zeitung», ультра-роялистский орган, была конфискована за то, что напечатала документ, исходивший, как предполагали, от Кошута. 13-го числа министр фон-Вестфален в спешном порядке внес в палату господ законопроект, которым правительство уполномочивалось конфисковать все брошюры и листки, появляющиеся вне пределов Пруссии. В Вене аресты и обыски производятся ежедневно. Между Россией, Пруссией и Австрией немедленно начались переговоры о том, чтобы заявить английскому правительству общий протест по поводу политических эмигрантов. Как слабы, как бессильны так называемые державы! При малейшем признаке революционного землетрясения им кажется, что все троны Европы колеблются в самом

всем основании. Окруженные своими армиями, тюрьмами и виселицами, они, тем не менее, дрожат перед тем, что сами называют «мятежными попытками немногих подкупленных злодеев».

«Спокойствие восстановлено». Да, то страшное, зловещее спокойствие, которое наступает между первым порывом бури и ее вторым, главным ударом.

От беспокойного континента я хочу теперь вернуться к тихой Англии. Может показаться, что дух маленького лорда Джона господствует над всем официальным миром, что вся нация сделалась такой же парализченной, как те, которые управляют ею. Даже «Times» в отчаянии восклицает: «Может быть, это — затишье перед бурей, может быть, это — дым, возвещающий пожар... Характерно для данного момента это — оцепенение».

Снова начались занятия парламента, но до сих пор единственным драматическим моментом и единственным видимым проявлением деятельности коалиционного министерства были трижды повторенные реверансы лорда Эбердина. О впечатлении, произведенном программю лорда Джона на его врагов, можно лучше всего судить по признаниям его друзей. Так, «Times» пишет: «Лорд Джон Россель держал речь, в которой было еще меньше одушевления, чем в замечаниях, которыми устроители аукциона обыкновенно открывают распродажу старой мебели, испорченных товаров или магазинной обстановки. Лорд Джон Россель, право, вызывает мало энтузиазма».

Как известно, билль о реформе был отложен под давлением более неотложных практических реформ, требующих немедленного внимания законодателей. Теперь на одном примере уже обнаружилось, как выглядят реформы, когда инструмент для проведения реформы, т. е. парламент, сам остается не реформированным.

14 февраля лорд Кренворт изложил в палате лордов свою программу реформ в области права. Большая часть его весьма длинной, скучной и неопределенной речи состояла в перечислении тех многих вещей, которых от него ожидают, но которых он еще не в состоянии дать. Он оправдывал себя тем, что сидит на министерском месте всего лишь семь недель. К этому «Times» прибавляет: «Лорду Кренворту 63 года, и он состоит адвокатом 37 лет». Как подлинный виг, он из сравнительно большого успеха прежних маленьких правовых реформ делает тот вывод, что было бы в высшей степени нескромно продолжать реформы в том же темпе, что и раньше. Как настоящий аристократ, он не хочет заниматься церковным правом, ибо это шло бы слишком вразрез с искони обоснованными интересами. На чем основаны эти интересы? На общественном недовольстве,

Из мероприятий некоторого значения лорд Кренворт подготовил только два. Во-первых, «билль об облегчении перехода земельной собственности от одного владельца к другому»; главное отличие этого билля состоит в том, что он еще затрудняет этот переход повышением издержек и умножает технические препятствия, не сокращая волокиты и не упрощая всей сложности процедуры. Во-вторых, предложение создать комиссию, которая должна привести в порядок все писанное право. Заслуга этой комиссии, наверное, сведется к тому, что она составит указатель к сорока фолиантам парламентских постановлений. Если лорду Кренворту нужно было оправдаться в своем поведении перед самыми закоренелыми противниками правовых реформ, он вполне мог бы поступить так, как поступила та бедная девушка, которая заявила своему исповеднику, что она, правда, родила ребенка, но только очень маленького.

Единственные интересные дебаты в Нижней палате начались 18-го сего месяца в связи с запросом Дизраэли по поводу отношений между Англией и Францией. Дизраэли начал с Пуатье и Азенкура и кончил выборами в Карлейле и Домом суконщиков в Галифаксе. Его целью было обвинить сэра Джемса Грехема и сэра Чарльза Вуда, которые позволили себе отрицательно отзываться о характере Наполеона III. Дизраэли не мог бы более наглядно продемонстрировать полный крах старой торийской партии, как выступая в роли защитника Бонапартов, этих наследственных врагов того политического класса, первым представителем которого он сам является. Он не мог бы начать свою оппозиционную карьеру более неподходящим образом, как оправдывая теперешний режим во Франции. Краткое изложение покажет нам слабость его речи.

Когда он пытался выяснить причины того беспокойства, которое замечается в публике по поводу отношений между Англией и Францией, он должен был волей-неволей признать, что виною тому те большие вооружения, которые начаты были во время его собственного управления. Несмотря на это, он пытался доказать, что увеличение и реорганизация средств обороны Великобритании коренятся исключительно в тех великих изменениях, которые вызваны современным приложением науки к военному искусству. Руководящие авторитеты уже давно признали необходимость подобных мероприятий. В 1840 г., в министерство Тьера, английское правительство под руководством сэра Роберта Пиля прилагало усилия к тому, чтобы ввести национальную оборону в рамки новой системы. Но напрасно! Когда на всем континенте разразилась революция сорок восьмого года, тогдашнему правительству опять представился случай напра-

вить общественное мнение в желательном направлении, поскольку речь шла о защите страны. Но опять-таки безрезультатно. Вопрос о национальной обороне окончательно созрел лишь к тому времени, когда он и его коллеги были призваны стать во главе управления.

Одобренные ими предложения заключались в следующем:

- 1) Введение милиции.
- 2) Решительное улучшение артиллерии.
- 3) Принятие подготовительных мер для основательного укрепления arsenалов внутри страны и некоторых важных береговых пунктов.

- 4) Внесение законопроекта об увеличении морских войск на 5 000 матросов и 1 500 морских солдат.

- 5) Издание распоряжений, имеющих целью восстановить прежнюю морскую мощь Англии в форме особого флота для канала; он должен состоять из линейных кораблей в числе от пятнадцати до двадцати и из соответствующего числа фрегатов и более мелких единиц.

Из всех этих утверждений ясно вытекает, что Дизраэли доказал как раз обратное тому, что он хотел доказать. Правительство не было в состоянии усилить свои вооружения тогда, когда сирийский и таитинский вопросы угрожали *entente cordiale* (сердечному согласию) с Луи-Филиппом, оно не в состоянии было сделать это и тогда, когда на всем континенте господствовала революция, и британским интересам, казалось, угрожала смертельная опасность. Почему же удалось сделать это как раз теперь, и почему это случилось как раз во время управления Дизраэли? Именно потому, что теперь Наполеон III дает повод больше опасаться за безопасность Англии, чем когда-либо раньше, начиная с 1815 года. Кроме того, как совершенно правильно замечает Кюбден: «проектируемое увеличение морских сил заключается не в увеличении числа паровых судов, а в увеличении экипажа. Но ведь переход от парусных судов к паровым не требует увеличения числа матросов; как раз наоборот».

Дизраэли говорит: «Вторым поводом для предположения о грозящем разрыве с Францией является существование во Франции милитаристского правительства. Но если армии жаждут завоеваний, то это бывает лишь тогда, когда их позиция в собственной стране становится неудобною. Франция управляется теперь армией не потому, что войска охвачены военным честолюбием, а потому, что граждане очень беспокойно ведут себя».

Господин Дизраэли, кажется, совершенно проглядел, что речь идет именно о том, как долго армия будет себя чувствовать удобно

дома и как долго вся нация из-за уважения к эгоистическому беспокойству незначительной группы граждан должна будет преклоняться перед террором военного деспотизма, который в конце концов является только орудием исключительного классового интереса. В качестве третьей причины Дизраэли указывает на «сильное предубеждение, распространенное в Англии против теперешнего правителя Франции... Придерживаются того мнения, что, придя к власти, он уничтожил парламентскую конституцию, высоко почитаемую здесь, и ограничил свободу печати».

Этому «предубеждению» Дизраэли, во всяком случае, мало что может противопоставить. Но он полагает, что «в высшей степени трудно составить себе мнение о французской политике».

Но если английский народ и не так глубоко посвящен в тайны французской политики, как господин Дизраэли, то его простой здравый смысл говорит ему, что бессовестный авантюрист, не контролируемый ни парламентом, ни печатью, является как раз самым подходящим человеком для того, чтобы по-пиратски напасть на Англию, когда его собственная государственная казна истощится от сумасбродств и расточительства.

Далее господин Дизраэли приводит несколько примеров в доказательство того, как много содействовало сохранению мира гармоническое согласие последнего правительства с Бонапартом. Угрожающий конфликт между Францией и Швейцарией, вопрос о свободном пользовании южно-американскими реками, конфликт между Пруссией и Невшателем, давление на Соединенные Штаты, которые вынуждены были, вместе с Англией и Францией, заявить, что они не имеют никаких притязаний на Кубу, общее выступление на Востоке при опубликовании *«Танзимата»*¹ в Египте, пересмотр договора о греческом престолонаследии, сердечное сотрудничество в вопросе о регентстве в Тунисе и т. д., — таковы доказательства его утверждений. Это напоминает мне то, как в ноябре 1851 года один член французской «партии порядка» похвалялся сердечным согласием Наполеона с большинством палаты, весьма облегчавшим последней разрешение вопросов об избирательном праве, о коалиции и о печати. Через два дня произошел государственный переворот.

Насколько слаба и противоречива была эта часть речи Дизраэли, настолько блестящ был ее конец, представлявший собой атаку коалиционного министерства. «Есть еще одно основание, — закончил он, — вынуждающее меня подвергнуть этот вопрос исследованию в настоящий момент, и это — теперешнее положение пар-

¹ Основной закон, обнародованный в Турции султаном Абдул-Меджидом в 1839 г. *Ред.*

тий в этой палате. Создалось совершенно своеобразное положение. Мы имеем в настоящий момент консервативное министерство, и мы имеем консервативную оппозицию. (Рукоплескания.) Великую либеральную партию я вообще никак не могу найти. (Рукоплескания.) Где виги и их великие традиции? Никто мне не отвечает. (Новые рукоплескания.) Где, спрашиваю я, юношеские силы радикализма, его переливающиеся через край ожидания, его великие надежды? Я боюсь, что, как только он очнется от жгучих мечтаний своей неопытной юности, он в ту же минуту увидит себя уже использованным до конца и уволенным в отставку. (Рукоплескания.) Использованным без зазрения совести и уволенным в отставку без особой деликатности. (Рукоплескания.) Где радикалы? Есть ли в этой палате хоть один человек, называющий себя радикалом? (Слушайте, слушайте!) Нет, не видно ни одного. Он должен был бы опасаться, что его поймут и сделают консервативным министром. (Оглушительный смех.) Как могло создаться такое положение? Где движущие силы, вызвавшие это чреватое несчастиями политическое бедствие? Я полагаю, что для выяснения теперешнего положения дел мне нужно обратиться к неисчерпаемому арсеналу политической ловкости, к первому лорду адмиралтейства (Грехему). Быть может, палата вспомнит, что около двух лет тому назад первый лорд адмиралтейства преподнес нам один из своих политических символов веры, которыми изобиловали его речи. Он заявил: «Я становлюсь на базис прогресса». Уже тогда, господа, я подумал: что это за странная вещь прогресс, на котором можно стоять? (Громкий смех и рукоплескания.) Я подумал тогда, что это была ораторская обмолвка. Но я прошу извинения за это промелькнувшее у меня подозрение. Это была хорошо придуманная система, ныне осуществляемая. Ибо теперь мы имеем министерство прогресса, и поэтому все стоит на месте. Слово «реформа» более уже не раздается у нас, уже нет министерства реформ, а есть министерство прогресса, в котором каждый член решил ничего не делать. Все трудные вопросы отставлены в сторону, все вопросы, по которым нельзя достигнуть соглашения, превратились в открытые вопросы».

Противники Дизраэли могли ему возразить не много. Исключение составил «неисчерпаемый арсенал политической ловкости», сэр Джеймс Грехем, который сохранил, по крайней мере, столько достоинства, что не совсем взял назад те оскорбительные по отношению к Луи-Наполеону выражения, в которых его [Грехема] обвиняли.

Лорд Джон Россель обвинил Дизраэли в том, что он делает внешнюю политику государства вопросом партийной борьбы. Он уверял

оппозицию, что «страна будет счастлива, если ей удастся хотя бы короткое время насладиться спокойным мирным прогрессом и быть забавленной от потрясающих партийных распрей».

Результат дебатов будет состоять в том, что кредиты на флот будут парламентом одобрены, но, для успокоения Наполеона, не по военным мотивам, а в интересах науки. *Suaviter in modo, fortiter in re* (мягко по форме и жестко по существу).

В последний четверг утром королевский стряпчий явился к сэру Дж. Додсону в суд, рассматривающий духовные завещания, и в качестве представителя министра иностранных дел потребовал от суда выдачи французскому правительству подлинного духовного завещания Наполеона Бонапарта с дополнительными пунктами к нему. Это требование было удовлетворено. Если Луи-Наполеон пожелает вскрыть это завещание и попытается выполнить его предписания, то оно легко может оказаться современным ящиком Пандоры.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ. — ДУХОВЕНСТВО И БОРЬБА ЗА ДЕСЯТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. — ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ.

Лондон, 25 февраля 1853 г.

Парламентские дебаты этой недели представляли мало интереса. 22-го г-н Спунер в Нижней палате предложил прекратить выдачу субсидий католическому колледжу в Мейнуте, а г-н Шольфильд внес дополнительное предложение об «отмене всех существующих ныне постановлений, возлагающих на государство расходы на церковные или религиозные цели какого бы то ни было рода». Предложение Спунера было отклонено 192 голосами против 162. Дополнение Шольфильда будет обсуждаться только в среду, если оно вообще не будет взято обратно. Во время дебатов о Мейнуте единственное интересное замечание исходило от Деффи, члена ирландской бригады. По его мнению, представляется «не совсем невозможным, что президент Соединенных Штатов или новый император Франции будут рады возобновить сношения между своими государствами и ирландским духовенством».

В последнем вечернем заседании лорд Джон Россель внес свой проект «отмены некоторых законных ограничений для подданных ев величества иудейского вероисповедания», принятый большинством в 29 голосов. Таким образом, этот вопрос снова закончен в Нижней палате, но его, без сомнения, снова подымут в Верхней палате.

Нет сомнения, что исключение евреев из Нижней палаты представляет нелепую аномалию, тем более, что дух ростовщичества уже давно господствует в британском парламенте и евреи уже давно получили право быть избираемыми на все гражданские должности в государстве. Но, тем не менее, характерно для *человека и его эпохи*, что вместо обещанного билля о реформе, который должен был отменить исключение из избирательного права массы английского народа, «Джон-Точка» (Finality John) вносит всего-навсего билль, который отменяет ограничение пассивного избирательного права для барона Лайонеля Ротшильда. Насколько этот вопрос совершенно безразличен для широкой публики, видно из того,

что ни из одной местности Великобритании не поступило петиции в пользу допущения евреев в парламент. Весь секрет этого постыдного реформистского фарса был разоблачен в речи присутствовавшего сэра Роберта Пиля. «Собственно говоря, палата занимается лишь частным делом благородного лорда (Росселя). (Громкие рукоплескания.) Благородный лорд дал Лондону представителем еврея и дал себе обет ежегодно вносить какой-нибудь проект в пользу евреев. (Слушайте!) Без сомнения, барон Ротшильд богатый человек, но это не дает ему никакого права на особое уважение, тем более, если вспомнить, каким образом создалось его богатство. (Громкое: Слушайте! слушайте! и О! о! на скамьях сторонников министерства.) Только вчера я прочел, что банкирский дом Ротшильда милостиво согласился дать Греции заем из 9⁰/₀ под солидное обеспечение. (Слушайте!) Поэтому неудивительно, что дом Ротшильда так богатеет. (Слушайте!) Министр торговли говорил о порабощении прессы. Поистине никто не сделал так много для подавления свободы Европы, как дом Ротшильда (Слушайте, слушайте!) при помощи займов, которыми он помогал деспотическим державам. Но если даже допустить, что барон имеет столько же заслуг, сколько богатств, то все-таки можно было ожидать, что благородный лорд, который представляет в этой палате правительство, составленное из вождей всех политических фракций, находившихся в оппозиции к последнему правительству,—предложит мероприятие большей важности, чем настоящее».

Работы по проверке выборов уже начались. Выборы в Кентерберии и Ланкастере объявлены недействительными при условиях, которые показывают, что известный класс избирателей был, как всегда, доступен подкупу. Однако большую часть случаев, вероятно, удастся замять.

«Само собой понятно, — говорит «Daily News», — что привилегированные классы, которые стараются, и с успехом, свести на нет предложенный билль о реформе и снова получить перевес в теперешнем представительстве, совершенно смущены мыслью о том, что может произойти полное и основательное разоблачение».

21-го сего месяца лорд Россель сложил с себя обязанности министра иностранных дел, и преемником его назначен лорд Кларендон. Лорд Джон является первым членом парламента, который, не занимая никакого официального поста, имеет место в кабинете. Он теперь просто привилегированный советчик, без поста и без жалованья. Впрочем, м-р Келли уже намекнул, что будет внесен проект, имеющий целью устранить последнее неудобство для сэра Джона.

В настоящий момент пост министра иностранных дел тем важнее, что Германский союзный сейм решил потребовать удаления из Великобритании всех политических эмигрантов, а австрийцы проектируют всех нас упаковать и переправить на какой-нибудь пустынный остров Тихого океана.

В одном из прежних писем я уже указал на вероятность того, что агитация за права ирландских арендаторов может когда-нибудь, вопреки взглядам и намерениям вождей, превратиться в антиклерикальное движение. Я указывал на тот факт, что высшее духовенство уже начало занимать враждебную позицию по отношению к лиге. С тех пор на сцену выступила еще одна сила, толкающая движение в том же направлении. Северо-ирландские землевладельцы усиленно стараются убедить своих арендаторов, что «лига арендаторов» и «союз защиты католиков» — одно и то же, и теперь, под предлогом противодействия усилению папистов, они работают над созданием оппозиции против лиги. Но в то время как на одной стороне ирландские землевладельцы обращаются к своим арендаторам за помощью против католического духовенства, на другой стороне английское протестантское духовенство апеллирует к рабочим против фабричных предпринимателей.

Промышленный пролетариат Англии с удвоенною силою вновь открыл свой старый поход против системы расплаты товарами из фабричных лавок и в пользу десятичасового рабочего дня. Так как требования этого рода должны быть представлены Нижней палате, в которую уже поступило много предложений по этому вопросу, то мне в одном из ближайших писем представится случай подробнее остановиться на ужасающих и позорных приемах фабричных деспотов, которые имеют обыкновение делать прессу и трибуны резонаторами своей либеральной реторики. Пока достаточно будет напомнить, что, начиная с 1802 года, английский рабочий класс вел постоянную борьбу за законодательное регулирование рабочего дня, пока, наконец, в 1847 году не прошел знаменитый десятичасовой закон Джона Фильдена, по которому женщины и подростки могут работать на фабриках не более 10 часов в день. Но либеральные фабричные предприниматели быстро сообразили, что этот закон открывает широкий доступ для введения на фабриках системы смен. В 1849 г. был возбужден процесс перед Court of Exchequer (судом казначейства), и судья решил, что законом допускается работа по «системе смен», при которой две смены детей работают рядом со взрослыми, работающими бессменно все время, пока машина в ходу. Пришлось снова обратиться в парламент, и в 1850 г. «система смен»

была запрещена, но при этом десятичасовой билль превратился в билль о рабочем дне в $10\frac{1}{2}$ часов. В настоящий момент рабочий класс требует полного восстановления десятичасового билля, а для того, чтобы это требование сделать более действительным, рабочие прибавляют еще одно требование: уменьшение скорости машин.

Такова вкратце внешняя история десятичасового билля. Что касается его скрытой истории, то она такова. Земельная аристократия потерпела от буржуазии поражение вследствие принятия билля о реформе 1831 года; «ее священнейшим интересам» стала угрожать опасность в лице фабрикантов, требовавших свободы торговли и отмены хлебных пошлин. Поэтому она решила оказать сопротивление буржуазии, беря под свою защиту требования и дело рабочего класса и в особенности объединяясь с ним для того, чтобы требовать ограничения рабочего времени. В то время во главе каждого собрания в пользу десятичасового рабочего дня можно было видеть лордов, называвших себя филантропами. Лорд Эшли своими трудами в этом движении даже создал себе известную славу. Земельная аристократия, получившая смертельный удар вследствие отмены хлебных пошлин, действительно последовавшей в 1846 году, отомстила тем, что в 1847 г. заставила парламент принять десятичасовой билль. Однако промышленная буржуазия при помощи судебных властей вернула себе то, что она потеряла благодаря парламенту. К 1850 г. гнев землевладельцев постепенно улегся, и они заключили с фабричными предпринимателями компромисс, по которому, с одной стороны, была запрещена «система смен», зато, с другой стороны, как бы в виде наказания за этот вынужденный закон, на рабочий класс были возложены полчаса прибавочного труда *per diem* (в день). В настоящий момент, когда аристократы видят приближение решительной борьбы с манчестерцами, они снова хотят овладеть движением в пользу сокращения рабочего времени. Но, будучи слишком трусливы для того, чтобы самим выступать открыто, они подкапываются под хлопчатобумажных лордов, натравливая на них народную силу через посредство *духовенства господствующей церкви*.

Несколько примеров покажут, с какой энергией эти святые люди ведут свой крестовый поход против промышленных предпринимателей. В Кремптоне происходило собрание в пользу десятичасового рабочего дня, на котором председательствовал пастор Браммель (от господствующей церкви). Пастор Дж.-Р. Стивенс, приходский священник из Хели Бридж, заявил: «Были времена, когда народы управлялись теократиями... Эти времена прошли... Но дух священного закона остался все тот же. Рабочий должен первым

получить свою долю земных плодов, им произведенных. Фабричные законы нарушаются столь бесстыдно, что главный инспектор этого фабричного округа, м-р Леонард Горнер, вынужден был написать в министерство внутренних дел, что он не может и не хочет посылать подчиненных ему инспекторов в определенные округа, пока не будет дана полицейская охрана... Охрана против кого? Против хозяев фабрик. Против самых богатых, самых влиятельных людей в этом округе, против должностных лиц округа, против людей, которые были мировыми судьями ее величества, которые на заседаниях мировых судей выступали в качестве королевских представителей... *И были ли наказаны эти господа за нарушение закона?* В моем округе, у фабричных рабочих — мужчин и большею частью также у женщин — вошло в постоянную привычку оставаться по воскресеньям в постели до 9, 10 или 11 часов, так как они совершенно истощены от работы в продолжение целой недели. Воскресенье — единственный день, когда их усталые члены могут отдохнуть... При этом существует правило, что чем длиннее рабочее время, тем меньше заработная плата... *Я скорее согласился бы быть рабочим в Южной Каролине, чем фабричным рабочим в Англии.*

На большом митинге в пользу десятичасового рабочего дня в Бернли отец Э.-А. Верити, приходский священник из Хабберхема, рассказал своим слушателям, между прочим, следующее: «Что делают г-н Брайт, г-н Кобден и остальные господа манчестерцы, когда народ Ланкашира так угнетен?.. О чем, собственно говоря, думают богатые люди?.. Только о том, как бы обмануть рабочий класс на один или два часа. Таковы цели так называемой манчестерской школы. И потому они — *лицемерные обманщики и хитрые мошенники*. В качестве духовного лица англиканской государственной церкви он, Верити, протестует против подобного поведения».

Мы уже указывали на мотив, который превратил господ пасторов англиканской государственной церкви в верных странствующих рыцарей прав рабочего класса. Они не только хотят накопить маленький запасец популярности про черные дни приближающейся демократии, они не только понимают, что государственная церковь есть по существу аристократическое учреждение, которое сохранится или погибнет вместе с землевладельческой олигархией. Тут имеется и нечто другое. Все манчестерцы — противники государственной церкви, они — диссентеры, и прежде всего они настолько влюблены в те 13 миллионов фунтов стерлингов, которые ежегодно вытаскивает у них из кармана одна только государственная церковь Англии и Уэльса, что они решили произвести отделение этих

светских миллионов от духовного сословия, дабы последнее показало себя более достойным неба. Поэтому набожные служители церкви борются pro aris et focis (за свое священнейшее достояние). Господам же манчестерцам эта диверсия должна показать, что им не удастся вырвать политическую власть из рук аристократии, если они, как бы им это ни было трудно, не решатся на то, чтобы предоставить и народу его полную долю во власти.

На континенте в порядке дня стоят виселицы, расстрелы и ссылки. Однако и палачи — такие создания, которых можно схватить и повесить, и их ужасные деяния неизгладимыми чертами запечатлеваются в сознании всего цивилизованного мира. В то же время в Англии делает свою работу невидимый, неуловимый и немой деспот, который в худших случаях приговаривает людей к наиболее ужасной форме смертной казни, в своей беспшумной повседневной работе изгоняет целые нации и классы с земли их предков, подобно архангелу с огненным мечом, изгнавшему Адама из рая. В последнем случае действие невидимого социального деспота приводит к *вынужденной эмиграции*, в первом — к *голодной смерти*.

В Лондоне за этот месяц имели место новые случаи голодной смерти. Я отмечу лишь случай с Мэри Энн Сендри, 43 лет, которая умерла в Лондоне, Coal Lane, Shadwell. Врач, д-р Томас Пин, ассистировавший при осмотре трупа, указал, что покойная умерла от голода и замерзла. Ее нашли на охапке соломы без всякого одеяла. В комнате не было ни мебели, ни топлива, ни съестных припасов. Пять маленьких детей сидели на голом полу, у трупа мертвой матери, и кричали от холода и голода.

В следующий раз подробнее о «вынужденной эмиграции».

**Ф И Н А Н С О В А Я П О Л И Т И К А
К О А Л И Ц И О Н Н О Г О П Р А В И Т Е Л Ъ С Т В А
Б Ю Д Ж Е Т Г Л А Д С Т О Н А**

ДОСТИЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА.

Лондон, 12 апреля 1853 г.

Самое лучшее, может быть, что можно сказать про коалиционное министерство, это — то, что оно является представителем пришедшего к власти бессилия в тот переходный момент, когда старые партии раскалываются, а новые еще не сформировались, и когда единственной возможной является не реальная власть, а лишь подобие ее.

Что же достигнуто «министерством всех талантов» за это время? Два чтения закона о правах евреев и три чтения закона о запасных фондах канадского духовенства. Последний закон дает возможность канадским законодателям располагать известной частью поступлений от продажи земель, которые до сего времени шли исключительно на поддержку пользующихся особыми преимуществами церковей Англии и Шотландии. Когда закон этот впервые был внесен в палату лордом Джоном Росселем, он состоял из трех частей. Третья часть предусматривала отмену закона, согласно которому консолидированный фонд должен был покрывать дефицит в том случае, если за какой-нибудь год сумма, вырученная от продажи канадских земель, не достигала бы 9 285 ф. ст. Закон этот прошел уже во втором чтении, когда лорд Джон перед самым голосованием (18 марта) предложил изъять им же составленную третью часть.

Если бы, однако, канадские законодатели секуляризировали запасный фонд духовенства, британцам пришлось бы ежегодно выкладывать из своего кармана около 10 000 ф. ст. на содержание секты, находящейся от них на расстоянии тысяч миль. Радикальный министр сэр В. Мольсворт, который отрицательно настроен к доходам духовенства, сделался, повидимому, приверженцем доктрины лорда Джона, согласно которой «британские колонии могли бы быть освобождены от гнета господствующей церкви только за страх и риск британцев, проживающих в метрополии».

За первый квартал сессии радикалы внесли три резолюции. Мистер Коллиер предложил упразднить духовные суды, мистер Вильямс предложил распространить наследственные пошлины и

пошлины по утверждению завещаний на недвижимые имущества, а г-н Юм предложил отменить все «чисто покровительственные» пошлины. Министерство, само собой разумеется, воспротивилось этим «поспешным» реформам. Однако коалиционное министерство противится им иначе, чем делали это тories. Последние твердо заявили о своем решении противиться «захватам демократии». Министерство же фактически делает то же самое, но ссылается при этом на необходимость более тщательной подготовки реформ.

Коалиционное министерство живет реформами, как другие живут злоупотреблениями. Отдавшись по видимости всецело делу реформ, оно на самом деле придумало целую систему для их оттягивания. То «желательно дождаться результатов тщательного расследования». То «только что назначена комиссия и ничего нельзя сделать до получения ее заключения». Или «правительство как раз занято рассмотрением этого вопроса, и оно желает, чтобы не вмешивались в его обсуждение». Или «вопрос заслуживает внимания палаты и будет внесен на ее рассмотрение, когда представится подходящий случай». Или «надлежащее время еще не наступило». «Недалеко то время, когда нужно будет что-нибудь сделать». Отдельные мероприятия должны быть отсрочены для того, чтобы исправить всю систему, или вся система должна быть сохранена для того, чтобы провести отдельные мероприятия. «Политика воздержания», провозглашенная в восточном вопросе, является основой и внутренней политики министерства.

Когда лорд Джон Россель впервые огласил программу коалиционного министерства и она вызвала всеобщее смущение, его приверженцы восклицали: «Нам нужно иметь какой-нибудь объект для энтузиазма. Пусть это будет народное образование. Наш Россель вынашивает поразительный план организации народного образования. Вы скоро услышите об этом».

Теперь мы услышали об этом. 4 апреля Россель представил общий план своей реформы народного образования. Основной его чертой является право муниципальных советов взимать местный налог для поддержания *существующих* школ, которым вменяется в обязанность преподавание учения англиканской церкви. Что же касается университетов, этих баловней государственной церкви, этих главных противников всякой реформы, то лорд Джон надеется, «что университеты сами себя реформируют». Злоупотребление благотворительными суммами, предназначенными для учебных заведений, общеизвестны. О размере этих злоупотреблений можно составить себе представление из нижеследующего: «Ежегодно насчитывается посту-

плений в размере от 2 000 ф. ст. до 3 000 ф. ст.—24, от 3 000 до 4 000 ф. ст.—10, от 4 000 до 5 000 ф. ст.—4, от 5 000 до 6 000 ф. ст.—2, от 8 000 до 9 000 ф. ст.—3 и по одному поступлению в 10 000 ф. ст., 15 000 ф. ст., 20 000 ф. ст., 29 000 ф. ст., 30 000 ф. ст. и 35 000 ф. ст.» Не требуется особой проницательности для того, чтобы догадаться, почему олигархи, которые поживились на различных злоупотреблениях с этими фондами, проявляют большую осторожность в обращении с ними. Россель предлагает: «Необходимо обследовать благотворительные фонды, причем те из них, которые приносят не свыше 30 ф. ст. годового дохода, подлежат обследованию графскими судами, а приносящие более высокий доход — членом высшего суда (Master of the rolls). Однако ни в одной из этих судебных инстанций нельзя возбуждать дела без *разрешения комитета, который будет учрежден для этой цели*. Разрешение комитета необходимо для того, чтобы возбудить дело в королевских судах и покарать за расхищение благотворительных сумм, первоначально предназначенных на народное образование. Разрешение! Но Россель, даже с этой оговоркой, не спокоен. Он добавляет: «Если будет найдено, что администрация какой-нибудь школы повинна в злоупотреблениях, *никто кроме комитета не будет иметь права вмешиваться*».

Это настоящая реформа в старом английском смысле этого слова. Она не создает нового и не разрушает старого. Она стремится сохранить старую систему путем придания ей новых, более разумных форм и обучая ее, так сказать, новым манерам. В этом и заключается тайна «наследственной мудрости» английского олигархического законодательства. Она заключается попросту в том, что злоупотребления становятся наследственными путем вливания в них от времени до времени новой крови.

Если признать, что закон о правах евреев был *маленькой попыткой* установить религиозную терпимость, что закон о канадских резервных фондах был *маленькой* попыткой признания колониального самоуправления, что закон о народном образовании был *маленькой* попыткой избежать действительного народного образования, то глэдстоновский финансовый план несомненно является *самой маленькой* попыткой укрощения гигантского чудовища, именуемого государственным долгом Великобритании.

До обнаружения бюджета, 6 апреля, Глэдстон огласил в палате общин перечень нескольких резолюций, касающихся государственных долгов. Еще раньше «Morning Chronicle» опубликовала специальное сообщение о том, что в палату предположено внести предложения, «как ходят слухи, первостепенной важности и значения».

Благодаря этим слухам рента поднялась. Создалось впечатление, что Гладстон выплатит государственный долг. Однако, когда 7 апреля собралась парламентская комиссия для рассмотрения этих предложений Гладстон внезапно изменил их, и притом таким образом, что они совершенно утратили и свою «важность», и свое «значение». Нам остается вместе с г. Дизраэли спросить: «к чему же был весь этот шум?»

Конечной целью предложений Гладстона было, как он сам заявлял, снизить процент по государственным обязательствам до стандартного уровня в $2\frac{1}{2}$ процента. Между тем мы видели, что за годы 1822 — 1823, 1824 — 1825, 1830 — 1831, 1844 — 1845 процент этот понижался соответственно с 5 до $4\frac{1}{2}$, с $4\frac{1}{2}$ до 4, с 4 до $3\frac{1}{2}$ и с $3\frac{1}{2}$ до 3 процентов. Почему было и не понизить его с 3 до $2\frac{1}{2}$ процентов? Предложения г. Гладстона сводятся к следующему.

Во-первых, объединить под общим наименованием различные бумаги общей стоимостью до 9 500 000 ф. ст., имевшие главным образом отношение к старой южно-океанской афере, и снизить размер выплачиваемого по ним процента с 3 до $2\frac{1}{2}$. Это могло бы дать до 25 000 ф. ст. постоянного ежегодного сбережения. Изобретение нового общего наименования для различных обязательств и сбережение 25 000 ф. ст. при ежегодном расходе на уплату процентов в 30 000 000 ф. ст. не могут, конечно, служить поводом для хвастовства.

Во-вторых, он предлагает выпустить новые ценные бумаги под названием «казначейские знаки» на сумму не свыше 30 000 000 ф. ст., имеющие свободное хождение, не подлежащие обложению каким бы то ни было налогом при переходе их из рук в руки и приносящие $2\frac{1}{4}$ процента годовых до 1 сентября 1864 г., а после этого до 1 сентября 1894 г. — $2\frac{1}{2}$ процента. По существу это сводится к созданию лишь новой расчетной единицы, ограниченной в своем применении нуждами торгового и финансового классов. Но каким образом сможет Гладстон сохранить в обращении на 18 000 000 ф. ст. $1\frac{1}{2}$ -процентных обязательств казначейства одновременно с $2\frac{1}{2}$ -процентными знаками того же казначейства? И не убыточно ли разве для страны платить на 1 процент больше по казначейским знакам, чем по казначейским обязательствам? Как бы то ни было, второе предложение, во всяком случае, отнюдь не является средством понижения государственной задолженности.

Наконец, в-третьих, мы подходим к главному вопросу, единственному существенному пункту гладстоновских предложений, а именно к вопросу о трехпроцентных консолях и о «трехпроцентных понижен-

ных», которые в общей сложности составляют капитал примерно в 500 000 000 ф. ст. *Hic Rhodus, hic salta!* (Здесь Родос, здесь пляши!) Так как в отношении этих бумаг имеется постановление парламента, запрещающее их принудительный выкуп, за исключением лишь случая, *когда об этом последует предупреждение за двенадцать месяцев вперед*, г. Гладстон избрал систему добровольного обмена, предложив держателям 3-процентных бумаг несколько, по их выбору, способов обмена имеющихся у них бумаг на другие, подлежащие выпуску согласно его предложениям. Они смогут обменивать по своему выбору имеющиеся у них стофунтовые обязательства одним из следующих способов.

.....¹

Положение коалиционного министерства в палате совершенно ясно обрисовывается статистикой голосований. По вопросу о Мейнхуте, при многочисленном собрании, оно имело лишь ограниченное большинство в 30 голосов. По законопроекту о правах евреев (еще не прошедшему через третье чтение) его большинство при наличии 439 депутатов не достигло даже 30 голосов. По вопросу о запасных фондах канадского духовенства, когда Россель взял назад им же предложенную третью статью, министерство было спасено ториями против его сторонников. Большинство получилось почти целиком за счет консерваторов.

Я не буду останавливаться на внутренних разногласиях в кабинете, обнаружившихся в дебатах по канадскому биллю, в оживленных спорах министерских газет по подоходному налогу и по всем вопросам внешней политики. Нет ни одного вопроса, на который коалиционное министерство не могло бы дать такой же ответ, какой дал венгерский король Геза, который, будучи обращен в христианство, продолжал тем не менее исполнять обряды своей прежней религии. Когда его спросили, к какой вере он действительно принадлежит, он ответил: «я достаточно богат, чтобы принадлежать к двум формам веры».

¹ Выпущены подробности конверсии. См. дальше стр. 143 — 144. *Ред.*

ФЕРГУС О'КОННОР. — ПОРАЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА. — БЮДЖЕТ.

Лондон, 19 апреля 1853 г.

Состоявшееся на прошлой неделе заседание комиссии для определения психического состояния Фергуса О'Коннора, бывшего ранее членом парламента от Ноттингэма, пришло к следующему заключению: «Мы находим, что г-н Фергус О'Коннор является психически ненормальным с 10 июня 1852 г. без единого момента просветления».

Как политический деятель О'Коннор пережил себя уже в 1848 г. Силы его были сломлены, миссия выполнена, и, не будучи в состоянии овладеть движением пролетариата, им же самим организованным, он превратился почти в помеху для этого движения. Если чувство исторической беспристрастности обязывает меня не скрывать этого обстоятельства, оно так же обязывает меня, отдавая должное павшему бойцу, ознакомить читателей с отзывом об О'Конноре Эрнеста Джонса, помещенным последним в «The People's Paper»:

«Перед нами человек, отказавшийся от положения, почестей и богатства, бросивший доходное, успешно развивающееся дело, истратовавший крупное состояние не на удовлетворение личных прихотей, а ради политического самопожертвования. Он поставил себя в положение вечного изгнанника своей страны, в которой он владел крупными поместьями и являлся представителем одного из крупнейших округов. Он был ненавидим своей родней за то, что любил человеческий род. Все, что он делал, было служением народу. Он угасает теперь почти в нищете, на исходе жизни, полной беспримерного труда... Такова его жизнь. Взгляните теперь на его дело. В период общей прострации, разлада, сомнений и нищеты он сплотил миллионы людей в нашей стране так тесно, как до сих пор никому не удавалось этого сделать. О'Коннелль сплотил вокруг себя ирландцев, но сделал это при содействии священников. Мадзини пробудил итальянцев, но на его стороне было дворянство и купечество. Кошут объединил венгерцев, но за ним стоял сенат и

армия. При этом и итальянцы, и венгерцы одинаково пылали ненавистью к иноземному завоевателю. Но О'Коннор без дворянства, священников или купцов собрал и поднял один погранный класс против них всех, не пользуясь для объединения даже таким рычагом, как национальное чувство. Лафайет имел за собой купечество, за Ламартином шли лавочники, за О'Коннором — народ. Но народ в XIX столетии в конституционной Англии слабее всех. О'Коннор научил его, как сделаться сильнейшим).

Прошлая неделя была неделей поражений коалиционного кабинета. Ему впервые пришлось столкнуться с коалиционной оппозицией. Во вторник 12-го числа Бэтт внес предложение о сохранении для солдат-ирландцев приюта при Кильманхэмском госпитале. Военный министр выступил против внесенного предложения, но оно было принято палатой большинством 198 против 139 голосов. В данном случае правительство потерпело поражение благодаря коалиции «ирландской бригады» с консервативной оппозицией. В следующий четверг ему нанесла поражение коалиция консерваторов с манчестерской группой. Когда Мильнер Гибсон внес свое ежегодное предложение об отмене «налога на знание», принята была отмена налога на объявления, несмотря на возражения Гладстона, Росселя и Сиднея. Они остались в меньшинстве, получив 160 голосов против 200. Брайт, Гибсон и Мак-Грегор голосовали вместе с Дизраэли, Пекингтоном и другими, а Кобден официально заявил, «что он от всего сердца принимает помощь Дизраэли и его друзей». Однако самое крупное поражение было нанесено правительству не голосованием в палате, а его собственными действиями.

Все подробности о на шумевшем «ракетном деле» Кошута наверное теперь уже известны читателям «Трибуны». Но чтобы показать, что это дело по существу было заранее согласовано между Пальмерстоном и иностранными державами, достаточно привести то, что пишет по этому поводу его собственный официальный орган — «Morning Post»:

«Быстрота действия и бдительность, проявленные правительством, внушат доверие тем иностранным державам, которые сомневались в эффективности наших законов в деле подавления всяких злоумышлений наших беспокойных гостей».

Это дело будет иметь серьезные последствия для коалиционного министерства. Оно уже теперь, — а это весьма показательно, — разоблечило революционный дэвидизм старого Пальмерстона. Даже его наиболее легковверный, но честный почитатель, «Morning Advertiser», открыто отрекается от него. Звезда Пальмерстона начала

тускнеть в то время, когда он стал благоволить к герою 2 декабря и Саторийского укрепленного плато, и она совсем закатилась, когда он открыто стал «австрийским министром». Но, повидимому, миссией коалиционного министерства именно и является деморализация и развенчание всех талантов и «renommées» (репутаций) старой олигархии. Эту задачу оно выполняет с замечательной настойчивостью.

Если бы кабинет Пальмерстона пережил эту катастрофу, он мог бы, слегка изменив слова Франциска I, сказать: «Ничто не потеряно, кроме чести».

Перехожу теперь к злобе дня — бюджету Гладстона, который он представил вчера в палате общин в речи, длившейся не менее пяти часов. Это — коалиционный бюджет, разработанный в энциклопедическом духе и чрезвычайно подходящий для напечатания в объеме Энциклопедическом словаре Эрша и Грубера по искусству и наукам. Вы знаете, что энциклопедисты всегда выступают на сцену, когда накапливается избыток фактов, а мысль соответственно значительно отстает.

В каждом бюджете основным вопросом является соотношение между его приходной и расходной частями, и баланс в форме излишков или дефицита определяет общее положение и обуславливает повышение или понижение налогов. Дизраэли исчислял доход для 1852 — 53 г. в 52 325 000, а расход в 51 163 000 ф. ст. Гладстон теперь сообщает нам, что в действительности доход равнялся 53 089 000 ф. ст., а действительный расход — лишь 50 782 000. Эти цифры говорят о действительном превышении поступлений над расходами в 2 460 000 ф. ст. Может показаться, что Гладстон улучшил финансовое положение по сравнению с Дизраэли. Последний мог похвалиться лишь избытком в 1 660 000 ф. ст., а Гладстон является с экономией в 2 460 000 ф. ст. К несчастью, в отличие от избытка Дизраэли, избыток Гладстона тает при ближайшем ознакомлении, достигая скромной цифры в 700 000 ф. ст. Миллионы уплыли из его кармана благодаря разным ассигнованиям палаты общин и другим чрезвычайным расходам. Как осмотрительно добавляет Гладстон: «Необходимо помнить, что из 700 000 ф. ст. 220 000 поступают из случайных, а не постоянных источников дохода». Таким образом, Гладстон может оперировать лишь с избытком в 488 000 фунтов. Соответственно с этим всякое понижение старых налогов на сумму, превышающую эту цифру, должно быть сбалансировано введением новых налогов.

Гладстон начал свою речь с question brûlante (жгучего вопроса) о подоходном налоге. Он сказал, что этот налог можно было бы от-

менить теперь же, но правительство не подготовлено к тому, чтобы рекомендовать его немедленную отмену. Первое, на что он просил обратить внимание, это — то, что «мы извлекаем из этого налога 5 500 000 ф. ст.». Затем он попытался «блестяще» реабилитировать значение этого налога, потратив не мало сил на изложение его истории. «Подходный налог, — заявил он, — сослужил свою службу в момент борьбы страны за существование, он дал нам возможность поднять доход страны и покрыть расходы на войну и гражданское управление... Если вы не испортите эту машину, она даст нам возможность, если бы военные действия, к несчастью, снова разразились, немедленно довести армию до 300 000 человек и флот до 100 000, соответственно увеличив и другие ассигнования». Далее Гладстон указал, что подходный налог пригодился не только для ведения анти-якобинской войны, но также для проведения фритредерской политики сэра Роберта Пиля. После такого апологетического введения на нас вдруг обрушивается заявление, что «подходный налог полон изъянов». Гладстон допускает, что для сохранения этого налога его нужно преобразовать так, чтобы устранить содержащиеся в нем элементы неравенства. Однако для устранения неравенства пришлось бы сломать весь его остов. Странно противореча самому себе, Гладстон в дальнейшем стремится доказать, что в сущности такого неравенства вовсе нет и что оно лишь кажущееся. Что же касается вопроса о действительно реализуемых и необеспеченных доходах, то он сводит все к вопросу о «земле и торговле», стараясь убедить публику при помощи довольно неуклюжих расчетов, что земля в действительности платит 9 пенсов с фунта, в то время как торговля — только 7 пенсов. Затем он добавляет, что «размер обложения земли и домов не зависит от размера дохода собственников, тогда как в торговле размер прибылей определяется непосредственно владельцами предприятий и зачастую исчисляется ими недобросовестно». В отношении же держателей фондов Гладстон утверждает, что обложить капитализированную стоимость их дохода было бы грубым нарушением общественного доверия. Короче говоря, установление какого-либо различия между действительно реализуемыми и необеспеченными доходами, которое предлагал Дизраэли, категорически отвергается Гладстоном. С другой стороны, он готов распространить подходный налог на Ирландию, а также на доходы, превышающие 100 ф. ст. в год, тогда как до сих пор предельным доходом, подлежащим обложению, был доход в 150 ф. ст. в год. В полном несоответствии, однако, с только что провозглашенным им принципом, что «невозможно установить различие между соответственной

ценностью ума, труда и собственности и выразить эти соотношения цифровыми величинами», он предлагает ограничить размер налога на доходы в пределах от 100 ф. ст. до 150 ф. ст. в год 5 пенсами с фунта. Наконец, для того, чтобы примирить свое восхищение подоходным налогом с открыто признанной необходимостью его отмены, Гладстон предлагает «продлить взимание налога на два года, считая с апреля 1853 г., в размере 7 пенсов с фунта, на два года—с апреля 1855 г.—из расчета 6 пенсов с фунта и еще на три года—с апреля 1857 г.—из расчета 5 пенсов с фунта, так, чтобы взимание налога прекратилось 5 апреля 1860 г.

Одарив, таким образом, своим отказом признать принцип различия между действительно реализуемым и необеспеченным доходом земельную аристократию и держателей ценных бумаг воображаемым благодеянием, Гладстон, с другой стороны, озабочен тем, чтобы протянуть подобную же приманку манчестерской группе в виде реформы налога на наследство, распространив его на все виды собственности, но отменив при этом пошлины по утверждению завещаний. «Я не сомневаюсь, — сказал он, — что этот налог, если палата внесет в него некоторые изменения, добавит к нашим постоянным средствам 500 000 ф. ст. в 1853 — 54 г., 700 000 ф. ст. в 1854 — 55 г., 400 000 ф. ст. в 1855 — 56 г. и 400 000 ф. ст. в 1856 — 57 г., а всего принесет 2 000 000 ф. ст. По отношению к Шотландии Гладстон предлагает повысить существующий в размере 3 шилл. 8 пенс. акциз на спиртные напитки еще на 1 шилл., что даст 318 000 ф. ст. Кроме того, он предлагает повысить существующие пошлины на патенты чаеоторговцев, пивоваров, солодовников, табачных фабрикантов и торговцев и мыловаров.

Общая сумма ожидаемых поступлений от увеличения этих пошлин на 1853 — 54 г. выразится:

по подоходному налогу	295 000 ф. ст.
» наследственным пошлинам	500 000 » »
» акцизу на спирт	436 000 » »
» патентам	133 000 » »
<hr/>	
Всего	1 364 000 ф. ст.,
что вместе с превышением поступлений	
над расходами в	805 000 » »
<hr/>	
позволит снизить общее налоговое обложение на	2 169 000 ф. ст.

Что же предлагает Гладстон в отношении уменьшения старых налогов?

Я воздержусь, конечно, от слишком глубокого проникновения в этот лабиринт, так как вопрос этот не исчерпать в нескольких словах. Поэтому я коснусь лишь основных предложений, которые сводятся к следующему:

1) Отмена акциза на мыло, который приносит валового дохода 1 397 000 ф. ст.

2) Постепенное понижение акциза на чай, в течение примерно трех лет, с тем, чтобы акциз с 2 шиллингов $2\frac{1}{2}$ пенсов понизился до 1 шиллинга.

3) Отмена налога на большое число мелких предметов.

4) Превращение ирландского долга в 4 000 000 ф. ст. в консолидированный, ежегодно равными частями погашаемый заем.

5) Снижение наполовину пошлин на адвокатские свидетельства в связи с предложением лорда Р. Гровенора, который предлагал совсем отменить эти пошлины.

6) Снижение, согласно предложению г. Гибсона, налога на объявления до 6 пенсов (палата приняла постановление о полном упразднении этого налога). Наконец:

7) Отмена гербового сбора на приложения к газетам (к великой радости «Times'a», — единственной газеты, выпускающей приложения).

Вот вкратце основные черты бюджета, который Гладстон высиживал в течение более четырех месяцев. Прения в палате общин, назначенные на следующий понедельник, дадут мне возможность еще раз коснуться этого коалиционного произведения.

БЮДЖЕТ ГЛАДСТОНА.

Лондон, 22 апреля 1853 г.

В моем письме от прошлого вторника я дал вам общий набросок бюджета Gladstone. Теперь передо мной официальное издание бюджета, занимающее 50 страниц *in folio* и озаглавленное: «Резолюции, имеющие быть внесенными канцлером казначейства» и «Пояснительная записка к резолюциям». Однако я коснусь лишь тех деталей, которые могли бы представлять интерес для иностранных читателей, если бы проект бюджета стал законом Великобритании.

Наиболее значительными представляются резолюции, касающиеся таможенных пошлин. Имеется предложение упразднить пошлины на 123 второстепенных предмета, доход от которых составлял около 55 000 ф. ст. в год; сюда включаются все сорта дерева, идущие на поделку мебели, за исключением четырех, а также деревянные скрепы, рамы, кирпичи и черепица. Предполагается снизить пошлину, во-первых, на чай с 2 шилл. 2¹/₂ пенсов до 1 шилл. 10 пенс. до 5 апреля 1854 г. и, во-вторых, на 12 продовольственных продуктов. Существующую пошлину на миндаль предполагается снизить до 2 шилл. 2 пенс. с центнера, на сыр — с 5 шилл. до 2 шилл. 6 пенс. с центнера, на какао — с 2 пенс. до 1 пенс. с фунта, на орехи — с 2 шилл. до 1 шилл. с бушеля, на яйца — с 10 пенсов до 4 пенс. с сотни, на апельсины и лимоны — до 8 пенсов с бушеля, на масло — с 10 шилл. до 5 шилл. с центнера, на изюм — с 15 шилл. 9 пенс. до 10 шилл. с центнера и на яблоки — с 2 шилл. до 3 пенсов с бушеля. Все эти предметы дают в настоящее время дохода до 262 000 ф. ст. В-третьих, намечается снижение еще по 133 продуктам питания, приносящим дохода 70 000 ф. ст. Кроме того, вводится упрощение в отношении целого ряда предметов, таможенные пошлины с которых будут взиматься в определенном размере, а не *ad valorem* (по стоимости).

Что же касается акциза, то, как я уже указывал, предвидится отмена акциза на мыло и повышение по известной скале платы за патенты для пивоварения, торговцев чаем, кофе, табаком и мылом.

В отношении гербового сбора, кроме понижения сбора с адвокатских свидетельств и налога на объявления, предположено снизить гербовый сбор на полисы по страхованию жизни, на денежные квитанции, на договоры по ученичеству и на наемные экипажи.

Что касается прямых налогов, то ожидается снижение налога на мужскую прислугу, на собственные экипажи, на лошадей, пони и собак, а также уменьшение на $17\frac{1}{2}\%$ взносов на покрытие поземельного налога.

По почтовому ведомству предположено сокращение платы за почтовые отправления в колонии и установление единообразного тарифа в 6 пенсов.

Общей отличительной чертой бюджета, достойной внимания, является то обстоятельство, что большинство бюджетных предположений было навязано коалиционному министерству после ожесточенного сопротивления с его стороны в течение нынешней сессии.

Гладстон предлагает *теперь* распространить наследственные пошлины на недвижимое имущество; однако еще 1 марта он возражал против внесенного Вильямсом предложения, по которому недвижимое имущество должно подлежать «обложению теми же самыми наследственными пошлинами и пошлинами по утверждению завещаний, как и движимое имущество».

Он заявлял по этому поводу, как то делают торийские газеты в настоящее время, что это лишь кажущаяся льгота, причем она уравнивается другими налогами, падающими исключительно на недвижимое имущество. Равным образом верно и то, что того же 1 марта Вильямс угрожал Гладстону, «что он будет заменен Дизраэли, если не уступит в этом вопросе».

Гладстон предлагает *теперь* отменить или снизить покровительственные пошлины приблизительно на 268 второстепенных предметов, но 3 марта он еще противился предложению Юма «о немедленной отмене чисто покровительственных пошлин примерно на 285 предметов».

Столь же верно то, что Дизраэли заявил в тот же день: «мы не могли цепляться за лохмотья протекционистской системы».

Гладстон предлагает *теперь* сократить налог на объявления наполовину, но всего лишь за четыре дня до внесения им своего бюджета он возражал против предложения г. Мильнера Гибсона об отмене этого налога. Правда, вследствие разделения голосов в палате он потерпел поражение.

Легко можно было бы продолжить этот перечень уступок, сделанных коалиционным министерством манчестерской группе. Что

же означают эти уступки? Что промышленная буржуазия, как ни слабо представлена она в палате, является подлинным хозяином положения и что каждое правительство, — виги, тории или коалиция, — может удерживаться у власти и не допускать до нее буржуазии, лишь выполняя для нее предварительную работу. Просмотрите британское законодательство начиная с 1825 г. и вы увидите, что политическое сопротивление буржуазии могло иметь место лишь при условии непрерывных уступок ей в финансовой области. Олигархия никак не может понять тот простой факт, что политическая власть порождается экономической властью и что класс, которому вынуждены сдать экономическую власть, неизбежно завоюет также и власть политическую. Когда сам Людовик XIV издавал через Кольбера законы в интересах промышленников, он лишь подготавливал революцию 1789 г., и на его «l'Etat, c'est moi» («государство, это — я») последовал ответ Сийеса: «le tiers état est tout» (третье сословие, это — все).

Другой очень резко обозначенной чертой бюджета является полное следование политике Дизраэли, «этого беспечного авантюриста», который посмел утверждать в палате, что неизбежным последствием свободы торговли явилась финансовая революция, т. е. постепенная замена косвенного обложения прямым. И в самом деле, что предлагает Гладстон? Он усиливает и расширяет систему прямого обложения и ослабляет и суживает систему косвенного обложения.

С одной стороны, он предлагает продлить подоходный налог без изменений на семь лет. Он распространяет его на целый народ, на ирландцев. Он вслед за Дизраэли распространяет его на целый класс — на лиц, получающих доход от 100 до 150 ф. ст. Он частично принимает предложенное г. Дизраэли распространение налога на дома, давая ему наименование измененного налога на разрешение строиться и повышая ставку налога в зависимости от размера участка земли, на котором строится дом.

Наконец, он повышает прямое обложение на 2 000 000 ф. ст., распространяя на недвижимое имущество действие наследственных пошлин, что также было обещано Дизраэли.

С другой стороны, он атакует косвенное обложение в двух его формах — таможенных пошлин и акцизного сбора. В отношении первых он принимает предложенное Дизраэли снижение пошлин на чай и отменяет, сокращает или упрощает пошлины на 268 предметов. В отношении же второго он совсем отменяет акциз на мыло.

Единственным отличием бюджета Гладстона от бюджета его

предшественника является то, что Дизраэли был автором, а Гладстон — только плагиатор; Дизраэли отменял акцизы и налоги в интересах землевладения, а Гладстон отменяет их в интересах городов; Дизраэли, провозглашая принцип, был своим исключительным положением вынужден исказить его применение на практике, в то время как Гладстон, восставая против принципа, имеет возможность, благодаря коалиционному характеру своего министерства, проводить его по частям путем целого ряда компромиссов.

Какова же будет вероятная судьба коалиционного бюджета и каково будет вероятное отношение к нему со стороны партий?

В общем намечаются лишь три вопроса, вокруг которых может разыграться борьба: подоходный налог, налог на наследства и Ирландия.

Манчестерская группа обязалась противиться всякому продлению этого «ужасающего неравенства» — теперешнего подоходного налога. Оракул Принтингхауз-сквера — «Times» — в течение десяти лет метал гром и молнии против этого «чудища», а предубеждение, свойственное великобританскому общественному мнению, осудило вообще существующую систему однообразного обложения различного рода доходов. Но только по одному этому вопросу Гладстон отвергает всякий компромисс. Поскольку Дизраэли в бытность его канцлером казначейства предложил преобразовать подоходный налог, установив различие между необеспеченным и действительно реализуемым доходом, обложив первый налогом в размере 5 пенсов с фунта стерлингов, а второй — 7 пенсами с фунта, подоходный налог, повидимому, становится связующим звеном объединенной оппозиции консерваторов, манчестерской группы и «общественного мнения», которое представляет «Times».

Выполнят ли, однако, манчестерцы свое обязательство? Это весьма сомнительно. Им скорее свойственна коммерческая привычка прикарманивать наличные выгоды, предоставляя принципам заботиться самим о себе. А выгоды, которые приносит бюджет Гладстона, далеко не ничтожны. Тон манчестерской прессы уже сделался очень умеренным и весьма примирительным по отношению к подоходному налогу. Она начинает успокаивать себя заключающейся в словах Гладстона перспективой того, что «подоходный налог будет целиком отменен через семь лет», забывая в удобный момент, что в то время, когда покойный сэр Роберт Пиль ввел его в 1842 г., он обещал его отмену в 1845 г., а также и то, что продление какого-либо налога является весьма сомнительным путем к его предстоящей отмене.

Что же касается «Times'a», то это — единственная газета, которая выиграет от предложенного Гладстоном упразднения налога на газетные приложения. Ей приходится платить налог за свои ежедневные двойные приложения в размере 40 000 пенсов или 166 ф. ст. 3 шиллинга в неделю. Все 40 000 пенсов, скачиваемые Гладстоном, целиком пойдут в ее кассу. Мы можем поэтому предполагать, что Цербер будет укрощен и станет ягненком без того, чтобы Гладстон превратился в Геркулеса. Трудно было бы найти во всей парламентской истории Великобритании более недостойный поступок, чем эта покупка Гладстоном поддержки газеты путем внесения в бюджет специальной статьи в ее пользу. Отмены налога на знание добивались главным образом с целью сломить монополию газетных левиафанов. «Елейный» Гладстон берет из этого проекта лишь то, что требуется для удвоения монополии «Times'a».

В принципе мы признаем, что Гладстон прав, отвергая установление всякого различия между источниками, из которых извлекается доход. Если вы будете проводить качественное различие между различными видами доходов, вы должны будете также устанавливать и количественное различие между ними, ибо в девяносто девяти случаях из ста количество дохода составляет его качество. Если вы станете проводить между ними количественное различие, вы неизбежно придете к прогрессивному обложению, а от прогрессивного обложения вы непосредственно придете к ясно выраженному виду социализма, — несомненно ненавистного оппонентам Гладстона.

При узком и предвзятом толковании различия между действительно реализуемым и необеспеченным доходом, какое дается манчестерской группой, мы приходим к несуразному заключению, что доход самого богатого класса Англии — ее торгового класса — есть только необеспеченный доход. Под личиной филантропии манчестерцы стремятся лишь переложить часть общественного бремени с своих плеч на плечи землевладельцев и держателей ценных бумаг.

Что же касается распространения налога на наследства, а также и на недвижимое имущество, то партия землевладения (country party), без сомнения, будет энергично этому противиться. Она, естественно, желает получать, как и раньше, свои наследства без пошлин. Однако Дизраэли в бытность свою канцлером казначейства признал несправедливость этого исключения, и манчестерцы, как один, будут голосовать вместе с министрами. «Morning Advertiser» в своем вчерашнем номере поставил в известность партию землевладения, что если она будет иметь неосторожность отстаивать

налог на наследства, ей придется оставить всякую надежду на поддержку со стороны либералов.

Вряд ли существует какая-либо другая привилегия, против которой британский средний класс более враждебно настроен, и нет также более наглядного примера олигархического законодательства. Питт внес в 1796 г. два законопроекта, из которых один устанавливал обложение движимого имущества наследственными пошлинами и пошлинами по утверждению завещаний, а другой распространял те же обложения на недвижимое имущество. Мероприятия эти были отделены друг от друга, потому что Питт опасался, что со стороны членов обеих палат последует успешная оппозиция мероприятию, облагающему их поместья этими налогами. Первый билль почти не встретил оппозиции. Голосование произведено было лишь один раз, и только 16 членов голосовали против. Второй билль прошел все стадии, а когда он был подвергнут третьему чтению, он был провален 30 голосами против 30.

Питт, не имея никаких шансов провести билль через обе палаты, вынужден был взять его обратно. Если бы наследственные пошлины и пошлины по утверждению завещаний на недвижимость уплачивались с 1796 г., можно было бы погасить большую часть национального долга. Единственным веским возражением, которое могла бы привести сельская партия, был бы тот аргумент, что держатели ценных бумаг пользуются такой же льготой. Однако она, конечно, не захочет укреплять свою позицию такими аргументами, которые восстаноят против нее держателей ценных бумаг, которые отличаются особой склонностью к фискальному иммунитету.

Таким образом, остается лишь один вероятный шанс успешной борьбы против коалиционного бюджета, это — блок партии землевладения с «ирландской бригадой». Правда, Гладстон постарался склонить ирландцев к распространению подоходного налога на Ирландию, подарив им на четыре с половиной миллиона консолидированной ежегодной ренты. Но ирландцы считают, что три из этих четырех с половиной миллионов, полученные ими во время голода 1846 — 1847 гг., никогда не включались в их национальный долг и никогда не признавались долгом самим ирландским народом.

Само министерство, повидимому, не вполне уверено в успехе, так как угрожает *досрочным роспуском* палаты, если бюджет не будет принят в целом. Грозное предостережение для значительного большинства членов парламента, «карманы которых сильно пострадали от законных расходов во время последних споров за места

в парламенте», и для тех радикалов, которые, как только могли, цеплялись за старое определение оппозиции, а именно — что в правительственном механизме она играет ту же роль, что и предохранительный клапан в паровой машине. Предохранительный клапан не останавливает работу машины, а сохраняет ее, давая, в виде *паров*, выход той энергии, которая в противном случае взорвала бы все предприятие. Так они превращают в пар народные требования. Кажется, они вносят предложения только для того, чтобы брать их потом обратно, или для того, чтобы излить избыток красноречия.

Роспуск палаты выявит только распад старых партий. С момента возникновения коалиционного министерства ирландская бригада раскололась на две фракции: одну правительственную, другую — независимую. Партия землевладения также разбилась на два лагеря: во главе одного стоит Дизраэли, во главе другого — сэр Джон Пекингтон, хотя теперь, в минуту опасности, они оба снова сплотились вокруг Дизраэли. Сами радикалы разбиты на две группы: майферовцев и манчестерцев. Сила внутренней спайки исчезла в старых партиях, но в то же время нет и действительного антагонизма. Новые всеобщие выборы не улучшат, а лишь еще более подчеркнут существующее положение.

Благодаря разоблачениям во время избирательной кампании Нижняя палата пала так низко, что ниже пасть она уже не может. Но в то же время она изо дня в день вскрывала гнилость своего фундамента, явную продажность *избирательных собраний*. Рискнет ли министерство после этих разоблачений апеллировать к этим заклеенным избирательным собраниям, апеллировать к стране? Стране в широком смысле этого слова министерство ничего предложить не может, ибо оно в одной руке держит отказ от парламентской реформы, а в другой — австрийский патент, возводящий его в сан генерального осведомителя континентальной полиции.

НОВЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ФОКУС, ИЛИ ГЛАДСТОН И ПЕНСЫ.

Наши читатели знают по собственному опыту и чувствуют на своей собственной шкуре, что старые финансовые махинации взвалили на народ государственный долг в сумме 800 000 000 фунтов стерлингов. Этот долг был сделан главным образом для того, чтобы воспрепятствовать освобождению американских колоний и противодействовать французской революции прошлого столетия. Влияние роста государственного долга на государственные расходы может быть иллюстрировано следующей небольшою таблицею:

1. Государственный долг.

При вступлении королевы Анны на престол после Вильгельма (1701)	16 394 702 ф. ст.
При вступлении на престол Георга I (1714)	54 145 863 » »
» » » » Георга II (1727)	5 092 235 » »
» » » » Георга III (1760)	146 682 844 » »
После американской войны (1784)	257 213 043 » »
К концу войны против якобинцев (1801)	579 931 447 » »
В январе 1810 г. (во время наполеоновской войны)	811 898 082 » »
После 1815 г.	1 000 000 000 » »

2. Государственные расходы.

Все расходы, включая проценты по государственному долгу, составляли:

При вступлении на престол королевы Анны	5 610 987 ф. ст.
» » » » Георга I (1714)	6 633 581 » »
» » » » Георга II (1727)	5 441 248 » »
» » » » Георга III (1760)	24 456 940 » »
К концу войны против якобинцев (1801)	82 027 288 » »

3. Государственное обложение.

При королеве Анне (1701)	4 212 358 ф. ст.
» короле Георге I (1714)	6 762 643 » »
» » Георге II (1727)	6 522 540 » »
» » Георге III (1760)	8 744 682 » »
После американской войны (1784)	13 300 921 » »
К концу войны против якобинцев (1801)	36 728 971 » »
В 1809 г.	70 240 226 » »
После 1815 г.	82 000 000 » »

Народ хорошо чувствует на своем собственном кошельке, каким тяжелым бременем государственный долг ложится на обложение, но только немногие знают, при каких своеобразных обстоятельствах этот долг был заключен и продолжает существовать. «Государство», эта совместная власть крупных землевладельцев и финансистов, нуждается в деньгах для того, чтобы выполнять свое дело угнетения внутри страны и за границей. Оно занимает деньги у капиталистов и ростовщиков и выдает им за это бумажку, которой обязывается выплачивать определенное количество процентов, т. е. фунтов, на каждые 100 фунтов стерлингов. Средства для этих платежей оно вытягивает из карманов трудящихся классов в форме налогов. Таким образом, сам народ должен служить поручителем для своих угнетателей перед теми, кто ссужает им деньги для того, чтобы они могли тиранить народ. Эти займы носят различные наименования; иногда уплачиваются 3, 3½ или 4 процента, и соответственно этому заемные бумаги называются трехпроцентными, четырехпроцентными и т. д. Всякий канцлер казначейства, если только он не виг, стремится к возможно большему облегчению гнета этого кошмара, который давит не только трудящиеся классы, но и фабрикантов и землевладельцев, также вынужденных платить часть процентов и желающих платить как можно меньше.

6 апреля, до внесения бюджета теперешним министерством, г. Гладстон предложил палате несколько резолюций о государственном долге. Еще до этого «Morning Chronicle» объявила, что будут сделаны предложения величайшей важности, о которых носят «интересные и многообещающие слухи». Благодаря этим слухам бумаги поднялись в курсе. Создалось впечатление, что Гладстон хочет заплатить государственный долг. Что вся эта шумиха означала?

Конечную целью предложений Гладстона было, как сказал он сам, понижение процентов по различным государственным бумагам до 2½. В 1822—1823, 1824—1825, 1830—1831, 1844—1845 гг. уже имело место понижение процентов с 5 до 4½, с 4½ до 4, с 4 до 3½, с 3½ до 3. Почему же не понизить и теперь процент с 3 до 2½?

Песмотрим, как г-н Гладстон думает достичь этой цели.

Во-первых, он предполагает объединить общим наименованием определенные бумаги в сумме 9 500 000 ф. ст., стоящих в связи главным образом со старою южно-океанскою мошенническою историею, и принудительно понизить их процент с 3 до 2¾. Это даст постоянную ежегодную экономию приблизительно в 25 000 ф. ст. Изобретение нового общего наименования для различных бумаг и экономия

в 25 000 ф. ст. при ежегодных расходах в 30 000 000 ф. ст., право, не является подвигом, заслуживающим особого преклонения.

Во-вторых, он хочет создать новые ценные бумаги, под названием казначейских обязательств, — в сумме, не превышающей 30 000 000 фунтов стерлингов, — которые могут быть передаваемы путем простой передачи, без всяких издержек; они должны оплачиваться до 1 сентября 1864 года $2\frac{3}{4}$ процентами, а начиная с этого срока до 1 сентября 1894 года — $2\frac{1}{2}$ процентами. Это означает не что иное, как создание нового финансового орудия в интересах имущего и торгового класса. Он говорит «без всяких издержек»; это значит без всяких издержек для купцов из Сити. В настоящий момент имеются казначейские знаки на 18 000 000 ф. ст. из $1\frac{1}{2}$ процентов. Не значит ли это, что страна понесет убыток, если должна будет платить по казначейским обязательствам на 1 процент больше, чем по казначейским знакам? Во всяком случае, это второе предложение не имеет ничего общего с уменьшением государственного долга. Казначейские знаки могут иметь обращение только в Англии, казначейские же *обязательства* — передаваться как обыкновенные векселя; итак, это не что иное, как облегчение для купцов Сити, за которое народ должен заплатить дорогою ценою.

В заключение мы приходим к единственному важному пункту, к трехпроцентным консолям и к «трехпроцентным пониженным», которые вместе представляют капитал почти в 500 000 000 ф. ст. Парламентским актом запрещено принудительное понижение этих бумаг без предварительного предупреждения за год. Поэтому Гладстон избирает путь добровольного обмена и предлагает владельцам трехпроцентных бумаг обменять их, по усмотрению, на другие бумаги, которые должны быть созданы по его проекту. Обменять сто фунтов 3%-х бумаг можно одним из следующих трех способов:

1. Полуобмен. Каждые 100 фунтов стерлингов трехпроцентных бумаг могут быть обменены на казначейские обязательства на ту же сумму, которые принесут до 1864 года 2 фунта 15 шиллингов и до 1894 года 2 фунта 10 шиллингов. Если бы все 30 000 000 ф. $2\frac{1}{2}$ %-х казначейских обязательств заменили собою на 30 000 000 трехпроцентных консолей, то получилась бы экономия за первые десять лет в 75 000 ф. и в дальнейшем — в 150 000, а всего в 225 000 ф. ст. Но правительство было бы обязано по истечении сорока лет заплатить все 30 миллионов. Этот проект ни в какой мере не затрагивает в части или в целом национального долга. Что значит экономия в 225 000 ф. по сравнению с ежегодными расходами в 30 000 000 ф.?

2. Второй способ заключается в том, что владелец трехпроцентных

бумаг за каждые 100 фунтов старых трехпроцентных бумаг может получить 82 фунта 10 шиллингов новых $3\frac{1}{2}$ -процентных бумаг, по которым до 5 января 1894 года будет уплачиваться процентных денег 3 фунта 10 шиллингов. Если владельцы бумаг пойдут на этот обмен, они будут получать вместо теперешних 3-х фунтов со ста только 2 фунта 17 шиллингов 9 пенсов, или, другими словами, на каждые 100 фунтов они будут терять процентных денег 2 шиллинга 3 пенса. Если бы все 500 миллионов фунтов стерлингов были конвертированы таким способом, нация должна была бы уплачивать ежегодно вместо прежних 15 миллионов фунтов только 14 437 500 фунтов, что составляло бы экономию в 562 500 фунтов в год. Но ради этой экономии в 500 000 фунтов парламент должен связать себе руки на целое столетие и утвердить процент, превышающий $2\frac{4}{5}$, в такое время, когда все изменяется и когда нет установленного процента. Конечно, Гладстон выиграл бы одно: вместо трехпроцентных бумаг, забронированных в настоящее время двенадцатимесячным предупреждением, по истечении сорока лет оказались бы $3\frac{1}{2}$ -процентные бумаги, которые парламент мог бы выкупить *à pari*. Для $3\frac{1}{2}$ -процентных бумаг Гладстон не предлагает никакого ограничения суммы.

3. Третий способ состоит в следующем: вместо каждых 100 фунтов трехпроцентных бумаг владельцы получают 110 фунтов новых $2\frac{1}{2}$ -процентных бумаг, действительных до 1894 года. Когда Гладстон 6 апреля впервые внес свой проект в палату, он не определил точно суммы подлежащих выпуску новых $2\frac{1}{2}$ -процентных бумаг. Но когда Дизраэли обратил его внимание на то, что каждый маломальски разумный человек, сравнив все три способа, безусловно захочет конвертировать свои 100 фун. трехпроцентных бумаг в 110 фунтов $2\frac{1}{2}$ -процентных, что, далее, при конверсии 500 миллионов трехпроцентных бумаг в новые $2\frac{1}{2}$ -процентные, нация, с одной стороны, правда, выиграет ежегодно 1 250 000 фунтов, но зато, с другой стороны, государственный долг увеличится на 50 000 000 фунтов, — тогда Гладстон на следующий день изменил свой проект и ограничил новую эмиссию 30 миллионами фунтов. Но благодаря этому ограничению его проект теряет всякое сколько-нибудь заметное влияние на громадную массу государственного долга и лишь увеличивает его сумму на 3 000 000 фунтов.

Теперь вы ознакомились с «одним из самых важных финансовых законопроектов, которые когда-либо были внесены». Во всем мире, быть может, нет большего мошенничества, чем так называемые «финансы». Простейшие операции, касающиеся бюджета и государственного долга, апостолы этой «тайной науки» обозначают

самыми непонятными названиями: за эту терминологию скрываются самые обыденные маневры по части создания облигаций различных наименований, обмен старых бумаг на новые, понижение процента и увеличение номинального капитала, уменьшение капитала и повышение процента, сроки платежа премий, дивидендов, учредительские пай, различие между займами, подлежащими амортизации и не подлежащими ей, искусственная градация способов передачи различных бумаг; в этой ужасной биржевой схоластике публика совершенно запутывается, беспомощно теряясь в страшном множестве деталей. Но ростовщикам каждая из таких финансовых операций дает страстно ожидаемую возможность развить свою вредную и грабительскую деятельность. Без сомнения, Гладстон — мастер в финансовой алхимии этого рода, и Дизраэли очень метко характеризует его проект, говоря: «Остроумие и гений самых ловких казуистов никогда не могли бы придумать более сложной и замысловатой машины для получения столь ничтожного результата. У святого Фомы Аквинского есть глава, в которой он размышляет о том, сколько ангелов могут поместиться на острие иголки. Этот его трактат является одним из прекраснейших произведений человеческого ума; проекты Гладстона обнаруживают поразительное средство с этим выдающимся умом».

Вспомните, что конечною целью планов Гладстона было создание нормальных $2\frac{1}{2}\%$ -х фондовых бумаг. И вот для этого он создает очень ограниченный $2\frac{1}{2}\%$ -й фонд и неограниченный $3\frac{1}{2}\%$ -й заем. Для образования ограниченного $2\frac{1}{2}\%$ -го фонда он понижает процентную ставку на $\frac{1}{2}$ процента и увеличивает сумму капитала на 10%. Чтобы обойти препятствия со стороны закона, гарантирующего трехпроцентным бумагам двенадцатимесячный срок предупреждения, он создает закон вперед на целых пятьдесят лет. Если он добьется своего, английскому народу на пятьдесят лет будет отрезана всякая возможность освободить себя от финансовых пут.

Если закон, предоставляющий евреям пассивное избирательное право, представляет маленькую попытку установления религиозной терпимости, закон о канадских резервных фондах — маленькую попытку признания самоуправления колоний, а закон о школах — маленькую попытку обойти вопрос о народном образовании, то всякий признает, что финансовый проект Гладстона представляет собой самую маленькую попытку справиться с чудовищем, называемым государственным долгом Англии.

ФУНТЫ, ШИЛЛИНГИ, ПЕНСЫ, ИЛИ КЛАССОВЫЙ БЮДЖЕТ И КОМУ ОН ИДЕТ НА ПОЛЬЗУ.

Гладстон внес в палату свой бюджет. Подобно двум петухам в одном курятнике, теперешний и бывший канцлеры казначейства старались перекричать друг друга. Но вигский драчливый петух позаимствовал несколько нот у торийского индюка. На прошлой неделе мы рассмотрели часть финансового проекта Гладстона, касающуюся государственного долга, и показали, что она — не что иное, как жалкая сделка, которая послужит на пользу только ростовщикам, биржевым маклерам и купцам. Сегодня мы увидим, что бюджет представляет собою не что иное, как классовый бюджет, бюджет для буржуазии, написанный пером аристократа. Дадим сначала самый краткий очерк этого важного вопроса.

1. *О расходах и доходах.* Канцлер констатирует, что государственные расходы этого года будут превосходить расходы прошлого года на 1 401 000 фунтов стерлингов!! Это — очень многообещающее вступление для бюджета, стремящегося к финансовой реформе. Не менее утешительны причины этого роста расходов. Сюда входит увеличение расходов на флот — 617 000 фунтов, на армию и интендантство — 90 000 фунтов, на артиллерию — 616 000 фунтов, на милицию — 230 000 фунтов. Но статьи, касающиеся школы, — орудия просвещения и охраны знания, — показывают увеличение только на 100 000 фунтов стерлингов. Вся сумма расходов государства определяется для текущего года в 52 183 000 ф. ст. Вся сумма доходов — в 52 990 000 ф. Таким образом получается превышение доходов в 807 000 ф., из которых, однако, 100 000 ф. уже отчисляются на расходы для почтовых судов. Весь излишек, которым можно будет распоряжаться, определяется в 500 000 ф. ст.

2. *Финансовый проект.* Здесь канцлер имеет в виду, во-первых, подоходный налог, не делая никакого различия между определенным (fixed) и необеспеченным (precarious) доходом. Он предлагает по истечении двух лет понизить налог с 7 до 6 пенсов с фунта, затем по истечении дальнейших двух лет понизить еще с 6 до 5,

на трехлетний срок распространить налог на Ирландию и понизить минимум настолько, чтобы охватить им также ежегодные доходы в 100 фунтов. Этим, по его мнению, «ряды рабочих не будут затронуты». С доходов от 100 до 150 ф. придется платить лишь 5 пенсов с фунта. В результате этого бремя богатых будет облегчено и в виде нового бремени наложено на менее богатых. Богатый купец должен будет платить меньше, но зато бедному лавочнику придется платить в тех случаях, когда он прежде не платил ровного ничего. Это — удивительная справедливость. Правда, в течение четырех лет человек с доходом в 100 ф. будет платить на 2 пенса с фунта меньше, чем человек с доходом в 150 или 150 000 ф.; но по истечении этого времени они будут платить одинаково, и уже через два года богатые выгадают от того, что облагаются и более бедные. Нашим взглядам на обложение более соответствовало бы введение прогрессивного подоходного налога, при котором процентная ставка повышается вместе с суммой дохода. Ибо для человека с ежегодным доходом в 10 000 ф. 10 000 пятипенсовых монет имеют меньшее значение, чем 100 таких монет для владельца ежегодного дохода в 100 ф. Но таково уже все финансовое искусство виггов: снаружи блеск, а внутри заплатка на заплатке. Так они медленно, но верно облегчают налоговое бремя богатых и перелагают его на бедных. Но что поистине абсурдно, так это предположение, что подоходный налог не затронет рабочих. В нынешнем общественном строе, в котором предприниматели и рабочие противостоят друг другу как две вражеские силы, буржуазия уравнивает более высокое обложение своих капиталов понижением заработной платы или повышением цен.

Канцлер переходит ко второму пункту, к налогу с наследств. Он понижает с 10 до 7 процентов «налог с наследств», достающихся зятям и невесткам. Какое безмерное счастье! Он включает в круг действия налога и всю земельную собственность: налог на переходящую по наследству землю должен быть определен на основании величины получаемого при пожизненном пользовании дохода. Этим он надеется увеличить доходы государства на 2 000 000 фунтов стерлингов и хвалится тем, что поддерживает ремесло и промышленность против землевладения. Это постановление носит принципиальный характер и является существенною уступкою, исторгнутой у монополии землевладения промышленным и торговым развитием. Мы повторяем: это — уступка, но такая, которую не только легко обойти, но обход которой, быть может, заранее входил в расчеты землевладельческих законодателей финансового мира.

В-третьих, упраздняются штемпельные сборы с расписок, и

впредь наклейка почтовой марки в пенс будет достаточна для расписки на любую сумму. Это — очень выгодное для богатых людей мероприятие, и ожидают, что усиленное потребление почтовых марок уравновесит дефицит от отмены штемпельных сборов; но рабочие не получают от этого никакой пользы, ибо им приходится крайне редко заключать сделки на суммы (5 фунтов), требующие штемпельных сборов.

В-четвертых. Налог на объявления понижается с 1 шиллинга 6 пенсов до 6 пенсов. Вот опять образец жалкого платанья. Нельзя привести ни одного разумного основания в пользу сохранения старого налога вообще, раз отказываются от шиллинга, ибо тяжеловесный и дорого стоящий аппарат для взимания шестипенсовых сборов поглотит весь доход с этого налога. Впрочем, быть может, основание состоит в том, что не хотят упразднить всякие посты и местечки, которые связаны с собиранием этого налога. Приложения к газетам, содержащие только объявления, освобождаются от налога. Эти обе льготы представляют уступку буржуазии, в то время как сохранение штемпельного сбора с газет ставит и впредь сильное препятствие распространению этого демократического орудия воспитания. «Уже существующие газеты, — говорит канцлер, — должны быть поддержаны, но новые и более дешевые не должны возникать».

В-пятых. Пошлины на страхование жизни понижаются с 2 шиллингов 6 пенсов до 6 пенсов — еще одно доказательство мелкого торговашеского духа; пошлины на договоры об ученичестве понижаются с 1 ф. до 2 ш. 6 п.; на адвокатские свидетельства — с 12 и 8 ф. до 9 и 6 ф. и на договоры об ученичестве для клерков — с 120 ф. до 80 ф. Первое и оба последние постановления представляют очевидные льготы для буржуазии, но бедным они не приносят даже и тени пользы. Налоги на объявления, штемпельный сбор с газет, налог на бумагу сохраняются для того, чтобы можно было понизить в интересах богатых налоги на прислугу, собак и лошадей.

В-шестых. В Шотландии и Ирландии должна быть проведена прибавка к налогу на спирт, причем винокуры должны получить льготу за «брак».

В-седьмых. Патенты на право торговли должны быть более уравнены, — еще один подарок буржуазии.

В-восьмых. Пошлины на мыло и ряд других предметов должны быть отменены. Пошлины на чай понижаются до 1854 г. с 2 ш. 2½ п. до 1 ш. 10 п., до 1856 г. — до 1 ш. 6 п., а в дальнейшем — до 1 ш.

Таков бюджет вигов в его основных чертах. И теперь мы спрашиваем наших читателей, производило ли ведомство канцлера казначейства когда-нибудь на свет божий более жалкое грошовое крохо-

борство, выражаясь языком самого канцлера. С внешней стороны бюджет кажется и приемлемым, и привлекательным и обнаруживает некоторые подкупающие черты, но где его действительная польза, где действительное облегчение, которое он должен принести трудящимся классам Англии? Понижение пошлин на мыло и на чай — единственные пункты, которые можно поддерживать; но как ничтожна польза от них! Тот предел, за которым начинаются выгоды для рабочих и убытки для аристократии и буржуазии, точно очерчен, и за него боязливо опасаются перешагнуть. Возможно, что люди, мало думающие, дадут увлечь себя этим бюджетом. «Понижение налога на объявления на 6 пенсов и упразднение штемпельного сбора с приложений». Но что это фактически означает для народа? Ничего. «Штемпельный сбор с расписок в 1 пенс». Но какое дело до этого наемному рабу, которому приходится расписываться только в получении голодной заработной платы? Ничего, ровно ничего. «Штемпельный сбор по страхованию жизни понижается с 2 шиллингов 6 пенсов до 6 пенсов». Но что это значит для того, кто работает, как вол, за 6, 8 или 10 шиллингов в неделю и не может застраховать свою жизнь от истощающего рабства Манчестера, и даже для того, кто зарабатывает в неделю 1 фунт или 30 шиллингов? Ничего. Какая польза рабочему от того, что адвокаты будут платить впредь за свои свидетельства на 3 фунта меньше, а клерки за свои договоры об ученичестве 80 фунтов вместо прежних 120 фунтов? Какая польза рабочему от того, что налог на наследства в одном пункте облегчен, в то время как его всеобщую обязательность так легко обойти? Облегчится ли этим его бремя хоть на волос? Какая польза ему, что хотя бы справедливее уравнивать патенты на торговлю для лавочников, если прибыль, которую последние извлекают из потребностей рабочего, никаким образом не уравнивается с заработной платой рабочего? «Финансовая реформа» — таков был тот лозунг, под которым настоящий парламент был избран и настоящее министерство было призвано к власти. Вот она перед вами — эта реформа вигов, аристократов и финансистов. Кое-что сделать было необходимо, маленькие уступки были неизбежны, — это понимали; надо было только придумать, как бы сделать эти уступки столь незначительными, чтобы их с трудом можно было заметить. Эту задачу наш финансовый мастер выполнил на славу. Прибегая к собственным выражениям Гладстона, мы можем сказать про этот бюджет, что он создан для удобства промышленных классов, но в то же время является не чем иным, как образцом законодательного крохоборства.

МЫЛО ДЛЯ НАРОДА. — ЛАКОМЫЙ КУСОК ДЛЯ «TIMES». — КОАЛИЦИОННЫЙ БЮДЖЕТ.

Каждый знает, что бюджет есть не что иное, как смета вероятных доходов и расходов государства на текущий год, смета, основанная на финансовом опыте, т. е. на балансе истекшего года.

Поэтому первое, что изготовил господин Гладстон, был баланс 1852—1853 года. Господин Дизраэли в качестве канцлера казначейства в своем отчете определил вероятные доходы для 1852—1853 года в 52 325 000 ф. ст. и вероятные расходы в 51 162 000 ф. ст. Господин Гладстон устанавливает по книгам действительный баланс и при этом делает то открытие, что действительные доходы прошлого года составляли 53 089 000 ф. ст., а действительные расходы только 50 782 000 ф. ст., таким образом, получается превышение доходов над расходами в 2 307 000 ф. ст. или, как Гладстон вычисляет непонятным для нас образом, в 2 460 000 ф. ст.

Так как вошло в моду или, вернее, так как парламент привык вести себя так, как будто министр финансов является таинственным чудесником, который при помощи таинственных, никому не известных фокусов самолично создает весь ежегодный доход нации, то само собою понятно, что всякий министр, кто бы он ни был, заботливо старается не разрушать этой лестной для его звания иллюзии. Если в данный момент нации, благодаря расширению производства, удалось поднять сумму налоговых доходов выше предварительной сметы, то можно быть уверенным, что министр финансов, который благодаря этому сможет показать излишек, более чем вдвое превышающий тот, который был обещан его предшественником, несомненно будет считаться и более крупным финансовым гением, нежели этот последний. Эта забавная мысль Гладстона была весело принята палатой, а приведенные им цифры были встречены с ликованием сторонниками коалиционной олигархии в палате.

Излишек в два миллиона четыреста шестьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Но ни одного гроша из этих миллионов палата не хочет отдать

народу. Куда же они пойдут в таком случае? Гладстон высказывается об этом так: «Как ни благоприятен кажется этот баланс, но палата не должна забывать того, что в счет этого излишка она уже утвердила для текущего бюджета большие экстренные расходы».

Палата была уже предупреждена Дизраэли, что, во всяком случае, получится излишек в сумме более одного миллиона фунтов стерлингов. Поэтому палата в своей финансовой комиссии, не задумываясь, утвердила еще следующие новые ассигновки сверх сметы.

На флот, включая почтовые суда	617 000	ф. ст.
На армию и интендантство	90 000	» »

Кроме того, Гладстон объявляет о следующих добавочных расходах, сверх перечисленных:

На ведение войны с кафрами (мира не будет?)	270 000	ф. ст.
Повышение бюджета на артиллерию	616 000	» »
Повышение бюджета на милицию	230 000	» »
На общественные (читай: частные) школы	100 000	» »
Итого	1 923 000	ф. ст.

И здесь Гладстон выводит сумму в 1 654 000 фунтов стерлингов (возможно, что он не включает в счет ассигновку на войну с кафрами вследствие ее неопределенности). Если вычтеть эту сумму из первоначального (лишь номинального) излишка в 2 460 000 фунтов, то остается действительный излишек в 508 000 фунтов или, по расчетам Гладстона, в 807 000 фунтов стерлингов. Палате придется даже с этой скромной суммы скостить еще 220 000 фунтов стерлингов, получаемых от необеспеченных и непостоянно притекающих источников дохода. Так первоначальная, столь радостно возвещенная цифра в два миллиона сжимается до 587 000 фунтов стерлингов,— суммы, которую никак нельзя считать очень обширным базисом для налоговой реформы, хотя бы даже самой ограниченной. Но так как страну хотят уговорить, что мы имеем министерство реформ, то реформы должны быть даны, и господин Гладстон, не теряя времени, принимается за изготовление этих реформ.

Обыкновенный фритредер, как, например, господин Юм, может быть, посоветовал бы министру финансов употребить свой излишек на то, чтобы отменить таможенные пошлины на иностранные товары, тем более, что эти пошлины, по данным таможенной статистики, покрываются как раз этими 587 000 фун. стерлингов. Но такой совет был бы банальным, обыденным и недостойным такого финансового алхимика, как господин Гладстон. Мыслимо ли, чтобы честолюбие человека, проектирующего не более, не менее как уничтожение

всего государственного долга, могло удовлетвориться суммой в 500 000 ф. ст.! Конечно, ради такой мелочи не стоит посылать Санчо-Тимбера в индийскую Баратария для того, чтобы очистить место для великого Дон-Кихота коалиционных финансов. На налоговой реформе Гладстона красуется, как на лавках Оксфорд-стрита, гордый плакат: «Колоссальная скидка». «Отныне экономия в пять миллионов и несколько сот тысяч фунтов».

Этим привлекают народ и соблазняют даже наиболее почтенную старую бабу среди парламентариев. Итак, войдем в эту лавку. «Пожалуйста, господин Гладстон, покажите ваш прейс-курант. Каковы ваши серьезные намерения? Хотите ли вы действительно сэкономить пять миллионов?» «Конечно, сударь,— отвечает Гладстон, — не угодно ли вам посмотреть отдельные статьи? Вот они».

1. Отмена всего налога на мыло	1 126 000 ф. ст.
2. Понижение пошлин на страхование жизни с 2 шиллингов 6 пенсов до 6 пенсов	29 000 » »
3. Понижение штемпельных сборов с расписок и установление единообразной ставки в 1 пенс	155 000 » »
4. Понижение сборов с договоров об ученичестве с 20 шиллингов до 2 шил. 6 пенсов	} 50 000 » »
5. Понижение пошлин на адвокатские свидетельства	
6. Понижение налога на объявления с 1 шиллинга 6 пенсов до 6 пенсов	160 000 » »
7. Понижение налога на наемные экипажи с 1 шил. 5 пенсов до 1 шил. в день	26 000 » »
8. Понижение налога на мужскую прислугу старше 18 лет до 1 фунта 1 шил. и моложе 18 лет до 10 шиллингов 6 пенсов	87 000 » »
9. Понижение налога на частные экипажи	95 000 » »
10. Понижение налога на собак, лошадей и пони	108 000 » »
11. Понижение налога на почтовых лошадей с заменою его пошлинами на поверстные деньги	54 000 » »
12. Понижение почтовых расходов для колоний (6 пенсов за письмо)	40 000 » »
13. Понижение таможенной пошлины на чай с 2 шил. 2 ¹ / ₂ пенсов до 1 шил. 10 пенсов до 5 апреля 1854 г., до 1 шил. 6 пенсов в 1855 г., до 1 шил. 3 пенсов в 1856 г. и до 1 шил. в дальнейшем	
14. Понижение таможенных пошлин на яблоки, сыр, какао, яйца, масло и фрукты	262 000 » »
15. Понижение таможенных пошлин на 133 второстепенных предмета	70 000 » »
16. Понижение таможенных пошлин на 123 второстепенных предмета	53 000 » »
Итого	5 315 000 ф. ст.

Конечно, скидка в 5 315 000 фунтов стерлингов — вещь прекрасная. Но не имеет ли этот крайне либеральный бюджет свою оборотную сторону? Увы — имеет. Ибо иначе разве можно было бы назвать его реформой? Ведь конституционные реформы, как и лавки на Оксфорд-стрите, имеют, несмотря на свою великолепную внешность, и свою не менее великолепную оборотную сторону. Как бы хитро ни было устроено дело, его секрет в конце концов выплывает наружу. Господин Гладстон, имея в сундуке *только полмиллиона*, преподносит публике подарок *в пять с половиною миллионов*. Откуда он их берет? Ясно, что из кармана той самой ослепленной публики, которую он теперь поражает своим великодушием. Он дает публике подарок, но одновременно с этим требует, чтобы она отплатила тем же. Разумеется, он не делает этого прямо и бесстыдно и не обращается к тем самым лицам, которых он в настоящий момент хочет привлечь на свою сторону. Он думает иметь дело с самыми различными клиентами, и фокусник Россель научил ловкого Гладстона, как ему вознаградить себя завтра за свою сегодняшнюю щедрость.

Гладстон уменьшает старые налоги на сумму в 5 315 000 фунтов. Гладстон вводит новые налоги в сумме 3 139 000 фунтов. Это все еще значит, что Гладстон преподносит нам подарок в 2 176 000 фунтов. Но в конце концов Гладстон ведь министр не на веки. Понижение, проектируемое им для этого года, составляет только 2 568 000 фунтов, что означает уменьшение доходов на 1 656 000 фунтов; оно покрывается увеличением доходов в 1 344 000 фунтов, получаемых с новых налогов этого года. Остается нехватка в 312 000 фунтов, которая покрывается из показанного в бюджете излишка в 807 000 фунтов. И после всего получается все еще благоприятный баланс в 495 000 фунтов стерлингов.

Таковы основные черты коалиционного бюджета. Мы хотим показать нашим читателям те пункты, на которые министерство возлагает наибольшие надежды, изложить те возражения, которые могли бы быть сделаны со стороны парламентских оппозиционных партий, и в заключение высказать наше собственное мнение по этому вопросу.

Боясь скомпрометировать себя и стараясь обеспечить себе при помощи уменьшения налогов как популярность, так и славу финансиста, Гладстон счел необходимым внести свое предложение об увеличении бюджета на 3 139 000 ф. под благовидным и на первый взгляд разумным предлогом. Он понимал, что ему не дадут перекраивать всю налоговую систему только для его собственного

удовольствия без всякой надобности и пользы и что ему необходимо, по крайней мере, сделать вид, что он действует по правилам, которые парламентарии и буржуа называют «принципами и справедливостью». Поэтому он хитроумно решил сыграть на слабой струнке своих законодательных дурачков, скрыв проектируемое увеличение государственного бремени под благозвучною и привлекательною фразою о том, что «имеется в виду справедливое повышение некоторых налогов с тою целью, чтобы провести окончательное и длительное уравнивание». Налоги, которые он при этом имел в виду, были следующие:

- 1) Налог на наследства.
- 2) Налог на спиртные напитки.
- 3) Подоходный налог.

Он требует, чтобы налог на наследства был распространен равномерно на все виды собственности. Так как земельная собственность была до сих пор свободна от этого налога, то это предложение будет очень приятно для торговли и промышленности. Налог на спирт подлежит распространению на Шотландию и Ирландию, которые должны быть совершенно уравнены с винокуренной Англией. Наконец, подоходный налог должен быть распространен также на доходы в 150 и 100 фунтов, и это должно иметь место также и в Ирландии. Разумеется, подоходный налог не увеличит популярности Гладстона. Но подробнее об этом ниже.

На-ряду с налогом на наследства и на спиртные напитки фри-тредерские скидки, устанавливаемые для большого количества товаров, считаются минисграмми самой соблазнительной приманкою. И возможно, что лавочники, хозяйки и вообще мелкая буржуазия будут их радостно приветствовать, пока не убедятся, что, например, от понижения пошлин на чай потребители получают лишь ничтожнейшую пользу, ибо прибыль капиталистов и монополия производителей поглотят большую часть скидки. Далее, целиком отменяется налог на мыло. Это мероприятие, как надеется Гладстон, должно помочь народу освободиться от своего неопрятного, грязного и жалкого вида и сделать все лица чистыми, добродушными и счастливыми; должно оно также совершенно уничтожить рабство чернокожих и положить конец страданиям бесчисленных «дядей Томов» благодаря тому, что оно даст толчок «целесообразному производству и законной торговле африканским пальмовым маслом». Опираясь на это, Гладстон питает основательную надежду, что ему удастся перещегоолять самого тертого коробейника и самого продувного шарлатана. К этим приманкам Гладстон прибавляет

еще изрядное число маленьких подкупов. Например, ирландской бригаде он преподносит подарок в несколько миллионов, облакая его в форму отказа от требования возврата ссуды, выданной по случаю голода. «Times» — эта верная опора «добротного Эбердина» и его коалиционных коллег — также получает «на чай» под видом отмены штемпельного сбора на газетные приложения, содержащие исключительно объявления. Как известно, из всех газет один только «Times» дает такие приложения с объявлениями в значительном количестве.

Теперь перейдем к возражениям, которые, по всей вероятности, оппозиция сделает против бюджета. Так как дискуссия в палате в прошлый понедельник была лишь пробною перестрелкою, то нам придется разгадывать планы партий на основании данных периодической прессы. Разумеется, мы найдем в ней только скудные указания. «Times», «Chronicle» и «Post» — рабы коалиционного министерства, а «Daily News» едва ли можно считать органом манчестерской школы. Кроме того, она очень неустойчива и, как видно, весьма равнодушна к фритредерским проектам. Один только «Herald», консервативный орган ториев, уже успел высказать свое окончательное мнение, и притом с совершенно необычною откровенностью: «Весь бюджет Гладстона, — говорит он, — есть не что иное, как недостойная смесь подкупов и барышничества». Итак, тории безусловно выступают против планов Гладстона, и Дизраэли не преминет объявить своими украденные у него и бесстыдно присвоенные себе Гладстоном перья, как расширение налога на наследства и подоходного налога, понижение таможенных пошлин на чай и прочие заслуги. Раз аристократическому землевладению все равно приходится отказаться от некоторых привилегий, то оно, по крайней мере, хочет, чтобы это имело вид добровольного отказа, и никому не желает уступить чести этой «заслуги». Но так как аристократам неудобно сделать основой своей оппозиции налог на наследства, то Дизраэли заставит объединиться их вокруг принципа о необходимости различать между доходами от землевладения и доходами необеспеченными. На этой основе значительная часть «бригады» будет сражаться вместе с ним плечом к плечу. Само собой очевидно, что ирландцы никогда не смогут признать и не признают долга, навязанного их стране исключительно в результате разорения, постигшего ее население. Скидка процентов на три миллиона фунтов также будет им казаться лишь весьма недостаточным вознаграждением за введение подоходного налога и налога на спирт. От манчестерской школы, обязавшейся перед своими избирателями если не отменить, то хоть

изменить подоходный налог, можно ожидать только того, что она будет действовать как хороший купец, т. е. без чувства политической чести и имея в виду только прибыль. А прибыль от гладстоновского бюджета в целом для господ из манчестерской школы не так уж мала.

Что касается нашего собственного мнения, то мы должны сказать, что мы ничего так страстно не желаем, как поражения министерства, реакционные и лживые уловки которого во внутренней политике нам кажутся столь же достойными презрения, как его трусливая и угодливая внешняя политика. Мы тем более имеем право желать этого, что дело народа от этого только выиграет. Ясно одно: пока аристократическая коалиция делает то дело, которого требуют от нее фабриканты и купцы, до тех пор последние и сами будут неспособны к политическому напряжению и рабочему классу не позволят развить свое собственное политическое движение. Но если партия землевладения еще раз возьмет верх, буржуазия не сможет освободиться от нее, не преобразовав заново насквозь прогнивший олигархический парламент. А тогда уже не в ее власти будет ограничиться частичными реформами, тогда она вынуждена будет считаться в полной мере и с требованиями народных масс. Конечно, народ никогда не может обратиться к помощи буржуазии или примкнуть к ней, не отказываясь от своих принципов и интересов, но буржуазии уже не в первый раз приходится опираться на народ. И если бы это в данном случае произошло, это должно было бы повести к очень решительной революции в нынешней финансовой системе. Уже и сейчас нельзя отрицать того, что даже буржуазия настаивает на замене традиционной фискальной *olla rodrida* (винигрет) прямым поимущественным налогом. Принцип прямого обложения был уже давно принят манчестерскою школою, признан Дизраэли и подтвержден даже олигархическою коалицией. Когда же механизм для взимания прямого поимущественного налога будет как следует налажен, народу, овладевшему политическою властью, будет достаточно привести его только в движение, чтобы создать *бюджет для рабочего класса*.

ПРОВАЛ ГЛАДСТОНА.

Лондон. 7 июня 1853 г.

Не так давно я высказал мнение, что средняя норма процента начнет повышаться в Англии и что это обстоятельство окажется неблагоприятным для финансовых проектов Гладстона. И действительно, на прошлой неделе учетный процент, достигший самого низкого своего уровня — 3%, повышен был Английским банком до 3½%, и провал, который я предсказывал гладстоновскому плану конверсии, уже является совершившимся фактом, как вы можете судить по следующим цифрам:

Английский банк, четверг, 2 июня 1853 г.

Подписались на новые облигации до сегодняшнего дня:

3½%-е.....	£	138 082	0	3
2½%-е.....	»	1 537 100	15	10
Казначейские знаки..	»	4 200	0	0
Итого.....		£ 679 382	16	1

Тихо-океанский банк, четверг, 2 июня 1853 г.

Сумма конвертированной до настоящего дня ренты:

3½%-й.....	£	67 504	12	8
2½%-й.....	»	986 528	5	7
Казначейские знаки..	»	5 270	18	4
Итого.....		£ 1 059 303	16	7

Таким образом, из всей суммы подлежащих размещению тихоокеанских облигаций расписана только одна восьмая, а из двадцати миллионов новых облигаций Гладстона разобрана одна двадцатая. Гладстон будет поэтому вынужден заключить заем в такое время, когда норма процента поднялась и вероятно будет подниматься дальше, причем сумма этого займа достигнет 8 157 811 фунтов. Полный провал! Те 100 000 фунтов, которые удалось сберечь на проведенной конверсии и которые уже были зачислены в приходную часть бюджета, придется, следовательно, записать в расход. По

отношению к основной массе государственного долга, т. е. 500 млн. ф. из 3%, Гладстон достиг своим финансовым экспериментом только того, что к 10 октября 1853 г. истекает еще один год, в который ему так и не удалось провести конверсию. Но хуже всего то, что в ближайшие дни придется уплатить 3 116 000 ф. наличными деньгами тем держателям казначейских билетов, которые отказываются обменять их на предложенных Гладстоном условиях. Таковы финансовые успехи правительства «всех талантов»!

Во время прений по поводу церковных доходов Ирландии (палата общин, 31-го пр. м.) сэр Джон Россель заявил:

«За последние годы выяснилось, что римско-католическое духовенство, действующее под руководством своего главы, который, будучи сам иностранным государем, стремится к политическому могуществу (слушайте! слушайте!), — что католическое духовенство вело себя в нашей стране не так, как я это считал бы совместимым с действительной преданностью английской короне (слушайте! слушайте!), с действительной преданностью общему делу свободы, с действительной преданностью тем обязанностям, которые лежат на каждом подданном государства. Так как я желаю говорить с такою же откровенностью, с какой говорил уважаемый джентльмен, выступавший до меня, я не хотел бы быть неправильно понятым палатой. Я далек от того, чтобы отрицать, что есть много членов католической церкви как в *нашей стране*, так и в Ирландии, искренно преданных престолу и свободам *нашей страны*; я утверждаю только — и в этом я глубоко убежден, — что если расширить права католического духовенства, если дать католическим священникам большую власть и возможность большего политического влияния, чем каким они пользуются сейчас, то они используют эту власть не в соответствии с *общей свободой*, царящей в *нашей стране* (ура!), и ни по вопросу о политической власти, ни по другим вопросам они не будут стоять за ту *общую свободу* критики и энергичную активность человеческого ума, которая составляет подлинный дух конституции *нашей страны* (гром аплодисментов). Я не думаю, чтобы их можно было сравнить в этом отношении с шотландскими пресвитерианцами (ликование), с английскими Wesleyанцами и с английской церковью (всеобщий экстаз!)... Я прихожу, таким образом, к заключению, — я прихожу к нему крайне неохотно, но весьма решительно, — что государственная поддержка римско-католической церкви в Ирландии, подобная поддержке протестантской церкви в *нашей стране*, не может быть принята и санкционирована парламентом *нашей страны*».

Через два дня после этой речи лорда Джона, в которой он в тысячный раз постарался выставить напоказ свою любовь к «общей свободе» усердным расшаркиванием перед некоторыми сектами протестантского ханжества, гг. Седлер, Ких и Монселль вручили коалиционному министерству прошение об отставке в форме письма г. Монселля на имя лорда Эбердина. В своем ответе от 3 июня лорд Эбердин заверил их, что «соображения лорда Джона Росселя и высказанные им чувства, вызвавшие ваше неудовольствие, не разделяются мною и многими из моих коллег... Лорд Джон Россель просил меня передать вам, что он не имел в виду обвинить в нелояльности римских католиков».

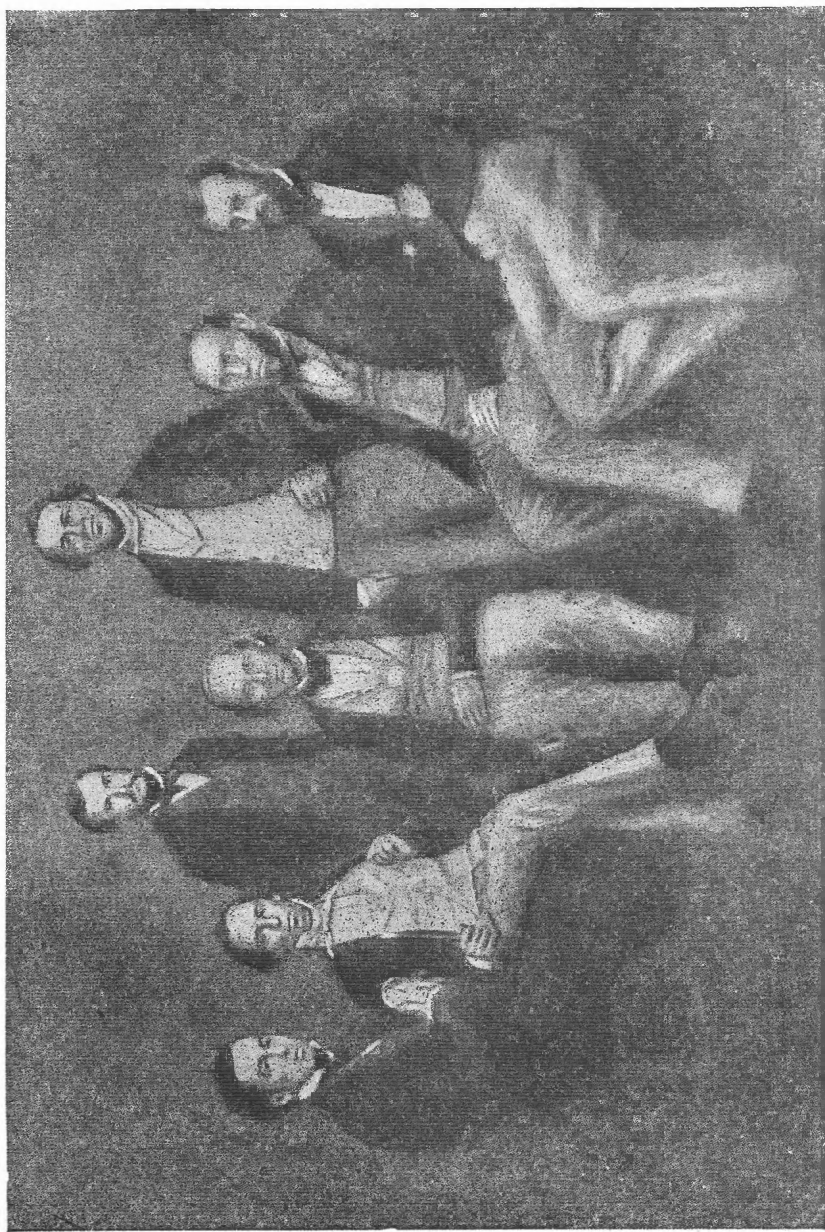
После этого гг. Седлер, Ких и Монселль взяли обратно свое заявление об отставке, и вчера вечером парламентом были предприняты шаги для всеобщего примирения, «к величайшему удовлетворению лорда Джона Росселя».

НАЛОГ НА ОБЪЯВЛЕНИЯ.— «НЬЮ-ИОРКСКАЯ ТРИБУНА» В ПАЛАТЕ ОБЩИН.

Лондон, 5 июля 1853 г.

Вы вероятно помните, что коалиционное министерство потерпело поражение 14 апреля по вопросу об отмене налога на газетные объявления. 1 июня оно потерпело еще два поражения по тому же вопросу. Гладстон выступил в этот день с предложением снизить налог на объявления с 1 шиллинга 6 пенсов до 6 пенсов и распространить его на объявления, публикуемые во всех журналах, брошюрах и в других литературных произведениях. Поправка г. Мильнера Гибсона, предложившего отменить все существующие налоги на объявления, была отклонена 100 голосами против 99. Сторонники г. Гладстона, считая, что победа за ними, ушли на какой-то званый обед или придворный бал, как вдруг поднялся г. Брайт и произнес чрезвычайно сильную речь против налогов на знания вообще и на объявления в частности. Я приведу из его речи несколько отрывков, которые вас могут заинтересовать.

Г-н Брайт сказал, что «он держит в руках газету таких же размеров, как любая лондонская газета без приложений, и что, на его взгляд, эта газета ничуть не хуже всех тех, которые издаются в Лондоне. Напечатана она более изящным шрифтом, чем любая лондонская газета. Бумага превосходна — во всяком случае совершенно удовлетворительна для газетных целей. Печать не может быть лучше, а материала в газете, принимая во внимание ее размеры, больше, чем в любой лондонской газете. Первая, вторая и третья полосы заполнены объявлениями. Есть длинная статья об исследовательской работе американской ассоциации художеств, затем передовая с обзором всех последних известий из Европы, передовая, посвященная спору о рыбных промыслах, и, наконец, передовая, с которой он целиком согласен и в которой доказывается, что общественные обеды представляют собой общественное бедствие (слушайте, слушайте! Смех). Он читал, может быть, статьи более литературно на-

Редакция газеты «Нью-Йоркская трибуна» в начале 1850-х годов.
Сидят (слева направо): Б. Тейлор, Т. Ман-Фельдт, Орас Грилли, Д. Рипли и Ч. Дана.
Стоят: Дж. Кливленд и Дж. Сноу.

писанные, но никогда не видал статей, выдержанных в более достойном тоне и способных принести больше пользы. Далее в газете есть такие статьи: «Три дня спустя по возвращении из Европы», «Прибытие почтового парохода «Азия» и сжатый обзор всех последних новостей из Европы. Из Великобритании имеется основательный разбор предложенного парламенту бюджета; автор разбора одобряет бюджет в одних отношениях и не одобряет в других, а что касается манчестерской школы, то он не одобряет ее вовсе (смех). Далее есть сообщение о приезде г-жи Стоу в Эдинбург, длинная статья из «London Times» о тяжелом положении портних-модисток, корреспонденции из Греции, Испании и других континентальных стран, статья о выборах в Атлоне и об избрании в парламент главного прокурора ее величества ровно 189 голосами (для американца весьма любопытная цифра!), затем несколько столбцов хроники и весьма тщательно составленные торговые и финансовые обзоры. Газета систематически ведет антиалкогольную и антирабовладельческую борьбу, и оратор думает, что в настоящий момент в Лондоне нет лучшей газеты чем эта. Название газеты — «New-York Tribune», и она регулярно появляется каждое утро на столе нью-иоркского рабочего, желающего истратить на ее покупку 1 пенни (слушайте, слушайте!). Оратор хотел бы задать правительству следующий вопрос: чем объяснить, почему это нужно и какие фискальные зажимы причиной тому, что лондонскому рабочему приходится платить 5 пенни за утреннюю газету, между тем как его непосредственный соперник в Нью-Йорке может покупать газету за 1 пенни? Мы открыто состязаемся пред лицом всего мира с Соединенными Штатами; но если наши рабочие будут вынуждены либо вовсе обходиться без газеты, либо платить за нее 5 пенни, либо читать ее в трактирах, между тем как в Соединенных Штатах каждый рабочий может купить газету за 1 пенни, — как возможна тогда сколько-нибудь нормальная конкуренция между рабочими этих двух стран? Столько же оснований думать, что английский купец, никогда в глаза не видавший преис-куранта, может так же хорошо вести свое дело, как купец, ежедневно читающий обзоры движения цен (слушайте, слушайте!)... Если канцлер казначейства будет возражать оратору, то он заявит прямо и без колебаний, что это объясняется тем, что он одержим тайной боязнью свободы печати; и если почтенный джентльмен говорил о финансовых затруднениях, то это была только маска, под которой он хотел спрятать свою боязнь, как бы народ не получил свободную печать и более широкую политическую информацию (слушайте!). Только боязнь, что печать станет свободной,

побуждала держаться за 6-пенсовый налог на объявления якобы в интересах фиска».

После этого г-н Кроуфорд предложил заменить цифру в 6 пенсов цифрой в 0 пенсов. Кобден поддержал это предложение; в ответ на замечание Гладстона, что налог на объявления не имеет большого значения ввиду распространенности дешевых газет, Кобден напомнил ему о заявлении, которое было сделано Орасом Грили в комиссии, обсуждавшей этот вопрос в 1851 г.

«Г-н Грили был одним из комиссаров великой выставки и владельцем той самой газеты, из которой только что приводил цитаты его уважаемый друг г-н Брайт. На вопрос, как отразился бы налог на объявления в Америке, г-н Грили ответил, что этот налог привел бы к гибели новые американские газеты».

Тогда лорд Джон Россель поднялся и заметил довольно раздосадованным тоном, что едва ли удобно пытаться отменить, при почти пустом зале, уже принятые палатой решения. Конечно, лорд Джон позабыл, что именно по вопросу о налоге на объявления его коллеги были в свое время побиты большинством в 40 голосов, а теперь имели большинство только в 10 голосов. Несмотря на преподанный лордом Джоном урок «конституционной» корректности, предложение Гладстона о налоге в 6 п. на каждое объявление было провалено 68 голосами против 53, а поправка г-на Крсуфорда прошла 70 голосами против 61. Дизраэли и его друзья голосовали вместе с манчестерцами.

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИЙ
ВОПРОС ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ
РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ**

АНГЛИЙСКОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ. — ЗАБАСТОВКИ. — ВОСТОЧНЫЕ ДЕЛА.

Лондон, пятница, 17 июня 1853 г.

По официальным данным, стоимость английского экспорта достигла:

за апрель 1853 г.	7 578 910 фунтов
» » 1852 »	5 268 915 »
» первую треть 1853 г.	27 970 633 »
» » » 1852 »	21 844 663 »

По первому периоду прирост составляет таким образом 2 309 995 ф., или свыше 40%, по второму — 6 125 970 ф., или около 28%. Если и в дальнейшем рост будет продолжаться таким же темпом, то к концу 1853 г. общий размер великобританского экспорта превысит 100 000 000 фунтов.

Сообщая своим читателям эти ошеломляющие цифры, «Times» разразился настоящим дифирамбом, закончив его восклицанием: «Все мы счастливы и все составляем единое целое!» Но не успела газета огласить это отрадное открытие, как по всей Англии, и особенно на промышленном Севере, прокатилась почти сплошная волна забастовок, — довольно неожиданный отклик на распеваемую «Times'ом» песню о всеобщей гармонии! Забастовки эти явились необходимым следствием относительного уменьшения числа избыточных рабочих рук, совпавшего с общим вздорожанием предметов первой необходимости. 5 000 человек забастовало в Ливерпуле, 35 000 — в Стокпорте и т. д. Забастовочная эпидемия проникла даже в среду самой полиции, и в Манчестере 250 констеблей подали в отставку. Это окончательно вывело из себя печать средних классов, например «The Globe», отказавшегося на сей раз от своих обычных филантропических излияний. Он клеветет, бранится, грозит и даже открыто призывает городские власти к вмешательству, каковое уже и состоялось в Ливерпуле повсюду, где для этого можно было использовать хотя бы отдаленнейший законный повод. Эти муниципальные

деятели, если они сами не фабриканты и не купцы, как это большей частью имеет место в Ливерпуле и Йоркшире, во всяком случае тесно связаны с торговыми кругами и зависят от них. Они дали возможность фабрикантам уклоняться от закона о 10-часовом рабочем дне, обходить закон, регулирующий выдачу заработной платы продуктами, и безнаказанно нарушать все другие законы, специально изданные для обуздания «неприкрытой» алчности фабрикантов, а закон об ассоциациях они всегда толкуют в самую невыгодную сторону для рабочих. Те самые рыцари фритредерства, которые известны своей неутомимой борьбой против всякого правительственного вмешательства, — эти апостолы буржуазной доктрины *laissez faire*, — везде и всюду стоящие за свободную игру частных интересов, всегда первыми взывают к правительству, как только частные интересы рабочего сталкиваются с их собственными классовыми интересами. В моменты таких столкновений они открыто обращают свои восхищенные взоры на континентальные государства, где деспотические правительства хотя и не допускают буржуазию к власти, но зато, по крайней мере, препятствуют рабочим сопротивляться. С тем, как собирается использовать настоящий серьезный конфликт между хозяевами и рабочими революционная партия, лучше всего ознакомит вас следующее письмо, присланное мне чартистским лидером Эрнестом Джонсом накануне его отъезда в Ланкашир, где предполагается начать кампанию.

Дорогой Маркс!

Завтра еду в Блекстон-Эдж, где назначен открытый митинг чартистов Йоркшира и Ланкашира, и счастлив вам сообщить, что подготовка к нему ведется на Севере в самых широких размерах. Семь лет прошло с тех пор, как в этой местности, священной для чартистских традиций, состоялось подлинное народное собрание. Цель нынешнего собрания в следующем. Предательства и расколы 1848 г. и распад тогдашней организации, у которой тюрьма и ссылка похитили 500 руководящих работников, сильное поредение наших рядов вследствие эмиграции, полный упадок политической энергии населения под влиянием промышленного подъема привели к тому, что национальное чартистское движение постепенно было изолировано, а чартистская организация все более слабела как раз к тому времени, когда среди рабочих начали распространяться знания в области общественных вопросов. Но на обломках политической организации удалось вырасти рабочее движение, порожденное первыми робкими шагами в области общественных знаний. Возникшее рабочее движение вылилось сначала в форму разрозненных кооперативных начинаний, а когда выяснилась их неудача — в форму энергичной борьбы за 10-часовой рабочий день, за ограничение пользования механическими двигателями, против систематической задержки заработной платы и за новое толкование закона о праве коалиций. На эти мероприятия, превосходные сами по себе, ушла вся энергия нового движения. Провал попыток добиться законодательного проведения этих требований влил свежую револю-

ционную струю в настроение британского рабочего класса. Это создает благоприятные условия для объединения масс под знаменем подлинной социальной реформы, ибо всем должно быть ясно, что как бы превосходны ни были перечисленные требования с точки зрения удовлетворения потребностей момента, они не дают никаких гарантий на будущее и не могут явиться действительным опорным пунктом для обеспечения социальных прав трудящихся. В сложившейся таким образом благоприятной обстановке возможности успешного наступления способствуют также условия текущего момента — недовольство рабочих в соединении с выгодным для них фактом сравнительного недостатка рабочих рук при несомненном промышленном подъеме. Забастовки возникают повсюду и проходят большей частью удачно. Но печально видеть, что сила, которую можно было бы использовать как радикальное средство, тратится на временные паллиативы. Вот я и пытаюсь, вместе с многочисленными друзьями, реорганизовать движение, использовать настоящий благоприятный момент для объединения рассеянных рядов чартизма на здоровой основе социальной революции. С этой целью я постарался организовать бездеятельные и выбывшие из строя местные группы и надеюсь провести всеобщую и внушительную демонстрацию по всей Англии. Новая кампания начнется с открытого митинга в Блекстон-Эдже, за которым последуют массовые митинги во всех промышленных графствах; в то же время наши люди работают в сельскохозяйственных округах, стремясь объединить сельскохозяйственных рабочих с остальным пролетариатом, — задача, которой до сих пор наше движение не уделяло достаточно внимания. Первым делом мы предьявим, опираясь на проведенные массовые митинги, требование о принятии нашей хартии и попытаемся заставить наш продажный парламент осуществить эту меру как единственную возможную сейчас социальную реформу. С такой точки зрения вопрос о хартии еще не ставился в палате. Если трудящиеся классы поддержат движение, — на что я твердо рассчитываю ввиду их живого отклика на мой призыв, — результаты будут превосходны. Ибо в случае отказа со стороны парламента пустые фразы лже-либералов и филантропических ториев будут разоблачены целиком, и их последняя ставка на легковерие народа будет бита. Если же парламент согласится принять и обсудить наше предложение, это вызовет такое бурное движение, которое уже нельзя будет остановить временными уступками. При вашем близком знакомстве с английской политической жизнью вы ведь должны знать, что наша выродившаяся аристократия или плутократия уже не в силах сопротивляться сколько-нибудь серьезному народному движению. Правящие элементы представляют собою беспорядочную кучу выдохшихся партийных клик, наспех объединившихся, как объединяется вокруг насосов передравшаяся судовая команда, когда нужно спастись давшее течь судно. Они совершенно бессильны, и если они даже выплеснут из трюма несколько капель воды в демократический океан, это ни в малейшей мере не успокоит его разбушевавшихся волн. Таковы, мой друг, благоприятные условия, которые я вижу перед собой, — таковы силы, с помощью которых они будут, я надеюсь, использованы, и такова первая ближайшая цель, которой мы будем добиваться. О результатах первой демонстрации я напишу вам особо.

Преданный вам

Эрнест Докле.

Едва ли нужно пространно доказывать, что нет ровно никаких оснований рассчитывать на то, что парламент будет обсуждать

проектируемую чартистскую петицию. Каким бы иллюзиям ни предавались раньше на этот счет, они должны теперь рассеяться пред лицом того факта, что парламент только что отверг большинством 60 голосов предложение г-на Беркли о закрытом голосовании, поддержанное гг. Филлимором, Кобденом, Брайтом, сэром Робертом Пилем и др. Так поступил тот самый парламент, который изо всех сил протестовал против застраивания и подкупов, применявшихся при его собственном избрании, и целыми месяцами не обращался к серьезной деловой работе, предпочитая ломать себе голову над вопросами избирательной процедуры. Единственное средство, изобретенное до сих пор «честным Джонни» против подкупов, застраивания и взяточничества, заключается в лишении права выбирать или, вернее, в урезывании избирательных округов. И не подлежит сомнению, что если бы им удалось свести эти округа к таким же небольшим размерам, как их собственные округа, это дало бы возможность английской олигархии получать голоса без хлопот и без расходов на их покупку. Резолюция г-на Беркли была отвергнута объединенными голосами ториев и вигов, потому что на карту оказался поставленным их общий интерес: сохранение их местной власти над арендаторами, мелкими лавочниками и другими клиентами помещика. «Кто вносит арендную плату, должен отдавать вместе с ней и свой голос» — таков старый девиз славной английской конституции.

«The Press», новый еженедельник, инспирируемый г-ном Дизраэли, удивил в прошлую субботу английскую читающую публику следующим разоблачением:

«В начале весны барон Бруннов сообщил лорду Кларендону содержание требования, которое русский император собирается предъявить Порте; барон заявил при этом, что цель его сообщения выяснить отношение Англии к этому вопросу. Лорд Кларендон ничего не возразил против предполагаемого шага, и российский дипломат сообщил своему императору, что Англия готова отнестись благосклонно к его намерению относительно Золотого Рога».

Вчера «Times» выступил с тщательно продуманной официальной статьей, исходящей из Foreign office,¹ в ответ на серьезное обвинение г-на Дизраэли, которое, однако, на мой взгляд, скорее подтверждается, чем опровергается этим ответом. Как утверждает «Times», до приезда князя Меншикова в Константинополь барон Бруннов жаловался лорду Джону Росселю, что Порта отменила привилегии, предоставленные греческому духовенству по договору, после чего

¹ Министерство иностранных дел. *Ред.*

лорд Джон Россель, считая, что этот вопрос касается только святых мест, дал свое согласие на предполагаемый шаг царя. Но «Times» вынужден в то же время признать, что после прибытия князя Меншикова в Константинополь и после замещения лорда Джона Росселя лордом Кларендоном на посту министра иностранных дел барон Бруннов сделал лорду Кларендону дальнейшее сообщение, «имевшее целью выяснить смысл полученных им инструкций и некоторых выражений, употребленных в верительных грамотах, которые князь Меншиков вручил от имени русского императора султану». Очевидно, в этом втором сообщении заключалось нечто большее, чем в сообщении лорду Джону Росселю. Таким образом, настоящим заявлением «Times'a» вопрос не исчерпывается. Одно из двух: либо барон Бруннов окажется дипломатическим плутом, либо лорды Кларендон и Эбердин — предателями. Поживем — увидим.

Быть может, ваших читателей заинтересует документ по восточному вопросу, опубликованный недавно одной лондонской газетой. Это — прокламация, изданная проживающим сейчас в Лондоне князем Армении и распространяемая среди турецких армян:

«Лев, милостью божьей верховный князь Армении и т. д., к турецким армянам:

«Возлюбленные братья и верные соотечественники! Мы пламенно желаем и требуем, чтобы вы защищали до последней капли крови вашу страну и султана против северного деспота. Помните, братья, что в Турции не существует кнутов, что турки не рвут вам ноздрей и не секут ваших жен ни тайно, ни всенародно. Под властью султана процветает человечность, под властью северного деспота — нет ничего, кроме зверских жестокостей. Поэтому поручите себя руководству бога и мужественно сражайтесь за свободу вашей страны и за вашего настоящего владыку. Снесите свои хижины для постройки баррикад; если у вас нет оружия, ломайте свою домашнюю утварь и защищайтесь ею. Да поведет вас небо по пути к славе! Мое единственное счастье — бороться в ваших рядах против угнетателя вашей страны и вашей веры. Молю бога, чтобы он склонил сердце султана к одобрению моего призыва, ибо под его владычеством сохраняется чистота нашей религии, но она будет нарушена под властью северного тирана. И не забывайте, братья, что в жилах писавшего это воззвание струится кровь двадцати королей, кровь героев Лузиньянов, защитников нашей веры. Будем защищать чистоту нашей религии до последней капли крови».

РАБОЧИЕ ЗАБАСТОВКИ. — НАРОДНАЯ ХАРТИЯ.

Лондон, 1 июля 1853 г.

Забастовки и объединения рабочих развиваются быстрым темпом и в небывалых размерах. Передо мной отчеты о забастовках фабричных рабочих всевозможных наименований в Стокпорте, кузнецов, прядильщиков, ткачей и др. — в Манчестере, ковровщиков — в Киддерминстере, углекопов — на Рингвудских копях близ Бристоля, ткачей — в Блекберне и Дарвене, токарей — в Бостоне, белильщиков, ашретурщиков, красильщиков и механических ткачей — в Болтоне и окрестностях, барнслейских ткачей, спитальфильдских рабочих по производству шелковых тканей, ноттингэмских рабочих кружевного производства, рабочих всех профессий в Бирмингамском округе и в разных других местах. С каждой почтой приходят новые известия о забастовках; выходы с работы принимают эпидемический характер. Каждая крупная стачка вроде стокпортской, ливерпульской и т. д. неизбежно порождает целый ряд более мелких забастовок, потому что рабочие не в состоянии успешно сопротивляться хозяевам, не обратившись за поддержкой к своим товарищам по работе в других местах королевства, и их товарищи из солидарности требуют, в свою очередь, повышения заработной платы. Повсюду рабочие считают для себя вопросом чести и материального интереса не соглашаться на худшие условия, чтобы не изолировать борьбу своих товарищей, и таким образом на забастовку в одном месте откликаются забастовками другие местности вплоть до самых отдаленных. В некоторых случаях требование прибавок сводится просто к истребованию старых недоимок с хозяев. Подобное явление мы наблюдаем в большой забастовке в Стокпорте.

В январе 1848 г. стокпортские фабриканты провели общее снижение заработной платы на 10% для всех категорий рабочих. Согласие на это снижение было дано под тем условием, что при первом улучшении конъюнктуры прежние ставки будут восстановлены. Ввиду этого в начале марта 1853 г. рабочие напомнили своим хозяевам об обещанной довыплате 10%; не добившись удовлетворения своего

требования, они забастовали в количестве свыше 30 000 человек. В большинстве случаев фабричные рабочие определенно заявляли о своем *праве на участие* в доходах страны и особенно в прибылях своих хозяев в связи с переживаемым процветанием.

Отличительная черта настоящих забастовок в том, что они начались в низших слоях неквалифицированных рабочих (не фабричных), среди мастеровых, находящихся теперь под непосредственным влиянием эмиграции, и лишь постепенно охватили и фабричный пролетариат крупных промышленных центров Великобритании; наоборот, на всех прежних этапах рабочего движения забастовки всегда исходили от верхушки фабричных рабочих — механиков, прядильщиков и т. д., распространялись затем на низшие слои фабричной массы и, наконец, уже потом охватывали и мастеровых. Это явление нужно приписать исключительно влиянию эмиграции.

Есть такие филантропы и даже социалисты, которые считают забастовки весьма вредными для интересов «саких рабочих» и усматривают свою главную задачу в том, чтобы изыскать способ обеспечения постоянных средних ставок заработной платы. Не говоря уже о том, что факт промышленных циклов с их различными стадиями уничтожает всякую возможность таких средних ставок, — я, с своей стороны, убежден, что сменяющие друг друга повышения и падения заработной платы и возникающие на этой почве постоянные конфликты между хозяевами и рабочими являются, при настоящей организации производства, незаменимым средством для поднятия настроения среди трудящихся, для объединения их в один великий союз против посягательств правящего класса и для спасения их от превращения в апатичные, безмозглые, более или менее сытно накормленные орудия производства. При общественном строе, основанном на антагонизме классов, тот, кто хочет искоренить рабство не только на словах, но и на деле, должен стоять за войну. Чтобы правильно оценить значение стачек и рабочих объединений, мы не должны смущаться внешней незначительностью их экономических результатов, — мы должны учитывать прежде всего их моральные и политические последствия. Без сменяющих друг друга периодов застоя, процветания, сверх-оживления, кризиса и обнищания, через которые проходит современная промышленность периодически повторяющимися циклами, с их скачками заработной платы вверх и вниз и соответствующей этим колебаниям заработной платы и прибыли непрерывной борьбой хозяев и рабочих, — без этого рабочий класс Великобритании и всей Европы был бы подавленной,

безвольной, забитой, лишенной способности к сопротивлению массой, для которой успешная борьба за свое освобождение была бы так же невозможна, как для рабов древней Греции и Рима. Не забудем, что забастовки и объединения крепостных были рассадниками средневековых коммун и что эти коммуну явились, в свою очередь, колыбелью новой буржуазии.

В одном из своих последних писем я отметил то огромное значение, которое должна приобрести нынешняя борьба рабочих для чартистского движения в Англии; мое мнение вполне подтвердилось результатами, достигнутыми за первые две недели кампании, начавшейся под руководством чартистского лидера Эрнеста Джонса. Первый большой митинг под открытым небом должен был, как вы знаете, состояться на холме Блекстон-Эдж. 19-го прошлого месяца туда приехали ланкаширские и иоркширские делегаты местных чартистских групп и образовали делегатский совет. Петиция Эрнеста Джонса об издании хартии была единогласно одобрена, равно как и петиции, составленные по инициативе собраний в обоих графствах. Передачу ланкаширской и иоркширской петиций решено было поручить г-ну Эпли Пеллату, парламентскому депутату от Саутуорка, который согласился взять на себя передачу всех чартистских петиций. Что касается народного митинга, то самые ярые оптимисты не представляли себе его возможности, потому что погода была ужасная, гроза усиливалась с каждой минутой и дождь лил, как из ведра. Сперва показались только отдельные небольшие группы, взбравшиеся на вершину холма, но вскоре стали появляться более многочисленные группы, и с возвышенности, откуда открывается вид на окрестные долины, можно было наблюдать, как отовсюду тонкие, но непрерывные ленты людей тянулись, под густой завесой дождя, по дорогам и тропинкам, ведущим от соседних селений. Ко времени, назначенному для начала митинга, свыше 3 000 человек собралось на холме, чрезвычайно далеко от всякого жилья, и во время длинных речей присутствующие, несмотря на отчаянный ливень, до конца оставались на месте.

Внесенная г-ном Эдуардом Гобсоном резолюция, гласящая, что «социальное недовольство трудящихся классов страны есть результат классовых законов и что единственный способ исправить эти классовые законы заключается в принятии народной хартии», была поддержана г-ном Гаммеджем, членом чартистского исполнительного комитета, и г-ном Эрнестом Джонсом, из речей которых я приведу некоторые отрывки.

«Предложенная резолюция, — сказал г-н Гаммедж, — объясняет

народное недовольство классовыми законами. Я думаю, что ни один человек, следивший за ходом событий, не станет оспаривать этого положения. Так называемая палата общин оставалась глуха ко всем жалобам масс, и когда народ громко заявлял о своих бедствиях, он встречал только насмешки и издевательства со стороны людей, выдающих себя за представителей нации; а если в виде исключения вопли народа находили иногда отклик в палате, они неизменно заглушались улюлюканьем разбойничьего большинства наших классовых законодателей (громкие аплодисменты). Палата общин не только отказывалась удовлетворить справедливые требования народа, но отказывалась даже обследовать его положение. Все вы, вероятно, помните, что не так давно г-н Слени внес в палату предложение о назначении постоянной комиссии для обследования условий жизни рабочих и для принятия мер помощи им, но палата так твердо решила не допустить этот вопрос к обсуждению, что при внесении указанного предложения только двадцать шесть депутатов оказались в зале заседаний, и предложение было сорвано. (Крики: «позор, позор!») Когда предложение было снова внесено, г-н Слени не только не имел никакого успеха, но, насколько я помню, из 656 достоуважаемых джентльменов лишь 19 были на своих местах и согласны были по крайней мере приступить к обсуждению вопроса. Когда я стал им говорить о действительном положении народа, я думал, что они признают необходимым безотлагательно обследовать этот вопрос. Наши экономисты утверждают, что ежегодная продукция страны составляет 820 000 000 фунтов. Считаю, что в Соединенном королевстве имеется 5 000 000 рабочих семей и что средний доход этих семей равняется 15 шиллингам в неделю, что, впрочем, я считаю слишком высокой цифрой по сравнению с их действительным доходом (крики: «чересчур высокая!»), — принимая все-таки эту цифру, мы находим, что из своей гигантской годовой продукции рабочие получают жалкую долю в сто девяносто пять миллионов (крики: «позор!»), а все остальное размещается по карманам праздных помещиков, ростовщиков и вообще капиталистов... Нужно ли доказывать, что эти люди — грабители? Злейшие воры не те, которые сидят в наших тюрьмах; самые опасные и ловкие воры — это те, кто грабит народ с помощью ими же созданных законов, и это крупное грабительство является настоящей причиной всех мелких грабежей, которые совершаются в стране». Перейдя затем к анализу состава палаты общин, оратор отметил, что, принимая во внимание классовую природу членов этой палаты и классы, которые они представляют, нельзя и думать хотя бы о малейшем

контакте между ними и трудящимися миллионами. В заключение оратор заявил, что народ должен ближе ознакомиться со своими социальными правами.

Г-н Эрнест Джонс сказал:

«Мы провозглашаем сегодня наше требование, чтобы хартия стала законом (аплодисменты). Я призываю вас вернуться в ряды нашего великого движения, ибо я убежден, что теперь самый благоприятный момент для этого, что успех зависит теперь от вас. Оживление промышленности и эмиграция дают вам сейчас козырь в руки, и от того, как вы его используете, зависит ваше будущее. Если вы используете его только в целях удовлетворения ваших текущих нужд, у вас ничего не будет к тому времени, когда изменится настоящая конъюнктура. Но если вы используете эту конъюнктуру не только для укрепления вашего настоящего положения, но и для обеспечения будущего, вы восторжествуете над всеми вашими врагами. Если оживление промышленности и эмиграция являются для вас источником силы, эта сила должна будет исчезнуть вместе с исчезновением этих условий, и если вы не обеспечите себя теперь, вы попадете в худшее рабство, чем когда-либо (слушайте, слушайте!). Больше того, причины, обуславливающие вашу силу сейчас, очень скоро станут источником вашей слабости. Эмиграция, которая уменьшает количество рабочих рук, вскоре начнет в еще большей мере уменьшать спрос на работу... В промышленности наступит застой, и я спрашиваю вас: какие меры принимаете вы, чтобы обезопасить себя на этот случай? Вы участвуете в великом движении за сокращение рабочего времени и повышение заработной платы и вы фактически добились кое-чего в этом направлении, но заметьте! — вы добились этого не через парламент. Девиз предпринимателей гласит: тешьте их мелкими подачками, но не давайте им ни одного закона! Не проводите билля о заработной плате в парламенте, но выполните кое-какие его требования на фабрике (слушайте!). Наемные рабы скажут тогда: «На что нам политическая организация для борьбы за 10-часовой рабочий день или за правила о заработной плате? Мы добились своего сами, без парламента». Да, но можете ли вы удержать завоеванное без парламента? Что дало вам победу? — Оживление промышленности. Что отнимет у вас ее плоды? — Застой в промышленности. Ваши хозяева знают это. Поэтому они сокращают ваш рабочий день, поднимают вашу плату, выплачивают вам недоданное, надеясь, что этим они побудят вас отказаться от мысли о собственной политической организации (аплодисменты). Они сокращают рабочий день, зная, что скоро им придется сократить свое производство,

они увеличивают заработную плату, предвидя, что скоро тысячи из вас останутся без всякого заработка. И в то же время они (фабриканты внутренних графств) говорят вам, что даже если бы негодные им законы прошли, это только заставило бы их искать другие средства для вашего ограбления, — таков был прямой смысл их заявлений. Так что, во-первых, вы не можете добиться нужных вам законов, потому что у вас нет народного парламента (a people's Parliament), а во-вторых, если бы такие законы и прошли, они — говорят вам — все равно не будут выполняться (громкие крики: «слушайте!»). Вот я и спрашиваю вас: как вы готовитесь к будущему? Как собираетесь вы использовать ту огромную силу, которою вы сейчас обладаете? Ибо вы будете совершенно беспомощны, если не начнете готовиться теперь же; вы потеряете все, что завоевали. Ведь мы собрались здесь сегодня именно для того, чтобы обсудить, как удержать и расширить наши завоевания. Некоторые думают, что чартистская организация может помешать развитию рабочего движения. Боже правый! Да ведь только чартистская организация и может привести его к победе. Работник не в состоянии обходиться без предпринимателя, если он не может сам добывать себе работу. Но работник не может сам добывать себе работу, если он не владеет средствами производства — землей, кредитом и машинами. Он никогда не овладеет ими, пока не покончит с земельной, денежной и промышленной монополией, а покончить с ней он не может, не овладев государственной властью. Почему вы добиваетесь закона о 10-часовом рабочем дне? Если политическая власть не нужна для обеспечения свободы рабочего класса, к чему тогда вообще идти в парламент? Почему не довольствоваться теми уступками, которых можно добиваться непосредственно на фабрике? Да потому, что вы знаете, чувствуете, всем своим поведением молчаливо признаете, что без овладения политической властью невозможно социальное освобождение (громкие аплодисменты). И вот я обращаю ваши взоры на основу политической власти — на всеобщее избирательное право — на хартию (гром аплодисментов)... Быть может, скажут: «Почему не подождать наступления кризиса, когда миллионы сами присоединятся к нам?» — Потому что нам нужно движение, основанное не на страхе и смятении, а на спокойном убеждении и нравственной силе. Мы хотим, чтобы вы не отдавались порыву чувств, а руководились голосом рассудка. И вот мы призываем вас к восстановлению нашей организации, чтобы вы могли управлять стихиями, а не метались под их напором. Новый застой в промышленности будет сопровождаться революцией на континенте, и нам нужен крепкий маяк

чартизма, который освещал бы нам путь в предстоящей буре. Итак, мы провозглашаем сегодня восстановление нашего движения, и, чтобы добиться официального признания, мы избираем путь через парламент — не потому, что мы рассчитываем на принятие им нашей петиции, а потому, что мы считаем его наиболее подходящим рупором для всенародного клича о нашем воскресении. Да, те самые люди, которые недавно объявили о нашей смерти, будут иметь теперь сомнительное удовольствие возвестить, что мы снова воскресли, и наша петиция есть только метрическое свидетельство, возвещающее о нашем новом рождении» (гром аплодисментов).

Резолюция Гобсона и петиция парламенту были восторженно приняты всеми собравшимися как на этом митинге, так и на последующих митингах, состоявшихся на той же неделе.

На митинге на Блекстон-Эдж Эрнест Джонс сообщил о смерти Бенджамина Рестона — рабочего, который семь лет тому назад был председателем большого чартистского собрания, состоявшегося в той же местности. Джонс предложил превратить похороны Рестона в большую политическую демонстрацию, связав ее с чартистским митингом в Вест-Ридинге. Это будет, сказал он, наиболее достойный способ проводить прах скончавшегося ветерана. И нужно сказать, что летописи британской демократии не знают более внушительной демонстрации, чем та, которая сопровождала восстановление чартизма в Вест-Ридинге и похороны Бенджамина Рестона в прошлое воскресенье, когда в Галифаксе собралось свыше 200 000 человек, — число, небывалое даже в самые бурные времена английского движения. Людям, которые судят об английском обществе только по его тупой, апоплексической внешности, я посоветовал бы побывать на таких рабочих собраниях и заглянуть в ту глубину, где бушуют разрушительные стихии этого общества.

БОРЬБА ВОКРУГ БИЛЛЯ О ДЕСЯТИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ.

Лондон, 8 июля 1853 г.

Несколько месяцев тому назад я имел случай писать об агитации в фабричных районах за 10-часовой рабочий день. Движение с тех пор не прекращалось и нашло, наконец, отклик в парламенте. 5-го с. м. г-н Коббет, депутат от Ольдгэма, попросил разрешения внести билль об ограничении фабричного труда до 10 часов в первые пять дней недели и до 7½ часов в субботу; разрешение было ему дано. Во время предварительных прений у лорда Пальмерстона вырвалась, в пылу импровизации, определенная угроза, что если не найдется другого способа охраны женщин и детей, занятых фабричным трудом, он предложит ограничить пользование паровой силой. Не успела эта фраза сорваться с губ неосторожного министра, как против него разразилась настоящая буря негодования, и не только среди прямых представителей промышленной плутократии, но и среди его собственных друзей — вигов, каковы сэр Джордж Грей, г-н Лабушер и др. Лорд Дж. Россель отвел Пальмерстона в сторону и, после получасовой частной беседы, принялся успокаивать бурю, заверяя господ депутатов, что, «насколько он понимает, его уважаемый друг стал жертвой чистейшего недоразумения: высказавшись за ограничение пользования паровой силой, он на самом деле имел в виду высказаться *против* ограничения». Такие нелепые компромиссы составляют обычный прием членов коалиционного правительства. *Им* при всяких обстоятельствах можно говорить одно, а думать другое. Что касается лично лорда Пальмерстона, то не забудем, что этот старый дэнди либерализма выгнал не так давно несколько сот ирландских семейств из своих «поместий», приблизительно так же, как герцогиня Сутерленд поступила с людьми своего клана.

Г-н Коббет, внесший законопроект об ограничении рабочего дня, — сын известного Вильяма Коббета и депутат от того же города, представителем которого был его отец. Как свой парламентский мандат, так и свою политическую программу он унаследовал от отца, и поэтому его политические взгляды хотя и независимы, но

не вполне соответствуют современной расстановке партийных групп. Вильям Коббет был талантливейшим представителем или вернее «создателем» старого английского радикализма. Он первый разоблачил тайну наследственной партийной борьбы вигов и ториев, сорвал маску либерализма с паразитической олигархии вигов, боролся с крупным землевладением во всех его формах, осмелился лицемерную алчность государственной церкви и атаковал финансовую плутократию в лице ее двух наиболее ярких проявлений — «старой леди с Треднидльстрит» (Английский банк) и «мистера Мекворма и К^о» (Общество национальных кредиторов). Он предлагал аннулировать национальный долг, конфисковать церковные земли и отменить все виды бумажных денег. Он следил изо дня в день за покушениями центральной власти на местное самоуправление и беспощадно бичевал их как нарушение привилегий и вольностей английских подданных. Он не понимал, что это — неизбежный результат промышленной централизации. Он выставил все политические требования, которые были впоследствии объединены в национальной хартии. Но в его формулировке это была скорее политическая хартия мелкой промышленной буржуазии, чем промышленного пролетариата. Плебей по своим инстинктам и симпатиям, он умом редко поднимался над горизонтами мелкобуржуазной реформы. И только в 1834 г., после издания нового закона о бедных, Вильям Коббет начал догадываться, что существование крупной промышленной буржуазии так же вредно для масс, как существование крупных землевладельцев, банкиров, держателей государственных займов и духовенства государственной церкви. Если Вильям Коббет предвосхищал, таким образом, с одной стороны, современный чартизм, то, с другой стороны и в еще гораздо большей мере, он был закоренелым Джоном Буллем. Он был одновременно и самым консервативным, и самым радикальным человеком в Великобритании — чистейшим воплощением старой Англии и наиболее смелым родоначальником молодой Англии. Он считал, что упадок Англии начинается с эпохи реформации, а последующая протрация английского народа — со времен так называемой славной революции 1688 г. Революция была для него переходом к новому, а возвратом к старому, — не созданием новой жизни, а восстановлением «доброе старое время». Он не видел только, что его «эпоха упадка» английского народа в точности совпадает с началом восхождения среднего класса, с развитием современной торговли и промышленности, и что вместе с ростом последней ухудшалось материальное положение народа, и местное самоуправление гибло под натиском политической

централизации. Глубокие перемены, сопровождающие разложение старого английского общества с XVIII века, поразили его воображение и наполнили горечью его сердце. Но, если он видел следствия, он не понимал причин, не понимал тех новых социальных сил, которые делают свое дело. Он не видел современной буржуазии, а видел только ту часть аристократии, которая владеет наследственной монополией на государственные должности и своим законодательством санкционирует все перемены, вызванные новыми потребностями и притязаниями среднего класса. Он видел машину, но не видел скрытую в ней двигательную силу. Поэтому в его глазах ответственность за все перемены, происшедшие с 1688 г., падала на вигов. Они были первоисточником упадка Англии и деградации английского народа. Отсюда его фанатическая ненависть к вигам и постоянные разоблачения их олигархии. Отсюда тот удивительный факт, что Вильям Коббет, бывший инстинктивным защитником народных масс против посягательств буржуазии, считался другими и сам считал себя борцом за интересы промышленной буржуазии против наследственной аристократии. Как писатель, он остается непревзойденным. Нынешний г-н Коббет, продолжающий в изменившейся обстановке политику своего отца, поневоле скатился до уровня либерального тория.

«Times», стараясь загладить свою угодливость перед русским царем усиленной наглостью по отношению к английским рабочим, реагирует на предложение г-на Коббета передовой, которая хотела бы быть чудовищной, а на поверку выходит просто абсурдной. Газета не может отрицать, что ограничение пользования паровой силой есть единственный способ заставить лордов промышленности подчиниться существующим законам о продолжительности рабочего дня на фабриках. Но она не понимает, как это здравомыслящий человек, поставивший себе известную цель, может предлагать единственно пригодное средство для ее достижения. Существующий закон о *10¹/₂-часовом рабочем дне*, подобно всем остальным фабричным законам, — только фиктивная уступка рабочим со стороны правящих классов. И рабочие, не довольствуясь фикцией уступки, смеют добиваться ее претворения в действительность! «Times» никогда не слышал ничего более смешного или эксцентричного. Если хозяину будет воспрещено парламентом держать своих рабочих на работе 12, 16 и больше часов, то, — говорит «Times», — «Англия перестанет быть страной свободных людей». Совершенно так же джентльмен из Южной Каролины, осужденный лондонским судом за то, что он публично отхлестал своего негра, привезенного им из-за Атлантического

океана, в полном отчаянии воскликнул: «И это свободная страна, где человеку запрещают высечь своего собственного негра!» Если человек поступил рабочим на фабрику и заключил с хозяином договор, обязавшись работать по шестнадцати или восемнадцати часов в сутки, вместо того, чтобы во-время ложиться спать, подобно более счастливым смертным, это объясняется, — говорит «Times», — «тем естественным импульсом, который постоянно согласует предложение со спросом и побуждает людей выбирать занятие, наиболее для них приятное и подходящее». Законодательство не должно, разумеется, вторгаться в область «привлекательного труда». Если вы ограничите пользование паровой силой определенной частью суток — скажем, от 6 часов утра до 6 часов вечера, — то с таким же правом, — говорит «Times», — вы можете совсем запретить употребление машин. Если вы тушите газ на улицах после восхода солнца, вы должны тушить его и ночью. «Times» против законодательного вмешательства в частные дела, и, вероятно, поэтому он за обложение бумаги, объявлений и газетной марки; он добивается этого обложения, чтобы подорвать частные дела своих конкурентов, и в то же время он просит парламент освободить его самого от налога на приложения. Он возражает самым резким образом против посягательства парламента на священные интересы фабрикантов, ради которых поставлены на карту жизнь и нравственный уровень целых поколений, но он требует самого решительного вмешательства в права извозчиков и владельцев наемных карет, хотя при этом не поставлено на карту ровно ничего, кроме удобства кое-каких откормленных господ и, может быть, джентльменов из Принтингхау-сквера.¹ До сих пор буржуазные экономисты говорили нам, что главная польза машин в том, что они сокращают физический труд и освобождают людей от тяжелой работы. Теперь «Times» открыто признает, что при существующем классовом строе машины не сокращают, а удлиняют рабочий день; что они лишают индивидуальный труд его качеств и побуждают рабочего возмещать потерю качества количеством. Так, рабочий день удлиняется все больше, к дневной работе прибавляется ночная, и этот процесс обрывается только в периоды промышленных кризисов, когда рабочий теряет всякую работу, когда ворота фабрик захлопываются у него перед носом и он может, по собственному выбору, наслаждаться полным отдыхом или повеситься от голода.

¹ Помещение редакции «Times». Ред.

ИЗВОЗЧИКИ. — ЗАБАСТОВКИ И БОРЬБА С НИМИ.

Лондон, 29 июля 1853 г.

В «Тысяча и одной ночи» есть китайский богдыхан, который, встав в одно прекрасное утро и подойдя к окну, чтобы полюбоваться дворцом Алладина, был удивлен, не увидя ничего, кроме пустого места. Он позвал своего великого визиря и спросил его, видит ли он дворец. Великий визирь не мог ничего увидеть и был удивлен не менее богдыхана, который, разгневавшись, приказал своей страже задержать Алладина. Лондонцы, проснувшись в среду утром, оказались в положении, весьма схожем с положением китайского богдыхана. Лондон выглядел так, как будто все его население выехало из города. Была пустота, и она продолжала оставаться там, где мы привыкли видеть нечто. И подобно тому как глаза изумлялись пустоте площадей, уши поражались мертвой тишине. Что же, однако, произошло в Лондоне? *Революция извозчиков!* Извозчики и их пролетки (cabs) исчезли как бы чудом с улиц, с «бирж», с вокзалов железных дорог. Владельцы кэбов и извозчики восстали против нового закона об извозчиках, против этого великого и почти «единственного» акта «министерства всех талантов». Они забастовали.

Неоднократно наблюдалось, что британцы подвержены от времени до времени моральным припадкам и что через каждые шесть или семь лет их добродетель становится неистовой и они обуреваемы желанием сразиться с пороком. Объектом подобного морально-патриотического припадка в настоящее время явился бедный «кэбби».¹ Его вымогательствам, от которых страдали беззащитные женщины и жирные дельцы из Сити, должен был быть положен конец, и плата за проезд снижена с одного шиллинга до шести пенсов за милю. Шестипенсовая мораль стала эпидемической. Министерство, в лице г. Фицроя, выработало драконовский закон против «кэбби», устанавливающий его обязательства перед публикой и в то же время подчиняющий его заработок, его экипаж,

¹ «Кэбби» — уменьшительное от «кэбман» — извозчик. *Ред.*

лошадей и нравственность законодательству парламента. Повидимому, имелось в виду насильно превратить «кэбби» в примерный тип британской «респектабельности». Нынешнее поколение не может обойтись без того, чтобы не съимпровизировать создание хотя бы одного добродетельного и бескорыстного класса граждан, и для образования такого класса выбор пал на «кэбби». Министерство всех талантов было настолько озабочено скорейшим приведением в исполнение своего законодательного шедевра, что закон об извозчиках, почти не успев еще пройти через палаты, был уже введен в действие. И сделано это было еще до того, как была готова хотя бы часть того механизма, который должен был обеспечить применение изданного закона. Вместо того, чтобы заблаговременно снабдить всех «кэбби» новыми печатными правилами и таблицами расстояний с соответствующими ставками оплаты, лондонские «кади»¹ дали лишь в общих чертах инструкции полицейским судьям о том, что им придется разбирать все споры, возникающие между «кэбби» и публикой. Таким образом, в течение двух недель мы имели возможность наблюдать за разнообразным и возвышенным зрелищем происходившей перед судьями непрекращающейся борьбы между целой армией шестипенсовых Гемпденов и «ужасными» извозчиками; из них первые сражались за добродетель, а вторые — из-за денег. День за днем «кэбби» читались нравоучения, им выносили приговоры, их заключали в тюрьму. Наконец, они убедились, что при новом тарифе они не в состоянии уплачивать своим хозяевам старых арендных ставок. Хозяева и извозчики собрались все вместе на свой *топс засег* (священная гора) в Национальхолле в Холборне, где и пришли к ужасному решению, которое привело к тому, что в течение трех дней улицы Лондона оказались без извозчиков. Двух вещей они во всяком случае уже добились: во-первых, того, что министерство в лице г. Флэроя настолько изменило свой собственный закон, что почти аннулировало его; а во-вторых, того, что восточный вопрос, датский государственный переворот, плохой урожай и надвигающаяся холера, — все исчезло перед лицом великой борьбы, в которой общественная добродетель настаивала на уплате шести пенсов за милю, а частновладельческий интерес настаивал на уплате 12 пенсов.

«Забастовка» стоит в порядке дня. В течение этой недели забастовало 5 000 человек углекопов в северных угольных районах, от 400 до 500 человек поденных резчиков пробки в Лондоне, около 2 000 человек рабочих, работавших у разных смотрителей пристани

¹ Кади — название судьи в Турции. *Ред.*

на реке Темзе; забастовали и полицейские в Гулле, такая же попытка была сделана полицейскими в Лондоне, и, наконец, забастовали перед самым носом парламента каменщики, работавшие в капелле св. Стефана.

«Мир становится раем для рабочих, люди становятся драгоценными!» — восклицает «Times». В 1849, 1850, 1851 и 1852 годах, в то время, как торговля неизменно разрасталась, промышленность достигала еще невиданных ранее размеров и барыши непрерывно повышались, заработная плата в общем оставалась неподвижной, а в большинстве случаев удерживалась даже на пониженном уровне, установившемся во время кризиса 1847 года. После того как эмиграция понизила численность населения и повышение цен на предметы первой необходимости обострило аппетит народа, вспыхнула забастовка, благодаря которой заработная плата поднялась. И вот мир становится раем для рабочих — в глазах «Times'a». Чтобы райские условия низвести до земных, ланкаширские фабричные лорды образовали ассоциацию с целью взаимной поддержки и помощи в борьбе с требованиями народных масс. Но, не удовлетворяясь противопоставлением одного объединения другому, буржуазия грозит прибегнуть к вмешательству закона, — закона, который она сама продиктует. Как это будет выполнено — можно заключить из нижеследующих выкриков «Morning Post'a», органа либерального и любезного г. Пальмерстона.

«Если есть что-либо безнравственное, особенно заслуживающее наказания железной рукой, так это система забастовок... А что нужно против этой системы? — Строгое и скорое наказание главарей и заправил этих объединений. Не было бы нарушением свободы рынка труда, если бы этих людей подвергали наказанию розгами... Нет надобности говорить, что это было бы давлением на рынок труда. До тех пор, пока те, кто снабжает рынок труда, не будут подвергать опасности интересы страны, им можно было бы предоставить самим договариваться с работодателями».

В известных пределах рабочим будет дана возможность воображать, что они являются свободными факторами производства и что их договоры с хозяевами заключены по обоюдному соглашению. Но лишь только они будут выходить за эти пределы, их открыто будут принуждать работать на условиях, предписанных парламентом, этим постоянным, объединенным против народа комитетом правящих классов. Глубина мысли и философский ум пальмерстоновского органа ясно сказываются в его вчерашнем открытии, согласно которому «из всех классов этой страны наиболее трудно живется

бедным людям из высших кругов», бедным аристократам, которым приходится ездить на извозчиках, а не в собственных экипажах.

Нас уверяют, что как весь мир вообще, так, в частности, и Ирландия становится раем для рабочих вследствие голода и эмиграции. Почему же в таком случае, если оплата труда действительно так высока в Ирландии, ирландские рабочие такими массами перебираются в Англию, чтобы навсегда остаться по эту сторону «шруда», почему раньше они обычно возвращались обратно после окончания полевых работ? Если социальные условия, в которых живет ирландский народ, настолько улучшились, чем же объясняется наблюдающийся в его среде страшный рост душевных заболеваний с 1847 и в особенности с 1851 года? Взгляните на нижеследующие данные, взятые из «Шестого отчета ирландских домов для умалишенных»:

	Всего принято в дома	И з н и х	
		мужчин	женщин
1851 г.	2584	1301	1283
1852 »	2662	1276	1386
1853 »	2870	1447	1423

И это та самая страна, в которой знаменитый Свифт, основатель первого в Ирландии дома для умалишенных, сомневался, удастся ли найти всего 90 сумасшедших!

Чартистская агитация, возобновленная Эрнестом Джонсом, энергично развивается, и на тридцатое число текущего месяца предположено собрать на открытом воздухе в Кеннингтон-Коммон огромный митинг лондонских чартистов как раз там, где происходило великое собрание 10 апреля 1848 г.

Г-н Коббет взял обратно свой законопроект о фабриках, дав понять, что он намерен вновь внести его в начале следующей сессии.

Что же касается видов на финансовые возможности и на общее положение Англии, то «Manchester Guardian», в передовой статье от 27 числа настоящего месяца, всецело подтверждает мои предсказания по этому поводу. Он пишет:

«Редко бывало, чтобы коммерческая атмосфера была так насыщена элементами неуверенности, способствующими возбуждению *беспокойства*. Мы умышленно употребляем этот мягкий термин. До аннулирования хлебного закона и общего применения политики свободы торговли мы употребили бы более сильное выражение — *серьезной тревоги*. Указанными элементами являются, во-первых, предполагаемый недород хлебов, во-вторых, отлив золота из кладовых Банка и, в-третьих, большая вероятность войны».

НАСЕЛЕНИЕ АНГЛИИ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ СТАТИСТИКА. — БИЛЛЬ ОБ ОБЪЕДИНЕНИЯХ РАБОЧИХ. — ЛЕНДЛОРДЫ И АРЕНДАТОРЫ В ИРЛАНДИИ.

Лондон, 12 августа 1853 г.

Недавно опубликованные статистические данные о населении Великобритании свидетельствуют о его медленной, но неуклонной убыли. За второй квартал 1853 г.

число смертей составляло	107 861
» рождений »	158 718
Прирост рождений (в обследованных округах)	
Избыток рождений над смертями во всем Соед. королевстве исчисляется в	50 857 79 800
Число эмигрантов за данный квартал	115 959
Избыток эмиграции над приростом населения	
	36 159

Последний отчет показал избыток эмиграции над рожденьями только в 30 000.

Убыль населения, вызываемая эмиграцией, совпадает с неслыханным ростом производительных сил и капиталов. Если мы вспомним, что поп Мальтус отрицает указанное действие эмиграции и воображает, будто ему удалось путем тщательнейших вычислений установить, что судов всего мира никогда нехватило бы для эмиграции, достаточно обширной, чтобы хоть сколько-нибудь отразиться на избытке человеческих существ, — то перед нами разоблачится вся тайна современной политической экономии. Она состоит попросту в том, что общественные отношения, свойственные определенной исторической эпохе и соответствующие данному уровню материального производства, превращаются в вечные, всеобщие, неизменные законы, — в так называемые «естественные законы». Полнейшее преобразование общественных отношений вследствие революций и эволюций в производственном процессе считается экономистами чистой утопией. Они видят экономические границы данной эпохи, но не понимают, что эти границы сами ограничены и

так же должны исчезнуть под влиянием исторических сил, как они были созданы ими.

Опубликованные министерством торговли отчеты о торговле и навигации за первое полугодие 1853 г. (оканчивающееся 5 июля) показывают в общем значительный прирост оборота по сравнению с данными об экспорте, импорте и судоходстве за соответствующий период 1852 г. Ввоз быков, коров, телят, овец и ягнят возрос очень сильно.

Весь ввоз зерна составлял в 1-е полугодие 1852 г.	2 604 201 кв.
а за соответствующий период 1853 г.	3 984 374 »
Весь ввоз муки составлял за 1-е полугодие 1852 г.	1 931 363 »
а за соответствующий период 1853 г.	2 577 340 »
Ввоз кофе за 1852 г.	19 397 185 ф.
» » » 1853 »	20 908 954 »
Ввоз вина за 1852 г.	2 850 862 гал.
» » » 1853 »	4 581 300 »
Ввоз яиц за 1852 г.	64 418 591 шт.
» » » 1853 »	67 631 380 »
Ввоз картофеля за 1852 г.	189 410 цнт.
» » » 1853 »	713 941 »
Ввоз льна за 1852 г.	410 876 »
» » » 1853 »	627 173 »
Ввоз сырого шелка за 1852 г.	2 354 690 ф.
» » » 1853 »	2 909 733 »
Ввоз хлопка за 1852 г.	4 935 307 цнт.
» » » 1853 »	5 134 680 »
Ввоз шерсти (овечьей и ягнячьей) за 1852 г.	26 816 002 ф.
» » » » » 1853 »	40 139 396 »
Ввоз кож (дубленых) за 1852 г.	1 075 207 »
» » » » 1853 »	3 604 769 »

Убыль отмечена в области ввоза какао, гуано, нерафинированного сахара, чая и т. д. В области вывоза данные таковы:

Вывоз хлопчатобумажных изделий в 1852 г.	11 384 491 ф. ст.
» » » » 1853 »	11 155 679 » »

Что касается хлопчатобумажной пряжи (и то же самое относится к льняной и шелковой), то по количеству ее вывоз уменьшился, но ее объявленная стоимость значительно возросла:

Полотняные изделия за 1852 г.	2 006 951 ф. ст.
» » » 1853 »	2 251 260 » »
Шелковые изделия » 1852 »	467 838 » »
» » » 1853 »	806 419 » »
Шерстяные изделия » 1852 »	3 894 506 » »
» » » 1853 »	4 941 357 » »
Глиняные изделия » 1852 »	590 663 » »

Глиняные изделия за 1853 г.	627 218 ф. ст.
Стеклянные изделия » 1852 »	187 470 » »
» » » 1853 »	236 797 » »
Галантерейные и модные товары за 1852 г.	834 324 » »
» » » » 1853 »	1 806 007 » »
Скобяные и ножевые товары за 1852 г.	1 246 600 » »
» » » » 1853 »	1 663 302 » »
Машинное оборудование за 1852 г.	476 078 » »
» » » 1853 »	760 288 » »
Железные брусья, болты и прутья за 1852 г.	1 455 952 » »
» » » » » 1853 »	2 730 479 » »
Кованое железо за 1852 г.	696 000 » »
» » » 1853 »	1 187 000 » »
Проволока за 1852 г.	42 979 » »
» » 1853 »	106 610 » »

В области ввоза фабричных изделий наибольший прирост приходится на обувь и перчатки, наибольшая убыль — на стеклянные товары, часы, шерстяные материи и индийские шелковые изделия. В области вывоза сильнее всего возрос экспорт полотняных, шелковых, шерстяных и металлических изделий. Что касается ввоза продовольственных продуктов, то, за исключением зерна и скота, почти все статьи, по которым он возрос, свидетельствуют, что среди высших и средних классов потребление повысилось в гораздо большей пропорции, чем среди трудящихся. Так, например, потребление вина увеличилось вдвое, а нерафинированного сахара, какао и чая определенно сократилось.

Из 260 отчетов об урожае пшеницы в Соединенном королевстве только 25 называют урожай превосходным, 30 оценивают его как средний, а свыше 200 прямо говорят о недороде. Сбор овса, ячменя и бобов обещает быть более удачным благодаря обилию осадков; но картофель погиб по всей стране. Гг. Дж.-Ч. Стердж и Кормарк пишут в своем последнем докладе о сборе пшеницы:

«Сбор пшеницы будет, вероятно, наиболее низким за все время с 1816 г., и если урожай 1854 г. не поспеет очень рано, нам придется ввезти всякого рода зерна и хлебов даже еще больше, чем в 1847 г., — вероятно, не менее 15 000 000 кварталеров. Впрочем, наши нынешние цены достаточно высоки, чтобы обеспечить импорт в таком размере, если только Франция не будет конкурировать с нами на рынках производящих стран».

Рассчитывать на очень ранний урожай в 1854 г., повидимому, нет особых оснований, тем более, что, по свидетельству опыта, неурожайные годы следуют обыкновенно друг за другом точно так же, как и урожайные, а ряд урожайных годов с 1848 г. и без того

необычно велик. Что Англия получит достаточное количество хлеба из других стран, — это, может быть, и верно; но чтобы вывоз ее изделий покрыл, как ожидают фритредеры, ввоз зерна, — на это рассчитывать не приходится. Вероятный избыток ввоза над вывозом будет, кроме того, сопровождаться убылью внутреннего потребления фабричных изделий. Уже сейчас золотой запас Английского банка убывает с каждой неделей и упал уже до 17 739 107 фунтов.

Палата лордов в своем заседании от прошлой пятницы отвергла билль о рабочих объединениях, прошедший через Нижнюю палату. Этот билль был только новым изданием старого закона об объединениях от 1825 г. и ставил себе целью, отбросив запутанную и неопределенную терминологию этого закона, несколько уравнять рабочих с работодателями в отношении законодательного признания их объединений. Сантиментальные лорды, любящие трактовать рабочих как своих смиренных клиентов, приходят в ярость, когда эта чернь требует прав, а не симпатии. Так называемые радикальные газеты с жаром ухватились, конечно, за столь удобный случай заклеить лордов как «наследственных врагов» рабочего класса. Правильности этой характеристики я отнюдь не отрицаю. Но посмотрим на самих радикалов, на этих «естественных друзей» пролетариата. В одном из предшествующих писем я сообщал вам, что манчестерские владельцы прядильных мастерских и фабриканты основывают общество для отпора требованиям своих «людей». Это общество называется «Ассоциацией для содействия промышленности в деле успокоения рабочих в манчестерском округе». Свои цели новоявленная ассоциация формулирует следующим образом:

«1. Определение ставок заработной платы для различных отраслей прядильного и ткацкого дела в соответствии со ставками, существующими в других районах хлопчатобумажной промышленности.

«2. Взаимная поддержка членов ассоциации против борьбы с этими ставками со стороны рабочих, занятых в их предприятиях.

«3. Обеспечение в интересах самих рабочих единообразия нормальных ставок, принятых во всем городе и его окрестностях».

Для достижения этих целей решено создать целую организацию, состоящую из местных объединений владельцев прядильных мастерских и фабрикантов и возглавляемую центральным комитетом. «Члены ассоциации будут сопротивляться всем требованиям со стороны объединенных групп рабочих, ибо всякая уступка им была бы вредна для интересов предпринимателей, рабочих и промышленности вообще». Они не допустят, чтобы созданный ими для себя аппарат натолкнулся на противодействие со стороны аппарата,

созданного рабочими. Они намерены укрепить монополию капитала посредством монополии права ассоциации. Они будут диктовать свои условия как объединенная группа, но трудящиеся смогут вступать с ними в спор только как отдельные лица. Они будут наступать сплоченными рядами, но сопротивление будет им оказываться только в одиночку. На языке манчестерских радикалов и образцовых фритредеров это называется «честной конкуренцией».

В заседании от 9 августа палата лордов должна была решить судьбу трех ирландских биллей, принятых Нижней палатой после десятимесячного обсуждения, а именно: *билль о лендлордах и арендаторах*, отменяющий законы относительно закладных на недвижимость — это непреодолимое сейчас препятствие для продажи менее крупных имений, на которые не распространяется *закон о заложенных имениях*; *билль об аренде*, который исправляет и кодифицирует свыше шестидесяти парламентских актов, воспрепятствующих заключению арендных сделок на 21 год, регламентирует положение о компенсации арендатора за произведенные им мелиоративные работы во всех случаях, когда существуют соответствующие договоры, и запрещает переуступку арендованной земли другому арендатору; наконец, *билль о компенсации арендатора за мелиоративные работы*, относящийся к тем случаям, когда они произведены арендатором без какого-либо договора с лендлордом, и содержащий пункт об обратном действии этой меры. Палата лордов не могла, конечно, возражать против парламентского вмешательства в отношения между лендлордом и арендатором, ибо со времени Эдуарда IV и до нынешнего дня она не скупилась на законодательные акты по этому вопросу, да и самое ее существование основано на законах, касающихся поземельной собственности, каков, например, *закон о порядке наследования*. Но на сей раз благородные лорды, выступающие судьями в своем собственном деле, дали волю столь бурному негодованию, какого трудно было ожидать в этой богадельне для инвалидов. «Такой законопроект, — воскликнул граф Кланрикард, — как билль о компенсации арендаторов, такое полнейшее нарушение всех договоров никогда еще, насколько мне известно, не предлагалось на утверждение парламенту, и я до сих пор не слышал, чтобы какое-либо правительство решалось выступить с мерой, подобной той, которая содержится в ретроспективных параграфах этого законопроекта». Лорды дошли до того, что пригрозили королю отказом от своей феодальной клятвы на верность и намекнули на возможность бунта лендлордов в Ирландии. «Вопрос, — заметил тот же граф, — идет уже прямо о *сохранении лояльности ирландских*

землевладельцев и их доверии к английскому правительству. Если они увидят поземельную собственность в Ирландии в подобном положении, то что, хотел бы я знать, сможет обеспечить их преданность короне и повиновение ее верховной власти?» Тише, милорд, тише! Что сможет обеспечить их повиновение верховной власти короны?—Один магистрат и два констебля. Бунт лендлордов в Великобритании! Можно ли себе представить более чудовищный анахронизм? Но уже давно бедные лорды живут одними анахронизмами. Они, конечно, подталкивают друг друга на сопротивление Нижней палате и общественному мнению. «Да не допустит Верхняя палата, — сказал старый лорд Сен-Леонардс, — из страха перед так называемой *коллизией* с другой палатой, или в погоне за популярностью, или под давлением извне, принятия столь несовершенных мер, как эти». «Я не принадлежу ни к какой партии, — воскликнул граф Роден, — но я крайне заинтересован в благоденствии Ирландии». Другими словами, наш лорд предполагает, что Ирландия крайне заинтересована в благоденствии графа Родена. «Это вопрос не партийный, а вопрос достоинства лордов»,—таков был единодушный клич палаты, и так это было на самом деле. Но между обеими партиями, между лордами-вигами и лордами-торями, между коалиционными и оппозиционными лордами, было с самого начала тайное соглашение похоронить законопроект, и вся бурная дискуссия была чистейшим фарсом, инсценированным ради газетных репортеров.

Это станет совершенно ясно, если вспомнить, что настоящим автором законопроектов, явившихся предметом столь бурных прений, был не коалиционный кабинет, а г-н Непир, генеральный прокурор Ирландии в министерстве Дерби, и что на последних выборах в Ирландии тории ссылались на эти внесенные ими законопроекты. Единственное существенное изменение, внесенное палатой в предположения торийского правительства, состояло в запрещении налагать арест на еще незрелый урожай. «Законопроекты изменены!» — воскликнул граф Мальмсбери и тут же спросил герцога Ньюкестля, верит ли он ему. — «Конечно, нет», — ответил герцог. «Чьим же словам вы поверили бы?» — «Словам г-на Непира», — был ответ. — «Так вот вам, — сказал граф, — письмо г-на Непира, подтверждающее, что законопроекты изменены». — «А вот, — возразил герцог, — другое письмо г-на Непира, подтверждающее, что это те же законопроекты».

Если бы тории остались у власти, коалиционные лорды голосовали бы против ирландских законопроектов. Но при коалиционном министерстве тории сами должны были выступить против своих соб-

ственных предложений. Коалиция, унаследовавшая эти законопроекты от торигов и введшая в свой кабинет представителей ирландской партии, не могла, конечно, возражать против законопроектов в палате общин, но она была уверена в их провале в палате лордов. Герцог Ньюкестль выступил с притворным протестом, но лорд Эбердин заявил, что будет удовлетворен, если законопроекты пройдут через второе чтение (т. е. фактически будут выброшены за борт в текущую сессию). Так оно и было сделано. Лорд Дерби, глава бывшего кабинета, и лорд Ленсдоун, номинальный председатель нынешнего министерства, а вместе с тем один из крупнейших землевладельцев Ирландии, благоразумно отсутствовали, сославшись на нездоровье.

В тот же день палата общин провела *билль о налоге на наемные экипажи* через третье чтение, возобновив официальную таксу XIV века и приняв предложенную г-ном В. Скелли поправку об объявлении забастовок извозчиков уголовным преступлением. Мы не можем останавливаться здесь на вопросе о вмешательстве государства в частные отношения. Отметим только, что все это произошло в фритредерской палате. Правда, она утверждает, что в области извозного промысла мы имеем монополию, а не свободную конкуренцию. Странная логика! Сначала определенный промысел облагают налогом в форме так называемых лицензий и устанавливают для него особые полицейские правила, а потом заявляют, что этот промысел, именно ввиду принятых мер, потерял свой свободный характер и превратился в государственную монополию.

Билль о ссылке тоже прошел через комиссию. За исключением небольшого числа приговоренных к каторжным работам, которые будут попрежнему ссылаться в Западную Австралию, наказание ссылкой этим биллем отменяется. Отбыв предварительное заключение, преступники будут получать временные свидетельства на право проживания в Англии и будут использованы для общественных работ с оплатой по ставкам, определяемым правительством. Филантропической целью этой последней меры является создание искусственного излишка на рынке труда посредством конкуренции между принудительным и свободным трудом; те же филантропы воспрепятствуют, однако, всякое участие в производительном труде бедным из работных домов, боясь создать конкурентов частному капиталу.

ПОЛОЖЕНИЕ В АНГЛИИ. — ЗАБАСТОВКИ УТЛЕКОПОВ.

Лондон, 23 августа 1853 г.

Парламентская сессия 1853 г. закрылась в прошлую субботу, — парламент распущен до 27 ноября. Комиссией была оглашена весьма бесцветная и бессодержательная речь, долженствовавшая представлять собою послание королевы. В ответ на запрос г-на Мильнза лорд Пальмерстон заверил парламент, что он может разойтись вполне спокойно, поскольку дело касается эвакуации княжеств, но, впрочем, не дал другой гарантии, кроме «своей веры в личную честность русского императора», которая-де побудит его вывести свои войска из княжеств *добровольно*. Коалиционный кабинет отплатил, таким образом, лорду Пальмерстону за его речь против г-на Кобдена, принудив его торжественно заявить о своей «вере в личную честность» царя. Тот же Пальмерстон принял в тот же день депутацию от аристократической фракции польской эмиграции в Париже и от ее филиального отделения в Лондоне, преподнесшую лорду адрес и золотые, серебряные и бронзовые медальоны с портретами князя Адама Чарторыйского в знак благодарности за то, что он протестовал в 1846 г. против захвата Кракова Австрией и вообще проявлял сочувствие к польскому делу. Неизбежный лорд Дедли Стюарт, покровитель лондонского филиала парижского общества, выполнял, конечно, роль церемониймейстера. Лорд Пальмерстон заверил посетивших его простаков «в своем глубоком интересе к польской истории, которая была чрезвычайно тяжелой». При этом благородный лорд не преминул отметить, что он говорит не как член кабинета, а принимает их лишь как частный человек.

Первая половина затянувшейся сессии 1853 г. была заполнена агонией министерства Дерби, образованием и окончательной победой коалиционного кабинета и пасхальными каникулами парламента. Что касается делового содержания сессии, то его наиболее замечательными чертами было разложение всех старых политических партий, коррупция депутатов и окаменение привилегированных из-

бирательных округов, в чем проявился своеобразный характер работы правительства, которое приняло в свое лоно все оттенки мнений и все таланты официального мира, провозгласило оторочку как метод разрешения всех вопросов, пыталось устранить все трудности при помощи полумер, кормило обещаниями, объявило действие своего рода завещанием, свидетельствующим о слабоумии завещателя». Оно брало обратно, видоизменяло, нарушало свои собственные законопроекты тотчас же после их внесения, жило наследием своих предшественников, которых жестоко клеймило, оставляло инициативу правительственной деятельности в руках палаты, которую должно было руководить, и потерпело неизбежное банкротство в тех немногих законодательных актах, от авторства которых оно не отказывается. Так, парламентская реформа, реформа народного образования и законодательная реформа (если не считать некоторых мелочей) были отложены. Законопроекты о ссылке, о навигации и пр. остались в наследство от кабинета Дерби. Билль о фондах канадского духовенства был совершенно изуродован самим правительством через несколько дней после его внесения. В области бюджета закон о наследовании был предложен канцлером казначейства, который перед тем сам же голосовал против него. Закон о газетных объявлениях был проведен канцлером лишь после того, как его оппозиция против этого закона дважды провалилась в палате. Новое положение о системе лицензий было в конце концов утверждено, подвергшись предварительно целому ряду изменений. Предложенное г-ном Гладстоном с претензией на некий большой план, это положение, вполне достойное бюджета в целом, оказалось в окончательно принятом палатой виде жалкой заплатой, простым конгломератом случайных, бессвязных и противоречивых мелких статей. Единственная важная черта индийского билля — невозобновление хартии Компании — была внесена министрами лишь после того, как они предварительно заявили о продлении хартии на 20 лет. Два закона, автором которых действительно является министерство всех талантов, — об извозчиках и конверсии государственного долга, — не успели перешагнуть через порог палаты, как уже были освистаны широкой публикой. Иностранная политика «самого сильного из когда-либо бывших английских правительств» была, по признанию его собственных сторонников, апогеем беспомощности и бессильных штатаний. Тем не менее, Чешемский договор, заключенный пилевской бюрократией, вигскими олигархами и псевдо-радикалами, укреплялся все больше под влиянием грозного оборота, который принимало внешнее положение, и еще более грозных симптомов народного недовольства

внутри страны, — недовольства, выразившегося в небывалой интенсивности и широте размаха забастовок и в возрождении чартистской агитации. При оценке внешней политики правящих классов и кабинета мы не должны также упускать из виду возможность войны с Россией, с таящимся за ней призраком революционного пожара на континенте, который в настоящий момент легко может найти роковой отклик среди широких масс Великобритании.

Что касается палаты лордов, то ее работу можно резюмировать в очень коротких словах. Она проявила свое ханжество отклонением билля о еврейской эмансипации, свою враждебность к трудящимся классам — погребением билля о рабочих ассоциациях, свою корыстную ненависть к ирландскому народу — сдачей в архив ирландских земельных биллей, наконец свое тупое пристрастие к злоупотреблениям в Индии — восстановлением соляной монополии. Палата лордов все время действовала в тайном сговоре с правительством, которому она обещала, что если какое-либо прогрессивное мероприятие случайно пройдет через Нижнюю палату, оно будет немедленно похоронено просвещенными лордами.

Среди документов, представленных парламенту до его роспуска, имеется объемистая переписка между английским и русским правительствами по вопросу о нарушении судоходства в Сулинском устье Дуная. Переписка начинается с 9 февраля 1849 г. и заканчивается в июле 1853 г. без всяких практических результатов. Дело дошло до того, что даже австрийское правительство вынуждено объявить о невозможности дальнейшего судоходства в устье Дуная и о том, что его почтовые посылки в Константинополь будут впредь направляться через Триест. Вся беда произошла от потворства англичан московским захватчикам. В 1836 г. английское правительство признало узурпаторский захват дунайского устья Россией, предварительно предписав одной коммерческой фирме сопротивляться действиям чиновников русского правительства.

Так называемый мирный договор с Бирмой, о котором возвестила прокламация генерал-губернатора Индии от 30 июня 1853 г. и с которым королева сочла нужным поздравить парламент, есть на самом деле только перемирие. Король Авы, взятый измором, выразил желание прекратить военные действия, освободил английских пленников, попросил о снятии речной блокады и запретил своим войскам нападать на территории Мекадей и Тунгао, где стоят гарнизоны английского правительства (так же, как турецкое правительство запретило своим войскам атаковать русские войска в дунайских княжествах); но он не признает притязаний Англии на Пегу или

какую-либо другую часть бирманской империи. Одного только добились Англия в настоящей борьбе: из признанной и спокойной ее индийская граница превратилась в опасную и спорную. Англия вышла за этнографические, географические и политические пределы своих индийских владений, и теперь даже Небесная империя уж не составляет естественной преграды для ее завоевательного натиска. Англия потеряла свой центр тяжести в Азии и устремилась в бесконечность. Она не владеет больше своими собственными движениями, не имея перед собой другой границы, кроме той черты, где суша переходит в море. Ей суждено, повидимому, открыть отдаленнейший Восток для сношений с Западом, но не удастся использовать и удержать эти сношения в своих руках.

Крупные забастовки углекопов в Южном Уэльсе не только продолжаются, но и вызвали новые забастовки среди рабочих, занятых в железных рудниках. Ожидается всеобщая забастовка моряков к моменту вступления в силу билля о торговом судоходстве, который, как утверждают английские моряки, разрешает прием иностранцев только в целях снижения заработной платы. Значение настоящих стачек, на которое я не раз обращал внимание ваших читателей, начинает теперь понимать даже лондонская буржуазная пресса. Так, «Weekly Times» в номере от прошлой субботы пишет:

«Отношения между работодателями и рабочими чрезвычайно обострились. Рабочие по всей стране схватили за горло капитал, и можно с полной уверенностью утверждать, что столкновение только начинается. Трудящиеся классы твердо решили испытать свои силы. Пока еще агитация ограничивается разрозненными стычками, но, судя по многим признакам, уже недалек день, когда эта партизанская война превратится в систематический всеобщий и объединенный поход против капитала».

ПОВЫШЕНИЕ ХЛЕБНЫХ ЦЕН.—ХОЛЕРА.—ЗАБАСТОВКИ.— ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ МОРЯКОВ.

Лондон, 30 августа 1853 г.

«Бреславльская газета» сообщает, что вывоз хлеба из Валахии окончательно запрещен.

В настоящее время назревает вопрос несколько более важный, чем восточный, а именно вопрос продовольственный. Цены на хлеб поднялись в Кенигсберге, Штеттине, Данциге, Ростове, Кельне, Гамбурге, Роттердаме и Антверпене и, само собой разумеется, на всех значительных рынках. На главных провинциальных рынках Англии пшеница поднялась с 4 до 6 шиллингов за квартал. Все повышающаяся стоимость пшеницы и ржи в Бельгии и Франции и связанная с этим дороговизна хлеба вызывают серьезные опасения. Французское правительство закупает зерно в Англии, в Одессе и в Прибалтике. Исчерпывающие сведения о размере урожая в Англии не будут получены ранее следующей недели. Заболевание картофеля более распространено здесь, чем в Ирландии. Вывоз зерна запрещен всеми итальянскими правительствами, включая и ломбардское.

В течение прошлой недели в Лондоне были обнаружены случаи несомненной азиатской холеры. Мы также слышали, что холера достигла теперь Берлина.

Бои между трудом и капиталом, между заработной платой и прибылью продолжают. В Лондоне имели место новые забастовки среди угольщиков, парикмахеров, портных, дамских сапожников, рабочих, обтягивающих зонтики, белошвеек и других рабочих, занятых в торговле готовым платьем и оптовых экспортных фирмах. Вчера объявили забастовку многочисленные каменщики, а также поденщики, работающие на Темзе по доставке грузов со складов на речные суда. Забастовка углекопов и металлистов в Южном Уэльсе продолжается. К этому перечню нужно еще прибавить новую забастовку углекопов в Ризолвене и пр., и пр.

Было бы утомительно перечислять в каждом из моих писем различные забастовки, сведения о которых поступают ко мне ежене-

дельно. Поэтому я буду лишь по временам отмечать те из них, которые, благодаря своим отличительным чертам, обращают на себя внимание. Среди них можно отметить хотя и не совсем еще забастовку, а пока лишь рассматриваемый в суде конфликт между полицейскими констеблями и их начальником, сэром Ричардом Майном. Сэр Ричард Майн в своем циркуляре, адресованном в различные отделы столичной полиции, запретил полицейским собираться на митинги или объединяться, в то же время заявляя, что он сам охотно будет разбирать каждую индивидуальную жалобу. Полицейские ответили ему, что считают право собраний неотъемлемым правом англичан. Сэр Майн напомнил им, что их оклады были установлены в то время, когда предметы продовольствия были много дороже, чем в настоящее время. Они ответили, что «их претензия основывается не только на дороговизне провизии, но опирается на уверенность в том, что кожа и кости не так дешевы, как они были раньше».

Самым интересным явлением во всей этой истории забастовок является декларация, выпущенная «Объединенной дружеской ассоциацией моряков» и именуемая ими биллем о правах англо-саксонских моряков. Декларация касается закона о торговом судоходстве, аннулирующего статью навигационного акта, согласно которой британские судовладельцы обязывались иметь в составе корабельной команды по крайней мере три четверти британских подданных. Закон о торговом судоходстве открывает доступ в каботажное судоходство иностранным морякам даже там, где закрыт доступ иностранным судам. Матросы заявляют, что это не билль о правах моряков, а билль о правах судовладельцев. Ни с кем, кроме судовладельцев, при этом не советовались. Статья о комплектовании действовала сдерживающим образом на хозяев в их обращении с командами и в их продовольствовании. Новый закон отдает команду всецело во власть любого плохого капитана. Новый закон опирается на положение, согласно которому «все 17 000 хозяев — люди благожелательные, исполненные великодушия, милосердия и мягкости, а все моряки — люди неукротимые, неблагоприятные и от природы злые». Они заявляют, что в то время, как владельцы могут вести свои корабли, куда им заблагорассудится, они, моряки, принуждены применять свой труд только в пределах собственной страны, ибо правительство отменило навигационный акт, не озаботившись предварительно выговорить также для них право наниматься на иностранные суда. «Так как парламент принес моряков в жертву судовладельцам, мы, как класс, должны объединиться и сами отстаивать свои интересы». Меры к этому сводятся главным образом к желанию моряков

восстановить в части, их касающейся, статью о комплектовании, причем они в то же время заявляют, «что моряки Соединенных Штатов Америки должны рассматриваться как британцы, что к ним надо обратиться с призывом помочь их союзу. Поскольку же после 1 октября, когда войдет в силу этот закон, у англичан не будет больше преимущества в отношении плавания, и, наоборот, служба на британских судах в мирное время в качестве иностранцев гарантирует свободу от набора и от обязанности служить во время войны во флоте ее величества, и так как обладание американской свободой дает гораздо большую защиту во время мира, то моряки будут обзаводиться удостоверениями о гражданстве Соединенных Штатов по прибытии в любой порт этой республики».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. — АНГЛИЙСКИЙ БАНК. — НЕХВАТКА ХЛЕБА В ЕВРОПЕ.

Лондон, 13 сентября 1853 г.

«Sunday Times» опубликовал в последнем номере депешу лорда Кларендона сэру Г. Сеймуру, являющуюся ответом на ноту графа Нессельроде от 2 июня. Депеша помечена 16 июля. Она представляет собой простую копию ответа г-на Друэн-де-Люиса. Автор одной корреспонденции в «Leader» от прошлой субботы высказывает следующие остроумные соображения об «антагонизме» между лордами Эбердином и Пальмерстоном.

«Лорд Эбердин никогда не мог понять притворства лорда Пальмерстона; он не видит, что благодаря этому притворству *лорд Пальмерстон умел беспрепятственно проводить руссофильскую политику даже лучше, чем сам лорд Эбердин.* Лорд Пальмерстон скрывает цинизм под маской компромисса... Лорд Эбердин, в противоположность лорду Пальмерстону, выражал свои убеждения открыто... Лорд Пальмерстон понимает, а лорд Эбердин не понимает выгоды от разговоров об интервенции при одновременном отказе от нее на деле... Лорд Эбердин знает, на основании своего близкого знакомства с правящими классами, как добываются парламентские места и как покупаются голоса избирателей, и поэтому он не считает английскую конституцию наиболее совершенным из человеческих учреждений; и, полагая, что население континентальной Европы не отличается большими достоинствами или большей честностью, чем население Великобритании, он не настаивает перед континентальными правительствами на отмене патриархального деспотизма в пользу самоуправления господствующих классов... Лорд Эбердин знает, что мощь Англии построена на покорении других национальностей, и с презрением отвергает иностранную политику, претендующую насаждать мир среди борющихся между собой народов. Лорд Эбердин не видит, почему Англия, завоевавшая и разорившая Индию и держащая ее под своей пятой ради блага самой же Индии, должна ненавидеть царя Николая, который является добрым деспотом для России и,

конечно, держит Польшу под своей пятой ради блага самой Польши. Лорд Эбердин не понимает, почему Англия, раздавившая мелкие восстания в Ирландии, должна фанатически ненавидеть Австрию за разгром Венгрии; и зная, что Англия насильно навязывает Ирландии чуждую ей церковь, он вполне понимает усердные старания папы посадить кардинала Уайзмана в Вестминстер. Он знает, что мы вели войну с кафрами, и не считает Николая негодяем за то, что он губит своих солдат в кавказских ущельях; он знает, что мы периодически высылаем мятежных Митчеллей и О'Бриенов в страну Ван-Димена, и не ужасается тому, что Луи-Наполеон устроил каторгу в Кайенне. Когда ему приходится писать неаполитанскому правительству о сицилийских делах, он не погружается в бездны эстетического либерализма, так как он помнит, что Великобритания имеет своего проконсула в Корфу...

«Хорошая эта вещь — коалиционное правительство, в котором есть и лорд Эбердин для русофильских *действий*, и лорд Пальмерстон — для *речей* в духе бермондсеевской *политики*».

В доказательство того, что я не преуменьшил героизм Швейцарии, сошлюсь на письмо, отправленное ее союзным советом правительству Тичино. В этом письме говорится, что «дело капуцинов представляет собой чисто кантональный вопрос и что, следовательно, кантон Тичино сам должен решить, будет ли для него целесообразнее сопротивляться и продолжать испытывать на себе суровые меры Австрии или же обратиться к австрийскому правительству с просьбой о возобновлении переговоров». Швейцарский союзный совет пытается, таким образом, свести свой спор с Австрией к размерам простого кантонального дела. Тот же совет издал только что приказ о высылке итальянцев Клементи, Кассолы и Грилланцони, хотя присяжные заседатели в Хуре признали их невиновными в содействии миланскому восстанию посредством перевозки оружия через тичинскую границу.

Поддержка, оказываемая англичанами Джагернаутскому храму, повидимому, все еще не прекращена окончательно. 5 мая 1852 г. советом директоров была отправлена следующая телеграмма губернатору Индии:

«Мы продолжаем считать, что желательно полное прекращение всяких связей английского правительства с храмом, и уполномочиваем вас поэтому принять соответствующие меры для недопущения какой бы то ни было периодической денежной поддержки храма в будущем, взамен чего должен быть произведен окончательный расчет в форме компенсации всем тем лицам, которые имеют на это

право, при достаточно широком толковании прошлых обязательств или соглашений».

Однако к 11 апреля 1853 г. индийским правительством еще ничего не было сделано в этом направлении, и вопрос до сих пор остается открытым.

Целая неделя ушла на правительственное расследование жестокостей, творящихся в Бирмингамской тюрьме, — жестокостей, которые довели нескольких заключенных до самоубийства, а других — до попыток покончить с собой. Поражаясь раскрытыми зверствами, которые не уступят жестокости в каком-нибудь австрийском или неаполитанском carcere duro (застенке), мы изумляемся в то же время и снисходительному доверию посетивших тюрьму властей к объяснениям, представленным им заинтересованной стороной, и их крайне бессердечному отношению к жертвам злодеяний. Их заботливость о варварском тюремщике дошла до того, что они регулярно предупреждали его о своем предстоящем посещении. Главный виновник злодейств, лейтенант Остин, принадлежит к числу тех, кого Карлейль назвал в своих «Model prisons» истинными начальниками бедняков и преступников.

Одним из злободневных вопросов является *этика железнодорожных компаний*. Правление Йоркширской и Ланкаширской линий специально извещает на железнодорожных билетах, что «в случае несчастного происшествия или повреждения, которое может произойти по его собственной небрежности или по небрежности его служащих, оно будет считать себя свободным от всякой юридической ответственности». В то же время правление Бирмингамской и Шрюсберийской железной дороги предстало в субботу перед судом вице-канцлера по обвинению в обмане своих собственных акционеров. Между Большой западной и Северо-Западной линиями идет борьба за поглощение упомянутой (Бирмингам — Шлюсбери) железной дороги. Большинство акционеров стоят за слияние с Северо-западной линией, а директора — за включение в состав Большой Западной дороги; и вот последние решили использовать некоторое количество принадлежащих им акций для приобретения фиктивных голосов. С этой целью акции были переданы ряду номинальных держателей, — иногда, повидимому, без согласия соответствующих лиц, а в одном случае даже девятилетнему ребенку, — и эти держатели, не интересуясь полученными акциями, передавали их затем обратно директорам, снабжая последних, как номинальные акционеры, определенным количеством голосов для обеспечения большинства в пользу объединения с Большой Западной линией. Ученый судья,

судивший директоров, заметил, что «более вопиющего и более грубого обмана нельзя себе представить, а способ, каким план был приведен в исполнение, еще того грубее». С этим напутственным замечанием он отпустил виновных, как это обычно бывает по отношению к преступникам из буржуазии, тогда как какой-нибудь жалкий бедняга из пролетариата может быть уверен, что его пошлют на каторгу, если покража превышает пять фунтов.

Любопытно наблюдать, как английское общественное мнение мечет громы и молнии своего нравственного негодования то против фабрикантов, то против шахтовладельцев, то против мелких торговцев фальсифицированными лекарствами, а то против владельцев железных дорог, заменивших собою прежних разбойников с большой дороги, — словом, против всех капиталистических групп. В конце концов у капитала есть, очевидно, своя собственная мораль, нечто вроде высшего *raison d'être* (оправдание бытия), обыкновенная же мораль считается обязательной только для бедняков.

Парламентские реформаторы из манчестерцев попали в невеселое положение. Разоблачения о ходе последних выборов касались почти исключительно городов и в том числе таких крупных, как Гульль, Ливерпуль, Кембридж и Кентербери. Либеральный маклер по избирательным делам, г-н Коппок, признался в припадке откровенности: «Каков был Сент-Албанс, таковы же и все остальные города». Теперь олигархия задумала использовать эти разоблачения для проведения реформы в пользу графств за счет городов. Манчестерские реформаторы, которые добиваются расширения избирательного права не вообще, а лишь в пределах городов, должны были прикусить язык при таком предложении. Жалко смотреть, как их орган, «Daily News», старается выпутаться из этого затруднения.

14 января 1846 г. средняя норма процента Английского банка поднята была до $3\frac{1}{2}\%$. Но известно, что за последние три недели апреля 1847 г. почти все кредитные операции замерли. В 1853 г. повышение средней нормы процента шло несравненно быстрее. С 2%, на каком уровне она находилась к 24 апреля 1852 г., она поднялась до $2\frac{1}{2}\%$ к 8 января 1853 г., до 3% — к 22 числу того же месяца, до $3\frac{1}{2}\%$ — к 4 июня, до 4% — к 1 сентября, и уже ходят слухи по городу, что она скоро поднимется до 5%.

В ноябре 1846 г. средняя цена пшеницы была 56 шилл. 9 пенс. за квартал; за последние недели августа 1853 г. она возросла до 65 — 66. Около этого времени в прошлом году в подвалах Английского банка

было	21 852 000 ф. ст.
имеется теперь	16 500 068 " »
<hr/>	
разница составляет	5 351 932 ф. ст.

Золотой запас сократился за предыдущую неделю на 208 875 ф. ст., а за истекшую — на 462 852 ф. ст. Это оказало немедленное действие на цены на фондовой бирже, и котировка ценных бумаг неизменно идет на понижение. В финансовом бюллетене «Times'a» от прошлой пятницы мы читаем:

«Несмотря на депрессию, на фондовом рынке казначейские обязательства продолжают учитываться из 2%, с премией в 1%, но остается впечатление, что причиной здесь является лорд-канцлер казначейства, покупающий их на правительственный счет и продающий, за отсутствием каких-либо других фондов для этой операции, трехпроцентные бумаги за счет сберегательных касс».

Это было бы шедевром со стороны господина Гладстона — продавать консоли по низкому курсу и покупать казначейские обязательства по высокому, причинять убытки в половину доходности трехпроцентных бумаг, конвертируя их в казначейские обязательства, приносящие не многим более 1½%.

Как можно совместить неблагоприятный курс или уменьшение золотого запаса с небывалым ростом британского экспорта, который в конце года превзойдет на 16 млн. ф. ст. даже экспорт 1852 г.?

«Так как мы предоставляем кредит всему миру в наших портах и платим наличными за наш импорт, то широта распространения нашей торговли необходимо должна когда-нибудь привести к значительному неблагоприятному для нас балансу платежей в данный момент, но все эти платежи должны будут к нам вернуться, когда истечет срок кредита по нашему экспорту и за него нам должны будут переводить деньги».

Так говорит «Economist». Согласно этой теории, если в 1854 г. экспорт превзойдет экспорт 1853 г., то вексельный курс должен будет стать неблагоприятным для Англии, и коммерческий кризис будет единственным регулирующим средством. «Economist» полагает, что крахи, подобные крахам 1847 г., стоят вне обсуждения, так как в настоящее время значительные капиталы не вкладываются в железные дороги и т. п., как это имело место тогда. Он забывает, что капиталы вкладываются в фабрики, машины, пароходы и т. п. С другой стороны, «Economist» жалуется на «бессмысленные вложения в иностранные железные дороги и другие компании весьма сомнительного характера». «Economist» полагает, что крупные коммерческие

операции, поскольку речь идет о Европе, могут испытать спасительную задержку вследствие высоких цен на хлеб, но что *Америка и Австралия* и т. д. надежны. «Times» уверяет в то же самое время, что напряженность нью-йоркского денежного рынка вызовет *спасительную задержку* в американских операциях. «Мы не должны рассчитывать на те размеры заказов из Соединенных Штатов, которыми мы до сих пор привыкли располагать», — восклицает «Leader». Остается Австралия. Здесь выступает «Observer»:

«Экспорт был расширен вопреки здравому смыслу. По поводу 74 000 тонн морских грузов, полученных теперь в Лондоне для южных колоний, даваемые нами неблагоприятные сведения из Аделаиды, Мельбурна и т. д. получают свое подтверждение. Нельзя отрицать, что теперешние перспективы не являются обнадеживающими».

Что касается китайского рынка, то все отчеты единодушны в том пункте, что там имеется большое стремление продавать, но столь же большое нежелание покупать, поскольку драгоценные металлы припрятаны; и не может быть и речи о каком-либо изменении этого положения вещей, пока революционное движение в этой чудовищной империи не придет к концу.

А внутренний рынок?

«Большое число машинных ткачей в Манчестере и его окрестностях последовали примеру Стокпорта, забастовав с целью повышения своей заработной платы на 10%... Руководители фабрики найдут, вероятно, что вопрос заключается не в том, будет ли прибавлено 10%, но в том, не сократят ли фабриканты работу для того, чтобы остаться при прежнем уровне заработной платы».

В таких недвусмысленных выражениях «Morning Chronicle» предупреждает о надвигающемся кризисе внутреннего рынка.

Я уже не раз говорил об огромном расширении старых фабрик и неслыханно быстром росте новых фабрик. Я сообщил вам о некоторых вновь построенных заводах, образующих теперь целые промышленные города. Я отметил, что никогда прежде такое количество свободного капитала, накопленного в период процветания, не вкладывалось непосредственно в промышленные предприятия. Сопоставьте теперь эти факты, с одной стороны, и симптомы перенасыщенности внутренних и внешних рынков, с другой, и не забудьте при этом, что неблагоприятные условия обмена — вернейший путь к устремлению избыточного экспорта на заграничные рынки.

Но главнейшей причиной, которая приведет к взрыву давно накапливавшиеся элементы большого торгового и промышленного кризиса, явится неурожай. Для всех других продуктов вздорожание

влечет за собой падение спроса; но когда повышается в цене хлеб, это вызывает лишь еще больший спрос на него и обесценивает все остальные товары. Самые цивилизованные народы, как и самые первобытные дикари, должны прежде всего обеспечить себя питанием, чтобы иметь возможность заботиться о чем-нибудь другом; материальные богатства и цивилизация возрастают обыкновенно в такой же мере, в какой сокращаются труд и издержки, потребные для производства средств питания. Общий неурожай приводит сам по себе к общему сужению рынков, внутренних и внешних. А урожай нынешнего года в южной части Европы, в Италии, Бельгии, Рейнской Пруссии по меньшей мере так же плох, как в 1846—1847 гг.; на северо-западе и северо-востоке он тоже не обещает ничего хорошего. Что же касается Англии, то вот что пишет «Marklane Express», этот «Moniteur» лондонской хлебной биржи, в номере от прошлой недели:

«Не подлежит никакому сомнению, что сбор пшеницы в Соединенном королевстве будет в этом году наименьшим за длинный ряд лет. Урожай будет гораздо ниже среднего почти во всех частях королевства; а кроме того надо еще помнить, что посевная площадь была в этом году по крайней мере на одну четверть меньше обычных размеров вследствие неблагоприятных условий погоды во время сева».

Этой беде не поможешь ни судорожными торговыми усилиями, ни промышленным перепроизводством, ни иллюзией, будто свобода торговли покончила раз навсегда с опасными последствиями неурожая. Наоборот. «Собственники, — замечает тот же «Marklane Express», — все еще не могут освоиться с мыслью о нехватке хлеба при режиме свободной торговли. Поэтому лишь немногие склонны делать крупные запасы. Если нужда заставит нас ввозить хлеб в большем количестве, нам вероятно придется *дорого* платить за него».

Во вчерашнем номере «Marklane Express» добавляет:

«За границей так много хлеба еще на корню, что состояние погоды в ближайшие недели должно будет оказать большое влияние на хлебную торговлю. Качество неснятых хлебов уже заметно пострадало от последних дождей, и если сырая погода простоят еще некоторое время, это может повлечь за собой огромные бедствия... Окончательный итог урожая грозит оказаться еще менее удовлетворительным, чем можно было думать недели две тому назад... Известия, полученные нами за последние дни о состоянии *картофеля*, менее благоприятны, чем прежние сведения... Несмотря на огромные количества хлеба, ввезенного на прошлой неделе из-за границы (88 833 квартера), цены понизились лишь немного, упав со своей высшей точки не больше чем на 1—2 шиллинга с квартера...

Вероятные итоги урожая в балтийских странах в общем неблагоприятны... Согласно последним данным, пшеница шла по 60 шиллингов франко корабль в Данциге, по 56 шилл. 9 пенсов — в Кенигсберге, по 54 шилл. — в Штеттине, по 58 шилл. — в Ростоке.

Последствия дороговизны уже начинают сказываться, как в 1847 г., и в политической области. В Неаполе городские власти не имеют возможности нанимать рабочих для общественных работ, у казны нет средств для содержания чиновников. В папских владениях — в Толеттино, Терви, Равенне и Трастевере — произошел ряд серьезных бунтов, отнюдь не усмирненных недавними арестами, вторжением австрийцев и угрозой палочной расправой. В Ломбардии графу Страссольдио не удастся предотвратить политические последствия дороговизны и промышленного застоя введением дополнительного налога в 6 $\frac{1}{2}$ крейцеров с флорина, который должен быть взыскан к 20 сентября и 10 октября со всех плательщиков прямых налогов, включая подоходный налог и налог на жалованье. О крайне тяжелом положении Австрии говорит новый заем, выпущенный ею с обычным объяснением, что государству нужны деньги только ввиду расходов по сокращению армии. О лихорадочной озабоченности Франции можно судить по ее лживым отчетам об урожае, по введенной в Париже таксе на хлеб и по громадным закупкам хлеба на всех зарубежных рынках. Провинция недовольна тем, что Бонапарт кормит Париж за ее счет; буржуазия недовольна тем, что он вмешивается в торговлю в интересах пролетариев; пролетарии недовольны тем, что он дает солдатам белый хлеб вместо черного в такой момент, когда крестьянам и рабочим грозит опасность остаться совсем без хлеба; наконец, солдаты недовольны унижительной, антинациональной позицией Франции в восточном вопросе. В Бельгии вспыхнул ряд бунтов в ответ на нелепую роскошь, с какой Кобурги чествовали австрийскую эрцгерцогиню. В Пруссии правительство растерялось настолько, что для вида арестовало нескольких хлебо-торговцев; начальник полиции, перед которым они предстали, «предложил» им продавать хлеб по «справедливой» цене.

В заключение выскажу еще раз свою уверенность, что взрыв будет вызван не красноречием демагогов и не нотами дипломатов, — надвигающиеся экономические бедствия и социальные конвульсии являются вернейшими предвестниками европейской революции. С 1849 г. торговый и промышленный подъем был тем ложем, на котором безмятежно спала контр-революция.

СИМПТОМЫ ПРОМЫШЛЕННОГО КРИЗИСА.

Лондон, 23 сентября 1853 г.

Удивительная перемена произошла в промышленных районах за последние четыре недели. В июле и в начале августа все сияло благополучием, лишь слегка омрачившимся отдаленной тучкой «восточного вопроса» и, пожалуй, несколько больше — страхом, как бы недостаток рабочих рук не помешал нашим хлопчатобумажным лордам исчерпать до конца огромные возможности рисовавшихся им прибыльных дел. Восточный вопрос как будто уладился; урожай мог, конечно, оказаться не совсем удовлетворительным, но на то ведь и существует свободная торговля, чтобы держать цены на низком уровне с помощью неиссякаемых американских, черноморских и балтийских запасов. Изо дня в день спрос на фабричные изделия повышался. Калифорния и Австралия изливали потоки своего золота в лоно британской промышленности. «Times», позабыв про Мальтуса и про свои собственные недавние разглагольствования о перенаселении, начал серьезно обсуждать вопрос, не приведет ли недостаток рабочих рук и вызванное им повышение заработной платы к соответствующему росту издержек производства английских промышленников и в результате к срыву промышленного процветания, если вовремя не явятся с континента рабочие-эмигранты. Трудящимся классам — уверяют предприниматели — сейчас *слишком хорошо*, настолько, что их требования уже не знают никаких пределов и их «бесстыдство» становится несноснее с каждым днем. Но это уже само по себе свидетельствует об огромном, неслыханном процветании страны; а в чем может заключаться причина этого процветания, если не в свободной торговле? Но важнее всего — уверенность в том, что вся эта гигантская торгово-промышленная деятельность покоится на *здоровых* началах, что в ней нет места биржевому ажиотажу и безудержной спекуляции. Так говорили в один голос английские промышленники, и их действия соответствовали их убеждениям: они строили фабрики сотнями, заказывали паровые машины в тысячи лошадиных сил, заказывали сотни ткацких станков и сотни

тысяч прядильных веретен. Никогда машиностроительная промышленность не давала таких барышей, как в 1853 г. Предприятия, пришедшие в полный упадок после великой забастовки 1851 г., восстановили теперь свое оборудование и даже улучшили его; и я мог бы назвать не одну первоклассную и знаменитую машиностроительную фирму, которая никогда не оправилась бы от удара, нанесенного ей рабочими во время упомянутой стачки, если бы не этот небывалый размах промышленного оживления.

Приходится, однако, констатировать, что на ярком небе экономического процветания в настоящий момент появились темные тучи. Этому, без сомнения, не мало способствовал оборот, принятый восточным вопросом, но на внутренней, американской и колониальной торговле он отражается очень слабо. Повышение учетного процента не причина, а скорее симптом того, что в датском королевстве неблагоприятно. Что касается недорода и вздорожания продовольственных продуктов, то тут мы несомненно имеем причины, которые понизили и еще сильнее понизят спрос на промышленные изделия со стороны рынков, подверженных действию этих причин; среди них же на первом месте стоит внутренний рынок, этот важнейший центр сбыта британской промышленности. Однако повышение цен на продовольствие компенсируется пока в большинстве районов Англии и Шотландии, почти совсем или даже целиком, повышением заработной платы, так что едва ли можно говорить о заметном падении покупательной способности потребителя *как об уже совершившемся факте*. Повышение заработной платы подняло издержки производства в тех отраслях, в которых преобладает ручной труд; но благодаря большому спросу цены почти на все промышленные изделия далеко обогнали к августу рост издержек производства. Все перечисленные причины содействовали, конечно, ослаблению торговли; но сами по себе они еще не в состоянии объяснить ту тревогу, которая повсеместно охватила коммерческие круги промышленных районов.

Факт тот, что фритредерские иллюзии начинают рассеиваться и отважные промышленные авантюристы начинают смутно понимать, что экономические потрясения, торговые кризисы и повторения перепроизводства вовсе невозможны в стране свободной торговли, как они воображали. А перепроизводство было, есть и не может не быть, потому что *спекулятивные бумаги*, этот главный жупел «Manchester Guardian'a», тоже существуют и даже умножаются. Спрос на товары решительно падает, а их предложение возрастает с каждым днем. Пуск в ход большинства новых промышленных предприятий, и в том числе самых крупных, *только начинается*. Недостаток ра-

бочих рук, забастовки строителей, невозможность удовлетворить огромные заказы на машинное оборудование вызвали множество непредвиденных задержек в выпуске товаров и отсрочили на время появление тех симптомов промышленного полнокровия, которые без этого дали бы себя знать уже раньше. Так, фабрика г-на Т. Сольта близ Бредфорда, крупнейшее промышленное предприятие в мире, должна была открыться только на этой неделе, и пройдет еще не мало времени, прежде чем вся ее производительная способность полностью выявит себя на рынке. Очень многие из крупных новых предприятий в Ланкашире тоже не будут готовы для пуска в ход раньше зимы, а результат этого нового огромного прироста производительных сил скажется только весной и, может быть, даже еще позже. Согласно последним известиям из Мельбурна и Сиднея, на импортных рынках наблюдается большая вялость; отправка многих грузов откладывается на неопределенный срок. Что касается *сверхспекуляции*, то мы еще услышим о ней, когда будут опубликованы отчеты. Спекуляция распространилась в последнее время на такое множество самых разнообразных товаров, что она теперь меньше бросается в глаза, чем прежде, хотя спекулянты работают во-всю.

ПОВЫШЕНИЕ УЧЕТНОГО ПРОЦЕНТА. — НЕДОРОД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. — ЗАБАСТОВКИ. — АНТИРАБОЧАЯ ЛИГА.

Лондон, 7 октября 1853 г.

Банки Турина, Парижа, Берлина и Варшавы подняли свой учетный процент. Согласно банковскому отчету за прошлую неделю, золотой запас Английского банка понизился на 189 615 ф. ст., и размер его в настоящее время достигает лишь 15 680 783 ф. ст. Активное обращение банкнот снизилось примерно на 500 000 ф. ст., в то время как учет векселей повысился на 400 000 ф. ст., — совпадение, которое подтверждает высказанное мною в моем письме по поводу закона Пилля мнение, что сумма находящихся в обращении банкнот не повышается и не понижается пропорционально размеру совершаемых банковских операций.

Г-н Дорнбек заканчивает свой ежемесячный коммерческий циркуляр следующим образом.

«Политические события последней недели много способствовали беспокойству, царящему в хлебной торговле, благодаря все увеличивающимся сообщениям о недороде пшеницы, о распространении заболевания картофеля и о нехватке судового тоннажа. Мука в городах поднялась до 70 шиллингов за 280 фунтов, новая пшеница — до 80 шилл., при растущей учетной ставке, приближающейся к 5%. Большая тревога охватывает теперь хлебную торговлю. Вероятность войны на Востоке, запрещение вывоза зерна из Египта, выяснившийся недород пшеницы в Англии, распространение заболевания картофеля, падение иностранного ввоза (в особенности из Южной Европы), продолжающийся спрос из Франции, Бельгии и Голландии, — вот главные причины, которые снова подняли вверх цены на пшеницу, поднявшиеся на прошлой неделе от одного до шести шиллингов за квартал на главных провинциальных рынках. Обычно цены после уборки урожая имеют тенденцию падать вплоть до Рождества, в этом же году движение идет в обратном направлении... Цены за последние месяцы повышаются. Сейчас нет действительной нехватки хлеба ни в одной из частей нашей четверти земного шара.

Многие амбары, склады и сараи переполнены, и в некоторых морских портах нехватает складочных помещений. Поэтому постепенный рост цен за последнее время вызван был не теперешним недостатком хлеба, а предполагаемой нехваткой его в будущем вследствие недорода хлебов, причем ожидается, что последствия его начнут проявляться к концу года. Наступающая зима, по всей вероятности, окажется чреватой лишениями и нуждой... Преобладающее мнение таково, что цены будут продолжать расти, и хотя спекулянты продолжают «покупать и хранить», тенденция, повидимому, останется повышательной до будущей весны... Предполагаемый высокий уровень цен, который, повидимому, будет держаться наступающей зимой, послужит, по всей вероятности, будущей весной заманчивой приманкой для усиленного ввоза хлеба из различных отдаленных частей света, обычно остающихся недоступными благодаря дальности расстояний и дороговизне доставки. Будущей весной можно ожидать привоза из всевозможных частей мира. И та же самая причина, которая теперь способствует росту цен вследствие воздержания от продажи, начнет, с началом падения цен, понижать стоимость хлеба с интенсивностью, которая будет соответствовать тогдашнему стремлению держателей избавиться от своих запасов. Теперь все стремятся покупать, тогда же лозунгом станет — продажа. *Будущий год может оказаться таким же опасным и бедственным, как и 1847 год*».

На манчестерском рынке продолжается общая депрессия. По мере того, как сообщения, касающиеся Австралии, Китая, а также восточных осложнений, приобретают все более зловеший характер, растет беспокойство среди владельцев прядилен, среди фабрикантов и торговцев. Падение цен на пряжу и обыкновенные ткани в настоящее время колеблется от $\frac{7}{8}$ до 1 пенса на фунт, по сравнению с наивысшими ценами, существовавшими два месяца тому назад, что, примерно, в два раза превосходит падение цен на хлопок соответствующего достоинства, который понизился не больше, как на $\frac{1}{2}$ или $\frac{5}{8}$ пенса. Но даже при крайней скидке в 1 пенс владельцы находят продажу трудной, и запасы — пугало нашей симпатичной школы экономистов — продолжают расти. Само собой разумеется, нельзя ожидать, чтобы это скопление товаров возрастало очень быстро. В настоящее время как купцы, так и фабриканты, видя многие рынки забитыми, все же находят еще выход в переброске своих товаров на другие рынки, что ими как раз и *практикуется теперь в широких размерах*. Но бросить всю экспортную продукцию британской промышленности, достаточно обширной, чтобы затоплять, через периодические промежутки времени, весь мир, на несколько более

или менее ограниченных по своей емкости рынков — это значит неизбежно привести к состоянию пресыщения и к связанным с ним потрясениям те самые рынки, которые пока еще были здоровы. Так, сообщения о слегка улучшившемся положении в Индии, — куда все еще нельзя рассчитывать с выгодой вывозить и где можно разве только надеяться на уменьшение убытка по дальнейшему экспорту, — вызвали довольно значительное оживление сделок с этой страной частью за счет старых индусских фирм, частью за счет самих манчестерских прядильщиков и мануфактуристов, которые предпочли ухватиться даже за ничтожный шанс получения большей прибыли от спекулятивного экспорта в Индию, чем согласиться на убытки, связанные с продажей на *падающем рынке*. Должен сказать, что начиная с 1847 г. манчестерские прядильщики и мануфактуристы сами непосредственно отправляют большие партии товаров в Индию и другие страны, а на вырученные деньги закупают там колониальные товары, которые тоже сами продают либо в британской Северной Америке, либо в континентальных портах. Подобные спекуляции, конечно, не входят в обычный круг торговой деятельности фабрикантов, которые, естественно, даже наполовину не так хорошо осведомлены о состоянии рынков, как портовые купцы, но они нравятся бумагопрядильщикам, которые, предпринимая такие отдаленные операции, воображают, что осуществляют их заветные мечты о том, чтобы стать верховными руководителями и распорядителями промышленными и торговыми судьбами мира. И если бы эта спекуляция не связывала на срок от двенадцати до восемнадцати месяцев значительную долю свободных капиталов в промышленности, то не подлежит никакому сомнению, что рост фабрик в Англии за последние пять лет совершался бы гораздо более быстрым темпом.

На текстильном рынке отечественные изделия более других страдают от депрессии. Запасы продолжают расти, хотя значительное число ткацких станков остановлено. Правда, нельзя сказать, чтобы с другими товарами дело обстояло лучше.

Подобный же застой наблюдается в Лидсе, Бредфорде, Лейчестере и Ноттингэме. В последнем городе рабочее время было сокращено до десяти часов и даже до восьми часов в кружевном производстве. Чулочное производство подверглось депрессии еще в прошлом июне, когда выработка в Ноттингэме резко сократилась на одну треть. Единственная отрасль промышленности, которая пока, по видимому, успешно развивается, это — производство железных и стальных изделий в Бирмингеме и его окрестностях.

другу богословский взгляд Фейербаха и Наш», > Фейербаху ничего не противопоставляется, кроме пустословия. Как мы уже видели при фабрикации духов, где «Штирнер» возносил свой желудок на небо (третий диоскур, ангел-хранитель от морской болезни) потому, что «он и его желудок, это — различные имена для совершенно различных вещей» (стр. 42), — так сущность первоначально появляется здесь также и как существующая вещь, а «теперь говорится»: «Высшее существо безусловно *есть* сущность человека, но именно потому, что оно является его *сущностью*, а не им самим, — *совершенно все равно*, видим ли мы эту сущность вне человека и созерцаем ее в виде «бога» или находим ее внутри человека и называем «сущностью человека» или «Человеком». Я — ни бог, ни «Человек», ни высшее существо, ни Моя сущность, — и потому по сути дела все равно, *мыслю* ли Я сущность во Мне или вне Меня». «Сущность человека» здесь, таким образом, предполагается в качестве существующей вещи, это *есть* «высшее существо», это *есть* не-«Я», и святой Макс, вместо того, чтобы сказать что-либо о «сущности», ограничивается простым заявлением, что, мол, безразлично (*gleichgültig*), *мыслю* ли Я ее во Мне или вне Меня», в той ли или в другой местности. Что это безразличие по отношению к сущности вовсе не простая небрежность стили, — вытекает уже из того, что он сам делает различие между существенным и несущественным и что у него может даже фигурировать «*благородная сущность* эгоизма» (стр. 72). Впрочем, все то, что до сих пор говорилось немецкими теоретиками о сущности и не-сущности (*Unwesen*), сказано уже Гегелем в «Логике» гораздо лучше.

Безграничное правоверие «Штирнера» по отношению к иллюзиям немецкой философии сосредоточивается, как мы видели, в том, что он беспрестанно подсовывает истории «Человека» в качестве лица, которое одно только и действует; он воображает, будто «Человек» создал историю. Теперь мы увидим то же самое также и в отношении Фейербаха, иллюзии которого «Штирнер» безоговорочно принимает, чтобы на их основе продолжать свои построения.

Стр. 77: «Вообще Фейербах производит *только перестановку субъекта и предиката*, он отдает предпочтение последнему. Но так как он сам говорит: «Любовь священна не оттого, что она есть предикат бога (и никогда она по этой причине не была для людей священна), а оттого, что она божественна сама собой и для себя», — то он мог бы притти к выводу, что борьбу надо было начать против самих предков, против любви и всего святого. Как мог он надеяться отвратить людей от бога, рав он оставлял им *божественное*?

И если, как говорит Фейербах, для людей самым главным всегда были предикаты бога, а не сам бог, то Фейербах со спокойной совестью мог бы оставить им внешний блеск и впредь, так как кукла-то, — т. е. собственно самая суть дела, — несмотря ни на что, оставалась. Оказывается, для нашего Jacques le bonhomme'a достаточным основанием *п о в е р и т ь* Фейербаху, что люди чтили любовь якобы потому, что она «божественна сама собою и для себя», служит одно то, что так говорит *«сам»* Фейербах. Если же на самом деле происходило как раз *о б р а т н о е* тому, что говорил Фейербах, — мы и «отваживаемся это сказать» (Виганд, стр. 157), — если для людей ни бог, ни его предикаты никогда не были главным, если и это есть только религиозная иллюзия немецкой теории, — то, значит, с нашим Санчо приключилось то же самое, что с ним приключилось уже у Сервантеса, когда под его седло, пока он спал, подставили четыре кола и вывели из-под него его «серого». Опираясь на эти высказывания Фейербаха, Санчо затевает бой, который точно так же предвосхищен уже Сервантесом в XIX главе, где хитроумный гидальго сражается с предикатами, с ряженными, в то время когда они несут хоронить труп мира и, запутавшись в своих мантиях и саванах, не могут шевельнуться, так что нашему гидальго не трудно опрокинуть их своим шестом и оттузить их в волю. Последняя попытка поживиться до нельзя избитой критикой религии как самостоятельной сферы, остановиться в пределах предпосылок немецкой теории и все-таки придать себе вид, будто из нее выходишь, состряпать < для «Книги» румфордскую нищенскую похлебку из этой кости, обглоданной до последней жилки, > — эта попытка заключалась в том, что борьба велась против материальных отношений не в их действительном виде и даже не в виде мирских иллюзий о них людей, на практике с головой ушедших в современный мир, а против небесного экстракта их земного образа, против них в качестве предикатов, эманаций бога, в качестве ангелов. Таким образом царство небесное было снова заселено и снова была создана масса нового материала для того, чтобы это царство небесное эксплуатировать попрежнему. Таким образом вместо действительной борьбы была снова поддунута борьба с религиозной иллюзией — с богом. Святой Бруно, который добывает себе хлеб богословием, в своих «горьких жизненных боях» против субстанции делает pro aris et focis [за свой алтарь и очаг] ту же самую попытку в качестве богослова выйти из пределов богословия. Его «субстанция» есть не что иное, как предикаты бога, соединенные в одном имени; за исключением личности, которую он оставляет за собой, — это те предикаты бога, которые опять-таки

в Манчестере эти штрафы доходят до 5 000 ф. ст., в Престоне — до 3 000 ф. ст., в Болтоне до 2 000 ф. ст.

В нынешнем конфликте есть одна черта, которая главным образом отличает его от прежних конфликтов. В предшествующие периоды, — как, например, в 1832, 1839, 1840 и 1842 гг., — *всеобщий праздник* (General holiday), как он тогда назывался, т. е. всеобщее и одновременное прекращение работы по всей стране, был излюбленной идеей рабочих и той великой целью, к которой они стремились. В настоящее же время капитал грозит всеобщим увольнением. Теперь хозяева пытаются добиться всеобщего закрытия фабрик. Не думаете ли вы, что в случае успеха это может оказаться очень опасным экспериментом? Думают ли они вызвать английский народ на июньское восстание, чтобы подавить его просыпающийся дух и повергнуть его ниц на многие годы?

Во всяком случае мы должны с неослабевающим вниманием следить за симптомами назревающей в Англии гражданской войны, в особенности, когда лондонская пресса умышленно закрывает глаза на великие события, забавляя в то же время своих читателей описаниями таких пустяков, как банкет, данный г. Титом Сольтом, одним из фабричных князей Йоркшира, по случаю открытия его дворца-фабрики, на котором роскошно угощались не только местная аристократия, но и его рабочие. «Благоденствие, здоровье и счастье рабочего класса» — вот тост, который он предложил, как об этом рассказывает своим читателям столичная пресса. Но не рассказывает она о том, что несколькими днями позднее его ткачи полушерстяной ткани получили предупреждение *о снижении их заработка* с 2 шилл. 3 пенсов до 2 шилл. 1 пенс. «Если это означает здоровье или благоденствие для ткачей, — пишет одна из его жертв в «People's Paper», — я лично, по крайней мере, не желаю их».

Вы, может быть, читали в «Times», что некая г-жа Макдонелл из Нойдарта в Глэнгарри, из подражания герцогине Сутерленд, предприняла очистку своих поместий, чтобы заменить людей овцами. «People's Paper», уведомленная об этом местным корреспондентом, дает нижеследующее описание этой мальтузианской операции:

«Эта госпожа имела ряд фермеров в своих владениях, и многие из них не имели возможности аккуратно выплачивать аренду, а некоторые не платили уже значительное время, — *так, по крайней мере, уверяют*. Она поэтому приказала им всем убираться вон, и им пришлось искать прибежище в пещерах и лесах, где они с тех пор обретаются или, вернее, умирают, в то время как лошади г-жи.

Макдонелл размещены в прочных и теплых помещениях. Она предложила своим изгнанным арендаторам оплатить их проезд в Канаду, — стоимость проезда ниже благотворительных взносов на бедных, — и разрешила продать их «небольшое имущество»; у них нет никакого имущества для продажи, за исключением платья, которое на них надето, сломанных столов или ревматических котов. Наконец, она простила им старую задолженность, которую она все равно не могла получить. Это называется «благородная щедрость».

Подобные выселения, повидимому, опять начинают практиковаться в горных районах Шотландии. Так, по крайней мере, сообщает нам сэр Чарльз Форбс, шотландский землевладелец, пишущий в «Times», «что овцеводство становится в настоящее время настолько доходным, что наши английские овцеводы во всякое время найдут выгодным разводить овец и уплачивать за выселение тех, кто стоит им поперек пути».

ЗАБАСТОВКИ. — ЛОКАУТЫ.

Лондон, 1 ноября 1853 г.

В пятницу вечером в Вигене произошли беспорядки, причиной возникновения которых послужил спор между углекопами и угольными королями. В субботу, как утверждают, город был совершенно спокоен, но сегодня мы получили телеграфное сообщение, что в шахте лорда Крауфорда или графа Балкариса углекопами было произведено нападение; были вызваны войска; солдаты стреляли и несколько рабочих убито. Так как я должен получить частные сообщения с места, я откладываю свой отчет об этом происшествии, лишь предостерегая ваших читателей против отчетов «Daily News» и «Times», потому что первая из этих газет непосредственно оплачивается манчестерцами, а последняя, как справедливо замечает «Morning Herald», является «жесточайшим, непримиримым и безжалостным врагом рабочего класса».

В 1842 г., когда манчестерцы под знаменем свободы торговли вовлекли промышленный пролетариат в повстанческое движение и изменчески покинули его в момент опасности, как открыто заявил «кбденам» сэр Роберт Пиль в палате общин,— в ту эпоху лозунгом было: «дешевые продукты питания и высокая заработная плата». Но едва были отменены хлебные законы и осуществлена свобода торговли в том смысле, как ее понимали манчестерцы,— их боевой клич стал иным: «низкая заработная плата и дорогие продукты». С принятием правительством манчестерской системы торговли промышленная буржуазия взяла на себя задачу, разрешение которой невозможно при ее режиме,— задачу обеспечения непрерывающегося промышленного оживления и торгового процветания. Этим она отрезала себе всякий путь к отступлению на случай несчастья. Теперь нельзя уже, как в 1831 г., обманывать массы парламентской реформой; законодательная власть, завоеванная для буржуазии движением за эту реформу, была целиком использована ею против рабочего класса; тем временем у последнего возникло свое собственное политическое движение —

чартизм. Промышленная буржуазия больше не может возлагать на аристократов-протекционистов ответственность за все аномалии промышленной системы и за смертоносные противоречия, рождающиеся в ее собственных недрах, поскольку свобода торговли длится уже восемь лет, при необычайно благоприятных обстоятельствах и при наличии Калифорнии и Австралии — этих двух стран золота, внезапно созданных изобретательностью современного демиурга.

Так постепенно, шаг за шагом, промышленная буржуазия своими собственными руками рассеяла все заботливо возвращенные ею иллюзии, к которым она могла бы прибегнуть в час опасности, чтобы отвратить негодование рабочего класса от его настоящего противника и направить это негодование против врага промышленной буржуазии — против земельной аристократии. В 1853 г. была разоблачена лживость хозяев и рассеялись наивные иллюзии рабочих. Война между обоими классами стала ожесточенной, открытой, всеми признаваемой и для всех ясной. «Дело идет, — восклицают предприниматели в одном из своих последних манифестов, — уже не об одной *заработной плате*, а о том, *кому быть хозяином*». Манчестерские либералы наконец скинули овечью шкуру. Они требуют, чтобы капитал был господином, а труд — рабом.

Локауты против забастовок — вот великая тяжба, происходящая сейчас в промышленных округах, решение по которой, вероятно, будет вынесено штыками. Целая промышленная армия, более 70 000 рабочих, уволено и выброшено на улицу. К закрытым в Престони и Вигене фабрикам прибавились фабрики Бакупского округа, охватывающего города и местечки Бакуп, Ньючерч, Раустенхолл, Шернфорд и Стэнфорд. В Бэрнли фабрики остановились в прошлую пятницу, в Падихэне — в субботу; в Аккрингтоне хозяева проектируют локаут; в Бери, где не работают уже 1 000 человек, хозяева сделали предупреждение об объявлении локаута, в случае если их рабочие не прекратят своих сборов в пользу оставивших работу в этом городе и в Престоне; а в Киндлее после полудня в субботу закрыто три крупных фабрики и таким образом еще более тысячи человек осталось без работы.

ДОРОГОВИЗНА ЖИЗНИ.

Лондон, 1 ноября 1853 г.

В самый ранний период китайской революции я обратил внимание ваших читателей на гибельное влияние, которое она, вероятно, окажет на социально-экономическое положение Великобритании. «Китайское восстание, — сообщает ныне «Examiner», — ширится в чайных районах, вследствие чего цены на чай *повышаются* на лондонском рынке, а цены на миткаль *падают* на шанхайском». «В Шанхае, — читаем мы в бюллетене ливерпульской фирмы Бушби и К^о, — чайный рынок открылся сделками по ценам, превышающим процентов на 40—50 цены прошлого сезона. Запасы незначительны, а новые транспорты прибывают медленно». По последним сведениям из Кантона, «повстанческое движение постепенно распространяется на всю страну, *угрожая торговле полной гибелью*; в результате мануфактурные изделия почти все, без исключения, упали в цене; в некоторых случаях падение цен весьма значительно. Запасы велики и быстро растут, а рассчитывать на улучшение положения в ближайшем будущем, пожалуй, не приходится. В Амое торговли импортными товарами, если не считать нескольких ящичков опия, в настоящее время как будто нет». Положение на шанхайских рынках изображается следующим образом: «Как черный чай, так и шелк-сырец свободно поступали в продажу, но условия, предлагавшиеся продавцами, были таковы, что они весьма ограничивали операции; *не видно было желания покупать фабричные изделия*, а состоявшиеся сделки совершены главным образом с опием по очень низким ценам и слитками из Кантона. Оттуда вывезено огромное количество ценностей, но так как запас быстро исчерпывается, нам приходится искать в других местах серебра в слитках и хлеба, без которых мы скоро не сможем закупать продукты, если на импортном рынке не наступит значительное улучшение. На этом рынке торговая деятельность весьма ограничена и сводится главным образом к продаже поврежденных грузов с аукциона».

В торговом циркуляре манчестерской фирмы Гибсон и К^о ст

21 октября мы находим сообщение, в котором указывается, что главной причиной нынешней депрессии являются «не только плохие вести, идущие в настоящее время с нашего огромного китайского рынка, но и перспектива дальнейшего получения таких сведений в связи с наблюдающимся там недоверием к денежным сделкам, что является неизбежным и к тому же длительным следствием полной и коренной перемены, которая, повидимому, будет произведена в правительстве и учреждениях этой обширной империи».

Об австралийских рынках «Melbourne Commercial Circular» сообщает, что «если товары, закупленные всего около месяца тому назад и тогда же доставленные по назначению, были проданы с прибылью, составляющей не менее 100 — 150%, то теперь выручки едва хватило бы для покрытия расходов». Полученные на прошлой неделе частные письма из Порт-Филипп также принесли крайне неблагоприятные сведения о положении на рынках. Товары попрежнему прибывают со всех концов мира, но цены, по которым их можно было бы продать, настолько низки, что во избежание немедленных убытков было приобретено много пароходов под складочные помещения.

Мы не должны, таким образом, удивляться, что торговые бюллетени продолжают отмечать вялое настроение и падение цен на рынках промышленных районов. Так, в манчестерском бюллетене фирмы Фрэнчер, Сын и К^о от 21 октября мы читаем: «Размеры операций как по внутренней, так и по внешней торговле были чрезвычайно ограничены, причем всюду это более или менее отражалось на ценах. Дальнейшее падение цен на стоивший 7 шилл. 8 пенс. ситец и мадеполам, пожалуй, составляет от 1¹/₂ до 3 пенсов на кусок в 50 — 66 рид¹ на 34 — 36 дюймов; на материи для рубашек (шертинг) — 4¹/₂ — 6 пенсов на кусок; на 36 — 72-ридовый шертинг — 3 пенса на кусок; на 39-дюймовый шертинг низкого качества, весом в 5¹/₄ — 6 фунтов, — около 4¹/₂ пенсов на кусок; на шертинг 39-дюймовый, от 20 до 64 рид — 3 пенса на кусок; на 45 — 54-дюймовый шертинг — 4¹/₂ — 7¹/₂ пенсов на кусок; на жаконет низкого качества номера 5 — 8 — 1¹/₂ пенса, а на клетчатый жаконет — номера 14 — 16 — 3 пенса на кусок; на ткани «Т» — 1¹/₂ пенса, на длинные ткани — 3 пенса на штуку, а на кустарные разных сортов — около 1 — 16 пенсов на ярд; из пряжи упали в цене муаровые нитки, главным образом простые и средние сорта; они стоят ниже на ³/₄ — ¹/₂ пенса по сравнению с расценками прошлого месяца. Из тонкой пряжи особенно пострадал № 40, который продавался со скидкой

¹ Рид — около 3 метров. *Ред.*

в целый пенс на фунт с наивысшей цены текущего года. Другие пряжи от 20 шиллингов и дороже, до 60-ти, пострадали в такой же степени». Относительно продовольственного рынка «London Weekly Dispatch» сообщает: «Что касается пшеницы, то, по мнению фермеров, приступающих к молотбе и подсчитывающих свои запасы, снято будет еще меньше, чем они предполагали. Они даже говорят о *полу-урожае*». К тому же вот уж около двух недель стоит весьма неблагоприятная для посева пшеницы ненастная погода, внушающая серьезные опасения насчет урожая 1854 года.

Из Оксфордшира дают следующие сведения:

«Что касается сбора пшеницы, то в общем здесь ужасный недостаток; фермы, обычно производящие от 40 до 44 бушелей с акра, в этом году дают лишь 15 — 20 бушелей, а некоторые хорошо возделанные пшеничные и бобовые поля дают всего лишь 8 — 10 бушелей с акра. Урожай картофеля, сильно пострадавшего от болезней, незначителен».

Из Йоркшира сообщают:

«Из-за дождей совершенно прекращены полевые работы, а остатки предыдущего урожая (к сожалению, это относится ко всем бобовым, большинству яровой пшеницы и отчасти к овсу) пострадали от дурной погоды и настолько отсырели, что уже не приходится надеяться на возможность обмолотить их после сухих весенних ветров. К тому же они сильно проросли, ввиду чего не подлежит сомнению, что значительная часть этих последних ресурсов неизбежно пропадет. Из нижеследующего читатель может получить некоторое представление о размерах убытков, относительно которых идет здесь речь. Начиная с Тиза (Tees) и оттуда до Кэттерика (Catterik), в Стокли, затем во всей низменной части Кливленда, далее к востоку от Тэрска (Thirsk) до моря, к западу от Херроугэйт и, наконец, от Хембер до моря огромные количества злаков лежат под дождем и портятся от сырости; целых 50% картофеля безнадежно повреждены болезнями; кроме того, опять появился спрос на семена, а запасы старого зерна невелики. *Можно утверждать, что все пшеничные районы страны пострадали от недорода, какого мы не запомним*».

Из Гертфордшира пишут: «Совершенно необычно то, что в эту пору еще не закончена уборка урожая в Англии. Тем не менее, это — факт; со многих полей еще не свезен овес, не свезена значительная часть яровых бобовых, а кое-где — ячмень; есть даже поля, с которых еще не сняты ранние яровые хлеба».

В «Economist» от минувшей субботы помещена следующая таблица, показывающая количество пшеницы и других видов зерна,

а также муки и крупчатки всех сортов, ввезенных в Соединенное королевство в промежуток времени от 5 января до 10 октября 1853 г.

Страны вывоза	Пшеница (квартеры)	Пшеничная мука или крупчатка (центнеры)	Зерновые хлеба разного рода (квартеры)	Всего муки и крупчатки всякой (центнеры)
Россия через северные порты	69 101	64	307 976	65
» через черноморск. порты	704 406	—	1 029 168	—
Швеция	3 386	13	3 809	13
Норвегия	—	1	561	1
Дания	220 728	5 291	733 801	5 291
Пруссия	872 170	3 521	899 900	3 521
Мекленбург-Шверин	114 200	—	123 022	—
Ганновер	19 187	—	146 601	—
Ольденбург	2 056	—	19 431	—
Ганзейские города	176 614	53 077	231 287	53 066
Голландия	58 034	306	132 255	308
Бельгия	15 155	353	20 829	353
Острова на Канале (заграничная продукция)	526	4 034	629	4 034
Франция	96 652	857 916	470 281	853 058
Португалия	4 217	4	21 657	4
Азорские о-ва	630	—	14 053	1
Испания	13 939	177 963	48 763	177 985
Гибралтар	—	9	4 368	9
Италия (территория Сардинии)	7 155	2 263	8 355	2 263
Тоскана	43 174	67 598	45 597	67 598
Папская область	39 988	—	41 488	—
Неаполь и Сицилия	8 618	2	11 977	2
Австрийские территории	44 164	370	106 796	370
Мальта	28 569	—	56 581	—
Ионические острова	82	—	16 250	—
Греция	1 417	—	10 221	—
Валахия и Молдавия	209 048	—	601 481	—
Сирия	21 043	—	24 686	—
Египет	297 980	—	543 934	—
Другие турецкие владения	218 407	7 370	689 703	7 370

Страны вывоза	Пшеница (квартеры)	Пшеничная мука или крупчатка (центнеры)	Зерновые хлеба разного рода (квартеры)	Всего муки и крупчатки всякой (центнеры)
Алжир	—	—	21 661	—
Марокко	3	3	13 451	—
Британская Ост-Индия . .	—	205	—	205
Британская Сев. Америка.	45 587	232 216	62 626	232 491
Соед. Штаты Америки . .	434 684	2 388 056	630 324	2 389 261
Бразилия	—	3	237	320
Другие страны	1	148	8	148
Итого	3 770 921	3 800 746	7 093 458	3 802 743
Всего пшеницы	—	—	3 770 921	—
Эквивалент 3 802 743 цент- неров муки и крупчатки	—	—	1 086 522	—
Итого зерна, муки и крупчатки	—	—	8 179 980	—

Чтобы успокоить охваченных страхом городских торговцев, «Economist» делает из вышеприведенной таблицы следующие выводы:

«В 1847 г. мы, невзирая на такой чрезвычайно сильный стимул, как высокие цены, ввезли за весь год пшеницы и муки лишь 4 464 000 кварталеров. За первые три месяца текущего года мы без такого стимула, если не считать последних двух месяцев, ввезли 4 856 848 кварталеров. Поэтому о воздействии столь огромного ввоза на наше внутреннее снабжение можно утверждать одно из двух: либо этот импорт в значительной степени ушел на потребление и тем самым в такой же мере сберег нам собственную продукцию, либо он хранится в складах и пригодится впоследствии».

Эта дилемма совершенно недопустима вследствие уже состоявшихся или ожидаемых запрещений вывоза хлебов из континентальных стран; хлебные торговцы считают целесообразным ссыпать тем временем свои запасы в амбары в Англии, где они могут впоследствии пригодиться в случае большего повышения цен на хлеб в Англии, чем на континенте. Кроме того, в противоположность 1847 г. запасы в странах, могущих испытать на себе последствия русско-турецкой войны, достигают 2 438 139 кварталеров зерна и 43 727 центнеров муки. Затем вывоз из Египта будет запрещен.

после 30 ноября. Наконец, Англия может в этом году рассчитывать только на обычный *ежегодный* излишек у других наций, тогда как перед отменой хлебных законов она имела в своем распоряжении в периоды нехватки иностранные запасы, скопившиеся в течение периодов благополучия.

«The Weekly Times», исходя из этого, так оценивает положение:

«Четырехфунтовый хлеб стоит шиллинг, погода так плоха, как в это время она не была ни разу за полувековье, рабочий класс охватила форменная стачечная горячка, среди нас свирепствует азиатская холера, и мы сами одержимы манией войны. Нам нехватает только военных налогов и голода, чтобы число бедствий Англии достигло своего предела».

ВИГЕНСКИЕ УГЛЕКОПЫ.

Лондон, 4 ноября 1853 г.

В минувший вторник в Блекберне произошли беспорядки в связи с выборами советников попечительства св. Петра, причем не обошлось без вмешательства вызванной солдатчины.

Относительно беспорядков в Вигене лидер престонских рабочих г-н Кауэлл на открытом митинге заявил, что «он весьма сожалеет о случившемся в Вигене. Ему жаль, что вигенцы доросли только до стремления к проведению системы уравнивания. Трудящимся нет никакого смысла собираться и уничтожать созданную ими же собственность. Сама по себе собственность никогда не причиняет им вреда; люди, владеющие этой собственностью, — вот кто тираны. Пусть же рабочие бережно относятся к собственности и человеческой жизни. Действуя миролюбиво, соблюдая порядок и спокойствие, они могут быть уверены в благоприятном для них исходе борьбы».

Я, с своей стороны, далек от того, чтобы оправдывать бессмысленные акты насилия, совершенные вигенскими углекопами, к тому же поплатившимися за свои действия кровью семи человек. Но, с другой стороны, для меня ясно, что очень трудно, — особенно низшим слоям рабочего класса, к каковым, несомненно, принадлежат углекопы, — «действовать миролюбиво, соблюдать порядок и спокойствие», когда испытываемая ими крайняя нужда и невозмутимая наглость хозяев толкают их на акты безумия. Эти же хозяева обычно провоцируют волнения, чтобы иметь возможность прибегать к вооруженной силе и прекращать, по постановлению суда, как это было проделано в Вигене, всякие собрания рабочих. Поводом к волнениям, происшедшим в пятницу днем в городе Вигене, послужило многочленное совещание угольных королей, собравшихся в Уайтсайдском Ройэл-Отеле обсудить требования углекопов, и принятое ими решение не идти ни на какой компромисс с рабочими. Имевшее место в понедельник нападение на лесопильные заводы в Хэге, близ Вигена, было направлено против иностранных углекопов.

привезенных из Уэльса уполномоченным графа Балкариса, г. Писом, для замещения забастовавших рабочих угольных копей.

Углекопы поступили, конечно, неправильно, применив по отношению к своим товарищам-рабочим насилие, чтобы помешать им делать ту работу, которую они сами прекратили. Но когда видишь, как их хозяева связывают друг друга крупными штрафами, чтобы осуществить объявленный ими *локаут*, вряд ли приходится удивляться тому, что рабочие более грубо, но менее лицемерно пытаются провести свою *забастовку*. Даже г-н Джозеф Юм заявляет в письме, адресованном престонским рабочим:

«Среди сторонников урегулирования международных конфликтов посредством арбитража, а не войны, я нахожу многих хозяев-фабрикантов, воюющих в настоящее время со своими рабочими».

Престонская ассоциация фабрикантов опубликовала манифест, целью которого является оправдание всеобщего локаута. Об их искренности можно судить по тому факту, что о тайном союзе хозяев, с программой которого я ознакомил ваших читателей месяца два тому назад, в манифесте не упомянуто ни единым словом, благодаря чему предумышленный результат заговора изображается в виде необходимости, которой хозяева не могли, мол, избежать. Они упрекают рабочих в том, что последние требуют не более и не менее, как 10% прибавки. Но они умалчивают о том, что, урезав в 1847 г. 10%, хозяева обещали ввести заработную плату в прежнем размере, как только в торговле наступит оживление, и о том, что рабочие не раз узнавали об оживлении торговли из красочных отчетов гг. Брайта, Кобдена и К^о, декламаций всей буржуазной прессы и тронной речи при открытии парламента. Хозяева не говорят о том, что хлеб вздорожал на 40%, уголь — на 15—20%, что мясо, свечи, картофель и все прочие предметы, широко потребляемые рабочим классом, вздорожали процентов на 20 и что фабриканты одолели своих противников при помощи лозунга: *«дешевый хлеб и дорогой труд»*. Хозяева обвиняют рабочих в том, что они продолжают настаивать на уравнении заработной платы на однородных предприятиях одного и того же города. А разве их теоретики, Рикардо и Мальтус, не построили все свое учение, исходя из предпосылки проведения такого уравнения по всей стране? Рабочие, — утверждают предприниматели, — действуют по приказу какого-то комитета. Их, мол, подстрекают «чужестранцы», «самозванцы», «торговцы агитацией». То же самое утверждали во времена «Лиги против хлебных законов» протекционисты, обвинявшие этих же фабрикантов в том, что ими руководят гг. Брайт и Кобден, «два профессиональных торговца

агитацией», что они слепо выполняют приказы манчестерского революционного комитета, взимающего налоги, располагающего армией лекторов и миссионеров, наводняющего страну мелкими и крупными печатными изданиями и образующего государство в государстве. Любопытнее всего, однако, что, обвиняя рабочих в том, что они «действуют по приказу какого-то комитета», сами хозяева именуют себя «объединенной ассоциацией фабрикантов», поручают издание своего манифеста *комитету* и втайне сговариваются с «чужеземцами» Манчестера, Болтона, Бери и др. Между тем «чужеземцами», о которых говорится в хозяйском манифесте, являются лишь рабочие из соседних промышленных районов.

Вместе с тем я отнюдь не думаю, что рабочие достигнут непосредственной цели своих стачек. Напротив, в одном из своих предыдущих писем я указывал, что в недалеком будущем рабочим придется бастовать уже не для *повышения* заработной платы, а против ее *снижения*. Уже сейчас случаи снижения заработной платы учащаются и влекут за собой соответствующее количество забастовок. Подлинным результатом всего этого движения будет то, что, как я уже указывал по другому поводу, «деятельность рабочего класса будет вскоре перенесена в политическую область, когда обнаружится, какое огромное значение имеет для него новая организация союзов (*trades*), которой он добьется при помощи стачек». Эрнест Джонс и другие вожди чартистов — снова на арене; на большом митинге, состоявшемся в минувшее воскресенье в Манчестере, была принята следующая резолюция:

«Разоблачая объединенные усилия господствующего класса против рабочих нашей страны и сопротивление этого класса принципу справедливой поденной заработной платы за справедливый рабочий день, собрание считает, что нынешняя борьба рабочего класса может быть успешно завершена лишь в том случае, если будут уничтожены монополии господствующего класса путем введения представителей рабочего класса в палату общин и осуществления Народной хартии, и что только тогда он сможет издавать законы в собственных интересах, отменить вредные законы, овладеть средствами производства; добиться высокой заработной платы, дешевого продовольствия; устойчивой торговли и свободного распоряжения своим трудом».

АНГЛИЯ. — РАБОЧИЙ ВОПРОС.

Лондон, 11 ноября 1853 г.

«Золотые возможности, и как они были использованы» — таков заголовок одного из наиболее трагикомических словоизлияний серьезного и глубокомысленного «Economist'a». «Золотые возможности» были, конечно, даны свободной торговлей, а указание на то, как они были «использованы» или, скорее, как ими «злоупотребляли», относится к рабочему классу.

«Трудящиеся классы впервые получили возможность самим заботиться о своем будущем! Население Соединенного королевства начало действительно *уменьшаться*, ибо сокращение его вследствие эмиграции превышало его естественный прирост. Как же рабочие использовали представившиеся им возможности? Что они делали? То самое, что они обычно делали раньше при каждом временном улучшении положения: они вступали в брак и размножались так быстро, как это только возможно. При такой норме прироста эмиграция вскоре будет совершенно уравновешена, а золотая возможность будет упущена». Речь идет о золотой возможности *не* вступать в брак и *не* размножаться, за исключением размножения по ортодоксальной норме, допускаемой Мальтусом и его последователями! Такова эта золотая мораль! Однако до сих пор, согласно самому «Economist'у», население уменьшалось и еще не уравновесило эмиграцию. Следовательно, нельзя говорить, что причиной нынешних бедствий является избыток населения.

«Затем трудящиеся классы должны были воспользоваться представившимся им редким случаем, чтобы накапливать сбережения и стать капиталистами. Однако вряд ли были случаи, когда бы они поднимались или стали подниматься в ряды капиталистов. Они упустили представлявшуюся им возможность». Речь идет о возможности стать капиталистами! А в то же время «Economist» сообщает рабочим, что они, добившись, наконец, повышения своего прежнего заработка на 10%, будут получать 16 шиллингов 6 пенсов в неделю вместо 15 шиллингов. Средняя заработная плата тут же исчисляется с боль-

шим преувеличением в 15 шиллингов в неделю. Но это не важно. А вот как сделаться капиталистом, получая 15 шиллингов в неделю? Это — проблема, которой стоит заняться. Рабочие неправильно полагали, что для того, чтобы улучшить свое положение, они должны попытаться увеличить свои доходы. «Они бастовали, — пишет «Economist», — добиваясь не того, что им нужно, а чего-то большего». Зарабатывая 15 шиллингов в неделю, они имели самую настоящую возможность стать капиталистами, зато при заработке в 16 шиллингов 6 пенсов такой возможности не было бы. С одной стороны, рабочие должны давать мало рабочих рук и много капитала, чтобы быть в состоянии заставить капиталистов повысить заработную плату. Но если капитала становится много, а рабочих рук мало, они ни в коем случае не должны воспользоваться той возможностью, ради которой они должны были отказаться от заключения браков и размножения. «Они стали жить роскошнее». Во времена хлебных законов, как мы узнаём из того же «Economist'a», они недостаточно питались, недостаточно одевались и были более или менее истощены. Но если они вообще тогда жили, то как же они умудрялись жить менее роскошно, нежели раньше? «Economist» то и дело демонстрировал таблицы с цифрами импорта, чтобы доказать рост благосостояния населения и законность получаемых барышей. То, что тогда объявлялось мерилom невыразимых благ свободной торговли, ныне осуждается как доказательство глупой расточительности рабочего класса. Мы же попрежнему затрудняемся понять, как может продолжаться рост импорта при сокращении населения и уменьшении потребления, как может продолжаться рост экспорта при уменьшении импорта и как могут промышленность и торговля расширяться при сокращении ввоза и вывоза?

«Третья золотая возможность, которую следовало использовать, заключается в том, что рабочие должны были получать и давать своим детям самое широкое образование, чтобы приспособиться к улучшению своего материального положения и научиться возможно лучше использовать его. К несчастью, мы вынуждены констатировать, что редко так плохо посещались школы и так плохо вносились плата за учение». Что же тут удивительного? Ведь оживленная торговля считалась синонимом расширения фабрик, роста применения машин, все большей замены взрослых рабочих женщинами и детьми и, наконец, удлинения рабочего дня. По мере роста числа занятых в предприятии матерей и детей, естественно, уменьшалась посещаемость школ. И, наконец, какого рода образование вы сделали бы возможным для родителей и их детей? Речь идет о возможности

научиться удерживать рост населения на уровне, предлагаемом Мальтусом, — заявляет «Economist». Образование, говорит г. Кобден, показало бы рабочим, что грязные, плохо проветриваемые, перенаселенные квартиры не являются наилучшим средством сохранения здоровья и сил. Но с таким же успехом вы могли бы спасти человека от голодной смерти, говоря ему, что законы природы требуют постоянного введения пищи в человеческий организм... Образование, заявляет «Daily News», научило бы наши трудящиеся классы, как извлекать питательное вещество из сухих костей, как делать булочки к чаю из крахмала и как варить суп из тряпья...

Итак, резюмируем: упущенные рабочим классом золотые возможности состоят в золотой возможности *не* вступать в брак, в возможности жить *менее* роскошно, не требовать повышения заработной платы, стать капиталистами, зарабатывая 15 шиллингов в неделю, научиться поддерживать свой организм при помощи более грубой пищи и убивать свой дух посредством вредных, как чума, теорий Мальтуса.

В минувшую пятницу Эрнест Джонс посетил город Престон, где он выступил перед локаутированными рабочими с речью по рабочему вопросу. В назначенное время собралось под открытым небом не менее 15 000 человек («Preston Pilot» насчитывает 12 000), оказавших прибывшему на собрание г-ну Джонсу восторженный прием. Вот некоторые места из его речи.

«Почему произошли эти схватки? Почему они происходят теперь? Почему они еще будут в дальнейшем? Потому, что источники вашей жизни закрыты рукою капитала, который осушает свой золотой кубок до дна, оставляя вам лишь осадок. Почему локаут равносителен для вас исключению из числа живых? Потому, что у вас нет других фабрик, куда вы могли бы идти работать, нет других способов заработать кусок хлеба. Что дает капиталисту эту огромную силу? То, что он владеет всеми средствами, требующими применения рабочей силы... Средства производства являются, следовательно, той основой, от которой зависит будущее народа... Только массовое движение рабочих всех производств, общенациональное движение всех трудящихся классов может привести к победе... Если вы будете бороться, распылив свои силы по секциям и районам, вы можете потерпеть поражение; ведя борьбу в общенациональном масштабе, вы можете быть уверены в победе».

Затем выступил г-н Джордж Кауэлл, внесший составленное в весьма теплых выражениях и поддержанное г-ном Джоном Мэттьюзом предложение выразить Эрнесту Джонсу благодарность за посещение им Престона и за услуги, оказываемые им делу рабочего класса.

Фабриканты прилагали большие усилия, чтобы помешать Эрнесту Джонсу посетить Престон; для собрания с его участием нельзя было достать залы, ввиду чего пришлось отпечатать в Манчестере объявления о митинге под открытым небом. Нашлись заинтересованные личности, усердно распространявшие слух о том, что г-н Джонс собирается выступить против забастовки и посеять разнь между рабочими, и были разосланы письма, в которых сообщалось, что поездка в Престон может оказаться опасной для него самого.

АНГЛИЯ. — ПРОЦВЕТАНИЕ. — РАБОЧИЙ ВОПРОС.

Лондон, 15 ноября 1853 г.

«Торговые итоги и денежный рынок» — под таким заголовком в «Economist» опубликована статья, имеющая целью показать общее процветание и благоприятные перспективы торговли, хотя в том же номере сообщается, что «запасы велики, а цены все еще растут», что «квартир пшеницы дойдет в цене до 80 шиллингов» и что «положение на хлопковом рынке вообще не таково, чтобы внушать фабрикантам охоту к возобновлению работы». Говоря о таблицах с данными об импорте, «Economist» пишет: «В этих длинных столбиках с цифрами много поучительного, столь много, что подтверждаются великие принципы, составлявшие сущность ожесточенной политической борьбы; столь много, что они дают объяснение недавних событий на денежном рынке и некоторые виды на будущее. Эти цифры весьма поучительны для государственного деятеля, финансиста, банкира и торговца, которые получают возможность точно уяснить себе положение вещей в настоящее время и правильно оценить свое положение впоследствии. Ввиду всего этого нам сдается, что мы окажем величайшую услугу, обратив внимание на некоторые из главных фактов, обнаруживаемых этими итогами, и отметим их связь с рядом других весьма значительных особенностей нашего времени».

Давайте усядемся у ног этого пророка и послушаем его весьма многозначительные прорицания. На сей раз таблицы с данными об импорте приведены с целью доказать не чрезмерную расточительность трудящихся классов, а те невыразимые блага, которые получают эти классы от свободной торговли. Приведем эти таблицы.

Таблица 1.

Потребление с 5 января до 10 октября.

	1852 г.	1853 г.
Какао	2 668 822 фунт.	3 162 233 фунт.
Кофе	25 123 946 »	28 607 613 »
Чай	42 776 198 »	45 496 795 »
Сахар	5 358 967 пентн.	5 683 228 пентн.
Табак	21 312 459 фунт.	22 296 398 фунт.
Вино	4 986 242 галл.	5 569 560 галл.

Достаточно посмотреть на эту таблицу, чтобы сразу увидеть ошибочность выводов «Economist'a». О перечисленных продуктах мы знаем не то, что они *потреблены*, как указано в таблице, а то, что они были *ввезены* для потребления. А это совсем другое дело. Нет такого невежественного лавочника, который не мог бы различать между запасом товаров, который можно было бы поместить в его лавке, и тем количеством товаров, которое было действительно продано и потреблено населением.

«Этот перечень, — пишет «Economist», — можно рассматривать как список, включающий главные предметы роскоши трудящихся классов», и он считает это преимуществом этих классов. Между тем один из этих предметов, а именно кофе, лишь в незначительной мере потребляется английскими рабочими, а вина они совсем не потребляют. Или, может быть, «Economist» полагает, что положение трудящихся классов улучшилось от того, что их хозяева потребляют в 1853 г. больше кофе, чем в 1852-м? Относительно чая всем известно, что вследствие китайской революции и связанного с ней расстройства торговли возник спекулятивный спрос, основанный на опасениях за будущее, а не на потребностях настоящего момента. Что касается сахара, то вся разница между октябрем 1852 и 1853 г. составляет всего лишь 324 261 центнер; но я вовсе не убежден во всеведении «Economist'a», которому доподлинно известно, что из этих 324 261 центнера ни один не входит в запасы лавочников или в сласти высших классов и что все они непременно попали в чай рабочих. Вероятно рабочие ввиду дороговизны хлеба кормили своих детей сахаром, подобно тому как во время голода 1788 г. Мария-Антуанетта рекомендовала французскому народу питаться пирожными. Что же касается увеличения ввоза табака, то спрос со стороны рабочих на этот предмет обычно возрастает по мере того, как их лишают работы, нарушая этим нормальное течение их жизни.

Помимо всего не следует забывать, что количество ввезенных в октябре 1853 г. товаров определялось не фактическим спросом этого месяца, а спросом предположительным, исчисленным на основании совершенно иного положения внутреннего рынка. Так обстоит дело с первой таблицей и ее «связью с рядом других весьма значительных особенностей нашего времени».

Таблица II.

Ввезено с 5 января до 10 октября.

	1852 г.	1853 г.
Бекон	62 506 центн.	173 729 центн.
Говядина соленая.	101 531 »	163 371 »

Свинина соленая .	77 788 центн.	130 182 центн.
Соленые окорока .	6 766 »	14 123 »
Сало	14 511 »	102 612 »
Итого . . .	263 102 центн.	580 977 центн.
Рис	62 506 центн.	1 927 910 центн.
Картофель	298 789 »	820 524 »
Зерно и мука . . .	5 583 063 кварт.	8 179 095 кварт.
Сыр	218 846 центн.	294 053 центн.
Масло	205 209 »	296 949 »
Яйца	89 483 728 штук.	103 074 129 штук.

«Economist'у», несомненно, принадлежит честь великого открытия, согласно которому в годы засухи и неизбежного голода относительный рост импорта продовольствия, по сравнению с нормальными годами, скорее доказывает внезапный рост потребления, чем необычайное падение производства. Неожиданный рост цен на тот или иной предмет, несомненно, представляет собой импортную премию. Но разве кто-нибудь когда-либо утверждал, что чем дороже предмет, тем больше его станут потреблять? Перейдем теперь к третьей категории ввозных товаров, — к производственному сырью:

Таблица III.
Ввезено с 5 января до 10 октября.

	1852 г.	1853 г.
Лен	971 738 центн.	1 249 381 центн.
Конопля	798 057 »	788 911 »
Шелк-сырец	3 797 757 фунт.	4 355 865 фунт.
Шелк крученный	267 884 »	557 884 »
Хлопок	6 436 878 центн.	7 091 999 центн.
Шерсть	63 390 956 фунт.	83 863 475 фунт.

Так как производство 1853 г. значительно превысило производство 1852 г., то потребовалось, ввезено и обработано больше сырья. «Economist», однако, не считает, что излишек выработанных в 1853 г. фабрикатов пошел на внутреннее потребление. Он относит его к *экспорту*. «Важнейшим фактом, — пишет он, — является огромный рост нашего экспорта. Увеличение экспорта за несколько месяцев вплоть до 10 октября составляет не менее 1 446 708 ф. ст., завершая общий прирост в 12 596 291 ф. ст.; общая стоимость экспорта составляет 66 987 729 ф. ст. в текущем году против 54 391 438 ф. ст. за соответствующий период 1852 г. Если взять только экспорт британских продуктов, мы получим увеличение за этот год не менее, чем на 23%».

Но как обстоит дело с указанными дополнительными 12 596 291 ф. ст.? «Значительная часть этих вывозных товаров еще только на-

ходится на пути к рынкам назначения», а придут они туда как раз в такой момент, когда их нужно будет только уничтожить. «Значительная доля роста приходится на Австралию», насыщенную товарами, «на Соединенные Штаты», где товаров слишком много, «на Индию», переживающую депрессию, «на Южную Америку», которая вообще не в состоянии поглотить ввозные товары, выброшенные с прочих рынков.

«Огромный рост предметов ввоза и потребления, — пишет «Economist», — уже оплачен нашей страной или же выданные за них векселя находятся в обращении и будут оплачены в весьма непродолжительном времени... А когда нам уплатят за вывозные товары? Через 6 месяцев, через 9 месяцев, через год, а за некоторые товары через полтора или два года». Тут «лишь вопрос времени», — заявляет «Economist». Какое заблуждение!

Если вы выбрасываете этот огромный излишек фабрикатов на рынки, уже наводненные вашими экспортными товарами, то это время, которого вы ждете, пожалуй, никогда не наступит. То, что в ваших таблицах выглядит как длинный перечень воображаемых богатств, может оказаться длинным перечнем действительных потерь, перечнем банкротств в мировом масштабе. О чем же говорит таблица III и раздутые цифры экспорта? Все мы уже давно знали, что промышленная продукция Великобритании чрезвычайно возросла в 1853 г., что она зашла слишком далеко и что ее дальнейшее расширение ускорится в то самое время, когда рынки суживаются.

«Economist» приходит, конечно, к противоположному выводу. «Затруднения на денежном рынке и повышение нормы процентов, — говорит он нам, — являются лишь временным следствием немедленной оплаты крупных партий ввозных товаров, тогда как огромный излишек вывозных товаров отпускается в кредит». Следовательно, с его точки зрения, напряжение на денежном рынке является лишь результатом дополнительной суммы экспорта. Между тем мы можем с таким же правом сказать, что за последние месяцы рост экспорта был лишь неизбежным следствием затруднений на денежном рынке. Эти затруднения сопровождалось притоком слитков и неблагоприятным курсом; но разве неблагоприятный курс не является премией на векселя, выписанные на другие страны, или, другими словами, экспортной премией? Именно в силу этого закона Англия в периоды затруднений на своем денежном рынке расстраивает все прочие рынки мира и периодически разрушает промышленность других стран, бомбардируя их английскими фабрикатами, продаваемыми по пониженным ценам.

«Economist», наконец, нашел те «два пункта», в которых рабочие решительно неправы, решительно заслуживают осуждения и решительно глупы... «Прежде всего они в большинстве случаев вступают в спор только из-за грошовой разницы». В чем же дело? Дадим самому «Economist'у» ответить на этот вопрос: «Спор видоизменился, превратившись из вопроса о договоре в борьбу за власть». «Во-вторых, рабочие не делали сами свое дело, а действовали под диктовку безответственных, если не самозванных вождей... Они действовали скопом через организацию нагло орудующих кружков... Мы не боимся политических убеждений самих трудящихся классов; зато мы особенно боимся и разоблачаем убеждения тех, кому они позволяют распоряжаться собой и говорить от их имени».

Рабочие ответили на создание классовой организации их хозяев созданием своей собственной классовой организации. А «Economist» говорит им, что он перестанет «бояться» их, если только они дадут отставку своим генералам и офицерам и решатся бороться без чьей-либо помощи. Точно так же в период первых боев французской революции представители объединенных северных деспотов то и дело уверяли весь мир, что они «не боятся» самих французов, а боятся лишь политических убеждений и политических действий дикого «Комитета общественного спасения», нагло орудующих клубов и мятежных генералов.

В своем предыдущем письме я указал «Economist'у», что нет ничего удивительного в том, что трудящиеся классы не воспользовались периодом процветания, чтобы дать образование своим детям и себе. Ныне я могу представить вам следующее сообщение (имена и подробности мне сообщены и будут в ближайшем времени препровождены парламенту): за последнюю неделю сентября 1852 года в городке , расположенном в 4 милях от , на одном предприятии, производящем побелку и отделку, именуемом и принадлежащем эсквайру , нижепоименованные лица проработали 60 часов подряд, только с *трехчасовым отдыхом!*

Девушки	Возраст	Девушки	Возраст
М. С.	22 года	Г. О.	15 лет
А. Б.	20 лет	М. Л.	13 »
М. Б.	20 »	Б. Б.	13 »
А. Г.	18 »	М. О.	13 »
Ч. Н.	18 »	А. Т.	12 »
Б. С.	16 »	Ч. О.	12 »
Т. Т.	16 »	С. Б.	10 »
А. Т.	15 »	Энн Б. . . .	9 »
М. Дж.	15 »		

Мальчики

Мальчики

В. Дж. . . . 9 лет

Дж. К. . . 11 лет

Девяти- и десятилетние мальчики работают 60 часов подряд только с трехчасовым отдыхом! Помолчали бы уж хозяева о пренебрежении к образованию. Одна из упомянутых, Энн Б., девочка всего 9 лет отроду, упала на пол сонная от изнурения после 60-часовой работы; когда ее разбудили, она заплакала, но ее заставили возобновить работу!!

Фабричные рабочие как будто решились изъять дело образования из рук манчестерских обманщиков. Как сообщают, на состоявшемся в престонском саду митинге безработных произошло следующее:

«Мистрис Маргарет Флетчер обратилась к собравшимся с речью о неудобствах, связанных с тем, что замужние женщины работают на фабриках, оставляя без присмотра своих детей и запуская домашние дела. Каждый имеет право на справедливую заработную плату за справедливый рабочий день, а это, по ее мнению, означает, что работающий должен получать за свой труд такое вознаграждение, которое дало бы ему возможность содержать в сносных условиях самого себя и свою семью, оставлять жену дома для исполнения обязанностей хозяйки и дать детям образование (аплодисменты). Оратор закончил свою речь, предложив принять следующую резолюцию:

«Собрание постановляет: замужняя часть местных женщин больше не пойдет на работу, пока их мужья не будут получать справедливого и полного вознаграждения за свой труд.

«Г-жа Энн Флетчер (сестра предыдущего оратора) поддержала резолюцию, и последняя была принята единогласно.

«Председатель собрания заявил, что после разрешения вопроса о 10-процентном [повышении заработной платы] начнется агитация вокруг вопроса о наемном труде замужних женщин на фабриках, которая, пожалуй, окажется неожиданной для фабрикантов нашей страны»

Объезжающий промышленные районы Эрнест Джонс агитирует за «Рабочий парламент». Он предлагает «делегации от всех производств собраться в центре деятельности, в Ланкашире, в Манчестере, и заседать там до тех пор, пока не будет одержана победа. Это было бы столь авторитетное и всеобъемлющее волеизъявление, что его услышал бы весь мир, а английскому парламенту пришлось бы делить с ним газетные столбцы. В период кризиса, подобного нынешнему, весь мир станет больше прислушиваться к словам скромнейших из этих делегатов, нежели к словам сановных старцев самой высокой

палаты». Орган лорда Пальмерстона придерживается совершенно иного мнения: «Между нами говоря, — восклицает «Morning Post», — расписанный хвастунами *успех* фактически не был достигнут, и после жалкого провала, имевшего место 10 апреля, не было сделано новых попыток превратить рабочих в законодателей или портных — в народных трибунов».

ЛОНДОНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ. — РЕФОРМЫ РОССЕЛЯ.

Лондон, 29 ноября 1853 г.

Из лондонских газет вы узнаете, что правительство назначило комиссию для расследования коррупции и вообще всей организации почтеннейшего учреждения, известного под названием «The Corporation of the City» (городской совет). Вот несколько фактов, приводимых в отчетах комиссии, работы которой еще далеко не закончены.

Доходы лондонского городского совета исчисляются в 400 000 ф. ст. далеко не по всем статьям, а общий размер выплачиваемого жалованья достигает весьма значительной суммы — 107 000 ф. ст., т. е. свыше 25% всех доходов. Жалованье судейских чиновников установлено в размере 14 700 ф. ст., из коих главный городской судья (Recorder) получает 3 000 ф. ст., общественный обвинитель (Common Sergeant) — 1 500, судья шерифского суда — 1 200 ф. ст. Управляющий делами городского совета (Town Clerk) получает 1 892 ф. ст., секретарь — 1 249, другой секретарь (Remembrancer) — 1 765 ф. ст. Высшие чины резиденции лорд-мэра (Mansion-House) и городской ратуши (Guildhall) получают по 1 250 ф. ст. в год. Жезлоносец получает 550 ф. ст. и меченосец — 550; обер-церемониймейстер (Upper Marshal) — 450 или 500 ф. ст., младший церемониймейстер (Under Marshal) — 200 или 300 ф. ст. Вдобавок эти важные шишки (bumbles) получают 70 ф. стерлингов на мундиры, 14 ф. ст. на сапоги и 20 ф. с. на треуголки. Г-н Беннок в своих показаниях заявил, что «общая сумма расходов по учреждениям лондонского городского совета значительно превышает общую сумму расходов федерального правительства Соединенных Штатов или, что еще более поразительно, расходы лондонского совета на свое содержание и на управление своими финансами превышают общую сумму доходов, получаемых им от аренды, пошлины и взносов маклеров».

Наконец-то раскрыта великая тайна реформаторских пилюль, которые лорд Джон Россель собираются прописать англичанам. Он

предлагает: 1) отмену имущественного ценза для депутатов парламента, — ценза, который, впрочем, уже давно является лишь номинальным; 2) перераспределение избирательных округов путем исключения некоторых мелких местечек и прибавления более крупных; 3) понижение ценза от 20 ф. ст. в избирательных округах графств до 10 фунтов в небольших городах. От четвертого предложения об уменьшении избирательного ценза до 5 ф. ст. он отказался, так как, по словам «Times'a», это означает, что «нынешние избиратели были бы фактически лишены права голоса, ибо тот класс, который получит возможность голосовать, количественно значительно превзойдет все прочие, вместе взятые, и должен лишь быть единодушным, чтобы одержать верх». Другими словами, предоставление права голоса большинству даже мелкого торгового класса лишило бы этого права меньшинство. Хитрый аргумент, что и говорить. Между тем самой важной чертой сейчас еще неясного законопроекта о реформе является не этот пункт и даже не все его пункты, вместе взятые. Важнее всего то всеобщее и полное безразличие, с которым встречено сообщение о грядущей реформе. Любой полицейский отчет гораздо больше привлекает внимание общества, нежели это *«великое мероприятие»* — законопроект о новой реформе, этот коллективный труд «министерства всех талантов».

ПРОМЫШЛЕННОЕ БЕДСТВИЕ.

Лондон, 2 декабря 1853 г.

В промышленных районах Англии свирепствует война между хозяевами и рабочими. Вы, вероятно, помните тот момент, когда хозяева неистово сопротивлялись кампании рабочих за сокращенную рабочую неделю и возмущались ею. Ныне мы наблюдаем обратное явление: как я уже тогда предсказывал, система неполной рабочей недели навязана рабочим хозяевами. Локаут обнаруживает свой подлинный смысл *финансового мероприятия* со стороны хозяев, своего рода противоядия промышленному перепроизводству, подобного которому не было в «истории цен». С минувшего понедельника предприятия возобновили работу, но лишь на четыре дня в неделю в Россендейлском районе (Берли, Бэкуп, Ньючерч), в Бери, в Эштонском районе (Эштон, Стелибридж, Глоссоп, Гайд, Ньютон). Болтону вскоре придется последовать за ними. Манчестер обсуждает вопрос не о том, *уступить ли*, а о том, *когда* это сделать. Через 2 — 3 недели неполная рабочая неделя будет введена повсеместно, за исключением разве нескольких немногих находящихся в благоприятном положении отраслей промышленности. Разумеется, за этим последует прекращение снабжения престонских борцов. Однако даже 4-дневная рабочая неделя все еще превышает спрос. А ведь подумать только: уже почти три недели тому назад у престонских предпринимателей накопился запас, равный двадцатинедельной продукции, который оказалось почти невозможным сбыть. Промышленному кризису, следовательно, уже нечего начинаться: он уже налицо.

«Сокращение рабочего времени, — пишет «Times», — сопровождается снижением заработной платы до уровня, существовавшего перед тем, как рабочие получили недавнюю прибавку». А «Economist» в порыве искренности заявляет: «Нищий не может диктовать условий — он должен брать то, что ему дают».

Я неоднократно указывал, что стачки рабочих, начавшиеся слишком поздно, в эпоху, когда благоприятные возможности, созданные

небывалым процветанием, уже почти исчезли, не могут быть успешны с экономической точки зрения или постольку, поскольку речь идет об их непосредственной цели. Но они сделали свое дело. Они революционизировали промышленный пролетариат, а так как они вызваны высокими ценами на продовольствие и низкой оплатой труда, их политические последствия обнаружатся в свое время. Уже теперь идея Рабочего парламента, фактически означающего не что иное, как объединение всех рабочих под знаменами чартизма, внушает страх буржуазной прессе. «Редактор «People's Paper» г. Эрнест Джонс, — заявляет «Economist», — считается преемником г. Фергуса О'Коннора, подобно тому как г. О'Коннор был преемником г. Хента... Идя за Хентом и О'Коннором, рабочие ничего не получили, кроме тяжких ударов и больших потерь; тем не менее они оказывают такое же доверие преемнику этих великих вождей и уже смотрят на Джонса как на своего спасителя».

Из нижеследующих цитат вы увидите, что английские классовые газеты, побуждаемые партийными мотивами, как, например, «Morning Herald», или инспирируемые, как, например, «Morning Post», циничным, но проникательным наблюдателем вроде Пальмерстона, умеют судить о нынешнем положении вещей и проявлять пошлость «процветающего Робинзона».

«Если послушать их, можно подумать, что власть фабрикантов прямо-таки божественна и что безопасность империи зависит от того, позволят ли им пользоваться властью чуть-чуть меньшей, нежели власть французского императора... Около 60 000 ланкаширских рабочих живут в настоящее время на заработок, которого едва хватает на поддержание жизни, причем у них даже не является мысль о грабеже или насилии, хотя они живут в городах, оставленных из-за экономии промышленников без всякой полицейской охраны. Независимо от того, правы ли эти люди или неправы, они мужественно отстаивали свое мнение и шли за своими вождями, и не легко было бы найти еще пример движения, протекающего столь мирно и вместе с тем столь действительно» («Morning Herald»).

«Наши экономисты хвастали огромными, никогда не снившимися нам благами, которые посыпались бы на нас в результате свободной торговли; между тем наступает зима, а бубонная чума только ждет возвращения весны, и как раз теперь, когда наша беднота чрезвычайно нуждается в большем против обычного количестве продовольствия и одежде, чтобы подкрепить свой организм и приспособить его к борьбе с болезнью, — как раз теперь ей наносится сокрушающий удар в виде небывало высоких цен на все предметы первой не-

обходимости. Совершенно не видать того млека и меда, которые должны были обогатить страну; а ведь все это предсказывалось, когда говорилось о продолжительности дешевизны и изобилия, но, повидимому, и это должно быть отнесено к тысяче других народных иллюзий, при помощи которых было обмануто общество... Английское общество — грязное, чумное, безнравственное, невежественное, жестокое, глупое, строптивое и необычайно бедное общество.»

Вот каким языком говорит «Morning Post», салонная газета и официальный орган лорда Пальмерстона.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ.

Лондон, 13 декабря 1853 г.

Нижеследующее сообщение из Парижа о положении торговли должно пролить некоторый свет на социально-экономическое положение Франции:

«За последнюю неделю торговые дела в Париже были неудовлетворительны. Если не считать фабрикантов, изготовляющих новогодние подарки для владельцев магазинов, и владельцев предприятий готового платья, — в торговле как будто наступил полный застой. Одной из главных причин этого является дороговизна продовольственных продуктов в провинции, лишаящая массы населения возможности делать обычные закупки. Сбор пшеницы, каштанов и винограда — низкий во всех центральных департаментах Франции, и крестьяне вынуждены платить дороже за хлеб и поэтому отказывают себе во всем, кроме предметов первой необходимости. Письма из провинции сообщают, что большинство хлопчатобумажных товаров, поступивших в продажу на последних ярмарках, не находит покупателей, что легко объясняется наступившим в Руане застоєм в торговле. Весь вывоз в настоящее время направляется только в южно-американские государства. Нью-йоркский и нью-орлеанский рынки, по полученным сообщениям, насыщены французскими фабрикатами, а потому из этих районов не ожидается никаких заказов. Фирмы, обычно работающие на Бельгию и Германию, почти все приостановили работу, так как прекратился приток заказов от их заграничных клиентов. Дела в Париже, должно быть, вялы, раз Французский банк признает, как он это сейчас делает, что количество коммерческих векселей, представляемых к учету, значительно уменьшается в ценности. На хлебном рынке, где уже 10 дней было вялое настроение и наблюдалось падение цен, наступило оживление, и положение держателей пшеницы окрепло в их банках. Булочники проявляют большую склонность покупать муку, а некоторые покупатели из восточных департаментов совершенно приостановили дальнейшее падение цен. Так как парижские хлебные

комиссионеры не в состоянии выполнить все полученные в минувшую среду заказы, покупатели отправляются в Гавр, где, как раньше стало известно, цена упала на 2 франка на баррель. Вслед за прибытием покупателей мука поднялась с 44 фр. до 47 за баррель, а пшеница — с 83 фр. до 86 за 200 килограмм. Аналогичный рост цен имел место во всех районах Северного департамента. В Страсбурге хлебный рынок был хорошо снабжен, ввиду чего пшеница упала в цене на 1 фр. на гектолитр; в Лионе на рынке было спокойно, и падения цен не наблюдалось. В Париже снова поднялась в цене рожь; отмечена продажа 12 000 квинталов овса по 22 фр. 9 сант. за 100 килограмм. В письме из Марселя от 2 с. м. сообщается, что в период времени с 1 до 30 ноября в тамошний порт вошло 341 судно, груженное 804 270 гектолитрами пшеницы. Этот груз доводит количество ввезенной в Марсель за последние 4 месяца пшеницы до 2 102 476 гектолитров, доставленных 714 судами».

СТАТИСТИКА АНГЛИЙСКОГО НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА. — НЕДОРОД ХЛЕБОВ.

Лондон, 27 января 1854 г.

В связи с предстоящим через несколько дней возобновлением сессии палаты общин нам представляется уместным дать хотя бы в сжатой форме статистику английского представительства.

	Число мест	В %
Родственники пэров	103	} 17,0
Ирландские пэры	6	
Поместные дворяне	266	41,3
Деятели литературы и науки	20	3,0
Армия и флот	30	4,6
Представители торговых и финансовых кругов	109	17,1
Адвокаты	107	17,0
Рабочие	0	—
Итого парламентских мест	641	100

Ирландскими пэрами в палате общин являются следующие лица: виконт Пальмерстон от округа Тивертон; виконт Баррингтон — от Беркшира; граф Эннесли — от Гримсби; виконт Монк — от Портсмута; виконт Гелуэй — от Ратфорда; наконец, лорд Хотэм — от восточного Йоркшира. *Деятели литературы и науки*: Бенджамин Дизраэли — от Букингемшира; историк Томас Маколей — от Эдинбурга; торговый статистик Мак-Грегор — от Глазго; автор «Летописей испанских художников» и пр. Вильям Стерлинг — от Пертшира; автор «Государства и церкви» и других трудов Вильям Гладстон — от Оксфордского университета; автор книги «Ниневия и ее остатки» и др. д-р Остин Г. Лайард — от Эйлсбери; редактор «Economist'a» Джемс Вильсон — от Вестбери; редактор произведений Гоббса и др. сэр Вильям Мольсворт — от Саутворка; поэт, драматург и романист сэр Э. Л. Бульвер-Литтон — от Герфордшира; автор «Лиги против хлебных законов» Вильям Джонсон Фокс — от Ольдгэма; автор (весьма жалкой) «Истории цивилизации» и др. В. А.

Меккинон — от Рай; автор «Путевых впечатлений» и др. Р. Монктон Мильнз и автор «Поездки на Восток» Бенджамин Оливейра — оба от Понтифракта; автор ряда богословских и политических работ Эдуард Майелл — от Рочделя; автор «Истории греческой литературы» Вильям Мюр — от Ренфрьюшира, в Шотландии; автор книги «Жизнь Франческо Сфорца» В. П. Уркарт — от Вестмитского графства, в Ирландии; знаменитый инженер-путеец Роберт Стивенсон — от Уитби; врач Вильям Майкель — от Бедвина; хирург Джон Бреди — от Лейтрима. Можно ли внести в рубрику литераторов также лорда Джона Росселя, судить не берусь.

Не менее 100 мест занимают люди, формально избранные в своих избирательных округах, а фактически назначенные герцогами, графами, маркизами, дамами и другими лицами, извлекающими из своего влияния на местах политическую выгоду. Так, например, маркиз Вестминстер располагает двумя местами в Честере — городе, насчитывающем 2524 избирателя; герцог Норфольк располагает одним местом в Арунделе; герцог Сутерленд — двумя в Ньюкэстлена-Лайне; маркиз Ленсдоун — одним в Калне; граф Фитцвильям — двумя в Малтоне; герцог Ричмонд — двумя в Чичестере; мисс Пирс — одним в Норталлертоне и т. д.

О несоответствии между избирательным корпусом, с одной стороны, и представителями — с другой, и общим количеством населения можно судить по следующим нескольким примерам.

В Беркшире общее количество населения составляет 170 065 чел., а количество избирателей — 7 980. Этот округ избирает в палату депутатов девять представителей, тогда как Лейстершир с населением в 230 308 чел. и 13 081 избирателем располагает всего шестью местами; Линкольншир с населением в 407 222 чел. и 20 782 избирателями располагает тринадцатью депутатскими местами, тогда как Мидльсекс с населением в 1 886 576 чел. и 113 490 избирателями посылает в палату всего четырнадцать депутатов. Ланкашир при населении в 2 031 236 чел. насчитывает лишь 81 786 избирателей и располагает только двадцатью шестью парламентскими местами, тогда как Букингемшир с населением в 163 723 чел. и 8 125 избирателями представлен одиннадцатью депутатами. Сусекс с населением в 336 844 чел. и 18 054 избирателями избирает восемнадцать депутатов, тогда как Стаффордшир с населением в 608 716 чел. и 29 607 избирателями посылает в палату лишь семнадцать. Соотношение между избирательным корпусом и населением таково:

По графствам Англии каждый избиратель представляет 20,7 жителей.

По графствам Уэльса каждый избиратель представляет 20 жителей.

По графствам Шотландии каждый избиратель представляет 34,4 жителя.

В Англии каждый городской избиратель представляет 18 жителей.

В Уэльсе каждый городской избиратель представляет 24,4 жителя.

В Шотландии каждый городской избиратель представляет 23,3 жителя.

Относительно Ирландии нет столь полных данных, как об Англии и Шотландии. Все же следующие цифры дают близкую к истине картину для периода 1851 — 1852 гг.:

В ирландских графствах каждый избиратель представляет 36 жителей. В ирландских городах каждый избиратель представляет 23 жителя.

Положение, созданное наступившим на всех хлебных рынках Европы кризисом, представляется в следующем виде. Во Франции нехватка зерна составляет не 10 миллионов гектолитров, как утверждает «Moniteur», чтобы рассеять панику, а значительно больше 20 миллионов, т. е. свыше 8 миллионов английских кварталов; нехватка картофеля достигает не менее 25% среднего сбора за последние пять лет, а вина, масла и каштанов нехватает еще больше. В Бельгии и Голландии дефицит в хлебной продукции составляет около 4 миллионов гектолитров; в Рейнских провинциях, Пруссии и Швейцарии он, по скромным подсчетам, составляет свыше 10 миллионов гектолитров. Об Италии известно лишь, что там весьма значительный недород, зато гораздо труднее определить его хотя бы приблизительно. Однако даже минимальная цифра достигает 10 миллионов гектолитров зерна; следовательно, нехватка зерна в крупных хлебных районах Западной Европы составляет не менее 44 миллионов гектолитров (17 миллионов кварталов). О недороде в Англии известно, что он превышает 5 миллионов кварталов, а судя по некоторым заслуживающим серьезного внимания подсчетам эта цифра относится к одной лишь пшенице. Таким образом, в одной Западной Европе из-за рокового недорода нехватает по меньшей мере 22 миллионов кварталов; если к этому прибавить весьма низкое качество и недород других злаков, а также повсеместное распространение болезни картофеля, т. е. дефицит, который в переводе на пшеницу должен составить минимум 5 миллионов кварталов, мы получим в общем итоге дефицит в 27 миллионов кварталов зерна.

Что касается расчетов на ввоз хлеба с внешних рынков, то, по сведениям из весьма авторитетного в вопросах торговли источника, положение рисуется в следующем виде.

«В Польше хлеба собрано весьма мало. В России — недород: об этом свидетельствуют высокие цены на зерно в балтийских портах, причем цены поднялись еще до того, как стало известно, что нам нехватает хлеба. В Придунайских княжествах неурожая, правда, не было, но запасы там значительно сократились, — так же, как и в Одессе, — вследствие вывоза огромных транспортов хлеба в прилегающие к Средиземному морю страны и во Францию. Америка же не может дать и двух миллионов кварталов. Между тем даже всех судов мира недостаточно для перевозки хотя бы половины или около половины недостающего нам, как уже известно всей Англии, хлеба».

РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ.

Лондон, 29 ноября 1853 г.

Эрнест Джонс был совершенно прав, когда он высказал предположение о том, что как только прозвучит первое слово о массовом движении народа и национальной организации, возглавляемой Рабочим парламентом, оно вызовет тревогу имущих классов и заставит лондонские классовые газеты следить за ним. «Times» тотчас же понял важность нового движения и первым поместил отчет о состоявшемся в помещении манчестерского Народного института митинге чартистов. Все другие газеты пестрят передовыми статьями о рабочем движении и о предложении чартистов, которых давно считали умершими от истощения, созвать Рабочий парламент. «Economist» посвятил этому вопросу не менее четырех статей. Вместе с тем отчеты о состоявшемся в Манчестере весьма важном митинге отнюдь не дают представления об его характере или об обсуждавшихся на нем делах. Ввиду этого я считаю нужным дать свой собственный отчет. На митинге были предложены и приняты следующие резолюции.

«1) Настоящее собрание, убедившись в бесполезности разрозненных выступлений отдельных организаций рабочих с целью сохранить справедливый уровень заработной платы и осуществить освобождение труда, считает, что наступило время, когда только объединенное массовое движение рабочего класса, опирающееся на национальную организацию и возглавляемое единым руководящим органом, может обеспечить надлежащую помощь локаутуемым и бастующим рабочим и подготовить рабочих к освобождению труда от ига капитала в будущем. Массовое движение народа во главе с национальной организацией не имеет в виду и не должно вмешиваться в дела нынешних трэд-юнионов и объединений рабочих: его деятельность должна состоять в централизации, концентрации и объединении всех сил и всего рабочего класса в целом.

«2) Для осуществления предшествующей резолюции крайне необходимо созвать возможно скорее Рабочий парламент; этот парламент должен состоять из делегатов, избранных рабочими каждого

города на специально созданных открытых собраниях. В круг обязанностей этого парламента должны войти следующие задачи: организация аппарата для оказания помощи бастующим в настоящее время или локализованным фабрикантами рабочим путем открытия самой широкой национальной подписки, составление особого плана действия для руководства рабочим классом в его борьбе с работодателями и выработка мероприятий, при помощи которых труд может быть освобожден от чрезмерного влияния капитала и стать независимым, располагающим самим собой и хорошо оплачиваемым, без необходимости прибегать к забастовкам.

3) Настоящее собрание избирает комиссию, которая должна списаться по поводу вышеупомянутых задач с разными городами и районами, сделать все необходимое для созыва Рабочего парламента, разработать и опубликовать необходимые для заседаний делегатов материалы, а также составить программу вопросов, представляемых на обсуждение делегатов».

Самой замечательной была, пожалуй, речь г. Джонса, из которой я приведу несколько выдержек:

«Предприниматель заявляет в лондонском «Times», что вас совершенно не должны касаться его барыши. Вы, мол, должны считать свои собственные головы, а не его прибыль. Если рабочих много, вы будете зарабатывать меньше, несмотря на то, что вам нужно больше. И это он называет законом предложения и спроса. Только это будет регулировать вашу заработную плату. Но так ли это? Отнюдь нет! Если вы не должны требовать повышения заработной платы, когда его прибыль высока, то и он не должен был бы наседать на вас, когда его прибыль понижается. Между тем он станет говорить вам, несмотря на то, что количество рабочих не уменьшилось ни на одного человека: «Дела плохи, время тяжелое, моя прибыль сократилась, я не могу платить вам ту же заработную плату». Но в таком случае ваш труд регулируется не законом предложения и спроса, а законом дорогого хлопка и пониженной прибыли. Пусть закон предложения верен, но закон жизни еще более верен. Пусть закон спроса силен, но закон голодной смерти окажется еще более сильным! Если, говорим мы, один вид капитала — денежный — в праве получать прибыль, то и другой вид капитала — труд — имеет такое же право; а право труда больше, ибо труд создает деньги, а не наоборот. Что такое прибыль? Это — капитал, остающийся после вычета всех расходов по производству. Заработная плата, которую вы получали до настоящего времени, составляет лишь часть производственных расходов. Заработная плата, которая дает возможность только поддерживать

существование, представляет собой не вознаграждение за труд, а лишь необходимые издержки по содержанию человеческой машины в пригодном для работы виде. У вас должен быть излишек сверх расходов на питание и снабжение жилищем машины, состоящей из плоти и крови. Вам нужна пища для души и мозга, точно так же, как и для рта и брюха. Предприниматель боится, как бы вы не получали более высокую заработную плату; боится не потому, что он не в состоянии выплачивать ее, ибо его капитал за последние 7 лет увеличился больше чем на 100%, тогда как вы требуете прибавки к своей нынешней заработной плате лишь в 10% из его 100, добытых вашим трудом. Он боится этого потому, что более высокая заработная плата открыла бы вам путь к независимости; он боится этого потому, что более высокая заработная плата открыла бы вам путь к образованию; он боится этого потому, что просвещенные люди не будут рабами; он боится этого потому, что знает, что вы не стали бы больше работать столько часов; он боится этого потому, что вы бы больше не позволяли своим женам быть рабынями в фабричном аду; он боится этого потому, что вы стали бы посылать своих детей не на фабрику, а в школу; он боится этого, зная, что если жена стоит у домашнего очага, а дети в школе и лишь короткое время на фабрике, то избыток рабочих рук, способствующий теперь понижению заработной платы, уйдет из-под его контроля, и труд станет бесценной жемчужиной, украшающей диадему человеческой свободы. Однако вопрос снова видоизменился: речь идет уже не только о получении доли предпринимательской прибыли или прибавки в 10%, — речь идет о недопущении снижения заработной платы на 20%. Хороши ли дела или плохи, — от этого положение мало меняется: в первом случае они грабят людей за пределами нашей страны, во втором — они грабят людей в самой стране. Вопрос быстро приобретает для вас другое значение: речь идет уже не о низкой или высокой заработной плате, а о голодной смерти или жизни, о жизни в фабричном аду или смерти у фабричных ворот. Капиталисты, эти западные казаки, первые перешли Дунай рабочих прав; они объявили свое особое военное положение, регулируемое золотом, и забрасывают наши ряды снарядами голода из своих батарей, именуемых монополиями. Один город за другим объявляется на осадном положении. Безработица засыпает траншеи, голод забирается в цитадель труда, артиллерия голода обстреливает рабочие ряды. Великий заговор с каждым днем ширится. С каждым днем его движение становится все более национальным. Как же вы намерены противодействовать ему? Ваше движение идет к хаосу и беспорядку. Так как локауты ширятся, а вы продолжаете действовать по-

рознь, вы будете вторгаться каждый во владения другого: сборщики одной местности встретятся со сборщиками другой в одном пункте; вы будете противостоять друг другу как враги, тогда как вы должны были бы пожимать друг другу руки как союзники; вы будете ослаблять взаимную помощь, тогда как вы должны были бы помогать друг другу преодолеть свою слабость. Вигенские угольные копи находились близко от Престона, Стокпорта, Манчестера, Ольдгэма, но они были оставлены без помощи и пали в борьбе. Вигенские фабричные рабочие также бастуют. Каково же их мнение о поражении их братьев, рабочих-горняков? Они считают, что те счастливо отделались. Они не могут помочь, так как стоят друг другу поперек пути. Но почему это так? Потому, что вы ограничиваете свое движение тесными рамками одной отрасли промышленности, одного района и какого-нибудь одного интереса. Организация ваших нанимателей становится национальной, таким же национальным должно быть и ваше противодействие. При нынешних условиях вы идете к анархии и гибели. Не подумайте только, что я оспариваю мудрость, деятельность и неприкосновенность трэд-юнионов.

«Но помочи, поддерживающие ребенка, становятся препятствиями, спутывающими взрослого. Обособленность, годившаяся в детские годы рабочего движения, грозит ему катастрофой в эпоху его зрелости. Пусть все профессии оказывают ту помощь, которая вам нужна. Сосредоточьте дело рабочего класса не на одной фабрике, не в одном городе и даже не в одном районе, — поручите его парламенту рабочих».

РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ.

Лондон, 10 марта 1854 г.

В Великобритании по сравнению со всеми другими странами деспотизм капитала и рабство труда достигли наибольшего развития. Ни в какой другой стране промежуточные слои между миллионерами, командующими целыми промышленными армиями, и наемными рабами, перебивающимися со дня на день, не были так основательно сметены с лица земли. В Великобритании нет больше, как в континентальных странах, обширных классов крестьян и ремесленников, почти в равной мере зависящих как от своей собственности, так и от своего труда. В Великобритании произошел полный разрыв между собственностью и трудом. Поэтому ни в какой другой стране война между двумя классами, образующими современное общество, не принимала таких колоссальных размеров и таких четких и осязательных очертаний.

Именно вследствие этого рабочий класс Великобритании раньше всех других оказался способным стать во главе великого движения, которое в конечном итоге должно привести к полному освобождению труда. Такими сделали его ясное сознание своего положения, огромное превосходство его численности, опыт тяжелой борьбы в прошлом и моральная мощь в настоящем.

Ежедневная лондонская печать проводит «политику замалчивания» по отношению к занятиям Рабочего парламента: она надеется убить его этим обширным *conspiration de silence* (заговором молчания). Утомив общественное мнение печатанием в течение ряда месяцев бесконечных статей о вероятных шансах осуществления плана такого парламента, она теперь сознательно избегает всякого упоминания о том, что Рабочий парламента уже стал фактом и приступил к работе. Эта мудрость страуса, воображающего, что он избегает опасности, делая вид, будто он ее не видит, не может ничего достигнуть в наши дни. Печать вынуждена будет заговорить о Рабочем парламенте, и, несмотря на ее деланное безразличие, будущий историк расскажет, что в 1854 г. в Англии существовало два парламента: парла-

мент в Лондоне и парламент в Манчестере, парламент богатых и парламент бедных. Но настоящие люди заседали только в парламенте рабочих, а не в парламенте хозяев.

Вот доклад комитета, который назначен для выработки плана занятий Рабочего парламента:

«Ваш комитет полагает, что долг нашего парламента состоит в содействии тому, чтобы происходящие в настоящее время забастовки и локауты оканчивались победой рабочих и чтобы выработать меры, при помощи которых их можно было бы избежать в будущем; обеспечить рабочим справедливое обращение с ними во время работы, избавить женщин и детей от труда на фабриках; изыскать средства для образования рабочих; принять меры к прекращению удержаний из заработной платы и скрытого ее снижения. Уверенный, далее, в том, что долг парламента состоит в стремлении обеспечить трудящимся действительное участие в прибылях, созданных их трудом; что в целях полного освобождения рабочих от наемного рабства следует, сверх всего указанного, добиваться для рабочих возможности учреждать свои собственные независимые производства, и будучи убежден, что главным средством для этого является создание денежного фонда, комитет рекомендует вашему вниманию:

- 1) выработку мер по сбору национального рабочего фонда;
- 2) план обеспечения сохранности собранного таким образом фонда;
- 3) употребление этого фонда в целях охраны прав рабочего класса;
- 4) организацию массового движения.

I. Создание национального рабочего фонда.

а) Еженедельное отчисление от заработной платы соответственно высоте заработка, как-то:

получающими до	4	шиллингов	в	неделю	$\frac{1}{2}$	пенса
»	»	8	»	»	»	$\frac{3}{4}$ »
»	»	12	»	»	»	1 »
»	»	15	»	»	»	$1\frac{1}{2}$ »
»	»	20	»	»	»	2 »
»	»	30	»	»	»	3 »
»	»	40	»	»	»	4 »

б) Должностные лица различных организаций рабочих, действующих в связи с массовым движением, передают собранные средства в свое главное правление.

II. Охрана фонда.

а) Раз в неделю должностные лица местных отделов направляют все собранные ими для массового движения деньги в главное правление его, как будет подробно указано ниже. Назначенные для сбора фонда должностные лица должны немедленно выдавать квитанции на полученные деньги.

б) Члены правления должны все полученные для массового движения деньги помещать в банк (оставляя на руках не свыше 50 ф. ст.) на коллективное имя членов правления; ни вся сумма или суммы, ни часть их не может списываться со счетов банка без представления протокольной книги указанного правления, содержащей соответствующее его постановление, подписанное установленным большинством членов правления.

в) При получении денег из банка в банкнотах (не ниже 5 ф. ст.) номера последних вносятся в книгу, открытую для осмотра, и публикуются в газетах; полученные банкноты должны быть разделены на части и каждая часть доверена отдельному члену правления; в случае получения больших сумм они должны храниться равными частями у каждого члена.

г) Каждый член правления, которому доверена часть указанных денег, должен выдать письменное обязательство на соответствующую долю полученных из банка денег (предполагается, что деньги поделены на равные части соответственно числу членов правления), а в случае его отказа расходовать полученные им деньги по прямому назначению они взыскиваются с этого члена правления по указанному обязательству, и таким образом документ, имеющийся против него, сразу вступает в силу, а в случае уплаты уничтожается; выданное денежное обязательство помещается в сейф или в сундук, подлежащий сдаче на ответственное хранение независимому человеку — не члену правления, который не имеет права разрешать взять ни одного документа иначе, как в присутствии всего состава правления.

д) Деньги, полученные из банка для платежей или покупок, выплачиваются директорами только в присутствии всех членов правления.

III. Употребление фонда.

а) Собираемые средства употребляются на помощь всем городам и местам, где происходят стачки, и на ликвидацию всех долгов, совершенных во время предыдущих и нынешних стачек и локаутов. Поддержка оказывается городам в равном размере пропорционально

числу лиц, лишившихся в них работы. Подобно тому как на корабле, когда продовольствие становится ограниченным, каждый получает равную долю, такая же равная помощь должна оказываться и здесь, независимо от большего или меньшего размера заработной платы. Хотя всем участникам происходящих ныне стачек и локаутов оказывается помощь, но на будущее время содействие не будет оказываться никому, кто не признает и не поддерживает массового движения.

б) Должен быть открыт отдел, регулирующий цены на труд. С этой целью должны выпускаться ежемесячные отчеты о ценах на сырье, употребляемое во всех отраслях производства, где имеет место массовое движение, о ценах на рабочие руки, о продажных ценах выработанных продуктов и о других издержках производства. На основании этих данных правление публикует сведения о прибылях работодателей, причем оно должно иметь свободный доступ к отчетам работодателей об их денежных и иных расходах. В соответствии со всеми материалами регулируются цены на труд и устанавливается тариф заработной платы. Сходный с этим план должен применяться и в области земледелия.

в) Имея бесспорное право на участие в прибылях работодателей, рабочие имеют еще более бесспорное право располагать самими собой. В этих целях, а также в целях более эффективного регулирования заработной платы путем изъятия из предприятий избыточных рабочих рук, средства массового движения следует употреблять на приобретение земельной собственности. Недвижимые имущества приобретаются на имя отдельных лиц, не членов правления. Угодья разбиваются на фермы различной величины, в зависимости от свойств почвы и назначения их, например для личной аренды или для мощного кооперативного предприятия. Указанные земли закрепляются за массовым движением и не подлежат отчуждению. Аренда — краткосрочная, по справедливой и умеренной цене. В арендном договоре должно быть выговорено специальным пунктом, что неисправный плательщик лишается немедленно права на аренду. По другой статье договора арендатор обязывается уплачивать арендную плату лицам, уполномочиваемым на это актом о передаче (о котором говорится ниже). Лица, на имя которых приобретается земля, должны подписать акт о передаче, устанавливающий, что арендатор уплачивает ренту не им (как юридическому владельцу), а директорам массового движения. Директора подписывают акт об обязательстве уплатить каждый 5 000 ф. ст. штрафа двум назначенным лицам, которые не являются покупателями земельных участков, — в случае,

если они (директора), оставляя должность, откажутся выполнить акт о передаче указанных рент своим преемникам; последние должны быть связаны тем же обязательством.

г) В целях обеспечения независимости самостоятельного хозяйства и избавления рынка труда от избытка рабочих рук ваш комитет рекомендует вам в дальнейшем вкладывать значительные средства в организацию кооперативных фабрик, мастерских и складов, которые стали бы собственностью массового движения. Помимо жалования по ставкам предварительно выработанного тарифа, сотрудники этих учреждений получают половину чистого дохода от продажи продукции предприятий; вторая половина прибыли должна поступить в доход массового движения. Избираемые рабочими управляющие кооперативными предприятиями подлежат утверждению правления. Управляющий предприятия регулирует закупки и сбыт, представляет правлению ежемесячные отчеты о закупках, продажах, платежах, убытках или прибылях. В случае основательных жалоб и конфликтов между рабочими и управляющим, рабочие имеют право сместить управляющего и избрать нового, для чего требуется большинство не менее чем в три четверти общего числа голосов. Половина чистой прибыли каждого кооперативного предприятия должна соответственным управляющим отсылаться в правление. К имуществу, которое будет приобретаться массовым движением для кооперативных предприятий, должны применяться те же меры обеспечения, что и к поземельному имуществу».

После продолжительного обсуждения доклад комитета до раздела II был принят в среду в заседании Рабочего парламента. Комитет, избранный для выработки плана деятельности массового движения, состоит из Эрнеста Джонса, Джемса Финлена, Джемса Вильямса, Абрагама Робинсона и Джемса Блайфа.

РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ. — ПИСЬМО МАРКСА.

[Заседание открывается в 9 часов.

На председательском месте г. Кларк Кроппер.

После прочтения и утверждения протоколов принимается постановление: отпечатать баланс в количестве не 300, а 1500 экземпляров. Затем г. Э. Джонс огласил следующее письмо от д-ра Маркса из Лондона.]

Лондон, 28 Deanstreet, Soho, 9 марта 1854 г.

Глубоко сожалею, что не могу, по крайней мере сейчас, оставить Лондон и, таким образом, лишен возможности устно выразить мои чувства гордости и благодарности за приглашение меня на заседание в качестве почетного делегата Рабочего парламента.

Самый факт созыва такого парламента знаменует собой новую эпоху в мировой истории. Известия об этом великом событии пробудят надежды рабочего класса во всей Европе и Америке.

В Великобритании по сравнению со всеми другими странами деспотизм капитала и рабство труда достигли наибольшего развития. Ни в какой другой стране промежуточные слои между миллионерами, командующими целыми промышленными армиями, и наемными рабами, перебивающимися со дня на день, не были так основательно сметены с лица земли. В Великобритании нет больше, как в континентальных странах, обширных классов крестьян и ремесленников, почти в равной мере зависящих как от своей собственности, так и от своего труда. В Великобритании произошел полный разрыв между собственностью и трудом. Поэтому ни в какой другой стране война между двумя классами, образующими современное общество, не принимала таких колоссальных размеров и таких четких и осязательных очертаний.

Именно вследствие этого рабочий класс Великобритании раньше всех других оказался способным стать во главе великого движения, которое в конечном итоге должно привести к полному освобождению труда. Такими сделали его ясное сознание своего положения, огромное превосходство его численности, опыт тяжелой борьбы в прошлом и моральная мощь в настоящем.

Миллионы рабочих Великобритании первыми заложили реальную основу нового общества — современную промышленность, которая преобразует разрушительные силы природы в производительные силы человека. Английский рабочий класс с непобедимой энергией, в поте лица своего и с напряжением мозга, вызвал к жизни материальные возможности облагородить труд и повысить его производительность до такой степени, чтобы сделать возможным общее благоденствие.

Создав неистощимые производительные силы современной промышленности, он выполнил первое условие освобождения труда. Теперь он должен выполнить другие условия. Он должен освободить эти благодетельные силы от постыдных оков монополии и подчинить их общему контролю производителей, которые до сих пор позволяли обращать против себя создаваемые ими ценности и превращать их в орудие собственного угнетения.

Рабочий класс победил силы природы; теперь он должен победить людей. У него достаточно сил для успешного завершения этого дела. Организация его объединенных сил, организация рабочего класса в национальном масштабе — такова, я полагаю, великая цель, поставленная себе Рабочим парламентом.

Если Рабочий парламент окажется верным той идее, которая вызвала его к жизни, будущий историк запишет, что в 1854 г. в Англии существовало два парламента: парламент в Лондоне и парламент в Манчестере, парламент богатых и парламент бедных. Но настоящие люди заседали только в парламенте рабочих, а не в парламенте хозяев.

Искренне преданный вам

Карл Маркс.

РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ. — ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ. — ВОЕННЫЙ БЮДЖЕТ.

Лондон, 7 марта 1854 г.

Вчера, в 10 час. утра, в Народном доме Манчестера собрались делегаты Рабочего парламента. Первое заседание, естественно, было посвящено организационным делам. Джеймс Вильямс из Стокпорта и Джеймс Блайф из Лондона внесли предложение, поддержанное Эрнестом Джонсом, о приглашении доктора Маркса принять участие, в качестве почетного делегата, в занятиях Рабочего парламента; это предложение было принято единогласно. Такие же решения были приняты по отношению к гг. Луи Блану и Надо. Каковы бы ни были непосредственные результаты Рабочего парламента, самый созыв его знаменует новую эпоху в истории труда. Предшественником его на этом пути можно считать собрание в Люксембургском дворце в Париже после февральской революции. Но уже с первого взгляда обнаруживается то большое различие, что Люксембург, это — инициатива правительства, тогда как Рабочий парламент создан по инициативе самих рабочих; что Люксембург создан был в целях удаления социалистических членов временного правительства из центра действия и отстранения их от какого бы то ни было серьезного участия в практической работе страны; что, наконец, делегаты Люксембурга состояли только из членов различных так называемых *corps d'états*, корпораций, более или менее соответствующих средневековым цехам или современным трад-юнионам, в то время как Рабочий парламент, это — действительное представительство всех отраслей труда в национальном масштабе. Успехи Рабочего парламента будут зависеть главным образом, если не исключительно, от его активности в основном вопросе, а это — не так называемая организация труда, а подлинная организация рабочего класса для борьбы в настоящее время.

Привилегии современных правящих классов и рабство рабочего класса одинаково порождены *существующей* организацией труда, которую первые будут, конечно, защищать и поддерживать всеми

имеющимися у них средствами. Одним из таких средств является механизм современного государства.

Чтобы изменить существующую организацию труда и заменить ее новой организацией, нужна сила, — социальная и политическая сила не только для сопротивления, но и для нападения, а чтобы приобрести такую силу, нужно организовать в армию, обладающую такой моральной и физической силой, чтобы быть способной бороться с вражеской ратью. Если Рабочий парламент позволит растратить свое время на обсуждение чисто теоретических вопросов, вместо того, чтобы подготовить путь для действенной организации охватывающей всю страну рабочей партии, он, подобно Люксембургу, обнаружит лишь свою несостоятельность.

Согласно статутам национальной чартистской ассоциации, состоялись новые выборы чартистского Исполнительного комитета. Эрнест Джонс, Джемс Финлен (Лондон) и Джон Шоу (Лидс) объявлены правильно избранными в Исполнительный комитет Национальной ассоциации чартистов на шесть ближайших месяцев.

Так как стремление Бонапарта вынудить у биржи заем не оправдалось ввиду пассивного сопротивления парижских капиталистов, его министр финансов представил сенату бюджет, включающий следующую статью: «Для нужд казначейства и обслуживания операций Французского банка министру финансов предоставляется право выпустить казначейские боны, приносящие проценты и подлежащие оплате в определенные сроки. Казначейские боны не должны превышать в обращении 250 000 000 франков (10 000 000 ф. ст.), но боны, передаваемые в фонд погашения долга, согласно закону от 10 июня 1833 г., не включаются в указанную сумму и не могут вноситься в качестве залога во Французский банк и другие учетные учреждения». В добавочной статье устанавливается, что император сохраняет за собой право выпуска дополнительных эмиссий путем обычных декретов с последующей санкцией сената». В письме из Парижа мне сообщают, что это предложение больно ударило по всей буржуазии, так как, с одной стороны, казначейские боны не должны превышать суммы в 250 000 000 франков, а с другой — могут превысить указанную сумму на любую величину, какую императору заблагорассудится подписать, и обязательства, таким образом выпускаемые, не могут даже приниматься в качестве залога во Французском банке или других учетных учреждениях. Вы знаете, что сумма в 60 000 000 франков, взятая из Сохранной кассы (Caisse de dépôts et consignation), выплачена уже банком казначейскими бонами.

Одного призрака войны оказалось достаточно, чтобы деятели декабря жадно устремились к тому, чтобы снести последний жалкий барьер, еще находящийся между ними и народным достоинством. В то время как эта перспектива неизбежной дезорганизации государственного кредита, уже значительно распатанного, пугает средние классы, широкая масса народа все более раздражается предстоящим увеличением налога на соль и других таких же в высшей степени непопулярных налогов. Таким образом, война, несомненно обеспечивающая Бонапарту некоторую популярность в иностранных государствах, может, тем не менее, ускорить его падение во Франции.

О том, что я был прав в оценке нынешних испанских затруднений как повода для серьезных недоразумений между Англией и Францией, можно судить по следующему рассуждению одной лондонской газеты: «Французский император, через г. Валевского, запросил лорда Кларендона, согласится ли британское правительство, в случае низложения королевы Изабеллы, помочь ему возвести на трон карлистского претендента на испанскую корону. Лорд Кларендон, говорят, ответил, что, к счастью, королева Изабелла прочно сидит на троне и что в стране, столь преданной монархическим установлениям, революция представляется лишь отдаленной возможностью; но что если даже революция разразится в Испании и королева Изабелла будет низложена, британский кабинет должен будет отказаться от каких бы то ни было обязательств. Предложение императора посадить на трон графа де-Монтемолена подсказано весьма естественным желанием отстранить герцогиню Монпансье от наследования короны ее сестры ввиду того, что он считает неудобным иметь своим соседом, в качестве супруга королевы испанской, сына Луи-Филиппа».

В заседании палаты общин, в пятницу, лорд Джон Россель объявил, что он вынужден взять назад свой билль о реформе до более благоприятного времени, до 24 апреля, если за этот промежуток времени, вследствие принятия новых предложений, сделанных русскому императору, будет достигнуто соглашение в восточном вопросе. Верно в этом отношении то, что после манифеста царя к своим подданным и его письма Бонапарту такое соглашение стало более невероятным, чем когда бы то ни было раньше. Но, тем не менее, заявление правительства показывает, что билль выдвинут был лишь с единственной целью — отвлечь и успокоить общественное мнение на тот случай, если коалиционной дипломатии удастся достигнуть восстановления с русскими *status quo ante bellum* (сохранение положения как до войны). Выдающаяся роль, какую в этих

министерских интригах играл Пальмерстон, обрисовывается в «Morning Advertiser» одним из наиболее преданных его приверженцев следующим образом:

«Лорд Эбердин — номинальный, а не действительный премьер-министр. Фактически первый министр короны — лорд Пальмерстон. Он — духовный вождь кабинета. Со времени возвращения Пальмерстона к работе его коллеги, находившиеся в постоянном страхе, что он вновь покинет их, естественно боялись препятствовать осуществлению тех его взглядов, которым, как им известно, он придавал особое значение. По каждому из вопросов он, конечно, имеет свой собственный взгляд. Поразительный пример влияния этого лорда в совете ее величества дала прошедшая неделя. Тогда именно билль о новой реформе формально был внесен на рассмотрение кабинета и стоял вопрос — проводить ли его в нынешней сессии или снять. Лорд Эбердин, лорд Джон Россель, сэр Джемс Грехем и сэр Вильямс Мольсворт были за то, чтобы проводить это мероприятие. Лорд Пальмерстон предложил взять проект обратно и во всеуслышание заявил, как мы писали несколько дней тому назад, что если он потерпит поражение в кабинете, он будет голосовать за снятие вопроса в Нижней палате. Результатом этого обсуждения или беседы было торжество Пальмерстона. Его оппоненты, в том числе и лидеры министерства в обеих палатах, потерпели поражение. Другим триумфом лорда Пальмерстона в течение последних восьми дней было назначение сэра Чарльза Непира командующим балтийским флотом. Никакого секрета нет в том, что и лорд Джон Россель, и сэр Джемс Грехем были против этого назначения, но лорд Пальмерстон стоял за него и добился успеха. Вполне естественно, что distinguished лорд должен будет сегодня вечером председательствовать на банкете в честь доблестного адмирала, устраиваемом в Клубе реформы».

Вчера ночью г-н Гладстон внес в палату общин неведомую нынешнему поколению новинку — военный бюджет. Было очевидно из его речи, что причины столь срочного представления правительством палате общин своих финансовых мероприятий следует искать в желании, путем предварительного сообщения о неблагоприятном влиянии войны на денежные дела частных лиц, охладить воинственный пыл страны. Другой значительной особенностью его речи был вопрос о сумме, которую нужно было бы возместить, если бы война сейчас была закончена, тем 25 000 человек, которые только что покинули британские берега.

Он начал с изложения действительного положения доходов и расходов последнего финансового года. Еще не покончив с этим, он

заметил, «что величина доходов по месяцам может быть только предположительной». Вся доходная роспись за год на 18 апреля исчислена в 52 183 000 ф. ст., в то время как действительные поступления за год превысили 54 025 000 ф. ст.; таким образом, получается превышение действительных доходов над предполагаемыми расходами на 1 842 000 ф. ст. С другой стороны, достигнута была экономия в расходах, бóльшая, чем предусмотрено сметой, на 1 012 000 ф. ст. Поэтому Гладстон вычислил, что если бы не финансовые тяготы, которые претерпевает в настоящее время страна, этот год дал бы превышение доходов над расходами около 2 854 000 ф. ст.

Затем Гладстон перешел к изложению результатов проводимого им снижения пошлин. Поступление таможенных сборов, не взирая на это снижение, достигло в 1853—1854 гг. 20 600 000 ф. ст., в то время как в 1852—1853 гг. эти сборы дали только 20 396 000 ф. ст. Увеличение достигает, следовательно, 204 000 ф. ст. Произведенная замена пошлин с 3 пенсов до 10 шиллингов единообразной пошлиной в один пенс увеличила поступление их и, вместо предполагавшегося сокращения, имел место прирост на 36 000 ф. ст.

В дальнейшем Гладстон коснулся результатов мероприятий по увеличению налогов, принятых последней сессией. Взимание подоходного налога в Ирландии задержалось различными обстоятельствами, но он дал бы на 20 000 ф. ст. больше, чем было исчислено. Расширение круга облагаемых доходов (от 150 до 100 ф. ст.) даст по Великобритании на 100 000 ф. ст. больше, чем предполагалось по смете, а именно 250 000 ф. ст. Доход от дополнительного налога в один шиллинг на галлон спирта в Шотландии дал излишек только в 200 000 ф. ст., а по смете он исчислялся в 278 000 ф. ст. С другой стороны, налог на спирт в Ирландии дал повышение на 213 000 ф. ст. против исчисленного повышения в 198 000 ф. ст. Операции по наследственным пошлинам должны бы дать в течение всего финансового года только полмиллиона фунтов. Вот как великолепно, по отчету г. Гладстона, состояние финансов Великобритании за последние 12 месяцев, кончая 5-м апреля.

*Предполагаемая доходная смета
на 1854—1855 г. (в ф. ст.):*

Пошлины	20 175 000
Акциз	14 595 000
Гербовый сбор	7 090 000
Налоги	3 045 000
Подоходный налог	6 275 000
Почтовые пошлины	1 200 000
Государственное имущество	259 000

Старые запасы	420 000
Прочие доходы	320 000
<hr/>	
Всего доходов	53 349 000

Предполагаемая расходная смета (в ф. ст.):

Консолидированный долг	27 000 000
Неконсолидированный »	546 000
Консолидированный фонд	2 460 000
Армия	6 857 000
Флот	7 488 000
Артиллерия	3 846 000
Интендантское управление	645 000
Милиция	530 000
Разведывательная служба	792 000
Восточная служба	1 250 000
Прочие расходы	4 755 000
<hr/>	
Всего расходов	56 189 000
Дефицит	2 840 000

Прежде чем обратиться к источникам покрытия дефицита, г. Гладстон перечислил мероприятия, какие правительство не рекомендовало бы принимать палате общин. Он не хотел бы возвращаться к хотя бы частичному восстановлению пониженных пошлин; снижение, которое он предполагал в прошлом году, приобрело уже силу закона. Он не хотел бы обращаться к бесполезному восстановлению тех налогов, от которых предшествовавшее правительство уже отказалось. Если бы, однако, борьба, в которую сейчас вступила страна, затянулась на год, тогда правительство едва ли было бы в состоянии надолго сохранить это уменьшение налогов. Вообще Гладстон не предполагал повышать косвенные налоги. Не хотел он также прибегать к государственным займам, ибо нет такой страны, достояние которой было бы в такой мере обременено долгами, как достояние Англии. Наконец, после всех этих предисловий Гладстон перешел к изложению предложений правительства. Эти предложения сводились к удвоению на шесть месяцев ставок подоходного налога и к полной отмене существующего разделения на векселя, выданные внутри страны и на другие страны.

Средняя ставка пошлин на трассировку, хотя и неравномерно распределенная, до сих пор составляла 1 ш. 6 п. Гладстон предложил свести ее к одному проценту, выравнив нормы. Это изменение, по его подсчетам, должно дать повышение доходов на 60 000 ф. ст. Что касается ставок подоходного налога, то повышение должно составить от 7 до 10 $\frac{1}{2}$ пенсов на фунт для доходов от 150 ф. ст. и выше и от

5 до 7 $\frac{1}{2}$ пенсов — для доходов от 100 до 150 ф. ст. Одновременно Гладстон предлагал, чтобы Нижняя палата вынесла постановление, которым он уполномочивался бы выпустить, до поступления налога, казначейские билеты на 1 750 000 ф. ст., которые погашались бы добавочными поступлениями подоходного налога. В заключение Гладстон пытался — не совсем удачно — защищать свои последние мероприятия, направленные на уменьшение государственного долга, — мероприятия, которые, как вы знаете, окончились таким жалким провалом.

В прениях, последовавших после этого доклада, приняли участие многие члены палаты, но единственной речью, заслуживающей быть отмеченной, была речь Дизраэли. Он заявил, что не станет оказывать никакого противодействия предложениям, которые правительство сочтет необходимым внести за своей ответственностью в палату общин, чтобы обеспечить возможность ведения войны со всей энергией и — он надеется — с успехом. Но на случай, если война затянется, он протестовал бы против того, чтобы прямые налоги были обращены исключительно на ведение войны.

Что касается второй части доклада Гладстона, той, которая касалась нынешнего финансового положения страны, а также и свободной наличности, — ему казалось, что эта часть доклада неясна, а это недопустимо для финансового доклада и тем более для доклада, который делается при нынешних обстоятельствах.

Современное состояние баланса казначейства он считает недостаточным и неудовлетворительным. Когда теперешнее правительство пришло к власти, 3 января 1853 года, баланс казначейства достигал 9 000 000 ф. ст., а через год, в январе 1854 г., он сократился наполовину. Дизраэли вычислил, что баланс казначейства на 5-е апреля следующего года падет до 3 000 000 ф. ст., так как выплата дивидендов государственным кредиторам и расходы по проведению конверсии потребуют в общем от 9 000 000 до 10 000 000 ф. ст.

Достопочтенный джентльмен заявил, что не следует это проводить по балансу казначейства, что нужно зачислить недостающую сумму за счет дефицита. Он утверждал, что было бы чрезвычайно важно, чтобы к этому времени баланс был сведен, но вместо прежнего вопроса, будут ли сведены концы с концами или получится остаток по балансу, теперь встает вопрос, будет ли вообще сведен баланс или получится большой дефицит. И действительно, вместо того, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами, получился огромный дефицит, который создан канцлером казначейства двойным образом. Во-первых, тем, что он уменьшил проценты по казначейским

билетам до $1\frac{1}{2}\%$, в то время, когда ценность денег возросла, и, во-вторых, своей злосчастной конверсией южно-морских капиталов, т. е. меропрятием, которое не только поглотило его баланс, но и оставило ему дефицит в 2 000 000 ф. ст.

После нескольких замечаний незначительного характера, сделанных другими членами палаты, рассмотрение доклада о смете было закончено и предложение было принято.

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЛОНДОНЕ
ЭМИГРАЦИЯ ИЗ АНГЛИИ**

МАДЗИНИ И КОШУТ. — СОЮЗ С ЛУИ-НАПОЛЕОНОМ. — ПАЛЬМЕРСТОН.

Лондон, 28 сентября 1852 г.

Могу сообщить вам нижеследующие достоверные факты, имеющие отношение к движению среди итальянской и венгерской эмиграции.

Не так давно венгерский генерал Феттер объездил всю Италию по поручению Кошута и Мадзини, имея при себе паспорт одного американского художника. Феттера сопровождала венгерская певица г-жа Ференци, выступавшая с концертами. Благодаря этому ему удалось проникнуть в высшие официальные круги, между тем как письма от Мадзини открыли ему доступ в тайные общества. Он объездил всю страну от Турина и Генуи, через Милан, до Рима и Неаполя. Недавно он вернулся в Англию и сделал доклад о своей поездке, совершенно ошеломивший г-на Мадзини, этого архангела демократии. Главная суть сообщения Феттера сводится к тому, что Италия впала в крайний *материализм*: торговля шелком, растительным маслом и другими местными продуктами сделалась такой всепоглощающей злобой дня, и средние классы (на которые возлагает все надежды Мадзини) так озабоченно подсчитывают убытки, причиненные революцией, и так усердно стараются возместить их промышленной деятельностью, что *не может быть и речи о том, чтобы революционное движение началось в Италии*. В этой стране, говорит в своем докладе Феттер, никакое восстание невозможно до тех пор, пока пламя не вырвется снова из французского кратера, — тем более, что часть населения, революционная по преимуществу, деморализована долгими преследованиями и постоянным крушением своих начинаний, а главное — не имеет никакой опоры в массах. На основании этого доклада Феттера Мадзини, так громко и так нелепо поносивший Францию, поневоле должен был снова предоставить первенство старому Вавилону.

Но, решив вернуться к союзу с Францией, эти господа начали переговоры — как бы вы думали с кем? — с *г-ном Луи Бонапартом*.

Кошут, с согласия Мадзини, послал в Париж некоего Киша

для установления связи с бонапартистами. Киш был когда-то знаком с сыновьями Жерома Бонапарта. Теперь он развлекается в Париже, в кафе и других домах, таскается за Пьером Бонапартом, кадит ему фимнам и посылает восторженные доклады Кошуту. Итак, освобождение Венгрии фирмой Луи-Наполеона и Кошута отныне не подлежит сомнению. Глава революционеров заключил союз на жизнь и смерть с «тираном».

Еще до всех этих событий старик Лелевель, поляк, и русский священник Тадеуш Горжовский приехали в Лондон от имени так называемой «польской централизации» и ознакомили Кошута и Мадзини с планом восстания, главным козырем которого должно быть сотрудничество Бонапарта. Их особливым другом в Лондоне был граф Ланкоронский, являющийся вместе с тем русским императорским агентом, и предложенный ими план особенно замечателен тем, что он был предварительно просмотрен и исправлен в С.-Петербурге. Этот граф Ланкоронский находится сейчас в Париже, где он наблюдает за Кишем, а оттуда поедет в Остенде для получения новых инструкций из С.-Петербурга.

Киш угощает Кошута из Парижа всевозможными заверениями, которые были бы весьма уместны в детской басне, но которые ввиду сказочного положения во Франции, может быть, и соответствуют действительности. Говорят, что Кошут получил собственноручное письмо от Луи-Наполеона с приглашением *приехать в Париж*.

Кошут будто бы распространял копии этого письма по всей Венгрии. В этой последней он уже все подготовил для общего восстания. В заговор втянуты даже королевско-имперские чиновники. Кошут надеется выступить в октябре.

Выше я ограничился почти буквальной передачей того, что я слышал от других. Если теперь вы спросите меня, каково мое мнение обо всем этом, то я нахожу, что Луи Бонапарт хочет убить сразу двух зайцев. Он старается завлечь в свои сети Кошута и Мадзини, чтобы потом выдать их австрийцам, взамен чего последние должны будут санкционировать его захват императорской короны Франции. Кроме того, он рассчитывает, что Кошут и Мадзини потеряют всякое влияние в революционной партии, как только станет известно, что они вели с ним переговоры или вошли с ним в какую-то связь. С другой стороны, его восшествие на престол встречает сильное сопротивление среди абсолютистских держав, и при его авантюризме весьма возможно, хотя и не очень вероятно, что он склонен попытать счастья с заговорщиками.

Что касается в частности Италии, то Луи Бонапарт мечтает

присоединить Ломбардию и Венецию к своим владениям, предоставив Неаполь своему кузену Мюрату. Недурные перспективы для сеньора Мадзини!

Раз я уже опять заговорил об Италии, позвольте мне сообщить вам еще одну новость. Графиня Висконти, одна из героинь последних итальянских боев за свободу, была недавно в Лондоне и имела продолжительную беседу с лордом Пальмерстоном. Сиятельный лорд поведал ей, что он надеется еще в текущем году стать во главе английского правительства и что тогда Европа быстро пойдет навстречу своему преобразованию; в особенности необходимо вырвать Италию из когтей Австрии, ибо никакая страна не может длительно управляться с помощью свинца и пороха. Во всех своих начинаниях, — сказал Пальмерстон, — он рассчитывает найти союзницу в лице Франции. Но в то же время он хотел бы, чтобы в случае общего восстания Ломбардия была немедленно присоединена к Пьемонту, причем вопрос о провозглашении республики в Пьемонте должен быть целиком предоставлен будущему.

Я, со своей стороны, глубоко убежден, что ветеран Пальмерстон обольщается чистейшими иллюзиями и, в частности, не видит того, что если он еще и пользуется кое-каким влиянием среди парламентских клик, то в самой стране его влияние равно нулю.

КОШУТ, МАДЗИНИ И ЛУИ-НАПОЛЕОН. .

Письмо редактору «Нью-иоркской трибуны».

Лондон, 16 ноября 1852 г.

Милостивый государь, мое письмо от 28 сентября с разоблачениями действий Кошута и Мадзини произвело, как я вижу, большое впечатление и дало повод демократической прессе для множества ненужных пересудов, кривотолков и шумихи.

По имеющимся у меня сведениям, Кошут не принимает никакого участия во всей этой шумихе. Если бы он сам выступил с опровержением изложенных мною фактов, я вернулся бы к ним и еще раз подтвердил бы их самым непререкаемым образом.

Впрочем, своим письмом я имел в виду не столько уличить Кошута, сколько *предостеречь* его. В политике можно объединяться ради известной цели даже с самим чортом, — нужно только быть уверенным, что ты проведешь чорта, а не чорт тебя.

Что касается господина, взявшегося опровергнуть меня из *авторитетного источника*, то я хотел бы напомнить ему старую поговорку: *Americanus incommodus ab inimicis non differt* (нежелательный американец не отличается от врага).

Тем господам из демократической печати, и в особенности из немецкой демократической печати, которые, по своему обыкновению, вопили громче всех, я скажу, что все они ханжи и скрытые роялисты. Эти люди не могут обойтись без королей, богов и попов. Едва выйдя из-под ферылы своих старых господ, они уже создают себе новых и негодуют на «предателей и мятежников», единственная вина которых в том, что они публикуют неприятные истины и компрометирующие факты, совершая таким образом тяжкий грех против новоявленных богов и царей демократии.

Ваш частный корреспондент.

ОТВЕТ «СЕКРЕТАРИЮ» КОШУТА.

Письмо редактору «Нью-иоркской трибуны».

Лондон, 14 декабря 1852 г.

Милостивый государь, не так давно я послал вам объяснение по поводу моей корреспонденции о деятельности Кошута и Мадзини, вызвавшей такой бурный отклик в американской печати. В моем объяснении, — в котором я, между прочим, отметил, что сам Кошут стоял совершенно в стороне от вызванных моей корреспонденцией многочисленных статей и что моей целью было не столько уличить, сколько предостеречь соответствующих лиц, — в моем объяснении содержалось все, что я считал тогда необходимым сказать по этому вопросу. Но вот я получаю последние американские газеты и нахожу в них нечто вроде официального опровержения моих сообщений, исходящего якобы от секретаря г-на Кошута. По поводу этого документа я должен сообщить вам, что Кошут, будучи запрошен мною, заявил следующее:

- 1) в настоящее время он вообще не имеет секретаря;
- 2) упомянутое «опровержение» было написано без его разрешения;
- 3) он даже узнал о нем впервые из моего сообщения.

После этого «авторитетного» заявления я больше не буду возвращаться к этому вопросу. Пусть непризванные защитники расплачиваются сами за свое усердие не по разуму.

Ваш частный корреспондент.

**ВЫНУЖДЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ. — КОШУТ И МАДЗИНИ.
ВОПРОС ОБ ЭМИГРАНТАХ. — ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПОДКУПЫ В
АНГЛИИ. — ГОСПОДИН КОБДЕН.**

Лондон, 4 марта 1853 г.

Из отчетов о торговле и судоходстве за 1851 и 1852 годы, опубликованных в феврале, мы видим, что декларированная общая стоимость *вывоза* составляла в 1851 году 68 531 601 фунт стерлингов, а в 1852 г. — 71 429 548 фунтов; из последней суммы 47 209 000 фунтов стерлингов падают на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые товары. Ввоз 1852 года меньше ввоза 1851 года. Так как пропорционально ввоз для внутреннего потребления не уменьшился, скорее даже увеличился, то отсюда следует, что вместо обычного количества колониальных продуктов Англия отослала обратно известное количество серебра и золота.

Ведомство колониальной эмиграции дает следующий отчет об эмиграции из Англии, Шотландии и Ирландии во все части света за время с 1 января 1847 года по 30 января 1852 года:

	Англия	Шотландия	Ирландия	Всего
1847 г.	34 685	8 616	214 969	258 270
1848 »	58 865	11 505	177 719	248 089
1849 »	73 613	17 127	208 758	299 498
1850 »	57 843	15 154	207 852	280 849
1851 »	69 557	18 614	247 763	335 966
1852 » (до июня) . .	40 767	11 562	143 375	195 704
	335 330	82 610	1 200 436	1 618 376

«Предполагают, — замечает отчет, — что девять десятых эмигрантов из Ливерпуля — ирландцы, три четверти эмигрантов из Шотландии — это кельты, которые приходят либо с шотландских гор, либо из Ирландии через Глазго. Соответственно этому около четырех пятых всей эмиграции принадлежит к кельтскому населению Ирландии, горных местностей Шотландии и шотландских островов. Лондонский «Economist» замечает по этому поводу: «Эмиграция представляет собой результат крушения системы, основанной

на карликовом хозяйстве и разведении картофеля». К этому он добавляет: «Удаление излишней части населения из Ирландии и из горных местностей Шотландии является неизбежной предпосылкой к улучшениям всякого рода... Государственные доходы Ирландии совершенно не пострадали во время голода 1846 — 1847 годов, а равно вследствие происходившей с тех пор эмиграции. Напротив, чистый доход составлял в 1851 году 4 281 999 фунтов стерлингов, т. е. был на 184 000 фун. стерлингов выше, чем в 1843 году».

Итак, сперва доводят население страны до нищеты, а когда из него уже ничего более нельзя выжать, когда оно начинает падать на страну бременем, его выгоняют вон и радуются своему чистому доходу. Таков, впрочем, и принцип, изложенный Рикардо в его «Основах политической экономии». Если же ежегодная прибыль капиталиста равняется 2 000 фунтов стерлингов, он мало интересуется тем, заняты ли у него сто или тысяча рабочих. «Не так ли обстоит дело и с действительным доходом нации?» спрашивает Рикардо. Если действительный чистый доход нации — земельная рента и прибыль — остается на одном уровне, тогда в конце концов безразлично, берется ли он от десяти миллионов или от двенадцати миллионов жителей. На это Сисмонди в своих «Новых принципах политической экономии» отвечает, что в таком случае английской нации должно было бы быть совершенно безразлично, если бы исчезло все население и на острове остался бы один король (тогда королевы еще не было), при условии, что автоматическая машина даст ему возможность получать тот же чистый доход, который сегодня собирается с населения в двенадцать миллионов. На самом деле то чисто грамматическое понятие, которое именуется «национальным богатством», не потеряло бы ведь от этого никакого ущерба.

В одном из прежних писем я уже привел пример того, как в горных местностях Шотландии поместья были «очищены» от крестьян. Теперь я хочу привести лишь одну цитату из «Galway Mercury», которая показывает, что и в Ирландии население вынуждается к эмиграции при помощи таких же приемов. «Из Западной Ирландии люди уходят массами. Землевладельцы Коннаута молчаливо сговорились вытравить с корнем мелких землевладельцев и устраивают форменный поход для их уничтожения. В этой провинции происходят ежедневно душу раздирающие жестокости, о которых публика ничего не знает».

Однако не только обещавшие жители ирландского «зеленого острова» и горных местностей Шотландии выбрасываются сельскохозяйственными улучшениями и «крушением устаревшей общественной

системы». Эмиграционное ведомство оплачивает переезд не только дюжих сельских рабочих Англии, Уэльса и Нижней Шотландии. Колесо «улучшений» захватывает теперь также тот класс, который был наиболее устойчивым классом Англии... Неожиданная страсть к эмиграции овладела английскими мелкими арендаторами, особенно теми, которые сидят на тяжелой глинистой почве. Плохие виды на урожай, недостаток капитала, необходимого для производства на их земельных участках крупных улучшений, которые дали бы им возможность платить прежнюю арендную плату, — все это не оставляет им никакого другого выхода, как отправиться за океан в поисках новой родины и новой земли. Я говорю здесь не об эмиграции, вызванной безумной золотой лихорадкой, а о той вынужденной эмиграции, которая вызвана крупным землевладением, концентрацией земельной собственности, применением машин к обработке земли и введением крупного производства в сельском хозяйстве.

В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации. Но почему это так было? Потому, что им было совершенно неизвестно применение естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, они могли сохранить свою цивилизацию. В противном случае они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция.

То же давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства. Здесь под другою внешнею формою действовала та же причина. Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили на-

чало образованию народов в древней и новой Европе. Но совершенно иначе обстоит дело с теперешними крупными принудительными выселениями. Избыток народонаселения создается не недостатком производительных сил, а их ростом, который требует уменьшения производящего населения и устраняет его избыточность при помощи голодной смерти или эмиграции. Не население давит на производительные силы, а последние давят на население.

Я не разделяю ни мнения Рикардо, считающего «чистый доход» Молохом, которому должны быть принесены в жертву целые народы, ни мнения Сисмонди, который в своей ипохондрической филантропии хотел бы насильственно удержать в сельскохозяйственном производстве отжившие методы и изгнать науку из промышленности, как Платон изгонял поэтов из своей республики. В обществе совершается безмолвная революция, которой необходимо подчиниться и которая так же мало беспокоится о человеческих существах, падающих ее жертвами, как землетрясение — о разрушаемых им домах. Классы и нарсды, слишком слабые для того, чтобы справиться с новыми условиями жизни, должны погибнуть. Но что может быть более ребяческим и близоруким, чем взгляды тех экономистов, которые вполне серьезно полагают, что это бедственное переходное состояние означает не что другое, как приспособление общества к инстинкту присвоения, свойственному капиталистам — как землевладельцам, так и финансовым лордам?

В Великобритании ход этого процесса очень прозрачен. Применение научных методов к производству изгоняет людей из деревень и концентрирует их в промышленных городах. «Комиссары по эмиграции не оказали поддержки ни одному промышленному рабочему, за исключением немногих ручных ткачей из Спиталфильда и Пезли; а на собственный счет эмигрировали лишь немногие или даже никто», — пишет «Economist».

«Economist» отлично знает, что на собственный счет рабочие не могут эмигрировать и что промышленный средний класс не пришел бы им на помощь при эмиграции. К чему же это приводит? Крестьянское население, наиболее устойчивый и консервативный элемент современного общества, исчезает, в то время как промышленный пролетариат именно в результате современного способа производства концентрируется в огромных центрах, являющихся средоточиями гигантских производительных сил, история создания которых была до сих пор историей мучения рабочих. Кто помешает им сделать еще один шаг вперед и овладеть силами, которые раньше владели ими самими? Какая сила сможет оказать им сопротивление? Такой

силы нет. Бесплезно будет тогда ссылаться на «права собственности». Буржуазные экономисты сами признают, что современные изменения в способе производства уничтожили устаревшую общественную систему и ее методы присвоения. Эти изменения привели к экспроприации членов шотландского клана, ирландских мелких крестьян (Cottier) и арендаторов, английских именов, ручных ткачей, бесчисленного множества ремесленников, целых поколений фабричных детей и женщин; с течением времени они, в свою очередь, экспроприируют землевладельцев и хлопчатобумажных лордов.

На континенте небо сверкает молниями, но в Англии дрожит сама земля. Англия — та страна, где начинается действительное преобразование современного общества.

В своем письме от 1-го сего месяца я сообщил, что Мадзини намерен публично выступить против Кошута. Действительно, 2-го сего месяца в «Morning Advertiser», «Morning Post» и «Daily News» появилось письмо Мадзини. Так как теперь сам Мадзини сломал лед, я могу тут же сообщить, что Кошут под давлением своих парижских друзей отрекся от своего собственного документа. И в прежней карьере Кошута мы находим много таких черт колеблющейся слабости, неразрешимой противоречивости и двойственности. Он обладает всеми симпатичными свойствами, но вместе с тем и всеми типично женскими недостатками так называемой «артистической натуры». Он великий артист слова. Всем тем, которые не любят преклоняться перед общественными предрассудками, но предпочитают составлять себе свое собственное суждение, основанное на фактах, я рекомендую прочесть недавно выпущенные Семере биографии *Людвига Баттиани*, *Артура Гергея* и *Людвига Кошута*.

Что касается Ломбардии, то можно быть уверенным, что если Мадзини не удалось привести в движение итальянскую буржуазию, то Радецкий успешно добьется своего. В настоящий момент он собирается конфисковать имущество всех эмигрантов, даже тех, которые уехали с разрешения австрийских властей и натурализовались в других государствах, *если они не докажут, что не имеют никакого отношения к последнему восстанию*. Австрийские газеты исчисляют сумму подлежащей конфискации собственности приблизительно в двенадцать миллионов франков. На заседании Нижней палаты от 1 марта лорд Пальмерстон на вопрос лорда Дедли Стюарта ответил: «Континентальные державы не внесли никакого предложения об изгнании из Англии политических эмигрантов, но если бы они это сделали, им ответили бы определенным и решительным отказом. *Британ-*

ское правительство никогда не брало на себя задачи заботиться о внутренней безопасности других государств».

Однако, несмотря на это, такое предложение все-таки, очевидно, предполагалось внести; это видно из газеты биржевых дельцов «*Moniteur*» и из «*Journal des Débats*», которые в своих последних номерах высказывают предположение, что Англия согласится на общую просьбу Австрии, России, Пруссии и Франции. К этому «*Journal des Débats*» прибавляет: «Если швейцарский союз откажет Австрии в разрешении организовать на границе сторожевую охрану, то возможно, что Австрия силою проникнет в пределы Швейцарии и займет кантон Тичино; в этом случае Франция, для сохранения равновесия, введет свои войска в кантоны, расположенные на ее швейцарской границе». Итак, «*Journal des Débats*» предлагает по отношению к Швейцарии то же простое средство, которое в 1770 году принц Генрих Прусский в шутку предложил императрице Екатерине по отношению к Польше. Тем временем почтенное учреждение, именуемое себя Германским союзным сеймом, серьезно обсуждает вопрос о том, чтобы «обратиться к Англии», и по этому торжественному случаю выпускает из своих легких столько воздуха, что им можно было бы надуть паруса всего германского флота.

На заседании Нижней палаты 1-го числа произошел весьма характерный инцидент. Депутаты от Бриджпорта и Блекберна были объявлены избранными неправильно ввиду обнаруженного подкупа. Тогда сэр Дж. Шелли предложил, чтобы показания свидетелей, данные в комиссиях, были сообщены палате и чтобы вторично выборы были назначены не раньше, чем на 4 апреля. На это достопочтенный баронет сэр Дж. Троллоп заметил, «что учреждено уже четырнадцать комиссий для расследования избирательных подкупов в различных избирательных округах и что надо учредить еще пятьдесят новых комиссий». После этого он говорил о том, как трудно найти достаточное количество депутатов для составления, с одной стороны, комиссий по проверке выборов и, с другой стороны, комиссий для текущих дел палаты. Если покопаться поглубже в самых основах парламента, это вызовет крах всей палаты, и работа парламентской машины совершенно приостановится.

В своей последней брошюре, как и в своих речах на конгрессе мира в Манчестере и на различных собраниях по вопросам образования, господин Кобден занимался критикою прессы. Вся пресса отплатила ему тою же монетою, но наиболее сильный удар нанес ему «*Englishman*», письма которого о Луи-Наполеоне во время государственного переворота вызвали столь большую сенсацию и который

с тех пор обратился во врага шелковых баронов и хлопчатобумажных лордов. Названная газета заканчивает свое письмо к Кобдену следующей эпиграмматическою характеристикою оракула из Вест-Рэдинга. «Надутый и выведенный из равновесия своей единственной победой, он охотнее всего осуществил бы автократию. Он — пророк клики, неутомимый агитатор, жадный искатель славы, ненавистник всякой оппозиции, своенравный, нелогичный, утопический, упрямый в достижении намеченной цели, надменный в обращении, вздорный проповедник мира и язвительный прозелит всемирного братства. На устах у него всегда свобода; но догматы его деспотичны; он возмущается, когда пресса не дает себя запугать или обмануть; он хотел бы злоупотребить ее влиянием, ее знаниями, ее независимостью; он хотел бы низвести профессию писателя — образованного джентльмена — до уровня ремесла жалкого кропателя строчек, а самого себя провозгласить единственным лидером прессы».

КОШУТ И МАДЗИНИ. — ПРУССКАЯ ПОЛИЦИЯ. — ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ. — «TIMES» И ЭМИГРАЦИЯ.

Лондон, 18 марта 1853 г.

Сегодня парламент прерывает свои заседания по случаю пасхальных каникул до 14 апреля.

В одном из прежних писем я сообщал, что жена Либени подверглась в Будапеште телесному наказанию со стороны австрийцев. Впоследствии я узнал, что он вовсе не женат; оказался совершенно ложным и другой циркулировавший в лондонской прессе слух, будто бы он мстил за своего отца, обиженного австрийцами. Он действовал исключительно под влиянием политических мотивов и до последней минуты сохранил свою твердость и свой героизм.

Еще до получения этого письма вы из английских газет узнаете ответ Кошута на заявление Мадзини. Я, с своей стороны, полагаю, что Кошут еще больше ухудшил и без того плохое дело. Противоречие между его первым заявлением и последним настолько очевидно, что мне нет надобности доказывать это. Но и в стиле обоих документов обнаруживается резкая разница: первый написан гиперболическим языком восточного пророка, второй выдержан в казуистическом судебном стиле адвоката.

Друзья Мадзини утверждают теперь в один голос, что миланское восстание было навязано ему и его товарищам обстоятельствами, над которыми они были не властны. Но, с одной стороны, самая природа всякого заговора такова, что его взрыв может произойти преждевременно — либо вследствие измены, либо случайно. С другой стороны, нельзя в течение трех лет беспрестанно призывать к *действию, действию, действию* и весь революционный словарь ограничивать одним словом «восстание» и затем думать, что можно в определенный момент, ссылаясь на свой авторитет, декретировать, что *сейчас восстания не надо*. Как бы то ни было, жестокость австрийцев превратила миланскую неудачу в настоящее начало национальной революции. Послушаем, например, сегодняшнее сообщение хорошо

осведомленной «Morning Post», органа лорда Пальмерстона: «Народ Неаполя ждет движения, которое наверное произойдет в Австрии. Тогда поднимется вся Италия от Пьемонта до Сицилии, и произойдет большое несчастье. Итальянские войска распадутся; так называемые швейцарские солдаты, набранные из рядов революции 1848 года, не спасут государей Италии. Италия идет навстречу *невозможной республике*. Несомненно, таков будет ближайший акт драмы, начавшейся в 1848 году. Усилия дипломатии спасти государей Италии исчерпаны».

Аурелио Саффи, подписавший вместе с Мадзини его прокламацию и совершивший объезд Италии до восстания, признает в письме в «Daily News», что «высшие классы погрузились в мрачное равнодушие или отчаяние» и что только «народ Милана», пролетарии «без вождей, предоставленные своим собственным инстинктам, сохранили перед лицом деспотизма австрийских проконсулов и юридических убийств, совершаемых военными судами, веру в будущее родины; единодушно готовятся они к мести».

Это большой прогресс, что партия Мадзини, наконец, пришла к убеждению, что даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма играют роль классовые различия и что не от высших классов можно ожидать в наше время революционного движения. Может быть, сторонники Мадзини сделают еще один шаг вперед и придут к сознанию, что им надо серьезно заняться материальным положением итальянского крестьянства, если они хотят найти отклик своему лозунгу «Dio e popolo» (бог и народ). Я собираюсь как-нибудь позже обрисовать подробно вам те материальные условия, в которых живет подавляющее большинство сельского населения Италии и благодаря которым оно до настоящего времени если и не реакционно, то, по меньшей мере, равнодушно к национальной борьбе своей страны.

Две тысячи экземпляров брошюры, выпущенной мною несколько времени тому назад в Базеле под заглавием «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», конфискованы на баденской границе и сожжены по требованию прусского правительства. Согласно новому закону о печати, навязанному Швейцарскому союзу континентальными державами, баденское правительство, которое конфисковало также некоторое число экземпляров, еще находившихся у издателя, возбуждает преследование против издателя, господина Шабелица, его сына и владельца типографии. Это будет первый процесс такого рода в Швейцарии, и он уже сделался предметом спора между радикалами и консерваторами. С каким страхом прусское правитель-

ство старается скрыть от общественного мнения свои позорные деяния во время кельнского процесса, — вы можете усмотреть из того факта, что министр иностранных дел издал приказ о конфискации брошюры, где бы она ни появилась. Но в этом предписании он не решается привести ее настоящее заглавие. Чтобы ввести публику в заблуждение, он называет ее «Коммунистической теорией», в то время как она содержит только разоблачения прусских государственных тайн.

Единственный «прогресс» официальной Германии после 1848 года, это — заключение австро-прусского торгового договора. Да какого! С одной стороны, договор этот снабжен столькими оговорками, забронирован столькими исключениями и оставляет столько важнейших вопросов на рассмотрение и исправление еще несуществующих комиссий, а с другой стороны, фактическое понижение тарифа столь незначительно, что в сущности весь договор представляет собою лишь мечту о действительном торговом объединении Германии и практически лишен всякого значения. Наиболее характерная черта договора, это — победа, одержанная Австрией над Пруссией. Эга коварная, низкая, трусливая, колеблющаяся лжедержава и на этот раз подчинилась своей более жестокой, но более прямодушной сопернице. Австрия не только навязала Пруссии договор, который последняя согласилась принять лишь скрепя сердце, но Пруссия была также вынуждена либо возобновить старый «Таможенный союз» со старым тарифом, либо обязаться в течение двенадцати лет не менять своей торговой политики без общего согласия более мелких государств, входящих в таможенный союз, т. е. без разрешения Австрии (ибо южно-германские государства не только в политическом, но и в торговом отношении являются вассалами Австрии или врагами Пруссии). Со времени восстановления власти «божиею милостью» Пруссия шла от унижения к унижению, опускаясь все ниже. Повидимому, ее король, «некогда мудрый человек», полагает, что его народ находит утешение и вознаграждение за дьявольский деспотизм внутри страны в том унижении, которое его правительству приходится терпеть в делах внешних.

Вопрос об эмигрантах еще не урегулирован. Полуофициозная «Oesterreichische Correspondenz» опровергает слух, будто Австрия направила английскому правительству новую ноту. Содержание ноты будто бы следующее: «Так как недавние события показали, что лорд Пальмерстон снова достиг влияния, то императорское правительство не может подвергнуть себя неминуемой опасности быть оскорбленным в своем достоинстве». Я уже писал о заявлении лорда

Пальмерстона в Нижней палате. Из английских газет вы знаете о дружественном, по отношению к Австрии, заявлении Эбердина в палате лордов, согласно которому английское правительство готово унизиться до роли шпиона и прокурора Австрии. Газета Пальмерстона следующим образом отзывается о заявлениях его коллеги: «Даже при тех ограничивающих условиях, которые лорд Эбердин, повидимому, хочет ввести, мы не можем с уверенностью ожидать успеха... Никто не смеет предлагать Англии, чтобы она дала себя использовать в качестве орудия чужой политики и превратилась в политическую западню».

Вы видите, какое доброе согласие царит в мафусаиловом министерстве между «старческой импотентностью и либеральной энергиею». Вся лондонская пресса представляет собою *один* сплошной крик возмущения против Эбердина и палаты лордов. *Единственным позорным исключением является* «Times».

Вы помните, что «Times» начал с доносов на эмигрантов и подзуживал иностранные державы требовать их изгнания. Когда он убедился, что министров, в случае внесения закона об иностранцах, ждет позорный провал в палате общин, он неожиданно разразился риторическим описанием тех жертв, на которые он — о небо! — был бы готов для сохранения права убежища. Наконец, после «дружеских» прений в палате лордов он вознаградил себя за свою прежнюю высокую гражданскую добродетель и отвел душу следующим раздражительным выпадам в передовой статье от 5 марта: «Многие члены кабинета полагают, что мы здесь наслаждаемся присутствием истинного зверинца эмигрантов, этих зверских типов всех стран, способных на всякое преступление... Думают ли иностранные писатели, которые указывают на присутствие их собственных изгнанных соотечественников, что судьба эмигранта в нашей стране достойна зависти? Мы хотим просветить их на этот счет. *Эти несчастные существа* живут большею частью в грязной нищете, *едят горький хлеб чужбины*, поскольку они, поглощаемые мутными волнами этого гигантского города, могут достать его. *Их наказанием является изгнание в его наиболее жестокой форме*».

В последнем пункте «Times» прав; Англия — восхитительная страна, если только не приходится жить в ней. На «небе Марса» Данте встречает своего предка Каччягвиду ди Элисеи, который предсказывает ему его предстоящее изгнание из Флоренции:

Узнаешь ты, как солон хлеб не свой,
Как тяжело всходить и опускаться
По лестницам чужим в стране чужой.

Счастливым Данте! Правда, и ты принадлежал к бедному классу «политических эмигрантов», но твои враги не могли грозить тебе жалкими передовицами «Times'a». Еще более счастливый «Times», благодаря этому избавившийся от предназначенного ему места в дантовском «аду».

Если, как говорит «Times», эмигранты вынуждены есть чужой хлеб, который к тому же, как газета забыла прибавить, обходится им весьма дорого, то и сама эта газета жиреет за счет иностранцев. Сколько передовых статей и сколько фунтов ее анонимные пифии выкропили из французских революций, германских восстаний, итальянских беспорядков и венгерских войн, из французских расстрелов и австрийских виселиц, из конфискованных голов и обезглавленных состояний! Как несчастна была бы ты, о, газета «Times»! если бы на континенте не существовало «зверских типов» и ты должна была бы перебиваться изо дня в день лишь той пищей, которую доставляют Смитсфильдский рынок или дым от лондонских труб, грязь, грубые извозчики, шесть мостов на Темзе, погребения внутри города, зачумленные кладбища, грязная питьевая вода, железнодорожные крушения, фальсификация мер и весов и прочие интересные происшествия, которые составляют твой постоянный инвентарь, когда на континенте тихо.

«Times» остался тот же с того времени, когда он требовал от английского правительства казни Наполеона I. «Подумали ли о том, — писала эта газета 8 июля 1815 г., — какое действие окажет на недовольных во всех частях Европы сознание того, что этот человек все еще жив? Они подумают, — и с полным правом, — что союзные государи боятся посягнуть на жизнь человека, имеющего столько почитателей и сторонников».

Это та же газета, которая требовала крестового похода против Соединенных Штатов Америки: «Никакого мира с Америкой до тех пор, пока не будет покончено с этим вредным примером победоносного демократического мятежа».

В редакционном штабе «Times'a» нет «зверских типов» континента. Наоборот. Там, например, имеется бедный маленький человек, пруссак, по имени Отто фон-Венкштерн, некогда издатель маленькой немецкой газеты, впоследствии в Швейцарии впавший в «грязную нищету» и вынужденный апеллировать к карману Фрейлиграта и других эмигрантов, пока, наконец, он некоторое время тому назад не поступил в услужение к прусскому послу в Лондоне, пресловутому Бунзену, и не сделался нестѣмлемым членом оракула на Принтингхауз-сквере. В редакции «Times'a» имеется

много других таких кротких типов с континента, которые образуют связующую нить между континентальной полицией и руководящим литературным органом Англии.

Маленькая иллюстрация к свободе печати в Англии: перед полицейским судом на Боу-стрит в Лондоне предстал м-р Э. Трюлов, живущий на набережной, по обвинению в продаже газеты «The Pottery Free Press», которая печаталась не на законно проштемпельванной бумаге. Обвинение было поддержано комиссаром по делам внутреннего обложения на основании закона шестого и седьмого года управления Вильгельма IV, глава 76.

Четыре номера этой газеты появились в Стоке-на-Тренте; ее номинальным собственником был Коллет, Добсон-Коллет, секретарь «Общества для отмены налогов на знания». Это общество начало издавать газету с целью разоблачить практику «Управления штемпельными сборами», которое разрешило газетам «Athenaeum», «Builder», «Punch», «Racing Times» и другим печатать без уплаты штемпельного сбора сообщения о текущих событиях с комментариями к ним; общество явно стремилось вызвать преследование со стороны правительства, с целью добиться судебного решения о том, какие именно сообщения должны быть освобождены от штемпельного сбора в один пенс. Судья, м-р Генри, еще не вынес своего решения. Впрочем, оно не будет иметь особого значения, так как указанная газета издается не с целью объявить войну штемпельному сбору, а лишь для того, чтобы использовать двусмысленность, имеющуюся в буквальном тексте закона.

Сегодняшние английские газеты печатают телеграмму из Константинополя от 6 марта о замене Фуада-эфенди, министра иностранных дел, Решидом-пашою. Эту уступку вынудил у Порты русский чрезвычайный посол князь Меншиков. До сих пор еще не улажены недоразумения между Россией, Францией и Турцией по поводу святых мест; Луи-Наполеон в высшей степени разгневан интригами России и Австрии, помешавших его коронованию у папы, и намерен взять реванш на турках. В ближайшем письме я намереваюсь вернуться к этому вечно вновь выплывающему восточному вопросу, этому *pons asini* (мосту для ослов) европейской дипломатии.

ЭМИГРАНТЫ. — МАДЗИНИ В ЛОНДОНЕ.

Лондон, 22 марта 1853 г.

Как я уже сообщал в своем последнем письме, после речи лорда Пальмерстона в палате общин австрийские газеты заявили, что бесполезно добиваться восстановления справедливости у правительства, развращенного тлетворным влиянием Пальмерстона. Но едва лишь заявление Эбердина в палате лордов было передано по телеграфу в Вену, как положение снова изменилось. Те же газеты утверждают теперь, что «Австрия верит в благородство английского кабинета», а полуофициальная «Oesterreichische Correspondenz» приводит следующее сообщение своего парижского корреспондента:

«Вернувшись в Париж, лорд Каули заявил императору французов, что дипломатические представители Англии при дворах северных государств получили официальную инструкцию приложить все усилия к тому, чтобы удержать северные державы от представления английскому правительству коллективной ноты и выдвинуть в качестве основания для отказа от подобного шага то соображение, что английское правительство тем лучше сможет *удовлетворить желание этих держав*, чем больше будет иметь вид в глазах всех англичан, что оно *действует в этом вопросе независимо и по своей доброй воле*.

«Британский посол, лорд Каули, настойчиво убеждал императора французов, что он может вполне положиться на английское правительство, тем более, что император мог бы всегда, по своему усмотрению, предпринять любой шаг, который он счел бы нужным в том случае, если бы это доверие не оправдало себя... Император французов, сохранив за собой полную свободу действий в дальнейшем, одновременно вынужден был *подвергнуть искренность английского правительства испытанию* и пытается теперь убедить другие державы последовать его примеру».

Вы видите, чего ожидают от «се cher Aberdeen» («этого милого Эбердина»), как обычно называл его Луи-Филипп, и какие обещания он, повидимому, дал. За этими обещаниями теперь уже фактически

последовали дела. На прошлой неделе английская полиция составила список проживающих в Лондоне континентальных эмигрантов. Несколько сыщиков в штатском рыскали с одного сквера на другой, с улицы на улицу, из дома в дом и записывали приметы эмигрантов; большею частью они обращались к соседним трактирщикам, а в отдельных случаях под предлогом розыска преступников даже входили в квартиры некоторых эмигрантов и просматривали их бумаги.

В то время как континентальная полиция тщетно разыскивает Мадзини, а нюрнбергские судебные власти приказали держать городские ворота на запоре для того, чтобы поймать его («никого не вешают, пока не поймают», как гласит старая немецкая пословица), наконец, в то время, как английская пресса приводит множество сообщений относительно его предполагаемого местопребывания, Мадзини вот уже несколько дней находится в полной безопасности в Лондоне.

БЕРЛИНСКИЙ ЗАГОВОР. — ЛОНДОНСКАЯ ПОЛИЦИЯ. — МАДЗИНИ. — РАДЕЦКИЙ.

Лондон, пятница, 8 апреля 1853 г.

В то время, когда я писал мое последнее письмо о великом заговоре, раскрытом г-ном Штибером, я еще не мог знать, что мой взгляд на это дело будет подтвержден двумя консервативными берлинскими газетами. «Preussisches Wochenblatt», орган консервативной партии, возглавляемой г-ном Бетман-Гольвегом, была конфискована 2 апреля за преподанный ею своим читателям совет «не слишком доверять сказкам полиции о последних арестах». Но еще интереснее статья, появившаяся в «Zeit», полуофициальной газете той группы прусского министерства, которую возглавляет г-н фон-Мантейфель. «Zeit» вынуждена сделать следующее признание.

«Кто не совсем ослеп, тот не может не видеть, что многочисленные и неразрешимые осложнения в общем положении Европы должны рано или поздно привести к страшному взрыву. Искренние старания европейских великих держав могут на время отсрочить этот взрыв, но предотвратить его совсем не смогут никакие человеческие усилия... Мы считаем своим долгом не скрывать дольше, что недовольство распространяется все шире и что оно *тем опаснее и заслуживает тем большего внимания, чем менее оно заметно на поверхности и чем глубже уходит внутрь*. Это недовольство, мы должны сказать это прямо, вызывается попытками осуществить в Пруссии контр-революцию, — попытками, которые выставлялись недавно напоказ с невероятной *étourderie* (легкомыслием).

«Zeit» ошибается только в своем выводе. Прусскую контр-революцию уже не приходится готовить, — ее остается лишь завершить. Это не новое явление, — оно началось 20 марта 1848 г. и неуклонно усиливалось с самого того дня. В настоящий момент прусское правительство носится с двумя очень опасными проектами: оно хочет ограничить свободное распоряжение земельной собственностью и отдать народное образование под опеку церкви. Трудно было бы придумать две другие меры, более способные оттолкнуть

крестьянство Рейнской Пруссии и средние классы всего королевства. Отмечу еще, как любопытный штрих, разгон Берлинского гигиенического общества (Союз взаимопомощи больных) в связи с «раскрытием великого заговора». Общество это насчитывало около 10 000 членов, сплошь принадлежавших к трудящимся классам. Правительство убеждено, повидимому, что настоящая конституция прусского государства несовместима с «гигиеной».

Лондонская печать, не помышлявшая до сих пор о делах лондонской полиции, удивлена сообщением венской «Presse» и руководящей реакционной газеты Бельгии «Emancipation» о том, что лондонская полиция составила списки всех проживающих в Лондоне политических эмигрантов с подробными сведениями об их личных делах и образе жизни. «Раз подобная система допускается в отношении иностранцев, — восклицает «Morning Advertiser», — она будет применяться, когда это покажется нужным правительству или любому из его членов, и к нашим соотечественникам... Не печально ли думать, что лондонские полицейские будут выполнять то же гнусное дело, для которого предназначены их коллеги на континенте!» Кроме упомянутых сообщений бельгийской и других газет, лондонская печать узнала сегодня по телеграфу из Вены, что «вопрос об эмигрантах разрешен: английское правительство обещало зорко следить за эмигрантами и карать их по всей строгости законов, если они будут уличены в каком-нибудь участии в революционных интригах».

«Никогда еще, — замечает «Morning Advertiser», — Англия не находилась в столь унижительном положении, как сейчас, когда она униженно распростерлась у ног Австрии. Ничто не может сравниться с этим позором. Довести до него страну мог только коалиционный кабинет».

Мне сообщают из достоверного источника, что судебные чиновники собираются возбудить преследование против Мадзини, как только будет удостоверено его пребывание в Лондоне. С другой стороны, я узнал, что в палате общин министрам будет сделан запрос относительно их скандальных переговоров с Австрией и их намерений по вопросу об эмигрантах вообще.

Я писал в одном из моих предыдущих писем, что Радецкий поспешил использовать миланское восстание для «получения денег под незаконным предлогом». Эта моя точка зрения подтвердилась с тех пор самым недвусмысленным образом. В одной из своих последних прокламаций Радецкий объявил аннулированными все займы и закладные, выданные с 1847 г. под конфискованные земли ломбард-

ских эмигрантов. Эта мера не может быть оправдана ничем иным, кроме *horror vacui* (боязнь пустоты) австрийской казны. Сантиментальная буржуазия всюду принесла революцию в жертву своему богу, именуемому Собственностью. Теперь контр-революция отрывается от этого бога.

По подводному кабелю сегодня получено сообщение, что князь Меншиков заключил соглашение с Портой, что русские войска получили приказ отойти от турецких границ и что, следовательно, восточный вопрос на этот раз опять улажен.

ДЕЛО О РАКЕТАХ. — ШВЕЙЦАРСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Лондон, 29 апреля 1853 г.

Пресловутый Polizei-Director (директор полиции) Штибер приехал сюда несколько дней тому назад из Берлина, в сопровождении полицейского начальника Гольдгейма и советника уголовной палаты Нернера, со специальным поручением установить связь между пороховым заговором в Ротергайте и поистине калабрийским «шляпным заговором» в Берлине. Я знаю из частных источников, что названные лица собрались в Кенсингтоне, в доме Флери, и что бывший секретарь суда Кирш тоже был среди них. Через день этот Кирш имел тайное свидание с русским консулом г-ном Кремером. Если ваши читатели помнят мое письмо о кельнском процессе, они сразу заметят, что за работу принялись те же самые люди, которые заварили кельнское дело.

В субботу, 23 с. м., полицейский судья Боустритского участка г-н Генри приступил к разбору дела г-на Хейля, владельца фабрики ракет в Ротергайте, на которой была конфискована партия взрывчатых веществ. В тот день вопрос шел только о том, представляют ли собой конфискованные вещи порох или нет. Г-н Генри, отложивший свое решение до вчерашнего дня, решил, наконец, наперекор мнению знаменитого химика г-на Юра, что на фабрике г-на Хейля был найден именно порох. Г-н Хейль был приговорен к уплате штрафа в размере 2 шилл. с каждого фунта пороха, обнаруженного у него сверх разрешенной законом нормы (всего было найдено 57 таких фунтов). Затем В. Хейль, его сын Р. Хейль и Дж. Бойлан были привлечены к ответственности за то, что в период от 13 сентября 1852 г. до 13 апреля 1853 г. они в разное время изготовили или приказали изготовить большие партии ракет. Правительственный юрисконсульт г-н Бодкин сообщил, что г-н В. Хейль несколько раз обращался к английскому правительству с безрезультатными ходатайствами по поводу своих ракет, что с октября 1852 г. у него было занято большое количество рабочих, среди которых было несколько иностранных эмигрантов, что все их работы производились в величайшей тайне и что таможенное ведомство опровергает утверждение г-на Хейля, будто

он вывозил свои ракеты через таможенную. В заключение г-н Бодкин заявил: «Стоимость ракет, найденных у г-на Хейля, оценена в одну-две тысячи фунтов. Откуда взял он эти деньги? Лишь недавно г-н Хейль объявил себя банкротом и расплатился со своими кредиторами по 3 шилл. за фунт». Служащий уголовного розыска Дж. Сандерс сообщил, что им было захвачено «1 543 заряженных ракеты, 3 629 ракетных головок, 2 482 ракетных дна, 1 955 пустых ракет, 2 железных ядра, 82 инструмента для взрыва ракет».

Вызванный в качестве свидетеля г-н Узенер сообщил, что он пятнадцать лет состоял офицером прусской артиллерии и во время венгерской войны был штабным майором. У г-на Хейля он работал по производству ракет в Ротергайте. До поступления к нему на фабрику он сидел пять-шесть месяцев в Мейдстонской тюрьме за кражу, совершенную им, как он заявил, вследствие крайней нужды. Важнейшая часть его показания гласила буквально так:

«С Хейлями меня познакомил г-н Кошут. Я впервые виделся с г-ном Кошутом по этому делу прошлым летом, после его возвращения из Америки; приблизительно в середине сентября я видел г-на Хейля-отца в обществе г-на Кошута в доме последнего; тут же присутствовал один венгерец, его адъютант. Г-н Кошут сказал про меня г-ну Хейлю: «Этот человек, бывший офицер прусской артиллерии, служил в венгерской армии, и я могу рекомендовать его как работника по изготовлению наших ракет или ваших ракет» — не помню точно, какое именно слово он употребил. Г-н Кошут сказал мне, что я буду получать 18 шилл. в неделю и советовал мне держать все это дело в величайшей тайне; г-н Хейль, — сказал он, — разъяснит мне, в чем будут заключаться мои обязанности. Кошут говорил то по-венгерски, то по-английски; г-н Хейль, повидимому, не знает немецкого языка. Слова «в тайне» были сказаны мне по-немецки. Вскоре после этого г-н Хейль направил меня в Пимлико для свидания с г-ном Кошутом, с которым я и встретился на Пикеринг-плейс; там же я нашел В. Хейля и еще какого-то венгерца. Мы собирались испытать одну машину для пуска ракет; когда все мы собрались, машина была заведена, и мы проделали опыт с ракетами. Разговор шел отчасти на английском языке и касался главным образом качества ракет и т. д. Мы пробыли на месте около полутора часа, и, когда все было окончено, г-н Кошут и г-н Хейль попросили нас выйти из дому с оглядкой, не вместе, а по одному; через некоторое время г-н Хейль подошел к нам на углу улицы. Г-н Кошут несколько раз повторил нам при этом свидании, чтобы мы держали в тайне его связь с производством ракет».

Затем был допрошен г-н Герлах, тоже немец, давший свое показание через переводчика. Он работал на фабрике г-на Хейля в качестве рабочего по изготовлению ракет. Кроме него там работали еще три венгерца. Он был рекомендован г-ну Хейлю г-ном Кошутом, но никогда не видал их обоих вместе.

Г-н Генри, который мог либо приговорить обвиняемых к штрафу в 5 фунтов, либо передать дело в суд присяжных, выбрал последнюю меру, но согласился отпустить на поруки обоих Хейлей, отца и сына. Г-н Хейль заявил, что он отказывается просить кого бы то ни было взять на поруки его самого или его сына, после чего оба обвиняемых были отведены в Хорсмангер-лейнскую тюрьму.

Приведенные выше свидетельские показания резко противостоят письму г-на Хейля-сына, о содержании которого я уже сообщал вам, а также письмам г-на Кошута к капитану Майн-Риду и лорду Дедли Стюарту, в каковых письмах г-н Кошут уверяет, что он никогда ничего не слышал о г-не Хейле и его ракетах. Было бы, однако, несправедливо делать отсюда какие-нибудь выводы, не получив сначала дальнейших объяснений от г-на Кошута. А что касается г-на Узенера, то не позор ли это, что один из наших талантливых соотечественников на чужбине, человек, готовый взяться за всякую работу, как видно из того, что он согласился наняться простым рабочим за 18 шилл. в неделю, был доведен нуждой до воровства, тогда как некоторые немецкие эмигранты, известные своим бездельем, позволяют себе расточать небольшие суммы, предназначенные для революционеров, на разные самозванные миссионерские поездки, смехотворные заговоры и всякие *conciliabules* (тайные собрания) в трактирах?

В пятницу, 22-го с. м., во Фрейбурге (Швейцария) снова вспыхнуло восстание — уже пятое со времени последней войны за независимость. Восстание должно было начаться одновременно по всей территории кантона; но в назначенный момент большинство заговорщиков не выступило. Три «колонны», обещавшие свое участие в деле, не сдержали своего слова. Повстанцы, фактически вошедшие в город, состояли главным образом из крестьян округа Фарваньи и соседних коммун, Антиньи, Прец, Торнель, Мид и др. В 4¹/₂ часа утра крестьянский отряд в 100 человек — все с цветами Зондербунда на своей одежде и с эмблемами св. девы на своих знаменах — двинулись к Фрейбургу по дороге из Лозанны под командой полковника Перье и известного крестьянина Гаррана, который руководил восстанием 1851 г. и был в свое время амнистирован Большим советом. Около 5 часов повстанцы вошли в город через «*Porte des étangs*» (прудные ворота)

и овладели гимназией и арсеналом, где захватили 150 пушек. Городской совет, собравшийся по тревожному сигналу, немедленно объявил город на осадном положении, и майор Гербер принял командование над вызванной гражданской гвардией. Приказав занять артиллерией улицы, прилегающие к гимназии сзади, он одновременно двинул отряд стрелков для лобовой атаки повстанцев. Стрелки поднялись по ступеням, ведущим к зданию гимназии, и быстро отогнали крестьян от окон здания. Бой продолжался около часа, и среди нападавших уже было восемь убитых и восемнадцать раненых, когда повстанцы, тщетно попытавшись бежать через задние улицы, где они были встречены картечью, выслали священника с белым флагом, изъявляя готовность сдаться.

Комитетом гражданской гвардии тотчас был образован военный суд, приговоривший полковника Перье к тридцати годам тюремного заключения; заседания суда продолжают до настоящего времени. Среди арестованных, число которых доходит до двухсот, находятся гг. Виллере, Век и Жолле. Г-на Шарля, председателя известного комитета в Позье, видели перед воротами Ремонтской тюрьмы, но не арестованным. Кроме священника из Торниль-Грана, арестовано еще два священника. Что касается материальных убытков, причиненных восстанием, то на этот счет кантон, повидимому, спокоен; для их покрытия вполне достаточно половины имущества патриция г-на Века.

ШВЕЙЦАРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Лондон, 1 мая 1853 г.

В королевских семьях существовал прежде обычай держать особаго мальчика, который имел честь получать удары плеткой по своей плебейской спине в наказание за проступки королевских отпрысков против хорошего тона. Нынешняя политическая система Европы продолжает до известной степени эту традицию, создавая маленькие буферные государства, которые играют роль козлов отпущения при всякой международной перепалке, способной нарушить гармонию «равновесия сил». А чтобы эти мелкие государства могли выполнять отведенную им завидную роль с надлежащим достоинством, они объявлены, с общего согласия «собравшейся на конгресс» Европы и требуемой торжественностью, «нейтральными» государствами. Таким козлом отпущения или мальчиком для колотушек является Греция; и таково же положение Бельгии и Швейцарии. Единственное различие в том, что эти современные политические козлы отпущения, ввиду ненормальных условий их существования, редко получают встрепку от своих господ совершенно незаслуженно.

Наиболее ярким образцом такого рода государств была в последнее время Швейцария.

*Quidquid delirant reges, plectuntur*¹ — швейцарцы.

Всякий раз, когда в каком-нибудь европейском государстве народ приходил в столкновение со своими правителями, швейцарцы могли быть уверены, что и у них не обойдется без волнений, — пока, наконец, с начала текущего года Швейцария, добровольно оттолкнувшая от себя революционные элементы, не подверглась своего рода отлучению со стороны правителей континентальной Европы. Споры об эмигрантах с императором Бонапартом, из-за которого Швейцария когда-то чуть было не втянулась в войну; споры с Пруссией по поводу

¹ Стих Горация: *Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi* — за всякое безумие царей расплачиваются ахейцы. *Ред.*

Невшателя; споры с Австрией по поводу Тичино и миланского восстания; споры с несколькими германскими государствами по вопросам, которые никого не интересуют; споры решительно обо всем, угрожающие ноты, высылки, затруднения с паспортами, блокады обрушиваются на голову несчастной Швейцарии, как град. И тем не менее — такова человеческая натура! — швейцарцы веселы, довольны и горды собой, чувствуя себя лучше под ливнем оскорблений и издевательств, чем если бы на горизонте не было ни тучки.

Это почетное положение Швейцарии не совсем удачно характеризуется в широких европейских кругах известным изречением, что власти Европы приперли Швейцарию к стене, чтобы дискредитировать республиканский образ правления. Бесспорно, Меттерних и Гизо не раз могли воскликнуть: «Если бы Швейцарии не было, ее нужно было бы выдумать!» Для обоих такая соседка, как Швейцария, была настоящей находкой.

Мы не станем здесь, конечно, повторять разнообразные обвинения, выдвинутые недавно против Швейцарии и швейцарских учреждений настоящими или мнимыми революционерами. Еще задолго до движения 1848 г. органы революционной коммунистической партии Германии обсуждали этот вопрос и показали, почему Швейцария, как независимое государство, неизбежно должна плестись в хвосте европейского прогресса и почему эта страна, при всем ее показном республиканизме, всегда останется реакционной по существу. Этот взгляд подвергся в свое время ожесточенным нападкам со стороны разных демократических болтунов и тайных любителей красноречия, прославлявших Швейцарию как «образцовую республику», пока им не пришлось изведать ее образцовость на собственной шкуре. Теперь реакционность Швейцарии — общеизвестный факт, которого никто не отрицает, и нам не придется потратить много слов, чтобы выяснить истинную сущность дела.

Основная масса швейцарского населения занимается либо скотоводством, либо земледелием: скотоводством — в горах, а земледелием — там, где это допускают естественные условия. Пастушеские роды (ибо мы смело можем назвать их родами) принадлежат к числу наименее цивилизованных слоев европейского населения. Если они не рубят друг другу голов и не отрезают ушей, как турки и черногорцы, то они проявляют едва ли меньшее варварство в своих судебных учреждениях. На какую зверскую ожесточенность они способны — достаточно доказали швейцарские наемники в Неаполе и в других местах. Земледельческое население так же косно, как пастушеское; оно не имеет ничего общего с земледельческим населением

американского Дальнего Запада, для которого жизнь — в постоянном движении и которое каждый год расчищает земельную площадь, превосходящую своими размерами всю швейцарскую территорию. Швейцарский крестьянин обрабатывает тот же клочок земли, на котором работали его отец и дед; он обрабатывает его так же неспешно и выручает с него приблизительно столько же; он живет и мыслит примерно так же, как жили и мыслили его предки. Если бы не феодальные повинности и поборы, взимаемые с них частью аристократическими семьями, частью патрицианскими корпорациями в городах, швейцарские крестьяне оставались бы в такой же политической косности, в какой пребывают до сего дня их соседи — пастухи.

Третья составная часть швейцарского народа, промышленное население, стоит, конечно, на гораздо более высокой ступени развития, чем оба упомянутые класса, но и оно живет в условиях, в значительной степени отрезающих его от того гигантского прогрессивного движения, которое сообщила Западной Европе современная индустриальная система. Паровая сила почти неизвестна в Швейцарии; крупные фабрики имеются лишь в немногих местностях; дешевые рабочие руки, редкость населения, обилие горных ручьев, удобных для постройки небольших фабричек, — все это и многое другое способствует созданию мелкой и разбросанной промышленности, соединенной с сельским хозяйством, что является наиболее подходящим для Швейцарии типом промышленной жизни. Так, в некоторых кантонах процветает часовая и ленточная промышленность, производство соломенных изделий и вышивок и т. д., но все это не привело ни к возникновению, ни даже к росту хотя бы одного города; Женева и Базель, два богатейших и вместе с Цюрихом наиболее промышленных города, почти не увеличились в своих размерах на протяжении столетий. Если, таким образом, швейцарская промышленность существует почти исключительно в той форме, которая наблюдалась во всей Европе до изобретения паровой машины, то можно не удивляться, что и в умах промышленного населения Швейцарии продолжают жить соответствующие идеи. Если пар не революционизировал швейцарское производство и способы сообщения, мог ли он разрушить унаследованный образ мыслей?

Венгерская конституция имеет некоторое сходство с английской, и это обстоятельство было использовано кое-какими мадьярскими политиками, пожелавшими убедить нас на этом основании, что венгерский народ не на много отстал от английского. Но в действительности много сотен верст и лет отделяют мелкого торговца из Будапешта от хлопчатобумажного лорда из Ланкашира, или бродячего

слесаря из Пусты от чартистского рабочего из английского промышленного центра. Точно так же и Швейцария хотела бы изображать себя чем-то вроде Соединенных Штатов в миниатюре. Но если отвлечься от поверхностного внешнего сходства политических учреждений, едва ли найдутся две страны, менее похожие друг на друга, чем вечно подвижная, вечно меняющаяся Америка, об огромной исторической миссии которой только теперь начинают догадываться по сю и по ту сторону Атлантического океана, и косная Швейцария, которую нескончаемые междоусобные распри обрели бы в конце концов на вечное топтание на месте, если бы ее насильно не толкали вперед промышленные успехи ее соседей.

Кто еще сомневается в этом — пусть прочтет историю швейцарских железных дорог. Если бы не железнодорожная связь юга с севером, охватывающая Швейцарию с обеих сторон, в ней не было бы построено ни одной железной дороги. Те дороги, которые существуют, запоздали на двадцать лет.

Французское завоевание 1798 г. и французская революция 1830 г. дали возможность освободиться крестьянству от феодальных повинностей, промышленному и торговому населению — от ига патрицианского и корпоративного контроля. Этими успехами была завершена революция в *кантонах*. Наиболее передовые кантоны получили конституции, соответствующие их интересам. Эта кантональная революция повлияла и на центральную законодательную, и на исполнительную власть. Партия, побежденная в отдельных кантонах, была еще сильна в центре, и борьба разгорелась вновь.

Общее политическое движение 1840 — 1847 гг., приведшее повсюду в Европе к предварительным конфликтам или подготовившее решающие схватки, было во всех второстепенных и третьестепенных государствах, благодаря интригам великих держав, благоприятно для оппозиции, которую можно определить как партию буржуазии. Моральная поддержка со стороны Англии, нерешительность Гизо, затруднения, связывавшие Меттерниха в Италии, доставили Швейцарии победу в войне за независимость. Партия, одолевшая своих врагов в либеральных кантонах в 1830 г., завоевала центральную власть. Революции 1848 г. дали Швейцарии возможность реформировать свою феодальную конституцию в соответствии с организацией большинства кантонов; и можно прямо сказать, что Швейцария достигла теперь наибольшего политического развития, на какое она, как независимое государство, вообще способна. Что современная федеральная конституция вполне отвечает потребностям Швейцарии — это убедительно доказывают

постоянные реформы в области монетного дела, транспорта и других вопросов, касающихся промышленной жизни страны. Но — увы! — эти реформы таковы, что любое государство стыдилось бы их из-за множества традиционных пут и допотопных социальных пережитков, о наличии которых они так красноречиво говорят.

Самое большое, что можно сказать в пользу швейцарской конституции 1848 г., это то, что актом ее введения наиболее цивилизованные швейцарские круги заявили о своей готовности перейти, до известной степени, от средних веков к современным социальным порядкам. Но сумеют ли они когда-нибудь покончить с привилегированными цеховыми корпорациями, гильдиями и другими средневековыми прелестями — это весьма сомнительно для всякого, кто имеет хотя бы малейшее представление о характере страны и видел хотя бы на одном примере, с каким неистовым усердием респектабельные «деловые круги» противятся даже самой необходимой реформе.

Мы видим, таким образом, что швейцарцы, верные самим себе, продолжают спокойно жить в своем узком домашнем кругу, между тем как вокруг них вся континентальная Европа перевернута вверх дном событиями 1848 г. Революции в Париже, в Вене, в Берлине, в Милане расценивались ими только как удобное орудие для кантональных интриг. Европейское землетрясение интересовало даже радикальных швейцарцев только с той точки зрения, что оно может разбить посуду в доме их консервативного соседа. Во время борьбы за итальянскую независимость Сардиния обратилась к Швейцарии с просьбой о союзе, и не подлежит сомнению, что если бы к сардинской армии присоединилось 20 или 30 тысяч швейцарцев, австрийцы были бы очень скоро вышвырнуты из Италии. Раз 15 000 швейцарцев сражались в Неаполе против итальянской свободы, можно было ожидать, что Швейцария, ради сохранения своего хваленого *«нейтралитета»*, пошлет такое же количество людей на помощь итальянцам. Но просьбы о союзе были отвергнуты, и дело итальянской независимости было загублено в такой же мере швейцарскими, как и австрийскими штыками. Затем настала година бедствий для революционной партии, и вся эмиграция — из Италии, из Франции, из Германии — хлынула в *нейтральную* Швейцарию. Но тут ее нейтралитету пришел конец; швейцарские радикалы были вполне удовлетворены своими достижениями, и те самые повстанцы, которые своей борьбой с опекунами и естественными властителями Швейцарии, с абсолютистскими правительствами Европы, помогли швейцарцам беспрепятственно провести свои внутренние реформы, подвергались теперь в Швейцарии всевозможным оскорблениям и были выброшены вон по первому

требованию их гонителей. А потом одно соседнее правительство за другим стало подвергать Швейцарию таким унижениям, от которых кровь бросилась бы в голову каждому швейцарцу, если бы швейцарская национальность была чем-нибудь реальным и если бы швейцарская независимость существовала не только на словах.

Никогда ни один народ не подвергался такому обращению, какое встретила Швейцария со стороны Франции, Австрии, Пруссии и второстепенных германских государств. Никогда ни одной стране не предъявлялись требования, даже наполовину столь унижительные, не вызвав с ее стороны сопротивления не на жизнь, а на смерть. Соседние правительства решили осуществлять через своих агентов полицейские функции на швейцарской территории; они осуществляли их не только по отношению к эмигрантам, но и по отношению к самим служащим швейцарской полиции. Они выражали недовольство низшими полицейскими чинами и требовали их увольнения; они дошли даже до того, что наметнули на необходимость изменений в конституциях отдельных кантонов. И чем наглее было требование, тем с большим смущением отвечало на него швейцарское правительство. А когда в его словах звучало что-то вроде протеста, можно было заранее быть уверенным, что оно вскоре загладит это удвоенной услужливостью. Обида проглатывалась за обидой, один приказ выполнялся за другим, пока Швейцария не докатилась, наконец, до последней черты всеобщего европейского презрения, пока она не стала даже более презренной, чем две ее соперницы по «нейтралитету» — Бельгия и Греция. И теперь, когда притязания ее главного гонителя, Австрии, достигли такой степени бесстыдства, что их не может перенести без хотя бы показного протеста даже политический деятель такого типа, как г-н Дрюэ, — теперь в своих самых последних и самых отважных нотах Вене она только демонстрирует, до чего она дошла.

Борцы за итальянскую независимость, люди, которые не только далеки от каких-либо зловредных социалистических или коммунистических тенденций, но которые вероятно не заходят даже в своих мечтах о самостоятельном итальянском государстве до такой конституции, какая существует в Швейцарии, — эти люди, не притязающие даже на демагогическую славу Мадзини, клеймятся в швейцарских нотах как убийцы, поджигатели, разбойники и враги всякого общественного порядка. По отношению к Мадзини употребляются, конечно, еще более сильные выражения; а между тем всем известно, что Мадзини, несмотря на все его заговоры и восстания, такой же защитник существующего общественного строя, как и сам Дрюэ. Таким образом, в результате обмена нотами выяснилось только, что

в принципе швейцарцы уступили австрийцам. Можно ли после этого ждать, что они не уступят им и на практике?

Несомненно одно: всякое дерзкое и упорное правительство может добиться от Швейцарии чего угодно. Изолированность, в которой протекает жизнь большинства швейцарцев, лишает их всякого сознания своих общенациональных интересов. Конечно, жители одного села, одной долины, одного кантона чувствуют себя членами единого целого. Но подняться, как единая нация, на борьбу за общую цель, в чем бы она ни заключалась,— на это их никогда нехватит. При всех вторжениях чужеземцев, лишь только опасность становилась серьезной, как в 1798 г., один швейцарец предавал другого, один кантон изменял другому. Австрийцы выселили 18 000 тессинцев из Ломбардии без всякого повода. Швейцарцы поднимают вопль и начинают собирать деньги для своих пострадавших конфедератов. Но пусть Австрия настаивает на своем и не допустит возвращения этих тессинцев, — и очень скоро мы будем свидетелями поразительной перемены в общественном мнении Швейцарии. Швейцарцы охладеют к сбору денег; они станут говорить, что тессинцы всегда вмешивались в итальянскую политику и заслужили свою участь, ибо всегда были плохими членами Швейцарского союза. Потом изгнанные тессинцы расселятся в других кантонах Швейцарии, и будут отнимать хлеб у коренного населения: ведь швейцарские граждане считаются не швейцарцами, а уроженцами того или другого кантона. И когда это случится, тогда наши честные конфедераты дадут волю своему негодованию, тогда против жертв австрийского деспотизма начнутся всевозможные интриги, тогда тессинские швейцарцы подвергнутся таким же гонениям и оскорблениям, каким подвергались иностранные эмигранты в Швейцарии, и тогда Австрия получит все, что ей нужно, и вдобавок еще многое другое, на что она только пожелает намекнуть.

Когда европейские народы завоюют себе возможность свободной и нормальной деятельности, они поставят вопрос о том, как быть с этими мелкими нейтральными государствами, которые угодничают перед контр-революцией, когда она торжествует, и относятся нейтрально и даже враждебно ко всякому революционному движению, а между тем считаются свободными и независимыми странами. Но, может быть, к тому времени уже не останется и следа от этих уродливостей больного организма.

К И Т А Й

РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ И В ЕВРОПЕ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Один в высшей степени глубокий, но в то же время одаренный пылким воображением исследователь тех начал, которые направляют развитие человечества, считал одной из основных тайн природы то, что он называл законом столкновения крайностей. Известная поговорка, что «крайности сходятся», с его точки зрения представляет великую и важную истину во всех сферах жизни, которую философ так же не может игнорировать, как астроном не может игнорировать законы Кеплера или великое открытие Ньютона.

Является ли «столкновение крайностей» таким универсальным принципом или нет — яркую иллюстрацию этому можно видеть в том влиянии, которое китайская революция, повидимому, оказала на цивилизованный мир. Может показаться очень странным и парадоксальным утверждение, что ближайшее восстание народов Европы и ближайший этап их борьбы за республиканские свободы и более экономную форму правления вероятно будут в гораздо большей степени зависеть от того, что происходит в настоящее время в Небесной империи, — прямой противоположности Европы, — чем от какой-либо другой в настоящее время существующей политической причины, в большей степени даже, чем от угроз России и вероятной всеобщей европейской войны. И, однако, это вовсе не парадокс, как в этом можно убедиться, внимательно рассмотрев положение этого вопроса.

Каковы бы ни были социальные причины, вызвавшие хронические восстания, продолжающиеся уже около 10 лет в Китае и теперь слившиеся в одной могучей революции, и какую бы религиозную, династическую или национальную форму они ни приняли, — самый этот взрыв был несомненно вызван английскими пушками, при помощи которых Англия заставила Китай ввозить к себе снотворное средство, называемое опиумом. Перед британским оружием престиж манджурской династии пал безвозвратно, исчезли

суеверные мечты о вечности Небесной империи, нарушена была варварская и герметическая изоляция от цивилизованного мира, и положено было начало тем сношениям, которые с тех пор так быстро развивались, особенно под влиянием калифорнийского и австралийского золота. В то же самое время серебряная монета империи, — этот жизненный нерв ее, — стала вывозиться в британскую Ост-Индию.

До 1830 г., пока торговые весы постоянно склонялись в пользу китайцев, шел непрерывный ввоз в Китай серебра из Индии, Британии и Соединенных Штатов. Но с 1833 г. и в особенности с 1840 г. вывоз серебра из Китая в Индию принял такие размеры, что он стал грозить Небесной империи истощением. Этим и вызваны были строгие декреты императора против торговли опиумом, повлекшие за собою еще более сильное сопротивление его мерам. Наряду с этими непосредственными экономическими последствиями взяточничество, связанное с контрабандной торговлей опиумом, окончательно деморализовало китайских чиновников в южных провинциях. Подобно тому как император обычно почитался отцом всего Китая, так его чиновники считались опорой его отеческих отношений к отдельным округам. Но эта патриархальная власть, единственная моральная связь между различными частями обширной государственной машины, постепенно была подорвана взяточничеством тех чиновников, которые нажились потворствованием контрабандной торговле опиумом. Это происходило главным образом именно в тех южных провинциях, которые первыми охвачены были восстанием. Вряд ли нужно доказывать, что в той же мере, в какой получал господство над китайцами опиум, император и штаб его педантичных мандаринов лишались своего владычества. Можно подумать, что исторически нужно было сплотив этот народ, чтобы пробудить его от его наследственной тупости.

Ввоз английских хлопчатобумажных тканей и — в небольших размерах — английских шерстяных материй, который прежде был ничтожен, быстро поднялся с 1833 г., когда монополия торговли с Китаем перешла от Ост-индской компании к частным торговцам, и в гораздо больших размерах с 1840 г., когда другие страны, и в особенности наша страна, также стали принимать участие в торговле с Китаем. Ввоз иностранной мануфактуры имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии. В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции, и это вызвало соответствующее потрясение во всей стране.

Контрибуция, которую Китаю пришлось выплачивать Англии после злополучной войны 1840 г., огромное непроизводительное потребление опиума, вызванный этой торговлей отлив драгоценных металлов, разрушительное влияние иностранной конкуренции на местное производство, деморализация всей государственной администрации вызвали два последствия: старое обложение *стало более обременительным и тяжелым*, и к старому прибавилось еще новое обложение. Таким образом, в декрете императора, изданном в Пекине 5 января 1833 г., мы находим приказы вице-королям и губернаторам южных провинций Ву-Чана и Хун-Яна сложить и отсрочить уплату налогов и главным образом ни в каком случае не требовать больше полагающейся суммы, ибо в противном случае, сказано в декрете, «как может бедный народ это перенести?» «И, таким образом, может быть, — продолжает император, — мой народ будет избавлен во время всеобщей нужды и лишений от преследований и гнета сборщиков податей». Такие речи и такие уступки, помнится нам, мы слышали от Австрии, этого немецкого Китая, в 1848 г.

Все эти разрушительные факторы, действуя одновременно на финансы, мораль, промышленность и политическую структуру Китая, получили полное развитие в 1840 г. под давлением английских пушек, которые уничтожили власть императора и принудили Небесную империю войти в соприкосновение с остальным миром. Полная изоляция была первым условием сохранения старого Китая. Когда этой изоляции при содействии Англии был положен насильственный конец, разложение должно было наступить так же неизбежно, как разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только она приходит в соприкосновение со свежим воздухом. Но теперь, когда Англия вызвала революцию в Китае, возникает вопрос, какое влияние эта революция окажет, в свою очередь, со временем на Англию и — через Англию — на Европу. На этот вопрос не трудно ответить.

Мы часто обращали внимание наших читателей на беспримерный рост британской промышленности начиная с 1830 г. Среди самого поразительного процветания не трудно было усмотреть некоторые ясные симптомы приближающегося промышленного кризиса. Несмотря на Калифорнию и Австралию, несмотря на огромную, не имеющую прецедентов эмиграцию, все же должен, если этому не будут препятствовать какие-нибудь особенные причины, в надлежащее время наступить момент, когда расширение рынков не в состоянии будет угнаться за расширением британской промышленности, и это несоответствие, так же неизбежное, как и в прежнее время, должно

вызвать новый кризис. Но если один из крупных рынков вдруг сокращается, наступление кризиса этим по необходимости ускоряется. А китайское восстание в данный момент имело именно такое влияние на Англию. Необходимость открытия новых рынков или расширения старых была одной из главных причин понижения британской пошлины на чай, так как с увеличением ввоза чая ожидается рост экспорта мануфактуры в Китай. Но стоимость годовичного экспорта из Соединенного королевства в Китай до отмены в 1834 г. торговой монополии Ост-индской компании составляла только 600 000 ф. ст., в 1836 г. она достигла суммы в 1 326 388 ф. ст., в 1845 г. она поднялась до 2 394 827 и в 1852 г. она составляла около 3 000 000 ф. ст. Количество чая, ввезенного из Китая, не превышало в 1793 г. 16 167 331 ф., но в 1845 г. оно доходило до 50 714 657 ф., в 1846 г.— до 57 584 561 ф.; теперь оно составляет около 60 000 000 ф.

Сбор чая в последний сезон не будет меньше. Как показывают таблицы экспорта из Шанхая, он на 2 000 000 ф. больше, чем в предыдущем году. Этот излишек следует приписать двум обстоятельствам. С одной стороны, в конце 1851 г. на рынке ощущалась сильная депрессия, и оставшиеся излишние запасы вывезены в 1852 г. С другой стороны, как только в Китае стало известно об изменении британского законодательства в отношении импорта чая, весь имевшийся в наличности чай был выброшен на рынок по сильно повышенным ценам. Но что касается будущего сбора, дело обстоит совершенно иначе. Это видно из следующих выдержек из переписки крупной чайной фирмы в Лондоне.

«В Шанхае паника достигла крайних пределов. Золото поднялось на 25%, причем его усиленно скупают для запасов; серебро исчезло в такой мере, что его совершенно нельзя достать для уплаты китайских пошлин на британских кораблях и для получения таможенных сертификатов, вследствие чего г-н Алькок согласился взять на себя ответственность перед китайскими властями за уплату этих пошлин по получении векселей Ост-индской компании или других гарантированных ценностей. Недостаток драгоценных металлов является одним из самых неблагоприятных условий для предстоящих торговых операций, так как их исчезновение происходит как раз в такое время, когда в них чувствуется наибольшая нужда. Без них покупатели чая и шелка не могут отправиться внутрь страны для производства закупок, за которые уплачивается вперед значительное количество звонкой монеты, чтобы дать возможность производителям продолжать свою работу... В это время года обычно начинают заключать сделки на новый чай, между тем как в настоящее время

не говорят ни о чем, кроме защиты личности и собственности, так как все дела находятся в застое... Если не будет принято мер для сбора листьев в апреле и мае, то ранний сбор, включающий все более тонкие сорта как черных, так и зеленых чаев, погибнет так же, как не сжатая к Рождеству пшеница».

Конечно, ни английские, ни американские, ни французские эскадры, стоящие в китайских водах, не дадут средств для обеспечения сбора чайных листьев, но своим вмешательством они могут создать такие осложнения, которые расстроят все сделки между производящим чай центром страны и вывозящими чай морскими гаванями. Таким образом, для настоящего сбора надо ожидать повышения цен, — спекуляция уже началась в Лондоне, — а для будущего сбора можно почти с уверенностью предсказать большой дефицит. Но это еще не все. Китайцы, которые хотя и готовы, как все народы в периоды революционных потрясений, продать иностранцам оптом весь имеющийся у них товар, по обыкновению всех восточных народов, из опасения больших перемен, будут припрятывать свои шелка и чай и продавать их только за звонкую монету. Англия поэтому должна ожидать повышения цен на один из ее главных предметов потребления, отлива металлических денег и большого сокращения одного из важнейших рынков для ее хлопчатобумажных и шерстяных товаров. Даже «Economist», этот оптимистический заклинатель всего, что угрожает спокойствию умов меркантильного общества, принужден вести такие речи:

«Мы не должны льстить себя надеждой найти такой большой рынок для нашего экспорта в Китае, как до сих пор... Более вероятно, что наша экспортная торговля с Китаем пострадает и что уменьшится спрос на манчестерские и Глазговские изделия».

Не надо забывать, что повышение цен на такой необходимый товар, как чай, и сокращение такого важного рынка, как Китай, совпадает с плохим урожаем в Западной Европе и, следовательно, с повышением цен на мясо, хлеб и все другие земледельческие продукты. Это вызовет сокращение рынка для мануфактуры, потому что каждое повышение цен на предметы первой необходимости сопровождается как внутри страны, так и за границей соответственным сокращением спроса на мануфактуру. Из всех частей Великобритании получают жалобы на плохое состояние большей части хлебов. Вот что говорит по этому поводу «Economist»:

«На юге Англии не только много земель будет оставаться засеянными до тех пор, пока уже будет слишком поздно рассчитывать на какой бы то ни было сбор хлебов, но и многие из засеянных

земель окажутся заросшими сорными травами или вообще в состоянии, не благоприятном для роста хлебов. На сырой и тощей траве, предназначенной быть пшеницей, наблюдаются заметные симптомы грядущего неурожая. Время посева свеклы теперь, можно сказать, уже прошло, и ее очень мало было посеяно, между тем время для посева репы быстро проходит, причем не было сделано никаких соответствующих приготовлений для того, чтобы этот важный посев был закончен... Посеву овса сильно мешали снег и дождь. Ранний посев овса был недостаточен, а поздние посевы редко дают хороший урожай... Во многих местах погибло много племенного скота».

Цены на другие сельскохозяйственные продукты, кроме ржи, на 20, 30 или даже 50% выше прошлогодних. На континенте рожь вздорожала сравнительно больше, чем в Англии. В Бельгии и Голландии она вздорожала на целых 100%. За ней следуют пшеница и другие зерновые хлеба.

При таких обстоятельствах, принимая во внимание, что британская промышленность уже проделала большую часть своего обычного цикла, можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в сильно заряженную мину современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границу, непосредственно последуют политические революции на континенте. Любопытное будет зрелище, когда Китай вызовет потрясения в западном мире, между тем как западные державы с помощью английских, французских и американских военных кораблей будут насаждать «порядок» в Шанхае, Нанкине и в устьях Большого канала. Разве эти торгующие порядком державы, пытавшиеся поддерживать колеблющуюся манджурскую династию, забыли, что ненависть к иностранцам и изгнание их из пределов империи, что в прежние времена было лишь следствием географического и этнографического положения Китая, стало политической системой только со времени завоевания этой страны расой манджурских татар? Не подлежит ни малейшему сомнению, что бурные несогласия между европейскими нациями, которые в самом конце XVII столетия соперничали между собой из-за торговли с Китаем, оказали сильную поддержку исключительной политике, усвоенной манджурами. Но еще более побудительной причиной к этому послужили опасения новой династии, что иностранцы будут поддерживать существовавшее среди значительной части китайцев в течение первой половины столетия или около этого времени недовольство их порабощением татарами. По этим соображениям иностранцам тогда были запрещены все другие пути

сообщения с китайцами, кроме как через Кантон — город, находящийся на большом расстоянии от Пекина и чайных округов, а торговля их была ограничена сношениями с торговцами Гонконга, которым правительство дало привилегию специально на иностранную торговлю, дабы таким образом оградить остальное население от всяких сношений с ненавистными иностранцами. Во всяком случае вмешательство западных держав в такое время может лишь придать революции более насильственный характер и вызвать застой в торговле.

В то же время нужно, что касается Индии, заметить, что британское правительство этой страны целую седьмую часть своих доходов получает от продажи опиума китайцам, между тем как значительная часть спроса Индии на британскую мануфактуру зависит от производства того же опиума. Правда, китайцы, вероятно, столь же мало склонны отказаться от опиума, как немцы — запретить употребление табака. Но так как известно, что новый император благосклонно относится к возделыванию мака и изготовлению опиума в самом Китае, то очевидно, что это нанесет смертельный удар как производству опиума в Индии, так и доходам Индии и торговым ресурсам Индостана. Хотя соответствующие заинтересованные стороны могут и не почувствовать немедленно этого удара, он окажет свое влияние в должное время и будет содействовать обострению и продлению всеобщего финансового кризиса, гороскоп которого мы уже сделали выше.

Со времени XVIII столетия в Европе не было серьезной революции, которой не предшествовал бы торговый и финансовый кризис. Это в такой же мере относится к революции 1789 г., как и к революции 1848 г. Правда, мы с каждым днем наблюдаем не только все более грозные симптомы столкновений между господствующими державами и их подданными, между государством и обществом, между различными классами, но и столкновения между существующими державами друг с другом, которые постепенно достигают такого напряжения, когда ставится вопрос о том, чтобы пустить в ход оружие и прибегнуть к *ultima ratio* (последнему доводу) государей. В европейских столицах каждый день приносит известия о мировой войне, сменяющиеся на следующий день уверениями о мире, обеспеченном на неделю, и т. д. в этом роде. Тем не менее мы можем быть уверены, что какова бы ни была острота конфликта между европейскими державами, какие бы грозные тучи ни завлакивали дипломатический горизонт, какие бы движения ни предпринимались какой-нибудь революционной фракцией в той или другой стране, —

ярость государей и негодование народов в одинаковой мере смягчаются процветанием. Ни войны, ни революции не могут втянуть Европу в вихрь водоворота, если это не произойдет в результате всеобщего торгового и промышленного кризиса, сигнал к которому, как всегда, должна дать Англия, главная представительница европейской промышленности на мировом рынке.

Нам незачем останавливаться на политических последствиях, которые вызовет такой кризис в наше время, при не имеющем прецедентов в истории размножении числа фабрик в Англии, при крайнем разложении ее официальных партий, при превращении всего государственного механизма Франции в один огромный спекулирующий биржевой концерн, при существовании Австрии, находящейся накануне банкротства, при накопившихся повсюду несправедливостях, ожидающих народного возмездия, при противоположности интересов самих реакционных держав и при еще раз возведенном миру стремлении России к завоеваниям.

О С Т - И Н Д И Я

ХАРТИЯ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ.

Лондон, 24 мая 1853 г.

Срок действия хартии Ост-индской компании истекает в 1854 г. Лорд Джон Россель заявил в палате общин, что правительство будет в состоянии огласить свои предположения о будущем правлении Индии 3 июня и докладчиком от лица правительства выступит сэр Чарльз Вуд. Некоторые правительственные газеты дают понять, в подтверждение уже распространившихся слухов, что коалиции удалось свести даже огромную индийскую проблему к почти лилипутовским размерам. «Observer» подготавливает общественное мнение английского народа к новому разочарованию. «В деле новой организации правительства наших восточных владений, — пишет этот доверенный орган Эбердина, — предстоит гораздо меньше изменений, чем вообще рассчитывают». Лорды Россель и Эбердин сделают еще гораздо меньше, чем от них ожидают!

В основном предполагаемые изменения сведутся, повидимому, к двум крайне незначительным пунктам. Во-первых, совет директоров будет «освежен» введением некоторых новых членов, назначаемых непосредственно короной, но и эта свежая кровь будет вливаться «на первых порах небольшими дозами». Язвы старой системы управления предположено, стало быть, исцелять таким образом, чтобы вводимая сейчас с «большой осторожностью» порция свежей крови успела застояться задолго до того, как будет приступлено ко второму вливанию. Во-вторых, совмещение в одном лице должности судьи и податного инспектора будет воспрещено; к занятию судейских постов будут впредь допускаться только лица с известным образованием. Не кажется ли вам, когда вы слышите о подобных предложениях, что вы отброшены назад, во времена раннего средневековья, когда феодальных баронов начали заменять в роли судей юристы, от которых требовалось, по крайней мере, уметь читать и писать?

«Сэр Чарльз Вуд», выступивший в качестве председателя Контрольного совета с изложением этого замечательного проекта реформы, — это тот самый господин, который при последнем правительстве

вигов проявил такие недюжинные умственные способности, что коалиция долго ломала себе голову, как с ним быть, пока не напала на счастливую мысль пустить его по индийским делам. Ричард III предлагал царство за коня, коалиция предлагает осла за царство. Поистине, если нынешний официальный идиотизм олигархического правительства есть все, на что еще способна Англия, значит времена английского владычества над миром миновали безвозвратно.

Прежде мы были свидетелями того, как коалиция неизменно находила удобные поводы для отсрочки всякой, даже самой мелкой реформы. Теперь, по отношению к Индии, ее политика «откладывания» встречает поддержку со стороны общественного мнения обеих стран. Англичане и индусы одинаково требуют отсрочки всяких законодательных мероприятий по индийскому вопросу, пока не будет выслушан голос туземного населения Индии, не будут собраны необходимые материалы, не будут завершены начатые расследования. На Даунинг-стрит уже поступили петиции от трех президентств не торопиться с изданием новых законов. Манчестерская школа основала «Индийское общество», которое должно будет немедленно приступить к устройству митингов в столице и по всей стране в целях протеста против издания каких бы то ни было новых законов по управлению Индией в текущую сессию. Кроме того, сейчас работают две парламентские комиссии, подготовляющие доклад о положении дел в индийском правительстве. Но на этот раз коалиционное министерство неумолимо. Оно не хочет ждать опубликования мнений каких бы то ни было комиссий. Оно желает немедленно и самолично издать законы для 150 миллионов человек — и издать их тотчас же на двадцать лет вперед. Сэр Чарльз Вуд жаждет славы современного Ману. Откуда столь внезапный законодательный пыл у наших «осторожных» политических старичков?

Они хотят продлить старую индийскую хартию еще на двадцать лет. Они прикрываются при этом непрерывной ссылкой на желание провести реформу. Почему? Английская олигархия предчувствует недалекий конец своего могущества и испытывает весьма понятное желание заключить с английским парламентом такой договор, который позволил бы ей, даже в случае скорого высвобождения Англии из ее бессильных и алчных рук, сохранить для себя и своих сообщников возможность невозбранно грабить Индию еще в течение двадцати лет.

ОСТ-ИНДСКИЕ РЕФОРМЫ.

Лондон, 7 июня 1853 г.

Последний билль по индийскому вопросу от 1783 г. оказался в свое время роковым для коалиционного кабинета г. Фокса и лорда Норта. Новый индийский билль 1853 г. может оказаться не менее роковым для коалиционного кабинета г. Гладстона и лорда Джона Росселя. Но если первый пал из-за своей попытки упразднить советы директоров и собственников, то второму грозит такая же судьба по совершенно противоположной причине. 3 июня сэр Чарльз Вуд попросил разрешения огласить законопроект о порядке управления Индией. Сэр Чарльз начал с того, что извинился за чрезмерную длину речи, которую он должен будет произнести; он сослался в свое оправдание на «обширность вопроса» и на «150 000 000 человеческих душ, которых этот вопрос касается». На каждые 30 000 000 своих индийских сограждан сэр Чарльз должен же отдать хоть час! Но почему такая стремительная законодательная деятельность по поводу этого «обширного вопроса», когда вы всегда оттягиваете принятие мер «даже по самым пустяковым делам»? Потому, что срок действия хартии Ост-индской компании истекает 30 апреля 1854 г. Почему же, однако, не принять пока законопроект о временном продлении хартии, а более постоянный закон издать после обстоятельного обсуждения? Потому, что нельзя быть уверенным, что представится еще раз «такой удобный случай для спокойного обсуждения этого обширного и важного вопроса», т. е. для его погребения в недрах парламентских архивов. К тому же все необходимые сведения по этому делу уже собраны, директора Ост-индской компании высказываются за необходимость законодательного урегулирования вопроса в нынешнюю сессию, а генерал-губернатор Индии, лорд Долгаузи, обратился к правительству со срочным письмом, требуя во что бы то ни стало немедленного принятия законодательного решения. Однако самый неотразимый аргумент сэра Чарльза в пользу безотлагательного проведения его законопроекта заключается в том, что если ему и придется говорить о множестве

вопросов, «не охватываемых оглашаемым им биллем», то «собственно законодательное *мероприятие*, которое он предлагает, *сводится к весьма незначительным размерам*». После такого введения сэр Чарльз произнес хвалебное слово об управлении Индией за последние двадцать лет. «Мы должны смотреть на Индию как бы глазами индуса», причем оказывается, что глаза индуса имеют особенное свойство видеть все английское в розовом свете, а все индусское — в черном свете. «Население Индии не склонно к переменам, оно опутано религиозными предрассудками и древними обычаями. Все это, конечно, препятствует быстрому прогрессу». (Может быть в Индии существует партия вигской коалиции?) «Пункты, которым придается наибольшее значение и которые составляют главный предмет жалоб в представленных комиссии петициях, — заявил сэр Чарльз Вуд, — относятся к судебному ведомству, к отсутствию организации общественных работ и к порядку землевладения». Что касается общественных работ, то правительство *предполагает* организовать такие работы «в самых широких размерах». Относительно порядка землевладения сэр Чарльз весьма успешно доказывает, что три его формы, существующие в Индии, — *земиндарство* (*Zemindari*), система *крестьянской аренды* (*Ryotware*) и *общинное землевладение* (*Village system*), — являются лишь тремя орудиями *фискальной эксплуатации* в руках Компании, и ни одной из них нельзя — да и не следует — предоставить исключительное господство. Возможность создания какой-нибудь иной формы, противоположного характера, меньше всего занимает мысль сэра Чарльза. «В отношении *судоустройства* недовольство вызывает главным образом формальная процедура английского суда, обнаружившая будто бы непригодность английских судей и продажность туземных судей и чиновников». Чтобы доказать, насколько трудно наладить в Индии нормальное судоустройство, сэр Чарльз сообщает далее, что еще в 1833 г. там была учреждена особая юридическая комиссия. Но что делала эта комиссия по свидетельству самого же сэра Чарльза Вуда? Первым и единственным плодом ее трудов был *уголовный кодекс*, выработанный под верховным наблюдением г. Маколея. Этот кодекс был разослан разным местным властям в Индии, которые отослали его обратно в Калькутту, откуда он был препровожден в Англию, а оттуда снова был возвращен в Индию. В Индии, после замены г. Маколея на посту юридического консультанта г. Бетюном, кодекс был совершенно переработан, ввиду чего генерал-губернатор, не считавший тогда, что «промедление смерти подобно», еще раз послал его в Англию, откуда он был возвращен ему с полномочием утвердить

кодекс в той форме, в какой он сочтет нужным. Но вот г. Бетюн умер, и генерал-губернатор счел нужным передать кодекс на рассмотрение третьему английскому юристу, — ничего, впрочем, не понимавшему в обычаях и нравах индусов, — оставив за собой право отменить впоследствии уложение, состряпанное совершенно некомпетентным органом.

Таковы были превращения этого все еще не появившегося на свет кодекса. Что касается нелепостей формальной процедуры судопроизводства в Индии, то тут сэр Чарльз ссылается на не менее нелепую процедуру самого английского судопроизводства; в отношении же английских судей в Индии он хотя и признает их совершенную неподкупность, но все же готов пожертвовать ими и изменить порядок их назначения.

Общий прогресс в Индии сэр Чарльз доказывает путем сравнения состояния Дели в настоящее время с его состоянием во времена вторжения Хули-хана.

Соляной налог оправдывается аргументами, заимствованными у наиболее известных экономистов, которые в один голос требуют обложения какого-либо предмета первой необходимости. Сэр Чарльз не прибавляет, однако, что сказали бы эти самые экономисты, если бы узнали, что за два года, от 1849—1850 до 1851—1852, потребление соли сократилось на 60 000 бочек, понизив общую сумму соляных доходов, составлявшую 2 000 000 фунтов, на 415 000 фунтов. Реформы, предлагаемые сэром Чарльзом и «сводящиеся к весьма незначительным размерам», заключаются в следующем:

1) Совет директоров должен состоять из восемнадцати членов, вместо двадцати четырех, причем двенадцать членов избираются акционерами, а шестеро назначаются короной.

2) Оклад директоров повышается с 300 до 500 фунтов в год; председатель получает 1 000 фунтов.

3) Все должности по гражданскому ведомству и все военные должности, требующие специальных знаний, замещаются в Индии путем публичного соревнования; за директорами оставляется право назначений младших офицеров линейной кавалерии.

4) Должность генерал-губернатора отделяется от должности губернатора Бенгалии; верховное правительство уполномочивается образовать новое президентство в округах, расположенных по Инду.

5) Наконец, все перечисленные меры остаются в силе только до тех пор, пока парламент не примет иных постановлений.

Речь и предложения сэра Чарльза Вуда были подвергнуты весьма строгой и язвительной критике г. Брайтом, нарисовавшим

картину разоренной фискальными мероприятиями Компании и правительства Индии, но, конечно, умолчавшего о разорении Индии Манчестером и свободной торговлей. Что касается произнесенной вчера ночью речи одного старого ост-индца, сэра Дж. Хогга, директора или экс-директора Компании, то мне, право, кажется, что я уже читал ее в отчетах 1701, 1730, 1743, 1769, 1772, 1781, 1783, 1784, 1793, 1813 и т. д. годов, и в ответ на его директорский панегирик мне хотелось бы только привести несколько цифр из «Индийских ежегодных отчетов», издающихся, насколько помню, под его собственным наблюдением:

Весь чистый доход от Индии:

1849 — 50 г.	20 275 831 ф.	} За три года доход сократился на 348 792 ф.
1850 — 51 »	20 249 932 »	
1851 — 52 »	19 927 039 »	

Весь расход по индийским делам:

1849 — 50 г.	16 687 382 ф.	} За три года расход возрос на 1 214 234 ф.
1850 — 51 »	17 170 707 »	
1851 — 52 »	17 901 666 »	

Поземельный налог

за последние 4 года колебался в Бенгалии	от 3 500 000 ф. до 3 560 000 ф.
» » » » » на Сев.-зап. »	4 870 000 » » 4 900 000 »
» » » » » в Мадрасе »	3 640 000 » » 3 470 000 »
» » » » » в Бомбее »	2 240 000 » » 2 300 000 »

Валовой доход
в 1851—52 г.

Расходы на общественные работы
в 1851—52 г.

Бенгалия	10 000 000 ф.	87 800 ф.
Мадрас	5 000 000 »	20 000 »
Бомбей	4 800 000 »	58 500 »

Таким образом, из общей суммы в 19 800 000 фунтов не было истрачено и 166 300 фунтов на постройку дорог, каналов, мостов и на производство других общественно-необходимых работ.

ОСТ-ИНДСКИЕ РЕФОРМЫ

Лондон, 17 июня 1853 г.

13-го с. м. лорд Стенли сообщил в палате общин, что при втором чтении законопроекта об Индии (23-го с. м.) он внесет следующую резолюцию:

«По мнению палаты, необходима дальнейшая информация, чтобы дать возможность парламенту с пользой приступить к законодательному установлению постоянного порядка управления Индией. В настоящий же момент, когда близится окончание парламентской сессии, было бы нецелесообразно принимать какие-либо меры, которые только нарушили бы существующее положение, но все равно не могли бы явиться окончательным решением вопроса».

Однако в апреле 1854 г. срок хартии Ост-индской компании истекает, и, следовательно, что-нибудь в том или ином направлении нужно сделать. Правительство хотело издать постоянный закон, т. е. продлить действие хартии еще на двадцать лет. Манчестерцы хотели отложить принятие каких бы то ни было законодательных мер, продлив действие хартии не больше чем на год. Правительство заявило, что издание постоянного закона необходимо для «блага» Индии. Манчестерцы возразили, что это невозможно за отсутствием информации. «Благо» Индии и недостаток информации — два одинаково лживых предлога. Правящая олигархия желала до того, как соберется реформированная палата, обеспечить за счет Индии свое собственное «благо» на двадцать лет вперед. Манчестерцы были против всяких законодательных актов старого парламента, в котором они не имели шансов провести свою точку зрения. Теперь коалиционный кабинет, в лице сэра Чарльза Вуда, в противоречии с его собственными прежними заявлениями, но в полном соответствии с его обычной манерой отмахиваться от трудностей, внес нечто вроде законопроекта. В то же время, однако, он не решился предложить возобновление хартии на какой-либо определенный срок, а выступил с таким «решением» вопроса, распутать которое он предоставил парламенту, поскольку последний захотел бы заняться этим делом.

Если бы предложения министерства были приняты, это означало бы не возобновление, а лишь временное продление хартии. Во всех остальных отношениях министерский проект лишь по видимости меняет порядок управления Индией; единственное серьезное изменение, которое он вносит, заключается в добавлении нескольких новых губернаторов, хотя долгим опытом доказано, что в тех областях Ост-Индии, которые управляются просто комиссарами, положение все же лучше, чем в тех, которые осчастливлены дорого стоящей роскошью иметь губернаторов и советников при них. Изобретенный вигами способ помогать разоренным странам путем обременения их новыми синекурами для обедневших аристократов напоминает нам эпизод из времен прежнего росселевского правительства, когда виги, пораженные той духовной нищетой, в которой погрязают индусы и магометане на Востоке, решили прийти им на помощь путем назначения к ним *нескольких новых епископов* (тории, находясь у власти, всегда считали, что достаточно и одного). Как только это решение было принято, тогдашний вигский председатель Контрольного совета, сэр Джон Гобхауз, тотчас же обнаружил, что у него есть родственник, удивительно подходящий для епископского сана, каковой родственник и был немедленно назначен на одну из новых кафедр. «В подобных случаях, — замечает один английский писатель, — когда стечение обстоятельств так удачно, едва ли можно с уверенностью сказать, башмак ли создан для ноги или нога для башмака». Точно так же и по поводу изобретения сэра Чарльза Вуда очень трудно решить, созданы ли новые губернаторы для индийских провинций или индийские провинции существуют для новых губернаторов.

Как бы то ни было, коалиционный кабинет думал, что он удовлетворил всех заинтересованных, оставив за парламентом право во всякое время изменить внесенный законопроект. К несчастью, лорд Стенли, торий, выступил с резолюцией, которая вызвала громкое одобрение «радикальной» оппозиции. Однако резолюция лорда Стенли страдает внутренними противоречиями. Он отклоняет министерский проект потому, что палата требует дальнейшей информации для издания постоянного закона, и в то же время он отклоняет его потому, что он предлагает не постоянный закон, а лишь временные меры. Консерваторы, конечно, против билля, потому что билль вообще предусматривает какие-то изменения; радикалы против него, потому что он в действительности ровно ничего не меняет. В нынешние коалиционные времена лорд Стенли нашел формулу, объединяющую противоположные точки зрения против министерского взгляда на вопрос. Коалиционное министерство симулирует

благородное негодование по поводу подобной тактики, и его орган «Chronicle» восклицает:

Как партийное выступление, «предложенная резолюция об отсрочке является в высшей степени предосудительной и злостной... Она внесена только потому, что некоторые сторонники министерства считают нужным отмежеваться в этом частном вопросе от тех, с кем они обычно действуют заодно».

Министры, повидимому, в самом деле серьезно встревожены. Сегодняшний номер «Chronicle» опять возвращается к этой теме:

«Голосование по вопросу о резолюции лорда Стенли вероятно решит судьбу индийского билля; поэтому *крайне важно*, чтобы лица, сознающие *важность* немедленного издания закона, приложили все усилия к укреплению положения правительства».

С другой стороны, в сегодняшнем номере «Times'a» мы читаем:

«Судьба правительственного законопроекта об управлении Индией начинает выясняться... Опасность для правительства состоит в том, что возражения лорда Стенли целиком совпадают с выводами общественного мнения. Каждый слог этой резолюции наносит сокрушительный удар министерству».

В одном из следующих писем я покажу, как стоит индийский вопрос для различных партий Великобритании и какая польза может воспоследовать для несчастных индусов от этой перебранки английских аристократов, финансистов и фабрикантов по поводу улучшения их участи.

УПРАВЛЕНИЕ ИНДИЕЙ.

Лондон, 5 июля 1853 г.

Как бы отдавая должное огромным размерам предмета, палата общин необычайно затянула прения об Индии, хотя надо сказать, что эти прения были лишены всякой глубины и значительности. Результат голосования, давший правительству большинство в 322 голоса против 142, находится в обратном отношении к характеру самих дебатов. Дебаты не дали правительству ничего, кроме чертополоха и терний, и сэр Чарльз Вуд сыграл роль осла, официально приставленного для их пожирания. А в результате голосования — сплошные розы, и тот же сэр Чарльз Вуд провозглашен вторым Ману. Те же самые люди, которые отвергали проект министерства своими аргументами, провели его своими голосами. Ни один из защитников билля не посмел оправдывать его по существу; наоборот, все они сочли нужным как-нибудь оправдать свою защиту билля, — одни тем, что он представляет собою лишь очень малую часть правильно задуманного мероприятия, другие — тем, что он в сущности мероприятием вовсе не является. Первые говорят, что они еще исправят его в комиссии, а вторые заявляют, что сорвут с него его псевдо-реформаторскую маску.

Министерство осталось победителем потому, что больше половины торийской оппозиции разбежалось, а значительная часть остальных ториев переметнулась вместе с Геррисом и Инглисом в лагерь Эбердина; что же касается ста сорока двух голосов, поданных против билля, то из них сто принадлежали фракции Дизраэли, а сорок два — манчестерской группе, поддержанной несколькими недовольными ирландцами и несколькими «дикими». Оппозиция внутри оппозиции еще раз спасла министерство.

Г-н Холлидей, один из чиновников Ост-индской компании, будучи запрошен в комиссии, заявил, что «продление полномочий Ост-индской компании на двадцать лет рассматривается туземным населением Индии как *сдача в аренду его самого*». На этот раз хартия возобновлена, по крайней мере, не на определенный срок и в любую

минуту может быть отменена парламентом. Компания перейдет таким образом с солидного положения наследственных фермеров на зависимое существование временных арендаторов. Туземное население Индии от этого только выиграет. Коалиционное министерство ухитрилось оставить открытым, подобно всем остальным вопросам, и вопрос об управлении Индией. А палата общин выдала себе еще раз свидетельство о бедности, обнаружив одним и тем же голосованием и свою неспособность выработать закон, и свое нежелание отложить его выработку.

Со времен Аристотеля накопилось огромное количество рассуждений, иногда остроумных, иногда до последней степени нелепых, на тему о том, кому должна принадлежать правительственная власть. Но впервые в летописях истории законодательное собрание народа, который властвует над другим народом, насчитывающим 156 миллионов душ и занимающим площадь в 1 368 113 кв. миль, собралось на торжественное и открытое заседание для разрешения нелепого вопроса: кому принадлежит действительная правительственная власть над чужим народом в 156 миллионов душ? В британском сенате не нашлось Эдипа, который сумел бы разрешить эту загадку. Все прения вращались исключительно вокруг нее, но когда произошло голосование, оно показало, что никакого определения образа правления Индии прения не дали.

Что в Индии мы имеем хронический финансовый дефицит, постоянное наличие войн при полном отсутствии общественно-необходимых работ, возмутительную систему обложения и не менее возмутительные судебные и законодательные порядки, что эти пять обстоятельств составляют как бы пять пунктов Ост-индской хартии, — это выяснилось с полной несомненностью из прений 1853 г. — так же как из прений 1833 г. и из прений 1813 г. и вообще из всех предшествовавших прений по индийскому вопросу. Единственное, что так и не выяснилось, это — вопрос о том, кто несет ответственность за существующее положение.

Бесспорно, в Индии есть генерал-губернатор, облеченный высшей властью, но этот правитель управляется, в свою очередь, правительством из Англии (home government). Кто является этим правительством? Министр ли по делам Индии, спрятавшийся под скромным титулом председателя Контрольного совета, или двадцать четыре директора Ост-индской компании? На пороге индийской религии мы встречаем божественную троицу, и троицу же, только не божественную, мы находим на пороге политического устройства Индии.

Если оставить пока в стороне генерал-губернатора, поставленный

нами вопрос сводится к *двойственному правительству*, привычному для англичан. Министры своим законопроектом и палата своим голосованием утверждают этот дуализм.

Когда компания английских купцов-авантюристов, завоевавших Индию, чтобы выколачивать из нее деньги, начала расширять сеть своих факторий и превращать их в настоящую правительственную организацию, когда ее конкуренция с голландскими и французскими частными купцами стала принимать характер национального соперничества, — английское правительство, конечно, уже не могло не вмешаться в дела Ост-индской компании, и таким образом, если не формально, то фактически, возникло двойственное правительство Индии. Закон Питта от 1784 г., установивший компромисс с Компанией и подчинивший ее наблюдению Контрольного совета, который был в то же время превращен в придаток к министерству, утвердил и урегулировал этот возникший случайно порядок двойственного управления, санкционировал его формально и фактически.

Закон 1833 г. укрепил Контрольный совет, превратил владельцев Ост-индской компании в простых кредиторов, долг которых обеспечивался ост-индскими доходами, предписал Компании распродать свое имущество, положил конец ее коммерческому существованию и преобразовал ее как политическую организацию в простую агентуру короны, — словом, поступил с Ост-индской компанией так же, как она сама обыкновенно поступала с индийскими князьями: лишая их власти, она временно продолжала управлять от их имени. Таким образом, с 1833 г. Ост-индская компания существовала только по имени и ее как бы лишь терпели. Но если, с одной стороны, было бы нетрудно совсем избавиться от нее, то, с другой, — решительно все равно, властвуют ли англичане над Индией от лица королевы Виктории или под традиционной фирмой анонимного общества. Весь вопрос сводится как будто к формальностям весьма сомнительного значения. Однако в действительности дело не так просто.

Прежде всего необходимо заметить, что Контрольный совет при министерстве, помещающийся в Кеннонской аллее, есть такая же фикция, как сама Ост-индская компания, которая якобы помещается на Лиденхолстрите. Контрольный совет является лишь прикрытием для политической власти его председателя. Сам председатель — только второстепенный, хотя и независимый член кабинета. В Индии принято человека, не пригодного ни к какому делу, назначать судьей и таким способом избавляться от него. В Великобритании пришедшая к власти партия, желающая избавиться от какого-нибудь десятистепенного «государственного деятеля», назначает его

председателем Контрольного совета, преемником Великого Могола.
Пример — Чарльз Вуд.

По букве закона, Контрольный совет, т. е. фактически его председатель, «уполномочен наблюдать, направлять и контролировать все действия, операции и дела Ост-индской компании, так или иначе касающиеся управления индийской территорией или доходов с нее». Директорам воспрещается «издавать без санкции Контрольного совета приказы и инструкции, отправлять депеши, официальные письма и какие бы то ни было сообщения, касающиеся Индии или управления ею». Директорам предписывается «подготавливать инструкции или приказы по всем вопросам в течение двух недель со дня соответствующего распоряжения совета или же передавать по назначению его приказы по делам Индии». Контрольный совет уполномочен контролировать всю корреспонденцию и все депеши из Индии и в Индию, а также делопроизводство советов владельцев и директоров. Наконец, Совет директоров назначает секретную комиссию в составе своего председателя, вице-председателя и старшего члена, которые должны дать клятву в соблюдении тайны и через которых председатель Контрольного совета передает в Индию свои личные распоряжения по всем политическим и военным вопросам. Комиссия при этом играет роль простого передатчика. Распоряжения, касавшиеся войн с афганцами и Бирмой и занятия Синда, передавались через эту секретную комиссию, причем Совет директоров знал о них не больше, чем широкая публика или парламент. Таким образом, выходит, повидимому, что настоящим Великим Моголом является председатель Контрольного совета, и он действительно всегда располагает неограниченной возможностью творить зло, — например, затевать самые губительные войны, — оставаясь в то же время незаметным за спиной безответственного Совета директоров. Но, с другой стороны, и Совет директоров не совсем лишен реальной власти. Осуществляя инициативу в области общих административных мероприятий и являясь более постоянным и устойчивым органом, чем Контрольный совет, поскольку он опирается на традиционные навыки и обладает некоторым знакомством с местными условиями, Совет директоров, естественно, распоряжается всеми текущими внутренними административными делами. Он же назначает, с утверждения короны, правительство Индии, генерал-губернатора и его советников и, кроме того, пользуется неограниченным правом увольнять высших служащих вплоть до генерал-губернатора (как он поступил при сэре Роберте Пиле с лордом Элленборо). Но и это еще не самая главная привилегия директоров. При годовом окладе всего

лишь в 300 фунтов они извлекают главный доход из своего права представлять кандидатов на должности по гражданской и военной службе, из числа которых генерал-губернатор и провинциальные губернаторы Индии обязаны выбирать людей для замещения всех более высоких постов, не доступных туземцам. Когда число мест на данный год установлено, оно делится на 28 равных долей, из которых две отводятся председателю и вице-председателю Совета директоров, две — председателю Контрольного совета и по одной — каждому директору. Годовой доход от каждой доли редко спускается ниже 14 000 фунтов. «Все назначения, — говорит г-н Кемпбелль, — составляют как бы частную собственность отдельных лиц, так как они распределены между директорами, которые распоряжаются ими по своему усмотрению». Ясно, что Совет директоров должен влиять на весь верхний слой индийской администрации, получающий образование в школах Эдискомба и Холлибери и назначаемый по представлению директоров. Не менее очевидно, что этот совет, распределяющий из года в год места общей стоимостью до 400 000 фунтов среди высших классов Англии, едва ли может натолкнуться на какое-нибудь противодействие со стороны общественного мнения, руководимого теми же классами.

Что касается общего настроения Совета директоров, то я охарактеризую его в одном из следующих писем о положении Индии. А пока замечу только, что во время последних прений по индийскому вопросу г. Маколей пытался защитить этот совет тем своеобразным соображением, что он бессилен сделать все то зло, какое хотел бы делать, тем более, что все благотворные реформы были проведены помимо него и наперекор ему отдельными губернаторами за их собственной ответственностью. Так проведены были запрещение сожжения вдов, отмена вопиющих транзитных пошлин и установление свободы ост-индской печати.

Итак, председатель Контрольного совета вовлекает Индию в губительные войны под прикрытием Совета директоров, а Совет директоров растлеивает индийскую администрацию под вывеской Контрольного совета.

Приглядываясь ближе к структуре этого уродливого правительства, мы находим в его основе третью силу, более могущественную, чем Контрольный совет и Совет директоров, более безответственную и более недоступную контролю общественного мнения. Временный председатель Контрольного совета зависит от постоянных чиновников этого учреждения в Кеннонской аллее, а для этих

чиновников Индия находится не в Индии, а на Лиденхолстрите. Кто же хозяйничает на Лиденхолстрите?

Две тысячи пожилых леди и хилых джентльменов, владеющих индийскими акциями и интересующихся Индией лишь с точки зрения аккуратной выплаты индийских дивидендов, выплачиваемых из индийских доходов, избирают двадцать четыре директора, единственная квалификация которых в том, что они — держатели 1 000-фунтовых акций. Купцы, банкиры и директора разных компаний всячески стараются пролезть в Совет директоров только для того, чтобы обделывать свои собственные делишки. «Один банкир из лондонского Сити, — говорит г-н Брайт, — располагает 300 головами в Ост-индской компании, и его воля имеет едва ли не решающую силу при выборах директоров». Совет директоров находится, таким образом, в полной зависимости от английской финансовой знати. Избираемый описанным способом, совет выделяет из себя, кроме вышеупомянутой секретной комиссии, еще три комиссии, а именно: 1) по политическим и военным вопросам; 2) по финансовым и внутренним делам; 3) по управлению доходами, судебным ведомством и по текущей законодательной работе. Члены этих комиссий ежегодно сменяют друг друга, так что какой-нибудь *финансист* входит в этом году в судебную, а в следующем — в военную комиссию, и никто не имеет возможности заведывать без перерыва каким-нибудь одним ведомством. Способ избрания директоров уже сам по себе обеспечивает их совершенную непригодность для дела, а система ежегодных смен окончательно губит даже те крохи деловитости, которые случайно могли бы у них оказаться. Кто же фактически управляет под фирмой совета? Обширный штаб безответственных секретарей, контролеров и чиновников в Индиахаузе, из которых, как замечает г-н Кемпбелль в своем «Проекте управления Индией», может быть только один был хоть раз в жизни в Индии, да и то — случайно. Поэтому, если не считать торговлю должностными местами, совершенно не приходится говорить ни о политическом направлении, ни о принципах или какой-либо системе управления Совета директоров. Действительным Советом директоров, действительным внутренним правительством и т. д. в Индии является постоянная и безответственная *бюрократия* — «канцелярские креатуры и креатуры фаворитизма», хозяйничающие на Лиденхолстрите. Огромной империей управляет, таким образом, корпорация, состоящая не из выдающихся патрициев, как это было в Венеции, а из заскорузлых чиновников и тому подобных господ.

Не удивительно после этого, что ни одно правительство в мире

не пишет так много и не делает так мало, как правительство Индии. Пока Ост-индская компания была только торговым товариществом, она требовала, конечно, самых подробных докладов по каждому вопросу от заведующих ее индийскими факториями, как этого требует всякая торговая фирма. Но когда фактории превратились в целую империю, а коммерческие досье — в целые грузы корреспонденции и документов, лиденхолские чиновники получили такой перевес, что директора и Контрольный совет оказались в зависимости от них; они ухитрились превратить правительство Индии в одну огромную пишущую машину. Лорд Браунтон показал в комиссии по окладам должностных лиц, что с одной посылкой в Индию было отправлено 45 000 страниц заключений.

Чтобы дать вам некоторое понятие о том, как убивают время в канцеляриях Индиахауза, я приведу один отрывок из Диккинсона.

«Когда приходит сообщение из Индии, его прежде всего передают в подотдел просмотра того отдела, которого сообщение касается; затем председатель, в ведении которого находится отдел, сносится с дежурным чиновником этого отдела, вырабатывает с ним содержание ответа и посылает проект министру по индийским делам (на канцелярском языке это называется П. С. — предварительное сообщение). На этой первоначальной стадии обсуждения вопроса председатели находятся в полной зависимости от чиновников. Зависимость эта настолько велика, что даже на совещаниях в совете владельцев, созываемых по предварительным повесткам, можно наблюдать жалкое зрелище, как председатель обращается к секретарю, который сидит рядом с ним и все время нашептывает ему, суфлирует и подталкивает его, словно он какая-то кукла; и таково же положение министра на противоположном конце этой системы. Если на стадии П. С. возникает какое-нибудь разногласие, оно обсуждается и почти всегда улаживается путем дружественного обмена мнениями между министром и председателем; в конце концов министр возвращает проект ответа с поправками или без поправок, после чего его направляют в комиссию директоров, в ведении коих находится отдел, к которому дело относится, вместе со всеми относящимися к нему бумагами, на рассмотрение и обсуждение; комиссия принимает или изменяет его и передает дальше в пленарное собрание Совета директоров, где он подвергается такой же процедуре. И только после этого он впервые попадает в руки министра в качестве официального сообщения и затем снова проходит те же стадии в обратном направлении».

«Когда в Индии обсуждается вопрос о каком-нибудь мероприятии, — говорит Кемпбелль, — известие о его передаче в Совет директоров расценивается как сдача вопроса в архив».

Затхлая и отвратительная атмосфера этой бюрократии стоит того, чтобы заклеить ее знаменитыми словами Берка:

«Это племя вульгарных политиков — настоящие отбросы рода человеческого. Правительственная работа вырождается в их руках в самое бездушное, механическое ремесло. Добродетель им и не снилась. Их мутит от всякого поведения, внушаемого только совестью и честью. Широкий и свободный интерес к благу государства они считают романтикой, соответствующие принципы — бредом расстроенного воображения. Арифметические выкладки приводят их в восторг. Насмешки шутов заставляют их стыдиться всего великого и возвышенного. Убожество в целях и средствах представляется им здравомыслием и трезвостью».

Канцелярские учреждения на Лиденхолстрите и в Кеннонской аллее стоят индийскому народу пустыки — каких-нибудь 100 000 фунтов в год. Олигархия вовлекает Индию в войны, чтобы дать занятие своим младшим сыновьям; финансовая плутократия готова продать ее всякому, кто больше даст; а рядовая бюрократия парализует работу управления и увековечивает ее темные стороны, чтобы увековечить свое собственное существование.

Билль сэра Чарльза Вуда ни в чем не изменяет существующих порядков. Он расширяет полномочия правительства, не увеличивая его ответственности.

АНГЛИЯ, ТУЗЕМНАЯ АРИСТОКРАТИЯ И КНЯЗЬЯ В ИНДИИ.

Лондон, 12 июля 1853 г.

Параграфы индийского билля проходят один за другим, и прения не обнаруживают ничего замечательного, кроме разве полной несостоятельности так называемых «индийских реформаторов». Вот, например, милорд Джослин, депутат парламента, наживает себе политический капитал на периодических разоблачениях не порядков в Индии и горе-администрации Ост-индской компании. Как вы думаете, к чему сводилась его поправка? К продлению хартии Ост-индской компании на 10 лет. К счастью, его выступление окончилось только конфузом для него самого. Вот другой профессиональный «реформатор», г-н Джозеф Юм, который за свою долгую парламентскую жизнь сумел превратить даже оппозицию в особый способ поддерживать министерство. Он предложил не сокращать числа ост-индских директоров с 24 до 18. Единственная разумная поправка, принятая пока, была внесена г-ном Брайтом: он предложил отменить для директоров, назначаемых правительством, ценз обладания определенным количеством ост-индских акций, обязательный для директоров, избираемых советом собственников. Перелистайте брошюры, выпущенные Ассоциацией ост-индской реформы, и у вас будет такое чувство, словно вы прослушали длинный обвинительный акт против Бонапарта, составленный сообща легитимистами, орлеанистами, синими и красными республиканцами и даже самими разочаровавшимися бонапартистами. Единственная заслуга этих брошюр пока в том, что они привлекли внимание к индийским делам; большего они не могут дать при их эклектической оппозиции: так, разоблачая дела английской аристократии в Индии, они в то же время протестуют против разгрома туземной аристократии.

После того как английские захватчики появились в Индии и твердо решили не выпускать ее из рук, у них не оставалось другого пути, кроме уничтожения власти туземных князей силой или интригами. Оказавшись по отношению к ним в таком же положении, в

каком древние римляне находились к своим союзникам, они пошли по стопам римских политиков. «Это была, — говорит один английский автор, — система откармливания союзников, как мы откармливаем быков, прежде чем их съесть». Привлекши к себе сначала союзников по методу древнего Рима, Ост-индская компания обирала их уже по современному, как обирают на улице Change-Alley.¹ Для выполнения обязательств, взятых ими на себя перед Ост-индской компанией, туземные князья должны были одалживать у англичан огромные суммы по ростовщическим процентам. Когда их затруднения достигали высшей точки, кредитор становился неумолимым, «винт закручивался», и князьям приходилось либо мирно уступать свои территории Компании, либо решаться воевать; в первом случае они становились пенсионерами своих узурпаторов, во втором — объявлялись изменниками. В настоящий момент туземные государства занимают площадь в 699 961 кв. милю с населением в 52 911 263 человек, но теперь это уже не союзники, а вассалы английского правительства на самых разнообразных условиях подчинения и протектората. Общая черта этих условий — отказ туземных государств от права на самооборону, на самостоятельные дипломатические сношения и на разрешение внутренних споров без обращения к генерал-губернатору. Все они должны платить дань либо наличными деньгами, либо поставкой отрядов под командой английских офицеров. Вопрос об окончательном поглощении или аннексии этих туземных государств служит сейчас предметом ожесточенных споров между реформаторами, называющими такую аннексию преступлением, и дельцами, оправдывающими ее соображениями необходимости.

На мой взгляд самый вопрос поставлен совершенно неправильно. Что касается туземных *государств*, то они фактически перестали существовать с того момента, как они подпали в зависимость или под протекторат Компании. Если вы разделите доход страны между двумя правительствами, вы неизбежно нанесете ущерб ресурсам одного из них и административной системе обоих. При нынешних порядках туземные государства изнывают под двойным бременем своей собственной администрации и наложенных на них Компанией податей и незаконных военных сборов. Условия, на которых им дозволяется сохранить свою мнимую независимость, суть вместе с тем условия неуклонного упадка и полной невозможности дальнейшего развития. Органическое бессилие — основной закон их существования, как всякой жизни, существующей постольку, поскольку ее терпят. Вопрос идет, следовательно, о сохранении не

¹ Переулок в Лондоне, где велась азартная игра ценными бумагами. *Ред.*

туземных *государств*, а туземных *князей* и их дворов. И не странно ли теперь, что те самые люди, которые мечут громы и молнии против «варварской пышности английской короны и аристократии», проливают слезы по поводу разорения индийских набобов, раджей и джагхирдаров, которые в своем огромном большинстве не могут даже похвалиться древностью рода, ибо это узурпаторы совсем недавнего происхождения, поставленные английскими интригами! Во всем мире нет деспотизма более смешного, нелепого и ребяческого, чем деспотизм этих *шахзенанов* и *шахриаров* из «Тысячи и одной ночи». Герцог Веллингтон, сэр Дж. Малькольм, сэр Генри Россель, лорд Элленборо, генерал Бриггс и другие авторитетные лица высказались в пользу сохранения *status quo*. Но на чем основывали они свое суждение? На том, что при владычестве англичан туземные войска нужно втравливать в мелкие войны с их собственными соотечественниками, чтобы не дать им обернуться против своих европейских господ; на том, что существование независимых государств дает время от времени занятие английским войскам; на том, что наследственные князья — самые раболопные орудия английского деспотизма, ограждающие его от восстаний воинственных смельчаков, которыми Индия всегда была и всегда будет так богата; на том, что независимые территории являются прибежищем для всех недовольных и предприимчивых элементов среди туземцев. Оставляя в стороне все эти соображения, многословие которых сводится к тому, что туземные князья являются сильнейшей опорой нынешней вопиющей системы английского господства и величайшей помехой прогрессу Индии, я перейду к Томасу Менро и лорду Эльфинстону, которые представляют собою, по крайней мере, людей недюжинного ума и действительно проникнуты сочувствием к индийскому народу. Они считают, что без туземной аристократии ни один класс общества не будет достаточно жизнедеятелен и что свержение этой аристократии не улучшит, а — наоборот — ухудшит положение народа в целом. Они, может быть, правы, поскольку при английском господстве туземцы систематически не допускаются ни к каким высшим должностям, военным и гражданским. Там, где люди не могут достигать высокого положения собственными усилиями, должен существовать класс людей, высокопоставленных от рождения, чтобы у завоеванного народа сохранилось хоть некоторое собственное величие. Но это недопущение туземцев на английскую территорию стало возможно только благодаря сохранению туземных князей на так называемых независимых территориях. А одну из этих двух уступок нужно было сделать туземной армии, на которую опирается английское господство в Индии.

Думаю, мы можем верить г-ну Кемпбеллю, что индийская аристократия менее всего способна к занятию высших должностей, что для современных надобностей должен создаться новый класс и что «ввиду сообразительности и способности, которыми отличаются низшие классы, это легче сделать в Индии, чем в любой другой стране».

Сами туземные князья быстро сходят со сцены вследствие вырождения владетельных домов. Но с текущего столетия английское правительство стало разрешать им назначать себе *наследников по усмотрению* или замещало их вакантные места своими креатурами. Выдающийся генерал-губернатор лорд Долгаузи первый заявил протест против этой системы. Если бы естественный ход вещей не встречал искусственного противодействия, не надо было бы прибегать ни к войнам, ни к расходам для устранения туземных князей.

Что касается князей, состоящих *на пенсии*, то те 2 468 969 фунтов, которые английское правительство ассигновало на их содержание из индийских доходов, составляют слишком тяжелое бремя для народа, питающегося исключительно рисом и лишенного предметов первой необходимости. Если эти князья годны на что-нибудь, то только на то, чтобы выставлять монархическое начало в совершенно разложившемся и комическом виде. Возьмите, например, Великого Могола, потомка Тимура. Ему назначено содержание в 120 000 ф. в год. Его власть не простирается дальше стен его дворца, внутри которого впавшие в идиотизм отпрыски царского рода, предоставленные самим себе, размножаются как кролики. Даже полиция в Дели изъята англичанами из-под его власти. Сидит он на своем троне, сморщенный желтый старичок, в расшитом золотом театральном наряде, напоминающем костюм индостанских танцовщиц. В торжественные для государства дни эта позолоченная кукла выходит порадовать сердца своих верноподданных. Чтобы попасть к нему на прием, иностранцы должны сделать приношение в виде гинеи, как за вход на публичное выступление какого-нибудь *скомороха*; а он, в свою очередь, преподносит гостям чалмы, алмазы и т. д. При ближайшем рассмотрении эти королевские алмазы оказываются стекляшками, грубо подделанными под драгоценные камни и так скверно сработанными, что рассыпаются в руках, как сухой пряник.

Английские ростовщики вместе с аристократией понимают толк в искусстве развенчания монархии, сведенной ими к конституционному ничтожеству у себя дома и к пустому этикету в чужих странах. А теперь — радикалы возмущаются при виде этого зрелища!

ПОЛОЖЕНИЕ В ИНДИИ.

Лондон, 19 июля 1853 г.

Обсуждение индийского билля в комиссии не представляет большого интереса. Знаменательно, что все поправки отвергаются теперь коалиционным министерством, объединяющимся с торями против своих собственных союзников из манчестерского лагеря.

Нынешнее положение в Индии можно охарактеризовать несколькими фактами. Внутреннее управление поглощает 3% всех доходов, годовые проценты по внутреннему долгу и дивиденды — 14%, — всего 17%. За вычетом этих ежегодных переводов из Индии в Англию *военные издержки* составляют около двух третей всех расходов по Индии, т. е. до 66%, а расходы на общественные работы берут не больше 2³/₄% общего дохода, или 1% в Бенгалии, 7³/₄% в Агре, 1¹/₈% в Пенджабе, 1¹/₂% в Мадрасе и 1% в Бомбее местных доходов. Это — официальные цифры самой Компании.

С другой стороны, приблизительно три пятых всего чистого дохода получается *с земли*, около одной седьмой — *с опиума* и больше одной девятой — *с соли*. Эти статьи дают 85% всех поступлений.

Что касается второстепенных статей прихода-расходного бюджета, то достаточно указать, что налог *мотурфа*, установленный в мадрасском президентстве и взимаемый с лавок, станков, овец, рогатого скота, с разных профессий и т. д., дает около 50 000 фунтов, т. е. приблизительно столько же, сколько стоят ежегодные обеды в главном управлении Ост-индской компании в Лондоне.

Главная масса дохода получается с земли. Так как о разных типах индийского землевладения написано в последнее время очень много, и притом в популярной форме, то я ограничусь здесь по этому вопросу немногими общими замечаниями о земиндарстве и системе бессрочных мелких арендаторов (*Ryotware*).

Земиндарство и система бессрочной крестьянской аренды были двумя аграрными революциями, произведенными по английским указам и противоположными друг другу по своему характеру. Одна была аристократической, другая — демократической, одна — кари-

натурой на английский лендлордизм, другая — на французскую систему крестьянской собственности. Но обе были равно губительны, обе таят в себе величайшие внутренние противоречия, обе произведены не в интересах крестьян, обрабатывающих землю, и не в интересах ее держателей, чью собственность она составляет, а в интересах правительства, ее облагающего.

Введением земиндарской системы население бенгальского президентства было сразу лишено своих наследственных прав на землю в пользу туземных сборщиков налога, так называемых *земиндаров*. Введением системы бессрочной аренды в мадрасском и бомбейском президентствах туземная знать с ее притязаниями на землю (марасси, джагхирдары и т. д.) была низведена вместе с простыми крестьянами на степень владельцев небольших участков, обрабатываемых ими для сборщиков податей Ост-индской компании. Но мало похож на английского лендлорда этот земиндар, получающий только одну десятую долю дохода, а остальные девять десятых отдающий правительству. И мало похож на французского крестьянина индийский райот, лишенный всяких постоянных прав на землю и облагаемый поборами, меняющимися каждый год в зависимости от собираемого им урожая. Первоначальный класс земиндаров, несмотря на то, что он беспощадно и бесконтрольно расхищал земли бесправной массы бывших наследственных владельцев, вскоре сошел со сцены под гнетом Компании, и его место заняли торговые спекулянты, владеющие теперь всей землей в Бенгалии, за исключением земель, которые обрабатываются непосредственно правительством. Эти спекулянты создали разновидность земиндарской системы, получившую название *патри*. Не довольствуясь ролью посредников по отношению к английскому правительству, они создали класс «наследственных» посредников, называемых *патнетас*, которые, в свою очередь, имеют суб-патнетас и т. д., так что возникла настоящая иерархия посредников, всей своей тяжестью наваливающаяся на несчастного земледельца. Что касается бессрочной крестьянской аренды в Мадрасе и Бомбее, то этот порядок быстро выродился в систему принудительных полевых работ, и земля потеряла всю свою ценность. «Земля, — говорит г-н Кемпбелль, — была бы продана за недоимки сборщиками налогов, как в Бенгалии, если бы не то существенное препятствие, что никто не хочет покупать ее».

Мы имеем, таким образом, в Бенгалии сочетание английского лендлордизма, ирландской системы посредничества, австрийской системы, превращающей лендлорда в сборщика податей, и азиатской системы, по которой действительным землевладельцем является

государство. В Мадрасе и Бомбее мы имеем французского крестьянина-собственника, который в то же время является крепостным и арендатором-испольщиком (*metayer*) государства. Недостатки всех этих разнообразных систем нагромождаются друг на друга и не смягчаются ни одним из их положительных свойств. Мадрасский и бомбейский крестьянин является, подобно французскому крестьянину, жертвой лихоимства частных ростовщиков, но у него нет никаких наследственных, постоянных прав на землю, как у французского крестьянина. Подобно крепостному, он должен обрабатывать землю в принудительном порядке, но он не обеспечен, как крепостной, от нужды в самом необходимом. Подобно арендатору-испольщику, он должен делить свой продукт с государством, но государство не обязано снабжать его в виде аванса средствами, как это обычно делается по отношению к использую. Как в Бенгалии при земиндарской системе, так и в Мадрасе и Бомбее при системе *Ryotware* крестьяне (а они составляют $\frac{11}{12}$ всего индийского населения) подверглись ужасающей пауперизации; и если они не упали в моральном отношении так же низко, как ирландские *cottiers* (мелкие крестьяне), то лишь благодаря индийскому климату, ибо у южан меньше потребностей и больше воображения, чем у северян.

На-ряду с земельным налогом мы должны обратить внимание и на соляной налог. Как известно, Компания захватила монополию соли, которую она продает втрое дороже ее торговой стоимости. И это происходит в стране, где продукт этот добывается в море, в озерах, в горах и даже просто в недрах земли. Вот как описывает практическое осуществление соляной монополии граф Альбемарле:

«Значительную часть соли для внутреннего потребления закупают у Компании крупные оптовые торговцы меньше чем по 4 рупии за *меру* (*mount*); примешав к ней некоторое количество песку, добываемого чаще всего в нескольких милях к юго-западу от Дакки, они продают эту смесь второму или, считая правительство первым, третьему монополисту по 5 — 6 рупий. Этот последний примешивает еще немножко земли или пепла, и, пройдя таким образом через ряд рук на своем пути из крупных городов в села, соль поднимается в цене до 8 — 10 рупий, получая примесь на 25 — 40%. В результате население платит за потребляемую им соль от 21 ф. 17 ш. 2 п. до 27 ф. 6 ш. 2 п., т. е., другими словами, в 30 — 36 раз больше, чем богатые люди в Великобритании».

Как на пример английской буржуазной морали, укажу на то, что мистер Кемпбелль защищает монополию на опиум тем сообра-

жением, что она мешает китайцам потреблять этот яд в слишком больших размерах, а водочную монополию (лицензии на продажу спирта в Индии) он же защищает ссылкой на то, что благодаря ей необычайно возросло потребление водки в Индии.

Земиндарство, система крестьянской аренды (Ryotware) и соляной налог, в соединении с индийским климатом, явились очагами распространения холеры, этого бича европейских стран, нагрянувшего из Индии. Разительный и страшный пример солидарности человеческих бедствий и преступлений!

БРИТАНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В ИНДИИ.

Лондон, 10 июня 1853 г.

Индостан представляет собою Италию азиатских размеров, Гималайские горы представляют собой Альпы этой азиатской Италии, равнины Бенгалии — равнины Ломбардии, Деканский хребет — Аппенины, а остров Цейлон — остров Сицилию. То же богатое разнообразие почвы и та же раздробленность политической карты. И подобно тому как Италия дробилась время от времени мечом победителя на различные национальные части, точно так же мы видим Индостан, — в те периоды, когда он не находится под гнетом магометан, или монголов, или британцев, — разделенным на столько независимых и враждующих между собой государств, сколько он насчитывает городов или даже деревень. Однако в социальном отношении Индостан представляет собой не Италию, а Ирландию Востока. И это странное сочетание Италии и Ирландии, мира сладострастия и мира печали, было предвосхищено в древних традициях религии Индостана. Эта религия одновременно является религией чувственных излишеств и религией умерщвляющего плоть аскетизма, религией Лингама и религией Джагернаута, религией монаха и религией баядерки.

Я не разделяю мнения тех, которые верят в существование золотого века Индостана, хотя не стану ссылаться, как это делает сэр Чарльз Вуд, для подтверждения своего мнения на авторитет Хули-хана. Но возьмите для примера времена Ауренгзеба или эпоху, когда монголы появились на севере, а португальцы — на юге, или эпоху вторжения магометан, или эпоху гептархии в Южной Индии, или, если вы хотите идти назад к еще более седой древности, возьмите мифологическую хронологию самих браминов, которая относит начало бедствий Индии к эпохе более отдаленной, чем даже та, к коей христианство относит сотворение мира, — и все же не остается никакого сомнения в том, что бедствия, причиненные Индостану британцами, существенно иного рода и бесконечно более интенсивны, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше. Я не говорю

здесь о европейском деспотизме, присоединенном к азиатскому деспотизму английской Ост-индской компанией, что дает в результате сочетание более чудовищное, чем священные чудовища, которые нас пугают в храме Сальсетты. Это является не специфической чертой английской системы управления колониями, а лишь результатом подражания голландской системе, и это в такой степени верно, что для характеристики деятельности британской Ост-индской компании достаточно привести дословно то, что сэр Стамфорд Раффлс, *английский* губернатор Явы, сказал о старой голландской Ост-индской компании:

«Голландская компания, движимая исключительно духом наживы и меньше щадя своих подданных, чем некогда вест-индский плантатор щадил толпу рабов, работавших на его плантации, ибо этот последний заплатил деньги за людей, которых он приобрел в собственность, между тем как первая ничего не уплатила, — эта Компания пустила в ход весь существующий аппарат деспотизма для того, чтобы выжать из населения последнюю копейку поборами и заставить его работать до истощения. Таким образом, она усугубила зло, причиняемое стране капризным и полуварварским правительством, сочетая в своей деятельности все практическое искусство политики со всем монополистским эгоизмом купца».

Гражданские войны, вторжения, завоевания, голод, — все эти сменяющие друг друга бедствия, какими бы сложными, бурными и разрушительными ни казались они для Индостана, затрагивали только его поверхность. Англия же подорвала самое основание индусского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток к его преобразованию. Потеря старого мира без приобретения нового сообщает современным бедствиям Индии трагический оттенок и отрывает Индостан, управляемый Британией, от всех традиций и от всей прошлой истории.

В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ. Условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянувшейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия. Подобно тому как в Египте и в Индии пользуются наводнениями для орошения полей, точно так же в Месопотамии, Персии и других странах пользуются высоким

уровнем воды для того, чтобы наполнять водой оросительные каналы. Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе толкнула частную предприимчивость соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации публичных работ. Эта система искусственного оплодотворения почвы, зависевшая от центрального правительства и приходившая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно обработанными, как, например, Пальмиру, Петру, развалины Иемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана. Этим также объясняется тот факт, что одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации.

И вот британцы переняли от своих предшественников ведомство финансов и ведомство войны, но они совершенно пренебрегли ведомством публичных работ. Отсюда упадок земледелия, не способного развиваться по британскому принципу свободной конкуренции, по принципу *laissez faire, laissez aller*. Однако мы привыкли видеть, что в азиатских государствах земледелие приходит в упадок под управлением одного правительства и снова воскресает под управлением какого-либо другого. Здесь урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды. Таким образом, как ни скверно само по себе пренебрежение к нуждам земледелия, его нельзя было бы рассматривать как окончательный удар, нанесенный индусскому обществу британским насильником, если бы это пренебрежение не сопровождалось обстоятельством более важного значения, представляющим собою нечто новое в анналах всего азиатского мира. Как ни значительны были политические перемены в прошлом Индии, ее социальные условия оставались неизменными с самой отдаленной древности до первого десятилетия XIX столетия. Ручной ткацкий станок и ручная прялка, кормившие обыкновенно десятки тысяч прядильщиков и ткачей, составляли основу структуры индусского общества. С незапамятных времен Европа получала уди-

вительные ткани — продукт индусского трудолюбия — и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом индусского золотых дел мастера, этого необходимого члена индусского общества, любовь которого к украшениям так велика, что даже представители самого низшего класса, которые ходят почти нагими, имеют обыкновенно пару золотых серег и какое-нибудь золотое украшение вокруг шеи. Всеобщее распространение имели также кольца на пальцах рук и ног. Женщины, как и дети, часто носили браслеты на руках и ногах, и золотые или серебряные статуэтки богов встречались среди домашнего скарба. Британское насилие разбило индусский ручной ткацкий станок и разрушило ручную прялку. Англия начала вытеснять индусские хлопчатобумажные изделия с европейских рынков, затем стала ввозить в Индию крученую пряжу (*twist*) и кончила тем, что стала наводнить хлопчатобумажными изделиями родину хлопчатобумажных изделий. За период с 1818 по 1836 г. экспорт пряжи из Великобритании в Индию возрос в отношении 1 к 5 200. В 1824 г. ввоз английского муслина в Индию едва достигал 1 000 000 ярдов, между тем как в 1857 г. он уже превышал 64 000 000 ярдов. Но за этот же самый период население Дакки упало с 150 000 жителей до 20 000. Этот упадок индусских городов, славившихся раньше своими промыслами, нельзя, однако, считать самым худшим результатом английского господства. Британский пар и британская наука окончательно уничтожили на всей территории Индостана связь между сельскохозяйственной и мануфактурной промышленностью.

Оба эти обстоятельства, — с одной стороны, то, что индусы, подобно всем восточным народам, предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных сооружениях, являющихся основными условиями их земледелия и торговли, с другой — то, что население Индии, рассеянное по всей поверхности страны, образует маленькие центры, существующие на основе домашней связи между земледельческим и промышленным трудом, — эти два обстоятельства вызвали к жизни с незапамятных времен социальную систему, обладающую оригинальными чертами, — так называемую общинную систему (*Village system*), сообщавшую каждому из этих маленьких союзов независимую организацию и отдельную своеобразную жизнь. Со своеобразными чертами этой системы знакомит нас следующее описание, содержащееся в старом официальном отчете английской палаты общин об индийских делах.

«Село в географическом отношении представляет собой пространство, содержащее несколько сот или тысяч акров возделанной

и пустыющей земли; в политическом отношении оно похоже на городскую корпорацию. В селе имеется ряд высших и низших должностных лиц. Potal, или староста, имеет общий надзор за делами села, улаживает споры обывателей, заведует полицией и исполняет обязанность сборщика налогов внутри села,—обязанность, для исполнения которой он является наиболее подходящим в силу личного влияния и обстоятельного знакомства с положением и делами жителей. Kurnum следит за состоянием земледелия и регистрирует все, к нему относящееся. Tallier и totie: обязанность первого состоит в собирании сведений о преступлениях и проступках и в сопровождении и защите лиц, переезжающих от одного села до другого; круг же обязанностей второго, повидимому, более ограничен пределами села и состоит, между прочим, в охране урожая и в содействии его точному определению. Пограничник охраняет границы села или дает свидетельские показания относительно них в случае спора. Лицо, имеющее надзор над водохранилищами и водостоками, распределяет воду для нужд земледелия. Особый брамин ведает в селе делами культа. Далее идут школьный учитель, которого можно видеть в селе обучающим детей чтению и письму на песке, календарный брамин, или астролог и т. д. Эти высшие и низшие должностные лица образуют администрацию села, но в некоторых частях страны штат их меньше, так как некоторые из описанных выше обязанностей и функций соединяются в одном и том же лице, в других же частях, напротив, штат их шире, чем указано было выше.

«Под этой примитивной формой общинного правления население жило с незапамятных времен. Границы сел редко изменялись, и хотя самые села иногда переживали тяжелые времена и подвергались опустошению благодаря войне, голоду и болезням, то же имя, те же границы, те же интересы и даже те же семьи продолжали существовать из века в век. Жители этих сел нисколько не беспокоились по поводу крушения и деления королевств, поскольку их село оставалось целым и невредимым; они мало интересовались тем, под власть какой державы подпало их село и какому государю оно подчинено, ибо основы их внутреннего хозяйства оставались неизменными». Potal продолжал оставаться главой общины и действовал как мировой судья и сборщик податей.

Эти маленькие стереотипные формы социального организма в большей своей части разрушены и исчезли с поверхности Индии не столько благодаря брутальному вмешательству британских сборщиков податей и британских солдат, сколько благодаря действию английских паровых машин и английской свободы торговли.

Эти семейные общины зиждились на домашней промышленности, при своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли,— комбинации, которая придавала этим общинам самодовлеющий характер. Английское вмешательство, помещая прядильщиков в Ланкашир, а ткачей в Бенгалию, или сметая с лица земли как индусских прядильщиков, так и индусских ткачей, разрушило эти маленькие полуварварские, полуживильзованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией.

Однако, как ни естественно для нас сокрушаться при виде дезорганизации и разложения этих десятков тысяч трудолюбивых, патриархальных и мирных социальных групп, как ни прискорбно нам видеть их брошенными в пучину горя, а их отдельных членов потерявшими одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования,— мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сконцентрировавшись на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как разрушались большие империи, как совершались несказанные жестокости, как вырезывалось массаами население больших городов,— спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостоивавшего их своим вниманием. Мы не должны забывать, что эта презренная, застойная и растительная жизнь, что эта пассивная форма существования вызвала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала самое убийство религиозным ритуалом в Индостане. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины были осквернены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того, чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся социальное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабалой.

Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководилась самым грубым интересом и проявила тупость в способе ее проведения. Но не в этом дело. Вопрос в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории в совершении этой революции.

А если так, то, как бы прискорбно для нас лично ни было зрелище разрушения древнего мира, с точки зрения исторической перспективы мы имеем право воскликнуть вместе с Гете:

Если мука — ключ отрады,
Кто б терзаться ею стал?
Разве жизнью мириады
Тамерлан не растоптал?

ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ, ЕЕ ИСТОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ.

Лондон, 24 июня 1853 г.

Прения по резолюции лорда Стенли об отсрочке законодательного урегулирования индийского вопроса были отложены на сегодняшний вечер. Впервые с 1783 г. индийский вопрос поставлен в Англии как вопрос министерский. Чем это объяснить?

Истинное начало Ост-индской компании не может быть отнесено к более раннему времени, чем 1702 год, — год, когда различные общества, претендовавшие на монопольную торговлю в Ост-Индии, объединились в одну компанию. До этого года самое существование Ост-индской компании в ее первоначальном виде неоднократно подвергалось опасности. Один раз ее деятельность была приостановлена на несколько лет в эпоху протектората Кромвеля, а второй раз она чуть не окончательно была распущена парламентским актом в царствование Вильгельма III. Лишь под властью этого голландского принца, когда виги взяли на откуп доходы британской империи, когда был вызван к жизни Английский банк, когда покровительственная система была прочно установлена в Англии и равновесие сил окончательно установилось в Европе, — лишь в это время существование Ост-индской компании было признано парламентом. Эта эра кажущейся свободы была в действительности эрой монополий, которые не создавались королевскими грамотами, как во времена Елизаветы и Карла I, а узаконивались и объявлялись национальными санкциями парламента. Эта эпоха в истории Англии имеет огромное сходство с эпохой Луи-Филиппа во Франции, когда старая земельная аристократия была разбита, а буржуазия оказалась способной занять ее место лишь под знаменем денежной плутократии, или «*haute finance*». Ост-индская компания устранила простой народ от торговли с Индией в то самое время, когда палата общин устранила этот простой народ от парламентского представительства. Тут, как и в других случаях, мы имеем пример того, как первая решительная победа *буржуазии* над феодальной аристократией совпадает с наиболее выраженной реакцией против народа, — явление,

заставившее не одного народного писателя, вроде Коббета, искать народную свободу скорее в прошлом, чем в будущем.

Союз между конституционной монархией и кругами финансовой монополии, между Ост-индской компанией и «славной» революцией 1688 г. был упрочен той же самой силой, которая во все времена и во всех странах связывала и объединяла либеральные интересы и либеральные династии, а именно силой коррупции, этой первой и последней движущей силой конституционной монархии, этим ангелом-хранителем Вильгельма III и роковым демоном Луи-Филиппа. Уже в 1693 г. было установлено парламентскими расследованиями, что ежегодные расходы Ост-индской компании под рубрикой «подарков» влиятельным лицам, редко превышавшие до революции 1 200 ф. ст., достигли к тому времени суммы в 90 000 ф. ст. Герцог Лидс был обвинен в получении взятки в 5 000 ф. ст., а сам добродетельный король был изобличен в получении 10 000 ф. ст. Сверх этих непосредственных подкупов, конкурирующие общества выбивались из строя тем, что правительству предлагались займы на огромные суммы и по очень низким процентам или же тем, что подкупали директоров этих компаний.

Силу, которую Ост-индская компания, точно так же, как и Английский банк, приобрела благодаря подкупу правительства, она вынуждена была, как и Английский банк, поддерживать все новыми и новыми взятками. Всякий раз, как кончался срок ее монополии, она могла возобновлять ее, лишь предоставляя правительству новые займы и преподнося ему новые подарки.

События Семилетней войны превратили Ост-индскую компанию из коммерческой силы в силу военную и территориальную. Именно тогда было положено основание нынешнему владычеству Англии на Востоке. Акции Ост-индской компании с номиналом в 100 ф. ст. поднялись тогда до 263 ф. ст., и дивиденды выплачивались из 12¹/₂ процентов.

Но тогда появился новый враг компании, на этот раз не в лице конкурирующих обществ, а в лице враждебных министров и враждебного народа.

Указывалось на то, что территория компании была завоевана силами английского флота и английских армий и что ни один английский подданный не может обладать верховной властью над какой-нибудь территорией независимо от короны. Тогдашние министры и тогдашний народ заявляли притязания на известную долю в тех «чудесных сокровищах», которые, как тогда воображали, достались компании с последним завоеванием.

Компания спасла свое существование лишь благодаря соглашению, заключенному в 1767 г., по которому она обязалась выплачивать ежегодно в государственную казну 400 000 ф. ст. Но вместо того, чтобы оказаться способной выполнить это обязательство, Ост-индская компания очутилась в затруднительном финансовом положении, и, вместо того, чтобы платить дань английскому народу, она обратилась к английскому парламенту за денежной помощью. Следствием этого шага было серьезное изменение в хартии Компании. Дела компании пошли плохо, несмотря на новые условия, в которые она была поставлена, и так как одновременно с этим английский народ потерял свои колонии в Северной Америке, то необходимость в новом приобретении больших колониальных владений стала все более и более сознаваться всеми. Знаменитый Фокс поэтому в 1783 г. считал момент подходящим для внесения своего законопроекта об Индии, предлагавшего упразднить советы директоров и собственников и передать все управление Индией в руки семи комиссаров, назначаемых парламентом. Благодаря личному влиянию слабоумного короля на палату лордов законопроект г-на Фокса был отвергнут, что привело к падению коалиционного министерства Фокса и лорда Норта и к назначению главою правительства знаменитого Питта. Питт провел в 1784 г. через обе палаты законопроект, согласно которому должен был быть учрежден Контрольный совет, состоящий из шести членов Тайного совета. Обязанностью этого Контрольного совета были «проверка, контроль и надзор за всеми актами, операциями и делами, имеющими какое-либо отношение к гражданскому и военному устройству или к доходам территорий и владений Ост-индской компании».

Вот что говорит по этому поводу историк Милль: «Принятием этого закона преследовалась двоякая цель. Чтобы избегнуть подозрения в намерении осуществить то, что представлялось одиозным в законопроекте г-на Фокса, необходимо было создать *видимость*, будто главная власть остается в руках директоров. Истинное же намерение премьера заключалось в том, чтобы в *действительности* у директоров была отнята всякая власть. Проект г-на Питта подчеркивал, что он отличается от проекта своего конкурента главным образом именно в этом пункте, ибо в то время как проект Фокса лишает директоров всякой власти, новый проект, мол, оставил эту власть почти неприкосновенной. Если бы получил силу закона законопроект г-на Фокса, полномочия министров были бы явно сохранены. При действии закона г-на Питта эти полномочия были сохранены в замаскированном виде и могли осуществляться лишь

благодаря мошенничеству. Законопроект г-на Фокса передавал власть компании комиссарам, назначаемым парламентом. Законопроект г-на Питта передавал эту власть комиссарам, назначаемым королем».

Годы 1783 и 1784 были, таким образом, первыми и до настоящего времени единственными годами, когда индийский вопрос сделался кабинетным вопросом. Законопроект г-на Питта стал законом, хартия Ост-индской компании была возобновлена, и индийский вопрос был отложен на двадцать лет. Однако в 1813 г. антиякобинская война, а в 1833 г. только что внесенный законопроект о реформе отодвинули на задний план все другие политические вопросы.

Вот первое основание, почему вопросы Индии не становились большими политическими вопросами ни до 1784 г., ни после этого года. До этого года Ост-индской компании приходилось еще отстаивать свое существование и завоевывать себе признание; после же этого года олигархия узурпировала все те права компании, которые она могла присвоить себе, не беря на себя ответственности. А еще позже, в периоды возобновления хартии, а именно в 1813 и 1833 гг., внимание английских народных масс было поглощено другими вопросами более крупного значения.

Рассмотрим теперь вопрос с другой точки зрения. Ост-индская компания начала с простого опыта устройства факторий для своих агентов и складочных мест для своих товаров. Для защиты тех и других она устроила несколько укреплений. Хотя еще в 1689 г. общества, составлявшие Ост-индскую компанию, задумали упрочить свое господство в Индии и сделать территориальные доходы одним из источников своих барышей, однако вплоть до 1744 г. они приобрели лишь несколько незначительных областей около Бомбея, Мадраса и Калькутты. Война, вспыхнувшая вслед за тем в Карнатике, привела к тому, что эти общества после равных усилий действительно стали верховными владыками этой части Индии. Более значительные результаты дала война в Бенгалии и победы лорда Клайва. Результатом их было реальное занятие Бенгалии, Бихара и Ориссы. В конце XVIII и в первые годы текущего века произошли войны с Типпо-Саибом, результатом которых было большое усиление могущества Англии и необычайное расширение практики использования вспомогательных сил. Во втором десятилетии XIX века Англия впервые, наконец, завоевала удобную границу для своих владений в Индии, а именно границу, прилегающую к пустыне. Это случилось лишь после того, как Англии удалось распространить свое господство на Востоке на те части Азии, которые всегда служили местопребыванием для всякой сильной центральной власти в Индии.

Но наиболее уязвимый пункт индийской империи, пункт, с которого страна подвергалась нашествиям каждый раз, как старый завоеватель изгонялся новым, — а именно укрепления западной границы, — еще не был в руках британцев. В течение периода от 1838 до 1849 г. в войне с сикхами и афганцами Англия окончательно овладела этнографическими, политическими и военными границами восточно-индийского континента, присоединив насильственно области Пенджаба и Синда. Присоединение этих областей было для Англии необходимо в целях отражения возможного нападения со стороны Центральной Азии, а также как прикрытие против России, продвигавшейся к персидской границе. В течение этого последнего десятилетия к старым английским владениям в Индии была присоединена территория протяжением в 167 000 квадратных миль с населением в 8 572 630 душ. Что касается внутреннего положения Индии, то все туземные государства были теперь окружены английскими владениями, в той или иной форме подчинены британскому *сюзеренитету* и, за единственными исключениями Гуджерата и Синда, отрезаны от моря. С самостоятельностью же Индии по отношению к внешнему миру было раз навсегда покончено. Великая англо-индийская империя существует лишь с 1849 года.

Английское правительство, таким образом, вело в течение 200 лет войну, прикрываясь именем компании, пока не были достигнуты естественные границы Индии. Мы понимаем теперь, почему в течение всего этого времени все партии в Англии молчаливо потворствовали всему тому, что делалось в Индии, — даже те из них, которые решили громче всех выступить с лицемерными криками о мире после того, как *округление* английских владений в Индии станет совершившимся фактом. Покорение Индии им нужно было прежде всего, конечно, для того, чтобы иметь возможность благодетельствовать ее потом своей деятельной филантропией. Теперь мы понимаем, почему вопрос об Индии в нынешнем, 1853, году находится в ином положении, чем во все предыдущие периоды возобновления хартии.

Подойдем к вопросу еще с другой точки зрения. Мы гораздо лучше поймем особенности кризиса, переживаемого законодательством об Индии, если рассмотрим все фазисы, через которые прошло развитие торговых сношений между Великобританией и Индией.

В начале развития операций Ост-индской компании, в царствование Елизаветы, компания получила разрешение вывозить ежегодно, в целях выгодного развития своей торговли с Индией, ценностей в серебре и золоте и в иностранной монете на сумму в 30 000 ф. ст.

Это был разрыв со всеми предрассудками века, и Томас Мэн был вынужден изложить в «Рассуждении о торговле между Англией и Ост-Индией» основы «меркантильной системы». Признавая, что драгоценные металлы являются единственным богатством, которым какая-либо страна может обладать, он одновременно утверждал, что вывоз их может быть спокойно разрешен, если *баланс платежей* сводится в пользу вывозящей нации. В этом смысле он утверждает, что ввозимые из Ост-Индии товары по преимуществу вновь вывозятся в другие страны, из которых получается значительно большее количество слитков, чем то количество, которое уплачивается за эти товары в Индии. В том же духе сэр Джозайя Чайльд написал «трактат, в котором доказывается, что из всех торговых сношений Англии ее торговля с Ост-Индией имеет для нее наибольшее национальное значение». Мало-по-малу сторонники Ост-индской компании становились все смелее, и можно отметить как курьез в этой курьезной истории, что индийские монополисты были первыми в Англии глашатаями принципа свободы торговли.

Требования о парламентском вмешательстве в отношении Ост-индской компании снова стали раздаваться не со стороны торгового, а со стороны промышленного класса в самом конце XVII и в течение большей части XVIII столетия, когда было объявлено, что ввоз ост-индских хлопчатобумажных и шелковых тканей разоряет бедных британских фабрикантов. Мнение это было выдвинуто в сочинении Джона Поллексфена «Противоречия между Англией и Индией в области мануфактурной промышленности», Лондон, 1697, — в сочинении, заглавие которого странным образом оправдалось 150 лет спустя, но совсем в другом смысле. Тогда вмешался парламент. Актом 11 и 12 Вильгельма III, п. 40, было запрещено ношение выделанных шелковых материй и набивного или крашеного колленкора, ввезенных из Индии, Персии или Китая, и устанавливался штраф в 200 ф. ст. для тех лиц, у которых будут найдены или которыми будут продаваться подобные изделия. Подобные же законы были изданы под давлением беспрестанных жалоб впоследствии столь «просвещенных» британских фабрикантов в царствования Георгов I, II и III. Таким образом, в течение большей части этого периода индийские мануфактурные изделия обыкновенно ввозились в Англию с тем, чтобы быть проданными на континент, минуя английский рынок.

Помимо этих мер, принятых парламентом в отношении Ост-Индии под давлением жадных английских фабрикантов, лондонские, ливерпульские и бристольтские купцы всякий раз, когда ставился

вопрос о возобновлении хартии, делали усилия сломить коммерческую монополию компании и самим принять участие в этой торговле, которая считалась настоящим золотым дном. Домогательства эти привели к тому, что в закон 1773 г., которым срок действия хартии компании был продлен до 1 марта 1814 г., был внесен пункт, согласно которому частным лицам, состоящим в английском подданстве, разрешалось вывозить из Англии, а служащим Ост-индской компании ввозить в Англию почти все виды товаров. Но это разрешение частным купцам вывозить товары в британскую Индию было обставлено условиями, уничтожавшими все его значение. В 1813 г. компания оказалась неспособной противостоять дольше давлению торговых кругов, и в то время как монополия торговли с Китаем была сохранена, торговля с Индией предоставлена была под некоторыми условиями частной конкуренции. При возобновлении хартии в 1833 г. были отменены, наконец, и эти последние ограничения для частных лиц. Компании было запрещено вести какую бы то ни было торговлю, ее торговый характер был аннулирован, и она лишена была права запрещать британским подданным пребывание на территории индийских владений.

Между тем ост-индская торговля пережила очень серьезные революции, совершенно изменившие интересы разных классов Англии в отношении к этой торговле. Сокровища, притекавшие из Индии в Англию в течение всего XVIII столетия, приобретались не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации территории и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию. После отмены монополии в 1813 г. размеры торговли с Индией в короткое время более чем утроились. Но это еще не все. Весь характер этой торговли изменился. До 1813 г. Индия была преимущественно экспортирующей страной, между тем как теперь она стала страной импортирующей, и это развитие шло таким быстрым темпом, что уже в 1823 г. курс, составлявший обычно 2 шилл. 6 пенс. за рупию, упал до 2 шилл. за рупию. Индия, бывшая с незапамятных времен величайшей мастерской хлопчатобумажных изделий, которыми она снабжала весь мир, стала наводняться теперь английской пряжей и английской хлопчатобумажной материей. После того как ее собственные изделия были изъяты из обращения на английском рынке или стали допускаться лишь на самых жестких условиях, в нее стала ввозиться в огромном количестве английская мануфактура, обложенная небольшой и лишь номинальной пошлиной, что повело к гибели туземного, некогда столь славившегося хлопчатобумажного производства. В 1780 г. стоимость

всей английской продукции составляла лишь 386 152 ф. ст., стоимость слитков, вывезенных в том же году, составляла 15 041 ф. ст., общая стоимость всего экспорта в течение 1780 г. составляла 12 648 616 ф. ст., так что сумма торговых оборотов с Индией составляла лишь $\frac{1}{12}$ суммы всех оборотов внешней торговли. В 1850 г. стоимость всего экспорта в Индию из Великобритании и Ирландии составляла 8 024 000 ф. ст., из которых экспорт одних хлопчатобумажных изделий достигал суммы в 5 220 000 ф. ст., так что он составлял больше $\frac{1}{8}$ общего экспорта и больше $\frac{1}{4}$ всего экспорта хлопчатобумажных изделий за границу. Но в хлопчатобумажном производстве была занята теперь также $\frac{1}{8}$ часть всего населения, и эта отрасль промышленности доставляла Англии $\frac{1}{12}$ ее национального дохода. После каждого торгового кризиса торговля с Ост-Индией приобретала для хлопчатобумажных фабрикантов все более преобладающее значение, и ост-индский континент стал действительно их лучшим рынком сбыта. В той мере, в какой хлопчатобумажная промышленность стала приобретать жизненное значение для всей социальной структуры Великобритании, Ост-Индия приобретала жизненное значение для британской хлопчатобумажной промышленности.

До этого момента интересы финансовой олигархии, превратившей Индию в свою вотчину, шли рука об руку с интересами политической олигархии, завоевавшей Индию своими армиями, и с интересами промышленной олигархии, наводнившей Индию своими товарами. Но чем более росла зависимость английской промышленности от индийского рынка, тем более английские промышленники чувствовали необходимость создания новых производительных сил в Индии взамен той туземной промышленности, которую они разорили. Нельзя беспрерывно наводнять страну своими изделиями, если не давать ей возможности в свою очередь сбывать какие-нибудь свои продукты. Промышленные круги видели, что их торговые обороты с Индией не только не возрастают, но падают. За четырехлетний период, кончающийся 1846 г., стоимость импорта в Индию из Великобритании составляла 261 млн. рупий, за четырехлетие, кончающееся 1850 г., стоимость этого импорта достигла лишь 253 млн. рупий, между тем как экспорт за предыдущий период равнялся 274 млн. рупий, а за последний период — 254 млн. Они открыли, что покупательная способность в отношении их товаров была доведена в Индии до самой низкой степени, что в то время как стоимость годового потребления их изделий на душу населения составляла в британской Вест-Индии около 14 ш., в Чили около 9 ш. 3 п.,

в Бразилии 6 ш. 5 п., в Кубе 6 ш. 2 п., в Перу 5 ш. 7 п., в Центральной Америке 10 п., в Индии она составляла лишь около 9 п. Затем наступил недород хлопка в Соединенных Штатах, причинивший в 1850 г. английским хлопчатобумажным промышленникам убытки на 11 000 000 ф. ст., и последние были раздражены по поводу того, что они должны находиться в зависимости от Америки, вместо того, чтобы получать хлопковое сырье в достаточном количестве из Ост-Индии. Сверх этого, они видели, что во всех их попытках приложения капитала в Индии они наталкиваются на сопротивление и интриги со стороны лиц, хозяйничающих в Индии. Индия, таким образом, стала ареной борьбы между промышленными кругами, с одной стороны, и финансовой и политической олигархией — с другой. Промышленники, опираясь на свою растущую силу в Англии, требовали теперь уничтожения этих антагонистских сил в Индии, разрушения всего старого правительственного аппарата в Индии и окончательной ликвидации Ост-индской компании.

И, наконец, вот еще четвертая и последняя точка зрения, с которой следует рассматривать вопрос об Индии. С 1784 г. финансы Индии все более и более ухудшались. Национальный долг достиг теперь 50 млн. фунтов, источники доходов стали все более уменьшаться, и соответственно росли расходы, едва покрываемые позорными доходами с пошлины на опиум, которые к тому же грозили теперь иссякнуть, так как китайцы начали культивировать мак у себя дома. Кроме того, предвиделось увеличение расходов ввиду бессмысленной войны с Бирмой. «Положение таково, — говорит г-н Диккинсон, — что если потеря владений в Индии грозит Англии крахом, то и необходимость удерживать их чревата крахом ее финансов».

Таким образом, я показал, почему вопрос об Индии впервые после 1783 г. стал английским вопросом и вопросом министерским.

БУДУЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БРИТАНСКОГО ГОСПОДСТВА В ИНДИИ.

Лондон, 22 июля 1853 г.

В этом письме я предполагаю закончить мои замечания об Индии.

Каким образом установилось английское верховенство в Индии? Неограниченная власть Великого Могола была свергнута его наместниками, могущество наместников было сломлено мараттами, могущество мараттов было сломлено афганцами, и пока все воевали против всех, налетел британец и оказался способным покорить их всех. Страна, где обособлены друг от друга не только магометане и индусы, но и племя от племени и каста от касты, общество, имеющее своей основой нечто в роде равновесия, проистекающего из всеобщего взаимного отталкивания и веками установившейся обособленности друг от друга всех его членов, разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя? Если бы мы даже ничего не знали о прошлой истории Индостана, то разве нам недостаточно было бы того крупного и бесспорного факта, что даже в настоящее время Индия держится Англией в рабстве при помощи индийской армии, содержащейся за счет Индии? Индия, таким образом, не могла избежать участи быть завоеванной, и вся ее прошлая история, если у нее вообще была какая-либо история, является историей последовательных завоеваний, которым она подвергалась. Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере никакой известной истории. То, что мы называем его историей, есть лишь история сменявших друг друга завоевателей, основывавших свои империи на базисе этого покорного и неподвижного общества. Вопрос заключается поэтому не в том, имела ли Англия право завоевать Индию, а в том, предпочли ли бы мы, чтобы Индия завоевана была турками, персами, русскими, а не британцами.

Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, разрушить старое

азиатское общество, а с другой стороны — заложить материальную основу западного общества в Азии.

Арабы, турки, татары, монголы, последовательно завоевывавшие Индию, быстро ассимилировались с туземным населением. Согласно непреложному закону истории, варвары-завоеватели сами были завоеваны высшей цивилизацией покоренных ими народов. Британцы были первыми завоевателями с более высокой культурой, и они поэтому оказались недоступными воздействию индусской цивилизации. Они убили эту цивилизацию, разрушив туземные общины, разорив до тла туземную промышленность и нивелировав все, что возвышалось над общим уровнем в туземном обществе.

Страницы истории господства англичан в Индии вряд ли говорят о чем-либо, кроме разрушения; их созидательная работа вряд ли видна сквозь кучу развалин. Тем не менее эта созидательная работа началась.

Политическое единство Индии, более консолидированное и пространственно расширенное дальше, чем когда-либо при великих моголах, было первой предпосылкой ее возрождения. Это единство, установленное английским мечом, будет теперь упрочено и навсегда закреплено электрическим телеграфом. Туземная армия, организованная и вымуштрованная британскими командирами, послужила необходимым условием, без которого Индия никогда не могла бы осуществить свое национальное освобождение и не перестала бы быть добычей первого иноземного завоевателя. Свобода печати, впервые введенная в азиатском обществе и руководимая по преимуществу совместно европейцами и индусами, является новым и могущественным фактором реконструкции. Даже земиндарство и наследственная аренда земли, как они ни гнусны, представляют собой две различные формы частной собственности на землю, т. е. того, к чему столь сильно стремится азиатское общество. Из туземцев Индии, неохотно и в скудных размерах получающих под английским надзором образование в Калькутте, формируется новый класс, вооруженный сведениями, необходимыми для управления, и пропитанный европейской наукой. Пар установил регулярное и быстрое сообщение между Индией и Европой, связал все главные порты Индии со всеми портами юго-восточного океана и таким образом вывел Индию из того изолированного положения, которое было главной основой ее неподвижности. Недалек уже тот день, когда при помощи сочетания системы железных дорог и пароходных рейсов расстояние между Англией и Индией, измеряемое длительным временем, сократится до восьми дней, и эта некогда легендарная страна будет действительно присоединена к западному миру.

Господствующие классы Великобритании до сих пор лишь случайно, временно и в виде исключения заинтересованы были в развитии Индии. Аристократия желала ее покорить, финансовая плутократия хотела ее грабить, а промышленная буржуазия стремилась победить ее большей дешевизной своих товаров. Но теперь положение изменилось. Промышленная буржуазия открыла, что ее жизненные интересы требуют превращения Индии в производящую страну и что для этой цели необходимо прежде всего снабдить ее ирригационными сооружениями и внутренними путями сообщения. Промышленники намерены покрыть Индию сетью железных дорог. И они это сделают. Это должно дать неоценимые результаты.

Известно, что производительные силы Индии парализованы благодаря крайнему недостатку в транспортных средствах и в средствах обмена ее разнообразных продуктов. Нигде не наблюдается в такой мере, как в Индии, столь сильная социальная нужда наряду с естественным изобилием, нужда, вызываемая отсутствием средств обмена. В 1848 г. в комиссии английской палаты общины было установлено, что, «в то время как пшеница продавалась от 6 до 8 шил. за кварталер в Кандеише, она продавалась от 64 до 70 шил. за кварталер в Пуна, где народ умирал на улицах от голода, не имея возможности доставлять съестные припасы из Кандеиша, так как глинистые дороги были непроходимы».

Проведение железных дорог может быть легко использовано в агрикультурных целях, а именно для образования водохранилищ там, где требуется подвоз земли для устройства плотин и для передачи воды по различным направлениям. Таким путем можно сильно расширить систему искусственного орошения, этого необходимого условия земледелия на Востоке, и предотвратить частое повторение местных недородов, вызываемых недостатком воды. Огромная важность железных дорог станет с этой точки зрения очевидной, если вспомнить, что даже в районах, примыкающих к горному хребту, орошенные земли платят в три раза больше налогов, расходуют в десять и двенадцать раз больше на рабочую силу и все же приносят в десять или в пятнадцать раз больше прибыли, чем неорошенные земли.

Железные дороги дадут возможность уменьшить стоимость содержания военных учреждений. Полковник Воррен, начальник форта Сен-Вильям, высказался следующим образом в избранной палатой общин комиссии:

«Возможность получения сведений из отдаленных частей страны через столько же часов, сколько теперь для этого требуется дней и

даже недель, возможность тотчас же послать инструкции вместе с войсковыми частями и провиантом, это — соображения, важность которых нельзя переоценить. Гарнизоны можно было бы расположить на более далеких расстояниях друг от друга и в более здоровых местностях, чем в настоящее время, и этим сберегалось бы много жизней, гибнущих теперь от болезней. Точно так же не нужно было бы запасать так много провианта в разных складах, и этим можно было бы избегать потерь от гниения и разрушительных климатических влияний. А количество войск можно было бы уменьшить в такой же мере, в какой их более быстро можно было бы использовать».

Мы знаем, что муниципальная организация и экономическая основа сельских общин были разрушены, но их наихудшая черта, а именно распадение общества на одинаковые, не связанные между собой атомы, пережила их. Изолированность общин породила отсутствие дорог в Индии, а отсутствие дорог упрочивало изолированность общин. На этой равнине община существовала на данном низком уровне удобств, почти без общения с другими общинами, без стремлений и без усилий, необходимых для социального прогресса. Теперь, когда британцы сломили самодовлеющую *инерцию* сел, железные дороги дадут возможность удовлетворить новую потребность в связи и общении. Кроме того, «одним из последствий железнодорожной системы будет то, что она внесет в каждое село, пересекаемое ею, такое знание усовершенствований и практических приспособлений, введенных в других странах, и так облегчит их перенесение, что это даст возможность, во-первых, проверить степень достигнутого классом наследственных и наемных ремесленников искусства, а, во-вторых, восполнить его пробелы» (Чепмен, Хлопчатая бумага и торговля Индии).

Я знаю, что английская промышленная буржуазия в своем стремлении покрыть Индию железными дорогами руководствуется исключительной целью удешевить доставку хлопка и других сырых материалов, необходимых для ее фабрик. Но раз только вы ввели машину в качестве средства передвижения в страну, обладающую железом и углем, вы не можете помешать тому, чтобы эта страна сама стала производить эту машину. Вы не можете поддерживать сети железных дорог в огромной стране без организации тех отраслей промышленности, которые необходимы для удовлетворения непосредственных и текущих потребностей железнодорожного движения, а это повлечет за собою развитие механического производства и в тех отраслях промышленности, которые непосредственно не связаны с железнодорожным движением. Железные дороги станут поэтому

в Индии действительным предвестником современной индустрии. Это тем более верно, что индусы, по признанию самих английских властей, обладают особой способностью приспособляться к совершенно новым условиям труда и усваивать знания, необходимые для пользования машиной. Убедительные подтверждения этого факта представляют способности и знание дела, обнаруженные туземными инженерами, работающими много лет при паровых машинах на Монетном дворе в Калькутте, работа туземных инженеров, обслуживающих разные паровые машины в угольных районах Гардуора, и другие примеры. Сам г-н Кемпбелль, как он ни заражен предрассудками Ост-индской компании, вынужден признать, «что широкие массы индийского народа обладают большой *промышленной энергией*, весьма приспособлены к накоплению капитала и обладают замечательными способностями к математике и точному знанию». «Их интеллект, — говорит он, — великолепен». Современная промышленность, которая проникает в Индию с проведением железных дорог, разложит унаследованную систему разделения труда, на которой покоятся индийские касты, — это основное препятствие на пути индийского прогресса и роста мощи Индии.

Нельзя заставить английскую буржуазию желать освобождения или подлинного улучшения социального положения масс индийского народа, улучшения, обусловливаемого не только развитием производительных сил, но и их освоением народом. Но что она может сделать — это создать материальные предпосылки для осуществления этих обеих задач. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-либо осуществляла прогресс, не толкая как отдельных людей, так и целые народы на путь крови и грязи, бедствий и унижений?

Индусы не будут пожирать плодов новых элементов общества, рассеянных среди них британской буржуазией, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом или пока сами индусы не станут достаточно сильными, чтобы окончательно сбросить с себя английское ярмо. Во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать, в более или менее отдаленном будущем, возрождения этой великой и интересной страны, благородное население которой даже в своих самых низших классах, по выражению князя Салтыкова, *est plus fin, est plus adroit que les italiens* (более проникательно и более искусно, чем итальянцы), — страны, жители которой даже свою покорность уравнивают каким-то спокойным благородством и, несмотря на свою природную лень и апатию, изумили английских офицеров своей храбростью, — страны, которая является колыбелью наших языков, наших религий

и которая в джате¹ дает нам тип древнего германца, а в брамине — тип древнего грека.

Я не могу расстаться с темой об Индии без некоторых заключительных замечаний.

Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство обнажено предстают пред нашим взором, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она ходит неприкрытой. Буржуазия выдает себя за защитницу собственности, но разве какая-нибудь революционная партия совершала когда-нибудь такие аграрные революции, как те, которые были произведены в Бенгалии, в Мадрасе и в Бомбее? Разве в Индии она не прибегала, — говоря словами самого лорда Клайва, этого великого хищника, — к жестокому насилию там, где простой подкуп оказывался недостаточным для достижения ее хищнических целей? Разве в то время, когда она в Европе болтала о ненарушимой святости национального долга, она не конфисковала дивидендов раджей, поместивших свои частные сбережения в акции самой Компании? Разве в то время, когда она сражалась против французской революции под предлогом защиты «нашей священной религии», она не запретила пропаганду христианства в Индии, и разве она в целях извлечения доходов от пилигримов, устремляющихся к храмам Ориссы и Бенгалии, не стала торговать убийством и проституцией, увековеченными в храме Джагернаута? Вот каковы эти защитники «собственности, порядка, семьи и религии»!

Опустошительное действие английской промышленности в отношении Индии, — страны, которая по своим размерам не меньше Европы и население которой достигает 150 млн. душ, — бросается в глаза и ужасно по своим последствиям. Но мы не должны забывать, что это действие является лишь органическим результатом всей существующей ныне системы производства. Это производство зиждется на всеильном господстве капитала. Централизация капитала неразрывно связана с существованием капитала как независимой силы. Разрушительное влияние этой централизации на рынки мира выявляет лишь в гигантских размерах внутренние органические законы политической экономии, проявляющие свое действие ныне в любом цивилизованном городе. Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, мировые сношения, основанные на взаимной зависимости

¹ Джаты — одно из племен на северо-западе Индии. *Ред.*

отдельных частей, и средства этих сношений, с другой стороны — развитие производительных сил человека и превращение материального производства в осуществляемое при помощи науки господство над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира точно так же, как геологические революции создали поверхность земли. Лишь после того, как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее прогрессивных народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

НАЦИОНАЛЬНОСТИ В ТУРЦИИ.

Лондон, 22 марта 1853 г.

Производя смотр войскам, расположенным в Придунайских княжествах, и приняв парад армии и флота у Севастополя, где он произвел под своим личным наблюдением маневры посадки и высадки войск, князь Меншиков в высшей степени театральным образом вступил 28 февраля в Константинополь; его свита состояла из двенадцати лиц, среди которых были командующий русской эскадрой Черного моря, один дивизионный генерал, несколько адъютантов и господин Нессельроде младший в качестве секретаря посольства. Он встретил со стороны русского и греческого населения такой прием; как будто бы это был сам православный царь, явившийся для того, чтобы вернуть *Царьград* истинной вере. Здесь, в Лондоне, и в Париже вызвало величайшую сенсацию известие, что князь Меншиков, не довольствуясь отставкой Фуада-паши, потребовал от султана не только признания протектората русского царя над всеми христианами в Турции, но и права назначения греческого патриарха; что султан обратился за защитой к Англии и Франции; что полковник Роуз, британский поверенный в делах, поспешно послал в Мальту пароход «Wasp» для немедленного вызова английского флота в Архипелаг, а русские суда бросили якорь в Килии, близ Дарданелл. Парижский «Moniteur» сообщает, что французская эскадра в Тулоне получила приказ отправиться в греческие воды. Адмирал Дендас пока еще в Мальте. Из всего этого вытекает, что в Европе опять поставлен в порядок дня «восточный вопрос», — факт, не могущий удивить никого, знакомого со всемирной историей.

Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывет на поверхность вечный «восточный вопрос». Так было, когда прошумели бури первой французской революции и Наполеон и Александр после Тильзитского мира поделили между собою весь европейский континент; тогда Александр использовал наступившее на мгновение спокойствие и двинул в Турцию войска на «помощь» тем элементам Турецкой

империи, которые отделились от распадающегося государства. Некоторое время спустя, едва только конгрессами в Лайбахе и Вероне были подавлены революционные движения в Западной Европе, Николай, наследник Александра, снова нанес удар Турции. Через несколько лет, когда отзвучали июльская революция и сопровождавшие ее восстания в Польше, Италии и Бельгии, — и Европа, в той форме, какую она получила в 1831 г., казалось, избавилась навсегда от внутренних потрясений, — восточный вопрос в 1840 г. снова чуть было не вовлек во всеобщую войну великие державы. И ныне, когда правящие пигмеи близоруко хвастают тем, что счастливо избавили Европу от опасностей «анархии и революции», на сцену вновь выплывает все тот же неразрешимый вопрос, все тот же никогда не иссякающий источник затруднений: как быть с Турцией?

Турция является большим местом легитимистской Европы. Бессилие легитимистской, монархической системы находит — со времени первой французской революции — свое выражение в одном положении: сохранять *status quo*. Это всеобщее соглашение — упорно сохранять вещи в таком виде, в каком они очутились вследствие случайных обстоятельств, — является свидетельством о бедности, признанием руководящих держав в своей полной неспособности подвинуть вперед дело прогресса или цивилизации. Наполеон умел в одно мгновение решать участь целых материков, обнаруживая при этом как настоящую гениальность, так и неуклонность в достижении намеченной цели. «Объединенной премудрости» европейской легитимности на Венском конгрессе понадобились на это годы, причем участники конгресса перессорились, создали невероятный хаос и, найдя все дело смертельно скучным, утомившись, в конце концов, отказались от дележа Европы. «Рабы посредственности», как их называл Беранже, без исторических знаний и интуиции, без идей и инициативы, они обоготворили *status quo*, состряпанный ими же самими, несмотря на то, что отлично понимали все уродство своего детища.

Но Турция так же мало остается в одном и том же положении, как и остальной мир; и в тот момент, когда реакционной партии после больших трудов удалось восстановить в цивилизованной Европе так называемый *status quo ante*, обнаруживается, что в Турции за это время *status quo* очень изменился, что возникли новые вопросы, новые отношения, новые интересы. И бедные дипломаты должны опять начать свою работу с того самого места, где она была прервана всеобщим «землетрясением» восемь или десять лет тому назад. Сохранить в Турции *status quo*! С таким же правом можно было бы попытаться

удержать лошадиную пададь на одной и той же ступени гниения, не давая наступить полному разложению. Турция разлагается и будет все больше разлагаться, пока будет существовать теперешняя система «европейского равновесия» и status quo. И потому она, несмотря на все конгрессы, протоколы и ультиматумы, будет регулярно вносить свою ежегодную долю в сокровищницу дипломатических затруднений и международных неурядиц, подобно тому как и всякое другое разлагающееся тело обильно снабжает окрестности углеводородистым газом и другими благоухающими продуктами разложения.

Посмотрим, в чем заключается вопрос. Турция состоит из трех совершенно различных частей: африканских вассальных государств, т. е. Египта и Туниса, Азиатской Турции и Европейской Турции. Мы оставим пока без рассмотрения африканские владения, из которых только Египет может рассматриваться как действительно подчиненный султану. Но Египет на деле принадлежит Англии больше, чем кому бы то ни было, и при будущем разделе Турции непременно отойдет к Англии.

Азиатская Турция представляет собою истинный центр тех сил, которыми еще располагает Турецкая империя. Малая Азия и Армения, в которых турки главным образом жили в продолжение четырехсот лет, образуют резервуар, из которого всегда почерпался материал для турецких армий, начиная с тех, которые стояли под стенами Вены, и кончая теми, которые были разбиты при Кулевче не очень удачными маневрами Дибича. Азиатская Турция, несмотря на свое редкое население, образует все же слишком сплоченный комплекс магометанского фанатизма и турецкой национальности, чтобы пробуждать в ком-либо желание ее завоевать. И в самом деле, при всяком обсуждении «восточного вопроса» из азиатских областей принимаются во внимание только Палестина и христианские долины Ливана.

Настоящим яблоком раздора является Европейская Турция, большой полуостров к югу от Савы и Дуная. Эта прекрасная страна имеет несчастье быть обитаемой целым конгломератом различнейших рас и национальностей, о которых трудно сказать, какие из них наименее способны к цивилизации и прогрессу. Двенадцать миллионов славян, греков, румын, арнаутов находятся в подчинении у одного миллиона турок, и до недавнего времени можно казаться, что последние действительно являются среди всех этих различных рас элементом, наиболее пригодным к господству, которое, при наличии такого смешанного населения, не может не принадлежать только одной из этих национальностей. Но когда мы видим, какое

жалкое крушение терпели все попытки турецкого правительства стать на путь цивилизации, как исламистский фанатизм, носителем которого является преимущественно турецкая чернь нескольких крупных городов, использовал помощь Австрии и России только для того, чтобы опять достигнуть власти и уничтожить всякую попытку к прогрессу; когда мы видим, как центральное, т. е. турецкое, правительство из года в год ослабляется в христианских провинциях восстаниями, из которых ни одно не бывает вполне безуспешным благодаря слабости Порты и вмешательству соседних государств; когда мы видим, наконец, что Греция добивается своей самостоятельности, части Армении подпадают под власть России, а Молдавия, Валахия и Сербия последовательно становятся под протекторат России, — тогда мы должны согласиться, что присутствие турок в Европе представляет собою серьезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-иллирийского полуострова.

Трудно назвать турок господствующим классом в Турции, так как взаимоотношения разных классов общества там отличаются такою же запутанностью, как и отношения рас. Турок бывает, в зависимости от обстоятельств места и времени, рабочим, свободным земледельцем, мелким арендатором, торговцем, феодальным помещиком на самой низкой и варварской стадии феодализма, чиновником или солдатом; но во всех этих различных социальных положениях он принадлежит к господствующей религии и национальности, он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин должен при встрече уступить дорогу самому низкостоящему мусульманину. В Боснии и Герцеговине дворянство славянского происхождения перешло в мусульманство, в то время как масса народа осталась *райей*, т. е. христианами. Таким образом, в этой провинции господствующая вера и господствующий класс совпадают. И вообще босняк-мусульманин стоит на одной ступени со своим единоверцем турецкого происхождения.

Главной силой турецкого населения в Европе является, не говоря о постоянных резервах в Азии, чернь Константинополя и нескольких других больших городов. Она — преимущественно турецкого происхождения, и, несмотря на то, что ее работодателями являются главным образом христианские капиталисты, она все же ревниво отстаивает свое воображаемое превосходство и свою традиционную привилегию — совершать безнаказанно эксцессы по отношению к христианам. Это — та самая чернь, которую, при всяком важном государственном перевороте, необходимо привлечь на свою сторону при помощи подкупа и лести. Она-то и образует, не считая нескольких

колонизованных округов, главную массу турецкого населения в Европе. И раньше или позже обнаружится абсолютная необходимость освободить одну из прекраснейших частей нашего континента от господства черни, по сравнению с которой чернь времен Римской империи являлась собранием мудрецов и героев.

Из остальных национальностей отметим, прежде всего, в нескольких словах арнаутов; это — закаленный, первобытный, горный народ, живущий в стране, спускающейся к Адриатическому морю, говорящий на своем особенном языке, но принадлежащий, повидимому, к великому индо-европейскому племени. Арнауты — частью православные, частью же мусульмане, и кажутся, судя по тому, что мы о них знаем, еще очень мало подготовленными к цивилизации. Их разбойничьи привычки должны будут принудить всякое соседнее правительство держать их в строжайшем военном подчинении, пока промышленный прогресс в окружающих областях не даст им занятия в качестве водоносов или дровосеков, как это было с гальего в Испании и другими горными жителями.

Валахи, или дако-румыны, составляющие главное население области между Нижним Дунаем и Днестром, представляют собою чрезвычайно смешанный народ, принадлежащий по своей религии к греческой церкви и говорящий на языке, который происходит от латинского языка и во многих отношениях очень близок к итальянскому. Трансильванцы и буковинцы принадлежат к Австрии, а бесарабцы — к России; жители Молдавии и Валахии, единственных двух княжеств, где дако-румынская раса достигла политического бытия, имеют своих собственных князей под номинальным суверенитетом Турции и действительным верховенством России. О трансильванских валахах мы много слышали во время венгерской войны. Их притесняли венгерские магнаты, которые, по австрийской системе, одновременно служили правительству и орудиями всяческих поборов. Эту оступевшую массу австрийцы подкупом и обещаниями привлекли на свою сторону так же, как они это проделали с русинскими крепостными в Галиции в 1846 г., и валахи начали разрушительную войну против венгров, превратившую Трансильванию в пустыню. Дако-румыны турецких княжеств имеют, по крайней мере, туземное дворянство и политические учреждения; и туда, несмотря на все усилия России, все же проник революционный дух, как на это достаточно указывает восстание 1848 г. Без сомнения, притеснения и вымогательства, которым они подвергались со времени русской оккупации 1848 года, должны были еще больше питать в них этот дух, несмотря на узы общей религии и царско-поповского суеверия,

заставлявшие их взирать на главу православной церкви как на своего естественного защитника. И если дело обстоит действительно так, то валашская национальность может сыграть выдающуюся роль при окончательном решении вопроса об этих областях.

Греки в Турции — большей частью славянского происхождения, но приняли ново-греческий язык; в действительности общепризнано, что, за исключением нескольких дворянских семейств в Константинополе и Трапезунде, даже в самой Греции можно найти очень мало чисто эллинской крови. Греки являются, наряду с евреями, главными торговцами в морских гаванях и многих внутренних городах. В некоторых округах они также земледельцы. Но нигде, за исключением Фессалии и, может быть, Эпира, они ни по своей численности, ни по плотности населения, ни по своему национальному сознанию не являются решающей нацией. Влияние, которым пользовались некоторые греческие дворянские семейства в качестве переводчиков, быстро убывает с тех пор, как турки стали получать образование в Европе, а европейские посольства завели себе атташе, говорящих по-турецки.

Переходим теперь к расе, которая образует главную массу населения и кровь которой преобладает во всяком происходящем расовом смешении. Можно сказать, что она составляет центральное ядро христианского населения от Мореи до Дуная и от Черного моря до Арнаутских гор. Это — славянская раса и в особенности та ветвь ее, которая обозначается именем иллирийской или югославянской. На-ряду с западными славянами (поляками и чехами) и восточными (русскими) она образует особую, третью, ветвь того многочисленного славянского племени, которое обитает в последние двенадцать столетий на востоке Европы. Эти южные славяне населяют не только большую часть Турции, но и Далмацию, Крoацию, Славонию и Южную Венгрию. Они все говорят на одном и том же языке, очень близком к русскому и из всех славянских языков звучащем наиболее музыкально для уха европейца.

Кроаты и часть далматинцев — римско-католического вероисповедания; остальные принадлежат к греческой церкви. Католики пользуются латинским алфавитом, приверженцы греческой церкви пишут кириллицей, которая употребляется также и в русском и старославянском, или церковно-славянском, языках. Это обстоятельство, в связи с различием вероисповеданий, помешало национальному развитию в юго-славянских областях. Белградец не в состоянии прочесть книгу, напечатанную в Аграме или Бече; возможно даже, что он откажется взять ее в руки, потому что она напечатана «еретическим» шрифтом и по еретической орфографии. Между тем ему не

трудно прочесть и понять книгу, напечатанную в Москве, так как книга эта напечатана «православным» шрифтом, а оба языка очень похожи друг на друга, в особенности благодаря старо-славянской, этимологической системе орфографии. Масса греческих славян даже не желает, чтобы их библии, богослужебные и молитвенные книги были напечатаны в их собственной стране, так как она убеждена, что все напечатанное в святой Москве или царской типографии в Петербурге отличается особой правильностью, правоведем и святостью. Несмотря на все панславистские усилия аgramских или пражских энтузиастов, серб, болгарин, боснийский райа, славянский крестьянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с говорящими на том же языке римско-католическими юго-славянами; что бы ни случилось, они ожидают из Петербурга своего мессию, который освободит их от всех зол; и если они называют Константинополь своим «Царьградом», своим царским городом, то они делают это как в ожидании православного царя, грядущего с севера, чтобы опять вернуть город истинной вере, так и в воспоминание о православном царе, владевшем им раньше, чем турки завоевали страну.

Хотя славяне в большей части Турции непосредственно подчинены власти турок, однако они сами выбирают свои местные власти; в Боснии же они приняли религию своих завоевателей. Только в двух областях Турции славянская раса сохранила или завоевала себе политическое существование. Во-первых, в Сербии, расположенной в долине Моравы, провинции с резко очерченными естественными границами, которая шестьсот лет тому назад играла выдающуюся роль в истории этих областей. Русская война 1809 года дала сербам, которых турки долго угнетали, возможность приобрести самостоятельность, хотя и под верховным владычеством турок. С тех пор Сербия постоянно оставалась под непосредственной защитой России. Но, как и в Молдавии и Валахии, политическая самостоятельность создала новые потребности и принудила Сербию к более близким сношениям с Западной Европой. Цивилизация начала пускать корни, торговля расширилась, возникли новые идеи, и мы находим в центре оплота русской сферы влияния, в славянской и православной Сербии, антирусскую прогрессивную партию (естественно, очень умеренную в своих требованиях реформ), глава которой — бывший министр финансов Гарашанин.

Если греко-славянское население достигнет когда-нибудь господства в стране, которую оно населяет и в которой оно составляет

три четверти всего населения (7 миллионов), тогда нет сомнения, что те же потребности, что и в Сербии, вызовут и в его среде анти-русскую прогрессивную партию, которая неизбежно зарождалась каждый раз, как только какая-нибудь часть Турции становилась наполовину независимой.

Черногория представляет собою не плодородную равнину с относительно большими городами, а бесплодную, трудно доступную горную страну. Здесь прочно осела банда разбойников, собирающих дань с жителей равнин и накопляющих добычу в своих горных крепостях. Эти романтические, но достаточно неприятные господа давно стали в тягость Европе, и с общей политикой России и Австрии вполне гармонирует то обстоятельство, что они защищают право черногорцев сжигать села с их населением и угонять скот.

ЛОНДОНСКАЯ ПРЕССА И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС.

Лондон, 25 марта 1853 г.

В древней Греции об одном ораторе, молчание которого оплачивалось, говорилось, что у него «бык на языке». Этим быком была серебряная монета, вывезенная из Египта. Про «Times» мы могли бы сказать тоже, что он со времени оживления восточного вопроса всегда имел на своем языке быка, но только не за то, что молчал, а за то, что говорил. Сперва эта остроумная газета защищала право Австрии вмешаться в черногорские дела под тем предлогом, что дело идет о христианстве. Но позже, когда вмешалась Россия, она бросила эту аргументацию и уверяла, что все дело — в споре между греческой и римской церковью и что этот спор не заслуживает внимания «подданных» английской государственной церкви. Потом она стала говорить о значении турецкой торговли для Великобритании и отсюда сделала тот вывод, что Великобритания может только выиграть, если променяет турецкую свободу торговли на русские запретительные и австрийские покровительственные таможенные пошлины. Затем «Times» стремился доказать, что Англия зависит от России в смысле обеспечения продуктами питания и потому должна молчаливо склониться перед географическими воззрениями царя. Это — милостивый комплимент для превозносимой «Times'ом» системы торговли и очень забавное доказательство того, что Черное море должно стать русским морем, а Дунай — русской рекой для того, чтобы смягчить зависимость Англии от России. Когда «Times» был выбит из этой неудобной позиции, он выставил общее положение, что Турецкая империя безнадежно разваливается и что это является решительным доказательством в пользу того, что Россия должна стать душеприказчиком и наследником этой империи. Потом «Times» решил, что нужно подчинить жителей Турции «чистому правлению» и цивилизирующему влиянию России и Австрии, исходя из старинного воззрения, что мудрость приходит с Востока; при этом он забыл то, что незадолго перед тем сам говорил, а именно, что Австрия поддерживает

в своих собственных провинциях и королевствах режим произвола и насильственной тирании, не регулируемый никаким законом. Чтобы увенчать свою наглость, «Times» в заключение поздравляет самого себя по поводу своих «блестящих» передовиц по восточному вопросу. Вся лондонская пресса, утренние и вечерние газеты, ежедневные и еженедельные органы восстали, как один, против своего «руководящего органа». «Morning Post» насмехается над своими коллегами из «Times», упрекая их в намеренном «распространении ложных и нелепых известий». «Morning Herald» называет его «нашим еврейско-австрийско-русским современником». «Daily News» коротко говорит об «органе Бруннова». Его близнец, «Morning Chronicle», характеризует «Times» следующим образом: «Журналисты, которые из-за коммерческих интересов дюжины греческих фирм готовы выдать Турецкую империю России, могут по праву притязать на монополию блестящего остроумия». «Morning Advertiser» говорит: «Times» прав, когда уверяет, что стоит одиноко в своей защите русских интересов... Он, правда, печатается на английском языке. Но это и единственное английское в нем. Там, где вопрос касается России, он насквозь русский».

Без сомнения, русский медведь не уберет своей лапы, пока он будет уверен в том, что соглашение между Англией и Францией носит временный характер. В этом отношении интересен следующий случай. В тот самый день, когда «Times» пытался убедить лордов Эбердина и Кларендона в том, что турецкие дела, это — мелочная ссора между Францией и Россией, «король глупцов», как Гизо обычно называл господина Гранье-де-Кассаньяка, сделал в газете «Constitutionnel» открытие, что вся история является лишь ссорой между лордом Пальмерстоном и царем. Поистине, читая эти газеты, понимаешь греческих ораторов времен демосфеновых филиппик с македонскими быками на языках.

Разумеется, британская аристократия, представленная коалиционным министерством, в крайнем случае пожертвовала бы национальными английскими интересами своим специальным классовым интересам. В надежде найти на Западе опору для своей хилой олигархии, она охотно допустила бы укрепление юного деспотизма на Востоке. Луи-Наполеон еще колеблется. Все его симпатии принадлежат русскому самодержцу, правительственную систему которого он ввел во Францию; и все его антипатии направлены против Англии, парламентскую систему которой он уничтожил во Франции. И если он позволит царю грабить на Востоке, зато последний предоставит ему грабеж на Западе. С другой стороны, он не совсем

уверен в чувствах, которые «Священный союз» питает к «хану-высочке»; он поэтому ведет двусмысленную политику, пытаясь так же обмануть великие державы Европы, как в свое время обманул парламентские партии французского Национального собрания. Демонстративно братаясь с английским послом в Турции, лордом Стратфордом де-Редклиффом, он в то же время осыпает самими лестными обещаниями русскую княгиню фон-Ливен и посылает ко двору султана господина Делакура, горячего сторонника австрийско-французского союза в противоположность к англо-французскому. Он отдает приказ об отплытии флота из Тулона в греческие воды, а на следующий день объявляет в «Moniteur», что это произошло без предварительного соглашения с Англией. В одном из его органов, в «Raus», восточный вопрос трактуется как в высшей степени важный для Франции, в то время как другой из его органов, «Constitutionnel», продолжает уверять, что в восточном вопросе речь идет только о русских, австрийских и английских интересах и что Франция заинтересована в нем лишь самым отдаленным образом и потому находится в совершенно независимом положении. Кто ему предложит больше, Россия или Англия, — вот как стоит для него вопрос.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СПОРНЫЙ ПУНКТ В ТУРЦИИ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Приходится удивляться, что в теперешней дискуссии о восточном вопросе английские газеты не отметили более определенно тех жизненных интересов Великобритании, которые делают ее неумолимым и неуступчивым противником стремлений России к аннексиям и расширению. Англия не может согласиться, чтобы Россия завладела Дарданеллами и Босфором. Это событие нанесло бы и в торговом, и в политическом отношении крупный, если не смертельный удар британской мощи. Чтобы убедиться в этом, бросим беглый взгляд на торговые отношения между Англией и Турцией.

До открытия прямого пути в Индию Константинополь был огромным торговым рынком; турецкие гавани еще и теперь являются посредниками для очень значительного и все растущего торгового оборота между Европой и внутренней Азией, хотя продукты из Индии идут в Европу сухим путем, через Персию, Туран и Турцию. Это показывает нам простой взгляд на карту. Вся внутренняя область материка Европы, начиная Шварцвальдом и кончая песчаными высотами Великого Новгорода, орошается реками, вливающимися в Черное или Каспийское море. Дунай и Волга, эти две гигантских реки Европы, Днестр, Днепр и Дон — все они образуют естественные каналы для сплава внутренних продуктов в Черное море; мы говорим — Черное море, так как и к Каспийскому морю можно добраться только через Черное море. Две трети Европы, т. е. часть Германии и Польши, вся Венгрия, плодороднейшие части России и, кроме того, вся Европейская Турция естественным образом связаны с Черным морем в своем экспорте и обмене своими продуктами, тем более, что все эти страны — преимущественно земледельческие и громоздкость их произведений неизбежно делает водные перевозки основным видом транспорта. Венгерское, польское, южно-русское зерно и шерсть и кожа из тех же стран прибывают в ежегодно возрастающих количествах на наши западные рынки, и все они грузятся на суда в Галаце,

Одессе, Таганроге и других гаванях Черного моря. Существует и еще одна важная отрасль торговли на Черном море. Константинополь и в особенности Трапезунд в Азиатской Турции являются главными рынками для караванной торговли с внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией и Туркестаном. И эта торговля быстро расширяется. Греческие и армянские купцы из названных двух городов ввозят большие количества английских фабричных товаров, которые, благодаря своим низким ценам, быстро вытесняют произведения домашней индустрии азиатских гаремов. Трапезунд, благодаря своему положению, приспособлен для этой торговли лучше всякого другого пункта. Он имеет на своем заднем плане армянские высоты, которые гораздо более доступны, чем сирийские степи, и лежит достаточно близко от Багдада, Шираза и Тегерана; последний служит промежуточным рынком для караванов, идущих из Хивы и Бухары. На бирже в Манчестере можно воочию наблюдать, как сильно развивается эта торговля и торговля Черного моря вообще; там появляются во все большем числе смуглые греческие купцы, и наряду с немецким и английским языком там часто слышится греческая и южно-славянская речь.

Торговля Трапезунда приобретает важное политическое значение также благодаря тому, что он в последнее время служил предметом столкновения между русскими и английскими интересами во внутренней Азии. До 1840 г. русские обладали почти исключительной монополией на торговлю иностранными продуктами в этой области. Русские товары проникли до Инда и в некоторых местах даже пользовались предпочтением перед английскими. Можно смело утверждать, что до Афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе. Настоятельная необходимость непрерывного расширения торговли, этот рок, преследующий современную Англию, подобно привидению, которое, если его не тотчас удовлетворить, вызывает ужасные потрясения, ощущающиеся на всем протяжении от Нью-Йорка до Кантона и от Петербурга до Сиднея, — эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря; и хотя мы знаем очень мало про русский экспорт в эту часть света, мы все же из факта возрастания английского экспорта в эти области можем смело заключить, что русская торговля там, вероятно, заметно уменьшилась. Торговое поле сражения между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду, и русская торговля, которая раньше

доходила на Востоке до границы английских владений, теперь ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области. Этот факт играет огромную роль как для решения восточного вопроса, так и для суждения о той роли, которую будут играть при этом Россия и Англия. Эти страны есть и всегда будут противниками на Востоке.

Рассмотрим теперь несколько подробнее торговлю на Черном море. Согласно лондонскому «Economist'у», английский экспорт в турецкие области, включая Египет и Придунайские княжества, равнялся:

в 1840 г.	1 440 592 фунт. стерл.		
» 1842 »	2 068 342	»	»
» 1844 »	3 271 333	»	»
» 1846 »	2 707 571	»	»
» 1848 »	3 626 241	»	»
» 1850 »	3 762 480	»	»
» 1851 »	3 548 595	»	»

Из этих сумм, по крайней мере, две трети должны быть отнесены на долю гаваней Черного моря, включая Константинополь. И вся эта быстро растущая торговля зависит от доверия, с которым будут относиться к державе, владеющей Босфором и Дарданеллами, этими ключами к Черному морю. Кто их держит в руках, тот может по произволу открывать и закрывать доступ к этому крайнему уголку Средиземного моря. Кто же может ожидать, что Россия, если она когда-нибудь овладеет Константинополем, станет держать открытыми настежь те самые ворота, через которые Англия ворвалась в область русской торговли? Так обстоит дело с торговым значением Турции и в частности Дарданелл. Ясно, что от беспрепятственной свободной торговли через эти ворота Черного моря зависит не только весьма обширная торговля, но и главные сношения между Европой и Центральной Азией, а следовательно и главное средство восстановления цивилизации в этой обширной области.

Рассмотрим теперь вопрос с военной точки зрения. Торговое значение Дарданелл и Босфора делает их также одновременно и военными позициями первого ранга, т. е. такими позициями, которые будут иметь решающее значение в каждой войне. Аналогичными пунктами являются Гибралтар и Гельсингэр на Зунде. Но Дарданеллы даже важнее этих пунктов вследствие своего географического положения. Орудия Гибралтара и Гельсингэра не могут господствовать над всей шириной тех проливов, у которых они лежат, и нуждаются еще в содействии флота для того, чтобы иметь возмож-

ность совершенно закупорить свои проливы. Пролив же у Дарданелл и Босфора, напротив, так узок, что небольшое число фортов, построенных в подходящих местах и хорошо вооруженных, — как это сделает Россия тотчас же после овладения проливами, — может смеяться над соединенными флотами всего мира, если они попытаются проникнуть туда. Черное море стало бы в этом случае не чем иным, как русским морем, даже в гораздо большей степени, чем Ладожское озеро, которое лежит в сердце России. Сопротивление кавказцев могло бы быть быстро сломлено голодом. Трапезунд стал бы русской гаванью, а Дунай — русской рекой. Потеряв Константинополь, Турецкая империя оказалась бы разрезанной на две отдельные части: Азиатская и Европейская Турция не имели бы никакой возможности сообщаться между собою или взаимно подкреплять друг друга, и главные силы турецкой армии, отнесенные в Азию, были бы обречены на полную бездеятельность. Занятие Македонии, Фессалии, Албании не доставило бы никаких затруднений завоевателю, так как эти области были бы обойдены и отрезаны от главной армии и им не оставалось бы ничего другого, как молить о пощаде и просить о присылке армии для поддержания внутреннего порядка.

Но является ли вероятным, чтобы Россия, гигантски выросшая и расширившаяся после этих завоеваний, остановилась на полдороге, достигнув уже столь многого на пути к превращению в мировую империю? Если бы даже она этого и пожелала, ей не позволили бы обстоятельства. Благодаря аннексии Турции и Греции она приобретет замечательные морские гавани, и греки доставят ей искусных моряков для флота. Приобретя Константинополь, она станет на пороге Средиземного моря; при помощи Дураццо и албанского побережья от Антивари до Арты она станет в самом сердце Адриатики, на виду у британских Ионических островов и в 36 часах пароходной езды от Мальты. Австрия будет тогда окружена Россией с севера, востока и юга, и Габсбурги станут вассалами Москвы. Но и еще кое-что было бы возможно, даже вероятно. Сильно изогнутая западная граница империи, не совпадающая с естественными границами, потребовала бы исправления; и при этом оказалось бы, что естественная граница России идет от Данцига или Штеттина до Триеста. И подобно тому как одно завоевание неизбежно влечет за собою другое, а одна аннексия — другую, завоевание Турции Россией было бы только прелюдией к аннексии Венгрии, Пруссии, Галиции и привело бы к окончательному осуществлению той славянской империи, о которой уже мечтают некоторые фанатические философы панславизма.

Россия — безусловно нация завоевателей, и она была ею в продолжение целого столетия, пока великое движение 1789 г. не породило ей могучего соперника, полного жизненных сил. Мы разумеем европейскую революцию, взрывчатую силу демократических идей и прирожденную человечеству жажду свободы. Начиная с того времени, на европейском континенте существуют фактически только две силы: Россия со своим абсолютизмом и революция с демократией. Теперь революция кажется подавленной, но она живет, и ее боится, как никогда раньше. На это указывает ужас, охвативший реакцию при известии о последнем восстании в Милане. Но если Россия овладеет Турцией, ее силы увеличатся почти вдвое, и она окажется сильнее всей остальной Европы, вместе взятой. Такой исход дела явился бы неописуемым несчастьем для дела революции. Сохранение турецкой независимости или расстройство аннексионистских планов России, в случае, если Оттоманская империя все же распадется, являются фактами величайшей политической важности. В этом вопросе интересы революционной демократии и Англии идут рука об руку. Ни та, ни другая не могут позволить царю сделать Константинополь одной из своих столиц, и если дело дойдет до крайности, то обе указанные силы окажут царю одинаково энергичное противодействие.

ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС.

Прошло лишь немного времени с тех пор, как западно-европейская и американская публика получила возможность составить себе приблизительно верное суждение о турецких делах. Турция была до греческого восстания terra incognita (неизвестная земля) во всех отношениях, и распространенные на ее счет представления покоились больше на сказках из «Тысячи одной ночи», чем на исторических фактах. Правда, официальные дипломаты, побывавшие в Турции, хвастались, что они обладают более точными знаниями; но так как никто из них не дал себе труда изучить турецкий, южно-славянский или ново-греческий язык и все они были вынуждены прибегать к тенденциозным рассказам переводчиков-греков и франкских купцов, то и их знания не представляли никакой ценности. К тому же эти праздные дипломаты тратили все свое время на всевозможные интриги. Похвальное исключение составляет только Иозеф фон-Гаммер, немецкий историк Турции. Эти господа несколько не интересовались народом, учреждениями и социальным состоянием страны; они занимались только двором и греческими фанариотами,¹ хитрыми посредниками между двумя партиями, из которых ни одна не знала действительного состояния сил и резервов другой. Долгое время все выступления западной дипломатии по отношению к Турции покоились и даже в настоящее время покоятся на традиционных представлениях и понятиях, основанных на столь жалкой информации.

Но в то время как Англия, Франция, а некоторое время даже и Австрия, в своей восточной политике бродили в потемках, их всех перехитрила другая держава. В России, — которая сама является полуазиатской страной по своим условиям, характеру, традициям и учреждениям, — нашлось достаточно людей, правильно понимавших истинное положение и характер Турции. Они исповедывали ту же религию, что и девять десятых населения

¹ Фанариоты — члены богатых греческих фамилий, живших в Фанаре, предместьи Константинополя. *Ред.*

Европейской Турции, их язык — почти тот же самый, что и язык семи миллионов турецких подданных; а известная легкость, с какою русские научаются говорить на иностранных языках, даже не вполне владея ими, дала возможность хорошо оплачиваемым русским агентам вполне освоиться с турецкими делами. И русское правительство уже давно использовало свое чрезвычайно благоприятное положение в Юго-восточной Европе. Сотни русских агентов систематически отправлялись в Турцию и там старались сосредоточить внимание греческих христиан на личности православного императора как главы, естественного защитника и освободителя угнетенной восточной церкви; южным славянам они указывали на него же как на всемогущего царя, который раньше или позже объединит под своим скипетром все племена великой славянской расы и сделает ее господствующей в Европе. Духовенство греческой церкви уже давно образовало огромный заговор для распространения этих идей. Сербское восстание в 1809 году и греческое возмущение в 1821 году в большей или меньшей степени обязаны своим возникновением русскому золоту и влиянию. Где только турецкие паши ни поднимали знамя мятежа против центральной власти, дело не обходилось без русских интриг, и в русских средствах никогда не было недостатка. И вот в то время, как западные дипломаты, знаящие о действительно спорных вопросах не больше, чем о людях на луне, тщетно ломали себе головы над вопросом о внутреннем положении Турции, — была объявлена война; русские войска вступили на Балканский полуостров, и от тела Оттоманской империи стал отрезаться один кусок за другим.

Правда, за последние тридцать лет было много сделано для осведомления европейского общества о положении Турции. Немецкие филологи и критики познакомили нас с ее историей и литературой; английские уполномоченные и английские торговцы собрали много данных о социальном положении империи. Но для наших премудрых дипломатов всей этой литературы не существует, и они упорно цепляются за традицию, которая создавалась изучением восточной сказочной литературы и дополняется не менее чудесными рассказами, пускаемыми в оборот продажной бандой греческих наемников.

В результате создавшегося положения, благодаря невежеству, косности, непостоянству и трусости западных правительств, Россия оказалась в состоянии последовательно проводить во всех существенных пунктах один свой план за другим. Начиная с битвы при Наварине и кончая теперешним восточным кризисом, выступления

западных держав либо расстраивались взаимными ссорами, которые возникали большей частью из их общего незнакомства с восточными делами и из мелочных споров, совершенно непостижимых для восточного понимания, либо же каждое выступление служило непосредственно интересам России. И не только греки — в Греции и в Турции — и славяне видят в России свою естественную защитницу; больше того, даже само константинопольское правительство, теряющее все больше надежду на то, что западные дипломаты, гордящиеся своею неспособностью составить самостоятельное суждение в турецких делах, поймут, наконец, все его затруднения и его действительное положение, — само это турецкое правительство все чаще вынуждено апеллировать к милости России и искать защиты у той державы, которая открыто заявляет о своем намерении прогнать всех турок за Босфор и водрузить крест святого Андрея над минаретом Айя-Софии.

Эти постоянные и успешные агрессивные шаги России вызвали, наконец, вопреки дипломатической традиции, в кабинетах западноевропейских держав глухое и неясное сознание приближающейся опасности. Эти опасения привели к важному дипломатическому результату; было установлено положение, что неперменным условием для мира всего мира является поддержание *status quo* в Турции. Маскируемая неумеренным хвастовством неспособность некоторых современных государственных людей ни в чем яснее не могла проявить свое невежество и беспомощность, как в этой аксиоме, которая, оставаясь все время мертвой буквой, за последние двадцать лет все же стала освященной временем традицией, столь же почтенной и неоспоримой, как *Magna Charta* короля Иоанна. Поддержание *status quo*! О, конечно! Только для того, чтобы поддержать *status quo*, Россия вызвала восстание в Сербии, сделала Грецию независимой, присвоила себе протекторат над молдавскими странами и Валахией и удержала за собою часть Армении. Англия и Франция и пальцем не пошевелили, чтобы помешать совершиться всему этому. Только один раз они подали признаки жизни: это было тогда, когда им в 1849 году пришлось защищать не Турцию, а венгерских эмигрантов. Для европейской дипломатии и даже для европейской прессы весь восточный вопрос сводится к следующей дилемме: либо завоевание русскими Константинополя, либо — *status quo*. Третьего исхода для них не существует.

Как на иллюстрацию к этому, укажем на лондонскую прессу. Здесь мы имеем «*Times*», который выступает за раздробление Турции и объявляет, что турецкая раса неспособна больше управлять

этим прекрасным уголком Европы. Со своим обычным искусством «Times» дерзко обрушивается на старую дипломатическую традицию status quo и объявляет, что ее дальнейшее сохранение невозможно. Газета употребляет весь свой талант на то, чтобы доказать эту невозможность с самых различных точек зрения и засвидетельствовать симпатии Англии к новому крестовому походу против последних потомков сарацинов. Правда, беспощадная критика ничего не говорящей традиционной фразы, которая еще два месяца тому назад была священной для самого «Times'a», является большой заслугой. Но кто знает эту газету, тот знает также, что эта необычная смелость суждений направлена исключительно на обслуживание интересов России и Австрии. Приводимые на столбцах «Times'a» неотразимые доводы в пользу полной невозможности сохранить Турцию в ее теперешнем состоянии служат только для того, чтобы подготовить английскую публику и мир к тому моменту, когда станет совершившимся фактом важнейший пункт в завещании Петра Велико-го — завоевание Босфора.

«Daily News», орган либеральной партии, защищает противоположную точку зрения. «Times», по крайней мере, хоть умеет находить в вопросе новые и интересные стороны, искажая их, правда, затем в своих корыстных целях. Ясный же смысл, царящий на столбцах либерального органа, — это своего рода «домашний смысл». «Daily News» не видит дальше порога своего собственного дома. Она отдает себе ясный отчет в том, что раздробление Турции при теперешних обстоятельствах должно привести русских в Константинополь, что это было бы большим несчастьем для Англии, что миру угрожала бы опасность, что торговля на Черном море была бы уничтожена и что возникла бы необходимость в дальнейших укреплениях опорных пунктов и в усилении английского флота в Средиземном море. Изображением этих перспектив «Daily News» стремится вызвать в английской публике страх и возмущение. Разве раздел Турции не был бы таким же большим преступлением, как раздел Польши? Разве христиане не пользуются в Турции большей религиозной свободой, чем в Австрии и России? Разве турецкое правительство не является мягким, отеческим правительством, под скипетром которого различные нации, вероисповедания и местные объединения могут спокойно преследовать свои собственные цели? Разве Турция не рай по сравнению с Австрией и Россией? Разве там не обеспечена жизнь и собственность? И не является ли английская торговля с Турцией более значительной, чем с Россией и Австрией, вместе взятыми, и не растет ли она из года в год и т. д., и т. д. Сло-

вом — сплошной дифирамб, поскольку «Daily News» вообще способна к дифирамбам, и апофеоз Турции, турок и всего турецкого, что должно казаться совершенно непонятым большинству читателей этой газеты.

Ключ к этому странному энтузиазму по отношению к туркам можно найти в произведениях г-на Давида Уркарта, члена парламента. Этот джентльмен, шотландец по происхождению, полный средневековых и патриархальных воспоминаний о своей родине, но получивший современное английское, цивилизованное воспитание, попал, — провоевав три года с турками в Греции, — в Турцию и там тотчас же стал пламенным почитателем турок. Романтический горец чувствовал себя совершенно как дома в ущельях Пинда и Балкан. Содержание его книг о Турции, в которых, между прочим, содержится масса ценных сведений, можно кратко сформулировать в трех парадоксах почти буквально так: 1) если бы г-н Уркарт не был английским подданным, он непременно хотел бы быть турком; 2) если бы он не был пресвитерианским кальвинистом, он не желал бы принадлежать ни к какой иной религии, кроме ислама, и 3) Англия и Турция — единственные две страны на свете, которые пользуются самоуправлением и религиозной и гражданской свободой. Этот самый Уркарт стал с тех пор большим авторитетом в восточном вопросе для всех английских либералов, выступающих против Пальмерстона, и он же снабжает материалами «Daily News» для ее панегириков в честь Турции.

Единственный заслуживающий внимания аргумент этого направления состоит в следующем: «Все говорят, что Турция — в состоянии упадка. Но в чем этот упадок выражается? Не распространяется ли цивилизация, не расширяется ли быстро торговля в Турции? Там, где вы видите только упадок, статистики указывают нам прогресс». Но было бы очень неправильно приписывать все увеличивающуюся торговлю на Черном море одной только Турции, а между тем это здесь делается. Это все равно, как если бы мы захотели судить о коммерческом и промышленном развитии Голландии, этого подъездного пути к большей части Германии, по ее брутто-экспорту и импорту, представляющим на девять десятых только транзит. По отношению к Голландии всякий статистик немедленно признал бы подобное рассуждение грубой фальсификацией. Но вся английская либеральная пресса, включая ученый «Economist», пытается навязать легковерной публике совершенно подобные же рассуждения относительно Турции. Кто является торговцем в Турции? Во всяком случае не турок. Когда они еще пребывали в первобытном

состоянии номадов, их метод ведения торговли заключался в ограблении караванов; теперь, когда они стали несколько более цивилизованными, он состоит во всевозможных произвольных и стеснительных поборах. Греки, армяне, славяне и франки, устроившиеся в больших морских гаванях, держат в своих руках всю торговлю и не имеют решительно никаких оснований благодарить турецких беев и пашей за то, что эта возможность им дана. Пусть удалят всех турок из Европы, торговля от этого не пострадает. А развитие общей цивилизации? Кто распространяет ее во всех частях Европейской Турции? Не турки, так как количество их незначительно и они рассеяны по стране; можно сказать, что они осели прочно только в Константинополе и двух-трех маленьких сельских округах. Славянская и греческая буржуазия в городах и торговых пунктах является истинной опорой всякого рода цивилизации, действительно вводимой в стране. Эта часть населения и становится все богаче и влиятельнее, а турки все более и более оттесняются на задний план. Если бы они не имели монополии на гражданские и военные должности, они скоро совершенно исчезли бы. Но эта монополия стала невозможной в будущем, и сила турок превратится в бессилие, исключая тех случаев, когда они явятся препятствием к прогрессу. Факт тот, что с турками придется так или иначе покончить. Тем не менее утверждать, что это может быть сделано только тем путем, чтобы поставить на их место русских или австрийцев, значит утверждать вместе с тем, что теперешнее политическое состояние Европы будет продолжаться вечно. Кто решится поддержать такого рода утверждение?

ЧТО БУДЕТ С ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИЕЙ?

Мы видели, как европейские государственные люди по своему упрямому невежеству, окостеневшей рутине и унаследованной духовной лениности пугаются всякой попытки разрешения вопроса о будущей судьбе Турции в Европе. Эбердин и Пальмерстон, Меттерних и Гизо давно отчаялись в решении этого вопроса, не говоря уже об их республиканских и конституционных преемниках в течение периода от 1848 г. до 1852 г., имена которых никогда не дойдут до потомства. Но, не обращая никакого внимания на все дипломатические ноты, планы и махинации Англии и Франции, к Константинополю подбирается медленно, но неуклонно, шаг за шагом, Россия. И хотя все партии во всех странах Европы прекрасно сознают этот факт постоянного продвижения России на Балканах, тем не менее ни один из официальных государственных деятелей не сумел его объяснить. Они замечают этот факт, видят его влияние, предвидят даже его крайние следствия, но причина остается для них скрытой, несмотря на то, что объяснение тут самое простое.

Могущественным фактором, толкающим Россию на захват Константинополя, является не что иное, как тот самый план, при помощи которого имелось в виду удержать ее от него, т. е. пустая и никогда на деле не проводившаяся теория о сохранении *status quo*.

В чем состоит этот *status quo*? Для христианских подданных Порты он обозначает лишь увековечение их угнетения Турцией. И пока они будут стонать под игом турецкого владычества, они будут видеть в главе греческой церкви, повелителе шестидесяти миллионов православных, *своего естественного защитника и освободителя*. Та самая дипломатическая система, которая изобретена специально для предотвращения русских захватов в Турции, вынуждает десять миллионов греческих христиан в Европейской Турции обращаться к России за помощью и защитой.

Рассмотрим исторические факты. Еще до царствования Екатерины Второй Россия не пропускала ни одного случая, чтобы добиться для себя преимуществ в Молдавии и Валахии. Это ей

удалось в такой мере, что Адрианопольский договор 1829 года предоставил России в этих княжествах больше прав, чем самой Турции. Когда в 1804 году разразилась сербская революция, Россия тотчас взяла под свою защиту восставших «райа» и, поддержав их при помощи двух войн, закрепила в двух договорах внутреннюю независимость Сербии. Кто решил исход борьбы при восстании греков? Не заговоры и возмущения Али-паши под Яниной, не битва при Наварине или французская армия в Морее или конференции и протоколы в Лондоне, — а Дибич, вступивший во главе русской армии через Балканы в долину Марицы; и в то время как Россия совершенно спокойно и не боясь ничего совершала свое дело раздробления Турции, западные дипломаты продолжали гарантировать и поддерживать *status quo* и неприкосновенность Турции. До тех пор, пока эта традиция будет руководящим правилом западной дипломатии, девять десятых населения Европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию.

Предположим на миг, что греко-славянский полуостров освободелся от турецкого владычества и что там существует правительство, лучше приспособленное к нуждам населения. Каково было бы в этом случае положение России? Общеизвестно, что в каждом государстве на территории Турции, достигавшем полной или частичной независимости, тотчас же вырастала сильная антирусская партия. И если это имело место тогда, когда русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого угнетения, чего же мы можем ожидать, когда исчезнет страх этого угнетения?

Но не возгорится ли всеобщая война, когда турецкое государство будет отеснено за Босфор, когда освободятся различные национальности и вероисповедания на Балканском полуострове и откроются настежь двери для махинаций и планов, противоречивых желаний и интересов всех великих держав Европы? Такой вопрос задает себе дипломатия трусости и рутины. Нельзя конечно ожидать, что все эти Кларендоны, Пальмерстоны, Эбердины и различные другие министры иностранных дел на континенте были способны на такой шаг. Они если и думают об этом, то лишь с содроганием. Но кто, изучая историю, научился удивляться вечной перемене человеческих судеб, в которой нет ничего постоянного, кроме самого непостоянства, ничего неизменного, кроме вечного изменения; кто следит за неумолимым ходом истории, колеса которой безжалостно катятся по развалинам империй, без сожаления размалывая целые поколения; кто понимает, что никакие демагогические

воззвания и мятежные прокламации не могут действовать так революционно, как простые, голые исторические факты; кто уразумел невероятно революционизирующий характер нашей эпохи, в которой союз пара и ветра, электричества и типографской краски, артиллерии и золотых россыпей производит в один год больше изменений и революций, чем их раньше производило целое столетие, -- тот, наверное, не испугается постановки этого исторического вопроса только потому, что единственное правильное его разрешение может повлечь за собою европейскую войну.

Но правительства со своей старомодной дипломатией никогда не разрешат этого затруднения. Решение турецкой проблемы, как и многих других, выпадет на долю европейской революции. Это утверждение не является слишком смелым. Начиная с 1789 года революция охватывает все более обширную область, ее границы расширяются все дальше. Ее последними пограничными столбами были Варшава, Дебрецин, Бухарест, крайними пределами ближайшей революции должны быть Петербург и Константинополь. Это два наиболее уязвимых места, в которых может быть задет русский антиреволюционный колосс.

Было бы праздной игрой фантазии, если бы мы захотели набросать подробный план разделения Европейской Турции. Можно представить себе, по крайней мере, двадцать таких проектов, из которых каждый был бы так же правдоподобен, как и другой. То, что собираемся мы делать, это не сочинять фантастические программы, а сделать выводы из неоспоримых фактов. И рассматриваемый с этой точки зрения вопрос имеет две стороны.

Во-первых, неопровержим факт, что полуостров, называемый просто Европейской Турцией, представляет естественный наследственный удел южно-славянской расы. Из двенадцати миллионов населения семь принадлежат к ней. В продолжение двенадцати столетий она владеет страной. Не считая редкого славянского населения, принявшего греческий язык, соперниками славян являются турецкие или арнаутские варвары, давно показавшие себя закорежелыми противниками всякого прогресса. Наоборот, внутри страны южные славяне являются единственными носителями цивилизации. Они еще, правда, не образовали нации, но в Сербии уже имеется сильное и сравнительно образованное ядро нации. Сербы имеют собственную историю, собственную литературу. Своей теперешней внутренней самостоятельностью они обязаны одиннадцатилетней храброй борьбе с противником, далеко превосходящим их численностью. Они сделали крупные культурные успехи за последние

двадцать лет, и христиане во Фракии, Болгарии, Македонии и Боснии смотрят на них как на центр, вокруг которого они все соберутся в будущей борьбе за независимость. Можно утверждать, что чем больше укрепляется Сербия и сербская национальность, тем больше оттесняется на задний план непосредственное влияние России на турецких славян. Ибо Сербия, для того, чтобы занять выдающееся положение как христианское государство, должна была заимствовать у Западной Европы свои политические учреждения, свои школы, свои научные познания, свою промышленную организацию. Этим объясняется та аномалия, что Сербия, несмотря на то, что она состоит под покровительством России, со времени своей эмансипации является конституционным государством. Кровное родство и общность религии могут образовать еще много связей между русскими и южными славянами; все же их интересы начнут расходиться с того дня, как южные славяне получат свободу. Торговые интересы, вытекающие из географического положения обеих стран, делают это понятным. Россия — компактная континентальная страна — производит сейчас преимущественно земледельческие продукты, а несколько позже, может быть, начнет производить и фабричные товары. Греческо-славянский полуостров, занимающий незначительное пространство по сравнению с его обширным побережьем, омываемым тремя морями, над одним из которых он господствует, является по преимуществу торговой страной с транзитным оборотом, хотя и обладает достаточными данными для того, чтобы развить и собственную промышленность. Хозяйство России рассчитано на монополию, а южных славян — на расширение рынка. Кроме того, они — конкуренты в Центральной Азии; в то время как Россия самым живым образом заинтересована в том, чтобы распространять там исключительно свои собственные продукты, южные славяне уже и сейчас живо заинтересованы в том, чтобы ввозить на восточные рынки западно-европейские товары. Возможно ли при этих условиях, чтобы между этими обеими нациями установилось взаимное согласие? Турецкие южные славяне и греки имеют на самом деле больше общих интересов с Западной Европой, чем с Россией. И когда железнодорожные линии, идущие от Остенде, Гавра и Гамбурга к Будапешту, будут продолжены до Белграда и Константинополя, — как это сейчас проектируется, — влияние западной цивилизации и западной торговли на юго-востоке Европы станет прочным.

С другой стороны, славяне в Турции страдают особенно сильно под гнетом мусульман — военных оккупантов, которых они должны

содержать. Этот класс военных оккупантов объединяет в своих руках все общественные функции — как военные, так и гражданские и судебные. Но разве русская правительственная система, — повсюду, где она не связана с феодальными учреждениями, — не то же самое, что военная оккупация, в которой гражданская власть и юридическая иерархия организованы на военных началах и которую народ должен оплачивать? А кто полагает, что подобного рода система прельщает южных славян, тот пусть познакомится с историей Сербии, начиная с 1804 года. Кара-Георгий, основатель сербской независимости, был покинут народом, и Милош Обренович, восстановивший эту независимость, был изгнан из страны со стыдом и позором; оба эти князя сделали попытку ввести русскую самодержавную систему с сопровождающими ее явлениями коррупции, полувойска и бюрократии и вымогательства, на-подобие той, которая практикуется пашами.

Итак, вот каково окончательное и простое решение вопроса. История и факты нашего времени указывают на необходимость основания в Европе на развалинах мусульманской империи свободного, независимого христианского государства. Уже ближайший революционный толчок сделает этот исход неизбежным, вызвав давно подготовляемый конфликт между русским абсолютизмом и европейской демократией. Англия должна будет занять определенное положение по отношению к этому конфликту, какое бы правительство ни стояло в этот момент у власти. Англия никогда не может согласиться, чтобы Россия овладела Константинополем. Она должна выступить вместе с врагами царя и способствовать образованию независимого славянского государства на место одрхлевшей, насквозь прогнившей Высокой Порты.

ТУРЦИЯ И РОССИЯ.

Лондон, 24 мая 1853 г.

В прошлую субботу сюда прибыли депеши из Брюсселя и Парижа, содержащие известия из Константинополя от 13 мая. Вслед за их получением в министерстве иностранных дел состоялось заседание совета министров, продолжавшееся 3½ часа. В тот же день был послан телеграфный приказ в Адмиралтейство в Портсмут, чтобы фрегаты «London» и «Sans-pareil» отправились из Спитхеда в Средиземное море. Одновременно должны приготовиться к отплытию и фрегаты «Highflyer» и «Oden». Каково же было содержание этих депеш, вызвавших столь лихорадочную деятельность правительства и пробудивших Англию от ее сонливости?

Известно, что вопрос о святых местах был урегулирован к удовольствию России; по уверению русских посольств в Париже и Лондоне, Россия не искала ничего другого, кроме преобладания в них. Цели русской дипломатии были не менее рыцарскими, чем Фридриха Барбароссы и Ричарда Львиное Сердце. Так, по крайней мере, уверяет «Times». «Но,— говорит «Journal des Débats»,— 5 мая из Одессы прибыл русский фрегат «Бессарабия», имея на своем борту полковника с депешами для князя Меншикова; а в субботу, 7 мая, князь вручил министрам Порты проект соглашения или специального договора, в котором были изложены все новые требования и притязания. Этот документ был, попросту говоря, ультиматумом. Он сопровождался короткой нотой, в которой указывалось, что вторник, 10 мая, является крайним сроком для принятия или отклонения этого документа Диваном. Нота заканчивалась приблизительно так: «Если Высокая Порта сочтет нужным ответить отказом, то император будет вынужден усмотреть в этом акте недостаток уважения к своей особе и к России и примет известие об этом с чувством величайшего сожаления».

Главная цель этого договора была обеспечить русскому императору протекторат над всеми православными подданными Порты. По Кучук-Канарджийскому договору конца XVIII века в Константинополе должна была быть сооружена греческая часовня, и рус-

скому посольству было предоставлено право вмешательства в споры между ее священниками и турками. Эта привилегия была подтверждена Адрианопольским договором. Но теперь Меншиков желает эту частичную привилегию превратить во всеобщий протекторат над всей греческой церковью в Турции, т. е. над большинством турецкого населения в Европе. Кроме того, он желает, чтобы патриархи Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима и митрополиты архиепископы пользовались несменяемостью, за исключением того случая, когда они окажутся виновными в государственной измене против верховной власти, но и тогда они могут быть смещены только с согласия царя. Другими словами, он желает отречения султана от суверенитета в пользу России.

Известия, которые телеграф принес в субботу, гласили: во-первых, князь Меншиков согласился продолжить до 14 мая окончательный срок для ответа на свой ультиматум; вслед за тем в составе турецкого министерства произошли перемены, в результате которых министром иностранных дел был назначен Решид-паша, противник России, а Фуад-паша вернулся на свою прежнюю должность; и, наконец, *русский ультиматум был отклонен*. Если бы Россия даже одержала целый ряд решительных побед, она не могла бы предъявить Турции более крайних требований. Это — лучшее доказательство в пользу того, как упорно Россия держится за свою крепко вкоренившуюся идею, что каждое междуцарствие контр-революции в Европе дает ей право требовать уступки со стороны Оттоманской империи. И действительно, начиная со времени первой французской революции, всякий шаг назад в развитии революции на континенте сопровождался успехом России на Востоке. Но Россия ошибается, если она смешивает теперешнее состояние Европы с ее положением после конгрессов в Лайбахе и Вероне или даже после Тильзита. Россия боится сейчас гораздо больше той революции, которая должна наступить после всякой всеобщей войны на континенте, чем султан — нападения царя. Если остальные державы будут хорошо держаться, то Россия, наверное, отступит, и притом в высшей степени скромно. Как бы то ни было, для элементов, занятых дезорганизацией Турции изнутри, последнее выступление России явилось могучим толчком вперед. Теперь вопрос заключается в том, действует ли Россия по свободному произволению или же она является лишь бессознательным и невольным рабом современного рока — *революции*? Я уверен в последнем.

ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС.— «TIMES». — РОСТ РОССИИ.

Лондон, 31 мая 1853 г.

Флот адмирала Корри был замечен в Бискайской бухте по дороге в Мальту, где он должен подкрепить эскадру адмирала Дендаса. Газета «Morning Herald» замечает по этому поводу вполне справедливо: «Если бы адмиралу Дендасу за несколько недель до этого позволили соединиться с французской эскадрой у Саламина, дела обстояли бы теперь совершенно иначе».

Если бы Россия для того только, чтобы сохранить видимость, сделала попытку подкрепить смешные демонстрации Меншикова действительными военными операциями, то она, вероятно, первым делом заняла бы вновь Придунайские княжества и вторглась бы в армянскую провинцию Карс и в Батумскую гавань, — территории, которые она хотела обеспечить за собою во что бы то ни стало еще по Адрианопольскому договору.

Так как Батумская гавань — единственное надежное убежище для кораблей в восточной части Черного моря, то захват ее Россией лишил бы Турцию последней морской станции на Понте и превратил бы последний в исключительно русское море. Если бы Россия на-ряду с Карсом — этой богатейшей и самой культурной частью Армении — овладела еще и Батумом, она была бы в состоянии прервать торговлю между Англией и Персией, идущую через Трапезунд, и создать себе операционную базу как против Англии, так и против Малой Азии. Тем не менее, если Англия и Франция все же останутся стойкими, то Николай так же мало сможет осуществить здесь свои планы, как в свое время императрица Екатерина в своей борьбе против Али-Мухмета, когда последний велел своим рабам ударами бича выгнать из Астрабада и заставить сесть на свои корабли русского посла Войновича и его спутников.

Последние известия нигде не вызвали такого смущения, как в Принтингхауз-сквере. Первой попыткой, предпринятой «Times'ом» после страшного удара, были отчаянные выпады против электрического телеграфа, этого «совершенно невероятного» учреждения.

«Из этих лживых телеграфных сообщений, — воскликнул он, — нельзя сделать правильных заключений». Переложив таким образом вину за свои собственные неверные заключения на телеграфную проволоку, «Times» старается, как утверждают министры в парламенте, отказаться от своих прежних «правильных предпосылок».

Он говорит: «Какова бы ни была судьба Оттоманской империи или, вернее, той магометанской власти, которая господствовала в ней в продолжение четырех веков, — в одном согласны все партии нашей страны и всей Европы, а именно в том, что постепенное развитие туземного христианского населения к цивилизации и независимой форме правления отвечает интересам всего мира и что никак нельзя согласиться с тем, чтобы эти расы подпали под иго России и тем увеличили еще больше гигантскую область ее господства. В этом пункте мы питаем определенную уверенность, что не только Турция, но и вся Европа будет противостоять таким притязаниям России, и что стоит только этому духу стремления к аннексиям и расширению проявиться в своем настоящем виде, как это вызовет всеобщую антипатию и непобедимую оппозицию, в которой готовы принять участие, с своей стороны, как греческие, так и славянские подданные турецкого государства».

Как же это случилось, что «Times» раньше верил в «добрые намерения» России по отношению к Турции и в ее «антипатию» ко всяким расширениям? Добрые намерения России по отношению к Турции! Уже Петр I собирался укрепиться на развалинах Турции. Екатерина обращалась к Франции и уговаривала Австрию принять участие в предполагавшемся разделе Турции и основании в Константинополе греческой империи, которою должен был управлять ее внук, воспитывавшийся соответственно этой задаче и получивший в ожидании этого свое имя. Николай, гораздо более скромный, желает только *исключительного протектората* над Турцией. Человечество не должно забывать того, что Россия была *покровительницей* Польши, *покровительницей* Крыма, *покровительницей* Курляндии, *покровительницей* Грузии, Мингрелии, черкесских и кавказских племен, а теперь она еще хочет быть *покровительницей* Турции. Чтобы иллюстрировать «антипатию» России к расширениям, я привожу некоторые данные о завоеваниях, сделанных Россией со времени Петра Великого. Русские границы придвинулись к Берлину, Дрездену и Вене на 700 миль, к Константинополю на 500, к Стокгольму на 630, к Тегерану на 1000 миль. Завоевания России в Швеции занимают большее пространство, чем оставшаяся часть этого королевства; в Польше они почти так же велики, как вся Австрия; в Европейской

Турции больше, чем вся Пруссия (без рейнских провинций); в Азиатской Турции так же велики, как вся Германия; в Персии же они величиною с Англию, а в Татарии завоеванные области по своей величине равняются Европейской Турции, Греции, Италии и Испании, вместе взятым. Все завоевания России за последние шестьдесят лет равняются — по пространству и важности — всей той области, которою Россия владела до этого времени в Европе.

РУССКИЙ ОБМАН.

Лондон, 7 июня 1853 г.

Все русские генералы и другие русские, живущие в Париже, получили приказ немедленно вернуться в Россию. Господин Киселев, русский посол в Париже, говорит довольно угрожающим языком и демонстративно показывает письма из Петербурга, в которых турецкий вопрос обсуждается достаточно надменно. Из того же источника исходит слух, что Россия требует у Персии уступки Астрабадской области у юго-восточного берега Каспийского моря. Одновременно русские торговцы телеграфируют — так, по крайней мере, передают — своим лондонским агентам, «чтобы они в данный момент *не торопились* продавать рожь, так как предвидится повышение цены вследствие непосредственно угрожающей опасности войны». Наконец, во все газеты переданы таинственные намеки на то, что русские войска двигаются к границам; что жители Ясс уже готовятся к их приему; что русский консул в Галаце закупил громадное количество бревен для сооружения нескольких мостов через Дунай; словом, целая стая «уток», которых так хорошо умеют выводить «Augsburger Zeitung» и другие австро-русские издания.

Все подобного рода сведения, сообщения, слухи и т. д., и т. д. являются не чем иным, как смехотворной попыткой русских агентов нагнать страх на Западную Европу и заставить ее продолжать ту политику расширений, под покровом которой Россия надеется и впредь проводить свои планы на Востоке.

На прошлой неделе некоторые французские газеты, заведомо состоящие на содержании у России, сделали открытие, «что на самом деле спор ведется не столько между Россией и Турцией, сколько между Петербургом и Москвой, т. е. между царем и старо-русской партией; для самодержца гораздо менее опасно объявить войну, чем подвергнуться мести со стороны той стремящейся к завоеваниям партии, которая уже много раз показала, как она умеет обходиться с неприятными ей монархами». Князь Меншиков, разумеется, — глава этой партии. «Times» и многие английские газеты не замедлили

повторить это нелепое утверждение, одни — в полном сознании его истинного значения, другие, может быть, из невежественного легковерия. Но какие заключения газеты собираются сделать для публики из этого нового откровения? Если Николай, сопровождаемый смехом, отступит и откажется от своего воинственного поведения по отношению к Турции, значит ли это, что он одержал победу над своими собственными воинственными «старо-руссами»? Или если Николай действительно начнет войну, это он сделает, только уступая напору этой (мифической) партии? В том или ином случае «это было бы только победой Москвы над Петербургом или Петербурга над Москвой» и, следовательно, не было бы *победой Европы над Россией*.

Что касается этой знаменитой «старо-русской» партии, то я случайно знаю от некоторых хорошо осведомленных русских, которые сами происходят из аристократии и среди которых я много вращался в Париже, что она давно совершенно вымерла и вновь вызывается к жизни только в тех случаях, когда царю требуется пугало, чтобы устроить Западную Европу и заставить ее безропотно проглотить какие-нибудь новые дерзкие требования России. Поэтому теперь вновь воскрешают Меншикова, нарядив его в мифическом старо-русском стиле. В действительности царь боится только *одной* партии среди своего дворянства, а именно той, целью которой является основание аристократическо-конституционной монархии по образцу Англии.

Кроме различных привидений, вызываемых русской дипломатией для того, чтобы ввести в заблуждение Англию и Францию, ею делается еще другая попытка для той же цели: только что вышло в свет сочинение, озаглавленное: «Русская империя со времени Венского конгресса» и принадлежащее перу виконта де-Бомон-Васи. Следующая цитата достаточно характеризует этот «труд»: «Известно, что в погребах Петропавловской крепости существует склад монет и золотых и серебряных слитков. К 9 января 1850 года этот «тайный клад» оценивался официально в 99 763 361 рубль серебром».

Приходило ли кому-нибудь в голову говорить о «тайном кладе» Английского банка? «Тайный клад» России — не что иное, как металлический запас, обеспечивающий трехкратное количество разменных денежных знаков, не говоря уже о «тайной» сумме неразменных бумажных денег, выпускаемых государственным казначейством.

Но, может быть, все же можно по праву говорить о «тайном кладе», поскольку его никто не видел, кроме немногих петербургских купцов, выбираемых ежегодно царским правительством для ревизии мешков, в которых он хранится.

Но наиболее наглядно роль России с этой стороны изображена в статье, опубликованной в «Journal des Débats» и подписанной старым орлеанским мудрецом Сен-Марк-Жирарденом. Я цитирую: «Для Европы, по нашему мнению, существуют две великие опасности — Россия, угрожающая ее *независимости*, и *революция*, угрожающая ее *социальному строю*. Она может спастись от одной опасности, только отдав себя целиком во власть другой... Если Европа полагает, что узел ее независимости и в особенности независимости континента находится в Константинополе и что там надо смело решить этот вопрос, то это значит — война с Россией. В этой войне Франция и Англия сражались бы за достижение независимости Европы. Как поступит Германия? Этого мы не знаем. Но мы знаем то, что *при теперешнем положении Европы война означала бы социальную революцию*».

Само собой разумеется, что господин Сен-Марк-Жирарден решает в пользу мира во что бы то ни стало и против социальной революции. Он забывает при этом, что русский император питает, по меньшей мере, такой же ужас перед революцией, как и он и его издатель, господин Бертен.

Несмотря на все эти усыпляющие средства, преподносимые русской дипломатией английской прессе и английскому народу, «старый упрямый» Эбердин был вынужден послать адмирала Дендаса к турецким берегам для соединения с французским флотом. «Times», писавший в последние месяцы больше по-русски, вдохновился как будто интересами Англии и заговорил вызывающим языком.

Датский (раньше шлезвиг-голландский) вопрос начинает возбуждать в Англии живой интерес, с тех пор как и английская пресса, наконец, поняла, что в основе его лежит то же стремление России к расширению, которое образует также исходный пункт всех восточных затруднений. Господин Уркарт, член парламента и известный почитатель Турции и восточных учреждений, выпустил брошюру о датском наследстве, которой я займусь в одном из ближайших писем. Главный аргумент этого сочинения состоит в указании на то, что Зунд должен играть для России ту же роль на севере, что Дарданеллы на юге, т. е. что Россия хочет обеспечить при его помощи свое морское владычество в Балтийском море таким же образом, как она оккупацией Дарданелл стремится укрепить свое владычество на Черном море.

ТУРЦИЯ И РОССИЯ. — ПРЕСТУПНОЕ ПОТВОРСТВО МИНИСТЕРСТВА ЭБЕРДИНА ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ.

Лондон, 21 июня 1853 г.

В 1828 г. спокойно дали России пройти войной по Турции и закончить эту войну Адрианопольским миром, согласно которому весь восточный берег Черного моря от Анапы на севере до Поти на юге, исключая Черкесию и острова у устья Дуная, отошли к России, а Молдавия и Валахия были фактически отделены от Турции и отданы под владычество России. В это время министром иностранных дел в Англии был лорд Эбердин. В 1853 г. мы видим как раз того же Эбердина в той же стране в роли главы «смешанного министерства». Этого простого факта достаточно для того, чтобы объяснить нам надменное поведение России в ее теперешнем конфликте с Турцией и Европой.

Я указал уже в одном из прежних писем, что буря, поднятая разоблачениями «Press» о тайных соглашениях между Эбердином, Кларендоном и бароном Брунновым, вряд ли уляжется, принимая во внимание казуистические, увертливые и недобросовестные объяснения «Times'a». «Times» должен был даже потом в полуофициальной статье признать, что лорд Кларендон на самом деле дал свое согласие на те требования, которые Россия собиралась предъявить Турции, но прибавил, что впоследствии обнаружилось, что эти требования, в том виде, как они были представлены в Лондоне, оказались совершенно отличным от тех, которые на деле были предъявлены в Константинополе, несмотря на то, что документы, сообщенные бароном Брунновым английскому министру, должны были будто бы представлять собой «буквальные выдержки» из инструкций, посланных князю Меншикову. В следующую субботу «Times» взял свое утверждение обратно, — без всякого сомнения ввиду представлений со стороны русского посольства, — и выдал барону Бруннову свидетельство полнейшей «искренности и правдивости». «Morning Herald» в своем вчерашнем номере ставит вопрос о том, что «уж не дала ли Россия самому барону Бруннову ложные инструкции для

того, чтобы ввести в заблуждение английского министра? А между тем были сделаны новые разоблачения, которые продажными ежедневными газетами старательно скрываются от публики, но которые совершенно исключают возможность подобного рода толкования и взваливают всю вину на плечи «смешанного министерства». Каждый другой парламент на месте нынешнего, представляющего собою паралитический продукт мертвых избирательных масс, искусственно пробужденных на момент к жизни путем неслыханного подкупа и застраивания, — каждый другой парламент счел бы этот материал совершенно достаточным основанием для того, чтобы возбудить обвинение против лордов Эбердина и Кларендона.

Доказано, что лорд Кларендон получил сообщение, в котором его уведомили, что вопрос о гробе господнем не является *единственным вопросом*, занимающим русского князя (Меншикова). В этом сообщении был затронут и самый главный вопрос общего характера, а именно вопрос о православных в Турции и о той позиции, которую русский император занимает по отношению к ним согласно известным договорам. Все эти пункты были подвергнуты обсуждению, был подробно описан и курс, который Россия собирается взять, — тот самый курс, который был изложен в проектировавшемся соглашении от 6 мая. Лорд Кларендон, с которым был согласен и лорд Эбердин, этого курса ни в какой мере не порицал и против него не выступал. В то время, когда все это происходило в Лондоне, Бонапарт послал свой флот в Саламин, министрам были предъявлены под давлением общественного мнения запросы в обеих палатах, Россель гарантировал своим словом сохранение неприкосновенности и независимости Турции, а князь Меншиков сбросил свою маску в Константинополе. Вследствие этого лорды Эбердин и Кларендон были вынуждены посвятить и других министров во все происшедшее, и коалиция готова была распасться, когда лорд Пальмерстон, которого обязывало его прошлое, стал настаивать на совершенно противоположной политике. Для того, чтобы предотвратить распадение своего кабинета, лорд Эбердин, в конце концов, уступил настояниям Пальмерстона и дал свое согласие на совместное выступление английского и французского флотов в Константинополе. Но для того, чтобы выполнить свои обязательства по отношению к России, лорд Эбердин одновременно уведомил доверительной депешей Петербург, что занятие русскими Придунайских княжеств он не будет рассматривать как *casus belli* (повод к войне), а «Times» получил приказ подготовить общественное мнение к этому новому истолкованию международных договоров. Было бы несправедливо

отказать этому последнему в признании, что он из всех сил старался превратить черное в белое. Та самая газета, которая все время утверждала, что русский *протекторат* над православными в Турции не имеет ни малейшего политического значения, стала вдруг доказывать, что Молдавия и Валахия стоят под двойным господством и не составляют неотъемлемой части Турецкой империи и что поэтому их оккупация, «строго говоря», не явилась бы вторжением в Турцию, поскольку Бухарестским и Андрианопольским договорами царю предоставлен протекторат над его единоверцами в Придунайских провинциях. Балта-Лиманская конвенция от 1 мая 1849 г. устанавливает совершенно определенно: «1) что оккупация этих провинций, если бы таковая должна была иметь место, может быть произведена лишь соединенными русскими и турецкими войсками; 2) что единственным оправданием для подобного шага могли бы явиться лишь серьезные события в Придунайских княжествах».

Но так как в этих княжествах вообще ничего не произошло и так как сверх того Россия собирается оккупировать их отнюдь не сообща с Турцией, а, наоборот, как раз в противовес последней, — то «Times» полагает, что Турция должна прежде всего терпеливо снести оккупацию княжеств одной только Россией, а затем вступить с последней в переговоры. Если же Турция не обнаружит должного спокойствия духа и сочтет оккупацию за *casus belli*, то Англия и Франция, по мнению «Times'a», вовсе не обязаны сделать то же самое. А если они все-таки это сделают, то «Times» рекомендует им быть благоразумными и ни в коем случае не выступать против России в качестве воюющей стороны, ограничиваясь лишь выступлением в роли союзников-защитников Турции.

Я не могу сильнее заклеймить трусливое и увертливое поведение «Times'a», как приведу следующее место из его сегодняшней передовицы. Последняя представляет собою невероятную смесь всех тех противоречий, уверток, фальшивых предлогов, опасений и подлости, из которых складывается политика лорда Эбердина.

«Прежде чем перейти к крайним мерам, Порты может, если она это считает нужным, протестовать против оккупации княжеств и продолжать вести переговоры при поддержке всех держав Европы. Турецкое правительство, в согласии с посланниками четырех держав, должно само принять решение по этому важному вопросу и в особенности определить, настолько ли назрели враждебные действия, чтобы согласно конвенции 1841 г. открыть Дарданеллы для иностранных военных судов. Если этот вопрос будет решен утвердительно и флоты будут посланы в пролив, тогда только обнаружится,

являемся ли мы туда в качестве воюющих держав или же посредников. Ибо если и предположить, что Турция и Россия находятся в состоянии войны между собою и что иностранные суда вооружены ввиду *casus foederis* (!) (союзного договора), то отсюда еще не следует, что они обязательно должны предпринять военные действия. Они гораздо более заинтересованы в том, чтобы сохранить свой характер посредников, особенно принимая во внимание, что они были посланы не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы ее предотвратить. Такого рода мера не должна нас непременно сделать главными участниками борьбы».

Все передовицы «Times'a» не помогли. Ни одна из других газет не присоединилась к ней, ни одна не поддавалась на удочку, и даже министерские газеты, как «Morning Chronicle», «Morning Post», «Globe» и «Observer», занимают совершенно иную позицию, встречая в этом живейший отклик «по ту сторону канала», где одно только легитимистское «Assemblée Nationale» как будто не усматривает никакого *casus belli* в оккупации Придунайских княжеств.

Отсутствие единства в рядах коалиционного министерства было разоблачено перед публикой благодаря шумному разногласию в среде газет. Пальмерстон заставил кабинет рассматривать оккупацию Молдавии и Валахии как объявление войны и был в этом поддержан вигами и лжерадикальными членами коалиционного министерства. Но теперь впросак попался лорд Эбердин, который дал свое согласие на совместное выступление английского и французского флотов лишь в надежде на то, что Россия выступит не в Дарданеллах, а только в Придунайских княжествах. Дальнейшее существование министерства было снова поставлено под вопрос. И вот, когда Пальмерстон, уступая настойчивым представлениям лорда Эбердина, готов был наконец дать вынужденное согласие на бесспорную оккупацию княжеств Россией,— вдруг приходит депеша из Парижа, возвещающая о намерении Наполеона признать этот именно акт как *casus belli*. Замешательство достигло апогея.

Если это изображение хода дела правильно, — а в этом, насколько мы знакомы с прошлым лорда Эбердина, не приходится сомневаться, — то становится ясным весь секрет русско-турецкой трагикомедии, занимающей Европу уже в течение нескольких месяцев. Теперь нам сразу становится понятным, почему лорд Эбердин ни за что не хотел уводить английский флот с острова Мальты. Мы начинаем понимать, почему полковник Роуз получил нагоняй за свое энергичное поведение в Константинополе, мы начинаем понимать и наглое поведение князя Меншикова, и геройскую твердость царя,

который, раскусив, что военный маневр Англии является простым фарсом, был бы рад-радешенек, если бы мог беспрепятственной оккупацией Молдавии и Валахии не только покинуть поле битвы в качестве «победителя», но и провести свои ежегодные большие маневры за счет подданных султана. Если война все же вспыхнет, это, по нашему мнению, произойдет только оттого, что Россия зашла слишком далеко для того, чтобы пойти назад без ущерба для своей чести. И, кроме того, мы полагаем, что Россия только потому была так чрезмерно смела, что все время рассчитывала на попустительство со стороны Англии.

В этом отношении чрезвычайно меткой является следующая характеристика в последнем письме «Englishman'a»: «Коалиция колеблется при каждом ветерке, доносящемся с Дарданелл. Опасения добряка Эбердина и жалкая неспособность Кларендона ободрили Россию и вызвали нынешний кризис».

Последние известия из Турции таковы: турецкий посланник в Париже получил из Константинополя через Землин уведомление, что Порта отклонила последний ультиматум России, опираясь на меморандум, посланный великим державам. Марсельский «Sémaphore» пишет, что в Смирне получилось сообщение о том, что русскими захвачены два турецких торговых судна в Черном море, но что, с другой стороны, кавказскими горцами начат общий поход против России, в котором Шамиль одержал блестящую победу и захватил не менее двадцати трех пушек.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ТУРЦИИ.

Лондон, 1 июля 1853 г.

Начиная с 1815 г. великие державы Европы ничего не боялись так сильно, как нарушения status quo. Но всякая война между какими-либо двумя державами влечет за собой уничтожение status quo. В этом кроется причина того, почему державы терпели захваты России на Востоке и почему они никогда не требовали от России ничего иного, кроме какого-либо, хотя бы и самого бессмысленного, предложения, который дал бы западным державам возможность остаться нейтральными и избавил бы их от необходимости отвечать на русские эксцессы. Россию все время хвалили за терпеливость и великодушие ее «высокого повелителя», который не только милостиво соглашался прикрывать обнаженное и постыдное раболепство западных кабинетов, но и имел великодушие поглощать Турцию не всю сразу, а по частям. Таким образом, русская дипломатия опиралась на трусость государственных людей Запада, и ее дипломатическое искусство постепенно выработалось в определенный шаблон, так что историю нынешних переговоров можно почти буквально проследить в анналах прошлых годов.

Насколько бессодержательными являются новые предлоги России, видно из того, что султан в своем последнем фирмане¹ на имя константинопольского патриарха дает в вопросах религиозных даже больше того, что требует сам царь. Или, может быть, «умиротворение Греции» является серьезным основанием? Когда г. де-Виллель, желая успокоить дурные предчувствия султана и дать образец добрых намерений великих держав, предложил, чтобы «союзники прежде всего заключили договор, согласно которому Оттоманской империи гарантируется ее status quo», этому предложению в самой крайней форме воспротивился русский посланник в Париже. Он заявил, что Россия, несмотря на все свое великодушие по отношению к Турции и на свое безграничное уважение к желаниям

¹ Фирман — указ султана в Турции. *Ред.*

своих союзников, тем не менее вынуждена сохранить исключительно за собой право улаживать свои собственные расхождения с Диваном; что всеобщая гарантия неприкосновенности Оттоманской империи, не говоря уже о всей необычайности и неожиданности такого шага, задела бы *чувства его повелителя*, равно как и приобретенные Россией *права* и те принципы, на которых последние покоятся.

Теперь Россия требует себе права оккупировать Придунайские княжества, без того, чтобы Турция имела право рассматривать этот шаг как *casus belli*.

В 1827 г. Россия требовала, чтобы ей разрешили «занять Молдавию и Валахию *от имени трех держав*».

В своем манифесте об объявлении войны 2 апреля 1828 г. русский император заявил:

«Мои союзники найдут во мне всегдашнюю готовность итти с ними нога в ногу в отношении выполнения Лондонского договора и горячее стремление помочь им в той работе, которую наша *религия* и чувство, священное для всего человечества, делают предметом нашей заботливости; они найдут во мне всегдашнюю готовность использовать свое положение исключительно для того, чтобы ускорить выполнение договора от 6 июля».

В своем манифесте от 10 октября 1829 г. император заявил: «Россия неизменно отклоняла от себя всякую мысль о завоеваниях, всякое стремление к расширению».

Русский посланник в Париже писал графу Нессельроде:

«Когда императорский кабинет обсуждал вопрос о том, целесообразно ли поднять оружие против Порты, у некоторых, быть может, были сомнения относительно настоятельной необходимости этого шага — в особенности у тех, которые недостаточно продумали все последствия *кровожадных реформ*, которые только что с таким страшным насилием проведены в жизнь главой Оттоманской империи.

Император рассмотрел турецкую систему, и его величество нашел, что она обнаруживает зачатки физической и моральной организации, которой она прежде не обладала. Если султан был в состоянии противопоставить нам более решительное и лучше организованное сопротивление уже в настоящее время, когда он едва только успел создать основы для своих новых планов реформ и улучшений, то насколько он был бы страшнее для нас, если бы имел время больше упрочить их. Раз дело зашло так далеко, то мы должны почитать себя счастливыми, что успели перейти к нападению, прежде чем опасность возросла. Всякая отсрочка могла бы лишь ухуд-

шить наше положение и создать нам еще большие затруднения, чем те, с которыми мы встретились».

И Россия предлагает сначала произвести нападение, а затем уж разговаривать об этом. В 1829 г. князь Ливен писал графу Несельроде:

«Мы ограничимся только общими местами, ибо всякое подробное сообщение о столь щекотливом предмете могло бы вызвать действительную опасность. И когда нам придется вместе с нашими союзниками обсуждать статьи договора с Турцией, мы удовлетворим их лишь в том случае, если оставим их при *обманчивом убеждении*, что они причинили нам невозвратимые потери. Мир может быть подписан только в нашем собственном лагере и лишь после того, как он будет заключен; Европа должна будет узнать об его условиях. Протестовать тогда уже будет поздно, и Европа терпеливо подчинится тому, чему она уже не в состоянии будет помешать».

Россия в течение многих месяцев под всевозможными предложениями откладывала энергичные действия, чтобы сохранить то положение вещей, которое, не будучи ни войной, ни миром, было для России сносным, для Турции же — гибельным. Именно так действовала Россия в то время, о котором мы выше говорили. Поццо-ди-Борго выразился по этому поводу следующим образом: «Наша политика заключается в следующем: нужно стараться, чтобы в течение ближайших четырех месяцев ничего не произошло, и я надеюсь, что нам это удастся, ибо люди, вообще говоря, предпочитают выжить. Но пятый месяц должен быть богат событиями».

После того как царь осыпал турецкое правительство величайшими оскорблениями и несмотря на то, что он сейчас собирается насильно навязать ему самые унижительные условия, он, тем не менее, афиширует свою «дружбу к султану Абдул-Меджиду» и свои заботы о «сохранении Турецкой империи». Он сваливает на султана «ответственность» за то, что последний сопротивляется его «справедливым требованиям», «непрерывно задевает его дружбу и его чувства», отвергает его «ноты» и отклоняет его «протекторат».

Когда Поццо-ди-Борго был в 1828 г. спрошен Карлом X, чем объясняется неудача России в походе этого года, русский дипломат ответил: «Император, не желавший без настоятельной необходимости доводить войну до крайности, надеялся, что султан воспользуется его *великодушием*; но этот *эксперимент* не удался».

Незадолго до того, как Россия вступила в нынешний конфликт с Портой, она попыталась на вопросе о политических эмигрантах

создать коалицию почти всех континентальных держав против Англии; когда же это ей не удалось, она постаралась заключить союз с Англией против Франции.

Подобным же образом Россия в период 1826 — 1828 гг. запугивала Австрию «честолюбивыми планами» Пруссии, делая в то же время все возможное для того, чтобы усилить мощь и претензии Пруссии, так что последняя получила возможность успешно соперничать с Австрией. В своей последней циркулярной ноте Россия выставляет Бонапарта с его претензиями на святые места единственным виновником нарушения мира. Между тем тогда, по свидетельству Поццо-ди-Борго, Россия «приписывала все интриги во всей Европе влиянию князя Меттерниха и хотела убедить самого герцога Веллингтона в том, что его подчинение венскому кабинету умаляет его влияние на другие кабинеты. И она хотела повернуть все дело таким образом, чтобы вышло, что не Россия хотела рассорить Францию с Англией, а, наоборот, что Англия оттолкнула от себя Францию, чтобы соединиться с венским кабинетом».

Россия подвергла бы себя теперь большому унижению, если бы захотела отступить. Точно в таком же положении она была после неудачного похода 1828 г. Что являлось тогда ее главной целью? Предоставим слово ее собственным дипломатам.

«Второй поход необходим для того, чтобы добиться превосходства, нужного для успеха переговоров. Ко времени этих переговоров мы должны быть в состоянии быстро и энергично продиктовать свои условия... *Его величество соизволил бы выставлять тем меньшие требования, чем большую власть ему бы согласились предоставить.* Достижение этого превосходства должно, по моему мнению, явиться целью всех наших усилий. *Это превосходство сделалось вопросом жизни для нашего политического существования,* которое мы должны укрепить и поддержать перед всем светом».

Но разве Россия не боится совместного выступления Англии и Франции? Конечно. В опубликованных при Луи-Филиппе секретных мемуарах о средствах, употребляемых Россией для того, чтобы расстроить союз между Англией и Францией, содержится следующее место:

«Если произойдет война, в которой Франция и Англия будут выступать совместно, у России не будет никакой надежды на успех, пока этот союз не расстроится или пока Англия не согласится, по меньшей мере, на то, чтобы остаться нейтральной во время континентального конфликта».

Вопрос стоит так: верит ли Россия в совместное выступле-

ние Англии и Франции? Обратимся снова к депешам Поццо-ди-Борго.

«С того момента, как вопрос о гибели Турецкой империи перестал волновать умы, становится невероятным, чтобы английское правительство решилось рисковать всеобщей войной ради избавления турецкого султана от необходимости пойти на те или иные уступки, в особенности при том положении вещей, которое создалось к началу приближающегося похода, когда все еще неопределенно и неясно. Эти соображения дают нам возможность предположить, что у нас нет никаких оснований опасаться открытого разрыва с Великобританией. Последняя ограничится тем, что посоветует Порте попросить мира и постарается оказать ей как можно больше услуг во время мирных переговоров, если таковые состоятся. Если же султан откажется или мы будем настаивать на своем, то Англия ничего больше не предпримет».

Что именно Нессельроде думал о «добром» Эбердине, министре в 1828 г. и 1853 г., можно видеть из следующей депеши князя Ливена: «При встрече со мной лорд Эбердин повторил свое заверение, что Англии никогда и в голову не приходило искать ссоры с Россией. Он боится, что в Петербурге не понимают поведения английских министров. Лично же он в очень щекотливом положении. Общественное мнение имеет все время тенденцию возбуждаться против России. Британское правительство не может постоянно *бросать* ему *вызов*. Да и было бы опасно возбуждать общественное мнение как раз по таким вопросам, с которыми связаны национальные предрассудки. Но, с другой стороны, Россия может с полным доверием рассчитывать на дружеские чувства английского правительства, которое против этих предрассудков борется».

Что нас больше всего поражает в ноте графа Нессельроде от 11 июня, так это не «бесстыдная смесь из заявлений, которые опровергаются делами, и из угроз, которые прикрываются ораторской декламацией», а тот прием, который впервые был оказан Европой русской дипломатической ноте. Вместо обычного преклонения и почтения Запад, краснея за свое прошлое, встретил эту бесстыдную смесь наглости, хитрости и подлинного варварства презрительным смехом. И все же циркулярная нота Нессельроде и «ультиматиссимум» от 16 июня ни на волос не были хуже хваленой шедевров Поццо-ди-Борго и князя Ливена. А граф Нессельроде был и тогда, как и теперь, главой русской дипломатии.

Существует смешная история о двух персидских естествоиспытателях, исследовавших медведя. Один из них, никогда еще дотоле:

не выдавший такого зверя, спросил, рождает ли это животное живых детенышей или же кладет яйца. Второй, более осведомленный, ответил: «Это животное на все способно». Русский медведь также способен на все, в особенности когда он знает, что другие звери ни на что не способны.

Мимоходом я хотел бы упомянуть о знаменательной победе, только что одержанной Россией в Дании, где королевское послание одобрено большинством 119 голосов против 28. Текст послания следующий: «В соответствии с § 4 конституции от 5 июня 1849 г. соединенный парламент дает, со своей стороны, согласие на принятие указа его величества о порядке престолонаследия во всей датской монархии, согласно королевскому посланию о престолонаследии от 4 октября 1852 г., возобновленному 13 июня 1853 г.».

ЗАПРОС ЛАЙАРДА.

Лондон, 8 июля 1853 г.

Фактическое занятие Дунайских княжеств и приближение давно ожидавшегося кризиса заставили английскую прессу заметно снизить свой воинственный тон, и мало кто возразил «Times'у», заявившему под-ряд в двух передовых статьях, что «раз русские не могут обуздать своей склонности к цивилизаторской деятельности в варварских странах, то Англии лучше всего предоставить им свободу действий и не вредить делу мира тщетным упорством».

Стремление правительства не допускать никакой информации по турецкому вопросу проявилось в смехотворнейшем фарсе, который одновременно разыгрался в обеих палатах парламента. В палате общин г-н Лайард, знаменитый реставратор древней Ниневии, сделал заявление о своем намерении внести сегодня предложение с требованием, чтобы палате была представлена исчерпывающая информация относительно Турции и России. После этого заявления в Нижней палате произошел следующий инцидент.

Лайард. — В моем заявлении я назначил свое выступление на завтрашний день. Вчера днем я получил извещение с просьбой отложить его до понедельника, 11-го с. м. Я не имел возможности дать ответ вчера днем, — я дал его только сегодня утром. К моему изумлению оказывается теперь, что я, сам того не зная, все-таки был вчера в палате, ибо и в отпечатанных заявлениях я прочел, что г-н Лайард отложил свое выступление с пятницы, 8-го с. м., на понедельник, 11-го с. м.! Такое обращение с независимыми депутатами мне представляется недопустимым.

Гладстон. — Я не знаю, кто распорядился напечатать заявление об отсрочке выступления. Я могу лишь заверить уважаемого депутата: все, что было сделано, было сделано с добрыми намерениями.

Лайард. — Я хотел бы знать, кто внес заявление об отсрочке в бюллетень. Что заставило вас отложить мое выступление на понедельник?

Гладстон. — Нездоровье лорда Дж. Росселя.

Лайард согласен отложить свое выступление до понедельника.

Дизраэли. — Я считаю, что это дело нуждается в разъяснении со стороны правительства, тем более, что и обсуждение индийского билля назначено на завтра вопреки соглашению.

После небольшой паузы сэр *Чарльз Вуд* скромно признался, что он повинен в обоих прегрешениях, но, продолжая мысль Гладстона, он тут же заявил, что действовал по отношению к Лайарду с наилучшими намерениями.

Оборотная сторона медали показана была в палате лордов, где физическое недомогание бедняжки Росселя уж во всяком случае не имело никакого отношения к выступлению маркиза Кланрикарда, который хотел внести предложение в таком же роде, как Лайард, и выступление которого было тоже назначено на пятницу после неоднократных отсрочек по требованию министров.

Лорд Брум заявил, что он не снесся по этому вопросу ни с одним членом правительства, но считает выступление лорда Кланрикарда, назначенное на завтра, крайне неуместным в настоящий момент. Он сообщит об этом министру иностранных дел.

Лорд Кларендон нашел, что свободное обсуждение вопроса едва ли было бы вполне безвредно или уместно в настоящий момент. Переговоры еще продолжаются; но после повторных отсрочек он не чувствует себя в праве просить своего благородного друга о дальнейшей отсрочке. Он позволил себе только высказать ему то, чего требует его понимание общественного долга. Тем не менее он хотел бы спросить своего благородного друга, не согласится ли он, по крайней мере, отложить свое выступление до будущего понедельника, поскольку желательно, чтобы прения по этому вопросу происходили в обеих палатах одновременно, и поскольку лорд Дж. Россель чувствует себя сейчас очень плохо.

Граф Элленборо. — Благородный маркиз из оппозиции проявил бы только благоразумную осторожность, если бы отложил свое назначенное на завтра выступление не только до понедельника, но ad infinitum (на неопределенное время), не назначая сейчас никакого срока.

Лорд Дерби выразил свое удивление по поводу того, что благородный маркиз поднял настоящий вопрос, и целиком присоединился к мнению благородного графа (Элленборо).

Граф Грей. — После заявления лорда Кларендона желательность отложить прения должна быть очевидна для всякого.

Маркиз Кланрикард соглашается снять свое предложение.

Граф Фитцвильям спросил, достоверен ли русский манифест от 26 июня об объявлении *священной войны* против Турции.

Граф Кларендон ответил, что этот документ получен им от посла ее величества в Петербурге.

Граф Мальмсбери. — Из уважения к высокому достоинству членов этой палаты правительству следовало бы заверить их, что оно, насколько это будет в его силах, не допустит в понедельник подобных же прений в Нижней палате.

Граф Эбердин заявил, что он и его коллеги употребят все свое влияние, чтобы не допустить этих прений.

Резюмируем: сначала палату общин заставляют отложить прения посредством обмана; затем вынуждают к тому же палату лордов под тем предлогом, что прения отложены в Нижней палате; затем «благородные» лорды откладывают прения *ad infinitum* (на неопределенное время); и, наконец, достоинство «благороднейшего на земле собрания» требует, чтобы палата общин тоже отложила их *ad infinitum*.

В ответ на запрос г-на Лидделля лорд Пальмерстон заявил в том же заседании следующее:

Недавняя приостановка навигации в Сулинском устье была вызвана тем обстоятельством, что вода поднялась и вышла из берегов, вследствие чего ослабел напор течения и увеличилось количество ила на мелких местах. Я должен сказать, что уже в течение многих лет правительству приходится жаловаться на небрежное отношение русского правительства, как обладателя Дунайской дельты, к своим обязанностям по поддержанию Сулинского канала в пригодном для навигации состоянии, — хотя сама Россия всегда признавала, что, согласно Адрианопольскому трактату, это входит в ее обязанности. Когда устья Дуная составляли часть турецкой территории, там поддерживалась в мелких местах глубина в 16 футов, теперь же, из-за небрежности русских властей, она упала до 11 футов, да и эти 11 футов сведены к небольшой и узкой полосе благодаря наносам с берегов, отмелям и потерпевшим крушение и затонувшим судам, так и не извлеченным из воды. В результате суда могут плавать по каналу только в спокойную погоду и с искусными лоцманами. В этом сыграло роль соперничество со стороны Одессы, которая желала воспрепятствовать вывозу товаров через Дунай, чтобы вывозить их по возможности через собственный порт.

Английский министр надеется, повидимому, что когда Дунайские княжества станут русскими, устья Дуная откроются вновь, ибо исчезнут основания для соперничества Одессы.

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ. — СМЕРЕННОЕ И УСТУПЧИВОЕ ПОВЕДЕНИЕ БРИТАНСКОГО КАБИНЕТА. — ПОСЛЕДНЯЯ НОТА НЕССЕЛЬРОДЕ.

Лондон, 12 июля 1853 г.

Парламентский фарс, начатый в прошлый четверг, был продолжен и закончен 8-го с. м. Лорд Пальмерстон потребовал, чтобы предложение г-на Лайарда не только было отклонено, но и чтобы о нем более не упоминалось. «Понедельник должна была постигнуть участь пятницы». Г-н Брайт воспользовался случаем для того, чтобы приветствовать лорда Эбердина по поводу его осторожной политики, а заодно уже и вообще уверить его в своем безусловном доверии.

«Morning Advertiser» замечает по этому поводу: «Если бы кабинет был не чем иным, как «Обществом мира», то и тогда он не мог бы сделать больше, чем сделал добрый Эбердин для того, чтобы ободрить Россию, обескуражить Францию, поставить в опасное положение Турцию и дискредитировать Англию. Речь г-на Брайта должна была явиться своего рода манчестерской манифестацией в пользу робких членов кабинета». Старания министров устранить предполагаемый запрос Лайарда проистекали из вполне основательного опасения, что дольше трудно будет скрыть от публики внутренние трения в кабинете. Турция должна погибнуть ради спасения коалиции. Происки России встречают благосклонное отношение не только со стороны лорда Эбердина, но и еще со стороны следующих министров: лорда Кларендона, герцога Аргайля, лорда Гренвилля, г. Сиднея Герберта, г. Кардуэля и «радикального» г. Вильяма Мольсворта. Передают, будто лорд Эбердин грозил уже своим уходом. «Сильной» партии Пальмерстона (*civis romanus sum* — я — римский гражданин) только и нужен был этот предлог для того, чтобы уступить. Было решено послать константинопольскому и петербургскому дворам тождественные ноты, в которых предложить, «чтобы привилегии, требуемые царем для православных, были предоставлены и всем другим христианам Турецкой империи путем гарантийного договора, участниками которого должны явиться

великие державы». Но ведь точно такое же предложение было уже сделано князю Меншикову накануне его отъезда из Константинополя, и оно, как всем известно, ни к чему не привело. Поэтому просто смешно ожидать какого-либо успеха от его повторения, тем более, что теперь не подлежит никакому сомнению, что великие державы, т. е. Австрия и Пруссия, не будут больше сопротивляться ясно выраженному стремлению России к заключению договора. Граф Буоль, австрийский премьер-министр, является шурином барона Мейендорфа, русского посланника, и действует в полном согласии с Россией. В тот самый день, в который обе партии коалиции, сонливая и «сильная», приняли вышеупомянутую резолюцию, в газете «Patrie» было напечатано следующее: «Новый австрийский посланник в Константинополе, г. фон-Брук, дебютировал тем, что потребовал у Порты уплаты пяти миллионов пиастров в качестве удовлетворения и согласия на выдачу гаваней Клек и Суторина. Это требование было понято как поддержка России».

Но это не единственная поддержка, оказанная Австрией русским интересам в Константинополе. Все помнят еще с 1848 г., что государи всегда умели создавать «недоразумение», когда им нужно было стрелять в свой народ. Тот же самый фокус проделывается сейчас по отношению к Турции. Австрийский консул в Смирне велел вытащить из английской кофейни одного венгерца и отправить его насильственно на борт австрийского корабля. Когда эмигранты ответили на это насилie тем, что убили одного австрийского офицера и ранили другого, то г. фон-Брук потребовал у Порты в 24 часа удовлетворения. И одновременно с этим «Morning Post» в субботнем номере приводит слух о том, что австрийцы вторглись в пределы Боснии; само собою разумеется, что когда министров коалиционного кабинета запросили вчера в обеих палатах относительно достоверности этого слуха, они оказались «еще не информированными». Один только Россель отважился высказать предположение, что этот слух, может быть, находится в связи с тем фактом, что австрийцы концентрируют войска в Петервардейне. Так исполняется пророчество Татищева, заявившего еще в 1828 г., что когда дело дойдет до окончательного решения, Австрия жадно ухватится за свою долю добычи.

Константинопольская депеша от 26-го прошлого месяца гласит: «Ввиду распространившихся слухов, что весь русский флот покинул Севастополь и направляется к Босфору, султан запросил французского и английского послов, готовы ли соединенные флоты пройти через Дарданеллы, если русские захотят демонстрировать у Босфора? Оба посла ответили утвердительно. Турецкий пароход, имея

на борту английских и французских офицеров, только что вышел из Босфора в Черное море на рекогносцировку».

Первые шаги России после занятия княжеств заключались, с одной стороны, в запрещении опубликовать султанский фирман, подтверждающий привилегии христиан всех толков, а с другой стороны — в закрытии выходившей в Бухаресте немецкой газеты, осмелившейся напечатать статью о восточном вопросе. В то же время русские заставили турецкое правительство выплатить им первую ежегодную ренту, установленную при первой оккупации Молдавии и Валахии в 1848—1849 гг. За время с 1828 г. русский протекторат обошелся княжествам в 150 милл. пиастров, не считая огромных потерь, причиненных грабежами и разрушениями. Англия покрывала расходы России в ее войнах с Францией, Франция оплатила войну России против Персии, Персия — ее войну против Турции, Турция и Англия — ее войну против Польши, а Венгрия и княжества должны теперь покрыть издержки ее войны против Турции.

Самым важным событием дня является новая циркулярная нота графа Нессельроде, помеченная 20-м июня 1853 г., С.-Петербург. В ней говорится, что русские войска не очистят княжеств до тех пор, пока султан не примет всех требований царя и английский и французский флоты не покинут турецких вод. Эта нота прямо звучит как издевательство над Англией и Францией. В ней говорится: «Позиция, занятая обеими державами, является морской оккупацией и дает нам право занять, со своей стороны, определенную военную позицию для того, чтобы восстановить равновесие взаимной ситуации».

Мы просим читателей обратить внимание на то, что Безикская бухта находится на расстоянии 150 миль от Константинополя. Царь настаивает на своем праве оккупировать турецкую территорию, отрицая в то же время за Англией и Францией право занимать нейтральные воды без его, царя, специального разрешения. Он сам восхищен своим великодушием, которое заключается в том, что он предоставляет Порте возможность свободно выбрать форму своего отказа от суверенитета. Она может это сделать «либо путем соглашения, либо при помощи какого-либо другого взаимно-обязывающего договора, либо даже путем подписания простой ноты». Он убежден, что «беспристрастная Европа» поймет, что Кайнарджийский договор, предоставивший России право охранять хотя бы одну греческую часовню в Стамбуле, тем самым превратил Россию в восточный Рим. Он сожалеет о том, что Запад не понимает невинного характера русского религиозного протектората, и доказывает

рядом исторических фактов свои старания сохранить неприкосновенность Турции. «Как скромно он использовал в 1829 г. свою победу при Адрианополе», когда лишь жалкое состояние его армии и угроза английского адмирала бомбардировать — с разрешения или без разрешения власти — каждую гавань Черного моря помешали ему быть нескромным и когда все то, чего ему все же удалось добиться, досталось ему только благодаря «долготерпению» западных кабинетов и коварному разгрому турецкого флота при Наварине. «В 1833 г. он был единственным человеком в Европе, который спас Турцию от неизбежного раздела». В 1833 г. царь заключил с Турцией знаменитый Ункиар-Скелесский оборонительный союз, согласно которому чужим флотам было запрещено приближаться к Константинополю. Турция была, следовательно, спасена от расчленения только для того, чтобы целиком достаться России.

«В 1839 г. царь взял на себя инициативу сделать другим державам ряд предложений, которые, будучи совместно выполнены, должны были спасти султана от необходимости уступить свой трон новому арабскому государству». Другими словами, в 1839 г. он заставил другие державы взять на себя инициативу разрушения египетского флота и добился того, что был осужден на бессилие единственный человек, который мог бы на самом деле сделать Турцию опасной для России и превратить «закрученный тюрбан» в настоящую живую голову.

«Основным принципом политики нашего августейшего повелителя всегда являлось стремление как можно дольше сохранить на Востоке *status quo*». Это верно. Царь всегда тщательно заботился о том, чтобы разложение турецкой империи совершалось исключительно под опекой России.

Более издевательского документа, наверное, никогда еще Восток не швырял в лицо Западу. Недаром его автор — Нессельроде, имя которого означает одновременно и крапиву, и розгу.

Поистине это — доказательство того, что Европа склоняется перед розгой контр-революции. Революционеры могут только поздравить царя с этим шедевром. Поражение Европы является не только простым отступлением; она должна, кроме того, еще пройти через Кавдинское ярмо. Но в то время как английская королева сейчас устраивает торжественный прием русским княгиням, а просвещенная английская аристократия и буржуазия покорно лежат у ног варварского самодержавия, один только английский пролетариат протестует против бессилия и падения высших классов. 7 июля манчестерцы устроили большое «собрание мира» в ложе «Odd Fellow

Hall», в Галифаксе. Кросли, депутат от Галифакса, и все другие «великие мужи» манчестерцев специально приехали на этот митинг из Лондона. Зал был переполнен, и несколько тысяч человек остались за его закрытыми дверями. Эрнест Джонс (агитация которого в фабричных округах идет с большим успехом, судя по большому числу чартистских петиций в парламенте и ожесточенным нападкам провинциальной буржуазной прессы) был в это время как раз в Дэрхеме. Галифакские чартисты, в родном городе которых Джонс дважды предлагался в кандидаты в Нижнюю палату и оба раза был избран поднятием рук, вызвали его к себе телеграммой, и он поспел как раз к собранию. Господа манчестерцы были уже уверены в победе и надеялись провести резолюцию, обеспечивающую их доброму Эбердину поддержку фабричных округов, как вдруг поднялся Эрнест Джонс и предложил резолюцию, в которой народ призывался к *войне* и в которой заявлялось, что мир является преступлением, до тех пор пока он не идет рука об руку со свободой. Произошла ожесточенная дискуссия, но резолюция Джонса была все же принята огромным большинством.

РУССКИЙ ВОПРОС. — ЛЮБОПЫТНАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

Лондон, 15 июля 1853 г.

Вчера в палате общин Дизраэли спросил министра, не будет ли уместно теперь, после последней циркулярной ноты русского кабинета, заслушать предложение г-на Лайярда. Лорд Джон Россель ответил, что, по его мнению, г-ну Лайярду не следовало бы выступать со своим предложением в настоящий момент, потому что после опубликования этой ноты важнее, чем когда-либо, продолжать переговоры. «Если достоуважаемый депутат думает, что переговоры зашли в тупик, он ошибается». Лорд Джон, открыто исповедуя свое эбердиновское *credo* (верую), попытался спасти достоинство партии «*civis romanus sum*» следующим заявлением:

«Я естественно предполагал, что такой опытный и проницательный деятель, как граф Нессельроде, не поставит свою подпись под документом, в котором заявляется, что русское правительство ставит условием эвакуации княжеств увод соединенного флота».

Г-н Друэн-де-Люис, французский министр иностранных дел, служивший когда-то в этом министерстве при Гизо и, согласно отзыву последнего, едва ли обладавший надлежащей квалификацией для выполнения своих служебных обязанностей, доставляет себе теперь удовольствие обмениваться нотами и циркулярами с графом Нессельроде. «*Moniteur*» сообщает во вчерашнем номере его ответ на последнюю (2-е) циркулярное послание русского министра, — ответ, заканчивающийся следующими словами:

«Умеренность Франции снимает с нее всякую ответственность и дает ей право надеяться, что жертвы, принесенные ею делу сохранения мира на Востоке, не окажутся тщетными, что русское правительство найдет в конце концов способ примирить свои притязания с верховными прерогативами султана и что будет достигнуто соглашение, которое разрешит, не прибегая к силе, вопрос, с коим связано столько интересов».

Я упоминал в одном из предыдущих писем о предложениях,

сделанных России в свое время г-ном де-Виллелем по поводу сохранения целостности Оттоманской империи путем гарантийного договора между всеми великими державами и вызвавших такой ответ со стороны графа Поццо-ди-Борго:

«Совместная гарантия целостности Оттоманской империи, помимо того, что она была бы необычна и неожиданна, явилась бы нарушением прав, приобретенных Россией, и тех принципов, на которых они основаны».

Тем не менее в 1841 г. Россия согласилась стать участницей такого необычного договора, и сам Нессельроде ссылается на этот договор в своей ноте от 20 июня (2 июля). Почему Россия пошла на этот шаг наперекор своей традиционной политике? Потому, что этот договор не был «гарантией целостности Оттоманской империи», а скорее орудием, направленным против ее единственной тогда жизнеспособной части, против Египта под верховенством Мехмета-Али, — потому что он представлял собою, по крайней мере по своему первоначальному замыслу, коалицию против Франции.

Парижская «*Presse*» дает в своем сегодняшнем номере, только что попавшем мне в руки, не изданную до сих пор переписку между покойным генералом Себастиани, послом в Лондоне, и мадам Аделаидой, сестрой Луи-Филиппа. Эта переписка проливает яркий свет на дипломатические отношения той эпохи. Она неопровержимо доказывает, что договор 1841 г. был первоначально задуман отнюдь не Россией, как утверждает Нессельроде в своей ноте, а, наоборот, Францией и Англией против России, и что только впоследствии он был превращен Россией в орудие против Франции. Я переведу для вас из этой важной переписки столько, сколько мне позволит время, которым я располагаю.

1.

Лондон, 12 июня 1833 г.

Я имел сегодня двухчасовую беседу с лордом Пальмерстоном. Я был глубоко удовлетворен ею. Я не ошибался, когда уверял вас, что он друг короля Леопольда и прежде всего большой сторонник союза с Францией. Лорд Пальмерстон много говорил со мной о восточных делах. Он думает, что египетский паша твердо решил действовать. Он желал бы, чтобы Англия и Франция снова попытались, опираясь на присутствие своих флотов, запугать Мехмета и чтобы одновременно наши послы в Константинополе сообщили султану о получении ими от своих правительств приказа заверить его в их поддержке против поползновений египетского паши, при условии,

что он, султан, не начнет первый враждебных действий. Я считаю, что это было бы разумным шагом и что Англии и Франции следовало бы его сделать. Мы должны поддержать Порту и не допустить отделения от нее провинций Египта, Сирии и Келесирии. Россия только и ждет удобной минуты, чтобы выступить на помощь султану, а эта *помощь была бы концом Оттоманской империи.*

2.

Лондон, 21 апреля 1836 г.

Здесь все партии согласны в том, что необходимо тщательно следить за Россией, и тории, думается мне, более решительны в этом отношении, чем виги, или, по крайней мере, кажутся более решительными, потому что их не сдерживают правительственные соображения.

3.

Лондон, 6 июля 1838 г.

Англичане верят в общеевропейское соглашение по восточному вопросу. Ответа из Парижа ждут с нетерпением. Я не думаю, чтобы нарушил в чем-нибудь линию поведения, начертанную мне королем в нескольких беседах. Как только *соглашение* будет установлено в принципе, способ действия и позиция каждой из держав будут выработаны в соответствии с обстоятельствами. Участие России должно, конечно, быть морским, как Франции и Англии, и чтобы предупредить всякую опасность, могущую возникнуть от действий флота в Черном море, необходимо добиться, чтобы Россия согласилась на вывод из Балтийского моря ее эскадры, которая должна присоединиться к соединенному флоту.

4.

Лондон, 3 октября 1839 г.

Англия не приняла русских предложений, и лорд Пальмерстон уведомил меня от имени правительства, что ее отказ вызван желанием сохранить верность союзу с Францией. По той же причине она соглашается, чтобы Мехмет-Али получил в наследственное владение Египет и часть Сирии, демаркационная линия которой подлежит точному установлению и должна проходить от Акки до Тивериадского озера. Мы добились не без труда согласия английского правительства на эти последние предложения. Не думаю, чтобы подобное соглашение было отвергнуто Францией или Мехметом-Али.

Восточный вопрос упрощается; он будет ликвидирован при содействии держав и с гарантией целостности Оттоманской империи. Все принципы соблюдены. Блистательная Порта допущена в семью европейских народов. *Исключительный протекторат России упразднен.* Я спрашивал себя, почему республиканская клика во Франции так расположена в пользу Мехмета-Али и почему она так горячо вступилась за его дело. И я не мог найти другого мотива, кроме революционного принципа — поддерживать, поощрять все, что может привести к свержению существующих правительств. Мне кажется, мы ни в коем случае не должны поддаваться на такую ловушку.

5.

Лондон, 30 ноября 1839 г.

Я узнал из достоверного источника, что лорд Пальмерстон, докладывая на последнем заседании совета министров о положении восточного вопроса и о расхождениях в английской и французской политике, говорил в таком умеренном тоне и с таким вниманием к союзным отношениям обеих стран, которые заслуживают с нашей стороны благодарности. Он даже предложил вниманию своих коллег систему, аналогичную указанной мною. В заключение он уступил в вопросе о формальностях и отказался от решительной политики и неизбежных осложнений.

6.

Лондон, 12 декабря 1839 г.

Я виделся с лордом Пальмерстоном, потому что хотел узнать, не может ли он сказать мне что-нибудь новое в связи с его последним сообщением мне. Он прочел мне письмо г-на *Нессельроде* русскому chargé d'affaires (поверенному в делах); оно в точности соответствует тому, что он говорил мне. Приезд г-на *Бруннова* раскроет нам тайные замыслы петербургского кабинета. Лорд Пальмерстон был очарователен и в обращении, и по существу. Он очень рад возобновлению дружественных отношений между французским и английским кабинетами и продолжению союза. Поверьте мне, я несколько не преувеличиваю. Я сказал ему с глубокой убедительностью, что настоящее положение в точности таково, каким его всегда желала видеть Франция. Он сам должен был это признать. Князь *Эстергази* написал своему chargé d'affaires, что он чрезвычайно доволен маршалом и что он пытается сейчас вернуть французский кабинет на путь соглашения с Австрией, но что он натолкнулся

на неподатливость короля. Я вполне себе это представляю. Король не увлекается такими неосуществимыми затеями. Это я пишу для вас одной. Вместе с вашим королевским высочеством я верю, что *Россия запутается в своих собственных сетях.*

7.

Лондон, 18 декабря 1839 г.

Я получил сегодня утром депешу от маршала более странную, чем обыкновенно. Это ответ на письмо, в котором я доложил ему о сообщении, сделанном мною лорду Пальмерстону относительно впечатления, произведенного в Париже известием о новой миссии г-на Бруннова и ее цели. Я прочел лорду Пальмерстону дословно это место из депеши маршала. Но в заявлении, которое я сделал ему по этому поводу, я употребил слова, выражавшие те же идеи, но не совпадавшие со словами маршала. Теперь маршал любезно заверяет меня, что между моими словами и его собственными выражениями не было никакого расхождения, но он советует мне удвоить мою осторожность и постараться восстановить в наших переговорах подлинный текст его депеш. Я весьма склонен считать это за *querelle allemande* (ссору из-за пустяков), за изощренность, достойную грека Византийской империи... Маршал—новичок на дипломатическом поприще, и я боюсь, что он ищет удачи в изворотливости, а действительно добиться удачи он может только искренностью и прямою.

8.

Лондон, 3 января 1840 г.

Вчера лорд Пальмерстон обедал у меня со всем дипломатическим корпусом... Он сказал мне, что министры собираются просить дополнительной ассигновки на морское вооружение, но прибавил, что предложит своим коллегам не ссылаться при этом на усиление французского флота, чтобы не задеть союзника хотя бы малейшим намеком. Лорд Холланд и лорд Джон восхитительны в своем стремлении сохранить союз.

9.

Лондон, 20 января 1840 г.

Лорд Пальмерстон сообщил мне проект конвенции, который должен быть представлен великим державам и Порте... Это не соглашение пяти великих держав между собою, а соглашение этих держав с Портой... *Г-н Бруннов возражает против этой формы* (см. ноту Нессельроде от 2 июля относительно русской инициативы!)... Это

соглашение состоит из введения и 8 статей. В введении сказано вполне определенно и почти текстуально, что, так как целость Оттоманской империи существенно необходима для сохранения европейского мира, державы склонны оказать Порте нужную поддержку и включить ее в международное содружество Европы. А в статьях устанавливается характер этой поддержки...

Р. С. Только что я узнал, что *Бруннов и Нейман крайне недовольны конвенцией лорда Пальмерстона.*

10.

Лондон, 21 января 1840 г.

Я думаю, что проект конвенции, составленный лордом Пальмерстоном, будет отвергнут русским и австрийским представителями. Г-н Нейман поразил всех резкостью и, смею сказать, глупостью своих возражений. Он раскрывает политику своего двора. Князь Меттерних, желавший самолично регулировать равновесие международных сил, открыто афиширует свою ненависть к России. Он льстил себя надеждой, что предложения Бруннова будут приняты без оговорок, и оба были разочарованы, встретив в лорде Пальмерстоне министра, который искренно желает союза с Францией и старается действовать в согласии с нею.

11.

Лондон, 24 января 1840 г.

Сегодня я имел продолжительную беседу с лордом Мельбурном, решительным сторонником союза с нашим королем. Он несколько раз просил меня указать ему какой-нибудь способ достигнуть объединения французских и английских предложений.

Он расценивает намерения России так же, как и мы, и на одном совещании он сказал мне по поводу *венского кабинета, что последнему нельзя доверять, потому что он в конце концов всегда оказывается преданным сторонником России.*

12.

Лондон, 27 января 1840 г.

Оборот, принимаемый ныне восточными делами, вызывает во мне тревогу... Не подлежит сомнению, что Россия толкает к войне и что Австрия поддерживает ее изо всех сил... Им удалось запугать Англию «французскими планами в Средиземном море». Алжир и Мехмет-Али — таковы два средства, которые они пускают в ход... Я прилагаю все усилия, чтобы добиться отклонения предложений

Бруннова, и мне почти удалось достигнуть цели, но они узнали об этом, и теперь Австрия выставляет предложения Бруннова как свои собственные. Это — явный обман. Тем не менее был созван совет для обсуждения австрийских предложений. Голоса разделились. На одной стороне — лорд Мельбурн, лорд Холланд и г-н Лабушер, на другой — лорд Пальмерстон, лорд Дж. Россель и лорд Минто. Остальные члены колеблются между обеими точками зрения.

13.

Лондон, 28 января 1840 г.

Совет обсудил пока только один пункт проекта лорда Пальмерстона. Он постановил, что конвенция должна быть заключена между шестью, а не между пятью державами, как предлагал г-н Бруннов, который не обнаружил недостатка усердия, защищая свои частные интересы (в заботе о целостности Оттоманской империи!). Порта не даст своего согласия на конвенцию, составленную без ее участия. *Подписав же договор с пятью великими державами, она тем самым войдет в концерт европейских народов.*

14.

Лондон, 28 января 1840 г.

Неужели политика и интересы короля отданы в жертву капризам г-на Тьера и его газеты? Система, созданная с таким трудом, с такими усилиями и сохранявшаяся, вопреки стольким трудностям, в течение десяти с лишним лет, обречена на гибель.

РОССИЯ И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ.

Лондон, 19 июля 1853 г.

Царь не только начал вести войну, он успел уже закончить свой первый поход.

Операционная линия проходит уже не за Прутом, а по Дунаю. Что делают в это время западные державы? Они советуют султану, т. е. принуждают его, рассматривать войну как мир. Они отвечают на дела самодержца не пушками, а нотами. Царь бомбардируется, только не двумя флотами, а предложениями о переговорах. Их не менее четырех: одно исходит от английского кабинета, другое от французского, третье от Австрии, а четвертое — от «шурина» из Потсдама. Надеются, что царь из этого *embarras de richesses* (избытка богатств) милостиво изберет наиболее подходящее для его целей. Ответ (второй) Друэн-де-Люиса на ноту (вторую) графа Нессельроде всеми силами стремится доказать, «что не Англия и не Франция первые произвели демонстрацию». Как собакам выкидывают кость, так и Россия забрасывает западных дипломатов таким множеством нот, повидимому, только для того, чтобы доставить им невинное занятие, а себе — выигрыш во времени. Англия и Франция, естественно, кидаются на приманку. Мало того, что самый факт получения такой ноты означает уже достаточное унижение, она еще снабжается в «*Journal de l'Empire*» самым миролюбивым комментарием в статье, которую хотя подписал господин де-ла-Героньер, но *инспирировал* и просматривал император. Эта статья «предоставляет России свободный выбор вести переговоры на правом или левом берегу Прута». Вторая нота графа Нессельроде превращается в этой статье на самом деле чуть ли не в «примирительную попытку». При этом доказательство ведется в следующем стиле: «Граф Нессельроде говорит теперь только о моральных гарантиях и объявляет, что они только временно должны быть заменены материальными гарантиями; он, *таким образом, непосредственно требует переговоров*. Пока дело обстоит таким образом, что дипломатическую деятельность нельзя считать исчерпанной».

Газета «Assemblée Nationale» — этот русский «Moniteur» в Париже — иронически поздравляет «Journal de l'Empire» с его очень запоздалым открытием и только сожалеет, что произошло «так много шуму из-за ничего».

Английская пресса окончательно потеряла почву под ногами: «Царь совершенно не понимает, какую любезность оказали ему западные державы. Он в своих переговорах с другими державами совершенно неспособен к вежливому обхождению», — говорит «Morning Advertiser». И «Morning Post» вне себя, что царь так мало беспокоится о внутренних затруднениях своих противников. «Только из-за дерзкого каприза можно выставлять требования, которые ни в коем случае не носят безотлагательного характера, и делать это без всякого внимания к состоянию Европы, готовой в любой момент воспламениться, является почти невероятной неосмотрительностью».

Обозреватель денежного рынка в «Economist» нашел, «что человечество теперь открыло, к своему собственному ущербу, как вредно бывает, что самые секретные дела в мире (т. е. биржи) зависят от сумасбродных выходок одного единственного человека».

И все же в 1848 и 1849 гг. бюст русского императора можно было видеть в тесном соседстве с самим золотым тельцом. Между тем положение султана становится час от часу затруднительнее и запутаннее. Его финансовые затруднения возрастают тем более, что он несет все тяжести войны, не имея ни одного из ее преимуществ. Общественное мнение народа, не направляемое против царя, обращается против самого султана, фанатизм мусульман угрожает ему дворцовым переворотом, в то время как фанатизм греков грозит народными возмущениями. Сегодняшние газеты содержат сообщения о заговоре, который затеяли против жизни султана студенты-мусульмане старо-турецкой партии, предпочитающей посадить на трон Абдул-Азиза.

Вчера в Верхней палате лорды Бомонт и Мальмсбери потребовали у лорда Кларендона, чтобы он высказался о своих намерениях, раз французский император уже объявил о своих. Но лорд Кларендон только вкратце подтвердил получение ноты господина Друэн-де-Люиса, а в остальном ограничился обещанием представить палате в скором времени более подробную информацию. На вопрос, верно ли, что русские захватили в оккупированных их войсками Дунайских княжествах также гражданское управление и почтовые учреждения, лорд Кларендон, естественно, остался «нем». «Судя по прокламации князя Горчакова, он не может этому поверить». Лорд

Бомонт возразил на это что Кларендон кажется ему, во всяком случае, очень доверчивым. Сэр Дж. Уолмсли осведомился в Нижней палате о последних беспорядках в Смирне. Лорд Джон Россель ответил, что хотя он и слышал о насильственном похищении венгерского эмигранта австрийским консулом, но ему все же абсолютно ничего неизвестно о том, что Австрия потребовала выдачи всех венгерских и итальянских эмигрантов. Лорд Джон отвечает на запрос всегда в шутовском стиле и так, как ему наиболее выгодно. Он никогда не получает официальных сообщений и никогда не читает в газетах того, что он должен был бы прочитать или знакомства с чем от него можно было ожидать. «Кельнская газета» приводит в письме из Вены, датированном 11 июля, следующий отчет об инциденте в Смирне.

«Шекиб-эфенди был послан в Смирну, чтобы произвести расследование о виновниках восстания, в котором погиб барон Гакельберг. Шекиб получил также приказ выдать Австрии эмигрантов австрийского или тосканского происхождения. Г-н Броун, поверенный в делах Соединенных Штатов, вел по этому поводу с Решидопашей переговоры, результат которых еще неизвестен. Я только что слышал, что убийца графа Гакельберга получил от американского консула в Смирне паспорт, делающий его недосягаемым для турецких властей. *Этот факт показывает, что Соединенные Штаты намерены вмешаться в европейские дела.* Определенно известно также, что три американских военных судна находятся в Босфоре при турецком флоте и что американский фрегат «Кумберлэнд» доставил турецкому правительству 80 миллионов пиастров». Сколько ни было бы правды или неправды в этих или подобного рода слухах, они все же свидетельствуют об одном, а именно, что повсюду ожидают вмешательства Америки и что оно даже частью английской публики рассматривается в благоприятном свете. Поведение американского капитана и консула приветствуется в публичных собраниях с большим одобрением, и вчера в «Advertiser» некий «Англичанин» (Englishman) закликает «звездное знамя» (американский флаг) явиться в Средиземное море и так пристыдить грязного старого «союзного Джека» — британский флаг, — чтобы он решился на какое-либо действие.

Резюмируем же сущность восточного вопроса. Царь, недовольный и озлобленный тем, что вся его громадная империя ограничена одной только единственной гаванью для вывоза, лежащей к тому же у моря, которое в продолжение одного полугодия несудоходно, а в продолжение другого полугодия доступно англичанам, — берется

за осуществление плана своих предков: получить доступ к Средиземному морю. Одну за другой отделяет он от тела Оттоманской империи ее наиболее отдаленные части и собирается продолжать таким образом, пока, наконец, Константинополь — сердце — не перестанет биться. Всякий раз, как он замечает, что его видам на Турцию угрожает заметное усиление турецкого правительства или еще более опасные симптомы самоосвобождения славян, он заново повторяет свои периодические нападения. Рассчитывая на трусость и боязливость западных держав, он запугивает Европу и предъявляет такие высокие требования, какие только возможно, чтобы явиться затем великодушным, удовлетворившись тем, чего он, собственно говоря, с самого начала и хотел непосредственно достигнуть.

С другой стороны, западные державы, неустойчивые, малодушные, всегда взаимно друг другу не доверяющие, всегда сначала поощряют султана к сопротивлению царю, агрессивности которого они боятся, а кончают тем, что вынуждают султана к уступкам, боясь, что всеобщая война может привести ко всеобщей революции. Слишком слабые и трусливые, чтобы взяться за восстановление Европейской Турции путем основания греческой империи или федеративной республики славянских штатов, они направляют все свои стремления только на поддержание status quo, т. е. той стадии разложения, которая мешает султану освободиться от царя, а славянам — от султана.

Революционная партия может себя только поздравить с таким положением дел. Унижение реакционных западных правительств и их явная неспособность защитить интересы европейской цивилизации против русских покушений должны безусловно вызвать целительное негодование в народах, которые, начиная с 1849 г., принуждены были подчиниться господству контр-революции. Этот полуазиатский хаос действует на приближающийся промышленный кризис ускоряющим образом, как и вполне азиатский хаос в Китае. Поднимаются цены на рожь, дела в общем приостанавливаются, одновременно вексельный курс становится для Англии неблагоприятным, и золото начинает течь на континент. Между 9-м июня и 14-м июля золотая наличность Английского банка упала на 2 200 000 фунт. стерл., что составляет большую сумму, чем весь приход последних трех месяцев.

ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ.

Лондон, 29 июля 1853 г.

Вот и последняя из конституций 1848 г. уничтожена государственным переворотом датского короля. Страна получила конституцию от русских и осуждена, благодаря отмене *lex regia* (королевского закона), стать русской провинцией. В одном из моих ближайших писем я расскажу о состоянии дел в Дании.

«Наша политика заключается в следующем: нужно постараться, чтобы в течение ближайших четырех месяцев ничего не произошло, и я надеюсь, что нам это удастся, так как люди, вообще говоря, предпочитают выжидать, но пятый месяц должен быть богат событиями».

Так писал 28 ноября 1828 года граф Поццо-ди-Борго графу Нессельроде, и граф Нессельроде теперь действует по этому рецепту. В то время как военная узурпация княжеств русскими была завершена захватом в них гражданского управления, в то время как один полк за другим вступает в Бессарабию и Крым, в это самое время Австрии намекают, что ее посредничество, может быть, будет принято, а Бонапарту дают понять, что его предложения, вполне возможно, нашли бы благоприятный прием у царя. Министрам в Париже и Лондоне рисуют радостную перспективу, что Николай, наконец, милостиво соизволит принять их извинения. Дворы Европы, подобно султаншам, с замиранием сердца ждали, кому из них бросит платок великодушный повелитель всех православных. В таком состоянии Николай держал всех в течение ряда месяцев, затем вдруг объявил, что ни Англия, ни Франция, ни Австрия, ни Пруссия не должны вмешиваться в его конфликт с Турцией и что он хочет вести переговоры только с ней одной. Очевидно, он именно для того и отозвал свое посольство из Константинополя, чтобы облегчить эти самые переговоры с Турцией. В то время как он, с одной стороны, объявляет, что державы не должны вмешиваться в русские дела, мы узнаем, с другой стороны, что представители Франции, Англии, Австрии и Пруссии убивают время на совещания в Вене для выработки

проектов разрешения восточного вопроса, причем, однако, ни турецкий, ни русский посол не принимают участия в этих шутовских конференциях. 8 июля султан назначил министерство из сторонников войны, чтобы освободиться от этого вооруженного давления, но лорд Редклифф заставил его еще в тот же вечер дать этому кабинету отставку. Это настолько лишило его присутствия духа, что он изъявил намерение послать в Петербург австрийского курьера, чтобы запросить царя, не хочет ли он снова начать переговоры. От возвращения этого курьера и привезенного им ответа будет зависеть поездка в Петербург самого Решид-паши. Из Петербурга он должен послать в Константинополь новые ноты с предложениями; эти новые ноты пойдут обратно в Петербург, и все это окончательно решится только тогда, когда в Константинополе получится последний ответ из Петербурга. А между тем наступит пятый месяц, и никакой флот не сможет войти в Черное море. Тогда царь преспокойно перезимует в княжествах, где он платит теми же обязательствами, которые и теперь еще остались в обрещении от его прежних оккупаций, начиная с 1820 года.

Известно, что сербский министр Гарашанин был отставлен от своего поста по настоянию России. Ободренная этой первой победой, Россия настаивает теперь на том, чтобы отставку получили все антирусские офицеры. Эту меру предполагается распространить также на правящего князя Александра, чтобы заместить его князем Михаилом Обреновичем, послушным орудием России и русских интересов. Чтобы избежать этого бедствия, а отчасти под влиянием Австрии, князь Александр пошел против султана и объявил, что желает сохранять строжайший нейтралитет. Русские интриги в Сербии изображаются в парижской «Presse» следующим образом: «Всем известно, что русское консульство в Оршове — захудалой деревушке, в которой нет ни одного русского подданного и которая расположена среди чисто сербского населения, — нечто совершенно жалкое, но сейчас оно служит центром для московитской пропаганды. Судебным расследованием установлено, что Россия причастна как к Браиловскому делу 1840 года, так и к делу Иоанна Лутцо 1850 года, равно как и к недавнему делу об аресте четырнадцати русских офицеров, послужившему причиной отставки министерства Гарашанина. Точно так же известно, что князь Меншиков во время своего пребывания в Константинополе затевал через своих агентов подобного же рода интриги в Бруссе и Смирне, равно как и в Салониках, Албании и Греции».

Нет более примечательной черты в русской политике, чем это

традиционное постоянство не только в целях, но и в тех способах, при помощи которых она стремится их достигнуть. В теперешнем восточном вопросе нет ни одного затруднения, ни одних переговоров, ни одной официальной ноты, которых нельзя было бы найти на уже известных страницах истории. В своих теперешних переговорах с султаном Россия может сослаться только на Канарджийский договор, хотя этот договор отнюдь не предоставлял царю протектората над его единоверцами, но лишь дал ему право соорудить часовню в Стамбуле и просить султана быть милостивым к своим христианским подданным. Это совершенно правильно отметил и Решид-паша в своей ноте к царю от 14 сего месяца. Но когда, в 1774 году, Россия подписывала этот договор, она уже знала, что наступит день, когда она начнет истолковывать его в смысле 1853 года.

Тогдашний австрийский интернунций при Оттоманской Порте, барон Тугут, писал в 1774 г. своему двору: «Отныне Россия будет стремиться из своих гаваней на Черном море делать наступление на Константинополь всякий раз, когда найдет для этого благоприятные обстоятельства и будет в состоянии сделать это без долгих приготовлений. В этом случае, без сомнения, разразился бы уже заранее подготовленный заговор с главами греческой церкви, и султану не осталось бы ничего иного, как, при первом известии об этом русском выступлении, покинуть свой дворец, бежать в глубь Азии, предоставив трон Европейской Турции более опытному властителю. Как скоро будет завоевана столица, терроризм и помощь верных греческих христиан, без сомнения, с легкостью приведут под русский скипетр Архипелаг, берег Малой Азии и всю Грецию до берегов Адриатики. Владение этими столь богато одаренными природой странами, с которыми по богатству и плодородию почвы не может сравниться никакая другая часть света, приведет Россию к такому могуществу, которое затмит все чудеса, рассказываемые историей про великолепие древних монархий». Россия пыталась уже в 1774 г. возбудить честолюбие Австрии перспективой присоединения Боснии, Сербии и Албании. Тот же барон Тугут пишет об этом следующее: «Подобного рода расширение границ Австрии не вызвало бы соперничества со стороны России. Основание к этому лежит в том, что притязания Австрии на Боснию, Сербию и т. д. имели бы величайшую важность для России при других обстоятельствах, но были бы лишены для нее всякого значения после того, как в ее руки попала бы остальная часть Оттоманской империи. Ведь жители этих провинций почти исключительно магометане и грече-

ские христиане: первые не были бы терпимы в качестве постоянных жителей, последние же, принимая во внимание близкое соседство восточной Русской империи, не замедлили бы переселиться туда; а если бы они и остались на месте, то их вероломство по отношению к Австрии вызвало бы длительные конфликты. Присоединение же к Австрии областей, в которых нельзя опереться на внутренние силы, послужило бы только к тому, чтобы ослабить власть австрийского императора вместо того, чтобы усилить ее».

Желая продемонстрировать традиционную политику России вообще и ее виды на Константинополь в частности, политики обычно ссылаются на завещание Петра I. Но они могли бы отправиться еще и дальше в глубь истории. Более восьми веков тому назад Святослав, бывший тогда еще языческим великим князем России, заявил на собрании своих бояр, что «под владычество России должны попасть не только болгары, но и Греческая империя в Европе вместе с Богемией и Венгрией». Святослав завоевал Силистрию и угрожал Константинополю в 967 году от Рождества Христова, так же как это делал Николай в 1828 г. Вскоре после основания русского государства династия Рюриковичей перенесла свою столицу из Новгорода в Киев только для того, чтобы быть ближе к Византии. В одиннадцатом веке Киев подражал во всем Константинополю, и его называли *вторым Константинополем*; в этом имени выражалось неотступное стремление России. Религия и цивилизация России — византийского происхождения, и ее стремление подчинить себе Византийскую империю, находившуюся тогда в таком состоянии разложения, как теперь Османская империя, было гораздо более естественным, чем стремление германских императоров подчинить себе Рим и Италию. Единообразие в целях русской политики дано поэтому ее историческим прошлым, ее географическими условиями и необходимостью иметь открытые гавани в Архипелаге и Балтийском море, если она хочет поддержать свое преобладание в Европе. Но те традиционные приемы, при помощи которых Россия преследует свои цели, далеко не заслуживают того преклонения, с которым к ним относятся европейские дипломаты. Хотя успех этой унаследованной политики является доказательством слабости западных держав, но в то же время в стереотипной однообразности этой политики обнаруживается внутреннее варварство России. Кому не показалось бы курьезным, если бы Франция пожелала строить свою политику на основании завещания Ришелье или согласно капитуляриям Карла Великого? Если просмотреть самые знаменитые документы русской дипломатии, то невольно приходишь к заключению, что хотя она и в высшей

степени хитро, остроумно, лукаво и ловко умела отыскивать слабые стороны европейских королей, министров и дворов, но ее мудрость регулярно терпела крушение, когда дело шло о том, чтобы понять исторические движения самих западно-европейских народов. Князь Ливен обнаружил совершенно правильное понимание характера доброго Эбердина, когда рассчитывал на его слабость по отношению к царю, но он основательно ошибся в английском народе, когда предсказывал продолжение владычества ториев накануне движения за реформу 1831 года. Граф Поццо-ди-Борго судил вполне правильно о Карле X, но оценивал совершенно ложно французский народ, когда побуждал своего «августейшего повелителя» вступить в переговоры насчет раздела Европы с этим королем, которого на следующее утро народ прогнал из Франции. Русская политика своими традиционными кознями, хитростями и уловками может импонировать европейским дворам, которые сами держатся только на традиции, но она совершенно бессильна против революционных народов.

В Бейруте американцы вырвали еще одного венгра из когтей австрийского орла. То обстоятельство, что американское вмешательство в европейские дела начинается именно с восточного вопроса, собственно говоря, весьма забавно. Помимо коммерческого и военного значения, которым Константинополь обязан своему географическому положению, существует еще ряд других важных соображений, благодаря которым за обладание Константинополем ведется упорный и горячий спор между Востоком и Западом. А Америка является самой юной и сильной представительницей Запада.

Константинополь, это — вечный город, это — Рим Востока. Западная цивилизация и восточное варварство при греческих императорах, восточное варварство и западная цивилизация при господстве турок так тесно переплелись между собою, что этот центр теократической империи стал настоящей преградой для распространения европейского прогресса. Когда греческие императоры были вытеснены иконийскими султанами, дух старой Византийской империи пережил эту перемену династий, и если султан когда-нибудь будет замещен царем, то вновь возродившаяся Восточная Римская империя будет иметь еще более деморализующее влияние, чем при императорах древности, и станет более агрессивной и более сильной, чем при султанах. Царь дал бы византийской цивилизации то, что давали императорам Восточной Римской империи в течение веков русские искатели приключений, — гвардейский корпус. Вопрос о борьбе между Западной Европой и Россией за обладание Константинополем приводит к вопросу о том, уступит ли византизм свое место западной

цивилизации или же его губительное могущество снова оживет в более ужасных и насильственных формах, чем когда-либо раньше. Константинополь, это — золотой мост между Востоком и Западом, и западная цивилизация, подобно солнцу, не может обойти вокруг мира, не пройдя через этот мост; а через этот мост нельзя пройти без борьбы с Россией. Константинополь в руках султана, это — только залог, хранимый для революции, и нынешние номинальные представители Западной Европы, видящие, с своей стороны, последний оплот своего «порядка» на берегах Невы, не могут сделать ничего иного, как оставить вопрос нерешенным до тех пор, пока Россия не очутится лицом к лицу со своим настоящим противником — революцией. Революция, которая низложит западный Рим, победит также демоническое влияние восточного Рима.

ДЕЙСТВИЯ РОССИИ. — ДАНИЯ. — СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЕВРОПА.

Лондон, 5 августа 1853 г.

Русский император нашел новый повод для удержания за собой Дунайских княжеств. Отныне они нужны ему уже не как материальная гарантия его духовных устремлений и не как возмещение за издержки по их оккупации, — нет, теперь он должен их оккупировать ввиду «внутренних беспорядков», согласно условиям Балта-Лиманского договора. И так как русские действительно все перевернули в княжествах вверх дном, наличие внутренних беспорядков отрицать не приходится. В заседании палаты лордов от 2 августа лорд Кларендон подтвердил то, что я писал в моем последнем письме о воспрещении господам пересылать в Константинополь следуемые с них податные сборы и вообще поддерживать дальнейшие сношения с Турцией. Лорд Кларендон заявил с преважным видом и весьма торжественно, что он «предпишет сэру Гамильтону Сеймуру через курьера, выезжающего из Лондона сегодня ночью, потребовать у русского кабинета *объяснений*, на которые Англия имеет право». Пока Кларендон шлет гонцов в Петербург с требованием *объяснений*, «Patrie» печатает в сегодняшнем номере известие из Ясс от 20-го п. м. о том, что русские укрепляют Бухарест и Яссы; что господа Молдавии и Валахии поставлены под надзор русского контрольного органа, состоящего из трех членов; что с населения взимается дань натурой и что некоторые непокорные бояре забраны в русские полки. Таково «объяснение» манифеста князя Горчакова, возвестившего, что «его августейший повелитель не намеревается изменять правительственные учреждения страны, и присутствие его войск не возложит на население никаких новых поборов и тягот».

В заседании палаты общин от того же дня лорд Джон Россель в ответ на запрос лорда Дедли Стюарта, сообщил, что четыре державы договорились в Вене совместно обратиться к царю с предложением, «приемлемым» как для России, так и для Турции, и что это предложение передано уже в Петербург. Отвечая Дизраэли, лорд

Дж. Россель сказал: «Предложение является фактически *австрийским*, хотя оно первоначально исходило от французского правительства». Этот француз по происхождению, натурализованный в Австрии, весьма подозрителен, и «*Neue Preussische Zeitung*» дает в одном письме из Вены следующее «объяснение»: «Русский и австрийский кабинеты окончательно решили между собой не допускать преобладания английского влияния на Востоке». По поводу объяснений коалиционного министерства «*Englishman*» замечает, что это министерство «велико в своем уничижении, могущественно в своем бессилии и весьма красноречиво в своем молчании».

В случае руссификации Молдавии и Валахии, оказались бы окруженными русскими владениями Галиция, Венгрия и Трансильвания.

Я говорил в одном из предшествующих писем о тайном кладе Петербургского банка, металлический запас которого втрое превышает бумажное обращение. И вот, русский военный министр возбудил ходатайство о переводе части этого запаса в кассу военного ведомства. Так как министр финансов возражал против этого, император обратился самолично к святейшему синоду, блюстителю церковной собственности, за ссудой в 60 миллионов рублей. Пока царь ищет денег, его войска теряют здоровье. Из достоверного источника сообщают, что войска, оккупирующие княжества, жестоко страдали от жары во время похода, что число больных солдат необычайно велико и что множество частных домов в Бухаресте и Яссах превращены в госпитали.

«*Times*» выступил вчера против захватнических видов России на Турцию, но в то же время попытался прикрыть ее интриги в Дании. Газета работает на своего августейшего повелителя даже тогда, когда лицемерно выступает против него.

«Мы не верим, — говорит «*Times*», — уверениям, будто русскому кабинету удалось подчинить своему влиянию копенгагенский двор, и мы считаем совершенно неправильным утверждение, что датское правительство решило под русским влиянием отменить или ухудшить конституцию 1849 г. Датское правительство опубликовало, правда, законопроект о *кое-каких изменениях* существующей конституции, но этот законопроект будет представлен на обсуждение и голосование палат, как только они соберутся; он отнюдь не вводится в действие властью короля».

Раздробление Законодательного собрания на 4 отдельных провинциальных феодальных ландтага, отмена права самообложения, уничтожение всеобщего избирательного права, уничтожение свободы печати, замена свободной конкуренции замкнутыми гильдиями

и лишение всего класса чиновников, т. е. единственного образованного класса Дании, пассивного избирательного права, которое может быть теперь предоставляемо им в каждом отдельном случае лишь с дозволения короля, — это вы называете «некоторым изменением конституции?» Вы также можете назвать рабство легким видоизменением свободы. Правда, датский король не осмелился обнародовать этот новый «основной закон», как закон. Он лишь послал палатам, по примеру восточных султанов, шелковый шнур с приказанием удавиться. Подобного рода предложение всегда внушает опасение, что если ему не подчинишься добровольно, оно будет приведено в исполнение силой.

Это относится к «некоторым изменениям конституции». Теперь о «русском влиянии».

Как возник конфликт между датским королем и датскими палатами? Король предложил отменить *lex regia* (королевский закон), т. е. существующий закон о престолонаследии в Дании. Кто побудил его на этот шаг? Россия, — как вы увидите из ноты графа Нессельроде от 11 мая 1853 г., приведенной в моем последнем письме. Кто выиграет от отмены *lex regia*? Никто кроме России: *lex regia* допускает наследование трона по женской линии. С отменой его родственники по мужской линии устранят от всех претензий на наследование престола всех родственников по женской линии, до сих пор стоявших на их пути. Вы знаете что датское королевство, кроме собственно Дании, т. е. островов и Ютландии, включает в себя также и два герцогства — Шлезвигское и Голштинское. Престолонаследие и в самой Дании, и в Шлезвиге регулируется *lex regia*, тогда как герцогство Голштинское, будучи германским леном, передается исключительно по мужской линии, согласно *lex salica* (Салической правды). С отменой *lex regia* порядок престолонаследия в Дании и Шлезвиге, с одной стороны, и в германском герцогстве Голштинском, с другой, отождествляются, и русский император, имеющий ближайшее право на Голштейн, как представитель голштейн-готторпского дома, приобретает, в качестве старшего родственника по мужской линии, также и право претендовать на трон Дании. В 1848—50 гг., при поддержке русских нот и русского флота, Дания воевала с Германией за сохранение *lex regia*, не позволявшего Шлезвигу объединиться с Голштейном и отделиться от Дании. Победив германскую революцию под предлогом *lex regia*, царь, отменой того же закона, конфискует демократическую Данию. Скандинавы и германцы таким образом на опыте узнали, что каждый из них не должен базировать свои национальные права на феодальных законах

о королевском престолонаследии. Германцы и скандинавы, представители одной и той же великой расы, хорошо убедились в том, что, ссорясь друг с другом, вместо того, чтобы быть союзниками, они лишь расчищают путь для своих наследственных врагов — славян.

Великое событие дня — появление американской политики на европейском горизонте. Встреченный дружелюбно одними и проклинаемый другими, этот факт признается всеми.

«Австрия должна будет добиваться раздела Турецкой империи, чтобы вознаградить себя за возможную потерю своих итальянских провинций, — потерю, которая отнюдь не стала менее вероятной после ссоры, так безрассудно затеянной ею с дядей Самом. Американская эскадра в Адриатическом море чрезвычайно осложнила бы итальянское восстание, а мы вполне можем дожить до такого сюрприза, ибо англо-саксонский дух еще не умер на Западе».

Так пишет «Morning Herald», старый орган английской аристократии.

«Инцидент с Костой, — говорит парижская «Presse», — еще далеко не исчерпан. Нам сообщают, что венский кабинет потребовал у вашингтонского кабинета удовлетворения, которого он наверное не получит. А пока Коста остается под охраной французского консула».

«Мы должны избегать встречи с янки, этим наполовину пиратом, наполовину лесным человеком, но уже никак не джентльменом», — шепчет венская «Presse».

Немецкие газеты ворчат по поводу тайного договора, заключенного будто бы между Соединенными Штатами и Турцией на следующих условиях: Турция получает деньги и морскую помощь, а Соединенные Штаты — порт Энос в Румелии, что дало бы американской республике прочную и удобную торговую и военную базу в Средиземном море.

«Смирнский конфликт между американским правительством и австрийским, вызванный арестом эмигранта Косты, — говорит брюссельская «Emancipation», — будет когда-нибудь отнесен к числу важнейших событий 1853 г. По сравнению с этим фактом оккупация Дунайских княжеств и маневры западной дипломатии и соединенных флотов в Константинополе нужно отнести на второй план. Смирнский инцидент знаменует собою начало новой исторической эры, между тем как константинопольские события — только распутивание старого вопроса, близкого к исчезновению».

В одной итальянской газете, «Il Parlamento», напечатана передовая статья под заглавием «Американская политика в Европе». Я приведу из этой статьи следующий отрывок в дословном переводе:

«Всемирно известно, — говорит «Parlamento», — что Соединенные Штаты давно уже пытались приобрести морскую станцию в Средиземном море и в Италии, особенно в такие моменты, когда возникали осложнения на Ближнем Востоке. Так, например, в 1840 г., когда был поднят египетский вопрос и совершенно было нападение на Акку, правительство Соединенных Штатов безуспешно просило короля обеих Сицилий о временной уступке ему большого Сиракузского порта. В настоящий момент стремление Северной Америки вмешаться в европейские дела неизбежно должно усилиться и стать более настоятельным. Не подлежит ни малейшему сомнению, что нынешнее демократическое правительство Союза проявляет самое живое сочувствие к жертвам итальянской и венгерской революций, что его нисколько не тревожит разрыв дипломатических сношений с Австрией и что в Смирне оно поддержало свою политику артиллерийской угрозой. Было бы несправедливо негодовать на эти устремления великой заатлантической нации или называть их нелепыми или смешными. Американцы, разумеется, не собираются завоевывать Восток и затевать сухопутную войну с Россией. Но если Англия и Франция пускают в ход свои лучшие морские силы, почему бы не делать того же американцам, особенно когда они приобретут морскую станцию — опорный пункт и продовольственную базу в Средиземном море? Дело идет об очень важных для них интересах, поскольку республиканские элементы непримиримо враждебны казакам. Торговля и судоходство настолько расширили узаконенные сношения и связи между всеми народами земного шара, что теперь уже ни один народ не может считать себя чужеземцем в любом море старого или нового континента или посторонним в любом большом вопросе, вроде вопроса о судьбах Оттоманской империи. Американская торговля и американцы, ведущие ее на берегах наших морей, требуют охраны своего национального флага, а чтобы эта охрана была прочной и действенной во все времена года, им нужен порт для их военного флота, который занимает уже третье место среди флотов морских держав. Если Англия и Франция прямо вмешиваются во все, что касается Панамского перешейка, если первая из этих держав додумалась до изобретения в Центральной Америке «короля москитов», чтобы противопоставить права туземцев действиям Соединенных Штатов, если они окончательно договорились о том, что дорога из Атлантического океана в Тихий океан должна быть открыта для всех народов и находится в руках нейтрального государства, — то не очевидно ли, что и Соединенные Штаты должны иметь право на

такую же бдительную охрану свободы и нейтралитета Суэцкого канала, должны зорко следить за распадом Оттоманской империи, который может привести к полному или частичному переходу Египта и Ливии под владычество какой-нибудь первоклассной державы? Суэц и Панама — два великих пути на Восток; закрытые до сих пор, они в будущем будут конкурировать друг с другом. Лучший способ обеспечить себе преобладание в трансатлантическом вопросе заключается во вмешательстве в средиземный вопрос. Мы уверены, что американские военные суда, крейсирующие неподалеку от Дарданелл, не откажутся от своего права войти в них в любую минуту, не связывая себя ограничительными условиями, выработанными великими державами в 1841 г., — и именно на том неоспоримом основании, что американское правительство не участвовало в выработке этих условий. Европа изумлена такой смелостью, потому что она привыкла со времени мирного договора 1783 г. смотреть на Соединенные Штаты как на швейцарские кантоны после Вестфальского мира, т. е. как на страну, существование которой юридически признается, но которой было бы затруднительно дать место в аристократическом кругу старых держав и предоставить право голоса в вопросах общей политики. Но по ту сторону океана англо-саксонская раса, достигшая высших степеней богатства, цивилизации и могущества, не может более мириться с тем скромным положением, которое было ей уделено в прошлом. Давление американского Союза на ареопаг пяти великих держав, бывших до сих пор властителями судеб земного шара, является новой силой, которой суждено содействовать падению исключительной системы, созданной венскими трактатами. А пока республика Соединенных Штатов не завоевала себе положительных прав и официального места на конгрессах, решающих общие политические вопросы, она осуществляет с большим величием и с особым достоинством гуманное действие естественных прав и *jus gentium* (право народов). Ее знамя охраняет жертвы гражданских войн без различия политических партий, и во время великого пожара 1848 — 1849 гг. гостеприимный американский флот ни разу не подчинился никаким унижительным требованиям».

РУССКО-ТУРЕЦКИЙ КОНФЛИКТ И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ. — РУССКОЕ ВЛИЯНИЕ ПРИ АНГЛИЙСКОМ ДВОРЕ.

Лондон, 12 августа 1853 г.

Из только что полученных константинопольских газет мы узнаем, что манифест султана к его подданным появился 1 августа, что русский консул в Адрианополе получил из Петербурга приказ выехать из Турции, что остальные русские консулы ждут подобных же приказов и что константинопольские газеты запрещены в княжествах. Смирнская газета «Impartial» печатает от 1 августа следующее сообщение относительно Персии:

«Персидский шах, ознакомившись с сообщенным ему, по его просьбе, содержанием переписки между Портой и русским кабинетом по поводу настоящего конфликта, официально заявил, что право на стороне Порты и что в случае войны он честно станет на ее защиту. Это известие произвело сильное впечатление на русского посланника в Герате, который заявил о своем намерении потребовать паспорта».

О содержании предложения, сделанного России и принятого царем, согласно таинственной депеше из Петербурга, усердно гадает вся европейская печать. Пальмерстоновская «Morning Post» пишет:

«25 июля г-н Мейендорф вручил своему императору если не формальные предложения (принятые на Венской конференции), то во всяком случае отчет о том, что происходило на конференции от 24-го... Мы едва ли ошибемся, если скажем, что вопрос разрешен таким образом, что обеспечивает полную независимость и целостность Оттоманской империи. Способ соглашения предполагается такой: Решид-паша передаст графу Нессельроде ноту, к которой приложит фирманы, предоставляющие православным подданным султана даже еще больше привилегий, чем того требовала Россия. Он наговорит много почтительных вещей царю и заверит его в наилучшем отношении султана к своим подданным, которым он даровал такие-то и такие-то права. Эта нота будет вручена турецким послом, и вопрос будет исчерпан... 10 сентября последний русский солдат перейдет через Прут».

С другой стороны, частные письма из Вены, намекающие на появление русских канонерок выше места слияния Прута и Дуная, подтверждают то, что я писал в моем последнем письме, — именно что посланные в Петербург предложения вовсе не требуют вывода русских войск из княжеств, что эти предложения исходят от австрийского кабинета, к которому обратился за посредничеством, после отклонения царем французских и английских предложений, английский посол в Вене, этот «истинный друг всеобщей гармонии», и что эти австрийские предложения дают России желанную возможность затягивать переговоры *ad infinitum* (до бесконечности). По сведениям полуофициальной франкфуртской «*Ober-Postamtszeitung*», Россия согласилась лишь на то, чтобы Австрия просветила Турцию насчет ее собственных интересов.

Еженедельная газета «*London Press*», инспирируемая Дизраэли и несомненно наиболее осведомленная в области министерских секретов, напечатала в прошлую субботу, — стало быть, до прибытия петербургской депеши, — следующее любопытное сообщение:

«Нам стало известно, что в частных и конфиденциальных кругах министры заявляют, что сейчас не только нет никакой угрозы войны, но всякая опасность, если таковая вообще существовала, давно уже устранена. Предложение, официально переданное Петербургу, было, повидимому, предварительно одобрено императором; и между тем как в своих публичных выступлениях британские министры говорят в тоне, пагубно отражающемся на хозяйственной жизни страны, в частном кругу они называют военную панику выдумкой, говорят, что мысль о войне никогда серьезно не вставала ни перед одной из держав, и уверяют, что все это недоразумение окончательно улажено в течение последних трех недель». Что все это значит, в чем тайна этого поведения?

Предложения, находящиеся сейчас в Петербурге и одобренные императором еще до их официальной передачи, сводятся к требованию, чтобы Турция уступила России по всем пунктам, отказ от выполнения которых вызвал настоящий конфликт между обеими странами. Порта отказывалась выполнить эти пункты по совету и наущению Англии и Франции. По совету и наущению тех же двух держав эти пункты должны быть теперь, согласно последнему проекту, выполнены Портой. По форме кое-что изменилось, но по существу все осталось по-старому. Русский император, фактически учреждающий свой протекторат над основной массой населения Европейской Турции, должен только заявить, что он не посягает на верховные права султана. Какое великодушное соизволение!

Монархическая власть считается в Великобритании чисто номинальной, — и только поэтому с ней и мирятся все партии. Если вы спросите английского радикала, почему его партия не борется против прерогатив короны, он ответит: это — чисто декоративное учреждение, до которого нам нет дела. Он скажет вам, что королева Виктория только однажды посмела проявить собственную волю, именно во время пресловутой катастрофы со статс-дамами, когда она хотела оставить при себе свою ближайшую свиту из вигских дам, но была вынуждена уступить сэру Роберту Пилю и расстаться с ними. Однако ряд обстоятельств, связанных с восточным вопросом, — непонятная политика министерства, разоблачения иностранной прессы, частые приезды русских князей и княгинь в тот самый момент, когда Англию считали накануне войны с русским самодержавием, — упорно поддерживал слухи, что в продолжение всего восточного кризиса английский двор был в заговоре с Россией, сохраняя на министерском посту доброго старика Эбердина, парализуя выставляемый на показ союз с Францией и противодействуя тем мерам, которые официально принимались против русских захватов. Говорят о том, что португальская контр-революция была насильственно вызвана английским флотом исключительно в интересах Кобургского дома. Утверждают, что лорд Пальмерстон был удален из министерства иностранных дел в результате придворных интриг. Ссылаются на пресловутую дружбу королевы Виктории с герцогиней Орлеанской. Вспоминают о том, что королевский супруг есть Кобург и что дядя королевы тоже является Кобургом, чрезвычайно заинтересованным в качестве бельгийского короля и зятя Луи-Филиппа в падении Бонапарта и официально вошедшим в круг Священного союза после женитьбы его сына на австрийской эрцгерцогине. Наконец, сравнивают прием, оказываемый в Англии русским гостям, с арестами и утеснениями, которым подвергаются в последнее время английские путешественники в России.

Парижский «Siècle» выступил несколько недель тому назад против английского двора. Одна немецкая газета посвятила статью вопросу о кобургско-орлеанистском заговоре, который ради династических интересов навязал английскому министерству, через посредство короля Леопольда и принца Альберта, его нынешний курс, представляющий опасность для западных наций и поддерживающий тайные замыслы России. Брюссельская «Nation» поместила длинный отчет о состоявшемся в Лондоне совещании министров, на котором королева прямо заявила, что Бонапарт с его притязаниями на святые места является единственной причиной настоящих

осложнений, что русский император желает смирить не столько Турцию, сколько своего французского соперника, и что она никогда не даст своего королевского согласия на войну с Россией ради интересов Бонапарта.

«Morning Advertiser» осторожно намекнул на все эти слухи, которые нашли громкий отклик среди широкой публики и гораздо менее громкий в ежедневной печати.

«Не собираясь пускаться в слишком пространные догадки, — пишет «Leader», — отметим только следующие факты. Княгиня Ольга приехала в Англию со своим супругом и своей сестрой, герцогиней Лейхтенбергской, наиболее дипломатичной из дочерей императора. Она была встречена бароном Брунновым, и ей сразу же был оказан радушный прием *при дворе*, она была окружена представителями лучшего английского общества, не исключая и лорда Эбердина». Даже «Examiner», первая среди великосветских лондонских газет, сообщила о прибытии русских гостей под лаконическим заголовком: «*Снова русские*». В одной из своих передовиц газета пишет: «Теперь не существует решительно ни одной причины, почему бы «Обществу мира» не появиться вновь на сцену, в наилучшем виде, *под покровительством его королевского высочества принца Альберта*». Более прямого намека такая газета, как «Examiner», не может себе позволить. Статья, из которой я взял последнюю цитату, заканчивается сопоставлением английской монархии с заатлантической республикой: «Если американцы мечтают занять то место, которое когда-то занимали в Европе мы, то нас это не касается. Пусть они пожинаяют в настоящем почет, а в будущем — выгоды от того, что они настаивали на соблюдении международного права и заслужили славу защитников слабых против сильных. Англии нужно только, чтобы консоли шли по нарицательной цене и чтобы ее берега были обеспечены от вторжения вражеской армии».

Внесенный лордом Пальмерстоном *билль о мерах борьбы с хлопью* прошел через второе чтение. Если этот законопроект получит силу закона, столица Англии преобразится, и в Лондоне не будет больше ни одного грязного дома, кроме палаты лордов и палаты общин.

УРКАРТ. — БЕМ. — ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС В ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЕ.

Лондон, 16 августа 1853 г.

Давид Уркарт опубликовал по восточному вопросу четыре письма, имеющие целью рассеять четыре заблуждения: первое относится к вопросу о тождестве греческой и русской церкви; второе касается дипломатического спора между Англией и Россией; третье говорит о возможности войны между Англией и Россией, а четвертое касается иллюзии, будто Англия и Франция — союзники. Так как я в ближайшем будущем собираюсь подвергнуть эти письма подробному разбору, то я ограничусь в данный момент сообщением вам следующего письма Бема к Решиду-паше, — письма, впервые опубликованного господином Уркартом.

«Monseigneur! Так как еще не получен приказ относительно моего пребывания в Константинополе, я считаю своей обязанностью доложить вашей светлости некоторые соображения, которые я считаю не терпящими отлагательства. Я начинаю с заявления, что турецкие войска, которые мне удалось видеть, — кавалерия, пехота и полевая артиллерия, — превосходны. Выдержка, дисциплинированность и воинский дух не могут быть лучше. Конница превосходит всякую другую европейскую кавалерию. Неоценимое значение имеет желание всех офицеров и всех солдат сражаться с русскими. С такими войсками я бы смело взялся напасть на вдвое более многочисленное русское войско и остаться победителем. А так как Османская империя в состоянии выставить против России больше войск, чем эта держава, со своей стороны, может ей противопоставить, то ясно, что султан может иметь удовлетворение видеть возвращенными под свой скипетр все провинции, коварно отнятые у его предков московскими царями. Бем».

Австрийский министр иностранных дел послал всем европейским дворам ноту по поводу поведения американского фрегата «St. Louis» в деле с Костой; в этой ноте он открыто жалуется на американскую политику в целом. Австрия настаивает на своем праве задерживать

иностранцев на территории нейтральной державы, отрицая за Соединенными Штатами право предпринимать враждебные Австрии действия для их защиты.

В палате лордов в пятницу граф Мальмсбери не расспрашивал о тайнах Венской конференции и о сделанных ею предложениях царю и не осведомлялся подробнее о теперешнем состоянии переговоров; его любопытство касалось больше прошлого и носило, так сказать, археологический характер. Он не пожелал ничего другого, как «простого перевода» обоих манифестов, с которыми император обратился в мае и июне к своим дипломатическим агентам и которые были опубликованы в «С.-Петербургской газете»; его интересовал также ответ, «который должно было дать правительство ее величества на содержащиеся в этих манифестах утверждения». Граф Мальмсбери — не древний римлянин. Его чувствам ничто так не противоречит, как римский обычай выслушивать иностранных послов открыто перед *patres conscripti* (собранием сената). При этом он сам констатирует, что «оба русских циркуляра были обнародованы русским императором на его родном языке открыто перед всей Европой и что они появились также в газетах на английском и французском языках». Какую же цель должен преследовать их перевод с языка журналистов на язык писцов министерства иностранных дел? «Французское правительство ответило на циркуляры тотчас же и в подобающей форме... Английский ответ должен был, как нам сообщают, последовать вскоре за французским». Граф Мальмсбери, очевидно, очень жаждет узнать, какой вид примет обыкновенная проза Друэн-де-Люиса, когда она будет переведена на благородную прозу графа Кларендона.

Он увидел себя вынужденным напомнить своему «благородному другу» (лорду Кларендону), что Джон Булль после тридцати лет мира, спокойных торговых привычек и промышленных занятий стал «несколько нервным» в отношении войны и что эта нервность увеличилась со времени истекшего марта «вследствие того, что правительство в течение долгого времени продолжает окружать свои действия и переговоры глубокой тайной». Граф Мальмсбери делает свой запрос в интересах мира, но в интересах же мира молчит правительство.

Когда обнаружили первые признаки нападения России на Турцию, никто не был этим более возмущен, чем сам благородный граф. Он никогда не имел даже малейшего представления о видах России на Турцию. Он не хотел верить своим собственным глазам. Прежде всего, как согласовалось это с «честью русского императора»? Но разве увеличение империи могло когда-либо причинить

ущерб императорской чести? Затем, что случилось «с его консервативной политикой, которую он так настойчиво преследовал со времени революции 1848 г.?!» Правда, самодержец не имел ничего общего с этими безнравственными революциями. В особенности в 1852 году, когда благородный граф имел портфель министра иностранных дел, «ни один государь не делал более частых заверений и не обнаруживал более искреннего интереса к соблюдению договоров, связывающих Европу, и сохранению территориальных соглашений, существовавших в течение столь многих лет для счастья Европы». Не подлежит сомнению, что когда барону Бруннову удалось побудить графа Мальмсбери к подписанию договора от 8 мая 1852 г. о датском престолонаследии, он его уловил в свои сети неоднократными уверениями, что его высокий повелитель питает слабость ко всем существующим договорам. И когда он уговаривал графа, только что радостно приветствовавшего узурпацию Бонапарта, заключить тайный союз с Россией, Пруссией и Австрией против этого самого Бонапарта, он при этом особенно подчеркивал свое искреннее стремление к сохранению существующих территориальных соглашений.

Чтобы объяснить внезапную и неожиданную перемену в русском императоре, граф Мальмсбери подвергает психологическому анализу «новые впечатления, произведенные на *душу русского императора*». «Чувства императора, — так уверяет он, — были возбуждены поведением французского правительства в отношении гроба господня». Правда, Бонапарт, чтобы успокоить это возбуждение, послал в Константинополь господина Делакура, «особенно мягкого и миролюбивого человека». «Но, — продолжает граф, — повидимому, происшедшее уже не могло быть изглажено из души русского императора», и у него остался осадок горечи против Франции. Должно признать, что господин Делакур разрешил вопрос в окончательной форме и вполне удовлетворительно перед тем, как в Константинополь прибыл князь Меншиков. «Но, несмотря на это, впечатления в душе русского императора не изгладились». Эти впечатления и проистекавшее из них ошибочное представление были так сильны, «что император все еще подозревает Турцию в том, что она желает предъявить России такие требования, на которые она не имеет никакого права». Граф Мальмсбери сознает, что ни одному «человеческому существу», ни даже английскому лорду, невозможно «читать в душе человека»; однако «он считает себя способным объяснить эти удивительные впечатления в душе русского императора». Он говорит, что наступил тот момент, о котором в течение многих поколений внушали русскому народу, приучая его ожидать

«предопределенного часа, когда Россией будет завоеван Константинополь и восстановлена Византийская империя», что «нынешний император» разделяет «эти чувства». Первоначально проницательный граф намеревался объяснить упорное подозрение императора тем, что турецкое правительство намеревается нарушить его права; теперь же он объявляет, что император только потому «подозревает» Турцию, что считает наступивший момент наиболее подходящим для того, чтобы ее проглотить. Дойдя до этого места, благородный граф принужден был повернуть ход своих мыслей. Вместо того, чтобы следить за новыми «впечатлениями» в душе русского императора, влияющими на изменение старых отношений, он теперь ссылается на обстоятельства, заставившие честолюбивую душу царя и его унаследованные чувства в течение определенного времени «противостоять искушению». Эти обстоятельства заключаются в том замечательном факте, что граф Мальмсбери в один момент был «внутри правительства», а в другой раз — «вне» его. Когда он был «внутри», он первый не только признал Бустропа, но даже одобрил его клятвопреступления, убийства и насилия. Но после этого «газеты стали порицать покорную и пресмыкающуюся, как они называли ее, политику по отношению к французскому императору». Пришло коалиционное министерство, и с ним пришли сэр Дж. Грехем и сэр Чарльз Вуд, «которые осуждали в публичных собраниях политику и характер французского императора, а также и французский народ за то, что он выбрал себе этого принца своим государем». Затем последовала черногорская история, и коалиционное министерство «позволило Австрии настаивать на том, чтобы султан не применял в дальнейшем мер принуждения против восставших черногорцев и даже не обеспечил турецкой армии свободного и беспрепятственного отступления, в результате чего Турция потерпела урон в 1500 — 2000 человек». Последовавшее за этим отозвание полковника Роуза из Константинополя и промедление английского правительства в отправке одновременно с Францией своего флота в Безикскую бухту или Смирну произвели на русского императора впечатление, что народ и правительство Англии враждебно настроены по отношению к французскому императору и что между обеими странами невозможен никакой действительный союз.

Изобразив с тонкостью, которая сделала бы честь любому романисту, описывающему изменчивые чувства своей героини, последовательный ход событий, повлиявших на впечатлительную душу русского императора и совративших его со стези добродетели, граф Мальмсбери льстит себя надеждой, что путем тесного союза с угнетателем

французского народа ему удалось сломить старые предрассудки и антипатии, отчуждавшие в течение веков французский народ от английского, и поздравляет теперешнее правительство с тем, что оно унаследовало от него [графа] этот тесный союз с царем Запада и что оно пожинает посеянное ториями.

Он забывает, что это был тот самый сердечный союз, под знаком которого султан был принесен в жертву России, когда французский император поддержал коалицию; ибо этот французский Сулук жадно стремится только к тому, чтобы на плечах мусульман пробраться на какой-нибудь Венский конгресс и этим путем увеличить свой престиж. Но, поздравляя министерство с его тесным союзом с Бонапартом, он в то же время поносит политику, являющуюся плодом этого *mésalliance* (неравного брака).

Оставим теперь графа с его излияниями о значении целостности Турции, с его отрицанием упадка Турции, с его отказом в признании русского церковного протектората и с его упреками правительству в том, что оно вторжение в княжества не сочло поводом к объявлению войны и на переход через Прут не ответило посылкой своего флота. Он не сообщил ничего нового, кроме следующего письма князя Меншикова к Решиду-паше, которое написано перед самым отъездом из Константинополя и «дерзость которого является непревзойденной».

Буюк-дере, 9 мая.

В момент отъезда из Константинополя нижеподписавшийся русский посол узнал, что Высокая Порта объявила о своем намерении предоставить духовенству восточной церкви такие гарантии осуществления их духовных прав, которые поставили бы под сомнение сохранение других привилегий, которыми пользуется эта церковь. Каков бы ни был мотив этого решения, нижеподписавшийся считает себя вынужденным осведомить его светлость, министра иностранных дел, что всякое подобного рода заявление или другое действие, которое, сохраняя даже неприкосновенность чисто духовных прав православной восточной церкви, было бы все же направлено к тому, чтобы лишить силы признанные с незапамятных времен другие права, привилегии и иммунитеты религии и духовенства, — будет принято императорским кабинетом как акт, враждебный по отношению к России и ее религии.

Нижеподписавшийся остается и т. д., и т. д.

Меншиков.

Граф Мальмсбери «с трудом может поверить, чтобы русский император одобрил поведение князя Меншикова или его образ действия». Ноты Нессельроде, последовавшие за отъездом Меншикова, и русская армия, следовавшая за нотами Нессельроде, подтверждают очень хорошо эти сомнения.

«Молчаливый» Кларендон был вынужден, «как это ни было ему больно», «давать постоянно все тот же ответ», т. е. не давать

никакого ответа. Он считал «своим долгом перед обществом не произнести ни единого слова», которого бы он уже не сказал раньше, и заявить, «что он не может представить никаких сообщений и не может предъявить никаких депеш». Благородный лорд, таким образом, не мог прибавить ни одной иоты к тому, что нам было известно уже ранее. Его главная цель заключалась в том, чтобы установить, что в течение всего времени, когда австрийский и русский кабинеты вели свою наступательную политику, он был с ними в «постоянном общении».

Так, он находился в «постоянном общении» с австрийским правительством, когда последнее отпустило князя Лейнингена в Константинополь, а свои войска к границе, «опасаясь возмущения своих собственных подданных у границы». Так гласило, по уверению невинного Кларендона, «приведенное основание». После того как султан уступил Австрии и увел обратно свои войска, энергичный Кларендон опять находился в «общении с Австрией, чтобы обеспечить точное соблюдение договора». «Я полагаю, — продолжает лорд, — что он был соблюден, так как австрийское правительство уверяло нас, что дело обстоит именно так». Великолепно, милорд! Что касается сердечного соглашения (*Entente cordiale*) с Францией, то оно существует уже с 1815 г. Относительно решения, принятого английским и французским правительствами «об отправке их флотов», также не было ни тени разногласия. Бонапарт дал приказ своему флоту отправиться в Саламин, «так как он полагал, что там угрожает непосредственная опасность», и «хотя он, Кларендон, говорил, что опасность не столь велика и что французскому флоту нет необходимости покидать французские гавани», Бонапарт все же дал приказ об отплытии; но это обстоятельство не вызывает еще *ни малейшего разногласия*, так как «гораздо выгоднее и удобнее иметь один флот в Саламине и другой в Мальте, чем иметь один в Мальте и другой в Тулоне». Лорд Кларендон замечает далее, что ему доставляет удовлетворение тот факт, что когда Меншиков применял против Порты бесстыдные меры давления, «флот не получил приказа выйти в море; теперь никто не может утверждать, что турецкое правительство каким бы то ни было образом находилось под нашим влиянием».

После всего того, что случилось, представляется на самом деле вероятным, что султан должен был бы отступить, если бы флот получил тогда *приказ об отплытии*. Что касается «прощального письма» Меншикова, то хотя Кларендон и считает его корректным, «однако он полагает, что такой язык при дипломатических переговорах

с правительством, к счастью, является редким и, он (Кларендон) надеется, надолго «останется таковым». Что касается, наконец, вторжения в княжества, то «французское и английское правительства советуют султану пока отказаться от своего несомненного права рассматривать оккупацию княжеств как *casus belli*».

О длянщихся еще переговорах он может сказать только одно: «Сэр Гамильтон Сеймур получил нынешним утром официальное сообщение, что предложенные послами в Вене проекты будут приняты Россией, если они будут *несколько изменены*». Но он скорее согласится умереть, чем позволит себе сказать хотя бы одно слово об условиях соглашения.

Благородному лорду отвечали лорд Бомонт, граф Гардуик, маркиз Кланрикард и граф Элленборо. Ни один голос не раздался, чтобы поздравить правительство ее величества с направлением, принятым им в этих переговорах. Со всех сторон высказывались большие опасения, что политика министров была ошибочной, что они, как посредники, действовали в пользу России, вместо того, чтобы защищать Турцию, и что если бы Франция и Англия выступили своевременно и энергично, они находились бы в более выгодном положении, чем сейчас. Старый упрямый Эбердин ответил им, что «легко гадать о том, что могло бы случиться, после того, как события уже произошли, и говорить о том, что могло бы быть, *если бы действовали иначе*». Но наиболее поразительным и важным было следующее замечание: лорды должны помнить, что они не связаны никакими договорами; он отрицает, чтобы страна постановлениями какого-либо договора была обязана принять участие в каких бы то ни было враждебных выступлениях для поддержки Турецкой империи.

Когда Англия и Франция выказывали склонность вмешаться в не определившийся еще турецкий вопрос, тогда русский император не хотел и слышать о том, что договор 1841 года обладает обязательной силой, т. е. поскольку речь шла о его собственных отношениях к Порте и вытекающем отсюда праве на вмешательство западных держав. Но одновременно он, опираясь на тот же договор 1841 г., настаивал на недопущении в Дарданеллы военных судов других держав. Теперь лорд Эбердин подтверждает в публичном торжественном заседании парламента это наглое толкование договора, который русский самодержец соглашается признавать лишь тогда, когда Великобритания будет изгнана им из Черного моря.

ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС В НИЖНЕЙ ПАЛАТЕ.

Лондон, 18 августа 1853 г.

После того как лорд Джон Россель все откладывал со дня на день свои объяснения по турецкому вопросу, пока, наконец, не наступила последняя неделя парламентской сессии, он неожиданно выступил в прошлый понедельник с заявлением, что во вторник сделает свое так долго откладываемое сообщение. Секрет был в том, что благородный лорд узнал, что г-н Дизраэли в понедельник утром уехал из Лондона. Столь же неожиданно и сэр Чарльз Вуд, узнав, что сэра Дж. Пекингтона и его приверженцев нет на заседании, внес свой индийский билль, исправленный палатой лордов, и добился, пользуясь малочисленным составом палаты, единогласного утверждения закона о восстановлении соляной монополии. Такого рода мелочные и низкие плутни составляют главную силу парламентской тактики вигов.

Обсуждение восточного вопроса в Нижней палате было глубоко интересным зрелищем. Лорд Россель открыл представление в тоне, вполне достойном его роли. Этот крошечный гном, считающийся последним отпрыском некогда могущественного рода вигов, говорил скучно, тихо, сухо, монотонно и плоско, не как министр, а как уголовный хроникер, смягчающий описываемые им ужасы тривиальной, будничной и деловой формой изложения. То, что он говорил, было не «защитительной речью», а исповедью. Единственной примиряющей чертой в его речи была именно ее жесткость, которая, казалось, намеренно скрывала болезненные впечатления, причинившие страдание этому маленькому человеку. Даже неизбежная фраза о «независимости и неприкосновенности Оттоманской империи» звучала как устаревшее воспоминание, вкравшееся по ошибке в надгробную речь над этой империей. О впечатлении от этой речи, которая претендовала на разрешение восточной смуты, можно лучше всего судить по тому, что в Париже упали все бумаги, как только телеграф передал ее буквальный текст.

Лорд Джон был прав, утверждая, что правительство не нуждается

в его защите, ибо на него никто не нападал; напротив, палата обнаружила в полной мере склонность оставить за исполнительную властью ведение переговоров. И действительно, ни один член парламента не внес предложения, которое бы требовало от министерства вмешательства, и за стенами палаты не состоялось ни одного собрания, которое заставило бы каких-нибудь членов парламента внести подобное предложение. Если политика министерства была полна таинственности и мистификаций, то это произошло с молчаливого согласия парламента и общества. Что не публикуют документов, пока переговоры еще продолжаются, это, по уверению лорда Джона, — освященный веками закон парламентской традиции. Было бы утомительно следовать за ним в перечислении событий, которые всякому известны и которые в его изложении не становятся более интересными, ибо он не рассказывает, а перечисляет. Тем не менее, есть несколько важных пунктов, которые никем еще до лорда Джона не были официально установлены. До приезда князя Меншикова в Константинополь русский посол известил лорда Джона, что царь намеревается послать в Константинополь специальную миссию, которая должна заняться исключительно рассмотрением предложений по поводу святого креста и связанных с этим привилегий греческой церкви. Британский посол в Петербурге и британское правительство не подозревали никаких иных намерений со стороны России. Только в начале марта турецкий министр сообщил лорду Стратфорду (по уверению г-на Лэйарда, полковник Роуз и многие другие лица в Константинополе были уже раньше посвящены в эту тайну), что князь Меншиков предложил тайный договор, не совместимый с независимостью Турции, заявив при этом, что Россия будет рассматривать как недружелюбный акт, если Франция или Англия будут поставлены в известность об этом предложении. Одновременно распространилось известие, — и не как пустой слух, а из авторитетных донесений, — что Россия стягивает войска у турецкой границы и в Одессе.

Нота, с которой к царю обратилась Венская конференция и которую он принял, была подготовлена в Париже господином Друэнде-Люисом, положившим в ее основу ответ Решид-паши на последнюю русскую ноту. Через некоторое время, 24 июля, ее приняла Австрия в измененной форме как свое собственное предложение, а свой окончательный вид нота получила 31 июля. Австрийский министр еще до этого сообщил ее русскому послу в Вене, который уже 24 июля, т. е. еще до ее окончательной редакции, послал ее в Петербург. И лишь 2 августа, после того как царь согласился с ней, она

была отправлена в Константинополь. Таким образом, она по существу является русской нотой, отправленной султану при помощи четырех держав, а не нотой четырех держав, обращенной к России и Турции.

Лорд Джон Россель замечает, что *буквальный текст этой ноты не таков, как ноты князя Меншикова*. Это заявление можно рассматривать как признание, что обе ноты не отличаются по своему содержанию. Но чтобы не допустить на этот счет никакого сомнения, он прибавляет к этому: «Император ожидает, что его желания будут удовлетворены». Проект не содержит даже намека на очищение княжеств. «Если Турция и Россия даже сойдутся на этой ноте, — говорит лорд Джон, — *то все же остается еще большой вопрос об очищении княжеств*». Одновременно он прибавляет к этому, что английское правительство «считает это очищение в высшей степени важным», но что он не может распространяться подробнее о способе, каким оно должно произойти. Но все же он дает понять, что, может быть, английскому и французскому флотам придется оставить Безикскую бухту раньше, чем казаки уйдут из княжеств. «Мы не могли согласиться с таким порядком, при котором всякое продвижение флотов вблизи Дарданелл было бы приравнено к фактическому вторжению в турецкие воды. Само собою разумеется, что когда дело будет улажено и мир будет обеспечен, Безикская бухта перестанет быть стоянкой, имеющей какую-либо ценность для Англии и Франции». Так как ни один разумный человек никогда не полагал, что английский и французский флоты должны все время безвыходно оставаться в Безике, или что Англия и Франция должны были заключить формальный договор, запрещающий им продвижение в нейтральные воды поблизости Дарданелл, то эти двусмысленные и многоречивые фразы, — если они вообще имеют какой-либо смысл, — могут означать только то, что флоты уйдут, как только султан примет ноту и казаки дадут обещание очистить княжества. «Когда русское правительство заняло княжества, — говорил лорд Джон, — Австрия заявила, что, по духу договора 1841 года, безусловно необходимо, чтобы представители держав собрались на конференцию и постарались по возможности миролюбиво уладить создавшееся затруднение, которое в противном случае может угрожать спокойствию Европы».

В противоположность этому лорд Эбердин несколько дней тому назад заявил в Верхней палате, а также, как нам сообщают из других источников, в формальной ноте, посланной в июне константинопольскому и петербургскому кабинетам, что «договор 1841 года никоим образом не возлагает на нижеподписавшиеся державы

обязанности фактически помогать Порте (возлагая, однако, обязанность на время отказаться от права прохода через Дарданеллы) и что британское правительство сохраняет за собою полное право по собственной воле вмешаться или не вмешаться, смотря по тому, будет ли это соответствовать его собственным интересам или нет». Конечно, лорд Эбердин отрицает какие бы то ни было обязательства по отношению к Турции только для того, чтобы не иметь права протестовать против России.

Лорд Джон Россель заканчивает «приятной перспективой», что окончание переговоров — дело ближайшего времени. Такой взгляд на дело кажется нам в данный момент очень радужным, если мы вспомним, что составленная в Вене нота, которую султан должен предложить царю, вовсе еще последним не принята и что предварительные условия западных держав, т. е. очищение княжеств, еще совершенно не было предложено царю в настойчивой форме.

Г-н Лайард, первый оратор, отвечавший лорду Джону, произнес самую лучшую и сильную речь — смелую, краткую и связную, богатую содержанием, полную фактического материала: она обличает в знаменитом ученом человека, так же хорошо знакомого с Николаем, как с Сарданапалом, знающего современные интриги Востока так же хорошо, как и таинственные предания его прошлого.

Г-н Лайард выразил сожаление, что лорд Эбердин «при различных обстоятельствах и в разных местах объявлял свою политику основанной в своем существе на мирном базисе». Если Англия боится защищать свою честь и свои интересы вооруженной рукой, она этим поощряет в столь насильнической державе, как Россия, наглость, которая раньше или позже неизбежно должна будет привести к войне. Теперешнее поведение России должно быть рассматриваемо не как случайное и преходящее явление, а как часть, и притом составная часть, хорошо взвешенного и широко задуманного плана. Что касается «уступок», сделанных Франции, и «интриг» господина Лавалета, то их Россия не может выставить даже в качестве тени предлога, так как «Порта за несколько дней или даже недель до того доставила господину Титову копию фирмана, касающегося опротестованных Россией уступок, и текст этого фирмана не вызвал никаких возражений».

В планах России относительно Сербии, Молдаво-Валахии и христианского населения Турции трудно было ошибиться. Немедленно вслед за своим официальным выступлением в Константинополе князь Меншиков потребовал увольнения Гарашанина с поста сербского министра. Это желание было удовлетворено, несмотря на

протесты сербского синода. Господин Гарашанин был одним из тех деятелей, которых выдвинуло восстание 1842 года, то национальное движение против русского влияния, которое смело правившего тогда в Сербии князя Михаила: последний и его семья были лишь простыми орудиями в руках России. В 1843 г. Россия присвоила себе право вмешательства во внутренние дела Сербии. Не уполномоченная на это никаким договором, она получила это полномочие от лорда Эбердина, тогдашнего министра иностранных дел, объявившего, что «Россия имеет право толковать по своему разумению свои собственные договоры».

«Успех этих переговоров доказал, что Россия является хозяйкой Сербии,— сказал г-н Лайард,— и что она будет препятствовать всякой нации в ее борьбе за независимость».

В Придунайских княжествах Россия воспользовалась национальным движением 1848 года, во-первых, для того, чтобы принудить Порту подвергать изгнанию всякого, открыто исповедывающего либеральные, независимые взгляды, затем она заставила султана подписать договор в Балта-Лимане, который устанавливал право России на вмешательство во все внутренние дела княжеств, «и их теперешняя оккупация доказала, что Молдавия и Валахия стали совершенно русскими провинциями».

Остались еще греки в Турции и славяне в Болгарии, исповедующие христианство. «Греками овладел дух критики и независимости, который, в связи с их торговыми сношениями со свободными странами Европы, совсем смутил Россию. К тому же был и другой повод, а именно распространение протестантизма между христианами на Востоке. Влиянию и проповеди американских миссионеров мы должны главным образом приписать то, что в Турции вряд ли найдется более или менее значительный город, в котором не было бы уже ядра протестантской общины. (Еще одно основание для американского вмешательства.) Греческое духовенство, за спиной которого стояла русская миссия, делало все, что было в его силах, чтобы помешать этому движению, и когда все преследования оказались безуспешными, в Константинополе появился князь Меншиков. У России было твердое намерение искоренить тот дух религиозной и политической независимости, который начал проявляться в последние годы среди христианских подданных Порты».

Что касается основания так называемой *греческой империи в Константинополе*, то г-н Лайард констатировал, — говоря о греках, разумеется, только в отличие от славян, — что греков наберется всего едва ли 1 750 000 душ; что славяне и болгары в продолжение многих

лет усиленно стремятся порвать с ними всякую связь, отказываясь допустить к себе в качестве священников и епископов священнослужителей греческой национальности; что сербы образовали собственный патриархат вместо константинопольского и что дать грекам укрепиться в Константинополе — значит выдать Турцию России.

В палате раздались голоса, указывавшие, что вопрос о том, будет ли Константинополь в руках России или нет, не имеет никакого значения. Но г-н Лайард того мнения, что если Константинополь будет взят, то все крупные провинции, входящие в состав Турции, как, например, Малая Азия, Сирия, Месопотамия, окажутся во власти хаоса и анархии. Держава, в руки которой попали бы они, властвовала бы также над Индией. Держава, владеющая Константинополем, всегда рассматривалась бы на Востоке как владычица мира.

Но Россия убедилась теперь, что ни одно европейское государство не позволит ей захватить Константинополь. «Поэтому она стремится пока к тому, чтобы сделать невозможным существование каких-либо независимых национальностей в этой стране, медленно, но верно подточить власть турок и показать всем тем, кто сопротивляется ее планам, что это не только бесполезно, но и навлечет на них ее месть. Одним словом, она хочет сделать невозможным в Турции всякое другое правительство, кроме своего собственного. *Эти намерения ей на этот раз удались в полной мере*».

Г-н Лайард указал, что правительство, после требования князя Меншикова о заключении тайного договора и несмотря на большие военные приготовления России на границе и в Одессе, удовлетворилось данными ему в Петербурге объяснениями и уверениями, упустив случай заявить, что Англия и Франция будут рассматривать переход Прута как *casus belli*; оно также не запретило России вступать с Турцией в договоры или соглашения без содействия Англии. «Если бы мы предприняли этот шаг, Россия никогда не осмелилась бы перейти через Прут».

Г-н Лайард указал затем, что независимость княжеств, соединенных с Бессарабией и опирающихся на Венгрию, была бы, наконец, единственным средством защитить Константинополь от русских и разделить на две части великую славянскую расу. Он держится того мнения, что Россия очистит княжества. «Россия решит, что не стоит ввязываться в войну с великими державами Европы из-за провинций, которые, собственно говоря, все равно уже принадлежат ей. Россия и так без единого выстрела приобрела то, что ей мог бы дать только кровавый и дорого стоящий поход; она укрепила свое могущество на Востоке, унизила Турцию, принудила ее к круп-

ным военным расходам и совершенно исчерпала все ее ресурсы; а кроме того — и это гораздо важнее — она унизила Англию и Францию в глазах их собственных подданных и народов Востока». Проект ноты, принятый Венской конференцией, будет иметь тот результат, что «если Порта его не примет, Россия повернет его острие против нас и сделает нас своими союзниками против Турции для того, чтобы принудить ее принять незаконное предложение. Если же Порта его примет, то это будет значить, что Англия косвенно санкционирует право России на вмешательство в дела, касающиеся двенадцати миллионов христианских подданных Турции... Как бы мы ни относились к вопросу, ясно одно, что мы занимали в нем положение второстепенной державы, а роль первостепенной державы предоставили одной России. Мы упустили случай, который, может быть, никогда более не повторится: разрешить надлежащим образом великий восточный вопрос... Вместо этого России позволили нанести Турции такой удар, от которого она никогда больше не оправится. Но это будет не единственный результат политики нашей страны. Швеция, Дания и все малые государства Европы, с надеждой смотревшие до сих пор на нашу страну, увидят, что отныне бесполезно сопротивляться против наступления России».

После Лайярда сэръ Джон Пекингтон сделал несколько важных замечаний, имевших большое значение как декларация торийской оппозиции. Он выразил сожаление, что лорд Джон Россель не может представить палате и населению более удовлетворительных сведений. Он уверял правительство, что его решение рассматривать очищение княжеств как *conditio sine qua non* встретит «сочувствие не только в этой палате, но и найдет почти единодушную поддержку в населении страны». До тех пор, пока не будут опубликованы документы, он воздержится от суждения о политике, которая советовала Турции не рассматривать оккупацию княжеств как *casus belli*, которая не выступила уже раньше энергичнее и решительнее и которая повредила интересам Турции и Англии и их торговле, держа их в неопределенном положении в продолжение переговоров, тянувшихся шесть месяцев.

Лорд Дедли Стюарт разразился одной из своих обычных благодушных демократических декламаций, которые доставляли больше удовольствия оратору, чем слушателям. Если сжать эти напыщенные фразы, подобные мыльным пузырям, то в руках не останется ничего, даже воздуха, заставлявшего их раньше казаться чем-то. Дедли Стюарт повторил еще раз так часто повторяемые утверждения насчет реформ в Турции и большего свободомыслия

оттоманского правительства по сравнению с русским в вопросах религии и торговли. Он справедливо указал, что не надо хвастаться миром, пока несчастные жители Дунайских княжеств еще подвергаются ужасам войны. Европа должна защитить жителей этих провинций от ужасных угнетений, жертвой которых они сейчас являются. Рядом ссылок на факты из парламентской истории он доказал, что члены палаты имеют право произносить речи, даже когда переговоры еще в ходу. Словом, он ничего не забыл из того, что хорошо известно каждому верному и постоянному читателю «Daily News». В его речи было два «острия»: хотя объяснения благородного лорда (Дж. Росселя) были не очень полны, так как он не сказал палате ничего такого, чего бы она не знала и до него, но, к сожалению, из того, о чем он умолчал, можно сделать заключение, *«что благородный лорд совершил что-то, чего он должен стыдиться»*. Граф Эбердин сказал, «что мир сохранялся в течение тридцати лет к великой пользе для свободы и благоденствия Европы, однако он (Дедли Стюарт) отрицает, чтобы мир оказался благодетельным для свободы Европы. Как обстояло дело, спрашивает он, с Польшей? С Италией? С Венгрией? И в особенности с Германией?» Увлеченный потоком своего собственного красноречия — роковой дар для подобных ораторов третьего разряда, — демократический лорд никак не мог закончить, пока от деспотов континента не перешел к собственной монархии, «царящей в сердцах своих подданных».

Г-н М. Мильнз, один из тех приверженцев министерства, на лбу которого написано: «считать крепостным», не осмелился держать речь исключительно в пользу министров. Его речь была составлена из «с одной стороны» и «с другой стороны». С одной стороны, он находил, что министры «действовали очень умно и осторожно», не сообщив палате документов; с другой стороны, он давал им понять, что они действовали бы «энергичнее и тверже», если бы они поступили иначе. С одной стороны, он полагал, что правительство было право, подчинившись требованиям России; с другой стороны, для него являлось вопросом, не поощряло ли правительство до известной степени Турцию в такой политике, которая оказалась ей не под силу, и т. д. и т. д.

Он, наконец, заявил, «что чем больше он размышляет об этих вещах, тем более непреодолимыми представляются ему эти трудности», и чем менее он понимает их, тем понятнее ему выжидательная тактика правительства.

После вяляющей и путаной речи Монктона Мильнза на

слушателей поистине освежающе подействовала грубоватая прямота г-на Мунтца, представителя Бирмингама и одного из главных мажордов реформаторского парламента 1831 г. «Когда голландский посол сделал Карлу II одно весьма скандальное предложение, король сказал: «О бсже! вы никогда бы не сделали подобного предложения Оливеру Кромвелю». — «Нет, — ответил посол, — вы совершенно другой человек, чем Оливер Кромвель». Если бы мы имели теперь такого человека, как Кромвель, у нас были бы совершенно иной министр и совершенно другое правительство, а Россия никогда бы не вторглась в Дунайские княжества. Русский император знал, что эту страну ничем нельзя побудить к войне; об этом свидетельствовал пример Польши и Венгрии. Англия лишь теперь пожинает плоды своего прежнего поведения. Политика ее кажется ему, поскольку речь идет о внешних отношениях, заслуживающей сильного порицания и весьма неудовлетворительной. Он полагает также, что английский народ чувствует, что его репутация запятнана и что правительство потеряло всякое чувство чести, интересуясь только фунтами стерлингов, шиллингами и пенсами. Правительство занимается исключительно вопросом о том, сколько война будет стоить и покажется ли она выгодным предприятием разным торговцам страны». Так как Бирмингам является центром оружейного производства и население его живет продажей ружей, бирмингамцы, естественно, относятся насмешливо к миролюбию хлопчатобумажного братства манчестерцев.

Г-н Блеккет, депутат от Ньюкестля-на-Тайне, не верит, что русские очистят княжества. Он предостерегает правительство, «чтобы им не руководили какие-либо династические симпатии и антипатии».

Осаждаемые со всех сторон представителями всех направлений, министры сидели печальные, подавленные, безжизненные и разбитые, как вдруг на трибуну поднялся Ричард Кобден и со всей изобретательностью и искренностью одержимого, равно как со всей противоречивостью идеолога и расчетливой трусостью лавочника, начал поздравлять их с тем, что они стали приверженцами его мирной политики и применили его принципы к данному случаю. Он проповедывал то, что открыто проводило в жизнь министерство и что молчаливо одобрял парламент при поддержке господствующих классов. Страх перед войной внушал ему в первый раз нечто вроде исторических идей. Он выдал тайну буржуазной политики, за что и был отвергнут как изменник. Он заставил английскую буржуазию посмотретья в зеркало, и так как отражение получилось совсем не лестное, то он был с позором освистан.

Он был непоследователен, но в этой непоследовательности он был последователен. Разве его вина, что традиционные, гордые фразы аристократического прошлого не гармонируют со скромными фактами биржевого настоящего?

Он начал с заявления, что по существу самого вопроса нет различия во мнениях. «И тем не менее по поводу турецких дел, по-видимому, господствует большое беспокойство». В чем же дело? За последние двадцать лет все больше распространялось убеждение, что европейские турки являются пришельцами, вторгшимися в Европу, что их родина не Европа, а Азия; что в цивилизованных государствах не может существовать магометанства; что мы не в состоянии отстаивать независимость страны, которая неспособна защищать себя сама, и что в Европейской Турции на каждого турка приходится трое христиан. «Мы не должны вести политику, которая обеспечила бы Турции в Европе ее независимость по отношению к России, за исключением того случая, когда подавляющее большинство населения разделяло бы наше желание помешать всякой другой державе овладеть этой страной... Нет сомнения, что мы могли бы послать наш флот в Бизик, чтобы удержать русских на почтительном расстоянии, ибо Россия не захочет вступить в конфликт с морской державой; но этим мы увеличили бы лишь до бесконечности колоссальные вооружения, не разрешая все же восточного вопроса... Вопрос в том, что будет с Турцией и ее христианским населением? Магометанство не может быть сохранено, и мы бы очень сожалели, если бы узнали, что наша страна связала себя с магометанством в Европе». Лорд Дедли Стюарт говорил о том, что Турция должна быть сохранена ради торговли. Он (Кобден) никогда не вел бы войны ради тарифов. Он так верит в принципы свободы торговли, что, по его мнению, эти принципы совсем не нуждаются в том, чтобы из-за них нужно было воевать. Размеры экспорта в Турцию многими переоцениваются. Только самая малая часть его потребляется в странах, находящихся под турецким владычеством. «Всей торговлей, которую мы вели в Черном море, мы обязаны продвижению России на турецком побережье. Мы получаем теперь рожь и лен не из Турции, а из России. И разве Россия не будет попрежнему охотно посылать нам свою коноплю, свой хлеб, свое сало, если даже она и будет продолжать свои нападения на Турцию? Мы вели торговлю с Россией и в Балтийском море... А какие перспективы открывает нам торговля с Турцией? Это — страна без дорог. Русские — гораздо лучшие торговцы: посмотрите на Петербург с его набережными, верфями и амбарами... Какой национальный союз мы могли бы заключить с такой

страной, как Турция? Говорят также о равновесии держав. Это политическая сторона вопроса... Очень много говорят о могуществе России и об опасности, возникающей для Англии в случае, если Россия оккупирует земли у Босфора. Что за сумасбродство говорить о том, что Россия попытается напасть на Англию! Россия не могла бы вывести войска за пределы своих собственных границ без того, чтобы не прибегнуть к займу в Западной Европе... Эта бедная страна, которая, по сравнению с Англией, представляет собою, собственно говоря, только кучу нагроможденных деревень, без капитала и средств, никогда не может стать опасной для нас или для Франции, или для Америки... Англия сейчас в десять раз могущественнее, чем когда-либо раньше, и в десять раз более в состоянии оказать противодействие нападению такой страны, как Россия».

Затем Кобден остановился на том, насколько опасность войны больше для Англии в ее теперешнем положении, чем в прежние времена. Промышленное население Англии очень выросло. Мы стали гораздо более зависимыми от вывоза наших товаров и ввоза сырья. Мы не обладаем уже больше промышленной монополией. Со времени отмены Акта о навигации Англия должна выдерживать мировую конкуренцию не только в области судоходства, но и во всех других отраслях. «Он предлагает господину Блеккету подумать над тем, что ни одна гавань не пострадала бы больше [от войны], чем та, представителем которой он здесь является. Правительство поступило умнее, не послушавшись советов нерассуждающих людей... Он не порицает стремления сохранить неприкосновенность Турции, так как это — унаследованная, традиционная политика... Но он считает большой заслугой теперешнего правительства, что оно осталось настолько миролюбивым, насколько только народ позволил ему это».

Ричард Кобден был истинным героем драмы и, как таковой, разделил участь всех настоящих героев — он был трагичен. Но затем пришел мнимый герой, отец обмана, человек элегантно лжи и придворных обещаний, рупор для всех тех храбрых слов, которые обыкновенно произносят, обращаясь в бегство, — лорд Пальмерстон. Этот опытный и коварный полемист увидел с первого взгляда, что подсудимый может избежать приговора, если отречется от своего адвоката. Он понял, что министерство, которому угрожают со всех сторон, сможет спасти положение, если оно произведет блестящую вылазку против единственного человека, осмелившегося защищать его, и если оно откажется от единственных оснований, которые могли бы послужить извинением для его политики. Нет ничего легче, как найти у Кобдена ряд противоречий. Пальмерстон начал с того,

что выразил свое полное согласие с предыдущими ораторами, а кончил тем, что отступил от них в каждом пункте. Он начал с защиты неприкосновенности Турции, а затем сделал все, чтобы доказать, что она не заслуживает никакой защиты. Он, апостол мира, одобрил агрессивную политику России. Россия слаба, но война с Россией означала бы для Англии неминуемое разорение. Правда, Россия представляет собою лишь совокупность деревень; но так как Константинополь красивее Петербурга, то Россия должна получить право владеть обоими. Хотя он и сторонник свободы торговли, но предпочитает русскую покровительственную систему турецкой свободной торговле. Потребляет ли Турция сама ввозимые в нее товары или же она служит только каналом для их транзита в другие части Азии, — разве для Англии безразлично, сохранится ли свободный доступ к ней или нет? Г-н Кобден, горячий защитник принципа невмешательства, хочет теперь парламентскими решениями определить судьбы магометан, греков, славян и других народов Турецкой империи. И тут лорд Пальмерстон стал преувеличивать успехи, достигнутые Турцией, и силы, находящиеся в ее распоряжении. «Правда, Турция не имеет Польши и Черкесии».¹ Но так как Турция, тем не менее, достаточно сильна, то она, по мнению Пальмерстона, естественно, должна позволить России занять некоторые ее провинции. Сильная империя может все выдержать. И лорд Пальмерстон доказал г-ну Ричарду Кобдену, что не было ни одного разумного довода за то, чтобы поступать так, как поступили лорд Пальмерстон и его коллеги. И когда речь старого комедианта была покрыта шумным одобрением, он вернулся на свое место со следующими бесстыдными и противоречивыми словами: «Мне доставляет удовлетворение, что Турция носит в себе самой элементы жизни и процветания, и я полагаю, что политика правительства ее величества разумна, заслуживает одобрения страны и что следовать ей и впредь является обязанностью всякого английского правительства». (Одобрение.) Пальмерстон был велик в своем «трусливом геройстве», как выражается Шекспир. Он проявил, по выражению Сиднея, «робкую смелость, которая стремится неустранимо совершить то, о чем она заведомо для себя не знает, как это совершить».

¹ В «Трибуне» ошибочно: Сибири. Исправлено по Hansard's Parliamentary Debates. *Ред.*

ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ.

I.

Лондон, 20 сентября 1853 г.

В моем письме от 19 июля я писал:

«Западные державы *начинают* с того, что поощряют султана к сопротивлению царю из страха перед агрессивностью России, а *кончат* тем, что *вынуждают* султана к уступкам из страха перед всеобщей войной, которая приведет к всеобщей революции».

В настоящий момент мощь соединенных флотов собираются использовать *в интересах России против Турции*. Если англо-французский флот и войдет в Дарданеллы, то не для того, чтобы бомбардировать Севастополь, а чтобы воздействовать на мусульман, которые воспрепятствовали султану *безоговорочно* принять венскую ноту.

«13 сентября, — говорит Д. Уркарт, — четыре министра иностранных дел спокойно собрались на Даунингстрите ¹ и решили послать в Константинополь требование, чтобы Порты отказалась от новых условий, принятых европейской конференцией. Не довольствуясь этим, они на случай, если бы султан оказался не в силах сопротивляться возмущению своего народа, отдают приказ эскадре отправиться в босфорские воды для поддержки султана против его подданных. Не довольствуясь и этим, они послали предписание Омеру-паше о том, что ему воспрещается переезжать из одной области в другую во владениях его государя. Значит, они считались с возможностью, что в результате их требования вспыхнет восстание, и позаботились о его подавлении с помощью союзной эскадры».

Английское общество узнало эту новость из воскресного номера «Journal des Débats». Газета сообщала, что г-н Ривс, выехавший из Лондона 12-го с. м. с депешами на имя лорда Стратфорда де-Редклиффа, прибыл в Париж утром 14-го и уехал обратно в тот же день вечером, ознакомив французское правительство с содержанием своих инструкций. Согласно этим последним, английский посол должен требовать полного присоединения Порты к венским предложениям.

¹ Квартира премьер-министра в Лондоне. *Ред.*

и отказа от поправок, внесенных в них 19 августа. Он должен пригрозить ей потерей поддержки четырех держав в случае войны, которая возникла бы из-за ее отказа пойти на уступки, и предложить ей помощь французского и английского флотов для подавления восстания, которое может вспыхнуть в Константинополе в ответ на принятие Портой венской ноты, и против Омера-паши, если он решится действовать наперекор приказам Порты. До получения воскресного номера «Journal des Débats» пришло известие, что венская конференция, узнав об отрицательном ответе императора, предложила султану отказаться от своих слов, принять отвергнутую им сначала ноту и удовольствоваться заверением, что конференция будет толковать ее в таком смысле, какой будет приемлем для самого султана. «Times» избегает говорить о компрометирующих разоблачениях «Journal des Débats». Так же поступают «Morning Chronicle», «Morning Post» и вся правительственная лондонская печать. В то же время «Morning Post» клеймит фанатизм константинопольской черни. «Morning Chronicle» возбуждает своих тупоголовых читателей романтическими описаниями свирепых и разнузданных азиатских орд, наводняющих Европейскую Турцию и увеличивающих собою армию Омера-паши; бравый «Globe» публикует изо дня в день тщательно подобранные выдержки из торгующей миром манчестерской прессы, и таким образом в нужный момент респектабельные классы Англии будут вполне готовы *искоренять язычество* и восклицать вместе с князем Горчаковым: «Да здравствует царь! Да здравствует русский бог!»

В своем сегодняшнем номере «Times» открывает, что *«турецкий вопрос сделался чисто словесным вопросом»*. Если принять во внимание известные настроения газеты, это означает, что султана, готового рисковать всеобщим миром ради пустых слов, должны насильственно образумить более трезвые Пальмерстоны и Эбердины. Царь, — рассказывает «Times», — предъявил султану несправедливые требования, которые султан отказался выполнить; тогда царь захватил Дунайские княжества, а Англия и Франция послали свои флоты в Бизикский залив, причем представители этих двух держав встретились в Вене с австрийскими и прусскими представителями.

Почему они встретились в Вене? *В интересах Турции*, — говорит «Times». «У них не только не было никакого желания насилловать оттоманское правительство, но не было и повода для такого воздействия». Следовательно, если теперь у четырех держав есть желание насилловать оттоманское правительство, то вызывается это просто тем, что «теперь есть» повод для «такого воздействия». Как же не

предположить, что единственная и главная цель Венской конференции и вмешательства Пальмерстона и Эбердина состояла в создании такого повода, который давал им возможность оказывать видимое сопротивление России только для того, чтобы иметь предлог заставить Турцию подчиниться русским требованиям?

«Требования России, — продолжает «Times», — оказались несправедливыми другим великим державам, несовместимыми с суверенными правами султана», и поэтому великие державы составили ноту, которую султан должен был послать царю, ратифицируя все требования царя и даже нечто большее. «Содержание этого документа, — говорит «Times», — могло дать повод для неправильного истолкования, но два пункта были в нем безукоризненно ясны: во-первых, что четыре державы намерены поддерживать территориальные и административные права Порты и, во-вторых, что в случае конфликта они будут считать себя связанными этими намерениями».

Почему бы султану не подписать ноту, аннулирующую его верховные права и отдающую двенадцать миллионов его подданных под покровительство русского самодержца, раз он может быть уверен, что будет поддержан добрыми «намерениями» четырех держав и их связанностью этими тайными добрыми «намерениями» в случае конфликта? Как султан имел возможность убедиться, четыре державы не считают себя связанными ни международным правом, ни точными договорами, согласно которым они должны защищать его в случае конфликта с Россией; почему бы ему не положиться на их доблесть в случае конфликта на почве ноты, которая России уделает явные права, а Турции — «тайные намерения»?

«Возьмем, — говорит «Times», — крайний случай. Предположим, что после принятия — *pur et simple* (безоговорочного) — первоначальной венской ноты царь воспользовался бы теми возможностями, которые ему, повидимому, предоставляет эта нота». Что случилось бы тогда? «Султан заявил бы протест, и конфликт возник бы на основе соглашения 1853 г.» Как будто не возникло никакого конфликта на основе соглашений 1840 и 1841 гг., на основе Балта-Лиманского договора и того нарушения международного права, которое сам лорд Кларендон назвал «актом пиратства»! «Двусмысленность текста, — говорит «Times», — только ввела бы в заблуждение русского императора». Совершенно так же, как его «ввел в заблуждение» договор 1841 г., опираясь на который он не пустил в Дарданеллы соединенные флоты, а в то же время сам занял княжества.

Однако султан проявляет упорство. Он отказался подчиниться требованиям ноты, авторы которой сумели выразить свои добрые

чувства к Турции только посредством ее выдачи России. Султан предложил некоторые поправки к этой ноте, и «четыре державы, — говорит «Times», — приняли турецкие поправки, показав этим, что они считают их совпадающими с их собственными предложениями». Но так как русский император держится противоположного мнения и так как «Times» считает совершенно несомненным, что «претензии царя в этом конфликте не заслуживают никакого внимания», то «Times» заключает отсюда, что если Россия не желает уступить разумным требованиям Турции, Турция должна уступить неразумным требованиям России, и что «государство, вынужденное вследствие собственного бессилия искать защиты у Европы при малейшей угрозе нападения извне или восстания внутри, должно заплатить за свою слабость хотя бы тем, что необходимая для его существования помощь оказывается ему на условиях, наименее обременительных для его защитников». Конечно, четыре державы должны стать на сторону России против Турции, потому что Турция, очевидно, нуждается в их помощи против России, — и Турция должна «оплатиться за свою слабость», раз она обратилась за помощью к четырем державам, к которым она обязана апеллировать в «силу существующих договоров».

«Одно из двух: либо уголовные законы Англии должны быть со всюю строгостью применены к четырем изменникам (Эбердину, Кларендону, Пальмерстону и Росселю), либо русский царь владычествует над миром». Тирады, подобные этому заявлению Д. Уркарта в «Morning Advertiser», не имеют никакого смысла. Кто должен судить четырех изменников? Парламент. Из кого состоит этот парламент? Из представителей биржевых дельцов, магнатов промышленности и аристократов. Какую иностранную политику представляют эти представители? *Политику paix partout et toujours* (мира везде и всегда). А кто проводит в жизнь их программу внешней политики? Те самые четыре человека, которых они должны будут осудить как изменников, по мнению простоватого «Morning Advertiser». Одно во всяком случае ясно: именно биржевые дельцы и торгующая миром буржуазия, представленные в правительстве олигархией, выдают Европу России, и, следовательно, для того, чтобы дать отпор притязаниям царя, нужно прежде всего свергнуть бесславное господство этих низких, раболепных и подлых обожателей veau d'or (золотого тельца).

Тотчас же после получения венской ноты в Константинополе Порты призвала под оружие 80 000 редифов.¹ Согласно телеграфному

¹ Турецкий запасной солдат. *Ред.*

сообщению из Константинополя от 5 сентября, турецкое министерство решило на совещании, состоявшемся в доме великого визиря, настаивать на своей последней ноте, не останавливаясь даже перед войною. Энтузиазм мусульманского населения достиг наивысшего напряжения. На смотре египетских войск султан был встречен оглушительными приветственными кликами, а после смотра толпа сняла его с коня и торжественно пронесла по улицам Стамбула. Он еще раз приказал господарям Молдавии и Валахии принять меры к умиротворению княжеств. В связи с уличением проживающих в Константинополе русских подданных в интригах против турецкого правительства Решид-паша сделал соответствующее предостережение русскому консулу. Одна константинопольская газета сообщает, что еврейская община в Константинополе предложила султану миллион пиастров, желая принять участие в расходах на военные приготовления империи. Смирнские евреи приняли, как сообщают, подобное же решение. Из напечатанного в «Wiener Presse» письма мы узнаем, что в Галаце было арестовано несколько бояр за тайную переписку с Омером-пашей, которого они информировали во всех подробностях о состоянии русских войск в княжествах. Было найдено письмо Омера-паши, в котором он предлагал этим боярам вербовать как можно больше иностранцев.

Князь Меншиков, прибывший в Вену 13-го с. м. в сопровождении своего секретаря, привез с собой новую декларацию императора Николая, обращенную к европейским державам и объясняющую мотивы его несогласия с турецкими поправками. Сам император прибудет в Ольмюц 21 с. м. в сопровождении графа Нессельроде и барона Мейендорфа. Прусский король, которого он пригласил через князя Ливена на Ольмюцскую конференцию, отказался присутствовать на том основании, что при сложившихся обстоятельствах такой шаг с его стороны вызвал бы слишком много *éclat* (шума). Русский армейский корпус в 30 000 человек расквартирован в Крайове на болгарской границе. До сих пор существовало только восемь военных округов в русской империи. Теперь учрежден девятый регулярный округ в Бухаресте, — верный признак, что русские и не думают об эвакуации княжеств.

II.

Лондон, 23 сентября 1853 г.

«Globe», в номере от 20 сентября, отрицает достоверность сведений, сообщаемых «Journal des Débats» о миссии г-на Ривса, а «Times» перепечатал в среду статью из «Globe» под заголовком «Gobemoucherie» («Враки»), обвиняя французскую печать в распространении уток. Но разве передовая самого «Times'a», разобранная мною в моем последнем письме, не подтверждает целиком сообщение «Journal des Débats»? Разве появилось какое-нибудь опровержение в парижском «Moniteur»? Разве «Assemblée Nationale» не повторило в тот самый день, когда «Globe» уличал во лжи «Débats», что «лорд Редклифф должен был уведомить султана, что если он не возьмет обратно свои поправки, то английский флот войдет в Дарданеллы и французский флот последует за ним»? Разве «Times», перепечатывая опровержение французской версии из «Globe», прямо не заявил в том же номере, что «Англия и Франция могут вмешаться в русско-турецкий конфликт только на условиях, предложенных четырьмя объединенными державами и принятых Россией, — не считаясь с тем, приемлемы или не приемлемы эти условия для турецкого высокомерия»? Разве еще до появления «Journal des Débats» в Лондоне «Morning Post» не писал, что «по получении ответа русского императора на предложение о поправках к венской ноте немедленно состоялось совещание представителей великих держав, пославшее 4-го с. м. курьера в Константинополь с некоторыми сообщениями Дивану, которые, можно надеяться, заставят Порту принять венскую ноту? И, наконец, в одной сегодняшней утренней газете мы читаем, что «господин Ривс отправляется в Константинополь, что он передал несколько депеш, адресованных лордом Кларендоном лорду Стратфорду де-Редклиффу, и что между ним и английским министерством иностранных дел существует самая тесная связь, поскольку он является соединительным звеном между Даунингстритом и Принтинггауз-сквером».

Верно то, что со времени последних разоблачений французской прессы восточный вопрос опять принял совершенно новый оборот и что позорные решения английских министров могут быть каждую минуту опрокинуты событиями, противными всем их расчетам и ожиданиям.

Австрия отказалась от совместных выступлений со своими мнимыми союзниками. Венская конференция сорвана, по крайней мере на ближайшее время. Россия сбросила с себя маску, в которой она больше не видит надобности, и английское министерство вытеснено из своих последних укрепленных позиций.

«Лорд Эбердин, — справедливо замечает «Liverpool Courier», — предлагал султану прибегнуть к явному и жалкому обману; его план заключался в том, чтобы участники Венской конференции сделали по отношению к ноте *reservatio mentalis* (молчаливую оговорку), чтобы султан понял ее в *извращенном смысле* (ибо условия ноты сами по себе ясны и определены) и чтобы после решительного отказа русского императора принять поправки султана державы могли действовать так, как если бы поправки были приняты».

Г-н Друэн-де-Люис предложил на Венской конференции послать Порте объяснительную ноту, составленную в этом лицемерном духе, но граф Буоль отклонил это предложение, заявив, что оно «слишком дружественно по отношению к Порте, что время совместных выступлений прошло и что теперь каждая держава может действовать по своему усмотрению». Таким образом, английское правительство потеряло возможность сослаться на *общее* решение *европейского* ареонага, этой акционерной компании, которая распадается по одному слову австрийского министра, как она и возникла по его воле. Сначала Австрия была против всякой конференции до перехода русских войск через Прут. После вступления России в Дунайские княжества Австрия опять против конференции, во всяком случае против конференции на прежних основах. С другой стороны, граф Нессельроде опубликовал два циркулярных послания, которые не позволяют больше оправдывать первоначальную венскую ноту тайными «добрыми намерениями» или толковать ее наперекор ее буквальному смыслу.

Предложенные Портой поправки сводят весь вопрос «к словесному спору», — вопила вся министерская печать.

Вовсе нет, — заявляет Нессельроде. — Царь толкует первоначальный текст ноты так же, как султан. Первоначальная нота никогда не была и не желала быть ничем иным, как вторым изданием меншиковской ноты, и мы придерживаемся лишь ее текста, всего

текста и одного только текста. Министерский «Globe», конечно, изумлен тем, что, как оказывается, царь и султан одинаково видят смысл первоначальной ноты «в признании тех требований, которые были выставлены Россией и отклонены Турцией и которых не собирались (?) поддерживать четыре державы», и что «Россия настаивает на *безусловном* признании требований, предъявленных ею с самого начала». А почему бы ей на них не настаивать? Раз она нашла в себе достаточно смелости, чтобы выставить их четыре месяца тому назад, почему ей отказываться от них сейчас, когда она уже выиграла первую кампанию?

Тот же самый «Globe», который несколько дней тому назад называл турецкие поправки схоластическим *крючкомтворством* и *ненужными* хитросплетениями, вынужден теперь признать, что «русское толкование доказывает их *необходимость*».

Первая депеша Нессельроде еще не опубликована, но «Morning Post» уверяет нас, что русский дипломат объявляет в ней «венскую ноту тсждественной ноте князя Меншикова»; а «Evening Globe» прибавляет, что, согласно этой депеше, «император считает, что венская нота обеспечивает за ним ту позицию в отношении турецкого правительства, которую Порты, при поддержке четырех держав, не хотела признавать и против которой она и обратилась к их посредничеству; император никогда не отказывался от своего права сноситься с Турцией непосредственно, без вмешательства посредников, которых он признавал лишь на словах».

Русский император никогда не признавал их посредничества даже на словах. Он разрешил трем из них плестись в хвосте Австрии, а самой Австрии дозволил явиться к нему в качестве смиренной просительницы.

Что касается *второй* депеши, посланной из Петербурга 7 сентября, опубликованной в берлинской «Zeit» от 18 с. м. и адресованной на имя барона Мейендорфа в Вене, то в ней Нессельроде совершенно правильно сообщает, «что первоначальная нота была представлена ему как «ультиматум» австрийского посла, на который Россия обязалась дать свое согласие при неременном условии принятия его Портой *без каких бы то ни было изменений*». «Откажется ли кто-нибудь внять этому свидетельству о loyauté (лояльности) императора?» Правда, он учинил некоторый «разбой» в княжествах; он вторгся в них, захватил их, обложил их данью, поставил в них своих правителей, разорил их, присвоил себе, опустошил, несмотря на заявления Горчакова. Но ведь это не так важно. Разве он вместе с тем «не сообщил по телеграфу, тотчас же по получении первого

текста ноты, о своем полном согласии с нею, *не дожидаясь известии о том, одобрена ли она в Лондоне и в Париже?* Действительно, мог ли он сделать больше, чем сообщить по телеграфу, что нота, продиктованная русским министром в Вене, не будет отвергнута русским министром в Петербурге? Мог ли он сделать что-нибудь большее для Парижа и Лондона, чем он сделал, одобрив ноту, даже не дожидаясь их одобрения? А между тем он сделал больше. Текст, о принятии которого он соблаговолил известить по телеграфу, был *изменен* в Париже и Лондоне. И что же? «Взял ли он обратно свое согласие, создал ли хотя бы малейшее затруднение?» Правда, по его собственному утверждению, нота «в ее окончательной форме» «тождественна ноте князя Меншикова». Но тождественная нота все же кое в чем *отличается* от своего оригинала. А разве он «не поставил условием принятие меншиковской ноты без всяких изменений»? Разве он не мог бы «на одном этом основании отказаться от рассмотрения новой ноты»? Но он этого не сделал. «Можно ли было проявить большее миролюбие?» Ультиматум Венской конференции его ни в какой мере не касается; он касается только самой конференции. «*Ее дело* — подумать о тех *проволочках*, которые воспоследуют из-за отказа султана принять ультиматум». Он же, со своей стороны, ничего не имеет против того, чтобы остаться еще на несколько месяцев в княжествах, где его войска получают обмундировку и продовольствие безвозмездно.

Одесса не страдает от закупорки дунайского устья, и если оккупация княжеств способствует вздорожанию пшеницы в Марк-Лейне, то это только ускорит обратный приток нечестивых империалов в святую Русь. Поэтому Австрия и другие державы должны «прямо и твердо заявить Порте, что, после того как они тщетно пытались открыть ей единственный путь, который мог бы привести к немедленному восстановлению ее сношений с ними, они предоставляют ее отныне *ее собственной судьбе*». Они достаточно сделали для султана, открыв царю путь к Дунаю и преградив путь к Черному морю союзной эскадре. «Августейший повелитель» графа Нессельроде клеймит далее «*воинственные замыслы, которые, повидимому, воодушевляют сейчас султана и большинство его министров*». Он, со своей стороны, предпочел бы, чтобы султан сохранял хладнокровие, противопоставляя мирные соглашения канонеркам и учтивые фразы — казацким налетам. «Он исчерпал меру возможных уступок, между тем как Порта не сделала еще ни одной уступки». Его величество «дальше по пути уступок не может идти». Несомненно, царь *не может идти дальше*, не перейдя через Дунай. Нессельроде резюмирует всю свою аргументацию в следующей мастерской дилемме, от которой никак не

отвертись. Либо за предложенными Портой поправками ничего не кроется, либо за ними что-то кроется. Если ничего не кроется, почему Порта настаивает на них? А если что-то есть, «вполне понятно, что мы отказываемся их принять».

«Эвакуация княжеств, — заявил лорд Кларендон, — есть *необходимое предварительное условие* всякого соглашения». «Как раз наоборот, — возражает Нессельроде. — Соглашение, т. е. приезд турецкого посла с *безоговорочным* подтверждением австрийской ноты, есть *необходимое предварительное условие* эвакуации княжеств».

Одним словом, великодушный царь готов прекратить канитель Венской конференции, так как она ему больше не нужна для окончания его первой кампании; но тем крепче он будет держать в своих руках княжества, так как это ему необходимо, чтобы начать вторую кампанию.

Если верно полученное сегодня по телеграфу известие, что конференция возобновила свои занятия, — державы повторяют по адресу Николая песенку, которую парижская толпа приветствовала Александра:

Vive Alexandre,
Vive le roi des rois!
Sans rien prétendre
Il nous donne des lois.¹

Впрочем, сам царь уже выпустил из своих рук контроль над восточными делами. Султан был вынужден вызвать старый фанатизм и двинуть против Европы дикие воинственные племена Азии, которых не усмирить дипломатическими нотами и условной ложью; и даже в дерзкой ноте русских слышится некоторое опасение перед «воинственным духом», охватившим Стамбул. В своем манифесте к мусульманскому населению султан объявил, что России не будет больше сделано ни одной уступки. Как сообщают, депутация улемов обратилась к султану с требованием отречься от престола или объявить войну немедленно. Разногласия в Диване достигли крайнего напряжения, и над миролюбивым влиянием Решид-паши и Мустафы-паши начинает брать верх влияние сераскира Мехмета-Али.

Ослепление так называемой *радикальной* лондонской печати прямо невероятно. Заявив несколько дней тому назад, что «уголовные законы Англии *должны быть применены во всей строгости к четырем изменникам* (Эбердину, Кларендону, Пальмерстону и Росселю)», «Morning Advertiser» заканчивает одну из своих вчерашних

¹ Да здравствует Александр, да здравствует царь царей! Ни на что не притязая, он диктует нам законы.

передовиц следующими словами: «Лорд Эбердин должен поэтому уступить место своему преемнику. Нужно ли называть этого преемника? Есть только один человек, на которого страна взирает в настоящий момент как на лицо, достойное стать у кормила правления. *Этот человек — лорд Пальмерстон*». Если «Morning Advertiser» не способен читать в книге событий, то он должен был бы хоть повнимательней читать статьи г-на Уркарта, появляющиеся изо дня в день на его собственных столбцах.

Во вторник вечером был созван мэром, по требованию жителей гор. Шеффилда, митинг «с целью обсудить современное неудовлетворительное положение восточного вопроса и уместность представления петиции правительству». Подобный же митинг назначен в Стаффордe, и делается целый ряд других попыток организовать общественные демонстрации против России и «министерства всех талантов». Но пока общественное внимание всецело поглощено учетным процентом, хлебными ценами, забастовками и торгово-промышленными опасениями, а еще больше *холерой*, которая свирепствует в Ньюкестле и борьба с которой ведется при помощи разъяснительных циркуляров лондонским советом здравоохранения. Тайным советом издан указ, согласно которому на ближайшие шесть месяцев по всему королевству вступают в силу предписания закона об эпидемических заболеваниях; в Лондоне и других крупных городах готовятся в спешном порядке к встрече надвигающегося бедствия. Если бы я разделял взгляды г-на Уркарта, я сказал бы, что холера прислана в Англию царем с «секретной миссией» уничтожить последние остатки так называемого англо-саксонского духа.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ.

Лондон, 7 октября 1853 г.

В прошлую пятницу «Morning Chronicle» в своем четвертом издании сообщила телеграфное известие, согласно которому султан объявил России войну. Парижская «Patrie» вчера вечером сообщила в полуофициальной заметке, что полученные с Востока сведения не подтверждают сообщения «Morning Chronicle». Согласно другой министерской газете, «Constitutionnel», именно вследствие повторных представлений господина де-Брука, временного австрийского посла, 25 с. м. собрался Диван для обсуждения венской ноты, после которого было заявлено, что Турция останется при последней ноте Решида-паши. На следующий день был созван Большой совет. Этот совет, состоящий из 120 главных министров, советников, пашей и духовных сановников, решил, что «было бы противно достоинству и пагубно для суверенной власти султана подписывать венскую ноту без предложенных Диваном изменений и что, так как царь заявил о полной неприемлемости этих изменений и отказался оставить свои притязания на принятие султаном обязательств, не совместимых с независимостью Оттоманской империи, то совету осталось только просить султана немедленно принять меры, необходимые для сохранения его империи, и освободить свои владения от захватчиков». Что касается *формального* объявления войны, то это не подтвердилось ни одним достоверным сообщением. На этот раз, по крайней мере, Порта провела западных дипломатов. Английское и французское правительства, не отваживаясь отозвать свои флоты, не могущие удерживать более свою смехотворную позицию в Безикском заливе, не желая пройти через проливы и бросить открытый вызов царю, потребовали, чтобы Порта пригласила корабли из Безикского залива под тем предлогом, что опасность грозит христианам в Константинополе во время праздника Байрама. Порта отказала, указав, что такой опасности нет; что если бы таковая и была, то она защитит христиан без иностранной помощи и что она не желает приглашать корабли до окончания праздника. Но едва авангард

соединенного флота прошел через проливы, как Порты, заставив теперь своих колеблющихся и вероломных союзников занять определенное положение, высказалась за войну. Что касается самой войны, то она началась три месяца тому назад, когда русские перешли Прут. Первый этап кампании был уже доведен до конца, когда их легионы достигли берега Дуная. Единственная перемена, которая может теперь иметь место, это та, что война перестанет быть односторонней.

Не только тунисский бей, но и персидский шах, несмотря на интриги России, предоставили в распоряжение султана 60 000 человек из своих лучших войск. Таким образом, с достоверностью можно сказать, что турецкая армия — самая образцовая из всех военных сил, имеющих в распоряжении мусульманства в Европе, Африке и Западной Азии. Рати обеих религий, давно борющихся за гегемонию на Востоке, — православия и мусульманства, — стоят теперь одна против другой: одна, движимая произвольной волей одного человека, другая — фатальной силой обстоятельств, в соответствии с верованиями той и другой, — поскольку православная церковь отвергает догмат о предопределении, тогда как мусульманство построено на фатализме.

Сегодня в Лондоне имели место два митинга: один на Даунинг-стрите, другой в London Tavern;¹ один за министров, другой — против них; один был за царя, другой — за султана.

Из передовых статей «Times'a» и «Morning Chronicle'я» мы можем заключить, если только еще может быть сомнение относительно намерений коалиции, что она до последней возможности будет стремиться предотвратить войну, вернуться к переговорам, выиграть время, парализовать армию султана и поддержать царя в Дунайских княжествах.

«Царь высказался за мир», — с удовольствием сообщает «Times» из самых достоверных источников. Царь выражал «миролюбивые чувства в Ольмюце своими собственными устами». Он не желает принимать тех изменений, которые предложены Портой; он согласен подписать первоначальную венскую ноту, но позволяет Венской конференции толковать ноту в ее *противоестественном смысле*, противоречащем толкованию его собственного министра Нессельроде. Он позволит им заниматься конференциями, если они помогут ему тем временем занять Дунайские княжества.

«Times» в своем припадке миролюбия сравнивает императоров

¹ Название ресторана в лондонском Сити. *Ред.*

России и Австрии с парой диких вождей внутренней Африки и приходит к такому заключению: «В конце концов какое дело миру до того, что русский император должен пойти на войну из-за своих политических промахов?»

ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН

I.

Руджберо все снова и снова пленяется ложными прелестями Альчины, за которыми, как он это знает, скрывается старая ведьма — «беззубая, безглазая, отвратительная, лишенная всякой прелести». Странствующий рыцарь все снова влюбляется в нее, хотя знает, что она превращала всех своих прежних поклонников в ослов и других животных. Английская публика — новый Руджберо, и Пальмерстон — новая Альчина. Он умеет всегда придавать себе прелесть новизны, хотя ему уже под семьдесят и он с 1807 года почти непрерывно подвизается на политической арене; он умеет все снова возбуждать надежды, которые обычно связываются лишь с неиспытанным, многообещающим юношей. И хотя он уже стоит одной ногой в могиле, от него все еще ожидают, что он только начнет свою настоящую карьеру. Если бы он завтра умер, вся Англия удивилась бы тому, что он целых полвека был министром.

Если он не для всякого дела хорош как государственный деятель, то как актер он годится для любой роли. Комический и героический стиль, пафос и фамильярный тон, трагедия и фарс — для всего этого он одинаково хорошо подходит; впрочем, больше всего его чувствам соответствует фарс. Он не первоклассный оратор, но совершенный полемист. Он обладает удивительной памятью, большим опытом, тончайшим тактом, никогда не изменяющим ему присутствием духа, благородной гибкостью; он лучший знаток всех парламентских трюков, интриг, партий и деятелей, так что умеет подходить к самым трудным вопросам в высшей степени элегантно, с приятной небрежностью, спекулируя при этом на предрассудках и впечатлительности своей публики. Его циническая дерзость защищает его от всякого неожиданного нападения, его эгоистичная ловкость предохраняет его от всякой измены самому себе; его большая фривольность, его полное равнодушие, его аристократическое презрение к опасности не дадут ему сделаться страстным. Своим тонким остроумием он умеет всем нравиться. И так как он при всех обстоятельствах сохраняет спокойствие, то его

горячие противники остаются в дураках. Если он и не владеет каким-нибудь предметом, то все же умеет им играть. И если ему недостает общих точек зрения, зато он обладает никогда ему не изменяющим искусством сооружать целые хитросплетения из эlegantных общих мест.

Его беспокойный, неутомимый дух презирает бездеятельность и стремится если не к деятельности, то хотя бы к возбуждению. Такая страна, как Англия, естественно, доставляет ему возможность действовать в любом уголке земного шара. Он меньше стремится к самому успеху, чем к видимости успеха. Если он ничего не может сделать, то он хочет, по крайней мере, придумать что-нибудь; когда он не осмеливается вмешаться, он, по крайней мере, играет роль посредника. Если он не способен померяться силами с сильным врагом, он создает себе слабого врага. Он не человек широких планов, далеких перспектив, он не преследует никаких великих целей, но запутывается в затруднениях только для того, чтобы затем демонстративно из них выпутаться. Ему нужны осложнения, чтобы не оставаться бездеятельным, и если их не оказывается налицо, он создает их искусственно. Он с наслаждением утопает в мнимых конфликтах, в мнимых битвах с мнимыми противниками, в обменах дипломатическими нотами, в приказах к отплытию судов, пока, наконец, вся эта кутерьма не разрешается в бурных парламентских дебатах, доставляющих ему однодневную славу — единственную и постоянную цель его стремлений. Он управляет международными конфликтами, как художник, доводя дело до известной грани; а когда положение становится слишком угрожающим, он спокойно отступает, ибо ведь драматическое возбуждение, являющееся для него необходимостью, уже пережито. Само движение мировой истории является для него лишь времяпрепровождением, изобретенным исключительно для личного удовольствия благородного виконта Пальмерстона оф-Пальмерстон.

Склоняясь на деле пред чужим влиянием, он сопротивляется ему на словах. Он перенял, как наследство от Каннинга, теорию о миссии Англии распространять конституционализм на континенте, и потому у него никогда не бывает недостатка в поводах для того, чтобы возбуждать национальные предрассудки, противодействовать революции на континенте и в то же время возбуждать подозрительность и ревность в иностранных державах. Когда ему таким удобным путем удалось стать *bête noire* (пугалом) всех дворов континента, ему было легко одновременно прослыть у себя дома единственным настоящим английским министром. Будучи торием по происхожде-

нию, он все же сумел ввести в управление иностранными делами весь тот клубок лжи, который составляет квинт-эссенцию вигизма. Он прекрасно умеет соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, умеет хорошо скрывать торгашескую мирную политику буржуазии за гордым языком аристократического англичанина старых времен; он умеет казаться нападающим, когда на самом деле потворствует, и обороняющим, когда на самом деле предает; он умеет ловко щадить мнимого врага и приводить в отчаяние сегодняшнего союзника, умеет в решительный момент спора становиться на сторону сильнейшего против слабейшего и обладает искусством, убегая от врага, сыпать громкими, смелыми фразами.

Одна сторона обвиняет его в том, что он состоит на жаловании у России; другая подозревает его в карбонарстве. В 1848 году ему пришлось защищаться от обвинения в том, что он нарушил служебный долг, действуя как министр царя Николая. Зато в 1850 году он получил удовлетворение: против него был устроен целый заговор иностранных посольств, одержавших над ним победу в Верхней палате, но потерпевших поражение в Нижней. Когда он предавал чужие народы, он делал это с величайшей вежливостью, ибо вообще вежливость, это — мелкая монета, которою чорт оплачивает глупцов, отдающих ему кровь своего сердца. Притеснители всегда могли рассчитывать на его помощь; притесненных же он щедро одаривал своим ораторским великодушием. Он всегда был готов к услугам, когда дело шло об угнетении поляков, итальянцев, венгров, немцев; и все-таки их притеснители подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они зарезали с его разрешения. Тот, кто имел его своим противником, мог скорее всего рассчитывать на успех; зато его дружба всегда означала перспективу верного поражения. Но если его дипломатическое искусство на деле и не привело к особенно блестящим успехам в области иностранной политики, то тем больше блеска приобретает оно в том его толковании, которое он навязывает английскому народу. Таким образом, народ принимает фразы за дела, фантазии — за реальность и дает свое одобрение высокопарной маскировке низких мотивов.

Генри Джон Темпль, виконт Пальмерстон, ведущий свой род от английских пэров, был в 1807 году назначен лордом адмиралтейства при образовании министерства герцога Портленда. В 1809 году он стал военным министром и оставался на этом посту до мая 1828 года. В 1830 году он в чрезвычайно искусной форме перешел к вигам, при которых оставался постоянным министром иностранных дел. Исключая промежутки, когда у власти были тории, т. е.

время с ноября 1834 до апреля 1835 года и от 1841 до 1846 года, он несет ответственность за всю внешнюю политику Англии со времени революции 1830 года до декабря 1851 года.

Не должно ли нам казаться чрезвычайно странным видеть этого Дон-Кихота «либерального законодательства», этого Пиндара «прелестей конституционной системы» в качестве постоянного и почетного члена торийских кабинетов Персиваля, графа Ливерпуля, Каннинга, лорда Годерика, герцога Веллингтона? И в какую эпоху! Когда велась война против якобинцев, когда было положено начало громадному государственному долгу, когда были изданы законы о хлебных пошлинах, когда иностранные наемники находились на английской земле; когда народу — пользуясь выражением коллеги Пальмерстона, лорда Сидмаута — время от времени пускали кровь, когда прессе был зажат рот, собрания были воспрещены, а народные массы лишены прав; когда были отменены свобода личности и нормальное судопроизводство и вся страна была превращена в подобие военного лагеря, — одним словом, в самую позорную и реакционную эпоху английской истории. Очень характерен его первый парламентский дебют. 3 февраля 1808 года он взял слово. В защиту чего? В защиту сохранения тайны дипломатических переговоров и самого позорного акта насилия, который когда-либо совершала одна нация над другой, а именно бомбардировки Копенгагена и захвата датского флота в то самое время, когда Англия торжественно уверяла, что находится с Данией в полном согласии и мире. По первому пункту он заявил: «В этом особенном случае королевские министры обязаны (кто их обязал?) сохранить тайну; я вообще против того, чтобы перед обществом была раскрыта деятельность дипломатии, так как подобные разоблачения грозят закрыть источники дальнейшей информации». Видок защищал бы то же дело теми же словами. Что касается пиратского нападения на Данию, то, признавая, что Дания не проявила никакой враждебности против Англии, он все же уверял, что Англия была в праве бомбардировать столицу Дании и захватить ее флот, так как необходимо было помешать превращению датского нейтралитета — под давлением Франции — в открытую вражду. Таково было новое международное право, возведенное милордом Пальмерстоном.

Следующим ораторским произведением этого английского министра *par excellence* (по преимуществу) была многословная защита иностранных войск, призванных в Англию с континента явным образом для поддержки силою того самого олигархического режима, для основания которого прибыл в 1688 году Вильгельм со своими

войсками из Голландии. Когда высказывались вполне основательные «опасения за вольности страны» ввиду присутствия этого немецкого королевского легиона, Пальмерстон ответил на них весьма легковесным доводом: почему нам не иметь 16 000 иностранцев у себя в стране, когда «мы сами содержим в чужих странах гораздо большее количество иностранных войск?» (Нижняя палата, 10 марта 1812 года.)

Когда высказывались подобные же опасения за конституцию ввиду сохранения после 1815 года большой постоянной армии, он видел «достаточную защиту конституции именно в составе наших армий», офицеры которых большей частью «люди с состоянием и положением». (Нижняя палата, 8 марта 1816 года.)

Когда против содержания постоянной армии выступали с финансовой точки зрения, он вдруг открывал, что «многие из наших финансовых затруднений были вызваны низким мирным контингентом нашей армии». (Нижняя палата, 8 марта 1816 г.)

Когда ему указывали на противоречие между «переобременением страны» и «нищетою народа», с одной стороны, и расточительными издержками на военные цели — с другой, он напоминал парламенту, что это переобременение и нищета являются «той ценой, которой мы (т. е. английская олигархия) готовы купить свою свободу и независимость». (Нижняя палата, 16 мая 1821 года.)

По его мнению военный деспотизм мог бы явиться только следствием стараний «тех введенных в заблуждение людей, которые называют себя сторонниками реформ и требуют такого рода реформ, проведение которых по самым элементарным правилам управления государством закончилось бы, если бы они имели успех, военным деспотизмом». (Нижняя палата, 14 июня 1820 года.)

Если в больших постоянных армиях он видел всеисцеляющее средство для поддержания порядка в стране, то в телесном наказании он видел средство для поддержания порядка в армии. Он защищал телесное наказание в дебатах о военном законе 5 марта 1824 года; он объявлял его «абсолютно» необходимым 11 марта 1825 года; он рекомендовал его снова 10 марта 1828 года; он выступал за него в дебатах в апреле 1833 года и по всякому дальнейшему поводу выказывал себя сторонником этой меры.

Не было такого злоупотребления в армии, которое он не умел бы прикрыть благовидными предложениями, если только оно случайно служило интересам аристократических паразитов. См. дебаты о продаже офицерских должностей. (Нижняя палата, 12 марта 1828 года.)

Лорд Пальмерстон любит выставять на показ свои стремления к введению свободы совести, но он голосовал против резолюции

лорда Росселя об отмене акта о присяге и о корпорациях. А почему? Да потому, что он, «как ревностный и горячий друг свободы совести», не мог согласиться, чтобы нонконформисты «были освобождены от воображаемых зол, в то время как католики страдают от действительных бедствий». (Нижняя палата, 26 февраля 1828 г.)

В доказательство своего стремления к свободе совести он нам сообщает, что «огорчен ростом нонконформизма».¹ «Мое желание, это — чтобы государственная церковь стала господствующей в этой стране», и только из чистой любви к свободе совести он желал бы «видеть рост государственной церкви за счет инаковерующих». Склонный к шуткам, лорд жалуется на богатых диссентеров, что они предоставляют церкви для бедных, в то время как «в англиканской господствующей церкви одним только беднякам приходится страдать от недостатка места в церкви... Бессмысленно желать, чтобы бедные уделяли средства для церквей из своих скудных доходов». (Нижняя палата, 11 марта 1825 г.)

Разумеется, было бы еще бессмысленнее желать, чтобы расходы церкви покрывали богатые члены англиканской государственной церкви из своих крупных доходов.

Посмотрим теперь, в чем состоят заслуги Пальмерстона в деле эмансипации католиков. Это один из пунктов, где он претендует на особенную благодарность со стороны ирландцев.

Я не хочу останавливаться на том обстоятельстве, что он, объявивший себя в качестве члена министерства Каннинга сторонником эмансипации католиков, все же вступил в министерство Веллингтона, которое, по общему признанию, относилось враждебно к этой эмансипации. Или, может быть, лорд Пальмерстон считал свободу совести одним из тех прав человека, куда не должно вмешиваться законодательство? Дадим слово ему самому: «Хотя я и желаю, чтобы считались с требованиями католиков, но я никогда не соглашусь с тем, что эти требования имеют правовое основание... Если бы я считал, что католики требуют своего *права*, то я раз навсегда отказался бы вступить в комиссию». (Нижняя палата, 1 марта 1813 г.)

Но почему он считал нужным сопротивляться правовым требованиям католиков? «Потому, что законодательство страны имеет право осудить одну часть общества на такое политическое бесправие, если оно считает это необходимым для безопасности и благосостояния целого... Это один из основных принципов, на которых покоится цивилизованное правительство». (Нижняя палата, 1 марта 1813 г.)

¹ Нонконформизм (диссентеры) — религиозные группы в Англии, не принадлежащие к государственной церкви. *Ред.*

Таким образом, он признается самым циническим образом, что, по его мнению, масса народа на самом деле не должна иметь никаких прав, но должна пользоваться только той мерой свободы, которую сочтет за благо признать за ней законодательство, т. е. господствующие классы. Сообразно с этим, лорд Пальмерстон объявляет без обиняков, что «эмансипация католиков только дело милости и благорасположения». (Нижняя палата, 10 февраля 1829 г.)

Он, следовательно, только из соображений целесообразности снизошел до того, чтобы прекратить бесправие католиков. Но что же скрывалось за этой целесообразностью?

Он принадлежит к числу крупных землевладельцев в Ирландии и потому хочет поддержать ту иллюзию, «что нет других средств против ирландских страданий, как эмансипация католиков», которая исцелит их от абсентеизма и явится суррогатом законодательства о бедных. (Нижняя палата, 19 марта 1829 г.)

Великий филантроп, «вычистивший» впоследствии исконных ирландцев из своих ирландских имений, не мог вынести того, чтобы нищета ирландцев хотя бы на мгновение омрачила своими злоещими тучами безоблачный горизонт владельцев земель и капиталов.

«Верно, — говорил он, — что крестьянство Ирландии не пользуется всеми благами, к которым причастно английское крестьянство (хороши блага, «к которым причастна» семья, получающая 7 шиллингов в неделю!). Но все же и на долю ирландского крестьянина выпало кое-что хорошее. Он хорошо обеспечен дровами и только редко (только четыре дня из шести!) бывает без пищи. (Какое счастье!) Но это еще не все, — он обладает гораздо более веселым характером, чем его английский собрат по несчастью». (Нижняя палата, 7 мая 1829 г.)

О домогательствах ирландских землевладельцев он говорит в том же шутливом тоне, как о радостях ирландского крестьянства.

«Ирландских землевладельцев упрекают в том, что они требуют такие высокие арендные суммы, какие только возможны. Господа, в этом нет ничего необыкновенного, английские землевладельцы, наверное, поступают точно так же». (Нижняя палата, 7 марта 1829 г.)

Будем ли мы после всего этого удивляться тому, что этот человек, так глубоко проникший в таинства «славной английской конституции» и в «блага ее свободных учреждений», стремится распространить их по всему континенту?

II.

Когда движение за реформу стало непреодолимым, лорд Пальмерстон оставил ториев и прокрался в лагерь вигов. Хотя он опасался возникновения военного деспотизма не от присутствия немецкого королевского легиона на английской земле и не от сохранения большой постоянной армии, но только от «самозванных авторов реформ», он все же в 1828 г. отстаивал распространение избирательного права на такие большие промышленные города, как Бирмингем, Лидс и Манчестер. Почему он это сделал? «Не потому, что я друг реформ, а потому, что я их отъявленный враг». Он убедился в том, что некоторые уступки, своевременно сделанные пышно развившейся промышленности, являются лучшим средством избежать «введения всеобщей избирательной реформы». (Нижняя палата, 17 июня 1828 года.) Став союзником вигов, он уже больше не доказывал, будто их билль о реформе намеревается прорвать узкие петли венецианской конституции; он утверждал, что этот билль, наоборот, направлен к укреплению и усилению последней, отделяя буржуазию от оппозиции народа.

«Чувства буржуазии изменятся, и ее недовольство конституцией превратится в приверженность к последней, отчего конституция значительно укрепитя и усилится». Он утешал пэров, уверяя их, что билль о реформе не ослабит «влияния Верхней палаты» и не уничтожит «ее вмешательства в выборы». Аристократии он говорил, что конституция не потеряет своего феодального характера, так как «интересы крупного землевладения суть те великие основы, на которых покоятся здание общества и учреждения страны». Он рассеивал ее опасения, делая иронические намеки на то, «что нас упрекали в том, будто у нас нет серьезного желания дать народу действительное представительство», и «что уверяли, будто мы хотим лишь предоставить аристократии и землевладению влияние в другой форме». Он даже дошел до признания, что наряду с неизбежными уступками буржуазии «руководящим и главным принципом билля о реформе» является «отмена избирательного права», т. е. отмена избирательного права

старых «гнилых» торийских округов в пользу новых вигистских. (Нижняя палата, 24 марта 1831 г. и 14 марта 1832 г.)

Но теперь мы должны вернуться к деяниям благородного лорда в области внешней политики.

Когда в 1823 году, на основании постановления Венского конгресса, в Испанию вступила французская армия, чтобы уничтожить конституцию страны и выдать народ беспощадной мести идиота-Бурбона и его свиты из ханжей-монахов, лорд Пальмерстон отрекся от «дон-кихотства борьбы за абстрактные принципы» и отказался от всякого выступления в пользу народа, героическое сопротивление которого спасло Англию от превосходных сил Наполеона. Слова, с которыми он обратился по этому поводу к своим противникам из партии вигов, дают верную и живую картину его собственной внешней политики, которой он следовал с тех пор, как стал постоянным министром иностранных дел. Он сказал: «Некоторые хотели бы, чтобы мы уже при переговорах грозили войной, не подготовившись в то же время к войне на случай неудачи переговоров. Если бы мы говорили о войне, думая на самом деле о нейтралитете, если бы мы угрожали армией и спрятались затем за грудой бумажных актов, если бы мы в часы спокойного размышления вызывающе размахивали мечом, чтобы затем в день битвы удовлетвориться пачкой письменных протестов, — мы поступали бы как хвастливые трусы и сделались бы посмешищем в глазах всей Европы». (Нижняя палата, 30 апреля 1823 года.)

Наконец, надо еще упомянуть о греко-турецких переговорах, доставивших лорду Пальмерстону впервые возможность развить перед обществом свой несравненный талант неутомимого и непоколебимого защитника русских интересов как в совете министров, так и в Нижней палате. Он добросовестно повторил все обычные словечки, пущенные в ход Россией, о турецких зверствах, греческой цивилизации, свободе совести, христианстве и т. д. Но прежде всего мы видим, как он в качестве военного министра отвергает всякую попытку подвергнуть «какому-либо сомнению» достохвальное поведение адмирала Кодрингтона», по вине которого был разбит турецкий флот при Наварине, хотя он должен был признать, «что это сражение произошло с державой, с которой мы не находимся в состоянии войны», и что «это — вообще неприятное происшествие». (Нижняя палата, 31 января 1828 года.)

Покинув вслед за тем свой пост, он открыл длительную кампанию против лорда Эбердина, упрекая его в том, что он недостаточно быстро исполняет приказы России.

«Где были наши быстрота и энергия, когда дело шло о выполнении наших обязательств по отношению к Греции? Уже надвигается июль 1829 года, а все еще не выполнен июльский договор 1827 года... Правда, из Мореи турки вытеснены... Но почему были приостановлены военные действия французов на Коринфском перешейке?.. Потому что вмешалась узкоколая политика Англии и задержала их дальнейшие успехи... И почему державы не поступают со страной к северу от перешейка так, как поступили с южной частью, и почему они не занимают сейчас всего того, что должно быть предоставлено Греции? Я полагаю, что союзники вели с Турцией достаточно много переговоров о Греции». (Нижняя палата, 1 июня 1829 года.)

Как всем известно, в это время князь Меттерних оказывал противодействие недопустимым посягательствам России, и русским дипломатическим агентам было поэтому поручено (вспомним депеши князя Ливена и Поццо-ди-Борго) изобразить Австрию в качестве величайшего врага освобождения Греции и европейской цивилизации, успехи которой являлись исключительной целью русской дипломатии. Благородный лорд естественно следует по этой проторенной дорожке.

«Благодаря узости своих взглядов и своим злосчастным пред-рассудкам Австрия почти опустилась до уровня державы второго разряда». А вследствие колеблющейся политики Эбердина Англия «стала главным звеном той цепи, составные части которой образуют Мигуэль и Испания, Австрия и Махмуд... В задержке выполнения июльского договора мир усматривает не столько страх перед турецким сопротивлением, сколько непобедимое отвращение к свободе Греции». (Нижняя палата, 11 июня 1829 года.)

На пути к продвижению России к Константинополю целых полвека стояла одна и та же фраза, фраза о неприкосновенности Турции, необходимой для сохранения европейского равновесия. 5-го февраля 1830 года Пальмерстон заявляет: «Я выступаю против политики, которая объявляет целостность Турецкой империи безусловно необходимой для интересов христианской и цивилизованной Европы».

Снова и снова нападает он на Эбердина за его антирусскую дипломатию. «Я, с своей стороны, не согласен с некоторыми депешами английского правительства, которые хотя и звучат приятно и любезно и пытаются в общих выражениях примирить с собою Россию, но вместе с тем содержат выражения сильной симпатии к Турции; они, если их будет читать заинтересованная держава, могут возбудить ложное представление, будто они говорят гораздо больше, чем вхо-

дило в действительные намерения авторов...Больше всего я бы хотел, чтобы Англия приняла твердое решение (и это почти единственный приемлемый путь) ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае не становиться в этой войне на сторону Турции и чтобы она это открыто и чистосердечно заявила Турции... Есть три вещи, которые не знают сострадания: время, огонь и султан»... (Нижняя палата, 16 февраля 1830 года.)

Здесь я должен напомнить читателю некоторые исторические факты, чтобы не оставить никаких сомнений насчет характера филлелинских чувств благородного лорда.

Россия заняла Гокчу, полосу земли у берега озера Зеванга (бесспорное персидское владение), и в качестве выкупа за ее очищение потребовала от Персии отказа от притязаний на другую часть персидской области, на округ Капан.

Когда Персия не согласилась, Россия пошла на нее войной, победила и принудила в феврале 1828 года подписать Туркманчайский договор. По этому договору Персия должна была выплатить России вознаграждение в 2 миллиона фунтов стерлингов и уступить провинции Эривань и Нахичевань, включая крепости Эривань и Аббасабад. Это соглашение должно было — согласно определенному заявлению Николая — послужить только к тому, чтобы установить общую границу по Араксу, что, по его утверждению, являлось якобы единственным средством к устранению всяких будущих споров между обоими государствами. Но в то же время он отказался вернуть обратно Талыш и Моган, лежащие на персидском берегу Аракса. Наконец, Персия обязалась также не содержать никакого флота на Каспийском море. В этом и заключались причины и результат русско-персидской войны.

О религии и свободе греков Россия беспокоилась в то время так же мало, как мало русский бог в настоящее время заботится о ключах святого гроба или о знаменитом святом куполе. Традиционная политика России издавна состояла в том, чтобы возбуждать греков к восстанию, а затем предоставлять их мести султана. Симпатии России к возрождению Эллады были столь сильны, что на Веронском конгрессе она рассматривала греков как мятежников и признавала за султаном право отвергать всякое чужое вмешательство в отношения между ним и его христианскими подданными. Более того, царь предлагал Порте свою помощь для подавления мятежников, — предложение, которое, само собою разумеется, было отклонено. После этой неудачной попытки он предложил великим державам противоположный план: «послать в Турцию армию».

которая предписала бы мир под стенами Константинополя». Чтобы некоторым образом связать царю руки общим выступлением, другие великие державы заключили с ним в Лондоне 6 июля 1827 года договор, которым они взаимно обязались, в случае нужды, уладить споры между султаном и Грецией силой оружия. Через несколько месяцев после подписания этого договора Россия опять заключила с Турцией договор (так называемую Аккерманскую конвенцию), по которому она обязалась отказаться от всякого вмешательства в греческие дела. Этот договор был заключен Россией после того, как она побуждала персидского наследника напасть на Оттоманскую империю и осыпала Порту оскорблениями, с целью вызвать разрыв с нею. После всех этих происшествий английской посол предъявил Порте от имени России и других держав условия Лондонского договора от 6 июля 1827 года. И с помощью затруднений, возникших из всей этой сети лжи и обмана, Россия нашла, наконец, предлог к войне 1828—1829 года. Эта война кончилась Адрианопольским договором, содержание которого вкратце передают следующие цитаты из известной брошюры О'Нейля: «Об успехах России на Востоке».

«Благодаря Адрианопольскому договору Россия овладела Анапой и Поти и значительной частью черноморского побережья, затем частью Ахалцыхского пашалыка (провинции) с крепостями Ахалкалаки и Ахалцых, а также островами в дельте Дуная. Далее, Турция согласилась разрушить крепость Журжево и отказаться от правого берега Дуная на несколько миль от реки... По приказу царя много тысяч армянских семейств были изгнаны из турецких провинций в Азин, частью путем насилия, а частью под влиянием духовенства. Своих собственных подданных в Турции царь освободил от всякой ответственности перед местными властями и наложил на Порту огромную контрибуцию под видом возмещения военных издержек и торговых убытков; наконец, в качестве залога, гарантирующего уплату этих сумм, он удержал Молдавию, Валахию и Силистрию... После того как Россия этим договором принудила Турцию принять протокол от 22 марта, по которому она получила суверенитет над Грецией и ежегодную дань с этой страны, она использовала свое влияние для того, чтобы предоставить Греции независимость. И действительно, Греция была объявлена независимым государством, и ее президентом был назначен граф Каподистрия, бывший русский министр».

Таковы факты. Посмотрим, какую картину рисует на их основании мастерская рука лорда Пальмерстона.

«Вполне правильно, что русско-турецкая война возникла из на-

рушений договоров и эксцессов, которыми Турция провинилась по отношению к русской торговле и правам России». (Нижняя палата, 16 февраля 1830 года.)

Когда он сделался воплощением вигизма в министерстве иностранных дел, он стал говорить еще лучшие вещи:

«Благородный и доблестный член парламента (полковник Эванс) представил поведение России в таком виде, будто она с 1815 года до нынешнего дня пребывает в неизменной готовности к нападению на остальные державы. Он указывал в особенности на войны России с Персией и Турцией. Ни в одном из этих случаев Россия не была нападающей стороной, и если в результате персидской войны произошло увеличение ее силы, то это все же не являлось результатом ее собственных домогательств. И в турецком походе Россия также не была нападающей стороной. Я не хочу утомлять палату перечислением всех провокационных выпадов, которые позволила себе Турция по отношению к России; но нельзя отрицать, что она изгнала со своей территории русских подданных, задержала русские суда, не исполнила всех постановлений Аккерманской конвенции и после сделанных ей представлений отказалась дать удовлетворение за это. Таким образом, если вообще существуют справедливые основания к войне, то Россия имела их в войне с Турцией. Несмотря на это, она не аннектировала никаких территорий, — по крайней мере, в Европе. Я знаю хорошо, что некоторые пункты были оккупированы в течение продолжительного времени (Молдавия и Валахия — только пункты, а устья Дуная — суцая безделица!) и что были сделаны некоторые второстепенные приобретения у Черного моря в Азии. Но Россия пришла к соглашению с другими европейскими державами о том, что ее успех в этой войне не приведет к дальнейшему расширению ее территории в Европе». (Нижняя палата, 7 августа 1832 года.)

Ваши читатели теперь поймут, почему сэр Роберт Пиль заявил благородному лорду на публичном заседании парламента, что «он не знает, чьим представителем, собственно он, является».

III.

Недавно в Лондоне происходил митинг протеста против поведения английского министерства в теперешнем конфликте между Россией и Турцией; при этом одного оратора, который особенно резко нападал на лорда Пальмерстона, встретили бурей негодования и криками заставили замолчать. Повидимому, собрание полагало, что если Россия имеет в министерстве друга, то это, конечно, не благородный лорд, и собрание, без сомнения, предалось бы безграничному ликованию, если бы кто-нибудь мог объявить ему о назначении его светлости премьер-министром.

Это удивительное доверие к столь пустому, лживому человеку опять показывает, как легко народ дает обмануть себя блестящими внешними качествами и как необходимо сорвать маску с лица лукавого врага свободы человечества.

Ввиду этого мы намерены, ссылаясь на историю последнего двадцатипятилетия и опираясь на парламентские дебаты, продолжить разоблачение той истинной роли, которую этот искусный актер играл в драме современной Европы.

Благородный лорд известен всем в качестве рыцарского защитника Польши. Он ни разу не упустил случая выразить чувство своей скорби за Польшу перед лицом депутации, которую ему ежегодно представляет «добрый, честный, скучный» Дедли Стюарт, «этот достопочтенный муж, который произносит речи, фабрикует резолюции, ставит на голосование адреса, приводит депутации, в любое время питает нужную меру доверия к нужному лицу и, когда требуется, провозглашает троекратное «ура» в честь королевы.

Когда лорд Пальмерстон вступил в исполнение своих обязанностей в ноябре 1830 г., поляки уже почти целый месяц вели вооруженную борьбу. 8 августа 1831 г. г-н Хент представил парламенту петицию Вестминстерского союза в пользу поляков, одновременно требовавшую увольнения лорда Пальмерстона из кабинета ее величества. В тот же день г-н Юм констатировал, что из молчания благородного лорда надо сделать тот вывод, что правительство «ничего

не намерено сделать для поляков и хочет предоставить их судьбу усмотрению России». На это лорд Пальмерстон возразил, что «все обязательства какого бы то ни было рода, возложенные на нас существующими договорами, будут все время составлять предмет забот правительства». В чем же, по его мнению, состояли обязательства, возложенные на Англию существующими договорами?

На этот вопрос он сам дает ответ: «Притязания России на владение Польшею носят дату Венского договора» (Нижняя палата, 9 июля 1833 г.), а этот договор ставит это владение в зависимость от сохранения царем польской конституции. Однако, как мы узнаем из позднейшей речи, «один только тот факт, что Англия является одной из участниц Венского договора, еще не означает, что Англия гарантировала ненарушимость этого договора со стороны России». (Нижняя палата, 26 марта 1834 года.)

Это значит, что можно гарантировать договор, не гарантируя его сохранения. Это тот же принцип, который защищали миланцы против императора Барбароссы: «Мы даем вам нашу присягу, но, заметьте себе, мы не присягали соблюдать ее».

В одном отношении Венский договор был, пожалуй, кое к чему пригоден. Он давал британскому правительству, как участвовавшей в заключении договора державе, «право иметь и высказывать свое мнение о всяком действии, заключающем в себе нарушение этого договора... Державы, участницы Венского договора, имели право требовать неприкосновенности польской конституции, и этого взгляда я нисколько не скрывал от русского правительства. Я сообщил его этому правительству уже наперед, еще до взятия Варшавы и раньше, чем стали известны результаты военных действий. Я сообщил его вторично, когда Варшава пала. Правда, русское правительство держалось другого мнения на этот счет». (Нижняя палата, 9 июля 1833 года.)

Итак, он спокойно предвидел падение Польши и воспользовался удобным случаем для того, чтобы развить и высказать свой взгляд на некоторые статьи Венского договора, будучи убежден, что великодушный царь ждет того момента, когда польский народ будет окончательно сокрушен его вооруженною силою, с тем чтобы преклониться перед конституциею, которую он растоптал своими сапогами тогда, когда народ еще обладал всею силою сопротивления. В то же время благородный лорд обвинял поляков в том, что они «сделали нежелательный и, по его мнению, *не имеющий оправдания* шаг к свержению императора». (Нижняя палата, 9 июля 1832 года.)

«Он может также заверить, что поляки были нападающею стороною, ибо они начали борьбу». (Нижняя палата, 7 августа 1832 года.)

Когда опасения, что Польша может быть уничтожена, становились все более общими и тревожными, он заявил, что «уничтожение Польши как в *моральном*, так и в *политическом* отношении настолько невыполнимо, что он считает всякие опасения относительно попытки подобного рода излишними». (Нижняя палата, 28 июня 1832 года.)

Когда впоследствии его упрекали в том, что он высказывал подобные неопределенные ожидания, он уверял, что его неправильно поняли: он употреблял это выражение не в политическом, но в переносном смысле слова, полагая, что русский царь не в состоянии «*номинально* или *фактически* уничтожить все те миллионы людей, которые имеются в польском королевстве в его разделенном виде». (Нижняя палата, 20 апреля 1836 г.)

Когда парламент грозил вмешаться в борьбу Польши, он ссылался на свою ответственность министра. А когда то, чего опасались, совершилось, он холодно заявил, что «никакой вотум этого парламента не может хотя бы в малейшей степени повлиять на отмену решения России». (Нижняя палата, 9 июля 1833 года.)

Когда после падения Варшавы общественное мнение осуждало жестокость России, он просил парламент отнестись к царю более мягко. Он заявил, что «никто больше его не сожалеет о некоторых выражениях, употребленных во время дебатов» (Нижняя палата, 28 июня 1832 года), и что «нынешний император России — человек возвышенного, великодушного образа мыслей», что «если имели место случаи, в которых русское правительство допустило по отношению к полякам неподобающую жестокость, то в них надо видеть доказательство того, что власть русского царя ограничена и что в этих случаях царь следовал влияниям других людей, а не влечениям своих собственных «естественных чувств». (Нижняя палата, 9 июля 1833 года.)

Когда, с одной стороны, был решен жребий Польши, а с другой стороны, в результате мятежа Мехмета-Али, Турецкой империи непосредственно угрожало распадение, он уверял парламент, что «события развиваются в общем весьма удовлетворительно». (Нижняя палата, 26 января 1832 года.)

Когда было внесено предложение оказать польским эмигрантам денежную поддержку, «ему было в высшей степени неприятно возражать против предложения о выдаче денежных средств этим лицам, ибо естественное, непосредственное чувство должно побуждать каж-

дого великодушного человека согласиться на это; но вносить предложение об оказании денежной поддержки этим несчастным было бы несовместимо с его служебным долгом». (Нижняя палата, 25 марта 1834 года.)

Как мы, кстати, еще увидим впоследствии, этот самый мягкосердечный человек тайком принял на счет британского народа значительную часть издержек по подавлению Польши.

Благородный лорд прилагал все возможные усилия к тому, чтобы парламенту не было сделано официально и документально обоснованное сообщение о польской катастрофе. Тем не менее до Нижней палаты дошли описания положения дел, которые он ни разу не счел нужным опровергнуть и которые не оставляли никакого сомнения относительно его роковой роли в тот период времени.

После того как вспыхнула польская революция, австрийский консул не покинул Варшавы, а австрийское правительство пошло так далеко, что послало в Париж польского агента, господина Вавлевского, имевшего поручение вести переговоры с правительствами Англии и Франции о восстановлении Польского королевства. Тюльерийский двор заявил, что он «готов выступить совместно с Англией, если она этот план одобрит». Лорд Пальмерстон отклонил это предложение. В 1831 году господин Талейран, французский посол при сент-жемском дворе, предложил план совместного выступления Франции и Англии, но получил от благородного лорда достаточно ясный отказ и письменную ноту о том, что «вмешательство с целью посредничества в польский вопрос было бы отклонено Россией; что державы недавно отклонили подобное же предложение Франции; что в случае отказа со стороны России оба двора, французский и английский, могли бы вмешаться лишь силою оружия, и что сердечные и удовлетворительные отношения, существующие между сент-жемским и петербургскими кабинетами, не позволили бы его величеству королю решиться на вмешательство подобного рода. *Еще не наступило время, когда подобный шаг мог бы быть предпринят с успехом против воли государя, права которого бесспорны.*

Но этого мало, 23 февраля 1838 г. г-н Ансти сделал в Нижней палате следующее заявление: «Швеция мобилизует свой флот с целью предпринять диверсию в пользу Польши и вновь вернуть себе свои прибалтийские провинции, столь несправедливо отторгнутые от нее во время последней войны. Наш посол при шведском дворе получил от благородного лорда инструкции в духе, противоположном этим планам, и Швеция прекратила свои приготовления. С таким же намерением персидский двор послал армию под командою персидского»

наследного принца, которая должна была в три дневных перехода достигнуть русской границы. Секретарь посольства при тегеранском дворе, сэр Джон Мак-Нейль, выехал вслед за принцем, находясь на расстоянии трехдневного пути от главной квартиры, нагнал его и, в согласии с инструкциями благородного лорда, от имени Англии угрожал Персии войною, если принц продвинется хоть еще на один шаг ближе к русской границе. Подобные же средства благородный лорд применял для того, чтобы воспрепятствовать Турции возобновить с своей стороны войну».

Когда полковник Эванс требовал представления некоторых документов, доказывающих, что Пруссия нарушила свой «нейтралитет» в русско-польской войне, лорд Пальмерстон возразил, что «министры Великобритании не могут взирать на эту борьбу без глубочайшего сожаления, и им доставит величайшее удовлетворение видеть ее оконченною». (Нижняя палата, 16 августа 1831 года.)

Разумеется, он хотел, чтобы она была окончена как можно скорее, и Пруссия разделяла его желание.

Впоследствии, при другом случае, г-н Г. Галли Найт в следующих словах резюмировал все поведение благородного лорда, поскольку речь идет о польской революции: «Как только дело касается России, в поведении благородного лорда проявляется своеобразная непоследовательность... В польском вопросе благородный лорд нас все время разочаровывал; вспомним, как благородный лорд, когда от него настойчиво требовали вмешаться в интересах Польши, вполне признавал справедливость этого дела и правильность наших жалоб. «Но, — говорил он, — будьте теперь только сдержанны; как раз теперь уезжает посол, известный либеральным образом мыслей, для того, чтобы вести переговоры. Вы только помешаете его переговорам, если рассердите державу, с которою ему придется иметь дело. Поэтому будьте благоразумны, следуйте моему совету и будьте уверены, что этим будет достигнуто многое». Мы дали себя уговорить, либеральный посол уехал, но сделал ли он хоть что-нибудь для этого дела, мы так и не узнали. Единственным результатом наших стараний оказались красивые слова благородного лорда». (Нижняя палата, 13 июля 1840 года.)

Когда так называемое Польское королевство исчезло с карты Европы, в вольном городе Кракове еще удивительным образом сохранился краешек польской национальности. Во время общей анархии, последовавшей за падением Французской империи, царь Александр не то чтобы завоевал герцогство Варшавское, но просто-напросто захватил его и, конечно, старался удержать его за собой вме-

сте с Краковом, который включен был Бонапартом в состав герцогства. Австрия, к владениям которой Краков некогда принадлежал, хотела получить его обратно. Царь, видя, что не может удержать Краков, но не желая, чтобы он достался Австрии, предложил сделать его вольным. Ввиду этого в VI статье Венского договора было постановлено: «Город Краков со своим округом должен быть навсегда свободным, независимым и строго нейтральным городом под протекторатом Австрии, России и Пруссии»; а согласно IX статье «правительства России, Австрии и Пруссии обязуются соблюдать и заставлять других соблюдать нейтралитет Кракова и его округа как свободного города. *Никакая вооруженная сила не в праве вступить туда под каким бы то ни было предлогом.*»

Непосредственно после окончания польского восстания 1830 — 1831 гг. русские отряды неожиданно вступили в Краков, и эта оккупация продолжалась два месяца. Однако она рассматривалась как временная мера, вызванная войною, и была скоро забыта в бурях этой эпохи.

В 1836 году Краков снова оккупировали австрийские, русские и прусские отряды, с целью, как говорили, принудить власти Кракова к выдаче тех лиц, которые принимали участие в восстании, происходившем пять лет тому назад. При этом случае благородный лорд воздержался от всякого протеста, ибо, как выразился он в 1836 и 1840 гг., «трудно придать нашим представлениям действительную силу». Однако, когда Краков был окончательно захвачен Австрией, простое представление показалось ему «единственно действительным средством». Когда три северных державы оккупировали Краков в 1836 г., конституция была упразднена, и три консульства, имевшие там свое местопребывание, присвоили себе высшую власть; полиция была поручена австрийским шпионам, сенат был сброшен, суды были распущены, университет парализован запрещением принимать студентов из соседних провинций, и торговля вольного города с окружающими местностями разрушена.

Когда в марте 1836 г. лорд Пальмерстон был запрошен по поводу оккупации Кракова, он объявил ее лишь временным явлением. Толкование, какое он давал действиям своих трех северных союзников, было настолько неубедительным и настолько «апологетичным», что он сам вдруг почувствовал необходимость остановиться и прервать гладкое течение своей речи для следующего торжественного заявления: «Я явился сюда не для того, чтобы защищать меры, которые я, напротив, порицаю и осуждаю. Я упомянул об этих фактах только потому, что они если и не оправдывают

насильственной оккупации Кракова, то, быть может, являются извиняющими обстоятельствами и т. п.». Он признал, что Венский договор обязывал упомянутые три державы не предпринимать ни одного шага, каков бы он ни был, без предварительного согласия Англии; «но с полным правом можно сказать о них, что они *невольны* заплатили дань чувству справедливости и прямоту нашей страны, когда предположили, что мы никогда не одобрим подобного поведения».

Однако Патрику Стюарту пришло на ум, что для сохранения Кракова существует лучшее средство, чем одно только «воздержание от представлений», и он внес 20 апреля 1836 г. предложение «рекомендовать правительству послать в вольный город Краков консула в качестве представителя, так как там уже находятся три консула трех других держав: России, Пруссии и Австрии». Одновременное прибытие в Краков французского и английского консулов имело бы значение политического события и, во всяком случае, помешало бы благородному лорду заявлять впоследствии, что он совсем не заметил интриг, затеваемых Австрией, Россией и Пруссией в Кракове. Когда благородный лорд увидел, что большинство парламента сочувствует этому предложению, он побудил Стюарта взять его обратно, дав торжественное обещание, что «правительство пошлет в Краков консульского агента».

Когда, 22 марта 1837 г., лорд Дедли Стюарт запросил его по поводу этого обещания, благородный лорд ответил, что он «переменил свое намерение и не послал в Краков консульского агента и что он и в настоящий момент не намерен сделать этого». Когда лорд Дедли Стюарт заявил, что он внесет запрос с целью получить документальное объяснение по поводу этого странного дела, благородный лорд помешал этому запросу просто тем, что немедленно удалился из парламента, заставив этим произвести проверку кворума. Он никогда не дал объяснений, почему или ради чего не сдержал он данного им обещания, и с успехом сопротивлялся всем попыткам вырвать у него какое бы то ни было письменное сообщение об этом деле.

«Временная» оккупация Кракова продолжалась также после 1840 года, ввиду чего население обратилось к правительствам Франции и Англии с меморандумом, который содержал, между прочим, следующие слова:

«Несчастье, постигшее вольный город Краков и его население, приняло такие размеры, что нижеподписавшиеся не видят более для себя и для своих сограждан никакого выхода, кроме надежды на защиту со стороны могущественных и просвещенных правительств

Франции и Англии. Положение, в котором они в настоящий момент находятся, дает им право обратиться ко всем державам, подписавшим Венский договор».

Когда Пальмерстон 13 июля 1840 г. был запрошен по поводу краковской петиции, он заявил, что «для Австрии и британского правительства вопрос об очищении Кракова есть только вопрос времени». Что касается нарушения Венского договора, то «нет никакой возможности провести силою взгляды Англии, если бы даже последняя была готова взяться за оружие, ибо очевидно, что Краков является местом, где действия со стороны Англии невозможны».

Необходимо обратить внимание на то, что через два дня после этого заявления, 15 июля 1840 г., благородный лорд заключил с Россией, Австрией и Пруссией договор, закрывший для английского флота Черное море, — может быть, для того, чтобы и там для Англии стали невозможны какие-либо действия. Как раз в то же время благородный лорд возобновил с этими державами Священный союз против Франции. О торговых потерях, понесенных Англией в результате оккупации Кракова, благородный лорд выразился следующим образом: «общий экспорт в Германию не уменьшился», на что сэр Роберт Пиль правильно заметил, что это не имеет никакого отношения к Кракову, ибо туда посылаются из Англии значительные количества товаров через Черное море, Молдавию и Галицию. И когда от благородного лорда настойчиво требовали высказать свои действительные намерения по этому вопросу, а также по поводу посылки в Краков консульского агента, он возразил: способ, каким членами оппозиции было использовано его злополучное заявление о назначении в Краков британского консула (заявление, к которому благородный лорд в 1836 г. был вынужден, дабы избежать порицания со стороны враждебно настроенного к нему парламента), дает ему право отказаться от всякого ответа на этот вопрос, который мог бы снова подвергнуть его подобным же несправедливым нападениям.

16 августа 1846 г. он заявил, что «от пребывания в Кракове консульского агента не зависит, будет ли Венский договор осуществлен и выполнен великими державами Европы или нет».

28 января 1847 г. жребий Кракова был решен, и когда от благородного лорда снова потребовали документальных данных о том, почему *назначение* британского консула в Краков не состоялось, он заявил, что «этот вопрос не стоит ни в какой *безусловной* связи со спором об аннексии Кракова, и он не видит никакой пользы в том, чтобы начать снова бурный спор о предмете, имеющем лишь *предвзятый* интерес». Итак, он остался верен высказанному им еще

7 марта 1837 г. взгляду о сообщении парламенту государственных документов: «Если документы стоят в связи с вопросами, которые еще служат предметом спора, их представление опасно; если же они относятся к вопросам, уже разрешенным, то они не принесут уже ровно никакой пользы».

А между тем британское правительство было очень точно осведомлено своим варшавским консулом, полковником Дю-Плейтом, о значении Кракова не только в политическом, но и в коммерческом отношении:

«Краков со времени своего превращения в независимый город постоянно служил складочным пунктом для очень значительных количеств английских товаров, которые присылались с Черного моря, из Молдавии и Галиции и даже через Триест, а потом расходились в окружающие страны. С течением времени он был присоединен к крупным железнодорожным линиям Богемии, Пруссии, Австрии. Он является также центром важного железнодорожного пути между Адриатическим морем и Балтийским. Равным образом между ним и Варшавой будет установлено прямое сообщение. Так как можно почти с уверенностью предвидеть, что каждый важный пункт Леванта и даже Индии и Китая будет соединен с Адриатическим морем, то нельзя отрицать того, что для самой Англии было бы крайне важно в торговом отношении иметь в центре великой железнодорожной сети, соединяющей западные континенты с восточными, такой пункт, как Краков».

Даже лорд Пальмерстон должен был признать, что восстание Кракова в 1846 г. было сознательно спровоцировано тремя державами. «Я полагаю, что первоначальное вступление австрийских отрядов в краковскую область произошло по просьбе правительства. Но потом эти австрийские отряды ушли обратно. Почему они ушли? По этому поводу ни разу еще не были представлены объяснения. Вместе с ними удалились и правительственные власти Кракова, и непосредственным или, вернее, первым последствием этого ухода было создание в Кракове временного правительства». (Нижняя палата, 17 августа 1846 года.)

22 февраля 1846 г. австрийские отряды, а за ними русские и прусские заняли Краков. 26-го того же месяца начальник Тарновского округа выпустил прокламацию, в которой призывал крестьян убивать своих помещиков, обещая им за это «приличное денежное вознаграждение». За этою прокламациею последовали галицийские погромы и убийства около двух тысяч помещиков. 12 марта появилась австрийская прокламация к «верноподданым галичанам, ко-

торые поднялись на защиту закона и порядка и уничтожили врагов порядка». В официальной газете от 28 апреля князь Фридрих фон-Шварценберг официально заявил, что «события, которые имели место, были *санкционированы* австрийским правительством», которое, несомненно действовало по общему плану с Россией и ее лакеем — Пруссией.

После всех этих поворных деяний лорд Пальмерстон счел уместным сделать в парламенте следующее заявление: «Я слишком высокого мнения о чувстве справедливости правительств Австрии, России и Пруссии, чтобы предполагать, что их отношение к Кракову будет не такое, на какое он имеет право на основании договора». (Нижняя палата, 17 августа 1846 года.)

Благородный лорд стремился тогда только к тому, чтобы как-нибудь отделаться от парламента, сессия которого как раз приходила к концу. Он уверял Нижнюю палату в том, что «со стороны британского правительства будет сделано все для того, чтобы заставить относиться к требованиям Венского договора с должным уважением». Но когда г-н Юм выразил сомнение в том, «*намерен ли* лорд Пальмерстон потребовать удаления русско-австрийских отрядов», благородный лорд просил парламент не придавать никакой веры этим утверждениям г-на Юма. Он осведомлен гораздо лучше и убежден, что оккупация Кракова только *временная*. Когда от парламента 1846 г. отделались таким же манером, как от парламента 1843 г., 11 ноября 1846 г. неожиданно появилась австрийская прокламация о включении Кракова в состав австрийского государства. Когда 19 января 1847 г. парламент снова собрался, он узнал из тронной речи, что Краков погиб, но что на его месте остался протест храброго Пальмерстона. Но чтобы заранее лишить этот протест всякой тени значения, благородный лорд в то же время всячески старался втянуть Англию в спор с Францией из-за испанских браков, — спор, который едва не имел очень серьезных последствий; эту политику господин Смит О'Брайен в заседании Нижней палаты 18 апреля 1847 г. подверг необычайно резкой критике. Французское правительство обратилось к Пальмерстону, чтобы заручиться его содействием при общем протесте против присоединения Кракова. На это лорд Норманби, в качестве уполномоченного благородного лорда, ответил, что насильственное деяние, допущенное Австрией в виде аннексии Кракова, не хуже поступка Франции, устроившей бракосочетание герцога Монпансье с наследницею испанского престола: одно есть нарушение Венского договора, другое — нарушение Утрехтского договора. Но ведь Утрехтский договор, хотя

и возобновленный в 1782 г., был окончательно отменен антиякобинскою войною и поэтому с 1792 г. потерял всякую силу. Никто в парламенте не знал этого лучше благородного лорда, который сам по поводу дебатов о блокаде Мексики и Буэнос-Айреса сообщал парламенту, что «постановления Утрехтского договора давно уничтожены превратностями войны, за исключением одного только пункта о Бразилии и французской Гвиане, пункта, прямо включенного в Венский договор».

Мы должны рассмотреть еще усилия, сделанные благородным лордом для отражения наступательных действий России против Польши.

Между Англией, Голландией и Россией существовало когда-то своеобразное соглашение, так называемый русско-голландский заем. Во время антиякобинской войны царь Александр сделал заем у господ Гоге и К^о в Амстердаме. После падения Наполеона король нидерландский, «желая выразить союзным державам признательность за освобождение его страны», а также за аннексию Бельгии, на которую он не имел ни малейшего права, предложил заключить с Россией договор, по которому он обязывался уплатить России (по частям) 25 миллионов гульденов, которые она должна была господам Гоге и К^о; другие державы отказались от своих притязаний в пользу России, находившейся тогда в крайне стесненном финансовом положении. Англия присоединилась к этому договору, конечно, с целью хоть несколько прикрыть свой грабеж голландских колоний у мыса Доброй Надежды, в Демераре, Эссеквибо и Бербисе, и обязалась уплачивать определенную часть назначенной России субсидии. Это постановление было включено в Венский договор, но с определенной оговоркой, что «платеж прекращается, если союз между Голландией и Бельгией будет разорван раньше, чем долг будет выплачен». Когда Бельгия, благодаря революции, отделилась от Голландии, последняя, разумеется, отказалась от дальнейших платежей в пользу России на том основании, что заем был заключен с целью сохранить за Голландией нераздельное владение бельгийскими провинциями, а теперь она уже более не обладает суверенитетом над этими землями. С другой стороны, как констатировал в парламенте господин Геррис, «Россия не имеет ни малейшего следа какого-либо права на продолжение платежей со стороны Англии». (Нижняя палата, 26 января 1832 года). Однако лорд Пальмерстон нашел вполне естественным, что «Россия в одном случае получает вознаграждение за то, что поддерживает союз между Бельгией и Голландией, а в другом случае за то, что она поддерживает разделение этих двух стран». (Нижняя палата, 16 июля 1832 года.)

В трагических выражениях умолял он о верном соблюдении договоров и прежде всего Венского договора; и он старался провести новый договор с Россией, датированный 16 ноября 1831 г., во вступлении к которому прямо говорится, что он заключен «на основании общих постановлений Венского договора, которые должны остаться в полной силе».

Когда постановление о голландско-русском займе было включено в Венский договор, герцог Веллингтон воскликнул: «Это—дипломатический шедевр лорда Кестльри, ибо теперь соблюдение Венского договора будет для России связано с денежным обязательством».

Когда после этого Россия нарушила Венский договор занятием Кракова, г-н Юм предложил прекратить дальнейшие ежегодные платежи России из британского казначейства. Однако благородный лорд полагал, что если Россия и имела право нарушить договор по отношению к Польше, то Англия все-таки должна остаться связанною этим договором по отношению к России.

Но этим еще не исчерпано необычайное поведение благородного лорда. После того как вспыхнула бельгийская революция и еще до того как парламент утвердил новый русский заем, Пальмерстон уже принял на себя издержки России в войне против Польши под ложным предлогом уплаты старого долга, принятого на себя Англией в 1815 г.; и это несмотря на то, что, по заявлению величайшего английского юриста, сэра Э. Согдена, теперь лорда Сент-Леонарда, «в этом вопросе нет ни одного спорного пункта и что правительство не имело ни малейшего права уплачивать хотя бы один шиллинг». (Нижняя палата, 26 июня 1832 года.) Мы можем также сослаться на авторитет сэра Роберта Пиля, который заявил, что «лорд Пальмерстон по закону не имел права выдать эти деньги авансом». (Нижняя палата, 12 июля 1832 года.)

Итак, теперь нам понятно, почему благородный лорд при всяком случае повторяет, что «для тонко чувствующего человека нет ничего более неприятного, чем все эти объяснения по поводу Польши». И мы можем также представить себе, какую степень решительности разовьет он тогда, когда нужно будет оказать сопротивление наступательным действиям той державы, которой он так беззаветно служил.

IV.

Вечную и неисчерпаемую тему для самовозвеличения благородному лорду доставляют те услуги, которые он оказал делу конституционной свободы на всем континенте. Действительно, мир обязан ему изобретением трех конституционных королевств: Португалии, Испании и Греции — трех политических фантомов, которые можно сравнить лишь с вагнеровским гомункулусом из «Фауста». Португалия, стонущая под бременем мясной туши, которая называется донной Марией да-Глория и за которой скрывается один из Кобургов, «должна быть рассматриваема как одна из *самостоятельных* держав Европы». (Нижняя палата, 10 марта 1835 года.)

И в то время как благородный лорд говорил это, в гавани Лиссабона бросили якорь шесть английских военных судов, которые должны были защищать «самостоятельную» дочь дон-Педро от ее португальского народа и помочь ей уничтожить ту конституцию, защищать которую она присягала. Испания, отданная другой Марии, которая хотя и известна как грешница, но никогда не делается Магдалиною, «является перед нами в виде богатой державы среди европейских королевств, державы цветущей, даже возбуждающей страх». (Лорд Пальмерстон, Нижняя палата, 10 марта 1837 года.)

Разумеется, она возбуждает страх у всех владельцев испанских ценных бумаг. Но благородный лорд находит достаточные основания даже для того, чтобы отдать родину Перикла и Софокла под номинальную власть молодого баварского идиота. «Король Оттон происходит из страны, где существует свободная конституция». (Нижняя палата, 8 августа 1832 года.)

Свободная конституция в Баварии, этой немецкой Беотии! Это превосходит поэтическую вольность риторических украшений, «обоснованные надежды» Испании и «самостоятельное» могущество Португалии. Что касается Бельгии, то благородный лорд не сделал ничего особенного: он только обременил ее частью голландского долга, отхватил у нее провинцию Люксембург и посадил ей на шею династию Кобургов. Что касается *entente cordiale* (сердечного соглашения)

с Францией, то оно начало хромать с того момента, когда под предлогом окончательного укрепления этого соглашения Пальмерстон в 1834 г. основал четверной союз; мы могли уже убедиться на примере Польши в умении благородного лорда использовать этот союз по своему усмотрению и увидим из дальнейшего, во что он превратился в его руках.

Одним из трех фактов, которые едва обращают на себя внимание современников, но образуют четкие вехи исторических эпох, является занятие Константинополя русскими войсками в 1833 г.

Наконец-то исполнилась старинная мечта России. Наконец-то варвар с ледовитых берегов Невы держал в своей железной руке пышную Византию и облитые солнцем берега Босфора. Тот, кто собственною властью возвел себя в сан наследника греческих императоров, владел теперь — хотя бы лишь на время — восточным Римом.

«Оккупация Константинополя русскими отрядами решила судьбу Турции как самостоятельного государства. Тот факт, что Россия оккупировала Константинополь, хотя бы с целью его защиты (?), был таким же решающим ударом для турецкой независимости, как если бы русский флаг уже развевался над Сералем». (Сэр Роберт Пиль, Нижняя палата, 17 марта 1834 года.)

В результате несчастной войны 1828 — 1829 гг. и Адрианопольского мира Порты потеряла свой престиж в глазах своих собственных подданных. И тогда, — как это всегда бывает в восточных государствах, когда верховная власть ослабевает, — начались успешные восстания пашей. Уже в октябре 1831 г. начался конфликт между султаном и Мехметом-Али, египетским пашею, который поддерживал Порту во время греческого восстания. Весною 1832 г. его сын Ибрагим-паша вступил с своим войском в Сирию, завоевал эту провинцию после битвы под Хомсом, переправился через Тавр, в битве при Кони уничтожил последнюю турецкую армию и направился прямо на Стамбул.

2 февраля 1833 г. султан вынужден был обратиться за помощью в Петербург. 17 февраля в Константинополь прибыл французский адмирал Руссен, через два дня он сделал Порте представления и обязался на определенных условиях, в том числе на условии отказа от помощи России, принять меры к тому, чтобы паша отступил. Но так как он был совершенно один, то он, конечно, не мог справиться с Россией. «Вы меня звали, вы должны меня принять».

20 февраля большая русская эскадра неожиданно отплыла из Севастополя, высадила на берегу Босфора значительный русский десант и расположилась вокруг столицы. Россия так жаждала

защищать Турцию, что одновременно послала русских офицеров к трапезундскому и эрзерумскому пашам, чтобы сообщить им, что эти обе местности будут защищаться русской армией в том случае, если отряды Ибрагима продвинутся к Эрзеруму. В конце мая 1833 г. из Петербурга приехал граф Орлов¹ и дал понять султану, что он привез с собою маленький клочок бумаги, который тот должен подписать, не посоветовавшись со своими министрами и без ведома кого-либо из дипломатических агентов, аккредитованных при Порте. Так возник знаменитый Ункиар-Скелесский договор, заключенный на восемь лет. В нем Порта согласилась на оборонительный и наступательный союз с Россией, отказалась от права заключать договоры с другими державами, если в них не принимает участия также и Россия, и подтвердила прежние русско-турецкие договоры, в особенности Адрианопольский. В тайном прибавлении к договору Порта обязалась «в интересах русского императорского двора закрыть Дарданелльский пролив, т. е. запретить вход туда иностранным военным судам под каким бы то ни было предлогом».

Кому обязан был царь тем, что он мог занять своими отрядами Константинополь и в силу Ункиар-Скелесского договора перенести резиденцию Оттоманской империи из Константинополя в Петербург? Не кому другому, как достопочтенному виконту Генри Джону Пальмерстону, барону Темплъ, пэру Ирландии, члену высокопочтенного государственного совета его величества, кавалеру большого креста высокого Ордена Бани, члену парламента и первому государственному секретарю его величества по иностранным делам.

Ункиар-Скелесский договор был заключен 8 июля 1833 г. 11 июля 1833 г. г-н Г.-Л. Бульвер потребовал представления парламенту документов о сирийско-турецких делах. Благородный лорд возражал против этого, ибо те дела, к которым относятся требуемые документы, *еще не закончены*, а весь характер подобного рода дел зависит именно от того, как они будут закончены. Так как окончательные результаты еще не известны, то это предложение является *преждевременным*. (Нижняя палата, 11 июля 1833 года.)

Обвиненный г-ном Бульвером в том, что он не выступил в защиту султана против Мехмета-Али и тем не воспрепятствовал продвижению русской армии, благородный лорд впервые применил эту своеобразную систему — одновременно защиты и «признаний», — которую он впоследствии развил еще дальше и *membra disjecta* (разрозненные части) которой я хочу сейчас разыскать.

¹ «Times» недавно назвал этого графа Орлова «вождем русской партии мира»; он находится теперь в Вене с *мирною* миссией.

«Он *готов* был отрицать, что в конце прошлого года султан обратился к Англии за помощью». (Нижняя палата, 11 июля 1833 года.)

«В течение августа месяца Порты официально просила о помощи». (Нижняя палата, 24 августа 1833 года.) Нет, не в августе. «Просьба Порты о поддержании флотом имела место в октябре 1832 г.». (Нижняя палата, 28 августа 1833 года.) Нет, не в октябре. «Порта просила о помощи в *ноябре*». (Нижняя палата, 17 марта 1834 года.)

Благородный лорд так же плохо помнит дату, когда Порта умоляла его о помощи, как плохо помнит Фальстаф число якобы напавших на него жуликов в клеенчатых плащах, превратившихся в зеленые куртки из кендальского сукна. Но он не склонен отрицать того, что предложенная Россией вооруженная помощь была Портою отклонена и что последняя обратилась к нему, лорду Пальмерстону. Он отклонил просьбы Порты; Порта снова обратилась к благородному лорду, отправила в Лондон сперва господина Маурагени, а потом Намика-пашу, который настойчиво просил о посылке на помощь эскадры. При этом он обещал, что султан будет нести все расходы по эскадре и что, сверх того, в виде вознаграждения за эту помощь, английским подданным в Турции будут даны новые торговые привилегии и преимущества. Россия была так уверена в том, что благородный лорд откажется, что она даже присоединилась к турецкому послу в его просьбе о помощи у сийтельного лорда. Он сам говорит нам об этом: «Справедливость заставляет меня сказать, что, когда дело еще не было решено, Россия, далекая от мысли видеть в подаче этой помощи Англиею повод к ревности, сообщила мне через своего посла, что она узнала об этой просьбе Турции, и так как заинтересована в существовании и сохранении Турции, то была бы очень довольна, если бы министры могли согласиться удовлетворить эту просьбу». (Нижняя палата, 28 августа 1833 года.)

Тем не менее, благородный лорд остался неумолим и глух ко всем представлениям Порты, несмотря на то, что последняя нашла себе ходатая в лице самой бескорыстной России. Порта начала понимать, чего от нее ожидают. Она поняла свой приговор; поняла, что должна сделать пастухом волка. Но она еще колебалась и только через три месяца решилась принять помощь России.

«Великобритания, — сказал благородный лорд, — никогда не жаловалась на то, что Россия оказала эту помощь; напротив, мы были рады, что Турция получила действительную поддержку откуда бы то ни было». (Нижняя палата, 17 марта 1834 года.)

Но к какому бы времени ни относились обращенные к лорду

Пальмерстону просьбы Порты о помощи, он должен признать, что «если бы Англия сочла *нужным* вмешаться, то этим дальнейшее движение наступающей армии, несомненно, было бы остановлено, и русские войска не были бы призваны в страну» (Нижняя палата, 11 июля 1833 года.)

Почему же не считал он «целесообразным» вмешаться и удержать Россию на почтительном расстоянии?

Ему помешал, оказывается, прежде всего недостаток времени. Но, по его же собственным словам, конфликт между Портою и Мехметом-Али начался еще в октябре 1831 г., между тем как решающее сражение при Кони произошло только 21 декабря 1832 г. Неужели он не мог найти необходимое время в продолжение всего этого долгого периода? Ибрагим-паша выиграл большое сражение в июле 1832 г., а от июля до декабря опять прошло много времени. Да, но в продолжение всего этого долгого срока он должен был ожидать со стороны Порты *формальной* просьбы, а последняя, как он нам недавно рассказал, последовала только 3 ноября. «Но, — спрашивает сэр Роберт Пиль, — разве он настолько ничего не знал о событиях в Леванте, что должен был ожидать *формальной* просьбы?» (Нижняя палата, 17 марта 1834 г.) А после ноября, когда *формальная* просьба уже была получена, прошло снова четыре долгих месяца — до конца февраля, ибо Россия появилась в Турции только 20 февраля. Почему же он за это время ничего не предпринял? Но у него имеются в запасе еще лучшие доводы, чем ссылка на недостаток времени. Египетский паша был ведь лишь мятежным подданным, а султан — сувереном. «Так как это была война подданного против суверена и так как этот суверен — союзник Англии, то с нашей стороны было бы нелойально вступать с пашею в *какие бы то ни было сношения*». (Нижняя палата, 28 августа 1833 года.)

Итак, задержать армии Ибрагима благородному лорду не позволил *этикет!* Тот же *этикет* запретил ему дать инструкции своему консулу в Александрии, чтобы тот пустил в ход свое влияние на Мехмета-Али. Подобно испанскому гранду, благородный лорд дал бы королеве стореть, но не преступил бы *этикета* и не дотронулся бы до ее юбок. Увы! оказывается, что благородный лорд уже в 1832 г. без согласия султана аккредитовал консулов и дипломатических агентов при Мехмете-Али, этом «подданном» султана, заключил с ним договоры, изменил существующие торговые и таможенные постановления и заменил их другими. И все это он проделал, не заботясь о предварительном согласии Порты или о ее последующем одобрении. (Нижняя палата, 23 февраля 1848 года.)

В соответствии с этим лорд Грей, тогдашний начальник благородного виконта, сообщает нам, что они «имели в этот момент обширные торговые сношения с Мехметом-Али, порвать которые было не в их интересах». (Палата лордов, 4 февраля 1834 года.)

Как, торговые сношения с мятежным подданным?

Но военные суда благородного лорда были тогда заняты на Дуро и на Тахо, они должны были блокировать Шельду и в качестве повивальных бабок облегчать муки родов конституционных королевств Португалии, Испании и Бельгии; он, право, не мог тогда послать ни одного судна. (Нижняя палата, 11 июля 1833 г. и 17 марта 1834 г.).

А между тем султан все время настаивал именно на помощи флотом. Предположим, что лорд действительно не был в состоянии располагать хотя бы одним судном. Но выдающиеся авторитеты уверяют нас, что от благородного лорда требовалось не столько *военное судно* — хотя бы одно! — сколько одно единственное *слово*. К этим авторитетам принадлежит лорд Мегон, служивший в министерстве иностранных дел под начальством Роберта Пиля как раз в то время, когда было высказано это утверждение. К ним же принадлежит адмирал Кодрингтон, уничтоживший турецкий флот при Наварине.

Последний сказал в Нижней палате 20 апреля 1836 года следующее: «В свое время, когда дело шло об очищении Мореи, Мехмет-Али почувствовал, какой вес имеют наши представления. Он получил тогда от Порты приказ сопротивляться всем требованиям об очищении Мореи и должен был отвечать за это своей собственной головою. Он и оказал соответствующее сопротивление, но в конце концов благоразумно уступил и очистил Морею».

Далее, герцог Веллингтон сказал: «Если бы во время сессии 1832 или 1833 гг. Мехмету-Али было бы ясно и точно сказано, что он должен приостановить свою борьбу в Малой Азии и Сирии, войне был бы этим положен конец, и мы не рисковали бы тем, что русский император получит возможность послать в Константинополь флот и армию». (Палата лордов, 4 февраля 1834 года.)

Но в пользу этого мнения имеются еще более веские авторитеты, и прежде всего сам благородный лорд, который сообщил нам 17 марта 1834 г. в Нижней палате следующее: «Хотя правительство его величества не удовлетворило пресьбу султана о помощи флотом, но моральная помощь Англии была ему обеспечена. И сообщения, которые британское правительство сделало египетскому паше и командирующему в Малой Азии Ибрагиму-паше, значительно содействовали

тому, что между султаном и пашею было достигнуто соглашение (в Кутайе), ликвидировавшее войну».

Далее, лорд Дерби, тогда еще г-н Стенли и член кабинета Пальмерстона, берет на себя «смелость утверждать, что дальнейшее движение Мехмета-Али было остановлено только благодаря решительному заявлению Англии и Франции, что они не допустят оккупации Константинополя мехметовскими войсками». (Нижняя палата, 17 марта 1834 года.)

Итак, по словам лорда Дерби и самого лорда Пальмерстона, не русский флот и десант в Константинополе, но *решительное заявление* британского консульского агента в Александрии заставило Ибрагима приостановить свое победоносное движение к Константинополю и вызвало к жизни соглашение в Кутайе, по которому Мехмет-Али получил в придачу к Египту еще и сирийский пашалык, Адану и другие местности. Но благородный лорд считал нужным, чтобы его консул в Александрии сделал эти ясные заявления лишь после того, как турецкая армия будет разбита, Константинополь наводнен казаками, а Ункиар-Скелесский договор подписан султаном и положен царем в карман.

Если недостаток времени и военных судов не позволил благородному лорду оказать султану помощь и если преувеличенное чувство этикета помешало ему задержать пашу, то предписал ли он, по крайней мере, своему послу в Константинополе противодействовать чрезмерному усилению русского влияния и стремиться ограничить это влияние определенными пределами? О нет, наоборот. Дабы не помешать свободе действий России, благородный лорд предпочел вообще не иметь в Константинополе посла в продолжение наиболее критического периода.

«Если в какой-нибудь стране положение и авторитет посла могли принести громадную пользу и если было когда-нибудь время, когда это положение и этот авторитет могли быть использованы с максимальным успехом, то это было в Турции в течение шести месяцев до 8 июля». (Лорд Мегон, Нижняя палата, 20 апреля 1836 года.)

Лорд Пальмерстон сообщает нам, что британский посол сэр Стратфорд Каннинг покинул Константинополь в сентябре 1832 г.; что лорд Понсонби, находившийся тогда в Неаполе, был назначен на его место в ноябре; что «встретились препятствия к его немедленному отъезду туда», хотя военное судно ожидало его; что «вследствие неблагоприятной погоды его приезд в Константинополь затянулся до конца мая 1833 г.». (Нижняя палата, 17 марта 1834 года.)

Россия еще не высадила своих войск, поэтому лорд Понсонби

получил приказ употребить на переезд из Неаполя в Константинополь семь месяцев.

Да и почему было благородному лорду помешать русским оккупировать Константинополь? «Он, с своей стороны, сильно сомневается в том, входил ли когда-нибудь в намерения русского правительства *раздел* Турецкой империи». (Нижняя палата, 14 февраля 1839 года.)

О, конечно, нет! Россия хотела не раздела, — она предпочитала удержать за собою *всю* империю.

Кроме уверенности, которую давало ему это *сомнение*, другую уверенность давало ему *сомнение* в том, направлена ли в *данный момент* политика России к немедленному осуществлению этого плана, а третью «уверенность» давало ему третье «*сомнение*», а именно, подготовлена ли русская нация (подумать только — русская нация!) к такому перемещению государственной власти, резиденции и правительства в южные провинции, что было бы необходимым последствием завоевания Константинополя Россией. (Нижняя палата, 11 июля 1833 года.)

Кроме этих отрицательных аргументов, благородный лорд имеет еще один положительный:

«Если Англия спокойно взирала на временную оккупацию турецкой столицы русскими военными силами, то это произошло потому, что она питала полнейшее доверие к честности и добросовестности России. Обещая султану свою помощь, русское правительство гарантировало свою лояльность своей честью, и к этому ручательству он питает полнейшее доверие». (Нижняя палата, 11 июля 1833 года.)

Доверие благородного лорда было столь недосыгаемым, несокрушимым, полным, непреходящим, непреодолимым, неисчислимым, неизменным, неизлечимым, беспредельным, безмерным, бесстрашным и несравненным, что еще 17 марта 1834 г., когда Ункиар-Скелесский договор был уже совершившимся фактом, он все еще уверял, что «министры не обманулись в своем доверии».

Действительно, не его вина, если природа одарила его органом доверчивости почти сверхъестественных размеров.

V.

Содержание Ункиар-Скелесского договора было опубликовано в «Morning Herald» от 21 августа 1833 г. 24 августа сэр Роберт Инглиз запросил в Нижней палате лорда Пальмерстона о том, «действительно ли между Россией и Турцией заключен оборонительно-наступательный союз? Он надеется, что благородный лорд будет в состоянии еще до закрытия парламентской сессии представить палате не только заключенные договоры, но и все сведения, относящиеся к заключению этих договоров между Турцией и Россией». Лорд Пальмерстон ответил, «что только тогда, когда была бы *уверенность*, что подобный договор действительно существует, и когда этот договор был бы получен, наступило бы время решать, какой политический шаг должен быть предпринят... Не его вина, если пресса подчас опережает правительство». (Нижняя палата, 24 августа 1833 года.)

Спустя семь месяцев он уверял парламент, что было «абсолютно невозможно иметь уже в августе официальные сведения об Ункиар-Скелесском договоре, который был ратифицирован в Константинополе лишь в сентябре». (Нижняя палата, 17 марта 1834 года.)

Правда, он знал о договоре уже в августе, но только *неофициально*.

«Английское правительство было изумлено, узнав, что русские войска, уходя из Босфора, захватили с собою этот договор». (Лорд Пальмерстон, Нижняя палата, 1 марта 1848 года.)

Мало того, благородный лорд имел в своих руках договор еще до того, как он был подписан:

«Как только Порта получила проект Ункиар-Скелесского договора, она доставила его английскому посольству в Константинополе с одновременной просьбой защитить ее от Ибрагима-паши и Николая. Просьба была отклонена, но дело этим не ограничилось. Об этом факте с чисто дьявольским вероломством было сообщено русскому посланнику. И на следующий день последний вручил Порте тот самый экземпляр договора, который она доставила английскому

посольству, присовокупив к этому иронический совет: «в другой раз получше выбирать своих доверенных». (Г-н Ансти, Нижняя палата, 8 февраля 1848 года.)

Но благородный лорд достиг всего, что ему нужно было. 24 августа 1833 года его запрашивали в Нижней палате по поводу Ункиар-Скелесского договора, о существовании которого ему не было достоверно известно. 29 августа были отсрочены заседания парламента; в тронной речи депутаты были напутствованы утешительным уверением, «что враждебные действия, нарушившие покой Турции, закончились, и депутаты могут быть уверены в том, что король, как и раньше, с величайшим вниманием следит за событиями, которые могли бы нанести ущерб теперешнему положению дел Турции или будущей независимости этого государства».

Здесь, таким образом, мы имеем ключ к знаменитым июльским договорам России. Они были заключены в июле, а в августе благодаря прессе кое-что стало достоянием гласности. Лорда Пальмерстона запросили по этому поводу в Нижней палате; оказалось, конечно, что он ничего не знает; парламентская сессия закрывается, а когда парламент собирается снова, договор уже стал делом прошлого или, как в 1841 году, уже выполнен наперекор общественному мнению.

29 августа 1833 г. заседания парламента прерываются, а 5 февраля 1834 г. он собирается вновь. В промежуток между его роспуском и созывом происходят два события, теснейшим образом друг с другом связанные. Во-первых, соединенные французский и английский флоты прибыли в Дарданеллы и, водрузив там трехцветное знамя и знамя Соединенного королевства, отправились дальше в Смирну и оттуда вернулись в Мальту. Во-вторых, 29 января 1834 г. между Россией и Турцией был заключен новый договор — Петербургский. Как только этот договор был подписан, соединенные флоты отплыли обратно.

Эти комбинированные маневры имели только одну цель: внушить английскому народу и Европе веру в то, что враждебная демонстрация в турецких водах была направлена против Турции, как протест против заключения Ункиар-Скелесского договора, и вынудила Россию к заключению нового договора в Петербурге. Этот договор, обещавший очищение княжеств и сокративший турецкую контрибуцию до одной трети первоначально назначенной суммы, новидимому, принес Порте некоторые облегчения сравнительно с обязательствами, наложенными на нее Адрианопольским договором. Во всех других пунктах он являлся лишь ратификацией.

Адрианопольского договора. В нем совершенно не упоминается об Ункиар-Скелесском договоре и нет ни слова о проходе через Дарданеллы. Наоборот, мелкие облегчения, которые он доставил Турции, были как бы платой за то, что Ункиар-Скелесским договором Дарданеллы были закрыты для Европы.

«В то самое время, когда происходила демонстрация (британского флота), благородный лорд уверял здешнее русское посольство, что это общее выступление флотов не должно рассматриваться как проявление враждебных намерений или враждебная демонстрация против России и что оно в действительности ничего не обозначает. Я сообщаю это, опираясь на авторитет лорда Понсонби, коллеги благородного лорда и посла в Константинополе». (Г-н Ансти, Нижняя палата, 23 февраля 1848 года.)

После того как был ратифицирован Петербургский договор, благородный лорд выразил свое удовлетворение умеренностью, проявленную Россией в своих требованиях. После созыва парламента в «Globe» — органе министерства иностранных дел — появилась заметка, в которой говорится, что «Петербургский договор является либо доказательством умеренности и разумного образа мыслей России, либо же показателем того влияния, которое оказали на совещания в Петербурге союз Англии и Франции и их энергичное и единодушное выступление». («Globe», 24 февраля 1835 г.)

Таким образом, с одной стороны, Англия задним числом санкционирует тот самый Адрианопольский договор, против которого протестовали в свое время лорд Эбердин и герцог Веллингтон — ибо лорд Пальмерстон объявляет себя вполне согласным с Петербургским договором, являющимся лишь ратификацией Адрианопольского, — а с другой стороны, этим отвлекается внимание общества от Ункиар-Скелесского договора и устраняется вражда, которую он вызвал во всей Европе по отношению к России.

Эта уловка не удалась, несмотря на всю свою гениальность. 17 марта 1834 г. г-н Шейль внес предложение, чтобы «палате были представлены копии всех договоров, заключенных между Россией и Турцией, и всей корреспонденции между английским, турецким и русским правительствами, которая относится к этим договорам». Благородный лорд самым настойчивым образом воспротивился этому предложению, и ему удалось устранить его, уверив палату, что «мир может быть обеспечен только в том случае, если палата окажет полное доверие правительству» и отклонит внесенное предложение. Но доводы, которыми он подкреплял свой отказ представить акты, были полны столь грубых противоречий, что сэр Роберт Пиль

назвал его, выражаясь на своем парламентском языке, «совершенно неубедительным полемистом», а его собственный приверженец, полковник Эванс, должен был признать, что «речь благородного лорда кажется ему самой неудовлетворительной из всех речей, слышанных им когда-либо от него».

Лорд Пальмерстон старался уверить палату в том, что, согласно *уверениям* России, Ункиар-Скелесский договор надо рассматривать как *покоящийся на принципе взаимности*. Эта взаимность состоит в том, что, в случае войны, Дарданеллы должны быть закрыты не только для Англии, но также и для России. Это утверждение уже и само по себе неверно; но если даже предположить, что оно верно, то эта взаимность является *ирландской*, т. е. совершенно односторонней. Ибо если Россия пройдет через Дарданеллы, она это сделает не для того, чтобы войти в Черное море, а, наоборот, чтобы из него выйти.

Не будучи в состоянии опровергнуть утверждения г-на Шейля, что «Ункиар-Скелесский договор сводится к тому, как если бы Порта уступила России владение Дарданеллами», лорд Пальмерстон соглашался, что «договор этот запирает Дарданеллы для британских военных судов... и что его выполнением фактически может быть загражден доступ в Черное море даже торговым судам в случае войны между Англией и Россией. Но если правительство будет держать себя «благоразумно», «не будет выказывать ненужного недоверия», т. е. молчаливо подчинится всем дальнейшим злоупотреблениям России, то «он склонен думать, что этот случай, возможно, никогда не наступит, что этот договор никогда не вступит в силу и что поэтому он на деле останется мертвой буквой». (Нижняя палата, 17 марта 1834 года.)

Кроме того, британское правительство получило от договаривающихся сторон «уверения и разъяснения такого рода», что всякие возражения против договора совершенно отпадают. Таким образом, по его мнению, надо обращать внимание не на статьи и не на содержание Ункиар-Скелесского договора, но на уверения, данные по его поводу Россией, — не на дела России, а на слова ее. Но когда в тот же день обратили его внимание на протест французского поверенного в делах, г-на Ле-Грене, против Ункиар-Скелесского договора и ознакомили палату с оскорбительными и непримиримыми выражениями графа Нессельроде, заявившего в «С.-Петербургской газете», что «русский император будет поступать так, как будто заявления, содержащегося в ноте г. Ле-Грене, не существовало», — тогда благородный лорд отрекся от своих собственных слов и в полном противоречии с ними заявил, что «английское правительство всегда

обязано обращать больше внимания на дела иностранных держав, чем на слова, которые они употребляют по тому или иному поводу».

Таким образом, он один раз ссылается на дела России в противоположность ее словам, а другой раз — на ее слова в противоположность ее делам.

Еще в 1837 году он уверял палату, что «Ункиар-Скелесский договор является договором между двумя независимыми державами». (Нижняя палата, 14 декабря 1837 года.)

А десятью годами позже, когда срок договора давно истек и благородный лорд только что приготовился играть роль настоящего английского министра и гордого «*civis romanus sum*» (я — римский гражданин), он заявил палате напрямик, что «Ункиар-Скелесский договор, без сомнения, до известной степени был навязан Турции русским послом графом Орловым при таких обстоятельствах (виновником их был сам благородный лорд), которые делали для Турции затруднительным его отклонение... Фактически договор предоставил русскому правительству такую возможность диктовать Турции условия и вмешиваться в ее дела, которая действительно была несовместима с независимостью этого государства». (Нижняя палата, 1 марта 1848 года.)

В продолжение всего хода дебатов об Ункиар-Скелесском договоре благородный лорд, как шут в комедии, в любой момент имел наготове ответ такого ужасающего калибра, что он мог удовлетворить всякого и быть ответом на любой вопрос: это — англо-французский союз! Когда его насмешливо упрекали за его потворство по отношению к России, он отвечал совершенно серьезно: «Если эти насмешки направлены против создавшихся ныне отношений между нашей страной и Францией, то он должен только сказать, что его участие в создании этого доброго согласия наполняет его чувством гордости и удовлетворения». (Нижняя палата, 11 июля 1833 года.)

Когда от него потребовали предъявления документов, относящихся к Ункиар-Скелесскому договору, он ответил: «Англия и Франция заключили между собою дружественный союз, который все более и более укрепляется». (Нижняя палата, 17 марта 1834 года.)

«Я хочу только заметить, — воскликнул сэр Роберт Пиль, — что всякий раз, как благородный лорд бывает поставлен в затруднительное положение из-за нашей европейской политики, он не находит лучшего средства выпутаться из него, как поздравить палату с тесным союзом между нашей страной и Францией». Но в то же время благородный лорд старался усилить подозрения своих про-

тивников из торийской партии, будто Англия только потому была вынуждена терпеть наступление Мехмета-Али на Турцию, что Франция прямо благоприятствовала последнему.

Выставляемое напоказ соглашение с Францией должно было, таким образом, скрывать тайную преданность России, как в 1840 году шумный разрыв с Францией должен был затушевать официальный союз с Россией.

В то время как благородный лорд утомлял мир объемистыми документами и печатными фолиантами о делах конституционного бельгийского королевства и многочисленными устными и документальными разъяснениями о «самостоятельной великой державе» — Португалии, — от него до настоящего времени ни за что нельзя было вырвать документа, который дал бы разъяснение о первой турецко-сирийской войне и об Ункиар-Скелесском договоре. Когда 11 июля 1833 года в первый раз потребовали представления актов, то оказалось, что «предложение внесено преждевременно... переговоры еще не закончены... результаты еще не известны»...

24 августа 1833 года «договор еще официально не подписан и он еще не имеет его в своем распоряжении». 17 марта 1834 года все еще «ведутся переговоры... дискуссии, если можно так выразиться, еще не закончены». Даже в 1848 году, когда г-н Ансти заявил ему, что, требуя актов, он требует доказательств существования тайного соглашения между благородным лордом и царем, — рыцарственный лорд предпочел убивать время в пятичасовой речи, чем убить подозрение документами, которые говорили бы сами за себя. И, несмотря на все это, он еще имел циническую наглость заверять г-на Атвуда 14 декабря 1837 года, что «документы, связанные с Ункиар-Скелесским договором, еще три года тому назад были представлены палате», т. е. в 1834 году, когда «мир был сохранен только благодаря тому, что их *не показали* палате». В 1834 году он уговаривал палату не быть настойчивою, «так как мир может быть сохранен только в том случае, если палата будет доверять правительству», так как только тогда правительство будет в состоянии защищать интересы Англии против захватов России. В 1837 г. на малочисленном заседании палаты, на котором были почти только его сторонники, он разъяснял г-ну Атвуду, что «в намерения правительства никогда не входило прибегать к враждебным мероприятиям, чтобы принудить Россию и Турцию, две независимые державы, расторгнуть заключенный между ними договор».

В тот же день он уверял г-на Атвуда, что «договор в настоящий момент — дело прошлого, так как он был заключен только на

ограниченный срок... Этот срок истек, и упоминание о нем достойного члена палаты является совершенно излишним и нежелательным».

Первоначально было постановлено, что Ункиар-Скелесский договор должен истечь 8 июля 1841 года. Лорд Пальмерстон разъяснил г-ну Атвуду, что он уже истек 14 декабря 1837 г.

«Какую уловку, какой предлог, какую лазейку ты изобретешь теперь, чтобы скрыться от этого явного позора? Ну-ка, Фальстаф, расскажи, какую ты придумал уловку?»

VI.

В русском словаре нет слова «честь». Само это понятие объявлено французскою иллюзией. «Что такое honneur? Это — французская химера»¹— гласит русская поговорка. Открытием русской чести мир обязан исключительно лорду Пальмерстону, который в продолжение целой четверти века в каждый критический момент напыщенно ручался за «честь» царя, — он сделал это в 1853 году при закрытии сессии, как он это уже сделал при закрытии сессии в 1833 году.

Но случаю угодно было, чтобы благородный лорд, как раз в то время, когда он уверял палату в своем полном доверии к честности и верности царя, получил документы, которые держались в тайне от остального света и которые не оставляют никакого сомнения, если бы таковое существовало, в том, как обстоит дело с честностью и верностью России. Благородному лорду даже не надо было скоблить москoviта, чтобы найти в нем татарина. Он там прямо нашел татарина во всей его отвратительной обнаженности. Он получил в свое распоряжение признания руководящих русских министров и дипломатов, сбросивших свои личины и открывших свои тайные помыслы,— признания, в которых они откровенно развивали свои планы завоеваний и угнетений и презрительно насмеялись над глупым легковерием европейских дворов и министров, издеваясь над всеми этими Виллелями, Меттернихами, Эбердинами, Каннингами и Веллингтонами; с грубым цинизмом варвара, едва прикрытым жестокой иронией придворного, они совещались о том, как сеять недоверие в Париже против Англии, в Лондоне против Австрии, в Вене против Лондона, натравить всех друг на друга и превратить их всех в простое орудие России.

Во время варшавского восстания в руки победоносных поляков попали архивы наместника, хранившиеся во дворце великого князя Константина и содержавшие тайную переписку русских министров и послов с начала этого века до 1830 года. Польские эмигранты привезли эти документы сперва во Францию, а потом граф Замойский,

¹ Фраза: «Что такое... химера» в подлиннике написана по-русски. *Ред.*

племянник князя Чарторыйского, передал их лорду Пальмерстону, который по-христиански предал их забвению. С этими бумагами в кармане он особенно ревностно возвещал перед британским сенатом и всем миром «свое абсолютное доверие к честности и верности русского императора».

Не по вине благородного лорда эти сенсационные документы были опубликованы в конце 1835 года в знаменитом «Portfolio». Каков бы ни был король Вильгельм в других отношениях, он во всяком случае был решительным врагом России. Его личный секретарь, сэр Герберт Тэйлор, был близко знаком с Давидом Уркாரтом и представил его королю. С этого момента «королевское величество» вместе с этими обоими друзьями конспирировало против политики «истинно английского» министра.

«Вильгельм IV приказал благородному лорду выдать вышеупомянутые документы; после их выдачи они были подвергнуты рассмотрению в Виндзорском замке, и было признано желательным отпечатать и опубликовать их. Несмотря на сильное сопротивление со стороны лорда Пальмерстона, король принудил его санкционировать это издание авторитетом министерства иностранных дел, так что издатель, редактировавший документы для печати, не опубликовал ни одной строки, которая не имела бы печати министерства или его (лорда) инициалов. Я сам видел инициалы благородного лорда под одним из этих документов, несмотря на то, что благородный лорд отрицает эти факты. Лорд Пальмерстон увидел себя вынужденным передать эти документы для опубликования господину Уркарту. Последний и был действительным издателем «Portfolio». (Г-н Ансти, Нижняя палата, 23 февраля 1848 года.)

После смерти короля лорд Пальмерстон отказался уплатить типографу за печатание «Portfolio», публично и торжественно отрицая всякую связь с ним министерства иностранных дел и заставив — неизвестно каким путем — своего вице-секретаря, г-на Бэкзауза, дать свою подпись под этим опровержением. В «Times» от 30 января 1839 года напечатана следующая заметка: «Мы не знаем, что испытывает лорд Пальмерстон, но для нас нет никакого сомнения, что испытал бы всякий другой человек в положении министра и джентльмена после того, как стала достоянием широкой гласности опубликованная во вчерашнем номере газеты переписка между г-ном Уркாரтом, которого лорд Пальмерстон отставил от должности, и г-ном Бэкзаузом, которого благородный виконт оставил на посту. Из этой корреспонденции устанавливается с определенностью, не допускающей возражений, что вся серия официальных документов,

опубликованная в хорошо известном так называемом «Portfolio», была напечатана и распространена с согласия лорда Пальмерстона и что его светлость несет за эту публикацию одинаково ответственность: как политическую, в качестве государственного деятеля пред лицом своей страны и других держав, так и денежную — пред типографом и издателем, как заказчик, давший им это поручение».

Из-за несчастной войны 1828 — 1829 гг. и наложенной по Адрианопольскому договору контрибуции в пользу России турецкие финансы были так истощены, что Турция увидела себя вынужденной еще больше расширить вредную систему монополий, в силу которой продажа всяких товаров дозволяется только тем, кто получил определенное разрешение от правительства. Благодаря этому нескольким ростовщикам удалось забрать в свои руки почти всю торговлю страны. Г-н Уркарт предложил королю Вильгельму IV заключить с Турцией торговый договор, который принес бы большие выгоды британской торговле и одновременно способствовал развитию производительных сил Турции, оздоровил ее финансы и освободил ее от русского ига. Любопытную историю этого договора мы передадим лучше всего собственными словами г-на Ансти.

«Вся борьба между лордом Пальмерстоном и г-ном Уркாரтом шла вокруг этого торгового договора. 3 октября 1835 г. г-н Уркарт получил назначение на пост секретаря посольства в Константинополе; это место было предоставлено ему с той единственной целью, чтобы он там обеспечил принятие Турцией этого торгового договора. Но он тянул свой отъезд до июня или июля 1836 года. Лорд Пальмерстон торопил его с отъездом. Но он на все настояния неизменно отвечал следующее: «Я поеду лишь тогда, когда будет окончательно согласован этот торговый договор с министерством торговли и министерством иностранных дел; тогда я лично отвезу его в Турцию и добьюсь его принятия Портой». Наконец, лорд Пальмерстон дал свое одобрение договору, и последний был отправлен лорду Понсонби, послу в Константинополе. В то же время лорд Пальмерстон дал ему знать, чтобы он взял переговоры из рук Уркарта в свои собственные, что противоречило соглашению, заключенному с Уркாரтом. Но как только Уркарт был удален из Константинополя благодаря интригам благородного лорда, договор был тотчас же отставлен. Два года спустя благородный лорд снова взялся за него, публично, в заседании палаты, признав авторство Уркарта и скромно отрицая какие-либо заслуги в этом деле со своей стороны. Но благородный лорд извратил этот договор, заменил его во всех частях скверной подделкой и сделал

его гибельным для торговли. Первоначальный договор Уркарта ставил английских подданных в Турции в положение граждан наиболее благоприятствуемой державы, т. е. приравнивал их к русским. Подделанный лордом Пальмерстоном текст договора ставил английских подданных на одну доску с турецкими подданными, переобремененными тяжелыми налогами и всякого рода притеснениями. Договор Уркарта требовал отмены всякого рода транзитных пошлин, монополий, налогов и повинностей, кроме тех, которые установлены в самом договоре. Поддельный же договор лорда Пальмерстона содержал оговорку, по которой Высокой Порте предоставлялось право издавать любые постановления или ограничения относительно торговли. В договоре Уркарта вывозная пошлина равнялась, как и раньше, трем шиллингам; благородный лорд повысил эту пошлину с трех до пяти шиллингов. Договор Уркарта устанавливал пошлины на товары *ad valorem* (по стоимости) таким образом, что для предметов торговли, которые производятся исключительно в Турции и для которых при их продаже в иностранных гаванях можно установить монопольные цены, должна быть двумя комиссарами, турецким и английским, установлена вывозная пошлина такой высоты, чтобы была прибыльной и давала доход государству; с товаров же, которые производятся и в других странах, кроме Турции, и которые, следовательно, не могут продаваться в иностранных гаванях по такой цене, которая оправдывала бы высокую пошлину, последняя должна быть понижена. Договор лорда Пальмерстона устанавливал однообразную пошлину в двенадцать шиллингов для всех видов товаров, независимо от того, могут ли они выдержать такую пошлину или нет. Оригинальный текст договора распространял на турецкие корабли и товары преимущества свободной торговли; договор поддельный не содержал на этот счет вообще никаких определений... Я обвиняю благородного лорда в том, что он совершил этот подлог, я обвиняю его в том, что он скрыл это от парламента, и я обвиняю его, наконец, в том, что он обманул палату, заявив ей, будто это есть тот самый договор, который составил г-н Уркарт». (Г-н Ансти, Нижняя палата, 23 февраля 1848 года.)

Договор, измененный благородным лордом, оказался столь благоприятным для России и столь вредным для Англии, что некоторые английские купцы в Леванте решили стать под защиту русских фирм, а других, как сообщает г-н Уркарт, от этого удержало лишь своего рода чувство национальной чести.

О тайных отношениях между благородным лордом и королем Вильгельмом IV г-н Ансти рассказал палате следующее: «Король за-

ставил благородного лорда обратить свое внимание на вопрос о все усиливающихся злоупотреблениях России по отношению к Турции... Я могу доказать, что благородный лорд вынужден был в этом вопросе подчиниться указаниям личного секретаря покойного монарха и что его пребывание на его посту зависело от того, подчинится ли он желаниям монарха или нет... Благородный лорд иногда пытался по тому или иному поводу оказывать сопротивление, поскольку хватало смелости, но за каждой такой попыткой сопротивления следовали позорнейшие припадки раскаяния и раболепства. Не смею утверждать, что благородный лорд был однажды в буквальном смысле слова отставлен от должности на день-два, но могу уверить, что в этом случае благородный лорд подвергся опасности быть прогнанным со своего поста в высшей степени бесперемонным образом. Я имею в виду события, разыгравшиеся в тот день, когда покойный король сделал открытие, что благородный лорд считается с чувствами русского правительства при назначении английских послов при петербургском дворе и что сэр Стратфорд Каннинг, первоначально назначенный на этот пост, был отстранен, чтобы уступить место покойному графу Дергеми как более удобному царю». (Нижняя палата, 23 февраля 1853 года.)

Достоин удивления, что в то время как король тщетно боролся с русской политикой благородного лорда, Пальмерстон и его вигские друзья сумели поселить в обществе подозрение, будто король, — известный как торий, — парализует антирусские устремления «истинно английского» министра. Приписываемое монарху торийское пристрастие к деспотическим принципам русского двора должно было служить объяснением иначе совершенно необъяснимой политики Пальмерстона. Вигские олигархи загадочно улыбались, когда г-н Г.-Л. Бульвер рассказывал палате, что «еще не далее прошлого Рождества граф Аппони, австрийский посол в Париже, говоря о восточных делах, заявил, будто наш двор больше боится французских принципов, чем русского честолюбия». (Нижняя палата, 11 июля 1833 года.)

И они вновь улыбались, когда г-н Атвуд запрашивал благородного лорда о том, «какой прием был оказан графу Орлову при дворе его величества, когда он прибыл в Англию после заключения Ункиар-Скелесского договора». (Нижняя палата, 28 августа 1833 года.)

Документы, которые умиравший король и его секретарь, покойный сэр Герберт Тэйлор, доверили господину Уркарту для того, «чтобы он при удобном случае мог реабилитировать память Вильгельма IV», прольют — если их опубликуют — новый свет на прежнюю деятельность благородного лорда и всей вигской олигархии,

относительно которой общество знает только историю ее претензий, ее фраз и ее так называемых «принципов», словом — ее маску, т. е. театральную и обманчивую внешность.

Здесь наиболее уместно воздать должное г-ну Давиду Уркарту, который в продолжение двадцати лет является неутомимым врагом лорда Пальмерстона и который оказался единственным противником, кого страх не мог заставить замолчать, подкуп побудить к уступчивости, а очарование не превратило в поклонника. А между тем остальных своих врагов Альчина-Пальмерстон сумел приручить либо льстивыми речами, либо другими приманками и превратить в своих слуг. Мы только что слышали из уст г-на Ансти бурные обвинения против его светлости, а вот что сообщает Уркарт:

«В высшей степени важно, что обвиняемый министр посетил члена палаты г-на Ансти и помирился с ним, удовлетворившись предложением сотрудничества и личной дружбы и не настаивая на формальном отказе от своих слов или извинениях. Последовавшее вскоре назначение г-на Ансти на должность при теперешнем правительстве говорит само за себя». (*Д. Уркарт, Успехи России.*)

А 23 февраля 1848 года тот же г-н Ансти сравнил благородного лорда «с бесчестным маркизом Кармартемом, статс-секретарем Вильгельма III, которого царю Петру I, при его посещении английского двора, удалось подкупить в свою пользу золотом британских купцов». (Нижняя палата, 23 февраля 1848 года.)

Кто защищал при этом случае лорда Пальмерстона от обвинений г-на Ансти? Г-н Шейль, тот самый г-н Шейль, который в 1833 году при заключении Ункиар-Скелесского договора играл ту же роль обвинителя по отношению к сиятельному лорду, какую в 1848 году играл г-н Ансти. Г-н Робек, бывший когда-то непримиримейшим противником лорда, в 1850 г. добился для него вотума доверия у палаты. Сэр Стратфорд Каннинг, бичевавший в продолжение целого десятилетия чрезмерную уступчивость благородного лорда по отношению к царю, был рад, когда от него отделились, послав его послом в Константинополь. Даже сам Дедли Стюарт, столь любезный сердцу благородного лорда, был, благодаря интригам последнего, на несколько лет исключен из парламента только за то, что осмелился быть в оппозиции к благородному лорду. Когда он снова вернулся в парламент, он стал *âme damnée* (верным соратником) «истинно английского министра». Кошут, который из Синих книг мог бы знать, что благородный лорд обманул Венгрию, назвал его при «своей высадке в Соутгемптоне «своим дорогим сердечным другом».

VII.

Если посмотреть на карту Европы, то мы на западной стороне Черного моря заметим устье Дуная, единственной реки, которая, начинаясь в сердце Европы, образует естественный путь в Азию. Как раз напротив, на восточной стороне Черного моря, к югу от реки Кубани начинается Кавказский хребет, который тянется на протяжении 700 миль в юго-восточном направлении от Черного моря к Каспийскому, отделяя Европу от Азии.

Держава, господствующая над устьями Дуная, господствует и над самим Дунаем — этим путем в Азию, — а вместе с тем в значительной части и над торговлей Швейцарии, Германии, Венгрии, Турции и главным образом Молдавии и Валахии. Если эта держава владеет к тому же еще и Кавказом, тогда ей и только ей принадлежит все Черное море, как *mare clausum* (внутреннее море), и ей нехватает только Дарданелл и Константинополя, чтобы закрыть всему миру доступ к этому морю. Обладание Кавказскими горами обеспечивает ей в то же время господство над Трапезундом, а благодаря ее господству на Каспийском море — и над северным побережьем Персии.

Россия устремила свои жадные взоры и на устья Дуная, и на Кавказский хребет. Устья надо еще завоевать, а на завоеванном Кавказе надо укрепить свое господство. Кавказские горы отделяют Южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых москвитянами от мусульман. Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье; она защищена непрерывной цепью укреплений и подвергается с обеих сторон беспрестанным нападениям враждебных кавказских племен. Если бы все эти кавказские племена объединились под владычеством единого военного вождя, они могли бы представить серьезную опасность даже для соседних казачьих областей. «В ужас приводит мысль о страшных последствиях, которые имело бы для Южной России объединение враждебных кавказцев под властью единого вождя», восклицает

немец Купфер, начальник научной комиссии, сопровождавшей в 1829 г. экспедицию генерала Эммануэля к Эльбрусу.

В данный момент наше внимание одинаково привлекают и берега Дуная, где Россия овладела двумя житницами Европы, и Кавказ, где России угрожает потеря Грузии. Ее поведение в обеих этих областях объясняется одинаковыми причинами. Речь идет об Адрианопольском договоре, подготовившем захват Молдавии и Валахии Россией и санкционировавшем ее притязания на Кавказ.

Статья IV этого договора гласит: «Все страны, расположенные к северу и востоку от пограничной линии между обеими империями (Россией и Турцией) по направлению к Грузии, Имеретии и Гурии, далее все побережье Черного моря от устья Кубани до гавани св. Николая включительно — должны оставаться под русским владычеством». Относительно Дуная договор содержит следующее постановление: «Пограничная линия будет следовать по течению Дуная до устья св. Георгия и оставит во владении России все острова, образованные различными рукавами. Правый берег останется, как и до сих пор, во владении Порты. Но, согласно состоявшемуся соглашению, этот правый берег, начиная с того места, где рукав св. Георгия отделяется от Сулинского рукава, должен на расстоянии двух часов ходьбы (шести миль) от реки оставаться *незаселенным*, и там не должны быть возводимы постройки какого бы то ни было рода. *То же самое* относится к островам, которые остаются еще во владении России. Не считая карантинных станций, которые там возводятся, на них не позволено сооружать никаких построек или укреплений».

Поскольку оба эти параграфа обеспечивают России новые владения и исключительные торговые привилегии, они нарушают Петербургский протокол герцога Веллингтона от 4 апреля 1826 г. и Лондонский договор от 6 июля 1827 г. между Россией и другими державами. Поэтому английское правительство отказалось признать Адрианопольский договор. Против него протестовал герцог Веллингтон. (Лорд Дедли Стюарт, Нижняя палата, 17 марта 1837 г.)

Лорд Эбердин также протестовал против него, как сообщает лорд Мегон: «В депеше к лорду Гейтсбери от 31 октября 1829 г. он выразился с немалым неудовольствием о многих частях Адрианопольского договора, особенно о постановлениях, касающихся дунайских островов. Он считает, что этот договор не достаточно считается с территориальными правами Порты, а также с отношениями и интересами всех морских держав Средиземного моря». (Нижняя палата, 20 апреля 1837 года.)

Граф Грей заявил: «Независимость Порты будет принесена в жертву, и миру Европы будет угрожать опасность, если этот договор будет санкционирован». (Верхняя палата, 4 февраля 1834 года.)

В своей речи от 17 марта 1837 года сам лорд Пальмерстон уверяет нас в следующем: «Что касается расширения русских границ до устьев Дуная, на Южном Кавказе и на побережье Черного моря, то оно безусловно не согласуется с торжественным заявлением, сделанным Россией перед лицом всей Европы до начала турецкой войны».

Россия могла надеяться реализовать свои притязания на Кавказ, отнятый ею у Турции, лишь в том случае, если бы ей удалось блокировать восточный берег Черного моря и отрезать подвоз военных припасов к северо-западным областям Кавказа. Но побережье Черного моря, как и устья Дуная уже во всяком случае не принадлежат к тем областям, где «не может произойти выступления Англии», как жаловался в свое время лорд Пальмерстон по поводу краковских событий. Каким же образом, при помощи каких таинственных уловок московитянам удалось блокировать Дунай и побережье Черного моря и принудить Англию подчиниться не только Адрианопольскому договору, но и нарушениям этого договора самой Россией?

Эти вопросы были поставлены благородному лорду в Нижней палате 20 апреля 1836 г., в связи с представленными многочисленными петициями купцов Лондона, Глазго и других торговых городов, направленными против фискальных постановлений России в Черном море и ее распоряжений и ограничений, стремящихся пресечь английскую торговлю на Дунае.

7 февраля 1836 года вышел русский указ о сооружении — в согласии с Адрианопольским договором — карантинной станции на одном из островов в устьях Дуная. Для того, чтобы иметь возможность проводить карантинные постановления, Россия желала получить право посещать проходящие суда, обыскивать их, взимать с них сборы и провожать в Одессу непослушные суда, намеревающиеся проехать вверх по Дунаю. Перед сооружением карантина или, вернее говоря, перед тем, как под ложным видом карантина были построены форт и таможня, русское правительство попыталось нащупать почву для того, чтобы определить, как далеко можно идти по отношению к английскому правительству. Лорд Дергем, действовавший по инструкциям, полученным из Лондона, заявил русскому правительству протест по поводу препятствий, которые ставились английской торговле. «Его направили к графу Нессельроде. Граф Нессельроде написал отношение губернатору Новороссии,

губернатор Новороссии, в свою очередь, сообщил консулу в Галаце, который вошел в сношения с британским консулом в Браилове, получившим, наконец, указание направить капитанов, с которых взяли пошлину, к устьям Дуная, т. е. на то место, где им причинена была несправедливость, для того, чтобы можно было точно расследовать дело; при этом всем, конечно, было хорошо известно, что потерпевшие капитаны уже находятся в Англии». (Нижняя палата, 20 апреля 1836 года.)

Формальный указ об этих мерах, последовавший 7 февраля 1836 года, возбудил всеобщее внимание в кругах британского купечества ввиду того, что — как констатировал в Нижней палате 20 апреля 1836 г. г-н Стюарт — «уже вышел в море или готовится к отплытию целый ряд судов, капитаны которых получили прямой приказ не признавать права России подыматься на борт и обыскивать суда. Легко предвидеть, какова будет судьба этих кораблей, если палата не решится определенно выразить свое мнение. Если этого не будет сделано, то британские суда с общей вместимостью, по крайней мере, в 5 000 тонн будут отведены в Одессу, если не подчинятся дерзким требованиям России». (Нижняя палата, 20 апреля 1836 года.)

Мы уже упомянули, что Россия предъявляла требования на болотистые острова в устьях Дуная на основании Адрианопольского договора, нарушившего договор, заключенный между Россией, Англией и другими державами 26 июля 1827 года. Но сооружение укреплений в устьях Дуная и их вооружение артиллерией являлось нарушением даже Адрианопольского договора, категорически воспрепятствовавшего возведение каких бы то ни было укреплений на расстоянии шести миль от реки. Взимание пошлин и учинение препятствий свободному судоходству по Дунаю являются нарушением Венского договора, объявившего, что «судоходство должно быть совершенно свободным по всему течению рек, начиная с того места, где каждая из них становится судоходной, до устья», что «высота пошлин ни в коем случае не должна превышать взимающихся сейчас» (т. е. в 1815 году) и что «никакое повышение не должно иметь места без общего согласия государств, расположенных у этой реки».

Таким образом, Россия для оправдания своих действий могла бы сослаться только на договор 1827 г., но он был нарушен Адрианопольским договором; последний же был нарушен самой Россией, и тогда для оправдания всего пришлось нарушить Венский договор.

Вывать у лорда Пальмерстона какое бы то ни было заявление о том, признает ли он Адрианопольский договор или нет, оказалось совершенно невозможным. Что касается нарушения Венского дого-

вора, то «он не получил никакого «официального» сообщения о том, что произошло что-либо, противоречащее этому договору. Но если бы участвующие в последнем стороны стали утверждать что-либо подобное, то должно поступить так, как юрисконсульты короны найдут соответствующим правам английских подданных».

Статьей V Адрианопольского договора Россия гарантирует «Дунайским княжествам преуспеяние и полную свободу торговли». Г-н Патрик Стюарт указал, что княжества Молдавия и Валахия вызвали смертельную ревность со стороны России, так как с 1834 г. их торговля столь быстро расцвела, что они стали конкурировать с самой Россией в главнейшей отрасли ее производства, а Галац стал самым крупным складочным местом для всей хлебной торговли на Дунае, оставив позади Одессу. Лорд Пальмерстон ответил на это следующими словами: «Если бы мой достопочтенный друг мог доказать, что наша торговля с Турцией, бывшая несколько лет тому назад крупной и значительной, сильно упала вследствие нападения других стран или небрежности нашего правительства, то он действительно имел бы основание апеллировать к палате. Но вместо этого мой уважаемый друг указал, что за последние годы наша торговля с Турцией развилась из ничего до очень значительных размеров».

«Россия препятствует судоходству по Дунаю, потому что торговля княжеств становится все значительнее», говорит г-н Стюарт. «Но, — возражает лорд Пальмерстон, — Россия не делала этого, когда эта торговля была еще совсем незначительна». «Ничего не делается, чтобы помешать последним захватам России на Дунае», — говорит г-н Стюарт. «Но, — спрашивает лорд Пальмерстон, — разве мы что-либо предпринимали до того, как Россия позволила себе эти захваты? *Поэтому* какие же это были «обстоятельства», против которых правительство не приняло как будто мер, не будучи к этому вынуждено прямым вмешательством палаты?»

Его светлости удалось помешать палате принять решение, уверив ее, что британское правительство ничуть не склонно покорно сносить злоупотребление какой-либо другой державы, кто бы она ни была и каковы бы ни были ее силы и могущество; он просил палату «осторожности ради не делать ничего такого, что могло бы быть ложно истолковано другими державами или дало бы им *право* посмотреть с нашей стороны намеренную провокацию».

Спустя неделю после этих дебатов в Нижней палате один британский купец отправил письмо лорду Пальмерстону относительно упомянутого русского указа. Младший секретарь министерства дал ему следующий ответ: «По поручению лорда Пальмерстона сообщаю

вам, что его светлость обратилась к юрисконсульту короны с просьбой сообщить свое мнение по поводу постановлений, опубликованных в русском указе от 7 февраля 1836 года. В то же время лорд Пальмерстон поручает мне ответить вам на последнюю часть вашего письма, что, по мнению правительства, русские власти не имеют права взимать пошлины в устье Дуная и что вы были правы, предписав своим агентам *отказаться* от всякой уплаты.

Купец поступил согласно указаниям этого письма. И благородный лорд выдал его России головой. Как сообщает г-н Уркарт, русские консулы в Лондоне и Ливерпуле взимают теперь пошлину с каждого английского судна, отправляющегося в турецкие гавани на Дунае, а «на острове Лети все еще находится карантин».

Но Россия в своих вторжениях на Дунай не ограничилась сооружением карантина, постройкой укреплений и взысканием пошлин. По Адрианопольскому договору к России отошел Сулинский рукав, единственный еще судоходный рукав Дуная. Когда им владели турки, уровень воды в нем поддерживался всегда на высоте 14—16 футов. Когда рукав перешел к России, глубина воды в нем была уменьшена до 8 футов, т. е. до такого уровня, который делает совершенно невозможным прохождение судов с хлебом. Но Россия была участницей Венского договора, а статья 113 последнего устанавливает, «что каждое государство обязано за свой счет содержать в порядке бечевники на берегу, т. е. буксирный путь, и поддерживать необходимые водные сооружения для того, чтобы судоходство не испытывало никаких затруднений».

Россия не нашла лучшего средства поддержать судоходность Сулинского рукава, как понизив уровень воды в нем, усеяв обломками судов и забив его устье песком и илом. К этому систематическому и длительному нарушению Венского договора Россия прибавила еще нарушение Адрианопольского договора, запрещающего возведение на Сулинском рукаве каких бы то ни было построек, кроме карантинного здания и маяков. А между тем там по приказу России вырос маленький город, кормящийся путем вымогательств, случай к чему представляется задержками судов в пути и перегрузками на барки в виду засорения канала.

«Cum principia negante non est disputandum» (с людьми, отрицающими основы, нельзя спорить). «Какая польза настаивать на абстрактных принципах, — сказал лорд Пальмерстон 30 апреля 1823 г., — перед лицом деспотических правительств, которые, как известно, право измеряют силой и в своем поведении руководятся своекорыстьем, а не справедливостью?» В соответствии со своими

правилами благородный лорд умерен, осторожно удовольствовался настаиванием на абстрактных принципах по отношению к деспотическому правительству России. Но он пошел еще дальше. 6 июля 1840 года он уверял палату, что свобода Дуная «обеспечивается Венским договором», а 13 июля 1840 года он жаловался на то, что «хотя оккупация Кракова и является нарушением Венского договора, но Англия не имеет средств силой отстоять свое мнение, так как Краков, очевидно для всех, не является таким местом, где возможно было бы выступление со стороны Англии», а через два дня он заключил с Россией договор, герметически закрывший Дарданеллы для английских военных судов «на время мира с Турцией»; таким образом Англия лишила себя единственного средства заставить силой осуществить Венский договор, и Черное море действительно превратилось «в место, где невозможно никакое выступление со стороны Англии».

Когда это было достигнуто, благородный лорд сделал видимость уступки общественному мнению, выпустив целый залп бумажных заявлений, в которых он в крайне сентиментальных и цветистых выражениях напоминает «деспотическому правительству, измеряющему право силой и руководящемуся в своем поведении своекорыстием, а не справедливостью», что «Россия, пригрозив Турции к уступке ей устья большой европейской реки, образующей главный торговый путь для взаимных сношений стольких наций, вместе с тем приняла на себя по отношению к другим государствам обязательства, полное соблюдение которых она должна считать делом своей чести». Эта проповедь об абстрактных принципах вызвала у графа Нессельроде только спокойный и флегматический ответ: «вопрос будет тщательно расследован». Кроме того, он время от времени выражал «чувство сожаления императорского правительства по поводу того, что к его намерениям относятся с таким недоверием».

Таким образом, мы обязаны правительству благородного лорда тем, что в 1853 году судоходство по Дунаю было объявлено *невозможным* и что хлеб гнил в Сулинском рукаве, в то время как Франции, Англии и югу Европы угрожал голод. А Россия, по словам «Times'a», «к своим прежним стратегическим важным приобретениям присоединила еще обладание железными воротами между Дунаем и Черным морем». Россия приобрела ключ к Дунаю, и благодаря этому она сможет наказывать Западную Европу голодом каждый раз, когда будет недовольна ее политикой.

VIII.

Петиции, представленные в палату общин 26 апреля 1836 года, и связанная с ними резолюция господина Патрика Стюарта относились не только к Дунаю, но и к Черкесии, ибо в торговых кругах распространился слух, что Россия, под предлогом блокады черкесского побережья, хочет помешать английским судам выгружать товары и грузы в определенных гаванях восточного побережья Черного моря. Лорд Пальмерстон торжественно заявил по этому поводу: «Если парламент нам доверяет, если он хочет оставить за нами руководство внешними сношениями страны, то мы сможем защитить интересы страны и поддержать ее честь, не будучи вынуждены прибегнуть к войне». (Нижняя палата, 26 апреля 1836 года.)

Через несколько месяцев после этого, 29 октября 1836 г., из Лондона в Черкесию отплыл «Виксен», торговое судно, принадлежавшее г-ну Джорджу Беллю и нагруженное солью. 25 ноября судно было захвачено русским военным кораблем в черкесской бухте Сухум-Кале «как плававшее у блокированного берега». (Письмо русского адмирала Лазарева английскому консулу Чайльдсу от 24 декабря 1836 г.) Судно, его груз и экипаж были отправлены в Севастопольскую гавань, где 27 января был вынесен приговор России о конфискации судна. Там уже не было больше речи о «блокаде», но судно «Виксен» было просто объявлено законным «призом»: «оно было обвинено в контрабанде», так как ввоз соли воспрещен, а в бухте Сухум-Кале, т. е. в русской гавани, нет таможи. Приговор был приведен в исполнение в чрезвычайно унижительной и оскорбительной форме. Русские, захватившие судно, были награждены знаками отличия. Британский флаг был сначала поднят, а затем спущен, и вместо него был поднят русский. Капитан и экипаж судна были приведены, в качестве пленных, на борт «Аякса», захватившего их, затем отосланы в Севастополь, оттуда в Одессу, и, наконец, в Константинополь, откуда им позволено было вернуться в Англию. О самом судне немецкий путешественник, посетивший через несколько лет после этого события Севастополь, писал в

«Augsburger Zeitung» следующее: «Из всех русских линейных кораблей, которые я посетил, мое наибольшее любопытство возбудил «Сухум-Кале», прежний «Виксен», плавающий теперь под русским флагом. Это судно совершенно изменило свой вид. Это маленькое судно является теперь лучшим парусным судном во всем русском флоте и употребляется обычно для транспортов между Севастополем и черкесскими берегами».

Захват «Виксена» бесспорно давал лучший повод лорду Пальмерстону выполнить свое обещание — «защищать интересы страны и поддержать ее честь». Но, кроме чести британского флага и интересов британской торговли, дело шло еще о чем-то другом — о *независимости Черкессии*. Сперва Россия оправдывала арест «Виксена» тем, что обвиняло команду в нарушении объявленной Россией блокады; но на суде судно было признано виновным в совершенно ином преступлении, а именно — в нарушении русских таможенных правил. Провозглашая блокаду, Россия объявила Черкесию враждебной себе, чуждой страной, — но тогда спрашивается, признавало ли когда-либо британское правительство эту блокаду? И обратно: распространяя на Черкесию русские таможенные правила, Россия как бы объявляла ее русским вассальным государством, — и тогда спрашивается, признавало ли когда-либо британское правительство притязания России на Черкесию?

Прежде чем перейти к дальнейшему, мы хотим напомнить, что в то время Россия еще далеко не успела закончить свои работы по укреплению Севастополя.

Притязания России на Черкесию могли бы основываться только на Адрианопольском договоре, как мы уже доказали в одной из предыдущих статей. Но договор от 6 июля 1827 года обязывал Россию не делать никаких территориальных приобретений и не извлекать односторонних коммерческих выгод из войны с Турцией. Всякое расширение русских границ на основании Адрианопольского договора являлось поэтому явным нарушением договора от 6 июля 1827 года, требующим непременного протеста со стороны Великобритании, как это доказывают протесты Веллингтона и Эбердина. Таким образом, Россия не имела никакого права отнимать Черкесию у Турции. Но, с другой стороны, Турция не могла уступить России то, чем не владела сама. Черкесия всегда была настолько независима от Турции, что в то время как в Анапе еще имел местопребывание турецкий паша, Россия заключала соглашения с черкесскими вождями о прибрежной торговле, так как турецкая торговля по закону ограничивалась исключительно гаванью Анапы. А раз Черкесия была независимой

страной, то законы о местном самоуправлении, санитарные правила и таможенные предписания, которыми сочли нужным снабдить ее московитяне, имели такую же степень обязательности, как русские законы для гавани Тампико.

А с другой стороны, если Черкесия была чуждой, враждебной России страной, то последняя имела право объявить ей блокаду лишь в том случае, если она была в состоянии блокаду эту осуществить фактически, а не только на бумаге, т. е. если Россия действительно обладала достаточными морскими силами, чтобы провести ее в жизнь и действительно господствовать над побережьем. Но на протяжении берега длиною в двести миль Россия владела только тремя изолированными фортами, все остальное было в руках черкесских племен. В бухте Сухум-Кале вообще не было русского форта. Блокада фактически не имела места, так как не было морских сил для ее осуществления. Экипажи двух английских судов — «Виксена» и еще одного судна, посетившего в 1834 году эту бухту, — категорически свидетельствовали, что не было никакой оккупации русскими берега; это свидетельство было публично подтверждено двумя английскими путешественниками, посетившими гавань в 1837 и 1838 годах. («Portfolio», VIII, 1 марта 1844 года.)

Когда «Виксен» входил в гавань Сухум-Кале, ни в открытом море, ни на горизонте не видно было никаких русских военных кораблей... И только по прошествии тридцати шести часов после того, как «Виксен» бросил якорь и владелец его и несколько офицеров высадились на берег и стали вести переговоры с черкесскими властями о таможене и пошлинах на товары, в гавань случайно зашло русское военное судно. И оно шло не вдоль берега, а прибыло из открытого моря. (Г-н Ансти, Нижняя палата, 23 февраля 1848 года.)

Нужны ли еще дальнейшие доказательства того, что сам петербургский кабинет велел захватить судно «Виксен» *под предлогом* нарушения блокады и конфисковать его *под предлогом* нарушения таможенных предписаний?

Положение казалось тем более благоприятным для черкесов, что вопрос об их независимости совпал с вопросом о свободном судоходстве по Черному морю, об охране британской торговли и о бесстыдном пиратском акте, совершенном Россией по отношению к британскому торговому судну. Ожидание, что Черкесия найдет защиту у «владычицы морей», казалось тем более обоснованным, «что незадолго до этих событий, после зрелого размышления и многонедельной переписки с различными правительственными ведомствами, была напечатана в «Portfolio» — периодическом органе, близком к министерству

иностранных дел, — декларация Черкесии о ее независимости и что на карте, редактированной самим лордом Пальмерстоном, Черкесия была обозначена как независимая страна». (Г-н Робинзон, Нижняя палата, 21 января 1838 года).

Поверит ли кто-нибудь, что благородный и рыцарственный виконт по поводу этого случая так мастерски повернул все дело, что именно этот акт морского разбоя, учиненный Россией над английской собственностью, дал ему долгожданный повод формально признать Адрианопольский договор и покончить с независимостью Черкесии? 17 марта 1837 года г-н Робек, ссылаясь на конфискацию «Виксена», внес предложение о «представлении парламенту копии всей переписки между Англией и правительствами России и Турции, относящейся к Адрианопольскому договору, а также всех тех переговоров, которые велись с Россией со времени Адрианопольского договора по поводу гаваней и территорий на берегах Черного моря».

Опасаясь, как бы его не заподозрили в том, что он защищает Черкесию по «абстрактным принципам», г-н Робек заявил откровенно: «Россия может пытаться захватить весь мир, и я буду на эти ее попытки взирать равнодушно; но в тот момент, когда она покушается на нашу торговлю, я призываю правительство нашей страны (очевидно, эта страна лежит где-то вне «мира»!) покарать захватчика». Поэтому он желает узнать, «признало ли британское правительство Адрианопольский договор».

Благородный лорд, хотя и жестоко прижатый к стене, все же сохранил достаточно присутствия духа для того, чтобы произнести длинную речь и «вернуться на свое место, так и не сказав палате, кто же в данный момент фактически владеет черкесским побережьем, принадлежит ли оно действительно России, захватила ли Россия «Виксен» в силу существовавшей блокады или вследствие нарушения таможенных правил, и признает ли он Адрианопольский договор или нет». (Г-н Юм, Нижняя палата, 17 марта 1837 года.)

Господин Робек констатировал, что г-н Белль, перед отплытием «Виксена» в Черкесию, обратился к благородному лорду с вопросом, не должен ли он опасаться каких-либо неприятностей или опасности, если его судно повезет товары в Черкесию; министерство иностранных дел дало на это отрицательный ответ. Лорд Пальмерстон увидел себя вынужденным прочесть перед палатой свою переписку с г-ном Беллем. Слушая чтение этих писем, можно было скорее вообразить, что он читает испанскую комедию «плаща и меча», а не официальную переписку между министром и купцом. Когда Даниель О'Коннель услышал чтение благородным лордом,

переписки о захвате «Виксена», он воскликнул: «Я не могу не вспомнить выражения Талейрана, сказавшего, что язык изобретен для того, чтобы скрывать свои мысли!»

Вот некоторые образцы этой переписки. Г-н Белль спрашивает, «существуют ли какие-либо признанные правительством его величества ограничения торговли в указанных водах. Если их нет, он желает отправить туда судно, нагруженное солью». Лорд Пальмерстон отвечает: «Вы спрашиваете меня, стоит ли вам пускаться в спекуляцию солью», и прибавляет к этому: «торговые предприятия должны сами знать, стоит ли им пускаться в ту или иную спекуляцию или нет». «Никким образом, — отвечает Белль, — все, что я хочу узнать у вас, это — признает ли правительство его величества русскую блокаду Черного моря к югу от реки Кубани или нет». «А это вам надо посмотреть в «London Gazette», — возражает благородный лорд, — там печатаются все извещения подобного рода». Для британского купца, желавшего получить упомянутые сведения, «London Gazette» была во всяком случае более подходящим источником, чем указы русского императора. И так как г-н Белль не нашел в «London Gazette» никаких сообщений о признании этой блокады или каких-либо других ограничений, то он и отправил свое судно. Следствием было то, что спустя короткое время он сам попал в «London Gazette».

«Я указал г-ну Беллю на «Gazette», — сказал лорд Пальмерстон, — на основании которой он убедился, что русское правительство ничего не сообщало и не заявляло нашей стране о блокаде. Следовательно, последнюю нельзя было и признавать». Отсылая господина Белля к «Gazette», лорд Пальмерстон этим не только отрицал признание русской блокады Великобританией, но одновременно подтверждал также, что, по его мнению, черкесское побережье *не составляет части* русской территории, так как «Gazette» не публикует извещений о блокаде иностранным государством части своей собственной территории в случае, например, восстания своих подданных. Так как Черкесия не составляет части России, то на нее и не могли быть распространены русские таможенные правила. Таким образом, по собственному признанию лорда Пальмерстона, он в своих письмах к г-ну Беллю отрицал за Россией право блокировать черкесское побережье или распространять на него какие-либо ограничения торговли. Правда, в течение всей его речи проглядывало желание внушить палате, что Черкесия состояла во владении России. Но, с другой стороны, он откровенно констатировал, что «распространение русской границы до Южного Кавказа и берегов Чер-

ного моря абсолютно не согласуется с торжественным заявлением, сделанным Россией до турецкой войны перед лицом всей Европы». Когда он после своей речи сел на свое место, торжественно уверяя палату в «своем постоянном стремлении охранять интересы и честь страны», казалось, что он изнемогает под бременем бедствий, явившихся результатом его предшествующей политики, и совершенно не думает о каких-либо предательских планах на будущее. Но в этот день он вынужден был выслушать следующий жестокий упрек, обращенный к нему: «В высшей степени преступным является недостаток решительности и энергии, проявленный благородным лордом в защите чести страны. Ни один из прежних министров не мог бы оказаться столь непостоянным, неуверенным, колеблющимся и трусливым в тот момент, когда оскорбляются британские подданные. Как долго еще будет позволено России оскорблять Великобританию и вредить британской торговле? Благородный лорд унизил Англию до роли хвастунишки, высокомерного и жестокого по отношению к слабому, покорного и подобоострастного по отношению к сильному».

Кто же был тот, кто так беспощадно заклеил («истинно английского министра»? Не кто иной, как лорд Дедли Стюарт. «Виксен» был захвачен 25 ноября 1836 года. Бурные дебаты в Нижней палате, которые мы только что цитировали, разыгрались 17 марта 1837 года. Но лишь 19 апреля 1837 года благородный лорд попросил русское правительство «указать основание, по которому оно считало себя в праве захватить в мирное время торговое судно, принадлежащее английскому подданному». 17 мая 1837 года благородный лорд получил следующую депешу от графа Дергема, британского посла в Петербурге:

«Милорд! Что касается фактической военной оккупации Сухум-Кале, то я должен сообщить вашему сиятельству, что в бухте имеется форт, носящий имя императрицы (Александровский) и занятый постоянным русским гарнизоном. Остаюсь и т. д. Дергем».

Вряд ли надо прибавлять, что «форт Александровский» не обладает даже той реальностью, какой обладали те картонные села, которые Потемкин показывал императрице Екатерине II при посещении ею Крыма. Через пять дней после получения этой депешы лорд Пальмерстон послал в Петербург следующий ответ:

«Принимая во внимание, что Сухум-Кале, признанный Россией турецкой собственностью по договору 1783 года, в настоящее время, как утверждает граф Нессельроде, по Адрианопольскому договору перешел к России, правительство его величества не находит

достаточных оснований сомневаться в праве России захватить и конфисковать «Виксен».

Эти переговоры сопровождались некоторыми весьма любопытными обстоятельствами. Лорду Пальмерстону потребовалось полных шесть месяцев для подготовки к открытию переговоров и меньше одного месяца для их окончания. Его последней депешей от 23 мая 1837 года переговоры внезапно и круто обрываются. Дата Кучук-Кайнарджийского договора приводится в ней не по григорианскому, а по юлианскому календарю. «За время от 19 апреля до 23 мая произошла удивительная перемена: начали с официального протеста, а кончили полным удовлетворением, — говорит сэр Роберт Пиль. — Очевидно, наше правительство успокоилось после заявления графа Нессельроде, что Турция уступила России *по Адрианопольскому договору* прибрежную полосу, о которой идет речь. Почему оно не протестовало против этого указа?» (Нижняя палата, 21 июня 1838 года.)

Каким же образом все это произошло? Причина очень простая. Король Вильгельм IV тайне побудил Белля послать «Виксен» к черкесскому побережью. Когда благородный лорд начал переговоры об этом инциденте, король был еще в полном здравии. Когда же лорд Пальмерстон так круто оборвал их, король находился при последнем издыхании, и благородный лорд распоряжался министерством иностранных дел так самодержавно, как если бы он был абсолютным монархом Великобритании. Разве это не шедевр со стороны любящего пошутить лорда — одним росчерком пера формально признать Адрианопольский договор и право России на владение Черкесией и на конфискацию «Виксена»! И все это от имени умирающего короля, который сам выслал строптивное судно с определенным намерением нанести оскорбление царю, показать свое пренебрежение к Адрианопольскому договору и подтвердить независимость Черкесии. Итак, господин Белль попал, как мы уже сказали, в «Gazette», а господин Уркарт, бывший тогда первым секретарем посольства в Константинополе, был отозван за то, «что уговорил господина Белля предпринять экспедицию на «Виксене».

Пока король Вильгельм IV был жив, лорд Пальмерстон не осмеливался открыто выступать против этой экспедиции. На это ясно указывают, во-первых, заявление о независимости Черкесии, опубликованное в «Portfolio», затем карта Черкесии, просмотренная благородным лордом; далее, его лишенная всякой определенности переписка с Беллем; туманные разъяснения, данные им палате; наконец, то обстоятельство, что брат г-на Белля, ведавший погрузкой

на «Виксене», при отплытии получил от министерства иностранных дел депеши для передачи посольству в Константинополе, а лорд Понсонби, британский посол при Высокой Порте, прямо поощрял его в его предприятии.

К началу царствования королевы Виктории влияние вигов, казалось, было обеспечено более, чем когда бы то ни было, и соответственно с этим внезапно изменился тон рыцарственного лорда. Место защитительных и льстивых речей сразу заняли речи высокомерные и презрительные. Когда г-н Т.-Г. Атвуд запросил 14 декабря 1837 г. о «Виксене» и Черкесии, благородный лорд ответил: «Что касается «Виксена», то Россия дала по поводу своего поведения разъяснения такого рода, что правительство Англии смогло ими вполне удовлетвориться. Судно было арестовано не из-за нарушения блокады. Оно было захвачено только потому, что лица, управлявшие им, нарушили русские муниципальные и таможенные постановления».

Относительно опасений Атвуда насчет покушений России, лорд заявил, что, «по его мнению, Россия предлагает миру такие же гарантии сохранения мира, как и Англия». (Лорд Пальмерстон, Нижняя палата, 14 декабря 1837 года.)

К концу сессии благородный лорд представил палате переписку с русским правительством, две важнейшие части которой мы уже цитировали.

В 1838 г. соотношение партий вновь изменилось, и тории опять стали играть видную роль. 21 июня они выступили с резкими обвинениями против лорда Пальмерстона. Нынешний посол в Константинополе, сэр Стратфорд Каннинг, предложил избрать особую комиссию для рассмотрения обвинений, выдвигаемых против благородного лорда г-ном Беллем, требовавшим вознаграждения за убытки. Сначала лорд казался в высшей степени изумленным, что предложение сэра Стратфорда Каннинга «носит такой мелочный характер». «Вы первый английский министр, — воскликнул по этому поводу сэр Роберт Пиль, — который осмеливается назвать мелочью защиту британской собственности и торговли». «Ни один купец, — возразил тогда лорд Пальмерстон, — не имеет права требовать от правительства, чтобы оно высказалось о таких важных делах, как суверенные права России в Черкесии или таможенные предписания и санитарные мероприятия, вводимые Россией силою оружия».

«Зачем нам тогда министерство иностранных дел, если подобные вещи не входят в круг его обязанностей?» — спросил г-н Юм. «Говорят, — возразил на это благородный лорд, — что г-н Белль,

невинный г-н Белль, попал благодаря ответам, которые я ему дал, в поставленную мною западню. Если уж говорить о западне, то г-н Белль поставил ее мне, а не я ему». Речь идет, очевидно, о тех вопросах, с которыми г-н Белль обратился к «невинному» лорду Пальмерстону.

В продолжение этих дебатов (21 июня 1838 г.) великая тайна выплыла, наконец, наружу. Если бы благородный лорд и захотел сопротивляться притязаниям России в 1836 г., он этого не мог бы сделать по той простой причине, что уже в 1831 г., едва вступив в должность, он первым делом поспешил признать захват Кавказа Россией, а тем самым молчаливо и Адрианопольский договор. 8 августа 1831 г., — как сообщает лорд Стенли (ныне лорд Дерби), — русский кабинет сообщил своему представителю в Константинополе о своем намерении «поставить под санитарный контроль существующие оживленные сношения между жителями Кавказа и соседних турецких провинций»; «об этих санитарных постановлениях должны быть осведомлены иностранные миссии в Константинополе и турецкое правительство». Позволить России вводить на черкесском побережье так называемые санитарный контроль и таможенные правила, существующие только на бумаге, в вышеназванном циркуляре, — это значило признать ее притязания на Кавказ, а тем самым и санкционировать Адрианопольский договор, на котором основывались эти притязания. «Эти инструкции, — говорит лорд Стенли, — были самым формальным образом переданы г-ну МанDEVИЛЛЮ, секретарю посольства в Константинополе, определено в целях информации британских купцов, и были также сообщены благородному лорду Пальмерстону». «О факте получения этого сообщения он, вопреки обычаю прежних правительств, не дал знать Комитету Ллойда, не осмелился дать знать». «Благородный лорд виновен в шестилетнем укрывательстве», — воскликнул сэр Роберт Пиль.

В этот день склонный к шуткам лорд избег вотума неодобрения только благодаря 16 голосам: 184 голосовали против, 200 — за него. Эти 16 голосов не заглушат голоса истории и не приведут к молчанию кавказских горцев, звон оружия которых доказывает миру, что Кавказ не «принадлежит теперь России, как уверяет граф Нессельроде» и как повторяет вслед за ним лорд Пальмерстон.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

ТУРЕЦКИЙ МАНИФЕСТ.

Лондон, 18 октября 1853 г.

Турецкий манифест, который был 1 октября доставлен четырем великим державам для оправдания объявления султаном войны царю, стоит решительно выше той огромной массы официальных нот, которыми Европа наводнена с мая 1853 г.

В нем говорится, что султан не давал никакого повода для распри. Для нее не осталось и предлога после того, как был устранен вопрос о святых местах. С одной стороны, Россия нарушила все договоры, с другой стороны — Турция исчерпала все средства примирения. Сами державы были солидарны в том, что султан не должен был подписываться под нотой князя Меншикова. Как же можно было после этого допустить, что он примет венскую ноту, которая в общем почти не отличается от ноты Меншикова? Пояснительное послание Венской конференции ничего не могло изменить в положении дел. Если Россия фальшиво истолковала даже *ясные и определенные* параграфы Кайнарджийского договора, тем более велика эта опасность, «если ей дадут в руки параграфы *неопределенные и неясные*, которые явятся для нее подходящим предлогом для претензий на религиозный протекторат». Предложенные султаном поправки вполне оправдываются позже опубликованными заявлениями Нессельроде. Занятие княжеств само по себе создавало *casus belli*, и Порты решила признать его за *casus belli*. От князя Горчкова потребовали поэтому очищения Придунайских провинций. В случае, если он по истечении пятнадцати дней после этого сообщения даст отрицательный ответ, Омер-паша должен начать враждебные действия, русские уполномоченные должны оставить оттоманские пределы, и торговые сношения между обеими странами должны прекратиться. Все же на русские торговые суда не будет наложено запрещения, они лишь получают приказ покинуть турецкие гавани. Проливы останутся открытыми для прохода торговых судов дружественных держав. Такова сущность содержания манифеста султана.

Турецкий ультиматум был сообщен князю Горчакову 9-го этого месяца. Срок для очищения княжеств истекает, таким образом, 25-го. Угрозу начать военные действия все же нельзя понимать буквально, так как Омер-паша, конечно, не оставит своих сильных позиций, чтобы напасть на русских.

Во вчерашнем «Morning Herald» подтверждаются мои замечания относительно движения русской армии на запад и тайного соглашения с Австрией, на которое это движение указывает.

Верная старой азиатской системе обмана и уловок, Россия опять пользуется легковерием западных государств и распространяет слух, будто царь «только что собирался *спешно* отправить в Вену курьера с заявлением, что он охотно и полностью принимает все условия, предложенные вмешавшимися державами», когда, к «несчастью», узнал об объявлении войны со стороны Порты». Тогда, естественно, «русский бог» (God of the Russians) взял назад *все уступки*, которые он когда-либо раньше сделал, и воскликнул: «Теперь ничего не остается, кроме войны до последней капли крови» (*guerre à outrance*). Таким образом, выходит, что царь вынужден был к войне султаном. Австрийский интернунций господин фон-Брук запросил будто бы Порту, думает ли она предложить политическим эмигрантам образовать иностранный легион. Решид-паша ответил, что, несмотря на предложения, которые беспрестанно делаются Порте, он не принял еще никакого решения, но в случае, если Турция будет покинута ее союзниками, она сочтет себя вполне в праве применить для своей защиты все средства и привлечь на службу политических эмигрантов, которые рассеяны по разным странам Европы.

В «Constitutionnel» мы читаем:

«Мы имеем все основания думать, что в данный момент Высокой Портой делаются в Париже и Лондоне официальные попытки получить поддержку Франции и Англии».

В газетах сообщается, что австрийский император уменьшил свою армию на 100 000 человек. Верно то, что такое количество людей уволено в отпуск, но в каждый данный момент они могут быть снова призваны. На этот шаг толкнули венский кабинет, с одной стороны, финансовые затруднения, а с другой — надежда таким образом внушить доверие заимодавцам.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Наконец, война на Дунае началась, — война религиозного фанатизма с обеих сторон, война на жизнь и на смерть — для турок, война традиционной жажды захватов — для русских. Как и следовало ожидать, Омер-паша первый начал настоящие военные действия. Его обязанностью было произвести хотя бы демонстрацию, которая бы доказывала действительное намерение силою оружия изгнать вторгшегося неприятеля с оттоманской территории. Ни в коем случае, однако, нельзя считать достоверным, что он перебросил через Дунай от 30000 до 50000 человек, как об этом распространяют слух из Вены; если же он это действительно сделал, то надо опасаться, что он допустил роковую ошибку. Берег, который он покидает, предоставлял ему хорошую позицию и богатые средства защиты; берег, к которому он стремится, дает лишь незначительные возможности для наступления и, в случае неудачи, не обеспечивает пути для отступления. Поэтому надо относиться с недоверием к сведениям о переходе таких крупных сил до тех пор, пока не будет получено более точных известий.

Если война в Европе начинается для Турции при неблагоприятных обстоятельствах, то иначе обстоит дело в Азии. С военной точки зрения пограничные округа между Россией и Турцией делятся там на две резко очерченных операционных области. Горный хребет или, собственно, цепь гор связывает Кавказ с плоскогорьем центральной Армении и образует водораздел между реками, впадающими в Черное море, и водами, которые несет Аракс к Каспийскому морю или Евфрат в Персидский залив. Теперь этот хребет, который раньше отделял Армению от Понта, образует разграничительную линию между обеими областями, в которых должна разыгаться война. Через эту цепь круто обрывающихся и почти голых скал проходит лишь очень немного дорог, из которых наиболее важны две, идущие от Трапезунда и Батума на Эрзерун. Для военных целей, следовательно, эти высоты должны считаться почти непроходимыми, и оба противника принуждены иметь с каждой стороны отдельные части войск, которые будут действовать более или менее независимо друг от друга.

Местность на берегу Черного моря прорезывается множеством рек и горных потоков, каждый из которых создает военную оборонительную позицию. Как русские, так и турки имеют укрепленные посты в важнейших пунктах. В этой пересеченной ущельями местности (только долина реки Риона образует род равнины) оборонительная война могла бы с большим успехом вестись против сильнейшей армии (так как благодаря горам лишь немногие позиции могут быть обойдены с прибрежной стороны), если только в дело не вмешаются соответствующие флоты. Подвозом и, если нужно, высадкою войск во фланг противника, фронту которого противостоит сухопутная армия, флот мог бы действовать так, что все эти крепкие позиции, одна за другой, были бы обойдены, и укрепления, которые ни с одной стороны границы не очень значительны, были бы осуждены на бессилие или даже совсем разрушены. Таким образом, берегами Черного моря овладеет тот, в чьих руках будет море; или, другими словами, если союзные флоты не выступят активно в пользу Турции, хозяином моря по всей вероятности сделается Россия.

Область внутри, с внутренней стороны гор, охватывает местность, в которой берут начало Евфрат, Аракс и Кура (Cyrus). Турецкая провинция Армения находится с одной стороны границы, русская провинция Грузия — с другой. И эта область также гориста и для армий, в общем, непроходима. Эрзерум с турецкой стороны, Тифлис — с русской являются двумя непосредственными операционными базами, от обладания которыми зависит обладание всей прилегающей областью. Поэтому взятие русскими штурмом Эрзерума решило азиатский поход 1829 г.

Но что для одной стороны является операционной базой, для другой является прямой целью операции, и поэтому дороги, которые связывают Тифлис и Эрзерум, станут операционными линиями для обоих противников. Существуют три дороги: одна идет вдоль верхней Куры через Ахалцых, другая вдоль верхнего Аракса через Эривань, третья между двумя первыми через горы на Карс. Все эти дороги защищены с обеих сторон укрепленными городами и постами, и трудно решить, какая наиболее благоприятна для турок и какая для русских. Достаточно поэтому указать, что по ахалцыхской дороге турецкая армия могла бы вступить прямо в мятежные области Кавказа, но русский корпус, который двинулся бы из Батума через долину Чороха, от Ольт на Эрзерум, мог бы ударить выдвинувшимся туркам во фланг. Дорога из Батума соединяется с дорогой из Тифлиса всего лишь в пятнадцати милях от Эрзерума, так что русский корпус, который выступил бы в указанном направлении, имел бы

возможность отрезать сообщения турок и, если бы он был достаточно силен, мог бы даже овладеть Эрзерумом, который укреплен чисто азиатским способом и, следовательно, не способен ни на какое серьезное сопротивление.

Ключом театра военных действий в Азии с обеих сторон является, значит, Батум, и если иметь в виду это, а также его значение для торговли, то не приходится удивляться, почему царь постоянно старался его завоевать. Батум является ключом театра военных действий и даже всей Азиатской Турции, потому что он господствует над единственно проходимым путем с берега во внутрь страны, — путем, которым можно обойти все турецкие позиции перед Эрзерумом. И тот из двух флотов в Черном море, который прогонит своего противника обратно в его гавани, будет владеть Батумом.

Русские прекрасно понимают значение этой позиции. Водой и сухим путем они слали подкрепления на закавказский берег. Еще недавно можно было думать, что турки, хотя и более слабые в Европе, в Азии пользуются решительным превосходством. Командующий азиатской армией Абди-паша собрал будто бы 60 000 или 80 000, а то и 120 000 человек, и ежедневно под его знамена прибывают еще толпы бедуинов, курдов и других воинственных нерегулярных войск. Говорили, что для кавказских повстанцев имеется в изобилии оружие и снаряжение и что тотчас по объявлении войны произойдет вступление в самое сердце той страны, которая оказывает России такое сильное сопротивление. По этому поводу надо заметить, что Абди-паша может иметь едва ли более 30 000 регулярных войск и что еще раньше, чем он достигнет с ними Кавказа, он натолкнется на упорное сопротивление русских батальонов. Его конные бедуины и курды могут быть превосходно использованы для военной службы в горах, принуждая русских отделять большие отряды и тем ослаблять свои главные силы; они могут также нанести на русской стороне много вреда грузинам и деревням колонистов и даже установить род тайной связи с жителями Кавказских гор. Но успех нерегулярных войск останется преходящим, раз регулярные войска Абди-паши не в состоянии преградить дорогу из Батума на Эрзерум и разбить ядро действующей армии, которую русские смогут выдвинуть. Поддержка регулярной армии в наше время безусловно необходима для ведения партизанской или повстанческой войны против сильной регулярной армии. Положение турок на этой границе сходно с положением Веллингтона в Испании, и мы увидим, сумеет ли Абди-паша распорядиться своими вспомогательными силами так, как это сумел британский генерал, против врага, который решительно

превосходит его в ведении регулярной войны и нужных для этого средствах. В 1829 г. число русских войск перед Эрзерумом достигало только 18 000 человек; если принять во внимание улучшения, которые были сделаны с тех пор в турецкой армии (хотя на азиатской части они отразились менее всего), то русские должны теперь соединить в этом месте, по крайней мере, 30 000 человек, чтобы иметь возможность рассчитывать на успех.

Кто может в настоящий момент решить, удастся ли им это? О русской армии в Европе ничего определенного не известно, еще более неопределенные слухи ходят о ее азиатских боевых силах. Официально кавказская армия в полном составе насчитывает 200 000 человек. 21 000 черноморских казаков должны были быть двинуты к турецкой границе; несколько дивизий, говорят, должны были быть отправлены на кораблях из Одессы в Редут-Кале на южно-кавказском берегу. Но каждому известно, что кавказская армия и наполовину не так сильна, как это указывается официально, и что подкрепления, которые были посланы с другой стороны Кавказа, по понятным причинам не могут иметь той численности, о которой сообщают русские газеты. Из полученных противоречивых известий невозможно даже приблизительно учесть русские силы на азиатской границе. По всей вероятности (если не иметь в виду общего восстания кавказцев), силы обоих противников друг друга почти уравнивают; что, может быть, турки немного сильнее русских и поэтому имеют все основания перейти на этом театре военных действий в наступление.

Действительно, для турок перспективы в Азии гораздо более утешительны, чем в Европе. Они должны в Азии сохранить лишь *одну* важную позицию — Батум. А движение вперед, на Кавказ — все равно из Батума или Эрзерума — в случае успеха устанавливает прямую связь их с их союзниками, горцами, и может одним ударом отрезать, по крайней мере с суши, южно-кавказскую русскую армию от России. А это может привести к полному уничтожению этой армии. С другой стороны, если турки будут разбиты, они подвергнутся опасности потерять Батум, Трапезунд и Эрзерум; но если бы даже это случилось, русские все же окажутся не в силах двинуться дальше. Поэтому выгоды далеко перевешивают потери, которые повлекло бы за собой поражение, и, учитывая это, турки, повидимому, решились вести в этих областях наступательную войну.

ОТКРЫТИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.—СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ И МАНЧЕСТЕРЦЫ.

Лондон, 1 ноября 1853 г.

Едва до Лондона успело дойти известие о пальбе под Исакчи, как уже из Вены протелеграфировали в Париж и Лондон, что Порта, по требованию представителей четырех держав, отдала приказ об отсрочке враждебных действий до 1 ноября, если последние еще не начались. Следует ли рассматривать пушечные выстрелы под Исакчи как начало военных действий или нет? Вот вопрос, который волнует биржу и прессу. По моему мнению, он не имеет значения, так как во всяком случае *перемирие* сегодня закончилось бы.

Ходят слухи, что турецкая армия будто бы перешла Дунай у Виддина и Мачина, — следовательно, на северо-западной и северо-восточной границе Болгарии. Однако эти известия кажутся сомнительными. Парижская «*Presse*» сообщает сегодня, что на военном совете, происходившем 15-го или 16 октября в Сераскирате, будто бы было решено, лишь только князь Горчаков официально откажется от очищения княжеств, начать военные действия в двух различных пунктах в Азии: против крепости Потти на Черном море и на границе Грузии. Та же газета сообщает, что генерал Барагэ д'Илье, вновь назначенный французский посол в Константинополе, двинулся в путь со штабом саперных и артиллерийских офицеров. Господин Барагэ известен как плохой генерал и хороший интриган. Напомню хотя бы его геройские дела в пресловутом клубе на улице Пуатье.

В то время как в войне России против Европы прогремели первые выстрелы, в войне, которая теперь свирепствует в промышленных округах между трудом и капиталом, пролилась первая кровь.¹

.....

В то время как лицемерная, торгующая фразами, ехидная банда манчестерских обманщиков в Эдинбурге говорила о мире с царем, в Манчестере она вела войну против своих собственных

¹ Далее следует описание беспорядков в Вигене (см. выше, стр. 217). *Ред.*

соотечественников. Требуя *третейского суда* между Россией и Европой, она высокомерно отклоняла все предложения о третейском суде между собой и своими согражданами. Рабочие Престона на одном собрании под открытым небом провели решение, «что делегаты фабричных рабочих должны рекомендовать мэру созвать публичное собрание фабрикантов и рабочих, которые должны объединиться для мирного разрешения ныне возникшего спорного случая». Но *хозяева* не хотят никаких *третейских судов*. Они хотят *диктовать*. В данный момент, когда разгорается европейская война, и эти русские пропагандисты кричат об уменьшении армии, они одновременно желают усиления армии для гражданской войны — полицейской силы в Ланкашире и Йоркшире. Рабочим же мы можем только повторить слова «People's Paper»:

«Если закроются фабрики в Ланкашире, посылайте послов в Йоркшир, ищите поддержки у храбрецов из Вест-Ридинга. Закроются фабрики в Вест-Ридинге, идите в Ноттингам и Дерби, в Бирмингем и Лейчестер, в Бристоль и Норвич, в Глазго и Киддерминстер, в Эдинбург и Ипсвич. Дальше, дальше, все шире и шире пусть раздастся ваш призыв, объединяйте ваш класс в каждом городе, в каждой профессии. Если *хозяева* вооружают против вас весь свой порядок, вооружайте против них весь ваш класс. Если они хотят великой классовой борьбы, *дадим им ее* и будем ждать исхода этой гигантской борьбы»...

РЕЧЬ МАНТЕЙФЕЛЯ. — РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРУССИИ. — ВОЗЗВАНИЕ МАДЗИНИ.

Лондон, 29 ноября 1853 г.

Вчера утром премьер, господин фон-Мантейфель, открыл речью прусскую палату. Место о восточных неурядицах, как его передает телеграф, намеренно выражено таким образом, чтобы рассеять существующее подозрение о заговоре между петербургским, берлинским и венским дворами. Это тем более замечательно, что, как всем известно, Фридрих-Вильгельм IV в различных прежних случаях благоволил торжественно сообщать своему верному народу устами того же Мантейфеля, что не дело палат вмешиваться в вопросы иностранной политики, так как внешние государственные дела так же находятся в исключительном ведении короны, как и собственные поместья короля. Вышеупомянутое место, которое скрывает в себе нечто вроде призыва к народу, обнаруживает, в каком крайне затруднительном положении находится прусское правительство, которому угрожают, с одной стороны, Россия и Франция, а с другой стороны, его собственные подданные, и которое в то же время тревожат высокие цены на съестные продукты, полный упадок торговли и воспоминание об ужасном вероломстве, еще ожидающем возмездия. Прусское правительство лишило себя возможности воздействовать на общественное мнение через палаты, которые королем преднамеренно превращены в чистую комедию, на которые как на комедию смотрят министры и которые как комедия воспринимаются народом. Все это так ясно, что нельзя этого не понять. Теперь невозможно поэтому вдруг заставить смотреть на эти шутовские учреждения как на «оплот отечества». «Пруссаки, — говорит сегоднешний «Times», — едва ли заслуживают былой хвалы за мудрость и разум; иначе, как могли бы они относиться к палатам, избранным при теперешней конституции, с таким незаслуженным презрением?» Напротив, пруссаки тем именно и доказали свой разум, что отказали людям, изменившим революции в надежде пожать ее плоды, даже в тени влияния и показали правительству, что они не

позволят себя обманывать его фокусами, что палаты, если они что-либо собой представляют, являются не чем иным, как новым бюрократическим учреждением, добавленным к прежде существовавшему в стране.

Всякий, кто достаточно хорошо знаком с прежней историей Германии, остановится, как перед загадкой, перед теми религиозными спорами, которые снова и снова волнуют обычно спокойную поверхность общественной жизни Германии. То это остатки так называемой немецкой церкви, преследуемые теперешним правительством так же яростно, как и в 1847 г. То это снова вопрос о браках между католиками и протестантами, из-за которых католическое духовенство так же ссорится с прусским правительством, как и в 1847 г. То разгорается горячая борьба между архиепископом фрейбургским, который отлучает от церкви баденское правительство и свое письмо об отлучении оглашает с церковных кафедр, и великим герцогом, который приказывает закрыть непокорные церкви, а пасторов арестовать; тогда поднимаются и вооружаются крестьяне, чтобы защитить своих священников и прогнать жандармов, — так было в Бишофсгейме, Кенигсгофене, Гринфельде, Герлахсгейме, где деревенские власти должны были бежать, и во многих других деревнях. Было бы ошибкой рассматривать религиозный конфликт в Бадене как чисто местное дело. Баден является лишь ареной борьбы, преднамеренно избранной католической церковью для нападения на протестантских государей. Архиепископ фрейбургский в этом споре так же представляет все католическое духовенство Германии, как великий герцог баденский представляет всех больших и малых государей протестантского вероисповедания. Но что же думать о стране, которая, с одной стороны, славится своей основательной, бесстрашной и беспримерной критикой всех религиозных традиций, а с другой — периодически повергает в изумление всю Европу возобновлением религиозных распрей XVII столетия? Секрет заключается просто в том, что правительства вынуждают все бурлящие под поверхностью народные движения принимать прежде всего мистическую и трудно уловимую форму религиозных движений. Духовенство, со своей стороны, оболъщается видимостью и, полагая, что направляет народные страсти исключительно к своей выгоде против правительства, на самом деле бессознательно и невольно само является орудием революции.

Ежедневная лондонская пресса полна великого ужаса и морального негодования по поводу воззвания, составленного Мадзини и найденного у Феличе Орсини. Последний является вождем нацио-

нального корпуса № 2 и должен руководить восстанием в области Луджиана, обнимающей части Модены, Пармы и Пьемонтского королевства. В этом воззвании народ призывается «*напасть врасплох* на врага, как это пытался сделать и снова сделает миланский народ». Далее воззвание говорит: «Кинжал, разящий неожиданно, сослужит хорошую службу и заменит мушкет». Лондонская пресса называет это открытым призывом «к подлому убийству из-за угла». Я хотел бы знать, каким образом в стране, подобной Италии, где не существует никаких средств для открытого сопротивления, но всюду имеются полицейские шпионы, революционное движение могло бы рассчитывать на малейший успех, если бы оно не *напало врасплох*? Я хотел бы знать, каким оружием должны пользоваться итальянцы, если они хотят бороться с австрийцами, как не тем единственным, которое Австрия не смогла у них отнять, — *кинжалом*? Мадзини и не думает говорить: возьмите кинжал для подлого убийства *безоружного* врага, — он, конечно, призывает напасть врасплох, но при дневном свете, как в *Милане*, где несколько патриотов, вооруженных только своими ножами, ворвались в караульные помещения вооруженного австрийского гарнизона. «Но, — говорит «Times», — конституционный Пьемонт постигнет та же участь, как Рим, Неаполь, Ломбардию!» Почему нет? Разве не сардинский король изменил итальянской революции в 1847 и 1848 гг., и может ли Италия с пьемонтским королем легче превратиться в республику, чем Германия с прусским королем? — Это о моральной стороне воззвания Мадзини. Что касается его политической ценности, то это другой вопрос. Я думаю, что Мадзини ошибается как в своих взглядах на народ Пьемонта, так и в своих мечтах об итальянской революции.

Он ожидает наступления ее не от благоприятной конъюнктуры в ходе европейской смуты, а от частного выступления итальянских заговорщиков, которые нападают на врага врасплох.

ВОЙНА НА ДУНАЕ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Отступление турок от Ольтеницы, повидимому, означает окончание первого периода русско-турецкой войны. По крайней мере, ряд первых операций, которые начались переправой у Калафата, представляется законченным, чтобы уступить место либо спокойствию зимней стоянки, либо выполнению новых, еще не выяснившихся планов. Это — момент, благоприятный для оценки оконченного похода, тем более, что только что пришли официальные и неофициальные отчеты о единственной значительной операции, которая проведена была на Дунае, а именно — о русском наступлении на турецкое предместное укрепление у Ольтеницы.

28 октября турки двинулись из Виддина на Калафат. При занятии этого пункта вряд ли их тревожил кто-либо, кроме разведчиков; ибо как раз тогда, когда русские делали приготовления, чтобы собрать свои силы у Крайовы для наступления на Калафат, они были встревожены известием о втором и еще более опасном продвижении турок, которые 2 ноября перешли Дунай у Ольтеницы, откуда они серьезно угрожали русским укреплениям. Одновременно турки предприняли незначительные и фальшивые атаки вдоль всего Дуная от Виддина до Ольтеницы, но либо они застали русских хорошо подготовленными, либо не были достаточно сильны, чтобы ввести в заблуждение врага и подбить его на серьезный промах.

Поэтому калафатский корпус остался nepотревоженным и получил постепенно подкрепления, которые, как сообщают, увеличили его до 24 000 человек. Так как этот корпус не двинулся ни вперед ни назад, то мы можем пока оставить его без внимания.

По сообщению Омера-паши, переход у Ольтеницы происходил следующим образом. Ольтеница — деревня близ слияния реки Ардшиша с Дунаем. Против устья Ардшиша на Дунае расположен остров; деревня и укрепление Туртукай находятся на южном берегу этой реки, круто поднимающемся почти на 600—700 футов. Укрепление воздвигнуто на вершине этой возвышенности. Орудия Туртукай могут поэтому с успехом поддерживать корпус, переходящий реку

в этом пункте. 1 ноября турки переправились на остров и устроили там ночью сильные окопы. 2 ноября с этого острова они переправились на валахский берег, восточнее Ардшиша. Два батальона с сотней кавалеристов и двумя пушками отправились в лодках на валахскую сторону; несколько пушечных выстрелов из Туртукая прогнали русские передовые посты из здания лазарета, который находился недалеко от берега реки. Это здание, которым турки тотчас же овладели, принесло им большую пользу. Солидно построенное, со сводчатыми комнатами, оно представляет и без дальнейших улучшений все преимущества редута, этого весьма удобного типа укреплений. Тотчас же турки начали располагать окопы от Ардшиша до Дуная; четыреста человек безостановочно были этим заняты; фашины и корзины были заранее для этого приготовлены. Из всех сообщений следует, что эти окопы образовали непрерывную линию, совершенно отрезывавшую всякую связь русских позиций с местом высадки турок. Укрепления посредством непрерывных окопных линий давно считаются негодными и потому всеми отвергаются. Только особое назначение этих окопов как предместных укреплений, тот факт, что найден был в уже готовом виде солидный редут, недостаток в инженерах у турок и другие особенности турецкой армии могли, в конце концов, сделать полезным применение этой устаревшей системы. На Ардшише турки нашли многочисленные лодки, которыми они тотчас же, вместе с ранее имевшимися, воспользовались для наводки моста через Дунай. Все эти работы были почти закончены до утра 4 ноября.

В Ольгенице, таким образом, турки имели предместное укрепление на левом берегу Дуная. Турецкая армия еще до сих пор реки не перешла. Однако она имела на левом берегу обеспеченный выход, который мог быть использован тотчас же, лишь только в Туртукае соберутся достаточные силы. Кроме того, турки имели возможность занять правую или левую сторону Ардшиша, и, наконец, все их операции вблизи реки были защищены десятью тяжелыми пушками на высотах Туртукая, дальность обстрела которых из-за высоких позиций и узости реки в этом месте простиралась за предместное укрепление, по крайней мере, на полмили.

Предместное укрепление было занято тремя батальонами пехоты (2 400 человек), двумя ротами гвардии (100 человек), двумя ротами стрелков (200 человек), сотней кавалеристов и некоторым количеством артиллеристов, обслуживавших двенадцать тяжелых орудий, поставленных в лазарете. Правое крыло окопов было под обстрелом орудий Туртукая, которые прикрывали его с фланга и,

кроме того, могли обстреливать всю равнину перед центром предместного укрепления. Левое крыло, примыкавшее к Ардшишу, прикрывалось с фланга батареей с острова; однако часть этой местности была густо покрыта кустарником, который мог предоставить приближающимся русским достаточную защиту.

Когда 4 ноября русские напали на турок, они имели, по данным Омера-паши, 20 батальонов, 4 кавалерийских полка, 32 орудия, — всего 24 000 человек. Они, повидимому, были расположены следующим образом: 12 батальонов и 14 орудий — против середины предместного укрепления; 2 батальона и 2 орудия — в лесу слева (для русских справа) реки Ардшиша; 6 батальонов, расположенных уступами, и 4 орудия — против турецкого правого фланга; далее к Дунаю их линия была удлинена и поддерживалась с фланга кавалерией. После того как русские орудия в течение некоторого времени развивали огонь, наступающую колонну образовал сначала центр, за ним последовали оба крыла; затем артиллерия, сначала стрелявшая на расстоянии 1 200 футов от окопов, передвинулась на надлежащее расстояние для картечи (от 600 до 700 футов), и наступающие колонны были двинуты вперед. Как и надо было предвидеть, русская левая колонна (ближайшая к Дунаю) была разогнана огнем орудий Туртукая; центр постигла та же участь; правая колонна (на Ардшише) была уничтожена огнем с острова и вообще казалась слишком слабой, чтобы энергично наступать. Атака повторялась два или три раза, но уже без первоначальной стремительности, после чего русские прекратили наступление. Русские решительно двигались к краю окопов (что нельзя понимать буквально), но турецкий огонь обнаружил свое превосходство еще прежде, чем дело дошло до рукопашной схватки.

Во время боя Омер-паша послал один батальон регулярных войск, в качестве резерва, через реку. Можно поэтому считать, что со стороны турок участвовало 3 600 пехотинцев с 44 тяжелыми орудиями.

Труднее установить число русских. В то время как Омер-паша говорит о 20 батальонах, находившиеся в его лагере два британских офицера одинаково полагают, что силы, о которых идет речь, достигали только 8 000 человек. Однако оба эти утверждения не совсем противоречат друг другу. Русские могли иметь в боевой части 200 батальонов, и все же действительная численность наступавших колонн — по свойствам ли местности или потому, что они недооценивали противника, — могла не превышать 8 батальонов. И одно, о чем не упоминают британские офицеры, но о чем сообщает Омер-паша, доказывает, что русские имели большие резервы: во главе каждой новой атаки был свежий батальон, который для этой цели

My dear Mary,

DAILY TRIBUNE,
No. 101
SEMI-WEEKLY TRIBUNE,
No. 101
WEEKLY TRIBUNE,
No. 101

Let me cordially

thank you for the article on
the War on the Danube, received
from you by this *Opia* last ev-
ening and published as
leader in *The Tribune of today*.
Like your former articles
on the same subject, it
is a most admirable ex-
position

THE DAILY TRIBUNE
Published every morning except Sundays, at
No. 101, Nassau Street, New York, at the
office of the Tribune, by Charles A. Dana.
Price, per copy, five cents; per week, 25
cents; per month, 75 cents; per quarter,
2 dollars; per annum, 7 dollars. Single
copies may be ordered of any news-
dealer. The paper is sent free to all
subscribers in the city of New York.
The office is open from 9 o'clock
A.M. to 5 o'clock P.M.

SEMI-WEEKLY TRIBUNE
Published every alternate day, at
No. 101, Nassau Street, New York, at the
office of the Tribune, by Charles A. Dana.
Price, per copy, 10 cents; per week, 50
cents; per month, 1 dollar 50 cents; per
quarter, 4 dollars 50 cents; per annum,
16 dollars. Single copies may be ordered
of any news-dealer.

THE WEEKLY TRIBUNE
Published every Friday morning, at
No. 101, Nassau Street, New York, at the
office of the Tribune, by Charles A. Dana.
Price, per copy, 15 cents; per week, 75
cents; per month, 2 dollars 25 cents; per
quarter, 6 dollars 75 cents; per annum,
24 dollars. Single copies may be ordered
of any news-dealer.

POSTAGE ON THE TRIBUNE
The Daily Tribune is published for the
proprietor at No. 101, Nassau Street, New
York, at the office of the Tribune, by
Charles A. Dana.

Dr Charles Mary

of the movements of the two armies
It will excite general attention
here, and very profitably secure the
honor, ^{which} some of your former contribu-
tions to our columns have experienced;
of being appropriated by the prof.
of London Very faithfully, yours
Charles A. Dana

приводился из резерва. К тому же сообщения обоих «офицеров гвардии ее величества» в каждой строчке носят отпечаток того невежественного самодовольства, которое свойственно младшим офицерам этого привилегированного корпуса во всех армиях.

Мы считаем поэтому сообщение Омера-паши в целом заслуживающим доверия. Налицо во время действия могло быть 18 или 20 русских батальонов, из которых принимали участие в наступлении, один за другим, десять или двенадцать, и 6 000 — 8 000 могло достигать число тех, которые одновременно и безуспешно двигались на турецкие окопы. Потери русских, которые доходят, по крайней мере, до 1 500 — 2 000 человек, показывают также, какие массы они должны были вывести в поле. Они были, наконец, отбиты, оставили в руках турок 500 ружей, множество снаряжения и грузов и 800 убитых и раненых и отступили назад в некотором беспорядке.

Если мы рассмотрим тактику обеих сторон в этом бою, то найдем, к нашему изумлению, что русские совершили грубую ошибку, за что и были заслуженно наказаны этим знаменитым поражением. Они не дооценили противника так, как это вряд ли когда-либо до сих пор случалось. Они должны были атаковать очень сильные позиции с превосходным редутом, который поддерживался с фланга 10 тяжелыми орудиями на острове и 22 орудиями в Туртукае, господствовавшими и над полем перед позициями; всего 44 или, по крайней мере, 38 орудиями, из которых все или большая часть были большого калибра. Каждому офицеру теперь известно, что при наступлении на полевые укрепления надо прежде всего посредством своей артиллерии заставить замолчать их орудия и поддерживающие их батареи, что затем надо, поскольку это возможно, разрушить насыпи, частоколы и другие средства защиты, а по мере приближения батарей к атакуемым местам валы должны обстреливаться непрерывным градом картечи, пока, наконец, можно решиться броситься на наполовину разрушенные окопы и их обескураженных защитников. Разумеется, чтобы все это проделать, надо располагать артиллерией, которая и числом, и калибром далеко превосходит неприятельскую. Что же видим мы у русских? Они штурмуют предмостное укрепление, которое защищается артиллерией, превосходящей их числом, калибром и еще более обученностью, после самого непродолжительного обстрела из 12 двенадцатифунтовых и 20 шестифунтовых пушек. Этот русский обстрел кажется пустой формальностью, своего рода долгом вежливости по отношению к туркам, ибо он не мог иметь никакой серьезной цели; и если русские батареи, как всюду сообщается, действительно приблизились на 650 ярдов к предмостному укреплению,

то надо удивляться, что ничего не сообщается о подбитых орудиях. Вместе с тем мы должны признать доблесть русских войск, которые хотя и были под огнем, вероятно, в первый раз и к тому же в столь неблагоприятных условиях, все же приблизились к турецким линиям на 50 ярдов, пока не были уничтожены сильнейшим огнем.

Но и о тактике турок мы также не можем сказать ничего похвального. Что Омер-паша во время наступления собрал в предместном укреплении не более войск, чем это было необходимо для его защиты, это очень хорошо. Но почему же он не сконцентрировал никакого резерва, в особенности кавалерийского, в конце моста у Туртукая и на острове, чтобы иметь возможность пустить на разбитого врага свою конницу, когда поражение русских выяснилось? И, в конце концов, почему он удовлетворился моральным успехом победы и не пожелал воспользоваться всеми ее плодами, чем он мог бы решить исход всего похода? Мы можем найти этому лишь два извинения: во-первых, система непрерывных линий полевых укреплений не допускала сильных наступательных действий после отражения врага, так как непрерывные линии не оставляли никакого промежуточного пространства для внезапного и значительного движения вперед больших масс войск, а во-вторых — или Омер-паша не верил в способность своих войск сражаться в открытом поле, или он не имел под рукой достаточно войск, чтобы развить свою победу дальше.

И это приводит нас к стратегическим вопросам, связанным с этой операцией. Если бы Омер-паша имел у Ольтеницы те войска, которые без дела стояли у Калафата, то не могли ли он тогда смелее идти вперед? Как случилось, что корпус в 12 000 человек и резерв такой же силы были направлены к Калафату, чтобы угрожать как раз тому пункту русских позиций, атака которого была для русских наиболее желательна? Как случилось, что эти 24 000 человек отсутствовали в пункте, где турки могли добиться положительного успеха? Более того. Как теперь хорошо известно, русские могли к концу октября собрать в Валахии не более 50 000 — 55 000 солдат. Если принять во внимание недостаток в дорогах и неровность местности, что делает неизбежным разделение на отряды, если, далее, учесть обычный урон каждой действующей армии, то, конечно, русские ни в одном пункте не могли сразу собрать более 30 000 человек. 40 000 турок, которые собрались бы в каком-нибудь пункте Валахии, могли бы легко их разбить; и если бы турки этого хотели и в надлежащее время приняли надлежащие меры, то, конечно, они сравнительно легко собрали бы такое же или даже двойное число. Однако вмешательство европейской дипломатии, нерешительность Дивана, колеблющаяся турецкая

политика по отношению к Сербии и другие подобные явления привели к ряду полумер, которые поставили Омера-пашу в начале войны в весьма странное положение. Он знал слабость русских, сам имел армию, далеко их превосходящую силой, армию, которая при этом горела желанием вступить в бой. Но его армия была рассеяна по области в 350 миль длиной и от 50 до 100 миль шириной. Естественным следствием этого была слабость его операций в начале ноября. Переправа у Калафата, которая при других условиях была бы ошибкой, сделалась, таким образом, необходимостью, ибо Виддин был естественным концентрационным пунктом приблизительно 20 000 человек, которые без этой переправы остались бы в полном бездействии, так как были слишком удалены от главной армии. Эта переправа дала им, по крайней мере, возможность связать часть русских сил и произвести благоприятное для турок моральное впечатление.

Переправа у Ольтеницы, которая, очевидно, проектировалась как главное наступление, благодаря которому должен был быть взят Бухарест и отрезано наступление русским, завлеченным на запад операциями у Калафата, не имела ни малейшего влияния, так как сил, необходимых для движения на Бухарест, повидимому, не было налицо. Моральный эффект битвы при Ольтенице был большим плюсом; но бездеятельность после победы продолжалась в течение *девяти дней* и кончилась, вследствие наступивших дождей, добровольным отступлением турок за Дунай. Эта бездеятельность и это отступление не должны смутить радость победы на лицах турецких солдат, но они подорвут славу турецкого генерала, повсей вероятности, больше, чем он того заслуживает. Все же, если в первоначальной ошибке и повинен Диван, кое в чем, очевидно, погрешил и Омер-паша. Провести 12 дней на левом берегу Дуная, владеть мостом и предмостным укреплением, быть достаточно сильным, чтобы сбросить соединенные силы русских, иметь за собою сильную, рвущуюся в бой армию и не найти способов собрать 30 — 40 тысяч человек, — поистине все это не могло произойти без какой-либо оплошности генерала. Русские могут быть благодарны, что их так легко выпустили. Никогда русская армия не выходила из наполовину столь скверного положения с такими небольшими потерями. Они могли бы быть уничтожены, а вместо этого находятся в полной безопасности. Будет ли еще для русских такое же благоприятное положение, в этом можно с полным правом сомневаться.

И ОПЯТЬ ДИПЛОМАТИЯ.

Лондон, 2 декабря 1853 г.

С тех пор как я писал последний раз, в Турции не произошло ни одного значительного сражения, но русская дипломатия, которая опаснее русского генералитета, принялась снова за работу, и министерскими газетами с обеих сторон канала, более или менее ясно и в слегка измененной форме, возвещается возобновление пресловутых лондонских конференций 1840 и 1841 гг., которые кончились санкционированием Унклар-Скелесского договора.

«Times» делает даже намеки на *«энергичные шаги к умиротворению»*, другими словами, на известного рода *«вооруженное умиротворение»*, направленное *против* Турции ее самозванными защитниками. В подготовке большого дипломатического выступления не приходится сомневаться: как раз последняя нота, которую английский кабинет послал в Константинополь, английский посол представил Порте, а Диван отклонил 14 ноября, представляет собою не что иное, как второе издание ответа Решид-паши на майский ультиматум князя Меншикова. Это способ, которым Пальмерстоны и Эбердины дают понять султану, что, как бы положение дел ни менялось, отношения между Турцией и Россией должны остаться совершенно неизменными, и с точки зрения западной дипломатии Турция не должна ничего выиграть, а Россия — не должна ничего потерять.

Так как сербский князь Александр запрещает турецким войскам проходить через его территорию, требует возвращения русского генерального консула и в своем заявлении султану говорит о Турции и о России как о двух равноправных державах-покровительницах княжеств, то надо быть готовым к серьезным конфликтам с Сербией, которые во всякое другое время могли бы быть очень опасными для Турции, но в настоящее время, может быть, являются единственным средством спасти ее от когтей западной дипломатии. Каждое новое столкновение, еще более запутывающее теперешнее положение, выводящее обанкротившуюся Австрию из ее опасного нейтралитета,

усиливающее возможность европейской войны и толкающее Турцию к союзу с революционными партиями, может быть для нее только выгодным, по крайней мере в ее конфликте с Россией. Лежащие в ней самой причины ее распада будут, понятно, влиять и дальше, если им не будет противопоставлено коренное изменение турецкого режима в Европе.

ЧЕТВЕРНОЕ СОГЛАШЕНИЕ. — АНГЛИЯ И ВОЙНА.

Лондон, 9 декабря 1853 г.

Ваши читатели следили шаг за шагом за дипломатическими маневрами коалиционного кабинета, и их не удивит та или иная новая попытка Пальмерстонов и Эбердинов поддержать царя под предлогом защиты Турции и обеспечения мира в Европе. Они даже готовы согласиться на новую Венскую конференцию или Лондонский конгресс. В минувшую пятницу столичная фондовая биржа первая узнала из «Morning Chronicle», что Англии удалось побудить Австрию и Пруссию поддержать западные державы в их новой попытке посредничества между воюющими сторонами. Затем появилась «Morning Post» с сообщением об «этой попытке» и с утешительным извещением о том, что «при этой попытке искали и добились сотрудничества Пруссии и Австрии, и четыре державы подписали протокол, в силу которого они определенно обязуются сохранить *нынешнее территориальное деление Европы* и приглашают воюющие державы полюбовно уладить свои спорные вопросы путем созыва европейской конференции. В результате этого выступления четырех держав прежде всего будут предприняты шаги к тому, чтобы выяснить, каковы приемлемые для Турции условия ведения переговоров об улажении восточного конфликта. После точного выяснения этого вопроса четыре державы пригласят Россию высказать свое мнение об основах предлагаемого соглашения, а затем они обратятся к обеим державам с просьбой делегировать уполномоченных великих держав на конференцию, срок и место которой будут установлены впоследствии... *Достоинство царя* не было бы нарушено, тогда как интересы Турции были бы целиком сохранены, во-первых, путем заключения *договора между Турцией и Россией о дружбе, мире и торговле*, предусматривающего надлежащую защиту подданных каждого из обоих государств на территории другого, и, во-вторых, путем заключения договора между султаном и пятью державами, *договора, подобного соглашению 1841 года о Дарданеллах*, в котором султан обязался бы соблюдать *существующие конституции и привилегии При-*

дунайских княжеств и Сербии, а также особо обязался бы, как это имело место в Кучук-Кайнарджийском договоре, — но на сей раз перед Европой, а не специально перед Россией, — охранять христианскую веру в своих владениях... Наконец, появился громовержец из Принтингхауз-сквера, сообщивший в своем первом издании, что между четырьмя державами окончательно заключен союз и что они уже наметили условия, которые Россия и Порта в случае необходимости «*принуждены будут* принять». Ценные бумаги мгновенно поднялись. Однако удовлетворение биржевых спекулянтов оказалось кратковременным, так как тот же «Times» в своем втором издании сообщил, что четыре державы действительно составили протокол и изготовили проект коллективной ноты, но отнюдь не обязались *заставить* кого-либо эту ноту принять. Ценные бумаги снова упали на бирже. Наконец, «сенсация» свелась к старой сказке об оживлении трупа покойницы Венской конференции, — говорить о ее духе было бы нелепо, — а одна из телеграмм подтвердила сообщение о том, что «Венской конференцией четырех держав 6-го [декабря] передано в Константинополь другое, основанное на новом проекте, предложение об урегулировании неразрешенных вопросов и что переговоры о мире будут продолжаться даже в том случае, если военные действия не будут приостановлены». Перед самым началом войны Венская конференция, эта пифия задним числом, как раз предложила Турции принять ультиматум князя Меншикова. После первого поражения России Англия и Франция получили ответ Решид-паши на ультиматум князя Меншикова. До какой фазы прежних переговоров они дойдут теперь в своем движении назад — предсказать трудно. «Augsburger Zeitung» указывает, что *новые* предложения конференции отражают желание четырех держав «предотвратить войну». «Сенсационная» новость, что и говорить!

Как бы вся эта дипломатическая болтовня ни казалась нелепой в такой момент, когда вместо status quo наступил status belli, не следует забывать, что сквозь эти фантастические проекты конференций и конгрессов проглядывают скрытые намерения английского правительства, что правительственные газеты выпускают свои щупальцы, чтобы выяснить пределы открывающихся перед правительством возможностей, и что необоснованные слухи сегодняшнего дня уже неоднократно предвещали события, которые должны разыгаться завтра. Достаточно ясно, что четверной союз, если к нему и не присоединилась Австрия, был предложен Англией, с целью навязать Турции решения, к которым должны прийти четыре державы. Если союз и не был заключен, то четыре державы, по крайней мере, подписали

«протокол», которым установлены принципы ведения переговоров. Не менее верно, что Венская конференция, помешавшая Турции двинуть свои войска, пока русская армия не заняла княжеств и не достигла границ Болгарии, снова приступила к работе и уже отправила султану новую ноту. Что от Венской конференции до европейского конгресса в Лондоне отнюдь не далеко, уже обнаружилось в 1839 г., во время восстания Мехмета-Али. Конгресс, продолжающий свою работу по «умиротворению» в то время, как Россия продолжает воевать с Турцией, был бы лишь повторением Лондонского конгресса 1827 — 1829 гг., завершившегося истреблением турецкого флота при Наварине и утратой турецкой независимости по Адрианопольскому договору. Правительственные газеты ясно указывают, каковы предложенные английским кабинетом и принятые другими державами основы для ведения переговоров. Так, предлагается сохранить «нынешнее территориальное деление Европы». Было бы большой ошибкой рассматривать это предложение как простое возвращение к условиям Венского мира. Исчезновение Польского королевства, переход устьев Дуная к России, включение Кракова в состав Австрии и превращение Венгрии в австрийские провинции, — все эти «территориальные соглашения» никогда не санкционировал ни один европейский конгресс. Санкционировать же нынешнее «территориальное деление Европы» фактически означало бы не предполагаемое простое присоединение Турции к Венскому договору, а скорее санкцию всех нарушений этого договора, допущенных Россией и Австрией начиная с 1830 года. «Договор между Россией и Турцией о дружбе, мире и торговле» — такие же точно слова мы находим во введениях к Кучук-Кайнарджийскому, Адрианопольскому и Ункиар-Скелескому договорам. Газета Пальмерстона заявляет: «Договор вроде соглашения 1841 г. о Дарданеллах». Совершенно верно. Договор вроде того, который закрыл Дарданеллы для Европы и превратил Черное море в русское озеро. «Однако, — заявляет «Times», — почему бы нам не настоять на свободном доступе в Дарданеллы для военных судов и на свободном плавании по Дунаю?» Между тем достаточно прочесть письмо, отправленное лордом Пальмерстоном в сентябре 1839 г. тогдашнему послу в Париже, г. Буверу, чтобы убедиться, что и в то время питали подобные надежды.

«Султан обязуется соблюдать существующие конституции княжеств и Сербии». Но ведь эти существующие конституции разделили верховную власть в провинциях между царем и султаном, и до настоящего времени они не признаны ни одним европейским конгрессом. Стало быть, новый конгресс укрепил бы фактический про-

текторат России над турецкими провинциями санкцией Европы. Султан в таком случае обязался бы не перед царем, а перед Европой защищать «христианскую религию в своих владениях». Это значит, что право вмешательства иностранных держав во взаимоотношения между султаном и его христианскими подданными стало бы частью европейского международного права, и в случае возникновения каких-либо новых конфликтов Европа в силу договора обязана была бы поддержать домогательства России, которая в качестве участницы договора была бы в праве по-своему толковать просьбу живущих во владениях султана христиан о защите. Таким образом, новый договор в том виде, в каком он намечается коалиционным кабинетом и излагается его же органами, представляет собой наиболее обширный план подчинения Европы России и санкционирование оптом всех изменений, произведенных контр-революциями, начиная с 1830 г. Поэтому не приходится удивляться и недоумевать по поводу перемены в политике Австрии, перемены, о которой «Morning Post» лицемерно заявляет, что она «произошла неожиданно за последние 10 дней». Что касается Бонапарта, то каковы бы ни были его скрытые намерения, но сейчас император-парвези (выскачка) вполне доволен возможностью взобраться на самую вершину старых наследственных монархий, используя при этом в качестве лестницы Турцию.

Точка зрения коалиционного кабинета ясно изложена в правительственной еженедельной газете «Guardian»:

«Считать Россию разбитым врагом и полагать, что мы схватили ее за горло потому, что русские войска нашли свою могилу в Ольте-ницких окопах, а на Черном море захвачено несколько фортов,— просто смешно. Эти незначительные потери сами по себе могут лишь прибавить ей спеси и удержать ее от переговоров до того времени, когда она сможет приступить к ним при лучших условиях. Однако монархами, как и прочими людьми, руководят разнородные мотивы. Царь — гордый, страстный, но и осторожный человек. Он участвует в споре, в котором может проиграть, но выиграть ничего не может. Он ведет политику своих предшественников, которые всюду извлекали большую выгоду, угрожая войной, нежели ведя войну, и всегда и неуклонно проводили систему захватов, отличавшуюся гибкой приспособляемостью, которая давала им возможность избегать крупных катастроф и даже *извлекать из мелких неудач пользу и выгоду*. Предварительное решение четырех держав о том, что в территориальном устройстве Европы не должно быть сделано или допущено никаких изменений, повидимому, основано на *этом рациональном взгляде*

на его положение и политику. Те, кто в своем воображении видят ноги Англии на его шее или кто позволяет вводить себя в заблуждение фантастическим вздором *протекционистских* газет, будут этим разочарованы. Но в данном случае речь идет *не об унижении России*, а об умиротворении Европы (в русском смысле, конечно), об установлении, поскольку это возможно, того продолжительного мира, во имя которого французский военный посланник клянется султану честью своего господина. *А будущий договор*, — в этом можно быть уверенным, — не будет лишь восстановлением *status quo*, а попытается, по крайней мере, подвести более или менее прочное основание под отношения Турции с Европой и взаимоотношения турецкого правительства с его христианскими подданными. Ибо, как бы прочно мы ни устанавливали эти основания, *всякое соглашение, сохраняющее в Европе Турецкую империю, в сущности всегда будет временным*. Все же такое *временное* соглашение теперь осуществимо и необходимо».

Итак, конечная цель, преследуемая державами, заключается в том, чтобы помочь царю «извлечь из мелких неудач пользу и выгоду» и «не оставить Турецкой империи в Европе». Разумеется, временное соглашение поможет осуществить эту конечную цель, «поскольку она ныне вообще осуществима».

Однако кое-какие обстоятельства своеобразно спутали планы коалиционных политиков. Получено сообщение о новых победах, одержанных Турцией на берегах Черного моря и у границ Грузии. С другой стороны, упорно утверждают, что вся польская армия отправляется к Пруту, между тем как, по сообщениям с польских границ, «в ночь с 23-го на 24-е предыдущего месяца состоялась «бранка», т. е. призыв в армию, и там, где раньше набирали одного или двух, теперь взято 8 — 10». Это, по крайней мере, свидетельствует о том, что царь мало верит в миротворческий гений четырех держав. Официальное заявление Австрии о том, что «между четырьмя дворами не заключено никакого союза», с своей стороны, доказывает, что, при всем ее желании навязать Турции свои условия, она не осмеливается даже вида показывать, что она вынуждает царя подчиниться условиям, намеченным в его же интересах. Наконец, ответ султана французскому послу, гласящий, что «в настоящее время дружественное соглашение без полного отказа России от своих домогательств и без немедленной эвакуации княжеств совершенно неприемлемо», словно гром поразил промышленяющих конгрессами политиков, а орган хитрого и искушенного Пальмерстона ныне откровенно сообщает остальной братии следующую крупную правду:

«Россия не может согласиться на немедленную эвакуацию княжеств и на полный отказ от всех своих притязаний без ущерба для своего достоинства и влияния; но глупо думать, что держава, равная ей по величине, подчинится этому без отчаянной борьбы. Поэтому мы, к сожалению, можем лишь предсказать неудачу нынешней попытки переговоров».

Потерпевшая поражение Россия вообще не может согласиться на переговоры. Дело заключается, следовательно, в том, чтобы склонить весы войны в другую сторону. Но как это осуществить, если не дать России выиграть время? Все, что нужно России, это — оттяжка, достаточное время для того, чтобы набрать новое войско, распределить его по всей империи, сконцентрировать его и приостановить войну с Турцией, пока она не справится с кавказскими горами. В этом случае шансы России могут возрасти, и попытка переговоров «может увенчаться успехом, если Россия выйдет победительницей, а не побежденной». Исходя из этого, Англия, по сообщениям венской «Ostdeutsche Post» и правительственной «Morning Chronicle», настойчиво указывала Турции на необходимость согласиться на трехмесячное перемирие. Лорд Редклифф имел пятичасовое свидание с султаном с целью получить согласие его величества на предложенное перемирие, от которого его министры отказались, и в результате было созвано чрезвычайное заседание совета министров для обсуждения вопроса. Порта окончательно отказалась пойти на предложенное перемирие, да и не могла дать своего согласия, не изменив открыто турецкому народу. «При нынешнем ее настроении, — замечает сегодняшний «Times», — нелегко будет ввести притязания Порты в рамки умеренности». Порта до того неумеренна, что не понимает, что поражение царя совершенно несовместимо с его достоинством и что она должна предоставить ему трехмесячное перемирие, дабы свести на-нет свои собственные успехи и помочь ему снова стать победителем и «великодушным». Однако надежда на заключение трехмесячного перемирия еще не совсем оставлена. «Возможно, — пишет «Times», — что если бы предложение о перемирии было сделано четырьмя державами, оно оказалось бы более успешным». Добродушному «Morning Advertiser» «не хочется допустить, что такие предложения корректны», ибо «до более явной попытки выдать Турцию царю или до попытки, более соответствующей этой цели, не додумался бы самый изобретательный ум». Уверенность радикального «Morning Advertiser» в «благородстве и честности» Пальмерстона, а также невежество, обнаруживаемое этой газетой в области истории дипломатического прошлого Англии, повидимому равно безмерны. А так как

эта газета является собственностью товарищества трактирщиков, то я подозреваю, что сами же трактирщики время от времени пишут в ней передовые статьи.

Между тем как Англия действует таким образом в Константинополе и Вене, этом аванпосте России, посмотрим, как Россия в то же время устранивает свои дела в Англии.

В одном из своих предыдущих писем я уже рассказал вашим читателям, что в то самое время, когда коалиция делает вид, будто она угрожает России на Черном море, в портсмутских королевских верфях снабжаются всем необходимым русские военные суда, два фрегата — «Аврора» и «Наварин». В минувшую субботу мы узнали из «Morning Herald» и «Daily News», что с русского фрегата «Аврора» бежало шесть матросов и уже достигли было Гилфолда, но были задержаны офицером русского фрегата «Аврора» и английским полицейским инспектором, доставившими их обратно в Портсмут и поместившими их на «Victorious» (английское судно, занятое командой «Авроры» на время снабжения последней), где их подвергли жестокому телесному наказанию и заковали в кандалы. Когда об этом стало известно в Лондоне, кое-какие господа через посредство прокурора г. Ч. Рональда достали предписание суда на имя контр-адмирала Мартина, нескольких других офицеров английского флота и русского капитана, командира фрегата «Аврора», о том, чтобы препроводить шестерых матросов к председателю Верховного суда Англии. Английские портовые власти отказались выполнить предписание, причем английский капитан апеллировал к вице-адмиралу, вице-адмирал — к адмиралу, а адмирал счел необходимым снестись с лордом адмиралтейства, пресловутым сэром Дж. Грехемом, тем самым, который за 10 лет до этого, в связи с делом Бандьера, поставил английское почтовое ведомство на службу Меттерниху. Что же касается русского капитана, то, хотя предписание именем королевы было вручено ему на борту английского судна «Victorious», а о содержании его он был точно осведомлен переводчиком, все же он презрительно сбросил бумагу с корабля, а когда ее достали через бортовое отверстие, он ее снова выбросил. «Если бы, — заявил русский капитан, — предписание действительно исходило от ее величества, оно было бы послано нашему послу или консулу». А так как консул отсутствовал, то вице-консул отказался заняться этим делом. 6 декабря портсмутским морским властям были вручены новые повестки, в которых именем королевы им предписывалось препроводить к председателю Верховного суда не только означенных шестерых матросов, но и русского капитана. Вместо того, чтобы выполнить предписание,

адмиралтейство приложило все усилия к тому, чтобы вывести судно из гавани и отправить его в открытое море, и на-днях «Аврора» под командой капитана Исламатова, на глазах у всех, среди бела дня, ушла по своему маршруту в Тихий океан, вопреки судебному постановлению о незаконно арестованных (the writ of Habeas Corpus). В то же самое время мы узнаем из вчерашней «Daily News», что «русский корвет «Наварин» еще находится в доке, где его заново конопатят и ремонтируют. На нем занято много портовых рабочих».

Теперь обратите внимание на то, как отнеслась к этой сенсации правительственная печать.

Орган сторонников Пилы «Morning Chronicle» предпочел хранить молчание, так как свой же Грехем оказался наиболее скомпрометированным во всем этом деле лицом. Первой нарушила молчание пальмерстоновская «Morning Post», так как ее лорд не мог упустить такого случая, чтобы не показать своего умения представлять явно неприятные дела в забавном свете. Все это дело, — заявила газета, — сильно преувеличено и раздуто. Относительно шести дезертиров газета, со слов русского капитана, приказавшего беспощадно выпороть их и заковать в кандалы, сообщает, что, «по словам этих моряков, они дезертировали не по собственному желанию, а были обмануты какими-то людьми, познакомившимися с ними на улице». Матросов, умудрившихся, против своей воли и вопреки приказу русского капитана, сойти в Портсмуте на берег, напоили допьяна и увезли в карете в глубь страны и там оставили, «дав им указания, как добраться до Лондона, и адреса нескольких лиц, к которым они должны были обратиться». Эта нелепая версия выдумана газетой Пальмерстона с целью уверить публику в том, что «дезертиры сами отдали себя в руки полиции». Но это — ложь, слишком грубая для того, чтобы ее повторил даже «Times»... Наконец, «Post», громко выражая свое негодование, пускает в ход следующую инсинуацию: все дело подстроено, мол, какими-то польскими эмигрантами, которые, вероятно, хотели оскорбить чувства великодушного хозяина лорда Пальмерстона...

Другой правительственный орган, «Globe», заявляет, что «утверждение, будто иностранец обязан выполнять такие предписания, которые исходят лишь от посла государства, явно несостоятельно; в противном случае любой иностранец, находясь в английском порту, мог бы нарушать наши законы, и его нельзя было бы привлечь к ответственности иначе, как при посредстве посла». И «Globe» приходит к сдержанному заключению, что ответ, данный русским капитаном чиновнику, объявившему ему судебное предписание о выдаче

арестованных, «не совсем (perfectly) удовлетворителен». Но в человеческих отношениях мы тщетно стали бы искать нечто, подобное совершенству («perfection»)..

«Если бы русский капитан на следующее утро повесил их всех» (т. е. пойманных матросов) «на рее своего фрегата, он вовсе не подлежал бы действию английского закона», — восклицает «Times». Почему же? Да потому, что в заключенном Россией и Великобританией в 1840 г. (под руководством лорда Пальмерстона) договоре о мореплавании имеется пункт, предусматривающий следующее:

«Консулы, вице-консулы и торговые агенты высоких договаривающихся сторон, пребывающие во владениях другого государства, должны получать от местных властей допускаемую законом помощь для поимки дезертиров с военных кораблей или торговых судов соответствующей страны».

Однако, милейший «Times», вопрос именно в том, какого рода помощь английские власти обязаны были в силу закона оказать русскому капитану! Что касается самих русских властей, «отправляющих свои суда в Англию для ремонта в период политического кризиса», то это представляется «Times'у» «актом весьма неделикатным и дурного вкуса»; он даже считает, что «офицеры этих судов находились здесь на положении шпионов». И все же, как заявляет «Times», «английское правительство не могло резко выразить свое презрение к такой политике», нежели оно это сделало тем, что пустило, «даже с некоторым ущербом для государства», русских шпионов в королевские доки, предоставило в их распоряжение английские военные суда и доковых рабочих, оплачиваемых за счет английского народа, и салютовало им на прощанье пальбой из орудий, когда они удирали, поправ английские законы.

РУССКАЯ ПОБЕДА. — ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ И АНГЛИИ.

Лондон, 13 декабря 1853 г.

«К изумлению султана, несмотря на присутствие в Черном море французского и английского флотов, один турецкий корабль безнаказанно захвачен русским судном. Весна принесет ему дальнейшие неожиданности». Так писала в субботу «Press». Ближайший понедельник принес «дальнейшие неожиданности», которых ожидали только ближайшей весной. Русский флот уничтожил турецкую эскадру в Черном море у Синопа, — так гласит русская депеша из Одессы, датированная 5-м этого месяца, которую затем подтвердил «Moniteur». Мы еще не знаем подробностей этого столкновения, но во всяком случае ясно, что русское сообщение очень преувеличивает дело. Вся история ограничивается неожиданным нападением на несколько турецких фрегатов и некоторое число транспортных судов с войсками, провиантом, снаряжением и оружием на борту, которые предназначались для Батума; при этом русские оказались превосходящими турок числом, и все же последние сдались только после часа отчаянной борьбы.

«Наш флот, — пишет «Englishman», — во всяком случае не для того там находится, чтобы помешать нападению русских на турок. Флот не для того там, чтобы воспрепятствовать перевозке русских войск и оружия на Кавказ. Флот не для того там, чтобы наблюдать, чтобы Черное море не стало русским озером. Флот не для того там, чтобы помогать нашему союзнику или спасти его от гибели. Флот не для того там, чтобы избавить его от второго Наварина по памяtnому образцу... Русские адмиралы могут маневрировать на расстоянии пушечного выстрела от Константинополя, а английские сердца останутся при этом так же равнодушны, как и сиятельная душа самого лорда Эбердина. Долго ли народ будет терпеть такие дорого стоящие шутки?»

Коалиционное министерство безутешно, что царь разбил турок на море, а не на твердой земле. Последнего рода победа была бы ему более желательна. Русский же успех на море грозит пошатнуть его положение, особенно потому, что успех этот пришелся как раз в

момент, когда граф Буоль уверял султана, что царь будет держаться строго оборонительной тактики, а лорд Редклифф собирался навязать ему трехмесячное перемирие. В высшей степени занимательно следить за тем, как между различными органами прессы коалиционного министерства распределяются обязанности успокоения возбужденного общественного мнения.

«Times», как представитель всего кабинета, выражает свое *общее* негодование на неблагодарность царя и позволяет себе даже угрозы.

«Morning Post» держится, естественно, еще воинственнее и дает понять своим читателям, что «неприятный» инцидент при Синопе никогда не имел бы места, будь лорд Пальмерстон премьером или, по меньшей мере, министром иностранных дел.

«Ясно во всяком случае,— говорит «Post»,— что русские морские силы, посланные для операций у турецких побережий, нанесли Порте неожиданный и чувствительный удар в том самом месте, где Диван имел все основания надеяться увидеть, наконец, в действии обещанную союзниками помощь, если в самом деле предполагалось что-либо осязательное, выходящее за рамки пустых демонстраций. Можно с полным правом, полагаем мы, сомневаться в том, что Черное море является подходящей сценой для новой дипломатической комедии, которая была разыграна в княжествах под заглавием «Реальные гарантии».

Итак, русские, как можно полагать, отказались от своей лицемерной, якобы оборонительной политики. В высшей степени печально, что наша (читай Эбердина) неустойчивая политика дошла до того, что причинила тяжелый ущерб нашим союзникам и навлекла на нас заслуженные нарекания. Мы стали бы предметом всеобщего порицания и презрения, если бы допустили вторично подобное несчастье только потому, что наши военные суда не оказывают той помощи, для которой они, собственно, и отправлены».

Философский «Morning Chronicle», специальный орган сторонников Пиля, полагает, что «не лишено вероятности, что держава, нарушившая международный мир, быть может, *теперь* согласится закончить войну».

Под предлогом «нежелания противиться *добровольному акту*» отречения господарей Гики и Сирбея от правления Молдавией и Валахией царь Николай указом от 8 ноября передал их функции генералу фон-Будбергу, подчиненному, однако, контролю князя Горчакова.

Тот факт, что Англия толкает Турцию к перемирию именно в тот момент, когда это должно быть крайне желательно царю, ибо таким образом он выигрывает время для сосредоточения своих войск

и для работы над разрушением предполагаемого союза между Францией и Англией; затем, одновременные интриги Николая с целью сбросить Бонапарта и заменить его Генрихом V; наконец, громко проповедуемое «слияние» обеих ветвей Бурбонов, поддерживаемое совместно королем Леопольдом, принцем Альбертом и орлеанскими принцами, — все эти обстоятельства снова привлекают внимание общества к Виндзорскому замку и вызывают подозрение в существовании тайного заговора с дворами Брюсселя, Вены и Петербурга.

«Нынешнее поколение англичан, — пишет аристократический «Morning Herald», — должно горко следить за тем, чтобы политика их страны не была подчинена орлеанистским мечтам о реставрации, бельгийским страхам перед аннексией и мелочным немецким интересам. «Lloyds Weekly News Paper» несколько приподнимает завесу: «Есть заговорщики, за которыми не ведет наблюдения министерство внутренних дел, заговорщики, имена которых блещут в бюллетенях двора, как звезды в морозную ночь. Они не обитают ни в Сент-Джемс-Вуде, ни в Чэльви. Нет, они наслаждаются еще большими удобствами в залах Клермонта. Один из этих заговорщиков, частый гость нашей милостивой королевы, называемый в виде комплимента герцогом Немуром, отправился из своего английского особняка прямо в Фросдорф, чтобы перекинуть мост, иначе говоря — чтобы засыпать пропасть для возвращения Бурбонов во Францию. Без сомнения, он опять вернулся и будет кушать дичь в Букингэмском дворце и в Виндзорском замке». «Ваши министры, — пишет парижский корреспондент «Leader», — делают то, что им предлагает делать Виктория. Королева Виктория хочет того, чего хочет король Леопольд. Король Леопольд требует того, чего требует царь Николай. Таким образом *фактически Николай является теперь королем Англии*».

Положение Бонапарта в настоящий момент более опасно, чем когда-либо раньше, несмотря на то, что никогда его шансы на успех не казались столь большими. Ему удалось прокрасться в круг европейских величеств. Он столько же выиграл в доброй славе, сколько потерял Николай. Впервые в своей жизни он стал «респектабельным». Та самая держава, которая вместе с Россией свергла его дядю с исполинского трона, — Англия, — принуждена была пойти на мнимый союз с ним против России. Обстоятельства сделали его чуть не вершителем судеб Европы.

Перспектива европейской войны, которая повлекла бы за собой революционные движения в Италии, Венгрии и Польше, — странах, где народ, поглощенный почти исключительно восстановлением своей национальной независимости, не очень строго относится к

тому, из какого лагеря идет ему помощь, — все эти возможности как будто предопределяют для героя 2-го декабря роль дирижера в танце народов, если бы ему суждена была неудача в роли миротворца среди королей. Огромные ошибки, совершенные его предшественниками, придали к тому же его политике видимость национальной силы, ибо он вызывает, по крайней мере в державах, некоторые ожидания, тогда как предшественники его — начиная от временного правительства и до «бургграфов» Законодательного собрания — не умели делать ничего иного, как дрожать перед всем и всеми.

Но посмотрим теперь на другую сторону медали. Слияние двух ветвей бурбонской династии, какова бы ни была его внутренняя ценность, совершилось под покровительством лондонского и венского дворов и по настоянию императора Николая. Оно должно, таким образом, рассматриваться как первый шаг Священного союза, направленного против Бонапарта. С другой стороны, оно примирило в настоящий момент различные партии французской *буржуазии*, распри которых и помешали ей в период от 1848 до 1851 г. оказать сопротивление герою Страсбурга и Булони. С своей стороны, голубые республиканцы, собирающиеся в доме г. Карно, постановили почти единогласно оказать помощь легитимистам при всякой их попытке свергнуть Бонапарта. Эти господа, повидимому, твердо решились проделать снова традиционный цикл реставрации, буржуазной монархии и республики. Для них никогда республика не означала ничего иного, как «*ôte-toi de là, que je m'y mette*» («уйди, и я займу твое место»), и если уж они сами не могут занять место своего соперника, то, по крайней мере, хотят насолить ему тем, что им самим кажется самой жестокой карой: потерей этого места. Предполагаемые роли уже распределены. Назначены уже генералы, министры и высшие чиновники. Опасность, угрожающая с этой стороны Наполеону, заключается в военном мятеже, который если и не приведет Бурбонов к власти, то даст толчок к общему возмущению. В конце концов, однако, этот заговор Малле, зависящий от поддержки казаков, не более опасен, чем ледрю-ролленовский заговор, рассчитывающий на поддержку турок. Отмечу мимоходом, что если бы собралась вся французская эмиграция Лондона и Джерси, Ледрю едва ли осмелился бы показаться ей. Огромное большинство французских эмигрантов принадлежит к различным фракциям социалистической партии и объединено в *Société des Proscrits Démocrates et Socialistes* (Общество демократических и социалистических изгнанников), которое относится открыто враждебно к притязаниям Ледрю. Говорят, что он пользуется еще некоторым влиянием среди

французских крестьян, но власть завоевывается в Париже, а не в департаментах, а в Париже он встретит сопротивление, побороть которое ему будет не по плечу.

Серьезная опасность, которую должен стараться предотвратить Бонапарт, угрожает ему с совершенно иной стороны, а именно со стороны высоких цен на съестные продукты, застоя торговли и крайнего истощения и полного развала императорской казны. Именно крестьянство, с его слепой верой в волшебную силу имени «Наполеон» и в золотые горы, обещанные героем Страсбурга, навязало его Франции. Для крестьянства возврат Бонапартов к власти был равнозначен с восстановлением его собственного господства, после того как реставрация его обманула, июльская монархия использовала, а республика заставила платить расходы по февральской революции. Теперь крестьяне прозрели не только благодаря голодовке, но и потому, что они отданы на произвол солдатчины. Поджоги в настоящий момент во Франции стали чаще, чем когда-либо. Средние классы были настолько глупы, что обвиняли Национальное собрание в том, что временный застой торговли в 1851 году был вызван распрями и интригами его различных фракций и его общей оппозицией против исполнительной власти. Они не только оставили на произвол судьбы своих собственных представителей, но и старательно провоцировали государственный переворот в видах восстановления, как они выражались, «упорядоченного правительства» и прежде всего «здоровой деловой атмосферы». Теперь они поняли, что промышленные кризисы не могут быть ни предотвращены, ни смягчены военным деспотизмом, который напрягает общественный кредит до крайних границ и расточительными расходами высасывает из страны все соки, благодаря чему финансовый кризис становится неизбежным спутником кризиса торгового. Средние классы поэтому снова вздыхают о перемене правительственной власти, которая даст им, наконец, «упорядоченное правительство» и «здоровую деловую атмосферу». Пролетарии, со своей стороны, приняли Бонапарта с самого начала только как временную необходимость, как разрушителя *казацкой республики* и как мстителя против *партии порядка*. Ослабленные следовавшими одно за другим поражениями до 2 декабря и всецело поглощенные собой в годы 1852 и 1853, они имели время выжидать, когда представится случай, при котором условия общего характера и широко разлившееся недовольство всех других классов дадут им возможность снова взяться за свою революционную работу.

ОТСТАВКА ПАЛЬМЕРСТОНА.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Самая интересная и важная из новостей, привезенных пароходом «Африка», это — уход лорда Пальмерстона из коалиционного кабинета лорда Эбердина. Это — мастерской ход чуждого щепетильности и необыкновенно ловкого политика. Лондонские газеты, настроенные благожелательно по отношению к министерству, стараются убедить публику, что не восточный вопрос является причиной происшедшего, но что совестливый лорд, как верный страж британской конституции, покидает свой пост, не будучи в состоянии одобрить парламентскую реформу даже того карликового калибра, который соответствует такому вигу, как лорд Джон Россель. Такими именно мотивами Пальмерстон официально обосновал свою отставку своим коллегам по коалиции. Но в то же время он постарался вызвать в публике совершенно иное впечатление; и действительно, несмотря на все декларации официальной прессы, повсюду распространялось мнение, что билль о парламентской реформе послужил не больше как предлогом, истинной же причиной является руссофильская политика кабинета. В этом смысле и писали с некоторых пор, в особенности после закрытия последней сессии, все органы печати, к нему расположенные. На различные голоса они наигрывали все время одну и ту же мелодию: как лорд Пальмерстон тщетно боролся против влияния премьер-министра и как решительно выступал он против недостойной роли, навязываемой ему в восточной драме. Непрерывно распространялись слухи о расколе министерства на два лагеря, и все пускалось в ход, чтобы приготовить британскую публику к тому, как рыцарственный виконт даст образец отличающей его энергии. Когда спектакль был готов, декорации расставлены, благородный лорд, давно уже стоявший за кулисами, выбрал, наконец, с поразительным чутьем подходящий момент, когда появление его на сцене должно было произвести самый ошеломляющий и самый действительный эффект.

Лорд Пальмерстон порывает со своими друзьями по коалиции как раз в момент, когда Австрия жадно хватается за предложение

созыва новых конференций; когда царь все дальше распространяет сеть интриг и войну, вызывая вооруженное столкновение между сербами и босняками и угрожая смещением сербскому князю в случае, если тот пожелает и дальше оставаться нейтральным; когда турки, понадеявшиеся на присутствие английского и французского флотов, оплакивают уничтожение своей флотилии втрое превосходившим ее по силе русским флотом и потерю 5 000 людей; когда в английских гаванях и на борту английских судов русские капитаны безнаказанно попирают ногами английские законы; когда давно уже стали достоянием гласности династические интриги «безупречной королевы» и ее «немецкого принца-супруга» и когда, наконец, одураченный английский народ, за границей оскорбленный в своей национальной гордости, а внутри терзаемый стачками, голодом и застоєм в делах, начинает занимать угрожающую позицию и может излить свою месть лишь на свое несчастное правительство. Уходя в отставку в подобный момент, лорд Пальмерстон перелагает всю ответственность на плечи своих бывших коллег. Его поступок становится национальным событием. Внезапно он превращается в представителя народа в противовес правительству, с которым распростился. Таким образом он не только спасает свою собственную популярность, но и делает своих коллег окончательно непопулярными. Благодаря тому, что неизбежное крушение теперешнего министерства кажется делом его рук, он становится необходимым членом всякого другого кабинета, который придет на смену. Он не только покидает кабинет, приговоренный к смерти, но и навязывает себя новому кабинету.

Уходя в отставку в такой необычайно критический момент, лорд Пальмерстон, однако, спасает не только свою популярность и обеспечивает себе выдающееся место в новом правительстве, но и прямо помогает политике России. Русская дипломатия давно уже потешалась над расхлябанностью коалиционного министерства; Бонапарту оно всегда казалось подозрительным по причине склонности своей к Кобургам и орлеанскому дому, и даже в Константинополе начинают понимать его изменническую и малодушную слабость, а теперь оно потеряет последние остатки влияния, которое оно имело в мировом концерте. Без единства внутри, непопулярное в народе, правительство, на которое не полагаются его собственные друзья и которое не уважают его враги, правительство, рассматриваемое всеми только как временное, распад которого может последовать в каждый данный момент, в действительном существовании которого можно даже сомневаться, — такое правительство меньше всего способно обеспечить Великобритании преобладающее влияние среди других держав

Европы. Поскольку дело касается внешней политики, отставка лорда Пальмерстона сводит коалиционное правительство, а вместе с ним и Англию, к нулю; но никогда еще исчезновение Англии с общественной арены, хотя бы и на одну или две недели, не значило так много для русских деспотов. В совете министров Англии миролюбивый элемент одержал победу над воинственным. Так будет истолкована отставка лорда Пальмерстона при дворах Берлина, Парижа и Вены, и такое истолкование будет навязано и Дивану, вера которого в собственные силы и без того поколеблена последними русскими успехами и который заседает под пушками соединенных флотов.

Не нужно забывать, что государственная деятельность лорда Пальмерстона во внешней политике, с тех пор как он стал членом коалиционного кабинета, ограничилась следующими выступлениями: пресловутым пороховым заговором; признанным им самим употреблением английской полиции для шпионства за политическими эмигрантами; речью, в которой он шутливо изображал не стоящими внимания установленные русскими ограничения плавания по Дунаю, и, наконец, программной речью при закрытии парламентской сессии, в которой он уверял палату общин, что в восточной смуте правительство действовало безупречно и что депутаты могут разойтись с спокойным сердцем, ибо министры остаются на своих постах; при этом он ручался «за честь и благородные намерения русского императора».

Кроме перечисленных нами общих обстоятельств, лорд Пальмерстон имел еще одну специальную причину изумить мир своим последним подвигом патриотического самопожертвования. Его начинают раскусывать. Его ореол начинает меркнуть; его прошлая карьера становится известной обществу. Если английской нации не открыло глаза ни его участие в заговоре 2 декабря, опрокинувшем французскую республику, которую он сам признал, ни комедия с пороховым заговором, то ее встряхнули разоблачения г. Давида Уркарта, основательно потрепавшего сиятельного лорда. В своем недавно появившемся труде *«Успехи России»*, в статьях в английской прессе и, в особенности, в речах своих на антирусских собраниях по всему королевству г. Уркарт нанес политической репутации Пальмерстона удар, который дальнейшая история оправдает. Наша собственная борьба за дело исторической правды помогла английскому общественному мнению в гораздо большей мере, чем мы это ожидали, увидеть в новом свете этого хлопотливого и вероломного государственного деятеля.

СИНОП И АХАЛЦЫХ.

(ШЕРЕДОВАЯ.)

После долгой задержки мы получили, наконец, официальные документы об обеих победах, которыми так шумно похваляется Россия и которые так богато ее вознаградили. Мы имеем в виду, разумеется, уничтожение эскадры при Синопе и битву при Ахалцыхе в Азии. Документы эти — русские официальные донесения; однако то обстоятельство, что турецкий официальный орган хранит о деле глубочайшее молчание, — в то время как его-то сообщения должны были бы прийти к нам раньше, чем сообщения из Петербурга, — заставляет с несомненностью предполагать, что Порта не имеет сообщить ничего приятного. Пользуясь находящимися в нашем распоряжении сообщениями, мы постараемся осветить события, чтобы ознакомить наших читателей с истинным положением дела.

Битва при Синопе была результатом целого ряда таких странных ошибок со стороны турок, что объяснить всю историю можно, только допустив существование злонамеренного вмешательства западной дипломатии или тайного соглашения русских с некоторыми партиями в Константинополе, имеющими связи с французским и английским посольствами. В ноябре месяце весь турецкий и египетский флот отправился в Черное море, чтобы отвлечь внимание русских адмиралов от экспедиции, которая имела целью произвести высадку на кавказском побережье с оружием и боевыми припасами для восставших горцев. Флот оставался в открытом море восемнадцать дней, не встретив ни одного русского военного судна. По одной версии, русская эскадра за все это время не покидала Севастополя; по другой — русские, прекрасно осведомленные о турецких планах, стянули будто бы свои силы на восток и оттуда наблюдали за движениями транспортов, которые, вследствие этого, не достигли кавказского побережья и вернулись в Синоп, между тем как главные морские силы снова отплыли в Босфор. Большие запасы пороха на борту синопской эскадры, поведшие к взрыву некоторых судов в почти начальной стадии боя, повидимому, подтверждают вероятность последней версии.

Семь турецких фрегатов, два парохода, три корвета и одно или два малых судна с несколькими транспортами остались, таким образом, в синопской гавани, предоставленные самим себе. Гавань же эта является просто прикрытым рейдом, образуемым слишком открытой к морю бухтой и защищаемым несколькими заброшенными и плохо построенными батареями; лучшая из батарей представляет собою замок, выстроенный еще во времена греческих императоров, т. е., вероятно, раньше, чем в Европе знали что-либо об артиллерии. Как могло случиться, что эскадра, силой около трехсот пушек весьма низкого калибра, была головой выдана втрое большему и сильнейшему флоту, да к тому же в таком пункте турецкого побережья, который, по причине близости к Севастополю, более всего открыт для русских нападений, между тем как главные силы турецкого флота спокойно качались на волнах Босфора, — этого мы еще не знаем. Но мы знаем, однако, что опасное положение этого маленького отряда было хорошо известно и серьезно обсуждалось в главной квартире; мы знаем, что турецкие, английские и французские адмиралы высказывали в военном совете различные мнения и что всюду поспевающие посланники также вмешались в обсуждение этого вопроса; но сделано не было ничего.

Между тем, как гласит одно сообщение, один австрийский пароход сообщил в Севастополь о месте нахождения эскадры. Русское официальное сообщение, наоборот, утверждает, что Нахимов, крейсируя у азиатских берегов, открыл эскадру и сейчас же приготовился к нападению на нее. Но если русские заметили турок у Синопа, то турки должны были неизбежно со всех башен и минаретов заметить русских много раньше. Как могло случиться, что турецкие батареи оказались в таком плохом состоянии, в то время как достаточно было двух дней работы для приведения их в порядок? Как случилось, что турецкие суда бросили якорь именно в тех местах, где они мешали огню батарей, и по какой причине не отвели их на места, предназначенные для якорных стоянок, где они были бы лучше защищены от грозившей им опасности? Для всего этого нашлось бы достаточно времени, ибо адмирал Нахимов доносит, что, прежде чем решиться на атаку, он послал в Севастополь за тремя трехпалубными судами. Ясно, что турки не пропустили бы напрасно шести дней, с 24-го по 30 ноября, не приняв никаких мер. Донесение же бежавшего в Константинополь турецкого судна «Танф» достаточно определенно доказывает, что турки были захвачены врасплох. Русское сообщение не может, таким образом, соответствовать действительности.

Под командой Нахимова находились три линейных корабля, из

них одно трехпалубное, шесть фрегатов, несколько пароходов и шесть или восемь малых судов, — иначе говоря, силы, располагающие почти двойным количеством пушек по сравнению с турецкой эскадрой. И, однако, он только тогда решился атаковать турок, когда получил подкрепление в виде трех новых трехпалубников, которых одних было бы достаточно для всего предприятия. Только при таком несоразмерно большом превосходстве в силах отважился он на атаку. Туман или, как некоторые утверждают, поднятие британского флага позволили ему приблизиться на 500 ярдов. Тогда начался бой. Русские опасались, что ветер прибьет их к берегу, и потому бросили якоря. Затем, без всякого маневрирования, оба стоявшие на якорях флота начали взаимный обстрел; обстрел этот имел скорее характер сухопутной артиллерийской перестрелки и продолжался четыре часа. Возможность обойтись без применения морской тактики и маневров была очень на руку русским, судовая команда которых в Черном море состоит почти исключительно из речных водников, главным образом польских евреев, так что в открытом море русские едва ли имели бы успех против турецких судов, располагающих прекрасной командой. И, тем не менее, русским понадобилось целых четыре часа, чтобы заставить замолчать слабые силы своего противника. Кроме того, они имели еще и то преимущество, что каждый их неудачный выстрел должен был наносить вред или укреплениям, или городу. А что очень многие выстрелы не попадали в цель, — это доказывается полным разрушением города, последовавшим задолго до того, как неприятельский флот принужден был замолчать. По русскому сообщению, выходит, что разрушены только турецкие кварталы, в то время как греческая часть города как бы чудом спаслась от разрушения. Но этому противоречит более достоверное свидетельство, сообщающее, что весь город превращен в развалины.

В течение битвы три турецких фрегата были сожжены, четыре посажены на мель и после подожжены вместе с одним пароходом и малыми судами. Пароход «Таиф» перерезал, однако, свою якорную цепь, смело прорвался через русские линии и ушел в Константинополь, несмотря на преследование тремя русскими пароходами под начальством адмирала Корнилова. Конечно, при неповоротливости русских на море, невыгодном расположении турецкого флота перед собственными батареями и в сфере их огня и, особенно, *при абсолютной неизбежности поражения* было бы гораздо лучше, если бы вся турецкая эскадра снялась с якоря и ударила на врага, поскольку это позволял ветер. Тогда, может быть, жертвуя некоторыми судами, можно было бы спасти, по крайней мере, хоть часть эскадры.

Конечно, решающим моментом для такого маневра было господствовавшее направление ветра; но кажется сомнительным, чтобы Осман-паша вообще имел в виду такой шаг.

Победа при Синопе не прибавляет славы русским. Турки же сражались с неслыханной храбростью; ни одно судно не спустило флага на протяжении всего боя. Потерей значительной части своих морских сил, временным завоеванием русскими Черного моря и угнетающим моральным влиянием этих событий на турецкий народ, армию и флот Турция обязана всецело «добрым услугам» западной дипломатии, которая помешала выходу турецкого флота, чтобы защитить или вернуть домой синопскую эскадру. И точно так же исключительно тайной информации этой дипломатии обязана она тем, что Россия оказалась в состоянии произвести свой налет с такой уверенностью и безопасностью.

Вторая победа, которою хвалятся русские, была одержана в Армении при Ахалцыхе. Уже с некоторых пор турки были стеснены в своих наступательных передвижениях на границе Грузии. Со времени занятия ими Шефкатиля, иначе форта св. Николая, ими не было взято ни одного места, имеющего какое-либо значение, не одержано ни одной, хотя бы ничтожной, победы. И это в стране, где русские принуждены сражаться при неблагоприятных во всех отношениях условиях, где их сухопутные сообщения с Россией ограничиваются двумя дорогами, к тому же не свободны от нападений черкесских повстанцев, где их сообщения через море легко могли бы быть отрезаны или поставлены под угрозу и где Закавказская область с центральным пунктом Тифлисом, оккупированным русскими, может считаться скорее самостоятельным государством, чем составною частью могущественной империи. Как же объяснить этот перерыв в турецком наступлении? Турки обвиняют Абди-пашу в измене и отозвали его; и в самом деле странно, что Абди-паша является единственным турецким генералом в Азии, которому русские позволяли одерживать частичные и местного характера победы. Но туркам можно указать две их ошибки, которые объясняют недостаточные успехи их вначале и последующее фактическое поражение. Они растянули и раздробили свою армию по всей длинной линии от Батума до Баязета. Их войска ни в одном месте не оказались достаточно сильными для концентрированной атаки на Тифлис, хотя часть из них и может похвалиться в данный момент занятием — впрочем, никем не оспариваемым и совершенно бесполезным — города Эривань. Страна скалиста и неплодородна, и возможно, что снабжение большой армии представляло там затруднения; но лучшее средство против

голода в войсках, это — быстрые передвижения и скорая концентрация всех ресурсов. Достаточно было бы двух корпусов: одного для прикрытия Батума и нападения на побережье, а другого — для марша через долину Куры прямо на Тифлис. Но без всякой необходимости турецкие силы все дробились и дробились, вплоть до того, что каждый отдельный корпус стал почти небоеспособным.

С другой стороны, бездеятельность, в которой держала турецкий флот дипломатия, позволила русским высадить в Мингрелии две дивизии пехоты (из пятого корпуса) и таким образом увеличить кавказскую армию князя Воронцова почти на 20 000 человек. Благодаря такому подкреплению он мог не только удерживать турок на побережьи, но и видеть с удовлетворением, как один из корпусов, под командой генерала Андронникова, освободил осажденную крепость Ахалцых и разбил неприятеля в открытом бою вблизи этого города. Русские сообщают, что, имея около 10 000 человек, они обратили в бегство 18 000 турок. Мы не можем, естественно, полагаться на подобные сообщения, но должны признать, что большое число нерегулярных войск в турецко-анатолийской армии и почти полное отсутствие европейских офицеров, в особенности среди высших чинов и в генеральном штабе, ставили турок по отношению к русским в невыгодное положение при численном равенстве. Русские сообщают, что они взяли десять или двенадцать пушек; это, вероятно, так и есть, так как в этой непроходимой местности побежденная сторона неизбежно должна бросать свои пушки. Но в то же время русские признают, что им удалось захватить всего 120 пленных. Это равносильно признанию, что они добывали на поле битвы раненых, которых турки по необходимости должны были оставить в их руках. Затем, из всего видно, что преследование и попытки отрезать отступление хотя бы части неприятеля были поставлены очень плохо. У русских было множество кавалерии; смелая атака на бегущих могла бы отрезать целые батальоны. Однако, судя, по крайней мере, по имеющимся сведениям, их действия не представляют политического и военного интереса.

На Дунае русские не предприняли ничего, кроме повторения атак на Матчин — форт, или выдвинувшуюся скалу против Браилова, — которыми они открыли военные действия. Повидимому, они мало чего там добились. Теперь мы можем произвести и детальный подсчет турецких сил у Виддина на основании сведений из хорошо осведомленного источника. Они состоят из 34 000 человек пехоты, 4 000 человек кавалерии и 2 000 человек артиллерии с 66 полевыми орудиями, не считая тяжелой артиллерии на укреплениях

Виддина и на редутах Калафата. Так тратится сорокатысячная сила для занятия прямой дороги от Бухареста на Сербию. 40 000 человек, прикованных к растянутым укреплениям, которые они должны защищать, — это слишком мало, чтобы противостоять большой армии, и слишком много, чтобы защищаться от набегов небольших отрядов. Вместе с силами, собранными у Шумлы, эти 40 000 человек во всяком другом месте имели бы двойную ценность. На-ряду с дипломатическим вмешательством операции при Ольтенице были парализованы также и отсутствием этих сил. Невозможно, чтобы Омер-паша не знал, что если он будет стоять со 100 000 человек между Силистрией и Руцуком, то русские никогда не решатся на попытку броситься мимо него в горы Сербии с силами, достаточными для нанесения серьезного вреда. Подобное распределение сил никоим образом не может согласоваться с его видами, и, несомненно, он возмущен теми зловердными влияниями, которые навязывают ему такую группировку.

ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ.

Лондон, 10 января 1854 г.

Британского главнокомандующего лорда Гардинга убедили взять назад свою отставку. Относительно герцога Норфолька корреспондент «Dublin Evening Mail» сообщает, что «стало известно кое-что из придворных сплетен. Некий благородный герцог, временно занимающий какой-то пост при дворе и носящий самое высокое наследственное феодальное звание в государстве, по слухам, хлебнул лишнее, когда пил шампанское за королевским столом, вследствие чего потерял свое благороднейшее равновесие в столовой и вовлек в катастрофу даже ее величество. Прямым последствием этого досадного промаха явилась отставка благородного герцога и назначение графа Спенсера на пост лорда-сенешала двора ее величества».

Маклер ирландской бригады г. Седлер снова заявил о своем уходе с занимаемого им министерского поста, и на сей раз лорд Эбердин отставку принял. Его положение стало невозможным после сделанных перед ирландским судом разоблачений относительно тех скандальных методов, при помощи которых он умудрился пройти в парламент. Власть кабинета всех талантов над ирландской бригадой после этой неприятности, конечно, не усилится.

Происшедшие в пятницу и субботу в Кредиттоне и Девоншире продовольственные беспорядки были своего рода народным ответом на те яркие описания процветания, которыми правительственные и фритредерские газеты сочли нужным позабавить своих читателей по случаю проводов 1853 года.

Газете «Patrie» сообщают из Трапезунда, что вследствие «требования российского поверенного в делах в Тегеране об отставке двух наиболее популярных министров персидского шаха народ стал волноваться, а командующий гвардией заявил, что, в случае выполнения этого требования, он слагает с себя ответственность за общественное спокойствие. В связи с этим страх перед взрывом народного негодования по отношению к России побудил шаха возобновить прежние сношения с английским поверенным в делах».

К огромному множеству опубликованных во всеобщее сведение дипломатических документов ныне прибавилась *нота четырех держав* от 12 декабря, с которой послы этих держав в Константинополе сообща обратились к Порте, а также новый циркуляр г. Друэн-де-Люиса, помеченный «Париж, 30 декабря» и разосланный французским дипломатическим агентам. Вчитываясь в ноту четырех держав, мы понимаем то величайшее волнение, которое охватило Константинополь, после того как стало известно, что Порта приняла ноту; для нас становятся также понятными повстанческое движение, возникшее 21-го, как и вынудившая турецких министров необходимость торжественно объявить, что военные операции не будут прекращены или приостановлены в связи с возобновлением мирных переговоров. И в самом деле, всего через 9 дней после того, как сообщение о вероломной и гнусной бойне в Синопе достигло Константинополя и вызвало по всей Османской империи страшный клич об отмщении, четыре державы хладнокровно приглашают, а послы Великобритании и Франции принуждают Порту начать с царем переговоры, в основе которых лежит следующее: *все прежние договоры должны быть возобновлены*; в дополнение к фирманам относительно религиозных привилегий, даруемых султаном его христианским подданным, должны быть даны новые гарантии каждой из этих держав, стало быть — царю; Порта должна назначить уполномоченного для заключения перемирия; она должна разрешить России построить в Иерусалиме церковь и больницу и обязаться перед державами (т. е. перед царем) улучшить свою внутреннюю административную систему. Порта не только не должна получить никакого возмещения за огромный ущерб, нанесенный ей пиратскими действиями московитов, но цепь, на которой Россия вела Турцию в продолжение целой четверти века, будет выкована заново и должна еще туже охватить узника; Порта должна сдаться на милость самодержца, смиренно гарантировать ему фирманы о религиозных привилегиях своих христианских подданных и поручиться ему за свою систему внутреннего управления. Другими словами, она должна уступить религиозный протекторат царю, а также подчиниться его приказам в области своего гражданского управления. В награду за такую капитуляцию Порте дается обещание «возможно скорее эвакуировать княжества», захват которых лорд Кларендон назвал «актом пиратства», а также заверение, что введение к договору от 13 июля 1841 г. (оказавшееся столь надежной гарантией против России) подлежит формальному подтверждению.

Хотя безграничная подлость этих презренных «держав» достигла своего апогея в том факте, что они через несколько дней после

событий в Синопе стали навязывать Порте переговоры на этих основах, однако они таким гнусным путем не выйдут из затруднительного положения. Царь уже зашел слишком далеко, чтобы допустить хотя бы видимость замены требуемого им исключительного протектората над христианскими подданными Турции европейским протекторатом, и мы уже видим, что, как сообщает венский корреспондент «Times'a», «Австрия запросила, будет ли российский двор возражать против европейского протектората над христианами в Турции. На это последовал самый решительный ответ, что Россия не позволит никакой другой державе вмешиваться в дела греческой церкви. Россия, мол, заключила договор с Портой и разрешит этот вопрос только с нею». Точно так же мы узнаем из «Standard», что «Николай не примет ни одного предложения, не исходящего непосредственно от самого турецкого монарха, что является отказом от признания права европейских держав на посредничество или вмешательство, т. е. оскорблением этих держав, которого нельзя считать незаслуженным».

Единственным важным местом в циркуляре господина Друэн-де-Люиса является сообщение о том, что соединенные эскадры вошли в Черное море для «комбинированных действий, имеющих целью не допустить, чтобы территория или флаг Турции стали объектом какого-либо нового нападения со стороны морских сил России». «Non bis in idem. La moutarde après la viande» (за одно преступление не судят дважды... После ужина горчица...). Во вчерашней газете «Morning Chronicle» помещена телеграмма ее константинопольского корреспондента от 30 декабря, сообщающая, что соединенные эскадры вошли в Черное море. «Эскадры, — заявляет «Daily News», — вероятно, входят в Черное море лишь с тем, чтобы делать то, что они делали в Босфоре, т. е. ничего»... По сообщению «Press», «уже отдан приказ одному кораблю английского флота и одному кораблю французского флота войти в Черное море и подойти под белым флагом к Севастополю. По прибытии туда они должны сообщить русскому адмиралу, что, в случае его отплытия из севастопольского порта, он будет немедленно обстрелян». Хотя русский флот в это не очень благоприятное время года и после своих «славных подвигов» у Синопа и не собирается выходить в Черное море, однако царь не позволит Англии и Франции вытеснить его хотя бы на время из тех вод, из которых ему удалось вытеснить их еще в 1833 году. Он утратил бы свой престиж, если бы не ответил на это сообщение объявлением войны. «Объявление Россией войны Франции и Англии, — заявляет «Neue Preussische

Zeitung», — более вероятно, нежели скорое заключение мира между Россией и Турцией».

В Ньюри (в Ульстере) состоялся большой митинг, посвященный вопросу о ничем не вызванном нападении России на Турцию. Я рад, что могу благодаря любезности г. Уркарта, препроводившего мне отчет о ньюрийском митинге, ознакомить ваших читателей с наиболее интересными местами из речи этого джентльмена. Так как я уже по разным поводам излагал свою точку зрения на восточный вопрос, то считаю излишним выделять те места, в которых я не могу согласиться с г. Уркартом. Я позволю себе лишь заметить, что его точка зрения подтверждается следующим сообщением: «Крестьяне Малой Валахии, при поддержке валахских солдат, восстали против русских. Вся местность вокруг Калафата и вдоль левого берега Дуная пришла в движение. Русские чиновники эвакуировали Турмаль».

После ряда вступительных замечаний г. Уркарт сказал:

«...В вопросах, касающихся наших важнейших интересов и наших сношений с другими государствами, нет ни принудительной силы закона, ни систематического руководства, ни ответственности перед нацией, ни наказуемости за неисполнение той или иной обязанности или за совершение того или иного преступления. Тут вы совершенно лишаетесь всех конституционных средств принуждения, так как вы либо пребываете в неведении, либо вас неправильно осведомляют. Эта система, следовательно, рассчитана на то, чтобы развращать народ, подкупать правительство и подвергать опасности государство. Между тем вы выступаете против наиболее хитрого и непреклонного, наиболее враждебного и бессовестного правительства, проложившего себе дорогу к всемогуществу, которым оно угрожает всему миру, тем, что использует те самые правительства, которые оно хочет свергнуть, и наши условия аналогичны тому, что раньше было в Афинах, а именно Россия нашла или создала главные орудия своего величия в недрах того государства, органы которого больше всего противодействовали ее политике. В этом заключается главная причина того, что в таких вопросах Англия является позорным пятном невежества. В Соединенных Штатах существует президент, пользующийся прерогативами, присущими королевской власти. Там имеется сенат, контролирующей исполнительную власть и заранее осведомляемый о ее актах. (Слушайте! слушайте! Аплодисменты.) Во Франции неоднократно назначались парламентские комиссии для расследования государственных дел; эти комиссии требуют представления документов и вызывают министра иностранных дел для объяснений. К тому же народ там настороже и, по крайней мере, внима-

тельно относится к получаемым сведениям; подобным же образом относится к ним и правительство, ибо от этого зависит судьба министерств и династий. В Австрии есть, по крайней мере, монарх, знающий о действиях своих слуг. В Турции и России вы видите следующее: в одной из этих стран настроение народа стесняет правительство, а в другой правительство выражает волю нации. Одна лишь Англия остается с короной, но без авторитета, с правительством, но без системы, с парламентом, но без контроля, и вообще нацией без осведомленности. (Слушайте! слушайте!) Возвращаясь к тому положению и тем фактам, свидетелями которых мы являемся, я должен прежде всего сказать, — а это вопрос большой важности, — что Россия не располагает силами для осуществления своих угроз; что она рассчитывала лишь на то, что ей легко удастся запугать вас всякими, не имеющими под собою почвы ужасами; ей вообще незачем было воевать с Турцией, и у нее нет для этого средств. Она даже не подготовилась к подобной задаче, она рассчитывала на то, что вы удержите Турцию и дадите ей возможность занять ее провинции; наконец, Россия рассчитывала на то, что вы заставите Турцию выполнить наглые требования, целью которых является уничтожение Оттоманской империи. (Слушайте! слушайте!) Россия намерена осуществить свои цели при помощи вашего посла в Константинополе и вашей эскадры в Босфоре. И тут я должен указать на заявление, сделанное моим благородным другом, полковником Чесни, и одновременно восполнить сделанное им упущение. Он заявил, что при том положении, какое было перед переходом через Прут, Турция была сильнее России, но он не ознакомил вас с той высокой оценкой, которую он дает и давал военным качествам турок. Он заявил, что даже в настоящий момент, несмотря на все огромные преимущества, которые благодаря вам оказались на стороне России, он еще сомневается; является ли Турция равным соперником для России. У меня на этот счет нет ни малейшего сомнения, но я должен, с вашего разрешения, сделать две оговорки: во-первых, ваш посол и ваша эскадра должны быть отозваны; во-вторых, Турция должна перестать обессиливать себя надеждами на иностранцев. Однако после этого последовало новое, сделанное не без колебания заявление, которое, исходя от столь высокого авторитета, — а более крупного авторитета по этим вопросам не существует, — может получить не то значение или может быть неправильно истолковано. Полковник Чесни заявил, что настоящий момент может оказаться благоприятным для России, так как Дунай замерз, что дает ей возможность двинуть свои войска через Болгарию. Однако какими силами располагает она, чтобы двинуть их в Болгарию?

Европа на протяжении ряда месяцев слышит всякие преувеличенные сообщения: нас усердно информировали относительно огромного скопления ее войск, подготовляемых к военным действиям. Их обычно исчисляли в 150 000 человек, и люди готовы были верить, что 150 000 человек достаточно для завоевания Турции. Я же недавно получил официальное сообщение, согласно которому общее количество войск, перешедших Прут, составляло всего 80 000 человек, из коих тысяч 20 — 30 уже погибли от болезней или находятся в госпиталях. Я отправил это сообщение в одну из газет, но оно не было напечатано, так как его сочли неправдоподобным. Ныне Россия опубликовала свое сообщение, в котором общее количество войск уже сокращено до 70 000. (Аплодисменты.) Если оставить в стороне соотношение сил обеих империй даже в том случае, если бы они выставили все свои войска, нам должно быть ясно, что Россия не намеревалась воевать, располагая таким количеством войск. Какую же силу могла противопоставить Турция? В то время у нее было между Балканами и Дунаем 180 000 человек, теперь эта цифра возросла до 200 000, занимающих укрепленные позиции, тогда как силы России сократились и составляют, самое большее, 50 000 человек, расположенных вне укреплений и к тому же деморализованных поражением и зараженных дезертирством. Относительно качеств турецких войск и их превосходства над русскими вы слышали отзыв генерала Бема, вы имеете также живого свидетеля в лице полковника Чесни, слова которого подтвердились событиями, вызвавшими во всей Европе изумление и восхищение. Заметьте, нас сейчас интересует вопрос не о соотношении сил обеих империй, а о намерениях и образе действий одной из них — России. Я считаю, что она не собиралась воевать. Ибо, с одной стороны, она не могла сразу собрать необходимые силы, а с другой стороны — она могла рассчитывать на английский кабинет. У России не было намерения воевать — она не имеет этого намерения и теперь. Еще перед войной я говорил: она вторгнется в княжества и займет их при помощи Англии. Каким же образом я мог оказаться пророком? Разумеется это случилось не потому, что я знал намерения России, о которых тысячи знают так же, как и я, или даже лучше меня, а потому, что я знал, что собою представляет Англия. Однако давайте рассмотрим снова этот вопрос — он слишком важен, чтобы пройти мимо него. Полковник Чесни заявил, что все дело в резерве, которым Россия располагала по ту сторону Прута. Относительно этого резерва он в последнее время слышал многое. Так, говорили, что Остен-Сакен быстро идет во главе 50-тысячного войска на Дунай, чтобы дать реванш за поражение при Ольтенице. Между тем оказы-

вается, что эти 50 000 превратились в 18 000, а самое любопытное заключается в том, что даже эти 18 000 не прибыли. (Смех и аплодисменты.) Если мы возьмем цифру полковника Чесни — 75 000 — и сократим ее, принимая во внимание убитых и больных, до 50 000, а затем прибавим сюда 18 000 солдат из неисчерпаемого резерва, то мы, в конце концов, получим всего лишь 70 000 человек, которые должны действовать против 200 000, основательно окопавшихся, да к тому же в гористой местности и в такое время года, когда русские, как это всегда бывало в прошлом, избегают сражения.

«Теперь разрешите мне напомнить о событиях предыдущей войны 1828 — 1829 гг. Турция тогда билась в судорогах. Меч мусульманина был обращен против мусульманина; провинции взбунтовались, восстала Греция, прежняя военная сила была уничтожена, новые рекруты были слабо дисциплинированы, и их было всего 33 000 человек. Господство на Черном море было вырвано у Турции бомбардировкой английских пушек в Наварине; и тут-то Россия, поддержанная Англией и Францией, одним прыжком бросилась на Турцию и достигла ее центральных провинций, когда Турция даже еще не знала о том, что объявлена война. А как вы думаете, — какое количество войск сочла она тогда нужным вывести против неприятеля? 216 000. (Аплодисменты.) И все же лишь путем обмана и под влиянием английского посла, который, к несчастью, вернулся, Турция вынуждена была подписать выхваченный у ней врасплох Адрианопольский договор. (Слушайте, слушайте!) Обратимся теперь к Турции, представляющей единство чувства и настроения, отличающейся героизмом, внушаемым ей любовью к родной стране и заодно ненавистью к насилию, — к Турции, создавшей объединенную власть, к стране с обильными ресурсами, могущей собрать 300 000 добровольцев, самых воинственных, каких можно найти во всем мире, располагающей 250 000 дисциплинированного войска, одерживавшего победы в Азии, и флотом на Черном море, — заметьте, не потерянным в Синопе, как я это сейчас докажу, — и паровым флотом, могущим перевозить без потерь в людях и во времени ее войска на театр военных действий из самых отдаленных провинций империи, от снежных вершин Кавказа до бесплодных пустынь Аравии, от просторов Африки до Персидского залива. Всюду в этой стране царит дух возмущения, дух воспрянувшего мужества. (Слушайте! слушайте! Аплодисменты.) Да, но подобно тому как в прежнюю войну Наварин привел казаков на Балканы, так и теперь гребные винты Англии могут даже без войны привести потрепанные русские суда в Дарданеллы. Но я говорю о намерениях России. Суть именно

в этом. Нынешняя победа должна быть завершена на Даунингстрите, а не на Востоке. Между тем разве вы не потерпели ущерба? Разве найдется среди присутствующих человек, который в сущности не пострадал? Разве есть хоть один человек, который не платит дороже за хлеб, у которого не сократился его заработок или приложение его капитала? (Слушайте! слушайте!) Кто не платит теперь больше налогов? Разве биржа не бьется в судорогах? Разве мы не были свидетелями расстройств денежного рынка в связи с наступлением русских войск, на две трети равного расстройству 1847 г.? И все же Россия никогда не хотела воевать. Разве мы не видели, как падают правительства Европы и как возникают восстания и волнения — и все же Россия никогда не хотела воевать. Разве мы не были свидетелями того, как Оттоманская империя изнывала под огромным бременем полумиллионной армии, потому что Россия двинула 70-тысячное войско, кормить которое пришлось Турции и английским рабочим? И все это имеет место потому, что вы верили легковерным людям, по мнению которых Россия до такой степени сильна, что ей никто не сможет оказать сопротивление, а Турция настолько слаба, что ей не помогла бы никакая помощь. Мы положительно живем в эпоху сновидений и басен; мы должны верить не только этому, — мы также должны верить, что Россия более могущественна, чем все державы мира, если бы они объединились против нее. «Times» не придает большого значения турецкой армии; он также не придает большого значения французской армии и английскому флоту и с серьезным видом сообщает нам, что даже вся Европа с Турцией в придачу в такой же мере могут преградить России путь в Константинополь, как и изменить направление северных ветров и отклонить их от сарматских равнин... Сказанное об Европе столь же верно, как и сказанное о Турции, но Турция погибнет, если вы будете действовать попрежнему. Россия двинула 70-тысячное войско, в результате чего Турция охвачена страхом и негодованием, Англия содрогается от страха и паники, а Россия, в свою очередь, содрогается от... хохота. (Смех и продолжительные аплодисменты.) Я обещал вернуться к сражению при Синопе или, как его правильно называют, «малому Наварину». Я не говорю об этом неприятном событии в связи с нашим поведением, — мы в данном случае не сделали ничего более позорного, чем в остальных случаях, — я говорю о нем как о факте, свидетельствующем о соотношении сил обеих сторон. С этой точки зрения оно ничего не прибавило к силе России и ничем не ослабило Турцию, а наоборот: оно чрезвычайно ярко показало, что русские имеют все основания бояться храбрости турок. Мы видим здесь факт,

не имеющий подобия даже в летописях нашего флота: фрегаты, расположившиеся вдоль бортов линейных кораблей, командиры, бросающие факел в пороховой погреб и приносящие себя в жертву на алтарь отечества. Чего только не сделаешь против правительства, которое на каждом шагу и особенно в данном случае является предметом ненависти и отвращения для всякого человека. Заметьте, что морские силы Турции остались нетронутыми: она не пожертвовала ни одним линейным кораблем, ни одним паровым судном. Теперь Турция вдвойне обеспечит себе господство на Черном море, если дипломаты будут отозваны. Ибо именно они — и только они — привели к так называемой катастрофе при Синопе. Но катастрофа была подготовлена для другой цели; она должна была послужить той палкой и кнутом, при помощи которых нужно было подгонять отстававших вьючных животных в Париже и Лондоне и заставить их навязать воюющим сторонам условия соглашения. Перед тем, как я пришел на это собрание, я слышал, как один джентльмен из членов комиссии заявил, что Англия и Франция поступили совершенно правильно, выступив в качестве посредников, если они надеялись таким путем обеспечить мир. Я знаю, что сказанное им представляет собой впечатление, сложившееся у всех в Англии, но это не ослабило того ужаса, который охватил меня, когда я слушал его. Кто дал вам право шататься по миру и навязывать мир силой оружия? Ведь одно дело сопротивляться нападению, и другое дело — нападать. (Слушайте! слушайте!) Ведь вы не можете вмешаться, даже для того, чтобы спасти Турцию, иначе, как объявив войну России. Вместе с тем ваше посредничество окажется полезным для России, будет происходить под ее диктовку и приведет к тому, что Турции будут навязаны условия, которые приведут ее к гибели... Во время переговоров вы предложите Турции отказаться от ее прежних договоров с Россией в расчете на общеевропейское соглашение. Этот довод уже действительно был выдвинут и был встречен с восторгом нацией, которая всегда готова восторгаться всяким преступлением. Боже милосердый! Европейское соглашение! Вот на что Турция должна рассчитывать. Но ведь ваш Венский трактат тоже был европейским соглашением, а каковы его результаты? Это соглашение было важно постольку, поскольку оно создало Польшу; а что произошло с Польшей? Когда Польша пала, что вам говорил ваш министр об этом договоре? Да он сказал вот что: «Англии предоставлено право высказать мнение относительно событий в Польше». Заявив далее, что он протестовал по этому поводу перед тем, как это случилось, он сказал: «Однако Россия стала в данном случае на другую точку зрения»... То же самое

произойдет с вашим нынешним соглашением: она снова станет на другую точку зрения. (Шумные аплодисменты.) Эти слова были сказаны в палате общин, их произнес тот самый министр (лорд Пальмерстон), в руках которого находится судьба Турции так же, как находилась судьба Польши. Но теперь вы получили предупреждение, а тогда вы были в полном неведении... Разрешите мне привести часть сообщения, опубликованного на днях в «Times». Там сообщается, что у нашего посланника в Персии было столкновение с правительством шаха, которое уже готово было уступить, как вдруг вмешался российский посланник с целью обострить спор. Вы видите, стало быть, как в одно и то же время Россия вытесняет Англию из Персии, а Англия навязывает Турции господство России. В том же сообщении упоминается о каком-то посольстве, прибывшем в Тегеран; сообщается и о том, что афганцы чрезвычайно возбуждены и что заклятый враг России Дост-Мохаммед весьма заинтересован в успехе своего посольства, которое должно побудить Персию оказать поддержку Турции. А вы, вероятно, помните, что 16 лет тому назад Англия объявила войну Афганистану с целью низложения Дост-Мохаммеда ввиду того, что он был врагом Англии и верным союзником России. Что же, может быть, ваше правительство верило в это? Но если так, то чрезвычайно странно, что оно воевало не с Россией, а с Афганистаном, т. е. прямо бросило его в объятия России. Однако ваше правительство не питало такой уверенности; оно тогда великолепно знало, что Дост-Мохаммед, как это видно теперь, заклятый враг России, и именно по этой причине оно напало на него. Этот факт был установлен, а в палате общин было доказано, что тут безусловно сыграли роль подложные документы, в которых Дост-Мохаммед неправильно изображался союзником России. Английский посланник сам отправил оригинал на родину для опубликования. (Позор!) Все это — лишь естественный результат тайных действий правительства и неведения нации, о котором я уже говорил. Я не вижу на нашем собрании такого человека, который не был бы молчаливым участником этого преступления, который не опустил бы вследствие безразличия к делам и чести своей страны до положения раба, хотя он и мнит себя свободным. (Слушайте! слушайте!) Разрешите мне рассказать вам кое-что из того, что думают о вас иностранцы. Вы недавно много слышали о германском влиянии при дворе. Вы, может быть, хотите узнать кое-что о настроениях немецких кузенов королевы? Тогда позвольте мне сказать вам, что если Германия подпала под русское влияние, то это дело рук Англии. Вслушайтесь только в следующие слова:

«Если Англия и Франция не вмешаются в дела Турции, она по-

бедит. Если же, наоборот, западные державы, увлекаясь прислужничеством, не смогут удержаться от «посредничества», т. е. от вмешательства в восточные дела, Турция потерпит поражение, и московские казаки вскоре станут вершителями судеб всего мира! И все же, каким благородством отличалось до сих пор поведение несчастной Турции, несмотря на все преступления дипломатов, несмотря на то, что она ошибочно приняла шайку убийц за своих друзей. Грустные дела, что и говорить! Я даже с часу на час ожидал, что союзные эскадры станут бомбардировать ее столицу, чтобы сломить ее моральный героизм и принудить ее к позорной капитуляции. Турки, действительно, могут сказать: «*Longa est injuria, longa ambages, sed summa sequor fastigia rerum!*» (Долго длится несправедливость, долго длится неизвестность, но я стремлюсь к крайним вершинам вещей!) Какой контраст между их нынешним поведением и поведением Англии в аналогичных случаях! Они воюют — Англия занимается пиратством. Вспомните только «декларацию в Лиме» и вторжение в Афганистан, бомбардировку Копенгагена и сражение при Наварине, а затем подумайте о Турции и ее нынешнем положении. Она унижена, подвергается угрозе, даже вторжению, ее провоцирует «цивилизованный» мир, а она, несмотря на все эти испытания, остается спокойной и благоразумной, твердой и смелой, но невозмутимой.

«Из всего этого вы можете заключить, что люди, занимающие самое высокое положение, могут тщетно вздыхать о той привилегии, которую вы любезно предоставляете мне, позволяя дать выход моему негодованию и предупредить о грядущих событиях. Позвольте же мне изобразить то положение, в котором вы находитесь. Англия отличается двумя особенностями: она — идиот в своей стране и маньяк за границей, вооруженный маньяк, подвергающий опасности свою собственную жизнь и жизнь других. Каждый из вас в отдельности не таков, но таковы вы в совокупности. Пусть же проснется в вас ваша индивидуальная проницательность и обуздает коллективного маньяка, пока вы еще можете лечить большой мозг — этот орган, являющийся причиной всех зол». (Продолжительные аплодисменты.)

Я могу прибавить к речи г. Уркарта, что последний *coup d'éclat* (блестящий маневр) лорда Пальмерстона и проявляемое народом расположение к нему обратили его если не в официального, то в подлинного премьер-министра.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Наконец-то столь долго висевший над Европой турецкий вопрос достиг, повидимому, той стадии, когда дипломатия, с ее вечно хлопотливыми, вечно боязливыми и вечно безрезультатными действиями, не может уже дольше играть доминирующую роль. Французский и английский флоты вошли в Черное море, чтобы воспрепятствовать нападению русского флота на турецкий флот или на турецкое побережье. Царь Николай давно уже заявил, что подобный шаг будет для него сигналом к объявлению войны. Примирится ли он с ним теперь?

Нельзя ожидать, чтобы соединенные флоты сейчас же атаковали русскую эскадру или разрушили укрепления и корабельные верфи в Севастополе. Мы можем быть, наоборот, уверены, что дипломатические инструкции обоим адмиралам так продуманы, чтобы всячески предотвратить возможность какого-нибудь столкновения. Но, раз пущенные в ход, военные передвижения на море и на суше подчиняются уже не желаниям и планам дипломатии, а своим собственным законам, которые не могут быть нарушены, не подвергая опасности всю экспедицию. В намерения дипломатии никогда не входило, чтобы русские были разбиты при Ольтенице; но когда Омеру-паше была предоставлена некоторая свобода движения и начались военные операции, действия руководителей обеих враждующих сторон вошли в такую сферу, которая в значительной степени уже не находится под влиянием посланников в Константинополе.

Поэтому, раз только корабли снимутся с своих якорных стоянок на рейде Бейкос, никто не сможет сказать, как скоро они попадут в положение, из которого их не смогут высвободить ни миролюбивые вечаия лорда Эбердина, ни тайное соглашение лорда Пальмерстона с Россией и в котором у них будет выбор лишь между позорным отступлением или решительным боем. Узкое, замкнутое море, как Понт Эвксинский, где вражеские корабли почти не могут потерять друг друга из виду, есть как раз такое место, где при подобных обсто-

ятельствах неминуемы почти ежедневные конфликты. И едва ли можно ожидать, чтобы царь Николай позволил без сопротивления блокировать свой флот в Севастополе. И если за этим шагом последует европейская война, то, весьма вероятно, это будет война между Россией, с одной стороны, и Англией, Францией и Турцией, с другой. Вероятность такого события достаточно велика, чтобы позволить нам произвести сравнение шансов на успех и взвесить активные боевые силы обеих сторон. Но останется ли Россия одинокой?

На чью сторону станут во всеобщей войне Австрия, Пруссия и зависимые от них немецкие и итальянские государства? По слухам, Луи Бонапарт дал понять австрийскому правительству, что в случае конфликта с Россией и перехода Австрии на сторону России Франция использует повстанческие брожения в Венгрии и Италии, которым достаточно искры, чтобы превратиться во всепожирающее пламя, и будет стремиться тогда к восстановлению итальянской и венгерской нации. Подобная угроза едва ли останется без влияния на Австрию; угроза эта может принудить Австрию сохранять возможно дольше свой нейтралитет, но нельзя думать, чтобы Австрия осталась надолго в стороне от подобной борьбы, если до нее действительно дойдет дело. Уже один факт подобной угрозы может вызвать в Италии частичные восстания, которые сделали бы из Австрии еще более зависимого и еще более подчиненного вассала России. Да разве не была уже однажды разыграна эта наполеоновская игра? Можно ли ожидать, чтобы человек, который снова посадил папу на его светский престол и имеет уже готового кандидата на неаполитанский трон, мог дать итальянцам то, к чему они так же горячо стремятся, как и к независимости от Австрии, — единство Италии? Возможно ли ожидать, чтобы итальянский народ, очертя голову, бросился в подобную западню? Несомненно, он чувствует себя угнетенным австрийским господством, но этого еще недостаточно для того, чтобы увлечь его на борьбу за престиж режима, под которым уже колеблется почва в самой Франции, и за славу человека, который выступил первым против итальянской революции. Все эти обстоятельства известны Австрии, и поэтому придется допустить, что австрийское правительство будет действовать больше под влиянием собственных финансовых нужд, чем под влиянием бонапартовских угроз; можно быть также уверенным, что в решающий момент влияние царя будет для Вены первенствующим, и Австрия пойдет на поводу у России.

Пруссия пытается повторить ту же игру, которую она сыграла в 1780, 1800 и 1805 годах. В ее планы входит образование лиги нейтральных балтийских или северо-немецких государств, во главе

которых она могла бы играть немаловажную роль, и перебраться на ту сторону, которая сулит ей наибольшие выгоды. Установленным историческим фактом является то почти комическое единообразие, с которым все такие попытки неуклонно кончались тем, что жадное, колеблющееся и трусливое прусское правительство бросалось в объятия России. И на этот раз Пруссия вряд ли избежит своей обычной судьбы. Она протянет во все стороны щупальцы, будет открыто продавать себя с аукциона тому, кто больше предложит; будет интриговать в обоих лагерях, будет глотать верблюдов и отцеживать комаров, потеряет и те остатки характера, какие у нее еще, быть может, имеются, будет получать колотушки и, в конце концов, достанется тому, кто даст меньше всего, т. е. в данном случае, как и во всех других, — России. Для России Пруссия будет не союзницей, а обузой, ибо сочтет за должное для собственной пользы и назидания заранее дать разбить свою армию.

До тех пор, пока по меньшей мере одна из немецких держав не втянется в европейскую войну, борьба может разгореться только в Турции, на Черном и на Балтийском морях. В течение этого периода самым значительным фактором будет морская война. Нельзя сомневаться в том, что союзный флот может разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; что союзники могут занять и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки горцам Кавказа. Нет ничего легче, если действовать быстро и энергично. Если предположить, что на это уйдет первый месяц активных операций, то уже следующий месяц может увидеть пароходы соединенных флотов у британского канала, а за ними медленно следующие парусные суда. Ибо то, что оставалось бы сделать в Черном море, легко могло бы быть выполнено турецким флотом. Считая следующие четырнадцать дней на погрузку угля в канале и другие приготовления, около конца мая союзные эскадры, соединившись с атлантическим и ламаншским флотом Франции и Великобритании, могли бы появиться еще до конца мая на Кронштадтском рейде в таком количестве, что успех нападения был бы обеспечен. Для Балтийского моря, разумеется, верно все, что сказано о Черном море. Какой угодно ценою должен быть заключен союз со Швецией; если понадобится, нужно припугнуть Данию; в Финляндии вспышка восстания неизбежна, лишь только там будет высажено достаточное число войск, причем не следует подписывать мира раньше, чем эта провинция не будет воссоединена со Швецией. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как союзные флоты бомбардировали бы Кронштадт. Правда, город этот

по своему положению занимает очень сильную позицию. Фарватер, ведущий к рейду, едва дает место для двух военных судов рядом, которые при этом вынуждены поставить свои борты под огонь батарей, расположенных не только на главном острове, но и на маленьких скалах, на берегах и островках в окрестности. Некоторые жертвы не только людьми, но и судами неизбежны. Но если это будет заранее предусмотрено в плане атаки, если будет решено пожертвовать такими-то и такими-то кораблями и план будет проводиться неуклонно и со всею силой, то Кронштадт неизбежно падет. Каменные укрепления его стен не смогут в течение долгого времени противостоять концентрированному огню тяжелых бомбометов, этих наиболее разрушительных орудий против каменных укреплений. Большие винтовые пароходы, вооруженные этими орудиями, быстро оказали бы свое неотразимое действие, хотя при этом, разумеется, было бы поставлено на карту их собственное существование. Но что означают три или четыре винтовых парохода в сравнении с Кронштадтом, этим ключом русского государства, овладение которым сделало бы Петербург беззащитным?

После того как Одесса, Рига, Кронштадт и Севастополь будут взяты, Финляндия освобождена, неприятельская армия расположится у ворот столицы, все русские реки и гавани будут блокированы, — что останется от России? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как стремиться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум туда и сюда, где зазвучит вражеский боевой клич. Действуй морские державы Европы с такой силой и энергией, Пруссия и Австрия могли бы освободиться от русского ярма настолько, чтобы даже примкнуть к союзникам. Ибо обе немецкие державы, чувствуя они только себя безопасными в своем собственном доме, охотно воспользовались бы затруднительным положением России. Но для лорда Эбердина и господина Друэн-де-Люиса немислимы столь решительные мероприятия. Представляемые ими державы не склонны к энергичному удару; и если разразится всеобщая война, на полководцев будут наложены такие цепи, что они окажутся совершенно парализованными. Если же все-таки будут одержаны победы, то их припишут чистому случаю, попытаются сделать их последствия по возможности безобидными для врага. Войне на азиатском побережьи Черного моря мог бы быть положен немедленный конец действиями флотов; но на европейском побережьи она должна была бы вестись без перерыва. Если бы русские были прогнаны с Черного моря и у них были вьюты.

Одесса и Севастополь, они не могли бы без очень большого риска переправиться через Дунай (разве лишь по направлению к Сербии, чтобы поднять там восстание), но они могли бы удержать за собою княжества, пока их не вытеснили бы из Валахии более значительные силы и угроза высадки крупных войсковых масс у них в тылу и с фланга. Молдавию им пришлось бы очищать лишь в связи с какими-либо военными действиями общего характера, так как там фланговые и тыловые операции имели бы мало значения, поскольку Хотин и Кишинев обеспечивают им связь с Россией.

Пока, однако, война будет ограничиваться столкновением западных держав и Турции с Россией, она не станет европейской войной, подобной той, какую мы видели в 1792 году. И все же, пусть только вспыхнет война, бездеятельность западных держав и активность России скоро вынудят Австрию и Пруссию стать на сторону самодержца. С Пруссией, быть может, не придется особенно считаться, так как ее армия, каково бы ни было ее устройство, вероятно, переживет вторую Иену благодаря своему самодовольству. Напротив, Австрия, несмотря на свое положение, граничащее с банкротством, и на возможные восстания в Италии и Венгрии, будет противником, которым отнюдь нельзя пренебрегать. Сама Россия, вынужденная держать свои войска в княжествах и на кавказской границе, держать войска в Польше, выставить армию для защиты Балтийского побережья и, в особенности, Петербурга и Финляндии, будет располагать весьма малым количеством войск для наступательных операций. Если Австрия, Россия и Пруссия (все в предположении, что последняя еще не окончательно разбита на голову) сконцентрируют на Рейне и в Альпах от пятисот до шестисот тысяч человек, то это больше, чем можно ожидать. Но с этой пятисоттысячной армией могут справиться французы одни, предполагая, что у них есть генералы, равные генералам противников; из последних одни только австрийцы имеют полководцев, действительно заслуживающих этого названия. Русские генералы неопасны; а у пруссаков вообще нет генералов; их офицеры — прирожденные прапорщики.

Но не следует забывать, что в Европе существует еще одна, шестая держава, которая в известные моменты подчиняет себе все пять так называемых «великих держав» и каждую из них заставляет дрожать. Держава эта — Революция. Она долго держалась тихо и смиренно, но теперь кризис и голод зовут ее снова на поле битвы. От Манчестера до Рима, от Парижа до Варшавы и Будапешта — всюду чувствуется ее присутствие, всюду поднимает она голову и про-

буждается от дремоты. Много различных симптомов вновь возрождающейся жизни; повсюду дают они себя знать в беспкойстве и возбуждении, охвативших пролетариат.

Достаточно одного сигнала, чтобы выступила вперед шестая и величайшая европейская держава в блестящем вооружении, с мечом в руке, как Минерва из головы олимпийца. Сигнал этот будет дан грозящей нам войной, и тогда выступление на сцену нового фактора опрокинет все расчеты на равновесие держав; и в своем юношеском порыве этот новый фактор так же расстроит все планы старых европейских держав и их генералов, как это было в 1792 — 1800 годах.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В АЗИИ. — АВСТРИЙСКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ ФИНАНСЫ. — ПЕРСИЯ. — УКРЕПЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. — РОССИЯ И ДАНИЯ. — ПАДЕНИЕ ЦЕН.

Лондон, 20 января 1854 г.

За последние дни почта принесла нам ряд дополнительных сведений относительно происшедших недавно в Азии военных событий. Турки, повидимому, вынуждены были полностью очистить территорию русской Армении. Однако точных сведений об исходе боев, вызвавших их отступление, нет. Турки вышли на прямую дорогу, ведущую из Ардагана в Ахалцых, тогда как другая группа войск избрала более южный путь, ведущий из Карса через Александрополь (по-грузински «Гумри») в Тифлис. Обе эти группы, повидимому, наткнулись на русских. Судя по русским сообщениям, турки были разбиты на обоих путях и потеряли около сорока орудий; официальных турецких сообщений у нас нет, но в частных письмах отступление объясняется необходимостью перехода на зимние квартиры.

Ясно лишь то, что турки эвакуировали русскую территорию, за исключением форта св. Николая, что русские преследовали их, причем русский передовой отряд даже был уже в одной миле от Карса, но был оттуда отброшен. Кроме того, мы знаем, что анатолийская турецкая армия, набранная в азиатских провинциях, являющихся оплотом старо-мусульманского варварства, и насчитывающая в своих рядах большое количество нерегулярных, ненадежных, хотя вообще и храбрых солдат, искателей приключений, фантастичных вояк и грабителей, — что эта анатолийская армия совершенно не похожа на грозную, дисциплинированную и вымуштрованную румелийскую армию, командуящий которой ежедневно знает, сколько и каких солдат находится под его начальством, и где жажда приключений и желание пограбить население обуздываются военным уставом и военно-полевыми судами. Мы знаем, что русские, которые в начале азиатской кампании сильно нуждались в войсках, получили подкрепление в 16 000 человек под командованием генерал-лейтенанта

Обручева 2-го и отряд донских казаков; мы знаем, что им удалось сдерживать горцев в их границах, сохранить свои пути сообщения как через Кавказский хребет и Владикавказ, так и морем на Одессу и Севастополь.

При таких обстоятельствах, а также принимая во внимание, что турецкий командующий Абди-паша был либо изменником, либо олухом (его впоследствии отозвали и подвергли аресту в Карсе, а на его место был послан Ахмед-паша), вовсе не следует удивляться тому, что турки потерпели поражение, хоть и не подлежит сомнению, что русские сводки сплошь и рядом преувеличивают. В «Augsburger Zeitung» мы читаем, что «к концу ноября Шамиль сделал отчаянную попытку пробиться на юг, чтобы непосредственно связаться с турками». Численность его войска определялась в 10—16 тысяч человек. Утверждают, что мюриды, составлявшие лучшую часть его войска, разбиты на-голову. Последнее, однако, нуждается в подтверждении.

Относительно событий в Синопе можно, по крайней мере, сказать, что дело стало ясно. Турки потопили там одно из лучших трехпалубных судов русского флота — вооруженный 120-ю орудиями «Ростислав». Русские до сих пор скрывали этот факт под тем благовидным предлогом, что «Ростислав» якобы затонул не во время боя, а непосредственно после него. Ныне они уже признают факт потопления, что значительно уравнивает потерю турецких судов. Если действительно потоплено трехпалубное судно, то можно полагать, что и другие русские суда тоже потерпели во время сражения весьма серьезный урон и что в конце концов победа при Синопе, пожалуй, больше обессилила русский флот, нежели турецкий. Вообще турки, находясь на воде, очевидно сражаются, как турки. Египетский паровой фрегат «Первас Бабри», выведенный из строя и захваченный после пятичасового боя значительно более крупным русским паровым фрегатом «Владимир», был до такой степени изрешетен снарядами, что его еле доставили в Севастополь, а по прибытии туда он сразу затонул. Таким образом, пока что военные трофеи русских сводятся к нулю. И в самом деле: то, что они не смогли вывезти из Синопа хотя бы одно захваченное судно, свидетельствует как об упорной самозащите турок, так и об уроне, понесенном русским флотом в результате сражения.

Согласно одному из сообщений, соединенный франко-английский флот совместно с первой дивизией турецкого флота перевозит 17 000 турок в Батум. Если это верно, то мы имеем дело с военным актом, равносильным непосредственной атаке на Севастополь, и царю остается лишь немедленно объявить войну. Непосредственно

перед тем, как соединенный флот вошел в Черное море, царь якобы предписал сосредоточить все свои военные суда Черного моря в Севастополе. Письмо из Одессы от 24 декабря сообщает, что «командующий русской флотилией в Азовском море послал одного из своих адъютантов в Севастополь сообщить, что он находится в весьма критическом положении. Два корпуса по 12 000 человек каждый уже были готовы к отплытию в Севастополь, как вдруг эта военная операция была парализована сообщением о предстоящем прибытии в Черное море союзного флота».

Из последних полученных здесь телеграфных сообщений видно, что русские хотели попытаться произвести генеральную атаку на турецкие войска у Калафата 13-го с. м., т. е. в день русского Нового года. Они уже двинули вперед около 10 000 солдат, окопавшихся у Четате (деревня в 9 английских милях к северу от Калафата), но им помешало сконцентрировать все наличные силы то, что турецкий генерал опередил их. Он штурмовал при помощи 15 000 — 18 000 солдат окопы неприятеля, одержал победу в целом ряде чрезвычайно ожесточенных стычек, имевших место 6, 7, 8, 9 и 10 с. м. и, наконец, вынудил русских отступить в направлении Крайовы. Сами русские признают, что они потеряли 1 000 человек убитыми и 4 000 ранеными. Как сообщает телеграмма, генерал Анреп, «командовавший русскими войсками, тяжело ранен, как и генерал Туинант». Далее сообщается, что 10-го турецкие войска под командованием Селима-паши (поляк Зедлинский) снова *отступили* к Калафату. Таковы телеграфные сообщения, составлявшие до сих пор единственный источник информации об этих чрезвычайно важных событиях. Сообщение о том, что, с одной стороны, русские отступили на Крайову, а турки, с другой стороны — к Калафату, внушает нам подозрение, что обе стороны снова совершили крупные стратегические ошибки. Есть сообщение, что Омер-паша заставил целый корпус пройти пространство между Алютою и Шилом, создав таким образом угрозу для связи русского корпуса в Крайове. Однако как могли турки перейти Дунай, сплошь покрытый плавающими льдинами, в каком-либо другом месте, кроме Калафата, единственного пункта, где они приняли соответствующие меры?

Поражения, понесенные русскими у Калафата, пожалуй, важнее с политической, чем с военной точки зрения. Эти поражения, усугубленные прибытием соединенной эскадры в Черное море, делают совершенно невероятными расчеты на то, что царь уступит покорнейшей просьбе о мире, переданной ему командированным в Петербург курьером Венской конференции. С другой стороны, эти по-

ражения должны тотчас же повлиять на соседнюю Сербию; усилить национальную партию и запугать русскую партию, которая в последнее время с изумительным бесстыдством подымает голову в Белграде. Правда, князь Александр и сербские народные массы не дали себя убедить в необходимости прервать сношения между их страной и султаном, несмотря на то, что целая орда русских агентов рыщет по всей Сербии и продолжает свои интриги, преследующие противоположную цель: они усиленно ищут местечки и лиц, в прошлом известных привязанностью к изгнанной династии Обреновичей, говорят с одними о молодом князе Михаиле, а с другими о его старом отце Милоше. То они внушают им надежду на расширение сербских границ благодаря покровительству России, на образование нового королевства Иллирии, которое объединит всех говорящих на сербском языке и ныне находящихся под властью Турции и Австрии, то они угрожают им, в случае сопротивления, несметными полчищами и полным порабощением. Вы знаете, что проживающий в Вене князь Милош является старым протеже Меттерниха, тогда как его сын Михаил — настоящий ставленник России, бежавший в 1842 г. из Сербии и оставивший княжеское место свободным. Одновременно поражение России у Калафата избавит Австрию от страха появления русской армии у Белграда и пробудит у подданных Австрии общего с русскими происхождения и веры сознание собственной силы и унижения, которому они подвергаются под властью немцев.

Относительно Австрии я могу *en passant* (мимоходом) сказать, что она, наконец, оставила надежду на получение нового займа, которую долго лелеяла. О состоянии ее казначейства можно судить по тому приему, к которому недавно прибегло ее правительство, снизив курс своих же бумажных денег на 15%, что является финансовым маневром, поддающимся сравнению лишь с мошенническими изощрениями изобретательных французских «*rois faux monnaieurs*» («королей-фальшивомонетчиков»), которые повышали курс денег, когда им приходилось платить, и снижали его, когда должны были получать. Судя по немецким газетам, австрийский бюджет на 1854 г. будет сведен с дефицитом в 45 000 000 флоринов по регулярным расходам и в 50 000 000 флоринов — по чрезвычайным расходам. Всякий раз, как в Вене получается сообщение военного характера, люди бегут в банкирские дома менять бумажные деньги на серебряные монеты.

Франция, как известно, в свою очередь, давно собиралась заключить заем в 200 000 000 франков (8 000 000 фунт. стерлингов). Однако дороговизна продовольствия, недород винограда и шелка, сильные

затруднения в торговле и промышленности, серьезные опасения относительно предстоящих в конце февраля платежей, систематическое падение курса государственных бумаг и железнодорожных акций, — все эти обстоятельства никак не способствовали облегчению подобной операции. Бонапарту не удалось найти на бирже покупателей нового займа. У Франции не осталось ресурсов, кроме поступившего накануне государственного переворота дара Персии Французскому банку, за вычетом 50 000 000 франков (10 000 000 долларов), вместо которых оставлены на такую же сумму казначейские обязательства, числящиеся по графе «обеспечения». Это было сделано в день Нового года. Ответом на этот финансовый *coup d'état* (государственный переворот) было падение курса ценных бумаг до 69%. Как теперь официально сообщается, правительство получит у Французского банка заем в 2 000 000 или 3 000 000 франков, обеспечиваемых казначейскими обязательствами. Лица, не знающие о происшедшем в день Нового года в салоне Французского банка, не смогут понять, каким образом удалось убедить этот банк предоставить заем, против которого высказалась биржа.

Сообщения о Персии попрежнему противоречивы. По одним сведениям, персидская армия идет на Эрзерум и Багдад, а по другим — русская интрига потерпела неудачу благодаря английскому поверенному в делах г. Томпсону, угрожавшему отъездом из Тегерана, и боязнью взрыва ненависти со стороны персидского народа против России, а также прибытием афганской миссии, которая станет угрожать нашествием афганцев на персидскую территорию в случае, если Персия заключит с Россией союз.

Судя по опубликованным в «Patrie» частным письмам из Константинополя, Диван решил укрепить Константинополь со стороны суши. Говорят, что уже приступила к предварительному осмотру местности смешанная комиссия, состоящая из европейских и турецких офицеров. Укрепление Константинополя совершенно изменило бы характер русско-турецкой войны и оказалось бы самым тяжелым ударом из всех, когда-либо нанесенных извечным мечтам самозванного наследника византийских императоров.

Слух о том, что Австрия сосредоточивает в Банате армейский корпус под командованием генерала графа Шлика, опровергается немецкой печатью.

По сообщению берлинской «Correspondenz», всем властям приказано быть наготове на случай мобилизации ландвера.

Из Петербурга сделано предложение копенгагенскому кабинету уступить России остров Борнгольм. «Борнгольм, — справедливо

замечает «Daily News», — мог бы служить Мальтой или Гибралтаром на Балтийском море. Он находится на расстоянии одного дня плавания от Зунда и Копенгагена и расположен у самого входа в Балтийское море».

В сообщении, посланном лордом Редклиффом севастопольскому губернатору и ставящем его в известность о появлении соединенной эскадры в Черном море, указано, что единственной целью этого маневра является «защита *оттоманской территории* от нападения или враждебного акта с чьей бы то ни было стороны», но *совершенно не упоминается* о защите *оттоманского флага*.

Так как все получаемые из Парижа, Вены, Берлина, Константинополя и Петербурга сообщения говорят, что ожидается война, то на всех товарных рынках по обе стороны Ламанша происходит общее падение цен.

ВЗГЛЯДЫ ЦАРЯ. — ПРИНЦ АЛЬБЕРТ.

Лондон, 24 января 1854 г.

Попытки русских перейти Дунай одновременно по всей операционной линии — при Матчине, Журжеве и Калафате — приходится считать скорее разведочными поисками, чем серьезным наступлением, ибо на такое наступление генерал Горчаков едва ли мог бы пойти с нынешними своими силами.

«Press» — орган Дизраэли — в субботнем номере опубликовала заметку о разговоре, который царь имел недавно в Гатчине с одним «знатным» англичанином. Почти вся лондонская ежедневная печать перепечатывает эту заметку, которая, помимо известных и надоевших общих мест русской дипломатии, содержит также некоторые интересные факты. «Царь особенно подчеркнул, что меншиковский ультиматум не встретил в Лондоне неодобрения и что, наоборот, когда английскому министерству было сообщено, что Порты, вероятно, примет ультиматум, оно сочло это удовлетворительным разрешением вопроса». Все это только доказало бы, что бедный Джон Россель был ложно информирован бароном Брунновым относительно «вероятных» намерений Высокой Порты и что уж ни в каком случае не по вине коалиционного кабинета Порты отказалась принять немедленно ультиматум Меншикова. Продолжая, царь сообщает «знатному» джентльмену, что после победы при Синопе генерал Кастельбажак (французский посланник) обратился к нему с письмом, которое начиналось приблизительно следующим образом: «Как христианин и солдат, позволяю себе принести вашему величеству свои поздравления по случаю славной победы, одержанной над турками флотом вашего императорского величества». Я хотел бы здесь отметить, что Кастельбажак, старый легитимист и родственник Ларошжаклена, заслужил генеральскую шпагу не на полях битвы, а гораздо более безопасною службою в дворцовых передних и пламенным исповеданием высоких роялистских принципов. Бонапарт назначил его посланником в Петербург, чтобы дать царю доказательство своей готовности идти

навстречу его личным желанием, хотя ему небезызвестно было, что Кастельбажак скорее будет занят заговорами с царем насчет восстановления Бурбонов, чем заботами об интересах своего номинального повелителя. Этот Кастельбажак является, таким образом, подходящим человеком, чтобы, «как солдат и христианин», поздравлять царя с безрезультатной бойней у Синопа. «Я не верю, — сказал будто бы царь, — чтобы Англия смогла вести со славою войну, имея во главе буржуазный парламент». Без сомнения, царь знает своих Кобденов и своих Брайтов и оценивает низкую и подлую душу европейской буржуазии по ее действительной стоимости. Наконец, царь вполне прав, когда утверждает, с одной стороны, что не был подготовлен к войне — ведь он был совершенно убежден, что достигнет всего желаемого простыми угрозами, — а с другой, что если будет война, то это будет «война бездарностей», которые, в трусливом стремлении избежать войны, сделают ее неизбежной и сами, в конце концов, бросятся в нее, очертя голову, чтобы скрыть свои ошибки и спасти свои позиции.

«Общественное мнение склоняется мало-по-малу к тому, чтобы, в силу известных слухов, обречь принца Альберта на заклание. Легкий шопот, первоначально пущенный в оборот в партийных целях, превратился в рев, а преднамеренно сочиненные намеки разрослись в настоящую и чудовищную ложь. Что все, кто добивался аудиенции у королевы, находили при ее величестве принца Альберта, есть факт, завоевавший принцу скорее симпатии и уважение английского общества; но затем стали рассказывать, что принц присутствует при совещаниях королевы с министрами; далее, что внимание министров было обращено на его присутствие, но что, несмотря на свое нежелание обсуждать вопросы в присутствии третьего лица, они не могли от него избавиться и даже были вынуждены защищать свои мнения перед принцем; что принц фактически вмешивается в их совещания с королевой; что он не только подчиняет себе королеву, влияет на нее, но, располагая возможностью свободного сношения с иностранными дворами, устанавливает бесконтрольный информационный путь между тайным советом королевы и кабинетами иностранных государей, быть может, врагов Англии, — короче, что принц Альберт — изменник, что он обвиняется в государственной измене и, наконец, что по обвинению в измене он арестован и заключен в Тоуэр. День-два тому назад эта история не только служила предметом разговоров во всех частях Англии, но и принималась многими на веру».

Я цитирую это место из «Spectator'a», чтобы показать вашим читателям, как обрабатывала пальмерстоновская пресса общественное

мнение, чтобы вместо ответственных министров сделать козлом отпущения бедного глупого малого. Принц Альберт — немецкий принц, состоящий в родстве с большинством абсолютистских и деспотических правительств континента. Возвысившись до ранга английского принца-супруга, он проводил время в разведении жирных свиней, в изобретении смехотворных головных уборов для армии, в выработке планов постройки образцовых рабочих казарм, удивительно неуютных, в занятиях выставкой в Гайдпарке и в игре в солдатики. Все видели в нем обходительного и безвредного человека, стоящего в отношении интеллекта ниже среднего человеческого уровня, плодовитого родителя и послушного супруга. Но в последнее время из него сделали влиятельнейшего человека, одного из опаснейших лиц во всем королевстве, направляющего якобы всю государственную машину согласно тайным предписаниям России. Конечно, едва ли может быть сомнение, что на дворцовые дела принц оказывает влияние и притом, естественно, в духе деспотизма. Принц не может действовать иначе, как принц; кто был бы так глуп, чтобы думать, что он этого не делает? Мне незачем, конечно, напоминать вашим читателям, до какой степени бессилия низведена королевская власть британской олигархией, — до того, что, например, короля Вильгельма IV, решительного врага России, его министр иностранных дел, член олигархии вигов, заставлял действовать как врага Турции. Насколько же нелепо было бы думать, что принц Альберт может что-нибудь сделать против воли министерства, если только речь идет не о каком-нибудь ничтожном придворном пустяке, — о какой-нибудь грязной ленте или жалкой звезде. Его абсолютистскими склонностями пользуются для того, чтобы намеренно обманывать народ относительно планов и измен ответственных министров. Если бы вообще весь этот шум и вся эта атака могли иметь хоть какой-нибудь смысл, то только как нападение на монархические учреждения. Не будь королевы, не было бы никакого принца; не будь трона, не было бы никаких дворцовых влияний. Принцы потеряли бы власть, если бы не было тронов, которые их поддерживают и на которые они могут опираться. Но, обратите внимание, — именно те газеты, которые наиболее ярко демонстрируют свою «ужасную смелость», которые громче всего кричат и, так сказать, сколачивают на принце Альберте свой политический капитал, — именно они и распинаются наиболее усердно в своей лояльности к трону и в своем приторном обожании королевы. Для торийских газет это понятно само собой. Радикальный «Morning Advertiser» и есть та самая газета, которая приветствовала бонапартовский

государственный переворот и напала недавно на одну ирландскую газету за то, что та осмелилась порицать королеву по поводу ее посещения Дублина; это — та самая газета, которая упрекает французских революционеров за их республиканские идеи и которая непрерывно изображает лорда Пальмерстона спасителем Англии. Вся эта история есть фокус Пальмерстона. Пальмерстон сделался непопулярен благодаря разоблачению его руссофильства и вследствие сопротивления новому биллю о реформе. В этом последнем случае либеральная позолота окончательно слиняла с его заплесневелых пряников. Но ему нужна теперь популярность, чтобы стать премьером или министром иностранных дел. Что за чудесный случай снова равыграть из себя либерала и взять себе роль Брута, преследуемого тайными дворцовыми интригами! Напасть на принца-супруга — это понравится народу. Он станет самым популярным государственным человеком текущего столетия. Какой чудесный предлог нанести удар своим бывшим коллегам, оклеветать их, заклеить как слепые орудия принца Альберта и заставить двор принять Пальмерстона на условиях, поставленных им самим! Тории, естественно, все подхватили этот крик, ибо что им церковь и корона по сравнению с золотом и поместьями, которые отнимают у них с большой быстротой хлопчатобумажные лорды! И когда тории во имя «Конституции» и «Свободы» заостряют словесные кинжалы против принца, кто из просвещенных либералов не бросится благоговейно к их ногам?

УКРЕПЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. — ДАТСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ. — КОВДЕН И РОССИЯ.

Лондон, 27 января 1854 г.

Укрепление Константинополя, как я уже указывал, было бы самым важным из всего, что турки могли бы предпринять. Если бы Константинополь был укреплен и соответственно усилены форты на Босфоре и в Дарданеллах, то Турция или любая другая держава, владеющая этой столицей, не нуждалась бы ни в каких иностранных гарантиях своей самостоятельности. Нет другого города, который было бы легче укрепить, чем Константинополь. Только одна сторона треугольника, а именно та, которая обращена к суше, требует окружения непрерывным валом, две другие, обращенные к Мраморному морю и Золотому Рогу, не нуждаются в укреплениях. Линии отдельных фортов, разбросанных в надлежащем расстоянии от вала и выдвинутых на восток настолько, чтобы защищать Перу, Галату и северо-восточный берег Золотого Рога, было бы достаточно и для подкрепления крепостного вала, и для того, чтобы воспрепятствовать неприятелю обойти его и возвести осадные укрепления на холмах, лежащих за Перой и Галатой и господствующих над городом.

Такая крепость была бы почти неприступна. Ее коммуникационные линии могли бы быть перерезаны лишь в случае взятия Дарданелл или Босфора; в последнем случае город был бы сейчас же потерян. Но такие узкие проливы могут легко быть укреплены настолько сильно, что никакой вражеский флот не сможет прорваться через них. Русская армия, подошедшая с суши, была бы вынуждена сноситься с Севастополем и Одессой лишь опасным морским путем и вряд ли была бы в состоянии продержаться столько времени, сколько необходимо для взятия города; непрерывно уменьшаясь в численности, она неминуемо терпела бы поражения как от гарнизона города, так и от подкреплений из Азии.

Ответ России на датское заявление о нейтралитете прибыл в Копенгаген 20-го этого месяца. Говорят, Россия отказывается признать нейтралитет и требует от Дании решения в пользу той или

другой стороны. Непосредственно вслед за этим французский, английский и русский послы будто бы имели совещание с датскими министрами. Но из очень надежного источника я узнал, — хотя, конечно, все же не могу ручаться за достоверность известия, — что протест петербургского кабинета был чисто фиктивным и рассчитан лишь на то, чтобы побудить другие державы к скорейшему формальному признанию условий, на которые опирается датский нейтралитет. Меня уверяют, что недавно имели место переговоры между Данией, с одной стороны, и Францией и Англией, — с другой, согласно которым Англия в случае войны занимает своими военными кораблями Зунд, а Франция оккупирует Шлезвиг-Гольштинию армейским корпусом. Для срыва этой комбинации, о которой министр Эрстед осведомил графа Нессельроде, Россия будто бы и дала понять копенгагенскому кабинету, что он должен заявить о своем нейтралитете. Теперь Россия делает вид, что противится нейтралитету, так что, если Франция и Англия поддержат его, не только будут сведены на-нет их первоначальные планы, но будет обеспечен и русский экспорт через Балтийское море, так как товары, перевозимые на нейтральных судах, не подвергаются действию военных законов.

Протест царя против приобретения Пруссией одной из ольденбургских гаваней на Северном море совершенно серьезен, — как бы ни была удивлена берлинская публика этим новым симптомом вездущего вмешательства наследника Тимур-Тамерлана.

Состоявшийся большой «митинг о реформе» в Манчестере «свелся к чепухе», как верно замечает «Englishman». Небольшое количество общих мест, составляющих обычный багаж манчестерской школы во внешней политике: восхваление политики Эбердина, ругань по адресу Турции, прославление России и отрицание всякого вмешательства в дела иностранных государств пережевывались и на этот раз господами Кобденом, Брайтом и другими «простыми и скромными людьми», желающими видеть в военном министерстве «защитника мира», а в палате лордов — маклера, который продает англичан и еще дешевле другие нации.

Речь г. Кобдена была простым и бессовестным повторением речи, произнесенной им при закрытии парламентской сессии. Единственной роскошью, которую он позволил себе в смысле оригинальности, были два выпада — один против Франции, другой против Америки. Крайне подозрительно то, что человек, который сыграл такую выдающуюся роль в создании союза с Францией, в то время как геройские подвиги декабрьской банды вызывали в Англии бурю

негодования, — теперь развенчивает свое собственное дело, издеваясь над этим союзом и высмеивая его как «необдуманый» и «несвоевременный».

По мнению Кобдена, развитие американской торговли и промышленности может стать для величия Англии и ее экономического и национального благосостояния гораздо более опасным, чем воинственная политика России. Как согласуется это с его старыми разглагольствованиями о свободе торговли, согласно которым торговое процветание одного народа зависит от промышленного *развития* других народов, а идея опасного соперничества между двумя промышленными народами объявляется ошибкой «знахарей» кровительственной политики? Как согласуется это с положением, что «машиностроение Англии поставило Европу и Америку в полную зависимость друг от друга»?

Не в первый раз пытается Кобден отвлечь от России раздражение и ненависть английского народа, натравляя его на Соединенные Штаты. Когда в 1836 году захват одного английского судна русским военным кораблем у черноморских берегов, фискальные мероприятия петербургского кабинета по отношению к судоходству по Дунаю и разоблачения «Portfolio» вызвали гнев английского народа, господин Кобден, — тогда еще «дитя в литературе и непривычный к публичным выступлениям», — опубликовал маленький анонимный памфлет, озаглавленный: «Россия, целительное средство против руссофобии». В памфлете этом доказывается, что «менее чем через двадцать лет Англия будет больше бояться успехов Америки, чем роста России, что таково будет мнение английского народа, и правительство вынуждено будет с этим считаться».

В том же памфлете он пишет: «Исследуя различные мотивы, руководясь которыми изучающие этот вопрос занимают враждебную позицию по отношению к России, — мы с глубоким удивлением убедились, что *аристократическое* правительство за сотню лет своего господства заразило все классы общества своим высокомерием и надменностью» (против кроткой России). «Если бы Петербург был перенесен на берег Босфора, то на месте теперешних хижин турецкой столицы менее чем через 20 лет вырос бы блестящий и богатый европейский город; здесь были бы построены великолепные здания, расцвели ученые общества, развились искусства. Если бы русское правительство достигло настоящей силы, оно прекратило бы войну меча и начало борьбу против варварства, проводя железные дороги, строя мосты, способствуя накоплению капиталов, *росту городов и успехам цивилизации и свободы*»...

В доказательство русской цивилизации и, следовательно, права России на захват Турции господин Кобден рассказывает изумленным читателям, что русский купец, владеющий 10 000 — 15 000 рублей, не только участвует во внешней торговле, но *«освобожден от телесного наказания и имеет право ездить в парном экипаже»*. Можно ли после этого удивляться, что русский император недавно выразил убеждение, что «Англия при буржуазном парламенте не может вести со славой войну»? В 1836 году господин Кобден был так глубоко пропитан сознанием «дрянности публичных ораторов и авторов», осмеливающихся порицать русского самодержца, что свой памфлет он закончил вопросом: «Кто же эти писатели и ораторы, и что они собою представляют? Долго ли еще будет позволено политическим рыночным шарлатанам разжигать умы целой нации и путать ее понятия?»

Мы думаем, что это — те «публичные ораторы и писатели», которые владеют 10 000 — 15 000 рублей, могут ездить в парном экипаже и, по крайней мере, освобождены от *«телесного наказания»*. До сих пор одни считали руссофильскую манию господина Кобдена одной из свойственных ему многочисленных причуд, другие видели в ней необходимый вывод из его мирных доктрин. Недавно, однако, некто, по праву называющий себя «литературной клячей или, если хотите, литературным ослом» поблекшей Лиги против хлебных законов, рассказал публике следующее: когда господин Кобден писал свою первую брошюру, «он ездил в 1834 и 1835 гг. по своим делам в Россию и имел большой успех, а потому его сердце и его ситец были в 1836 г. в России»; его раздражение против «английских писателей, ораторов, авторов и журналистов» проистекает из того обстоятельства, что они критикуют его нового клиента, Николая Всероссийского.

ВОЕННЫЕ ФИНАНСЫ.

Лондон, 3 февраля 1854 г.

Я имел случай наблюдать около военного министерства торжественную процессию королевы, прибывшей для открытия парламента. Турецкий посол был встречен громкими восклицаниями и криками ура. Принца Альберта, смертельно бледного, толпа яростно освистывала с обеих сторон улицы; королева была скупа на обычные поклоны и судорожно усмехалась на непривычные изъявления общественного недовольства. В одном из прежних писем я показал, что, собственно, скрывается за этим движением против Альберта, и выяснил, что оно является простой партийной интригой. Тем не менее к публичной демонстрации надо отнестись серьезно, так как она доказывает, что показная лояльность британского народа — просто условная формальность, пышный церемониал, неспособный выдержать ни малейшего толчка. Возможно, что она вынудит корону отставить министерство, антинациональная политика которого грозит ее собственной безопасности.

Когда стала известна недавняя миссия графа Орлова к венскому кабинету, «Times» сообщил своим легковерным читателям, что Орлов и есть как раз тот человек, которым царь обычно пользуется для мирных поручений. Но мне, конечно, нет надобности говорить вам, что этот самый Орлов весной 1833 г. явился в Константинополь, чтобы выжать у Порты Ункиар-Скелесский договор. От венского кабинета он теперь требует позволения послать русский корпус из Варшавы через Венгрию на театр военных действий на Дунае. Первым результатом его пребывания в Вене нужно считать то, что Австрия настаивает теперь, чтобы Порта сместила своих командующих на Дунае — Селима-пашу, Измаила-пашу и Омера-пашу — на том основании, что они ренегаты и революционеры. Кто знает прежнюю историю Турции, тот знает, что с самого начала все крупные генералы, адмиралы, дипломаты и министры Османского государства были христианские ренегаты — сербы, греки, албанцы и т. д. Почему не требуют от России, чтобы она уволила сорок или

пятьдесят человек, которых она скупила во всех углах Европы и которые образуют все ее богатство по части политического гения, дипломатической тонкости и военных способностей? Тем временем Австрия собрала 80 000 человек на турецкой границе в Трансильвании и Венгрии и направила туда на соединение с ними чешский корпус силою около 30 000 человек. Прусское правительство, наоборот, будто бы отказалось следовать команде царя, приказавшего Фридриху-Вильгельму IV послать корпус в 100 000 человек, чтобы оккупировать Польшу именем и в интересах России и таким образом освободить находящиеся там гарнизоны для движения на юг, где они должны были продолжать поход на княжества.

По другому поводу мне пришлось в начале так называемых восточных осложнений предостеречь ваших читателей от нарочно распространяемых слухов о русских государственных финансах, будто в подвалах Петербургского банка хранится «тайный» клад, и указать на смешное преувеличение громадного денежного богатства, которым будто бы Россия может располагать в каждый данный момент. Мои взгляды вполне подтверждены событиями. Царь был вынужден не только извлечь свой металлический запас из банков Англии и Франции, но и предпринять мошенническую конфискацию. Князь Паскевич сообщил варшавскому учетно-ссудному банку, что его капитал будет взят в виде принудительного займа, хотя устав этого банка запрещает ему ссужать деньги под иное обеспечение, кроме земельных владений. Мы слышим также, что русское правительство намерено выпустить на шестьдесят миллионов рублей неравных бумажных денег, чтобы покрыть военные издержки. Петербургский кабинет не первый раз практикует этот фокус. В конце 1768 г., для покрытия расходов на войну с Турцией, Екатерина II основала ассигнационный банк якобы на принципе выпуска разменных денег на предъявителя. Но при этом, однако, нарочито забыли сказать публике, какими деньгами эти бумаги будут оплачиваться, и несколько месяцев спустя оплата стала производиться медными деньгами. Благодаря другой непредусмотренной «случайности» эти медные монеты, в сравнении с неотчеканенным металлом, были переоценены на пятьдесят процентов и циркулировали по их номинальной стоимости только благодаря редкости и недостатку разменных денег в мелкой торговле. Размен денег оказался, таким образом, простой уловкой.

Сначала Екатерина ограничила весь выпуск 40 000 000 р. в 25-рублевых билетах; рубль представлял серебряную монету в 38 — 40 пенсов в английских деньгах, по вексельному курсу он стоил

несколько больше 100 медных копеек. Ко времени смерти Екатерины количество этих бумажных денег возросло до 157 миллионов рублей, т. е. почти вчетверо в сравнении с первоначальным количеством.

Вексельный курс на Лондон был 41 пенс в 1787 г. и упал до 31 пенса в 1796 г. При двух следующих правительствах произошло быстрое увеличение выпусков; в 1810 г. бумажное обращение достигло 577 000 000, и бумажный рубль стоил только 25 копеек, четвертую часть его стоимости в 1788 г., и вексельный курс на Лондон осенью 1810 г. понизился до 11½ пенсов за рубль вместо прежних 38—40 пенсов. В 1817 г., по отчету графа Гурьева, количество обращающихся бумаг достигло 836 800 000 рублей. Так как таможенные пошлины и другие налоги рассчитывались в серебряных рублях, то правительство распорядилось, чтобы ассигнации принимались в отношении 4 к 1, что было равнозначно обесценению в 75 процентов. В то время как это обесценение шло дальше, в равной мере поднимались цены товаров, и они подвергались таким колебаниям, что правительство само было сильно обеспокоено и увидело себя вынужденным сделать внешние займы, чтобы часть бумаг извлечь из обращения. К 1 января 1821 г. таким образом их количество уменьшилось до 640 000 000. В последующих затем войнах с Турцией, Персией, Польшей, Хивой и т. д. число ассигнационных бон снова возросло, вексельный курс снова пошел вниз, и все товары снова испытали резкие и неправильные колебания цен. Только к 1 июля 1839 года вексельный курс поправился благодаря огромному вывозу хлеба в Англию, и царь издал манифест, по которому огромное количество банковых ассигнаций должно было превратиться в банковые билеты, которые по требованию должны были оплачиваться полными серебряными рублями в 38 пенсов. Царь Александр объявил, что сборщиками податей ассигнации будут приниматься в отношении 4 к 1; о царе Николае говорят, что он при помощи конверсии восстановил их полную стоимость. Все же была прибавлена одна замечательная статья, которая предписывала, что за *один* этот новый билет должны приниматься три с половиной старых. Таким образом, не было объявлено, что старый билет обесценен до 28 процентов его первоначальной стоимости, но три с половиной старых билета признавались равноценны одному целому *новому* билету. Отсюда мы можем вывести, что, с одной стороны, русское правительство в финансовых делах так же добросовестно и щепетильно точно, как и в дипломатических, и что, с другой стороны, простой опасности близкой войны достаточно, чтобы снова вызвать все финансовые трудности, из которых Николай почти двадцать лет стремился выбраться.

Одно европейское правительство за другим приходит и апеллирует к карманам своих возлюбленных подданных. Даже король бережливых голландцев требует от Генеральных штатов 600 000 талеров на цели укрепления и обороны и добавляет к этому, что «обстоятельства, может быть, могут его заставить мобилизовать часть армии и выслать свой флот».

Если бы была возможность путем гениальной бухгалтерии помочь действительному недостатку денег и наполнить пустые денежные ящики, составитель недавно опубликованного в «Moniteur» французского бюджета, может быть, достиг бы каких-либо результатов. Но даже самый мелкий торговец в Париже не заблуждается насчет того факта, что при самой искусной группировке цифр последние нельзя извлечь из долговых книг кредиторов и что герой 2 декабря, который считает карманы народа неисчерпаемыми, безрассудно погружается в национальный долг.

**ДОКУМЕНТЫ ПО ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ. — ПАРЛАМЕНТ-
СКИЕ ДЕБАТЫ. — МИССИЯ ГРАФА ОРЛОВА. — ДЕЙСТВИЯ
СОЮЗНОГО ФЛОТА. — ИРЛАНДСКАЯ БРИГАДА. — МАНЧЕ-
СТЕРЦЫ И РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ.**

Лондон, 7 февраля 1854 г.

Я внимательнейшим образом прочел «Права и привилегии греческой и латинской церквей», как остроумно окрестили правительственный сборник документов по восточному вопросу, и намерен в ближайшее время дать вашим читателям сжатый обзор этого дипломатического лабиринта. Сейчас я ограничусь только указанием, что более чудовищного памятника правительственной подлости и глупости, пожалуй, никогда не знала история. Припомним также оценку, данную г-ном Бэйли в палате общин так называемым «Синим книгам»: «Что касается информации, то ее в них содержится сколько угодно, но, заметьте, это не официальная информация, а только то, что можно узнать из сборника документов, *тщательно подготовленного и замалчивающего все, что правительству угодно было скрыть*. Я говорю на основании собственного опыта (возгласы «слушайте, слушайте!» и смех на правительственных скамьях). Мне известно, как готовились сборники документов по вопросам внешней политики для нашей палаты». А я прекрасно знаю, что когда лорда Пальмерстона однажды обвинили в искажении документов об афганской войне, в изъятии важнейших статей одних депеш и даже в умышленной подделке других, с его стороны последовал следующий остроумный ответ: «Сэр, если действительно имело место нечто подобное, то что помешало сменившим нас двум правительствам наших противников, — а одно из них пробыло у власти пять лет, — огласить этот факт и опубликовать подлинные документы?» Но я столь же хорошо знаю, что секрет подобных проделок в «Синих книгах» заключается не в чем ином, как в системе чередования правительств вигов и ториев, при которой каждой из этих партий выгоднее не лишать противника возможности сменить ее, нежели портить друг другу политическую «репутацию» и тем самым совсем скомпро-

метировать власть правящих классов. И это англичане изволят называть применением своей славной конституции.

Лорд Кланрикард предупредил, что он предложит открыть прения по восточному вопросу в назначенном на вчера заседании палаты лордов. В связи с этим от заседания ожидали многого, и палата была почти переполнена.

Во вчерашнем «Morning Advertiser» г. Уркарт даже решил назвать лорда Кланрикарда будущим лидером национальной партии, памятуя, что он в 1829 г. был единственным противником перехода русскими Балкан. Но г. Уркарт несомненно забыл о том, что тот же благородный маркиз в критический период 1839 — 1840 гг. состоял послом лорда Пальмерстона при петербургском дворе и был его главным орудием в деле заключения сепаратного договора и разрыва с Францией.

Дебаты положительно разочаровали публику, когда маркиз Кланрикард, сославшись на газетные сообщения, согласно которым «в Вене, повидимому, еще продолжается некое подобие переговоров», заявил, что «ему крайне нежелательно вызывать прения, могущие помешать мирному завершению указанных переговоров». Соответственно с этим он закончил указанием, что намерен внести предложение по тому же вопросу через неделю. Благородный маркиз ограничился тем, что спросил лорда Кларендона, не «получен ли еще ответ русского императора на венские предложения» и какие «инструкции даны английскому послу в Петербурге». Лорд Кларендон ответил, что он «лишь сегодня днем получил из Вены официальное сообщение о событиях». Российский император отклонил венскую ноту и предложил вместо нее свой контр-проект. 2-го с. м. состоялось заседание конференции, которая, с своей стороны, отвергла этот контр-проект. «Выдвинутые Россией, — продолжал лорд Кларендон, — новые предложения совершенно неприемлемы: их нельзя передать в Константинополь, а потому о них больше не приходится говорить. У меня нет оснований полагать, что по этому вопросу будут открыты новые переговоры. Что касается надежд на сохранение мира, то их у меня вообще нет». В ответ на другой вопрос лорда Кланрикарда он заявил: «В субботу вечером меня посетил в министерстве иностранных дел барон Бруннов и вручил мне ноту, в которой он сообщает, что полученный им от меня ответ на вопросы, поставленные согласно инструкции его правительства, не позволяет ему продолжать дипломатические сношения, а посему дипломатические сношения между Россией и Англией прерываются. Барон Бруннов простился со мной в субботу вечером, но тогда уже было поздно»

выехать из Лондона, и, по моим сведениям, он должен был уехать сегодня рано утром».

Г-н Киселев, как сообщает телеграф, вчера уехал из Парижа и отправился в Брюссель. Официальные, т. е. правительственные, газеты сообщают, что посольство в Лондоне будет закрыто и что все русские покинут Англию. Я же узнал из превосходного источника, что, наоборот, количество русских в Англии сократится только на особу посла и что весь персонал остается в Лондоне под руководством первого секретаря посольства г. Берга. Относительно положения английского посла при петербургском дворе лорд Кларендон заявил: «Так как барон Бруннов посетил меня в субботу в половине седьмого и так как надо было предварительно снестись с французским правительством, то в тот момент уже нельзя было дать инструкции английскому послу в Петербурге, но мы уже снеслись по этому вопросу с французским послом, и завтра сэру Г. Сеймуру и генералу де-Кастельбажаку будут посланы инструкции, которыми они будут поставлены в точно такое же положение, в каком находится русский посол здесь, а дипломатические сношения между обоими государствами и Россией будут прерваны».

Лорд Джон Россель повторил в палате общин заявление, сделанное лордом Кларендоном в Верхней палате, а лорд Пальмерстон сообщил, что он внесет законопроект об объединении законов о милиции, — законопроект, в котором предлагается организовать вооруженные отряды милиции для Шотландии и Ирландии, причем время набора будет определено голосованием палаты. Английская армия будет немедленно увеличена на 11 000 человек; кроме того, должны быть тотчас же посажены на суда 1 500 береговых стражников, чем имеется в виду образовать резерв для команд вновь приготовленных к плаванию судов. Издан королевский указ, запрещающий вывоз каких бы то ни было военных судов, военного имущества и снаряжения в Россию. Морскими властями, наблюдающими за частными верфями на Темзе, наложен арест на два строящиеся для России судна. В Копенгагене от имени английского правительства заключен контракт на поставку угля для пароходов общей сложностью в 11 000 лошадиных сил. Адмирал сэр Чарльз Непир будет командовать вновь организуемым Балтийским флотом.

По сообщению официальной «Wiener Zeitung», «правительство получило уведомление, согласно которому Россия прямо заявила четырем державам, что она считает себя свободной от данного ею в Ольмюце обещания оставаться в княжествах в состоянии обороны».

Относительно целей, преследуемых миссией графа Орлова в

Вене, циркулирует много противоречивых слухов; наиболее вероятным из них, повидимому, является слух, приведенный в помещенной в сегодняшнем номере «Times'a» корреспонденции из Берлина. Россия, — пишет корреспондент, — приглашает Австрию и Пруссию заключить с ней на всякий случай договор о нейтралитете, рекомендует им придать их декларации о нейтралитете характер общего нейтралитета Германского союза, обязуется прийти на помощь союзу в случае нападения на кого-нибудь из его членов и, наконец, обязуется, в том случае, если по окончании войны будут произведены какие-либо территориальные изменения, не заключать мира, не приняв должным образом во внимание интересов немецких держав при соответствующих территориальных изменениях. В этом предложении относительно договора о нейтралитете явственно упоминается о принципах и положениях «Священного союза» 1815 г.

Что касается вероятного решения Австрии и Пруссии, то я могу лишь повторить уже высказанное мною мнение по этому вопросу. Австрия будет всячески стараться сохранить свою нейтральную позицию до тех пор, пока это будет возможно, и станет на сторону России, как только для этого наступит благоприятный момент. С другой стороны, Пруссия, вероятно, снова упустит удобный момент для отказа от нейтралитета и, в конце концов, навлечет на себя позор новой Иены.

Из Константинополя сообщают, что соединенный флот вернулся к своей стоянке в Бейкосе, не взирая на переданный ему «Самсоном» от имени послов следующий приказ:

«Послы поражены неожиданным решением адмиралов, особенно в настоящий момент, когда уже готова к отплытию турецкая флотилия, везущая снаряжение и другие припасы для анатолийской армии. Французское и английское правительства официально и ясно указали в своих распоряжениях (так оно и было в действительности, но это относится не к первоначально отданному адмиралам приказу, а лишь к только что полученному), что союзные эскадры должны взять на себя защиту оттоманского флага и территории. Ввиду этого снова обращается внимание обоих адмиралов на строгий характер этих своевременно переданных им инструкций. Адмиралы, повидимому, считают, что мероприятия, выполнение которых поручено им, могут быть одинаково осуществлены, независимо от того, где расположены находящиеся под их командованием силы — в Бейкосе или Синопе. (В таком случае иные могли бы полагать, что те же инструкции могут быть осуществлены, даже если бы эскадры спокойно оставались в Мальте и Тулоне.) Но этот вопрос должен быть решен

исключительно по их усмотрению, и на них же ляжет ответственность».

Русский флот, как известно, находится в Кафе, вблизи пролива Еникале, от Батума — это на расстоянии, составляющем всего одну треть расстояния Батум—Бейкос. Спрашивается, смогут ли адмиралы предотвратить повторение «Синопа» в Батуме, «независимо от того, где они стоят — в Бейкосе или в другом месте»?

Вы, вероятно, помните, как царь в своем первом воззвании обвинял султана в том, что он собирает под своим знаменем революционные подонки со всей Европы. И вот в то время как лорд Стратфорд де-Редклифф заявляет лорду Дедли, что он не может помочь ему организовать легион добровольцев из какой-либо части этих подонков, сам царь первый создает революционный отряд, так называемый греко-славянский легион, с непосредственной целью спровоцировать восстание подданных султана. Этот отряд формируется в Валахии и, судя по русским сообщениям, насчитывает уже свыше 3 000 человек, которым будут платить отнюдь не «bons à perpétuité» (обязательства на вечность), как платят валахам: полковникам обещают по 5 дукатов¹ в день, майорам — 3 дуката, капитанам — 2, низшим офицерам — 1, а солдатам по 2 цванцигера; оружием их снабдит Россия.

Тем временем Франция, повидимому, больше не намерена вооружаться только на бумаге. Как вам известно, призваны запасные 1851 г., а за последние несколько дней отправлены огромные количества военного снаряжения из Арраса в Мец и Страсбург. Генерал Пелисье выехал в Алжир, где он, согласно полученному им приказу, должен отобрать несколько корпусов для предстоящей экспедиции в Константинополь, куда уже выехали для подыскания помещений сэр Дж. Боргойн и полковник Алар.

Слух о переходе идущего во главе сильной армии Омера-паши еще нуждается в подтверждении, хотя для осуществления подобного предприятия едва ли нужен более благоприятный момент, поскольку русские войска, как известно, сосредоточены в Крайове, между Бухарестом и Калафатом.

Вернемся к деятельности английского парламента, хотя в сущности там произошло мало заслуживающих внимания событий, если не считать внесения билля об открытии свободного доступа к каботажной торговле для иностранных судов, причем это предложение не вызвало ни единого протеста. Очевидно, протесты совсем беспо-

¹ Дукат — венецианская золотая монета, ценой ок. 3 рублей; начиная с XVI в. была распространена по всей Европе. Цванцигер — австрийская мелкая серебряная монета. *Ред.*

лезны, раз они оказываются совершенно бессильными против завоевывающего весь мир современного принципа торговли: покупайте все, что вам нужно, на самом дешевом рынке. О том, как самая дешевая команда умеет охранять человеческую жизнь и имущество, свидетельствует недавняя катастрофа с «Тейлером»...

На вчерашнем заседании палаты общин г. Бэтт заявил: «Завтра я выступлю с предложением, чтобы секретарь палаты огласил опубликованную в сегодняшнем «Times'e» статью, а также предыдущие сообщения «Dublin Freeman's Journal», в которых (*ирландским*) депутатам инкриминируется продажа за деньги парламентских мест. Я также предложу избрать комиссию для расследования содержащихся в указанных сообщениях утверждений о торговле местами». Почему г. Бэтт возмущается только продажей за деньги, поймет всякий, кто помнит, что законность всякого иного способа совершения сделок установлена на предыдущей сессии. Начиная с 1830 г. Даунингстрит всецело во власти ирландской бригады. Именно ирландские депутаты назначали и сменяли министров по своему усмотрению. В 1834 г. они удалили из кабинета сэра Дж. Грехема и лорда Стенли. В 1835 г. они заставили Вильгельма IV уволить правительство Пилиа и восстановить министерство Мельбурна. Начиная с всеобщих выборов 1837 г. вплоть до выборов 1841 г., несмотря на то, что в Нижней палате тогда было враждебное этому министерству английское большинство, число голосов ирландской бригады было достаточно велико, чтобы оказаться решающим и оставить его у власти. Та же ирландская бригада создала коалиционный кабинет. При всем своем умении создавать кабинеты бригада ни разу не предотвратила ни одной подлости по отношению к своей же стране или несправедливости по отношению к английскому народу. Периодом ее наибольшего могущества было время О'Коннеля, с 1834 по 1841 г. Кому оно было выгодно? Ирландская агитация всегда была не чем иным, как взыванием к вигам против ториев с целью вырвать места у вигов. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с так называемым «контрактом, заключенным в Личфильдхаузе», присоединится к этому мнению. В силу этого договора О'Коннель должен был голосовать *за* вигов, хотя ему разрешалось разглагольствовать *против* них, за что он получал право назначать судей в Ирландии. Пора ирландской бригаде сбросить патриотическую маску. Пора ирландскому народу отказаться от своей немой ненависти к англичанам и призвать своих собственных представителей к ответу за совершенные ими грехи.

«Общество технических искусств и приспособлений» недавно

попыталось сорвать созыв Рабочего парламента своим контр-наступлением с целью «прекращения» продолжающейся борьбы между английскими капиталистами и рабочими. Был созван митинг, на котором председательствовал некий благородный лорд; представителям обеих сторон было предложено изложить свои жалобы, совсем на манер луй-блановских конференций в Люксембургском дворце. Против этого очковтирательства выступил с протестом от имени рабочего класса г-н Эрнест Джонс, а старик Роберт Оуэн заявил просвещенным джентльменам, что никаким арбитражем, никакими ловушками или хитростью никогда не удастся заполнить пропасть, разделяющую оба великих основных класса как в Англии, так и в других странах. Вряд ли нужно добавлять, что митинг был закрыт под общий смех. На следующий день состоялся митинг лондонских чартистов и провинциальных делегатов, на котором было единогласно принято предложение о созыве Рабочего парламента и об открытии последнего 11 марта в Манчестере.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ. — ЧЕРНОГОРИЯ.

Лондон, 10 февраля 1854 г.

Когда между Данией и Швецией был заключен договор о нейтралитете, я высказал убеждение, что он, вопреки господствующему во Франции и Англии мнению, не может быть рассматриваем как победа западных держав и что так называемый протест России против этого договора является только хитрой уловкой. Скандинавские газеты и корреспондент «Times'a», который их цитирует, теперь единодушно держатся того же мнения и объявляют весь договор делом России.

Предложения, которые граф Орлов сделал Венской конференции и которые последняя отвергла, были следующие: 1) возобновление старых договоров; 2) протекторат России над греческими христианами в Турции; 3) изгнание всех политических эмигрантов из Оттоманской империи; 4) отказ России принять посредничество какой-либо другой державы и вести переговоры иначе, как непосредственно через уполномоченного, который должен быть послан в Петербург.

Что касается последнего пункта, то граф Орлов изъявил свою готовность пойти на компромисс, но конференция его отклонила. Почему конференция его отклонила? Или почему русский император отклонил последние условия конференции? Предложения были с обеих сторон одни и те же. Возобновление старых договоров было принято, русский протекторат — также, хотя и с некоторыми формальными изменениями, и так как от своего последнего пункта Россия сама отказалась, то австрийское требование об изгнании политических эмигрантов не могло быть единственной причиной разрыва между Россией и Западом. Очевидно, дело в том, что русский император вообще находится в таком положении, что не может принять *никаких* условий Франции и Англии и что ему во что бы то ни стало *необходимо* заставить подчиниться Турцию, — все равно, рискует ли он при этом европейской войной или нет.

В военных кругах последняя уже считается неизбежной, и повсюду идут к ней приготовления. Адмирал Брюа уже выехал из

Бреста в Алжир, где он должен посадить на суда 10 000 человек; 16 английских полков, расквартированные в Ирландии, получили приказ приготовиться к отправке в Константинополь. Экспедиция может иметь только двоякую цель: или принудить турок к подчинению России, как это полагает г-н Уркарт, или серьезно вести войну против России. В обоих случаях турок неминуемо постигнет одна и та же участь. Будучи если и не прямо выданной России, то все же отданной во власть своих разрушительных тенденций, Оттоманская империя была бы, как когда-то Византийская империя, ограничена в своей власти лишь окрестностями столицы. Равным образом, если Турция попадет под полную опеку Франции и Англии, то прежнему господству турок над их европейскими государствами будет положен также конец. «Если мы, — говорит «Times», — должны будем взять войну в свои руки, то мы должны иметь и возможность управлять всеми операциями. В этом случае турецкое правительство будет поставлено под прямое управление западных посланников, турецкое военное министерство — под управление военных министерств Англии и Франции и турецкие армии — под команду французских и английских полководцев. Турецкое государство в своей старой форме перестанет тогда существовать».

После того как его миссия в Вене окончательно не удалась, граф Орлов возвратился в Петербург и «привез с собой гарантию, что Австрия и Пруссия хотят при всех обстоятельствах остаться нейтральными».

С другой стороны, из Вены сообщают по телеграфу, что в турецком министерстве произошла перемена, так как военный и морской министры вышли в отставку. «Times» не может понять, каким образом военная партия могла потерпеть поражение как раз в тот момент, когда Англия и Франция вооружаются для войны. Если это известие верно, то я, со своей стороны, могу в этом, «богом ниспосланном», инциденте усмотреть только работу представителя английского коалиционного кабинета в Константинополе, того самого представителя, который в своих отчетах в Синих книгах так часто выражает сожаление, что «он в своем давлении на турецкий кабинет не так много достиг, как это было бы желательно».

Синие книги начинаются опубликованием депеш, касающихся требований, предъявленных Францией в вопросе о гробе господнем, — требований, которые не были достаточно защищены старыми капитуляциями и которые, очевидно, выставлены с намерением добиться перевеса латинской церкви над греческой. Я не разделяю поэтому взгляда Уркарта, который считает, что царь, пользуясь тайными

влияниями в Париже, сам подвинул Бонапарта на это выступление для того, чтобы Россия имела предлог для вмешательства в пользу греческих христиан. Хорошо известно, что Бонапарт всеми мерами старался приобрести поддержку католической партии, которую он с самого начала рассматривал как главное условие для успеха своей узурпации. Бонапарт отлично понимал, какое влияние католическая церковь имеет на крестьянское население Франции; а ведь именно крестьяне должны были сделать его императором вопреки воле буржуазии и пролетариата. Господин Фаллу, иезуит, был самым влиятельным членом первого бонапартовского министерства, официальный глава которого Одилон Барро, имевший репутацию вольтерьянца, был главой только по имени. Первое решение, принятое этим министерством в первый же день после того, как Бонапарт сел на президентское место, была знаменитая экспедиция против римской республики. Господин Монталамбер, глава иезуитской партии, был наиболее деятельным орудием Бонапарта при подготовке ниспровержения парламентского режима и государственного переворота 2 декабря. В 1850 г. «Univers», официальный орган иезуитской партии, изо дня в день требовал от французского правительства действительных мер к защите латинской церкви на Востоке. Бонапарт, стремившийся польстить папе, привлечь его на свою сторону и быть им коронованным, имел все основания уступить этому требованию и разыграть из себя «самого католического» (most catholic) императора Франции. *Поэтому бонапартистская узурпация является истинным источником теперешнего восточного кризиса.* Впрочем, Бонапарт благоразумно взял свои притязания обратно, как только заметил, что император Николай хочет сделать их поводом для исключения его из европейского конклава, тогда как Россия, по своему обыкновению, старалась извлечь пользу из событий, которые создать она сама была не в силах, — таково мнение г-на Уркарта. Как бы то ни было, замечательным явлением мировой истории остается тот факт, что теперешний кризис Оттоманской империи порожден тем же самым конфликтом между латинской и греческой церквами, который когда-то дал толчок к основанию этого государства в Европе.

Я не имею намерения заняться основательным исследованием всего содержания «Прав и привилегий латинских и греческих церквей», прежде чем я не упомяну о чрезвычайно важном инциденте, который совершенно вытравлен из Синих книг. Речь идет об австрийско-турецком споре из-за Черногории. Этого тем более необходимо коснуться, что таким путем тотчас же можно будет установить,

что между Австрией и Россией существовало тайное соглашение, имевшее целью не более и не менее, как уничтожение и раздел Турции; это важно еще и потому, что самый факт передачи Англией дополнительных переговоров между Россией и Портой в руки Австрии бросает странный свет на поведение английского кабинета во время всего восточного кризиса. Так как нет никаких официальных документов о черногорском деле, то я сошлюсь на только что вышедшую работу Л.-Ф. Симпсона: «Справочная книга по восточному вопросу».

Турецкое укрепление Цабляк (на черногорско-албанской границе) в декабре 1852 г. подверглось нападению банды черногорцев. Читатели, может быть, помнят, что Омер-паша был послан, чтобы прогнать напавших.

Высокая Порта объявила блокаду всего албанского побережья. Эта мера, очевидно, могла быть направлена только против Австрии и ее флота, и это доказывало, что турецкое министерство убеждено, что черногорский мятеж спровоцирован Австрией. После этого в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» появилась следующая статья из Вены, датированная 29 декабря 1852 г.: «Если бы Австрия действительно хотела поддержать Черногорию, то блокада дала бы очень мало. Стоило только черногорцам спуститься со своих скал, и Австрия могла бы им в Каттаро продать или подарить сколько угодно оружия и военного материала, несмотря на присутствие турецкого флота в Адриатическом море. Австрия по существу не радуется ни теперешнему нападению черногорцев, *ни той революции, о которой говорят, что она должна вспыхнуть среди греческих христиан в Герцеговине.* Она всегда поднимала протесты против угнетения христиан исключительно из соображений гуманности. Кто думает втянуть Австрию в черногорскую историю, совершенно забывает положение австрийского государства по отношению к восточной церкви. Это положение само собой принуждает ее к нейтралитету. События в Иерусалиме показали всем, как сильно религиозная ненависть разделяет народы на Востоке. Австрийские государственные люди должны поэтому напрягать все свое искусство, чтобы поддерживать мир в своей собственной стране, в которой греческие христиане живут попеременно с латинскими».

Из этой статьи мы узнаем, во-первых, что на восстания среди турецких христиан *определенно* рассчитывали; во-вторых, что именно Австрия проложила дорогу для русских жалоб на угнетение греческой церкви; в-третьих, что Австрия в религиозных спорах из-за «гроба господня» намеревается хранить «нейтралитет».

В том же месяце Россия отправила Порте ноту, в которой пред-

лагала ей свое посредничество в черногорском конфликте. Посредничество это было отвергнуто на том основании, что султан сам сумеет поддержать свои права. Мы видим, что Россия в этом случае действовала точно таким же образом, как и во время греческой революции. Сначала она предлагает султану защиту против его подданных с тем, чтобы потом, в случае, если ее помощь будет отвергнута, защищать подданных султана против него самого.

Что между Россией и Австрией уже гораздо раньше существовало тайное соглашение об оккупации княжеств, явствует из другой цитаты из аугсбургской «Allgemeine Zeitung» от 30 декабря 1852 г. Она гласит: «Россия, которая незадолго перед этим признала независимость Черногории, не может остаться бездеятельной. Более того. Письма торговцев и сами торговцы из Молдавии и Валахии сообщают, что вся местность от Волыни до устья Прута кишит русскими войсками».

В то же время венские газеты сообщают, что на австрийско-турецкой границе стягивается австрийская наблюдательная армия.

6 декабря 1852 г. лорд Стенли запросил лорда Мальмсбери по поводу черногорских дел, и благородный друг Бонапарта сделал следующее заявление: «Благородный лорд выразил желание спросить, произошли ли какие-либо изменения в политическом положении той дикой страны, граничащей с Албанией, которая называется Черногорией. Я думаю, что в ее политическом положении не произошло никаких изменений. Вождь этой страны носит двойной титул: он является главой православной церкви этой страны и в то же время светским государем. По своему положению главы церкви он подчинен юрисдикции русского императора, считающегося главой всей православной (греческой) церкви. Нынешний вождь Черногории (как, думаю, и все его предки) получил от русского императора санкцию и признание на свои епископские права и титулы. Что касается независимости этой страны, то каковы бы ни были мнения различных лиц относительно преимуществ такого положения, все же остается фактом, что Черногория была независимой страной в течение 150 лет. И несмотря на многочисленные попытки Порты покорить ее, эти попытки одна за другой терпели крушения, и страна в настоящее время находится в том самом положении, в каком она была 200 лет назад».

В этой речи лорд Мальмсбери, тогдашний торийский министр по иностранным делам, спокойно расчленяет Оттоманскую империю и отделяет от нее страну, которая всегда ей принадлежала, признавая в то же время церковные притязания русского императора

на подданных Порты. Что же можно сказать иное об этих обеих компаниях олигархов, кроме того, что они соперничают между собой в глупости?

Порта была, естественно, серьезно обеспокоена этой речью британского министра, и вскоре после этого в одной английской газете появилось следующее письмо из Константинополя, датированное 5 января 1853 г.: «Порта чрезвычайно возбуждена речью лорда Мальмсбери в Верхней палате, в которой он объявляет Черногорию независимой. Он сыграл этим только на-руку России и Австрии; благодаря этой игре Англия потеряет то доверие, которым она до сих пор пользовалась. В первой статье Систовского договора, который был заключен при содействии Англии, России и Голландии между Портой и Австрией, ясно сказано, что подданным обоих государств, восставшим против своих законных государей, желательно дать амнистию; при этом вбунтовавшимися подданными Порты были названы сербы, черногорцы, молдаване и валахи. Живущие в Константинополе черногорцы, числом около 2 000 — 3 000, платят харадж, или подушную подать, и, при судебном разбирательстве против подданных других держав в Константинополе, черногорцы всегда рассматриваются и тракуются как турецкие подданные».

В начале 1853 г. австрийское правительство послало барона Коллен фон-Колленштейна, адъютанта императора, в Каттаро, чтобы следить за ходом событий, в то самое время как г-н Озеров, русский посол в Константинополе, заявил перед Диваном протест против уступок, сделанных латинской церкви в вопросе о гробе господнем. В конце января в Константинополь прибыл граф Лейнинген и был допущен 3 февраля к частной аудиенции у султана, которому он передал письмо от австрийского императора. Порта отказалась исполнить содержащиеся в этом письме требования, и граф Лейнинген вручил затем ультиматум, который предоставлял Порте четыре дня на размышление. Порта поставила себя под защиту Англии и Франции, которые не дали ей никакой защиты, в то время как граф Лейнинген, со своей стороны, отклонил их вмешательство. 15 февраля он добился всего, чего требовал (за исключением статьи III), и его ультиматум был принят. Он содержал следующие статьи:

I. Немедленное очищение Черногории и восстановление status quo ante bellum.

II. Заявление со стороны Порты, которым последняя обязывается поддерживать status quo территорий Клек и Суторина и признать mare clausum (закрытое море) в пользу Австрии.

III. Строгое расследование всех обид, нанесенных христианам в Боснии и Герцеговине из побуждений мусульманского фанатизма.

IV. Удаление всех политических беглецов и ренегатов, живущих в данный момент в провинциях, близких к австрийским границам.

V. Вознаграждение в 200 000 флоринов¹ для австрийских торговцев, договоры с которыми были произвольно уничтожены, и соблюдение последних в течение срока, на который они были заключены.

VI. Уплата вознаграждения в 56 000 флоринов одному торговцу, корабль и груз которого незаконно были конфискованы.

VII. Учреждение ряда консульств: в Боснии, Сербии, Герцеговине и по всей Румелии.

VIII. Осуждение поведения турецких властей в деле эмигрантов в 1850 году.

Прежде чем Оттоманская Порта склонилась перед этим ультиматумом, она направила, как сообщает г-н Симпсон, ноту посланникам Англии и Франции, в которой требовала от них обещания оказать ей положительную помощь в случае войны с Австрией. «Так как оба посланника не были в состоянии связать себя определенными обязательствами», то турецкое правительство сдалось перед энергичным выступлением графа Лейнингена.

28 февраля граф Лейнинген прибыл в Вену, а князь Меншиков — в Константинополь. 3 марта лорд Россель имел бесстыдство заявить в ответ на запрос лорда Дедли Стюарта, что «в ответ на представление, сделанное австрийскому правительству, были даны заверения, что последнее всегда держалось таких же взглядов на этот предмет, как и английское правительство; и хотя он, Россель, и не мог бы дать точных выражений настоящего соглашения, но вмешательство Англии и Франции *уверчилось успехом*, и он получил уверенность, что последние разногласия устранены. Принятый Англией курс был таков, чтобы Турция могла быть уверена в сохранении своей чести и независимости... Со своей стороны, он думает, что с точки зрения справедливости, международного права, сохранения взаимного доверия между нашими союзниками, с точки зрения общей политики и целесообразности *сохранение неприкосновенности и независимости Турции является великим и определяющим моментом внешней политики Англии*».

¹ Флорин (он же гульден) — немецкая серебряная монета, ценой ок. 80 к. *Ред.*

ПРЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТЕ.

Лондон, 21 февраля 1854 г.

В прошлую пятницу вечером г-н Лайард заявил, что он должен привлечь внимание к восточному вопросу, и попросил слова в тот самый момент, когда спикер собирался оставить председательское место, чтобы палата могла перейти к рассмотрению морского бюджета. В начале 5-го часа все хоры были переполнены, а в 5 часов палата была в сборе. Целых два часа ухлопали, к явному огорчению депутатов и публики, на пустые разговоры о мелочах. Любопытство самих же почтенных депутатов было до такой степени возбуждено, что они отложили обед до 8 часов, чтобы присутствовать при открытии больших дебатов, что является редким случаем в парламентской жизни членов палаты общин.

Г-н Лайард, речь которого то и дело прерывалась аплодисментами, вначале заявил, что правительство поставило депутатов в столь странное положение, что им трудно разобраться в его поведении. Перед тем как приступить к голосованию испрашиваемых кредитов, правительство должно было бы сообщить, *каковы его намерения*. Однако перед тем как спросить у правительства, что оно собирается делать, оратор хочет знать, *что оно уже сделало*. Он уже в прошлом году сказал, что если бы правительство заговорило более достойным нашей страны языком, оно не было бы втянуто в войну; и теперь, после тщательного ознакомления с изданными в последнее время объемистыми «Синими книгами», у него нет оснований изменить свое мнение. Сопоставляя содержание разных сообщений, поступивших с разных сторон, оратор приходит к заключению, что правительство проморгало наиболее очевидные факты, не поняло самых несомненных тенденций и поверило заведомо лживым заверениям. Заявив, что синопская трагедия скомпрометировала Англию, и потребовав подробных объяснений, оратор на основании опубликованных документов доказал, что адмиралы соединенной эскадры могли предотвратить катастрофу или что ее предотвратили бы сами турки, если бы она не произошла до получения трусливых и неясных инструкций от английского правительства. Из последних заявлений

правительства оратор заключает, что оно попрежнему намерено вести переговоры на основе *status quo ante bellum*, и высказывается против этого намерения. В заключение он призывал правительство исполнить свой долг и выразил уверенность, что английский народ, в свою очередь, сделает то же самое.

Сэр Джеймс Грехем со свойственной ему наглостью ответил, что депутаты должны либо доверять министрам, либо прогнать их. А «пока что не будем *терять зря время* на «Синие книги»... Правительство, мол, было обмануто Россией, старой и верной союзницей Великобритании, однако «мрачные и злостные подозрения нелегко укладывались в благородных головах»... Эта старая лиса, этот мальчик на побегушках у сэра Роберта Пиля, убийца братьев Бандьера, был прямо очарователен, когда говорил о своей «благородной душе» и о «медлительности в области подозрений».

Затем выступил лорд Джослин и лорд Дедли Стюарт, речи которых на следующий день заполнили газеты, а в тот вечер опустошили палату... Затем г. Робек начал оправдывать поведение министров в столь щекотливом положении, а закончил он заявлением, что пора правительству *ясно сказать, что оно намерено делать*. Якобы для того, чтобы ответить на этот вопрос, выступил лорд Джон Россель, который по-своему пересказал историю возникших в последнее время разногласий, но, убедившись, что этим ничего не возьмешь, сделал вид, будто собирается рассказать депутатам, «что правительство намерено делать». Сам он, должно быть, был совершенно уверен в том, что ему это известно. По его словам, правительство заключило нечто вроде союза с Францией не в форме подписанного договора, а в форме обмена нотами. Англия и Франция предлагают теперь Турции также нечто вроде договора, в силу которого Порты не должна добиваться мира без их согласия. По его словам, правительство было чрезвычайно поражено невероятным вероломством царя. Он (Россель) потерял веру в возможность сохранения мира. Правительство уже хотело вступить в войну, ввиду чего он потребовал около 3 000 000 фунт. стерлингов сверх бюджета прошлого года. А так как тайна является условием успеха в войне, то он не может сообщить палате сейчас же, что правительство намерено делать в эту войну... Так как заключительная или, вернее, театральная часть его речи была произнесена с большой силой и дышала негодованием по поводу действий «мясника-царя», она была встречена весьма одобрительно, и палата, охваченная энтузиазмом, уже была готова вотировать бюджет, как вдруг выступил г. Дизраэли, которому удалось отсрочить прения до понедельника вечером.

Дебаты возобновились вчера вечером и закончились лишь в два часа ночи.

Первым выступил г. Кобден, обещавший строго придерживаться данного практического вопроса. Он изо всех сил старался доказать на основании «Синих книг» то, чего никто не отрицал, а именно, что французское правительство миссией г. Лавалета по вопросу о «святых местах» и уступками, вырванными им у Турции, вызвало этот «меланхолический спор». У французского президента, у которого в то время были некоторые надежды стать императором, могло быть некоторое желание нажить кое-какой политический капитал, предъявив Турции эти требования от имени христиан-католиков. Поэтому первые шаги России можно объяснить действиями Франции в данном вопросе. Неподписание венской ноты было ошибкой союзников, а не турецкого правительства. Ибо, если бы Порте пригрозили выводом флота из Безикской бухты, она немедленно подписала бы ноту. Мы собирались воевать, потому что мы настаивали, чтобы Турция сообщила нотой России о своем отказе сделать то, о чем мы сами хотели просить ее, а именно: гарантировать нам лучшее обращение с христианами. Огромное большинство населения Турецкой империи жадно следило за успехами той самой политики, которую Россия проводит теперь (как, например, в Молдаво-Валахии). На основании тех же «Синих книг» оратор может доказать, что обиды и притеснения, испытываемые христианским населением, не могут быть терпимы; при этом он ссылался главным образом на донесения лорда Кларендона, написанные с явной целью услужить царю. В одном из этих донесений лорд Кларендон пишет: «Порта должна сделать выбор между сохранением ошибочного религиозного принципа и потерей симпатий и поддержки своих союзников». Это дало г. Кобдену возможность спросить: «Считает ли палата возможным, чтобы народ, вроде фанатического мусульманского населения Турции, отказался от своей религии?» «А без полного отказа от законов Корана совершенно невозможно уравнивать живущих в Турции христиан с турками». Мы, с своей стороны, можем спросить г. Кобдена, возможно ли при ныне существующей англиканской государственной церкви и английских законах уравнивание английских рабочих с Кобденами и Брайтами? Далее г. Кобден стремился доказать на основании писем лорда Стратфорда де-Редклиффа и консульских агентов Англии, что среди христианского населения Турции царит общее недовольство, которое может закончиться общим восстанием. В связи с этим мы снова позволим себе спросить г. Кобдена, не царит ли среди всех народов Европы общее недовольство своими правительствами и своими

правлящими классами и не может ли это недовольство закончиться всеобщей революцией? Если бы Германия, Италия, Франция или даже Англия подверглись, как это случилось с Турцией, нашествию иностранной армии, враждебной их правительствам и разжигающей мятежные страсти,— сохранили ли бы эти страны столь долго спокойствие, как сохраняло его христианское население Турции?

Вступив в войну в защиту Турции, Англия, по мнению г. Кобдена, воевала бы за господство над оттоманским населением Турции и против интересов большинства турецкого народа. Между русской армией, с одной стороны, и турецкой — с другой, происходит спор, который можно бы назвать религиозным спором. Интересы Англии связывают ее с Россией. Ее торговля с Россией приняла огромные размеры. Правда, вывоз ее в Россию выражается в сумме всего лишь 2 000 000 фунт. стерлингов, но это является лишь временным результатом того, что Россия все еще питает протекционистские иллюзии. Зато Англия ввозит из России товаров на 13 000 000 фунт. стерлингов. За исключением Соединенных Штатов, нет такой страны, с которой Англия вела бы столь обширную торговлю, как с Россией. Если Англия собирается воевать, то почему она отправляет в Турцию сухопутные войска, а не пользуется исключительно своим флотом? Если настало время для борьбы между казачеством и республиканизмом, то почему Пруссия, Австрия, остальные немецкие государства, Бельгия, Голландия, Швеция и Дания остаются нейтральными, тогда как Франции и Англии приходится воевать без чьей-либо помощи? Если данный вопрос имеет значение для всей Европы, то почему бы не проявить военного усердия тем, кто находится под непосредственной угрозой? В заключение г. Кобден заявил, что «он против войны с Россией». По его мнению, «лучше всего прибегнуть к венской ноте».

Лорд Джон Меннерс заявил, что, по его мнению, правительство заслуживает порицания за свою беспечность и ложную самоуверенность. Сообщения, переданные вначале правительствам России, Франции и Турции лордом Кларендоном, который, вместо того, чтобы действовать заодно с Францией, упорно отказывался от такого сотрудничества и довел до сведения российского правительства, что Англия не будет сотрудничать с Францией, побудили российского императора отдать князю Меншикову приказ, повлекший за собой всю эту катастрофу. Неудивительно, что, когда Англия, наконец, сообщила о своем намерении предпринять решительные шаги в Константинополе, у французского правительства должно было возникнуть некоторое сомнение в искренности правительства ее

величества. Не Англия посоветовала Порте отвергнуть ультиматум князя Меншикова, а, наоборот, министры султана действовали на свой собственный страх, причем у них не было никакой надежды на помощь Англии. Предпринятые английским правительством после занятия русскими княжеств продолжительные дипломатические переговоры нанесли большой ущерб интересам Турции, но оказались весьма выгодными для России. Россия завладела княжествами без объявления войны, чтобы предотвратить расторжение договоров, бывших для нее реальным средством давления на Турцию. Поэтому, когда Турция объявила войну, было уже неудобно требовать возобновления этих договоров как основы для переговоров. Главный и действительно актуальный вопрос заключается в следующем: какие цели преследует правительство, вступая в эту ужасную борьбу? Нам обычно заявляют, что надо поддержать честь и независимость Турции; несомненно, однако, что под этим заявлением следует понимать нечто иное, гораздо более специфическое.

Г-н Хорсфолл старался опровергнуть ложные выводы г. Кобдена. Сущность вопроса не в том, что представляет собою Турция, а в том, что стало бы с Турцией, если бы Россия включила ее в свои владения. Иначе говоря, вопрос сводится к следующему: быть ли русскому императору также императором турецким? Для России существует только одна задача — усилить свое политическое влияние при помощи войны. Ее цель — территориальные приобретения. Начиная с чудовищной живости, которой отличался первый шаг, сделанный в этом направлении российским самодержцем, и кончая зверской резней под Синопом, его деятельность характеризуется жестокостью и обманом и вообще преступлениями, необычными даже в летописях России, — страны, вся история которой представляет собой сплошное преступление, — и тем более ужасными, что царь позволял себе кощунственно ссылаться на христианское учение, основы которого он так грубо попирает. Напротив, поведение намеченной жертвы было прекрасно. Затем г. Хорсфолл изо всех сил старался оправдать колебания правительства тем затруднительным положением, в котором оно очутилось. Отсюда, мол, его дипломатическая нерешительность. Если бы против самодержца выступили сообща все европейские правительства, все опытейшие дипломаты, они не могли бы поставить его в более тяжелое, затруднительное, безвыходное, чреватое опасностями и потерями положение, нежели то, в котором он теперь очутился либо из-за ошибки наших министров, либо благодаря ловкости своих министров. Полгода тому назад император Николай был главным блюстителем порядка и законности в Европе; ныне он выступил,

сбросив маску, в качестве величайшего революционера. Потерпев неудачу в своих политических интригах, не добившись военных успехов в Азии, получив сильные удары от турок на Дунае, царь начал обнаруживать такую быстроту падения, которой можно только радоваться. Ныне правительство обязано, в случае возобновления военных действий, позаботиться об обеспечении мира исключительно на таких условиях, которые представляли бы достаточную и верную гарантию от повторения подобного нападения в будущем. По мнению оратора, одно из условий, необходимых для восстановления мира,— следующее: Россия должна возместить Турции расходы, которые она вынуждена была понести, а Турция должна в качестве материальной гарантии получить обратно отнятые у нее Россией территории.

Г-н Друммонд заявил, что, по его мнению, мы собираемся вступить в религиозную войну и предпринять новый крестовый поход в защиту могилы Готфрида Бульонского, которая пришла уже в состояние такого разрушения, что на ней и присесть нельзя. Как выясняется, виновником злодеяния с самого начала является папа римский. Англия ни в малейшей степени не заинтересована в турецком вопросе, а война между Англией и Россией не может быть доведена до победного конца, так как они вечно воевали бы друг с другом, но никогда не нанесли бы друг другу никакого ущерба. «В настоящей войне вы можете получить только тяжкие удары». Г-н Кобден не так давно предлагал обуздать Россию, а если бы он это сделал теперь, он избавил бы Англию от массы хлопот. В действительности сейчас идет спор о том, кто должен наряжать идиолов гроба господня: парижские торговцы модными товарами или петербургские купцы. Английское правительство вдруг обнаружило, что Турция — его старая союзница и без нее нельзя сохранить в Европе политическое равновесие. Но как же случилось, что Англия никогда не видела этого раньше — до того, как отняли у Турции все греческое королевство, или до того, как она потерпела поражение при Наварине, которое, помнится, лорд Сент-Хеленз охарактеризовал как решающий бой лишь тогда, когда мы нанесли сокрушительный удар провинившимся. Почему Англия не додумалась до этого, когда русские перешли через Балканы и когда она могла оказать Турции реальную помощь своим флотом? Лишь теперь, когда она довела Оттоманскую империю до последней степени дряхлости, она считает, что может поддержать эту неустойчивую державу якобы для сохранения равновесия. Сделав несколько колких замечаний по поводу неожиданного восхищения Бонапартом, г. Друммонд спросил: кто должен быть

военным министром? Все члены правительства достаточно постарались показать, что руль государственного корабля в слабых руках. Оратор не верит, чтобы каждый адмирал или генерал могли чувствовать себя в безопасности за спиной нынешнего правительства. Последнее любого из них принесет в жертву, чтобы угодить той или иной партии в палате. Если оно твердо решило воевать, оно должно нанести удар в самое сердце России, а не тратить зря снаряды в Черном море. Оно должно прежде всего провозгласить восстановление Польского королевства. Оратор особенно добивался информации относительно намерений правительства. «Глава правительства,— сказал г. Друммонд,— обычно гордится своим умением хранить тайну и как-то заявил, что он хотел бы видеть того, кто добился бы у него сведений, которых он не намерен оглашать. Это заявление напоминает мне следующий анекдот, который я слышал однажды в Шотландии: один шотландец отправился в Индию и по возвращении в Англию привез жене в подарок попугая, который великолепно говорил. Один из соседей, не желая отставать, поехал в Эдинбург и привез оттуда жене большую сову. Когда ему заметили, что сову никогда не удастся научить говорить, он ответил: Совершенно верно. Зато подумайте, как она глубокомысленно молчит»...

Г-н Бэтт заявил, что данный случай — первый после революции, когда правительство является в палату и испрашивает военные кредиты без ясной и подробной мотивировки своего предложения. В юридическом смысле слова Англия еще не находится в состоянии войны. Ввиду этого палата, вотируя требуемые кредиты, в праве знать, что задерживает объявление войны России. Ведь положение английского флота в Черном море весьма двусмысленно! Адмиралу Дендасу приказано отеснить русские суда в один из русских портов. А что, если он, выполняя этот приказ, уничтожит тот или иной русский корабль, когда мирные отношения с Россией формально еще не прерваны? Смогут ли министры найти оправдание подобному положению? Оратор надеется, что палате объяснят, должна ли она поддерживать столь унижительные условия, согласно которым Турция для заключения мира с Россией должна отдаться в руки Англии и Франции? Если такова политика Англии, то, стало быть, от парламента требуется теперь утверждение дополнительного военного кредита не для обеспечения независимости Турции, а для ее порабощения. И г-н Бэтт выразил некоторое подозрение, не являются ли военные приготовления, о которых шла речь, лишь показной затеей министров с целью заключения позорного мира.

Военный министр С. Герберт произнес пошлейшую и скучнейшую речь, какую нельзя было ожидать даже от министра коалиции в момент столь острого кризиса. Правительство очутилось между двух огней; оно никак не могло выяснить, каково же подлинное мнение палаты по данному вопросу. У благородных джентльменов, представителей оппозиции, — то преимущество, что они имеют дело с фактами; они критикуют прошлое; правительству же не приходится оперировать фактами: оно должно только делать предположения насчет будущего. Оно склонно вступить в эту войну не столько для защиты Турции, сколько для сопротивления России. Вот и все, что палата узнала из уст бедного Герберта «насчет будущего». Впрочем, он сообщил еще нечто совершенно новое. По словам Герберта, «г. Кобден отражает настроение крупнейшего класса в английском народе». Когда все фракции палаты стали опровергать это утверждение, Герберт добавил: «Благородный депутат является представителем если не крупнейшего класса, то, по крайней мере, значительной части рабочего класса нашей страны». Бедный Герберт! Положительно отрадно стало, когда после него выступил Дизраэли, и болтуна сменил подлинный полемист.

Дизраэли, намекая на театральную декламацию, которую лорд Джон Россель закончил свою речь в пятницу вечером, начал со следующего заявления: «Я всегда считал, что любой народ, а наш в особенности, обнаружил бы гораздо больше готовности и охоты нести неизбежное бремя войны, если бы он действительно знал, из-за чего он воюет, нежели когда его гонят в бой, разжигая его страсти пламенными призывами и используя его возбуждение; последнее средство, может быть, в самом начале выгодно тому или иному министру, но оно же спустя несколько месяцев неизбежно должно повлечь за собой реакцию неведения, а то и катастрофу». Так было с войной 1828 — 1829 гг., в которой Англия участвовала на стороне России, а не Турции. Создавшуюся теперь для Турции сложную обстановку, так же как и то отчаянное положение, в котором она недавно очутилась, следует целиком приписать упомянутой войне, в которой Англия и Франция объединились против Турции. В то время не было такого депутата палаты общин, который действительно имел бы хоть какое-нибудь представление о причинах их вмешательства в войну или о той цели, которую хотели осуществить, когда стремились подорвать силы Турции. Поэтому нужно иметь ясное представление о причине и целях нынешней войны. Узнать это можно только по «Синим книгам». О том, что привело к нынешнему положению вещей, приходится

узнавать непосредственно из лежащих тут же, на столе, донесений. Изложенная в них политика подготовляла будущее, которое, если верить министрам, всецело поглощало их внимание. Оратор поэтому протестует против доктрины сэра Джемса Грехема. Г-н Герберт только что протестовал против оглашения отдельных страниц из этих донесений. Дизраэли не может дать обещания огласить в палате все эти «Синие книги» целиком. Все же, если бы возражение достопочтенного джентльмена было признано справедливым, ему бы, очевидно, оставалось сделать только это.

По общепринятому мнению всех знатоков восточного вопроса, а также по его личному мнению, у России не было никакого намерения насильно покорить Оттоманскую империю, она лишь хотела при помощи искусной политики и усовершенствованных методов получить и оказывать такое влияние на христианское население Турецкой империи, которое создало бы ей авторитет, каким она могла бы пользоваться, если бы овладела, скажем, столицей султанской державы. В начале этих переговоров сам граф Нессельроде в своих донесениях от января и июня 1853 г. ясно и отчетливо изложил политику России. Она хотела добиться преобладания, оказывая особое влияние на 12 000 000 человек, составляющих огромное большинство подданных султана. В адресованных английскому правительству русских депешах не только указывается, какова эта политика: там не менее откровенно сообщается английскому правительству о способе ее осуществления — не путем завоевания, а сохраняя существующие договоры и расширяя толкование этих договоров. Таким образом, уже в самом начале этого серьезного спора основанием для дипломатической кампании оказался договор — трактат, подписанный в Кучук-Кайнарджи. В силу этого договора христианские подданные Порты находятся под особым покровительством султана. Россия же толкует этот договор иначе, заявляя, что христианские подданные султана находятся под покровительством царя. В силу того же договора Россия может делать представления в защиту своей новой церкви (одно из зданий на улице Бей-Оглы); русские же толкуют данную статью договора в том смысле, что Россия в праве выступать в защиту любой церкви греческого толка и, разумеется, всех греческих религиозных общин, находящихся на подвластной султану территории и составляющих огромное большинство его подданных. Таково откровенное русское толкование Кучук-Кайнарджийского договора.

С другой стороны, из донесения сэра Гамильтона Сеймура от 8 января 1853 г. видно, что граф Нессельроде сообщил сэру Гамиль-

тону, а последний лорду Кларендону, что «необходимо поддержать русскую дипломатию демонстрацией силы». Согласно тому же донесению, основанием для уверенности графа Нессельроде в том, что вопрос получит удовлетворительное разрешение, служили «усилия, которые должны были приложить послы ее величества в Париже и Константинополе». Россия, следовательно, одновременно объявила, что демонстрация силы является только демонстрацией, а цель должна быть достигнута мирным путем, усилиями английских послов в Париже и Константинополе. «И вот, сэр, — продолжал Дизраэли, — я хотел бы знать, как эти послы, — после такого изложения цели, такого описания методов и, наконец, имея перед собой такую дипломатию, — отнеслись к подобной комбинации?»

Вопроса о святых местах незачем касаться. Его действительно вскоре урегулировали в Константинополе. Даже граф Нессельроде уже в самом начале переговоров выразил удивление и удовлетворение и засвидетельствовал миролюбие Франции. Тем не менее, в продолжение всего этого времени происходило скопление русских войск на турецких границах, а граф Нессельроде то и дело сообщал лорду Кларендону, что его правительство потребовало бы равноценного возмещения за привилегии, утраченные греческой церковью в Иерусалиме, если бы оно не затруднялось определить его. В то время упоминалась даже миссия князя Меншикова, как это явствует из разных донесений сэра Гамильтона Сеймура. Лорд Джон Россель на-днях заявил, что граф Нессельроде вел себя, как мошенник. С другой стороны, тот же лорд Джон Россель признался, что граф Нессельроде неоднократно заявлял, что его император потребовал бы равноценной компенсации за греческую церковь; вместе с тем он жаловался на то, что граф Нессельроде никогда не говорил, чего он хочет. «Негодный граф Нессельроде! (Смех.) Мошенническая двойственность русских государственных деятелей! (Смех.) Почему благородный лорд не мог раздобыть нужной ему информации? Зачем сэру Гамильтону Сеймуру сидеть в Петербурге, если у него нельзя потребовать нужной информации?» Если граф Нессельроде никогда не говорил благородному лорду, чего он хочет, это объясняется тем, что благородный лорд никогда не решался обращаться к нему с соответствующими запросами. В той стадии переговоров послы обязаны были поставить перед петербургским кабинетом вопрос ребром. Если русское правительство не могло определить своих требований, надо было заявить, что английское правительство отказывается от своей дружественной миссии в Париже и Константинополе.

Когда лорд Джон Россель оставил свой пост и его сменил лорд

Кларендон, характер дипломатической процедуры изменился в пользу России. Заняв пост министра иностранных дел, лорд Кларендон должен был составить инструкции для отправляющегося к месту службы посла королевы, лорда Стратфорда де-Редклиффа. Что же это были за инструкции? В то время как Турция испытывает крайнюю нужду и величайшие затруднения, ее поучают насчет внутренних и экономических реформ. Ей указывают, что поведение Порты должно отличаться величайшей умеренностью и благоразумием, а именно: она должна выполнить требования России. Тем временем правительство попрежнему не запрашивало точных объяснений относительно намерений России. В Константинополь прибыл князь Меншиков. Получив чрезвычайно тревожные сообщения от полковника Роуза и предостерегающие донесения сэра Гамильтона Сеймура, лорд Кларендон в письме к английскому послу в Париже, лорду Каули, осудил приказ полковника Роуза об отправке британского флота, выразил сожаление по поводу отданного французскому адмиралу приказа отплыть в греческие воды, удостоив Францию презрительным поучением насчет того, что «политика подозрительности неблагоразумна и небезопасна», и заявил о своем полном доверии к русскому императору, торжественно заверившему, что он сохранит Турецкую империю. Затем лорд Кларендон пишет своему послу в Константинополе о своей полной уверенности в том, что цели, преследуемые миссией князя Меншикова, «независимо от того, каковы они, не подвергают опасности ни власть султана, ни неприкосновенность его владений». Лорд Кларендон дошел даже до того, что порицал оставшегося одиноким в Европе союзника Англии, заявив, что если Англия опасается затруднений на Востоке, то только из-за позиции, которую Франция одно время занимала в вопросе о святых местах. В соответствии с этим граф Нессельроде поздравил лорда Эбердина с «beau rôle» (прекрасной ролью) (в «Синей книге» переведено: important role — важной ролью), которую он сыграл, оставив Францию «isolée» (изолированной).

1 апреля Англия благодаря полковнику Роузу узнала о *тайной* конвенции, которой требовала Россия от Турции. Лишь спустя 10 дней в Константинополь прибыл лорд Стратфорд и подтвердил все сообщенное полковником Роузом. После всего этого лорд Кларендон 16 мая пишет сэру Гамильтону Сеймуру: «Представленные российским императором объяснения (последние в «Синих книгах» не приведены) дают нам право не разделять, а игнорировать опасения, вполне естественно вызванные во всей Европе действиями князя Меншикова и военными приготовлениями на юге России».

После этого граф Нессельроде свободно мог сообщить 20 июня лорду Кларендону, что Россия заняла княжества. В этом документе граф Нессельроде заявляет следующее: «Император сохранит оккупацию этих провинций в качестве залога впредь до получения удовлетворения; действуя таким образом, он попрежнему верен заявлениям, сделанным им английскому правительству; сносясь с лондонским кабинетом по вопросу о военных приготовлениях, совпавших с началом переговоров, он не скрывал от него, что еще может наступить такое время, когда он вынужден будет прибегнуть к помощи Англии, и приветствовал английское правительство в связи с проявленными им дружественными намерениями, противопоставив его поведение—поведению Франции и возложив всю вину за последующие неудачи князя Меншикова на лорда Стратфорда». После всего этого лорд Кларендон 4 июля пишет циркуляр, в котором он еще уповает на справедливость и умеренность императора, ссылаясь на его неоднократные заявления о том, что он не посягнет на неприкосновенность Турецкой империи. А 18 июля он пишет лорду Стратфорду, что «Франция и Англия, серьезно взявшись за дело, наверно могли бы ослабить Россию, но тем временем Турция подверглась бы разорению, от которого она не могла бы оправиться, а потому единственно правильный путь, это — мирные переговоры». Почему? Если этот аргумент годился тогда, он пригоден и теперь. Либо правительством руководило такое доверие, что оно приняло характер болезненного легковерия, либо же на его действиях сказалось потворство. Война вызвана характером переговоров, которые правительство ее величества вело в течение последних семи месяцев. Если бы английским правительством руководила доверчивость, Россия своим вероломным поведением могла бы ускорить борьбу, которая, может быть, окажется неизбежной, борьбу, которая обеспечила бы независимость Европы, безопасность Англии и цивилизации. Если же его поведение было продиктовано потворством, это была бы трусливая война, война нерешительная, безрезультатная или, вернее, она привела бы именно к тому результату, который имелся в виду в самом начале.

25 апреля лорд Кларендон сделал в палате лордов лживое заявление о том, что Меншикову поручено уладить спор относительно святых мест, хотя он и знал, что это противоречит действительности. Далее Дизраэли вкратце изложил историю венской ноты, чтобы продемонстрировать чрезвычайную глупость правительства или его политику потворствования петербургскому двору. Затем он перешел к третьему периоду, периоду перерыва, имевшего место между неудачей

венской ноты и сражением у Синопа. В то время канцлер казначейства г. Гладстон, выступив на открытом собрании с речью, говорил о Турции в весьма пренебрежительном тоне. То же самое сделали полуофициальные газеты. Лишь благодаря энергии самих турок в положении и судьбах Турции произошла перемена, заставившая правительство заговорить другим языком. Однако, едва только окончилось сражение при Ольтенице, как приверженцы политики легковерия или политики потворства снова принялись за свое грязное дело. Тем не менее, синопская бойня снова вызвала симпатии к Турции. Эскадры получили приказ войти в Черное море. А что они сделали? Они вернулись в Босфор! Что же касается будущего, то лорд Джон Россель весьма туманно изложил условия англо-французского союза. Дизраэли рекомендует не смешивать сохранение равновесия сил с сохранением нынешнего территориального деления Европы. Будущее Италии зависит главным образом от признания этой истины.

После блестящей речи Дизраэли, которую я, разумеется, привел лишь в общих чертах, выступил лорд Пальмерстон, потерпевший полное фиаско. Он отчасти повторил речь, произнесенную им при закрытии предыдущей сессии, весьма неуверенно оправдывал политику правительства и опасливо следил за собою, чтобы не проронить лишнего словечка, не дать новой информации.

Затем, по предложению сэра Дж. Грехема, были приняты без прений некоторые поправки к проекту морского бюджета.

В конце концов, любопытнее всего то, что после столь бурных дебатов палате совершенно не удалось добиться у министров формального объявления войны России или объяснения, во имя чего Англия должна ввязаться в войну. В результате как палата, так и публика знают не больше того, что они знали до сих пор. Новой информации они так и не получили.

ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ. — ГРЕЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ. — АЗИЯ И РОССИЯ.

Лондон, 3 марта 1854 г.

В своем последнем письме я упомянул, что сэр Чарльз Нефир обязан своим назначением на пост главнокомандующего балтийским флотом публично сделанному им заявлению о недоверии к французскому союзу, жалобе на то, что Франция в 1840 году предала Англию, между тем как в действительности английское правительство конспирировало тогда с Николаем против Луи-Филиппа. Я должен был бы еще прибавить, что второй адмирал на Черном море, сэр Эдмунд Лайонс, во время своего пребывания на посту английского посланника в Греции заявил себя открытым врагом Франции и был удален с этого поста по представлению лорда Стратфорда де-Редклиффа. Итак, министры своими назначениями сделали все возможное, чтобы обеспечить рост противоречий, и притом не только между французским и английским командованием, но и между адмиралами и английским послом в Константинополе.

Эти факты нельзя отрицать и, конечно, они не могут быть опровергнуты тем, что Бонапарт в своей тронной речи к депутатам поздравляет себя с тесным союзом с Англией. *Entente cordiale* (сердечное согласие), конечно, несколько старше, чем восстановление императорского этикета. И самое замечательное в речи Бонапарта — не эти перепевы былых речей Луи-Филиппа и не раскрытие и изобличение властолюбивых планов царя, а в гораздо большей степени то, что он публично заявляет себя покровителем Германии и особенно Австрии против внешних противников и внутренних врагов.

Ратификация договора Порты с западными державами, включающего параграф, по которому Порты не имеет права заключить без их участия мир с Россией, едва лишь стала известна в Константинополе 5-го с. м., как уже представители четырех держав вступили с Портою в переговоры о будущем положении христиан в Турции. «Times»

от среды выдает истинную цель этих переговоров: «Положение различных частей Турецкой империи, которым фирманами и договорами уже даровано полное внутреннее самоуправление при условии признания суверенитета Порты, составляет прецедент, который без вреда для обеих сторон может быть распространен и далее и, быть может, указывает наилучший путь, каким можно помочь провинциям в их теперешнем положении».

Другими словами, коалиционный кабинет намерен охранять целостность Европейской Турции путем превращения Боснии, Кроации, Герцеговины, Болгарии, Албании, Румелии и Фессалии в своего рода Дунайские княжества. Если Порта примет эти условия, то, при победе турецкого оружия, это должно неминуемо повести к гражданской войне между самими турками. Теперь известно, что раскрытие виддинского заговора лишь ускорило греческий взрыв, который еще до того считался в Бухаресте делом решенным. Скутарийский паша концентрирует все свои войска для того, чтобы помешать черногорцам соединиться с восставшими греками.

Англо-французскую экспедицию приходится рассматривать как новый фокус, — по крайней мере, поскольку речь идет о *нынешних* намерениях правительства. Местом высадки назначен для французов Родосто, для англичан — Энос. Последний лежит на небольшом полуострове при входе в болотистую бухту, позади которой лежат обширные болота долины Марицы, несомненно чрезвычайно вредные для санитарного состояния лагеря. Он лежит не только вне Босфора, но и вне Дарданелл, и, чтобы достичь Черного моря, войска должны снова сесть на суда и вкусить все прелести морской поездки миль в 250 против течения проливов или пройти 160 миль по бездорожной стране, — поход, который, несомненно, займет две недели. Французы в Родосто находятся, по крайней мере, на Мраморном море и на расстоянии всего семи дней пути от Константинополя.

Что же предстоит войскам делать в этом невозможном положении? Очевидно, они предназначены либо идти в Адрианополь, чтобы там прикрывать столицу, либо, в худшем случае, соединиться на перешейке фракийского Херсонеса, чтобы защищать Дарданеллы. Так говорит «Times», ссылаясь на «авторитетные источники», и цитирует даже стратегические замечания маршала Мармона, чтобы подкрепить мудрость этого плана.

Сто тысяч французских и английских войск для защиты столицы, которой никто не угрожает и, быть может, в течение ближайших двенадцати месяцев и не может угрожать! Право же, они с таким успехом могли оставаться и дома.

Если этот план будет выполнен, то, поистине, это — наихудший из всех, какие можно было придумать. Он покоится на худшем виде оборонительного ведения войны, именно на том, который рассчитывает черпать силу в абсолютном бездействии. Но даже предполагая, что экспедиция должна иметь преимущественно оборонительный характер, ясно, что эта цель была бы лучше всего достигнута предоставлением туркам, обеспеченным таким резервом, возможности перейти в наступление или, по крайней мере, занять позицию, из которой было бы возможно предпринимать частичное наступление, поскольку это позволят обстоятельства. А в Эносе и Родосто французские и английские войска совершенно бесполезны. Но хуже всего, что армия в 100 000 человек с большим паровым транспортом, поддерживаемая парусным флотом в двадцать линейных судов, сама по себе представляет силу, способную к решительному наступлению в любой части Черного моря. Такая сила либо должна взять Крым и Севастополь, Одессу и Херсон, блокировать Азовское море, разрушить русские укрепления на Кавказском побережье и доставить полностью русский флот в Босфор, либо она понятия не имеет о своей собственной мощи и своих обязанностях как активной армии. Сторонники министерства уверяют, что такие операции будут предприняты после того, как 100 000 человек сконцентрируются в Турции, и что высадка первых дивизий в Эносе и Родосто имеет значение лишь маневра для введения врага в заблуждение. Но и в этом случае высаживать войска не прямо в каком-либо пункте побережья Черного моря — значит напрасно растрчивать время и силы.

Врага нельзя обмануть. Лишь только император Николай услышит об этой шумно возвещенной экспедиции 100 000 человек, он должен послать всех находящихся в его распоряжении солдат до последнего в Севастополь, Кафу, Перекоп и Иени-Кале. Нельзя сначала напугать своего противника грандиозным вооружением, а потом заставить его думать, что ему не хотят этим причинить ни малейшего вреда. Игра была бы слишком прозрачна, и если рассчитывали ввести русских в заблуждение такими жалкими приемами, то британская дипломатия в этом случае еще раз сделала явный промах.

Я полагаю поэтому, что те, кто выдумал эту экспедицию, просто хотят обмануть султана и, под предлогом нагнать на Россию как можно больше страха, будут стараться во всяком случае нанести ей как можно меньше вреда. Если Франция и Англия займут Константинополь и часть Румелии, Австрия — Сербию и, быть может,

Боснию и Черногорию, а Россия сможет укрепить свои позиции в Молдавии и Валахии, то это будет не чем иным, как разделом Европейской Турции. Турция очутится тогда в худшем положении, чем в 1772 году. Тогда, чтобы побудить императрицу Екатерину к очищению Придунайских княжеств, занятие которых грозило вызвать европейский конфликт, прусский король предложил первый раздел Польши, который должен был покрыть издержки русско-турецкой войны. Вспомним, что тогда Порта сначала ринулась в войну с Екатериной, чтобы защитить Польшу от прусского нападения, а, в конце концов, Польша была заложена на алтаре «независимости и неприкосновенности» Оттоманской империи.

Предательская политика промедления, проводимая коалиционным кабинетом, дала возможность московским эмиссарам выработать план и подготовить греческое восстание, которого так страстно ждал лорд Кларендон. Восстание началось 28 января и, по последним венским депешам, приняло к 13 февраля угрожающие размеры. Повидимому, области Акарнании и Этолии и части Илуссы и Делонии находятся в состоянии возмущения. В Эвбее, говорят, вспыхнуло восстание, по серьезному характеру своему не уступающее албанскому. Меньшее значение имеет то обстоятельство, что города Арта и Янина оставлены турками и заняты греками, так как господствующие над этими городами цитадели остаются в руках турецких войск, а, как мы знаем по многочисленным войнам между христианами и турками, в Албании в конечном счете обладание этими городами всегда зависело от обладания цитаделями. Над Центесским и Салоникским заливами и побережьем Албании будет объявлено осадное положение. В своем последнем письме я отметил, что одним из наиболее опасных для Порты последствий греческого восстания будет то, что оно даст западным державам предлог выступить в качестве посредниц между султаном и его подданными, вместо того, чтобы вести борьбу с Россией и таким образом вгонять греческих христиан в союз с царем. Как жадно хватаются державы за этот предлог, можно видеть из того, что одна и та же почта принесла известие, что Порта приняла предложенный Францией и Англией договор, что французский и английский посланники послали в помощь туркам два парохода и что британский посланник в Афинах сообщил кабинету короля Оттона о намерении Англии вмешаться в ход событий в повстанческих областях. Непосредственные результаты восстания с военной точки зрения характеризует венский корреспондент в сегодняшнем номере «Times'a» следующим образом: «За последние дни в виддинской глав-

ной квартире стал замечен некоторый упадок настроения, так как ожидавшиеся подкрепления получили контр-приказ и находятся теперь на пути в юго-западные области Турции. Известие о восстании христиан в Элире вызвало возбуждение среди арнаутов и албанцев на Дунае, и они громко потребовали разрешения вернуться домой. Бригадные генералы Гасан-бей и Солиман-паша потеряли всякое влияние на свои дикие войска. Пытаться удержать их насильно — опасно вследствие возможности открытого восстания; позволить им вернуться, — они на обратном пути опустошат христианские области. Если враждебное движение христиан на западе примет более угрожающие размеры, то западное крыло турецкой армии будет вынуждено к попятному движению, которое более чем уравнивает удар, нанесенный России вступлением союзных флотов в Черное море».

Таковы некоторые из первых результатов той политики «промедления», которую столь риторически восхваляют Грехем, Россель, Кларендон и Пальмерстон для оправдания министерской линии поведения в восточном вопросе. Когда в пятницу поздно вечером они получили известие, что царь, не дожидаясь отозвания английского посланника сэра Гамильтона Сеймура, самым резким и бесцеремонным образом приказал ему удалиться, они собрали два заседания кабинета: одно — в субботу, другое — в воскресенье после обеда. Результат их совещаний таков, что царю дается еще новая отсрочка от трех до четырех недель. Эта отсрочка дается в форме представления, в котором «царя настоятельно просят в течение пяти дней со дня получения настоящего сообщения дать торжественное заверение и обещание повелеть своим войскам очистить Придунайские княжества не позднее 30 апреля».

Обратите внимание, что в предложении этом не содержится угрозы *объявления войны* даже и на тот случай, если царь откажется последовать ему. Можно, конечно, сказать, — и «Times» говорит это, — что, несмотря на эту новую отсрочку, приготовления к войне усердно продолжаются. Но нужно заметить, что, с одной стороны, обещаемое западными державами решение принять непосредственное участие в войне парализует все активные действия Порты на Дунае, — а каждый день отсрочки в этой области ухудшает положение турок, так как дает русским возможность усиливать свой фронт и делает все более и более угрожающим греческое восстание в тылу дунайской армии; а с другой стороны, высадка войск в Эносе и Родосто может доставить затруднения султану, но, конечно, неспособна задержать русских.

Было условлено, что британская экспедиционная армия будет

состоять из 30 тысяч человек, а французская — тысяч из 80. Если бы в ходе событий обнаружилось, что Австрия только по видимости идет с западными державами, а на деле лишь прикрывает свое соглашение с Россией, Бонапарту пришлось бы очень пожалеть о таком в высшей степени непонятном раздроблении своих войск.

Есть еще одно восстание, которое можно рассматривать как отвлечение в пользу России, это — испанское. Всякое движение в Испании неизбежно вызывает трения между Францией и Англией. Как мы знаем из шатобриановского «Веронского конгресса», в 1823 году Франция вмешалась в испанские дела по подстрекательству России. Что англо-французское вмешательство 1834 года, приведшее в конце концов к разрыву «сердечного» соглашения между обоими государствами, направлялось из того же источника, можно заключить из того, что инициатором его был Пальмерстон. «Испанские браки» подготовили путь к свержению Орлеанской династии. В настоящий момент низложение «невинной» Изабеллы открыло бы возможность предъявления своих прав на испанский престол одному из сыновей Луи-Филиппа, герцогу Монпансье, и в то же время напомнило бы Бонапарту, что некогда один из его дядей занимал мадридский трон. Орлеанов поддерживали бы Кобурги, а Бонапарт боролся бы против них. Таким образом, испанское восстание, которое меньше всего можно считать народной революцией, должно послужить могучим средством для разрушения столь шаткого здания, как англо-французский союз.

Сообщают о заключении союзного договора между Россией, Хивой, Бухарой и Кабулом.

Что касается Дост-Мохаммеда, кабульского эмира, то было бы только естественно, если бы он попытался теперь отомстить Англии, своему вероломному союзнику. Ведь в 1838 году он предлагал Англии объявить России вечную кровную вражду, если это угодно английскому правительству, приказав убить агента, которого прислал к нему царь; и его гнев против Англии снова подогрет тою ролью, которую он вынужден был играть в 1839 году во время афганской экспедиции, когда он был свергнут с трона, а страна его была опустошена самым жестоким и бессовестным образом. Но что касается населения Хивы, Бухары и Кабула, которое состоит из правоверных мусульман-суннитов, в то время как персы исповедуют еретическое учение шиитов, то вряд ли можно предполагать, что они соединятся с Россией, союзницей которой является ненавидимая и презираемая ими Персия, против Англии, кажущейся союзницей падишаха, которого они считают верховным главою всех правоверных.

С некоторою вероятностью могла бы Россия рассчитывать на союзников в лице Тибета и татарского императора Китая, если бы он вынужден был удалиться в Манчжурию и отказаться от трона собственно Китая. Как вы знаете, китайские повстанцы предприняли настоящий крестовый поход против буддизма, разрушают его храмы и убивают бонз. Но религия татар — буддизм, а Тибет, признающий суверенитет Китая, являющийся местопребыванием великого Ламы, считается священным для верующих буддистов. Поэтому, если Тайпингвангу удастся изгнать из Китая манчжурскую династию, он потом вступит в религиозную войну с буддистскими татарами. А так как буддистское вероисповедание господствует по обе стороны Гималаев и Англия не может не поддерживать новую китайскую династию, то царь, несомненно, станет на сторону татарских племен, будет натравливать их на Англию и постарается разжечь религиозные восстания в самом Непале. Из последней восточной почты мы узнаем, что, «предвидя потерю Пекина, китайский император повелел губернаторам различных провинций посылать императорские доходы в Гетоль, свой старый родовой удел и нынешнюю летнюю резиденцию в Манчжурни, около 80 миль к северо-востоку от «Великой стены». Итак, в близком будущем можно ожидать великой религиозной войны между китайцами и татарами, которая перекинется и за пределы Индии.

КОШУТ. — ДИЗРАЭЛИ И ЮМ. — РУССКАЯ ПОЛИТИКА. — ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ. — ГРЕЦИЯ.

Лондон, 24 февраля 1854 г.

Пресса была встревожена большим количеством пустой болтовни относительно «воинственных приготовлений» Кошута и его «предполагаемых предприятий». Я узнал теперь случайно от одного польского офицера, который хочет ехать в Константинополь и советовался об этом с экс-правителем, что Кошут ему не советовал покидать Лондон. Он высказался отнюдь не в пользу участия венгерских и польских офицеров в теперешней турецкой войне, ибо они должны будут либо пойти под знаменем Чарторыйского, либо же отречься от своей христианской веры; первое противоречит его политике, второе — его принципам.

Впечатление, которое произвело мастерское разоблачение Дизраэли министерской политики, было столь глубоко, что кабинет всех талантов счел нужным сделать запоздалую попытку маленькой комедии «замазывания», которая была затеяна министрами и г-ном Юмом и разыграна в среду в заседании Нижней палаты. Лорд Пальмерстон закончил свое слабое возражение на эпиграмматическую альтернативу Дизраэли: болезненное «легковерие» или изменническое «потворство» — тем, что апеллировал от партий к беспристрастному приговору страны, а г-н Юм взял на себя задачу отвечать от имени страны, уподобляясь столяру Снегу, игравшему роль льва в «жесточайшей смерти Пирама и Тисбы». Г-н Юм всю свою парламентскую жизнь употребил на то, чтобы делать оппозицию приятной, вносить поправки и потом брать их обратно и т. п.; одним словом, он составлял так называемую «независимую оппозицию», арьергард каждого вигского министерства, на который последнее определенно может положиться, если бы, в случае опасности, его официальные сторонники обнаружили признаки колебания. Он — большой парламентский «гаситель» *par excellence*. Он — не только старейший член парламента, но еще независимый член, и не только независимый, но еще радикальный,

и не только радикальный, но еще педантичный и признанный Цербер общественного кошелька, миссия которого — давать возможность незаметно исчезать целым фунтам, в то время как он будет препираться из-за мелкой доли фартинга.

В первый раз в своей жизни, — заявил г-н Юм, — он поднимается со своего места не для того, чтобы осудить государственную смету, а для того, чтобы ее одобрить. Это необыкновенное событие, как он не преминул заметить, должно служить неопровержимым доказательством того, что министерство после незаслуженных клевет фракций не напрасно апеллировало к здравому смыслу страны и что с него должно быть торжественно снято обвинение в легковерии и потворстве. Его доказательства были чрезвычайно характерны. Чтобы спасти министерство от альтернативы: легковерие или потворство, — он доказывал легковерие министров в их переговорах с Россией. Он понял, следовательно, истинный смысл апелляции лорда Пальмерстона. Все, чего министерство добивалось, было снятие обвинения в *предумышленной* измене. А упрек в легковерии! Так что же? Разве сам великолепный лорд Грехем не сказал уже, что «великие души лишь с большим трудом решаются на подозрение». Так как угрожающая война есть следствие дипломатической неловкости самих министров, то она является, естественно, их войной, и поэтому они, по мнению г-на Юма, и являются более других людей способными с успехом ее вести. По мнению г-на Юма, относительная незначительность предлагаемого военного бюджета является убедительнейшим доказательством малых размеров предполагаемой войны.

Лорд Пальмерстон, само собою, очень благодарил Юма за вынесенный им от имени народа приговор и в награду за это осчастливил своих слушателей рассуждением о государственных документах, которые, по его мнению, палате и народу должны быть представлены не раньше, чем соответствующие дела не запутаются до такой степени, что опубликование документов станет совершенно бесполезным. Вот вся та запоздалая мудрость, которую коалиция, по зрелом размышлении, могла продемонстрировать. На долю ее руководителя, лорда Пальмерстона, досталась задача не только ослабить впечатление от речи противника, но и лишить всякого действия свою собственную театральную апелляцию от палаты к стране.

Во вторник вечером г-н Хорсфолл, представитель от Ливерпуля, поставил вопрос: «Предусмотрело ли правительство ее величества в договорах с иностранными державами меры на случай, если каперские суда **будут** в нейтральных гаванях вооружаться против

английских судов?» Ответ лорда Пальмерстона гласил: «Достопочтенный депутат и высокая палата должны сами чувствовать, что на такой вопрос, при теперешнем положении вещей, не может последовать разъясняющий ответ». «Morning Post», этот «Moniteur» Пальмерстона, замечает по поводу этого ответа своего хозяина следующее: «Благородный лорд не мог бы дать никакого иного ответа, как бы хорошо правительство ни было знакомо с этим делом, не входя в обсуждение самого щекотливого и трудного вопроса, который в настоящее время, быть может, и составляет предмет переговоров. Но если хотят эти последние привести к благоприятному результату, то нужно довериться естественному чувству справедливости держав, которые не пожелают в наш цивилизованный век вновь оживить узаконенное пиратство».

С одной стороны, орган лорда Пальмерстона объявляет, что «трудные вопросы», о которых идет речь, составляют предмет происходящих переговоров, с другой же стороны, что их надо предоставить «естественному чувству справедливости» участвующих держав. Если хвалесный договор о нейтралитете между Данией и Швецией не был продиктован из Петербурга, то он должен, само собой понятно, содержать запрещение этим государствам вооружать в своих гаванях каперские суда. В действительности же весь вопрос может касаться только Соединенных Штатов Америки, так как Балтийское море предполагается занять английскими военными судами, а Голландия, Бельгия, Испания, Португалия и итальянские гавани Средиземного моря находятся целиком в руках англичан и французов. Как же петербургский кабинет представляет себе роль Соединенных Штатов в случае, если турецкая война приведет к войне между Англией и Россией? Мы имеем возможность дать на этот вопрос точный ответ на основании одной депеши, которую Поццо-ди-Борго послал осенью 1825 г. графу Нессельроде. Россия тогда приняла решение вторгнуться в Турцию. Как и теперь, она пожелала и тогда начать с мирного занятия княжеств.

«Исходя из того, что этот план будет принят, — говорит Поццо-ди-Борго, — было бы необходимо войти в сношения с Портой путем посылки заявлений, составленных в самых умеренных выражениях, и заверить ее, что если она не желает ввергнуть себя в войну, то император согласен миролюбиво уладить эти разногласия».

Перечислив все меры, которые необходимо предпринять, Поццо-ди-Борго продолжает:

«Было бы желательно о всех этих действиях сообщить Соединенным Штатам Америки, чтобы тем показать уважение император-

ского кабинета и значение, которое он придает тому, чтобы информировать Америку и, может быть, получить от нее согласие».

На случай, если бы Англия связала себя с Турцией и повела войну против России, Поццо-ди-Борго замечает: «Если бы Англия блокировала наши гавани, она использовала бы свое мнимое морское право против нейтральных. Этого не потерпели бы Соединенные Штаты. Отсюда проистекли бы резкие разногласия и опасные положения».

Так как, по правильному замечанию русского историка Карамзина, «в нашей (русской) внешней политике ничего не меняется», то мы в праве допустить, что Россия в настоящий момент или, может быть, еще с февраля 1853 г. «о всех своих действиях сообщает Соединенным Штатам» и принимает все меры, чтобы склонить вашингтонский кабинет, по крайней мере, к нейтральной позиции. Одновременно она возлагает свои надежды, в случае войны с Англией, на возможные споры о «морском праве нейтральных», которые привели бы к «резким разногласиям и опасным положениям» и вовлекли бы Соединенные Штаты в более или менее гласный союз с Петербургом.

Раз я уже цитирую самую замечательную депешу Поццо-ди-Борго, то я заодно приведу уже и место, касающееся Австрии. Эта цитата, благодаря событиям, разыгравшимся в период времени с 1825 г. в Галиции, Италии и Венгрии, ничего не потеряла в злободневности. «Наша политика, — говорит Поццо, — требует, чтобы мы по отношению к этому государству (Австрии) делали запугивающее лицо и заставляли его нашими приготовлениями думать, что если оно посмеет предпринять что-либо против нас, то *над его головой разразится такая буря, какой оно еще никогда не переживало*. Князь Меттерних может либо объявить туркам, что наше вступление в княжества является шагом, вызванным ими самими, либо же может сам вторгнуться в *другие*, подходящие для него, провинции *Оттоманской империи*. В первом случае — это значит, что мы уже сговорились, во втором — что мы придем к соглашению. Единственно, чего мы должны бояться, это — открытого выступления против нас. Если князь Меттерних мудр, тогда он избежит войны; если он склонен к насилию, *он будет наказан*. По отношению к министерству, которое попало в такое положение, наше правительство найдет, в случае необходимости, тысячу путей для того, чтобы покончить с разногласиями».

Базарная речь лорда Джона — большой барабанный шум по поводу чести Англии, обильное изъявление негодования по поводу русского вероломства, картина пловучих батарей Англии,

крейсирующих под стенами Севастополя и Кронштадта, бряцание оружием и демонстративная посадка войск на суда — все эти драматические события совершенно свели с ума общественное мнение и так затуманили его глаза, что оно ничего больше не может видеть, кроме плодов своей собственной фантазии. Может ли быть большее самообольщение после всех разоблачений Синих книг об этом министерстве, чем думать, что оно внезапно переменялось и превратилось не только в министерство, способное вообще вести войну, но даже в такое министерство, которое могло бы вести против России какую-либо другую войну, кроме показной или такой, которая была бы как раз в интересах врага, против которого она якобы ведется? Рассмотрим условия, при которых эта война подготавливается.

Не последовало никакого формального объявления войны России. Истинные цели войны министерство отказывается открыть. Войска сажаются на корабли, без того, чтобы было точно известно их место назначения. Требуемая смета расходов слишком мала для большой и слишком велика для малой войны. Коалиция, прославившаяся гениальностью в изобретении предлогов для нарушения своих торжественных обещаний и оснований для отсрочки неотложнейших реформ, вдруг, в припадке величайшей добросовестности, чувствует себя обязанной выполнить чересчур поспешно данные обещания и осложняет переживаемый страной серьезный кризис тем, что поражает ее новым биллем о реформах, который кажется несвоевременным самым горячим реформаторам, не вызывается никаким давлением извне и со всех сторон встречается с величайшим равнодушием и подозрением. Не ясно ли, что план коалиции состоит в том, чтобы отвлечь общественное внимание от внешней политики путем возбуждения вопроса, имеющего значительный внутренний интерес.

Старания ввести публику в заблуждение касательно отношений Англии к иностранным государствам достаточно прозрачны. С Францией до сих пор не заключено никакого связывающего договора, но зато создан суррогат его в виде «обмена нот». Уже в 1839 г. Англия обменялась с кабинетом Луи-Филиппа подобными нотами, в силу которых соединенные флоты должны были войти в Дарданеллы и воспрепятствовать России одной или в союзе с другими державами вмешаться в восточные дела. И, тем не менее, мы все знаем, что из этого обмена нот вышли — Священный союз против Франции и Дарданелльский договор. Насколько искренно и серьезно мыслится франко-английский союз, видно из инцидента, который произошел во вчерашнем заседании Нижней палаты. Как вы могли видеть

из «Moniteur'a», Бонапарт угрожает греческим повстанцам и отправил правительству короля Оттона соответствующее представление. Когда сэр Дж. Уолли запрашивал министерство по этому поводу, лорд Джон Россель заявил, что «ему ничего не известно о соглашении между французским и английским правительствами и ему не удалось поговорить с министром иностранных дел по этому вопросу. Его впечатление таково, что это представление послано французским правительством без согласия и без участия со стороны английского правительства».

Если британское правительство намеревается вести серьезную войну с Россией, почему оно так упорно избегает обычной международной формы объявления войны? Если оно намеревается заключить серьезный союз с Францией, почему оно так заботливо избегает общепризнанных форм заключения международных союзов? Что касается немецких государств, то сэр Джеймс Грехем заявляет, что они заключили союз с Англией, а лорд Джон Россель, в противоречии с ним, в тот же вечер утверждает, что отношения с этими государствами в настоящий момент такие же, как и в начале восточных осложнений. Министры категорически заявляют, что они как раз теперь намерены окончательно урегулировать отношения с Турцией и предложить договор с нею. Они высаживают войска с целью занять Константинополь, не заключив предварительно договора с Турцией. Поэтому мы совершенно не удивились, узнав из одного письма из Константинополя, что тайный агент Порты был послан из Вены в Петербург, чтобы предложить царю частное соглашение. Корреспондент пишет: «После того как Турция убедилась в изменническом поведении и глупости своих друзей, она поступает только разумно, если мстит им тем, что заключает договор с мудрым врагом. Условия договора, которые первые хотят навязать Турции, в десять раз хуже, чем притязания Меншикова».

О действиях, к которым, по мнению английского министерства, призваны английские войска, можно составить себе правильное мнение, если представить себе, что сделали и в настоящий момент еще делают соединенные эскадры. Через двадцать дней после вступления в Черное море они вернулись назад, в Босфор. Несколько дней перед этим министры Порты, подчиняясь представлениям британского посланника, должны были засадить в тюрьму издателя греческой газеты «Télégraphe de Bosphore», потому что он в своей газете заявил, что английский флот, так же как и французский, в самый короткий срок вернется из Черного моря в Босфор. Редактор «Journal de Constantinople» был уполномочен заявить, что оба флота продолжают

свое пребывание в Черном море. В знак своей признательности за данное ему английскими и французскими адмиралами указание, русский адмирал послал 19-го с. м. два корабля для бомбардировки турок у Шефкатиля; русские суда крейсировали в виду Трапезунда, в то время как соединенные флоты не имели своих судов в Черном море, за исключением одного английского и одного французского корабля у Севастополя. Синоп и бомбардировка Шефкатиля русскими судами — вот единственные подвиги, которыми могут похвалиться соединенные флоты. Ссора между посланниками и адмиралами, приведшая к полному разрыву сношений между ними, — лорд Стратфорд де-Редклифф отказался принять адмирала Дендаса, а Барагэ д'Илье не допустил французского адмирала и его офицеров на свой официальный бал, — эта ссора имеет лишь подчиненное значение, так как дипломатические болтуны, которые чувствуют себя скомпрометированными опубликованием своих депеш в Лондоне и Париже, очевидно, стремятся во что бы то ни стало восстановить свой утерянный престиж, сколько бы кораблей и людей это ни стоило.

Серьезная сторона этого вопроса состоит в том, что гласные инструкции, данные посланникам, лишены значения благодаря тайным инструкциям, данным адмиралам, и что последние не в состоянии выполнить противоречивые инструкции. И как могут инструкции быть иными, если им не предшествовало объявление войны? С одной стороны, им приказывают атаковать русские суда, чтобы заставить их уйти из Черного моря в Севастополь, а с другой, — они не должны выходить из состояния простой обороны. Наконец, если бы имелась в виду серьезная война, как мог бы британский посол в Константинополе изображать в виде большого успеха, что ему удалось удалить с поста Мехмета-Али-пашу, вождя военной партии в турецком министерстве, и заменить его маклером мира Ризой-пашой, вручив в то же время пост главнокомандующего адмирала Мехмету-паше, креатуре Решида-паши.

Затем другой в высшей степени важный пункт. Высадка британских и французских войск была ускорена лишь после того, как в Лондон и Париж пришло известие, что в Албании вспыхнуло греческое восстание, распространившееся на Фессалию и Македонию. Как показывают депеши Росселя, Кларендона и Стратфорда де-Редклиффа, английский кабинет с нетерпением ожидал этого восстания, так как оно давало ему наилучший повод вмешаться в распри султана с его собственными христианскими подданными под предлогом посредничества между турками и русскими. С того момента, как латиняне вмешаются в дела греков (я употребляю здесь это слово лишь

в религиозном смысле), можно с уверенностью рассчитывать на соглашение одиннадцати миллионов жителей Европейской Турции с царем, который в этом случае действительно окажется их религиозным покровителем. Между мусульманами и их греческими (православными) подданными нет никакой религиозной распри, но религиозное возмущение против латинян образует, можно сказать, единственную общую связь между различными народами, населяющими Турцию и исповедующими православие. В этом отношении ничто не изменилось с того времени, как Магомет II осаждал Константинополь, с того времени, как Лука Нотарас, греческий адмирал, самый влиятельный человек в Византийской империи, публично заявил, что он охотнее увидит в столице триумф турецкого тюрбана, чем латинской шляпы, между тем как, с другой стороны, была в ходу венгерская поговорка, что христиане будут только тогда действительно счастливы, когда будут уничтожены проклятые греческие еретики и турки разрушат Константинополь. Поэтому всякое вмешательство западных держав в отношения между султаном и его православными подданными должно было благоприятствовать планам царя. Такой же результат получился бы, если бы Австрия вздумала, как она сделала это в 1791 году, занять Сербию под предлогом противодействия изменническим проискам русской партии в этом княжестве. Прибавлю еще, что в Лондоне ходит слух, будто греки Ионических островов поддержали и присоединились к восстанию эпиротов, которому английские власти не противодействовали, и что в субботнем номере «Times'a», органа коалиции, известие о греческом восстании приветствуется как весьма желательное событие.

Я, с своей стороны, не сомневаюсь, что за этими шумными военными приготовлениями коалиции кроется предательство. Бонапарт, разумеется, пускается в эту войну вполне серьезно. Ему не остается никакого другого выбора, как революция внутри страны или внешняя война. Он не имеет больше возможности продолжать сочетание жестокого деспотизма Наполеона I с коррупционной мирной политикой Луи-Филиппа. Ему придется отказаться от посылки все новых и новых партий арестантов в Кайенну, если он не осмелится одновременно дать французским армиям приказ перейти границу. Но конфликт между несомненными намерениями Бонапарта и тайными планами коалиции способен только еще более запутать положение. Из всего этого я отнюдь не заключаю, что войны не будет; наоборот, она примет такие ужасные и революционные размеры, которых и в отдаленной степени не подозревают маленькие людишки

коалиции. Именно их коварство является лучшим способом превратить местный конфликт во всеевропейский пожар.

Но даже если бы британское министерство было искренно в той же степени, в какой оно лживо, его вмешательство все равно лишь ускорило бы крушение Оттоманской империи. Министры не могут вмешаться без того, чтобы не потребовать от Порты гарантий для ее христианских подданных, а гарантии они могут у нее вынудить, лишь обрекая ее на гибель. Даже тот константинопольский корреспондент, которого я выше цитировал, заведомый туркофил, вынужден признать, что «предложение западных держав вполне уравнивать всех подданных Порты в гражданском и религиозном отношениях неминуемо повело бы к анархии, гражданским войнам и к окончательной и быстрой гибели империи».

БАНКРОТСТВО АВСТРИИ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Несмотря на грозящую опасность войны и настоятельную нужду, ни французскому, ни австрийскому правительству до сих пор не удалось укрепить нерв войны, т. е. добыть достаточно денег. Хотя французский министр финансов и дал главным откупщикам, *Crédit mobilier* и первым банкирам Парижа ряд обедов, обставленных чисто лукулловской пышностью, все же эти капиталисты оказываются неподатливыми, принадлежа к тому особому сорту патриотов, которые привыкли отождествлять свой личный интерес с общественным интересом посредством вытягивания из государства наиболее высокого процента (*interest*). Условия, на которых может быть реализован предполагаемый французский заем в 200 миллионов франков, остаются поэтому до сих пор неопределенными.

Что касается Австрии, то не подлежит никакому сомнению, что один из главных мотивов, побуждающих ее к дружественному отношению к западным державам, заключается в надежде восстановить таким образом доверие финансового мира и выпутаться из финансовых затруднений. Действительно, едва только официальная «*Wiener Zeitung*» успела сказать два-три слова о нейтралитете Австрии и добром согласии с Францией, как она сейчас же поразила публику неожиданным сообщением, что значительная часть коронных земель, составляющих шесть миллионов акров, предназначена в продажу, и опубликовала помеченный 23 февраля 1854 г. указ, по которому все государственные бумажные деньги, находящиеся в обращении с принудительным курсом, в сумме 150 миллионов флоринов, передаются Национальному банку, который, по мере надобности, обменивает их на банкноты, так что, по окончании этого обмена, все государственные бумажные деньги с принудительным курсом должны быть изъяты из обращения, и впредь таковые деньги не должны быть выпускаемы. При этом обмене императорское правительство отвечает перед банком за переданные ему государственные бумажные деньги, обязуется возместить банку все расходы по обмену и для уплаты

ежегодной суммы в размере не менее 10 миллионов флоринов до полного покрытия создаваемого таким образом долга предоставляет банку в качестве гарантии право на получение суммы из таможенных доходов государства, причем платежи должны покрываться в звонкой монете в той пропорции, в которой пошлины поступают в металлических деньгах. В то же время государство обязуется всеми мерами способствовать тому, чтобы банк имел возможность выполнять свои обязательства и возобновить платежи в звонкой монете. С своей стороны, банк, с целью предоставить держателям банкнот возможность превращать по желанию свои банкноты в процентный долг с выплатою процентов в металлической валюте, предпринимает выпуск процентных долговых обязательств, которые во всех отношениях приравниваются к государственным долговым обязательствам. Кроме того, казна намерена стянуть в свои руки и совершенно изъять из обращения все еще имеющиеся в нем обменные и авансовые свидетельства.

Превращение государственных бумажных денег с принудительным курсом в неразменные банкноты не уменьшит их количества и не улучшит их качества, а лишь упростит наименования выпускаемых бумажных денег. И так как для выкупа бумажных денег государство располагает теми самыми средствами, какие оно предоставляет банку, то оно могло бы само воспользоваться ими, если бы не знало, что недоверие к нему настолько велико, что кредит его может быть восстановлен только при помощи банка, не являющегося собственностью государства. Так зависимость императора от евреев венской биржи растет параллельно усилению военного характера его господства. В январе 1852 года он заложил им соляные копи в Гмундене, Ауссее и Шталлейне. В феврале 1854 года они получают залоговое право на таможенные доходы всей монархии. Шаг за шагом банк становится действительным, а правительство лишь все более и более номинальным собственником государства. Чем упорнее Австрия отказывается удовлетворить требования буржуазии на участие в политической власти, тем ниже должна она склоняться перед безжалостным деспотизмом одной части этого класса — финансистов-кредиторов.

Декрет, содержание которого мы выше изложили, облакает попытку заключения нового займа в форму содействия держателям банкнот путем превращения банкнот в процентные долговые обязательства, причем проценты выплачиваются в металлической валюте. В 1852 году правительство также обязалось выплачивать различные мелкие платежи и обязательства в металле, но так как налоги оно получало лишь в бумажных деньгах или банкнотах, оно было вы-

нуждено заключить в Лондоне и Франкфурте заем в 35 млн. флоринов. Новые займы, понятно, увеличивают старый дефицит, а увеличенный дефицит вызывает новый выпуск бумажных денег, инфляции которых и связанному с нею обесценению должны были противодействовать займы. Значительная разница, которую правительство проводит между платежами в металлических деньгах и в банкнотах, так же мало способна уничтожить дурную славу последних, как мало увеличение оборотных средств банка на 150 миллионов способно дать ему возможность выполнять свои обязательства и восстановить платежи наличными. Государство должно производить банку платежи металлом в той же пропорции, как поступают в металле пошлины; но известно, что не только австрийские крестьяне, но и обыватели маленьких городов так же любят прикапливание, как китайцы и индусы; в 1850 году они собирали даже медную монету, и в 1852 г. все налоги поступали в бумажных деньгах, хотя на них приходилось терять целых 17 процентов.

Кто знаком с историей австрийских финансов, тот не найдет ничего нового ни в обещаниях нового декрета, ни в тех советах, к которым теперь прибегают. Бумажные деньги были впервые выпущены в Австрии при императрице Марии-Терезии к концу Семилетней войны. Первоначально они состояли из банковых билетов, которые разменивались государственными учреждениями на серебро. В 1797 году финансовые затруднения вследствие войны против Франции заставили правительство отменить размен на серебро. В то время как первый выпуск при Марии-Терезии составлял 12 миллионов флоринов, к 1809 г. общая сумма банковых билетов достигла 1 060 793 653 флоринов, а обесценение их — максимума. 20 февраля 1811 года правительство опубликовало указ, по которому банковые билеты совершенно изымались из обращения и обменивались по курсу 20 процентов на новые бумажные деньги так называемой «венской валюты» (отсюда название — обменные свидетельства). Правительство объявило эти свидетельства действительными деньгами монархии и обещало, что они никогда не будут выпускаться в количестве большем, чем необходимо для обмена банковых билетов. В мае 1811 года «венская валюта» уже упала в курсе на 8 процентов, и были выпущены авансовые свидетельства (*Antizipationsscheine*), названные так потому, что ими авансировалась часть налоговых поступлений за 12 лет вперед. Действительно, первый выпуск составлял только 45 миллионов флоринов; для их выкупа в течение 12 лет была назначена ежегодная сумма в $3\frac{3}{4}$ миллиона, которая должна была черпаться из поземельного налога.

Но вследствие войны один выпуск авансовых свидетельств быстро следовал за другим, сопровождаясь каждый раз обесценением. В 1815 году лаж на серебро по сравнению с «венской валютой» достиг 400 процентов. 2 июня 1816 года появился императорский указ, объявлявший, что впредь государство не будет больше прибегать к неразмненным бумажным деньгам, что находящиеся в обращении бумажные деньги должны быть изъяты и основой валюты должны стать металлические деньги. Для выполнения этих обещаний 18 января 1818 года был учрежден привилегированный Национальный банк, с которым правительство предварительно заключило соглашение, возлагавшее на него обязанность обменять неразмненно-бумажные деньги. И все же в июне 1852 года мы снова слышим уверение министра финансов в правительственном органе, что впредь принудительные займы, чрезвычайные налоги, уменьшение стоимости денег не будут иметь места ни в коем случае, что австрийские деньги, если не сейчас, то, несомненно, в будущем, будут без потери обменены на металлические деньги и что вновь проектируемые займы предназначены для уничтожения государственных бумажных денег и выплаты государственного долга банку. Не может быть лучшего свидетельства несостоятельности таких обещаний, чем их периодическое повторение.

В эпоху Марии-Терезии австрийское государство было достаточно сильно, чтобы выпускать свои собственные бумажные деньги, разменивавшиеся на звонкую монету и даже имевшие лаж по отношению к серебру. В 1818 году, чтобы выкупить свои бумажные деньги, государство вынуждено было учредить привилегированный банк, составлявший собственность частных капиталистов; этот банк получил преимущества, весьма тягостные для государства, но был обязан выпускать разменные билеты. В 1854 году правительство обращается за помощью к банку, билеты которого так же обесценены и стали такими же неразмненными, как и билеты самого государства.

Хотя с 1815 по 1846 г. Австрия почти без перерыва пользовалась благами мира и внутреннего спокойствия, первый же удар после этого долгого периода застал ее совершенно неподготовленною. Краковское восстание и галицийские беспорядки в конце февраля 1846 года повысили государственные расходы более чем на 10 миллионов по сравнению с 1845 годом. Важнейшею причиною этого повышения были издержки на армию; в 1845 году они составляли 50 624 120 флоринов, а в следующем году повысились на 7 миллионов; издержки на гражданское управление провинций возросли на 2 миллиона. В 1847 году торговый кризис и плохой урожай вызвали значительное понижение налоговых поступлений, между тем как во-

енный бюджет, главным образом вследствие итальянских беспорядков, поднялся до 64 млн. Дефицит этого года равнялся 7 млн. В 1848 и 1849 гг. прекратилось поступление доходов из всех провинций, и к этому присоединились военные издержки в Италии и Венгрии. Дефицит составлял в 1848 г. 45 млн., в следующем году — 121 млн. В 1849 г. были выпущены в размере 76 млн. трехпроцентные казначейские свидетельства с принудительным курсом. Задолго до того банк приостановил платежи наличными, и его эмиссии были объявлены государством неразменными. 1850 год дал дефицит в 54 млн., а опасность войны с Пруссией понизила курс бумажных денег на 60 процентов. Общая сумма выпущенных с 1849 по 1851 год государственных билетов составляла 219 млн. В 1852 году дефицит был на 8 млн. больше, чем в 1848 году, и на 46 млн. больше, чем в 1847 году. В 1851 году военный бюджет составлял 126 млн., т. е. был как раз вдвое больше, чем в 1847 г. В 1852 году расходы на полицию составляли свыше 9 млн., в четыре раза больше, чем в 1848 г. В 1853 году издержки на полицию и армию возросли еще более.

Действительная проблема состоит не в том, чтобы решить, как Австрия попала в этот финансовый тупик, а в том, чтобы объяснить, каким образом она, увязнув в бумажной валюте и в долгах, все же смогла избежать открытого банкротства. В 1850 году государственные доходы составляли 196 млн. флоринов, на 74 больше, чем в 1848 году, и на 42 больше, чем в 1849 г. В 1851 году государственные доходы достигали 219 млн., на 23 больше, чем в 1850 г. В 1852 году государственные доходы достигли суммы в 226 млн., прирост по сравнению с 1851 годом более чем на 6 млн. Итак, мы видим, что государственные доходы непрерывно растут, хотя и не всегда в той пропорции, как в 1850 году.

Откуда этот рост доходов? Если оставить в стороне чрезвычайные доходы в виде сардинского военного вознаграждения и ломбардско-венетских конфискации, то превращение австрийского крестьянина в свободного землевладельца повысило податную силу деревни и доходы с поземельного налога. Одновременно отмена патримониальных судов перевела в кассу государства доходы, которыми прежде пользовалась аристократия в силу своей судебной власти, а этот источник доходов становится с 1849 г. все обильнее. Далее, значительное увеличение дается подоходным налогом, введенным указом 29 октября 1849 г. В итальянских провинциях Австрии налог этот оказался особенно доходным. В 1852 году, например, повышение подоходного налога в немецких и славянских провинциях составляло

601 366 флоринов, а в одних итальянских — 639 924 флорина. Но важнейшей причиной, предохранившей Австрийскую империю от формального банкротства, было, несомненно, покорение Венгрии и уравнение ее с другими провинциями в отношении обложения.

Основу всей австрийской податной системы составляет поземельный налог. 23 декабря 1817 г. появился императорский указ, в котором император Франц возвещает свое намерение построить поземельный налог единообразно для всех своих немецких, славянских и итальянских провинций. В одном параграфе этого указа повелено не допускать впредь освобождения от поземельного налога «в зависимости от личных преимуществ землевладельца или домовладельца», и в общем этот принцип проводился в жизнь. В австрийском эрцгерцогстве в 1834 году был организован новый кадастр, и оно было первою наследственною областью, в которой вступила в силу новая система. Австрийская Ломбардия обладала превосходным кадастром со времени Карла VI, так называемым *Censimento Milanese*. Венгрия же и Трансильвания отнюдь не несли в равной мере с другими провинциями империи тяжесть поземельного и других налогов. По венгерской конституции те венгерские землевладельцы, в чьих руках была сосредоточена большая часть земли, были освобождены от платежа прямых налогов, и даже косвенные налоги, падавшие на другие области, для Венгрии и Трансильвании не были тяжким бременем. Население Венгрии, Трансильвании и пограничного военного округа составляло в 1846 году 14 549 958 человек, а других областей — 22 901 675 человек, так что первые должны были бы давать семь восемнадцатых доходов. На самом же деле они дали в 1846 году только 23 миллиона, что составляло несколько менее одной седьмой общей суммы доходов, достигавшей 164 миллионов. Венгерские провинции занимают 5 855 немецких квадратных миль из 12 133, составляющих всю площадь австрийской монархии, т. е. половину ее территории.

Император Иосиф II, главная цель которого состояла в централизации и полной германизации империи, по собственному произволению ввел в Венгрии новшества, которые должны были уравнять ее положение с положением других провинций. Но его мероприятия так подействовали на венгерское общество, что к концу своей жизни он даже боялся, что венгерцы так же восстанут, как нидерландцы.

Императоры Леопольд II, Франц I и Фердинанд I не осмеливались повторить опасный эксперимент. Этот факт и препятствия, которые ставила венгерская конституция налоговому уравнению, перестали действовать после того, как венгерская революция была

задушена с русской помощью. Император Франц-Иосиф никогда не давал присяги на верность венгерской конституции; поставленный императором на место Фердинанда именно потому, что он никогда не делал этого, он сразу ввел поземельный налог в том же виде, как он существовал в других коронных областях. Кроме того, отмена с 1 октября 1850 года венгерской внутренней таможенной черты сделала монархию единой территорией в смысле пошлин и сборов. Налог с потребления и табачная монополия были также введены здесь с 1 марта 1851 года. Увеличение одних только косвенных налогов в венгерских провинциях составляло в 1851 году 11,5 миллионов, а в 1852 году — около 8.

Неоспоримый вывод, следовательно, таков, что с владением Венгрией и Ломбардиею связано не только политическое, но и экономическое существование австрийской монархии; с их потерей давно отсрочиваемое государственное банкротство станет неизбежным.

РУССКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Русские отступили от Калафата и, как говорят, изменили весь свой операционный план. Таков славный конец усилий и опасностей трехмесячного похода, совершенно истощившего последние ресурсы Валахии. Таков плод непонятого похода в Малую Валахию, который, повидимому, был предпринят с полным игнорированием самых элементарных правил стратегии. Чтобы взять Калафат, простое передовое укрепление, занимавшееся турками на левом берегу Дуная, главные массы русской армии были сконцентрированы на ее крайнем правом крыле, и притом таким образом, что ослабленный центр и левое крыло были открыты любому нападению врага; при этом была проявлена такая степень равнодушия ко всем линиям связи и отступления, равной которой не знает история ведения войн. Как случилось, что Омер-паша не извлек никаких выгод из этой ошибки, мы уже показали. Как случилось, что русские, несмотря на это, вынуждены были с позором отступить, не достигши своей цели, это я хочу показать теперь. Мы называем это отступление поворным, потому что с бахвальством начатое наступление вылилось лишь в занятие угрожающей позиции и закончилось спокойным и скромным отступлением без малейшей попытки серьезного боя, — потому что кампания, которая состоит из непрерывного ряда ошибок и нелепостей и единственным результатом которой является возможность для генерала убедиться, что он был совершеннейшим дураком, в высшей степени позорна. А теперь — о самом положении дела.

К концу 1853 года у русских были в Валахии, Молдавии и Бессарабии следующие войска:

1) четвертый армейский корпус (Данненберг): три дивизии пехоты, одна кавалерийская дивизия, четыре артиллерийские бригады; в общей сложности, за вычетом потерь, 45 000 человек;

2) из пятого армейского корпуса (Лидерс): одна дивизия пехоты, одна кавалерийская, две артиллерийские бригады; скажем 15 000 человек;

3) третий корпус (Остен-Сакен): три дивизии пехоты, одна кавалерийская дивизия, четыре артиллерийские бригады; скажем — 55 000 человек.

В общем — около 115 000 человек, за вычетом нестроевых и одной дивизии из корпуса Лидерса в окрестностях Одессы, которая необходима для гарнизонной службы и которую поэтому нельзя считать.

До начала декабря единственную боевую силу в княжествах были войска под командой Данненберга и Лидерса. Приближение корпуса Остен-Сакена должно было послужить сигналом к большой концентрации и нападению на Калафат. На Буге и Пруте его должен был заступить шестой корпус (Чаадаев), находившийся в пути из Москвы. После соединения с этим последним корпусом Дунайская армия состояла бы приблизительно из 170 000 человек, но могла бы быть еще более усилена, если бы новобранцы из юго-западных провинций направлялись прямо на театр военных действий. Но русскому главнокомандующему казалось, что достаточно 115 — 120 тысяч человек, чтобы защищать всю линию от Браилова до Никополя и еще выделить достаточные силы на крайнем правом крыле, которые должны были быть сконцентрированы для нападения на Калафат. Когда этот план к концу декабря начал приводиться в исполнение, Калафат вмещал вряд ли больше 10 — 12 тысяч защитников, при других еще 8 тысячах в Виддине, помощь которых, однако, была сомнительною, так как в дурное время года им предстояло перейти бурно текущую реку. Медленность русских движений, нерешительность князя Горчакова, но, больше всего, смелость и энергия Измаила-паши, командующего у Калафата, позволили туркам стянуть к угрожающему месту до 40 000 человек и превратить Калафат из простого предместного укрепления, которое не могло бы противостоять натиску противника, вдвое превышающего силы защитников, в крепость, которая могла вместить в своих стенах по меньшей мере 30 000 человек и противостоять всякому нападению, кроме правильной осады. Справедливо было сказано, что величайшим триумфом в постройке полевого укрепления является необходимость для врага выдвинуть против него свои траншеи. И если русские не сделали этого, то только потому, что они даже не видели возможности с помощью этого крайнего средства взять Калафат в срок, назначенный ими для этой операции. Отныне Калафат будет стоять в одном ряду с лагерем Фридриха II в Бунцельвице, с укреплениями Торрес-Ведрас и окопами эрцгерцога Карла за Вероной и во все времена будет приводиться в военной истории как классический пример искусства полевых укреплений.

Рассмотрим теперь средства, которыми располагали русские для наступления. Что они вполне серьезно хотели взять Калафат, доказывает парк крепостной артиллерии, подвезенный ими до Крайовы. Отметим мимоходом, как одну из непостижимых вещей, которые могут быть объяснены только влиянием дипломатии, что Омер-паша допустил беспрепятственное продвижение и подвоз этих пушек. Единственное, что нужно было теперь русским, это — войсковая масса, достаточная, чтобы отеснить турок, защитить траншеи и батареи и штурмовать брешь, лишь только она будет пробита. И тут Измаил-паша действовал, как энергичный и искусный полководец. Его вылазка 6 января при Четате, его стремительное наступление, окончившееся поражением превосходных русских сил, повторные наступления такого же рода, предпринимавшиеся им все время, пока длилась русская концентрация, пока превосходные силы не блокировали его совершенно на маленьком дунайском полуострове, — словом, его система защищаться концентрированными наступательными ударами на отдельные пункты русского фронта и при этом, поскольку то было в его силах, уничтожать врага по частям была именно тем, что должен был делать полководец в его положении, и составляет отрядную противоположность действиям Омера-паши при предшествовавшей защите Ольтеницы или его же ленивой бездеятельности за время стояния на нижнем Дунае. Ибо, если Омер-паша и производил время от времени небольшие наступления, повидимому никогда не обрывавшиеся своевременно, а продолжавшиеся со слепым упорством по несколько дней в одном и том же пункте даже тогда, когда от них нельзя было ожидать никакого результата, — то эти наступления в счет не идут, когда был необходим переход 40—60 тысяч человек на ту сторону Дуная.

Во второй половине января русские наконец закончили свою концентрацию вокруг Калафата. В открытом поле они обладали явным превосходством и, следовательно, должны были иметь там 30—40 тысяч человек. Отнимая их от 115 000 и полагая, скажем, еще 20 или 30 тысяч для защиты линии от Браилова до моря, мы получаем в остатке для всей обширной Валахии, со включением гарнизонов, приблизительно от 50 000 до 65 000 человек — армию, далеко не достаточную для защиты такого длинного фронта и для линии связи, которая проходит в недалеком расстоянии позади *параллельно линии фронта*. Сильный натиск на каком-либо пункте даже с армией, меньшей, чем эти 65 000 человек, мог бы закончиться лишь полным уничтожением всех этих рассеянных русских

корпусов и захватом всех русских магазинов. Омеру-паше придется рано или поздно дать объяснения, по каким причинам он упустил такой случай.

Итак, несмотря на все свои усилия, русские смогли сосредоточить перед Калафатом лишь столько войск, что их было достаточно для оттеснения турецких аванпостов, но недостаточно для нападения на самое укрепление. Им понадобилось почти пять недель, чтобы добиться этого минутного и обманчивого успеха. Саперный генерал Шильдер был командирован с определенным приказом взять Калафат. Он прибыл, посмотрел и решил ничего не делать, прежде чем прибытие Чаадаева позволит подтянуть свежие войска из центра и левого крыла. Пять недель стояли русские в этом опасном положении с неприкрытыми флангами и тылом, как будто открыто провоцируя нападение, сопротивляться которому не могли бы ни минуты. И пять недель стоял Омер-паша, угрожая их флангам и тылу, в позиции, из которой он без очков и подзорных труб мог видеть их слабость, и ничего не делал. Поистине, пусть поймет, кто может, эту систему новейшего ведения войны под покровительством союзных держав.

Внезапно до нас доходит весть, что русские предприняли полное отступление от Калафата. И вслед за тем — шумный крик английских газет, что это — успех наших союзников, австрийцев, которые сосредоточили армию в Трансильвании, в тылу русских. Это, следовательно, успех славного австрийского союза, который, в свою очередь, является успехом славной политики лорда Эбердина. Но вскоре появляется подлинный австрийский манифест о том, что никакого австрийского союза не существует и что австрийцы до сих пор ничего не говорили, да, кажется, поныне и сами не знают, зачем послали они эту армию туда, где она находится. И, таким образом, наши британские сограждане находятся в полнейшей неизвестности о причинах русского отступления. Какова же его причина? Просто следующая: французские и британские войска движутся к Константинополю. Нет ничего легче и проще, как послать их оттуда в Одессу или Бессарабию и прервать пути сообщения русских.

Как бы безобидны ни были действительные намерения коалиции, давление извне может заставить ее действовать серьезно. Горчаков, очевидно, не верит в чисто дипломатическую миссию западных армий. Если бы даже он был вполне уверен в Англии, по отношению к Франции у него этой уверенности быть не может. Если бы даже он был уверен во всех кабинетах, у него не может быть уверенности в генералах. Он мог предпринимать рискованные фланговые марши, пока на месте были только турки; но раз могут

подойти и угрожать его флангам французские и британские войска, дело становится серьезнее. Следовательно, пришлось прервать поход Чаадаева, поручив ему образовать выше Одессы лагерь в 30 000 или 40 000 человек. Следовательно, он не может двинуть войска на Прут или Серет. Следовательно, не может прийти никаких войск для подкрепления Горчакова у Калафата. Следовательно, штурм этого места становится невозможным. Следовательно, князю Горчакову приходится отступить в таком же образцовом порядке, в котором он пришел. Так кончается великая трагикомедия русского похода на Калафат.

ДОКУМЕНТЫ О РАЗДЕЛЕ ТУРЦИИ.

Лондон, 21 марта 1854 г.

Очень важным событием является вынужденное опубликование секретной переписки министров, которую они вели с русским императором в течение первых трех месяцев своего пребывания у власти, а также меморандума о свидании между царем и лордом Эбердином в 1844 году, опубликованного последним по требованию «Journal de St.-Petersbourg».

Я начну с анализа «меморандума» графа Нессельроде английскому правительству, основанного на сообщениях российского императора после его посещения Англии в июне 1844 года. Существующий status quo Османской империи «наиболее соответствует общим интересам в деле сохранения мира». Англия и Россия единодушны в этом и потому соединяют свои усилия для поддержания этого status quo. «Самое существенное для этой цели — оставить Порту в покое, не тревожа ее бесцельными дипломатическими придирками, и без крайней необходимости не вмешиваться в ее внутренние дела». Как же с успехом проводить эту «систему невмешательства? Во-первых, Великобритания не должна противодействовать толкованию, которое России будет угодно давать своим договорам с Турцией, а должна, наоборот, побуждать последнюю действовать сообразно этим договорам так, как того требует Россия; во-вторых, России должно быть разрешено «непрерывно» вмешиваться в отношения между султаном и его христианскими подданными. Одним словом, «система невмешательства» по отношению к Порте означает систему терпимости по отношению к России. Это изумительное предложение, само собою разумеется, не выражено открыто.

Меморандум делает вид, будто он говорит о «всех великих державах», но дает при этом ясно понять, что, кроме России и Англии, никаких других великих держав не существует. О Франции говорится: «Она увидит себя вынужденной приноровиться к образу действий, установленному между Петербургом и Лондоном. Австрия изображается в виде простого привеска России, не имеющего

собственной жизни, собственной политики, а «тесно связанного принципом *полной солидарности* с политикой России». Пруссия считается нулем и, как таковая, вовсе не упоминается. «Все великие державы», таким образом, не что иное, как риторическое украшение для кабинетов Петербурга и Лондона, а образ действий, на котором должны объединиться все великие державы, есть не что иное, как образ действий, который предписывает Петербург и которому должен следовать Лондон. Меморандум говорит: «Порта постоянно обнаруживает стремление отделаться от обязательств, которые возлагают на нее договоры, заключенные с другими державами. Она надеется делать это безнаказанно, потому что рассчитывает на взаимное соперничество кабинетов. Она полагает, что, при невыполнении ею своих обязательств по отношению к одному из них, другие солидаризируются с нею и освободят ее от всякой ответственности. Важно — не поддерживать Порту в этом заблуждении. Поскольку она не выполняет своих обязательств по отношению к одной из великих держав, общий интерес всех требует заставить ее почувствовать свою ошибку и серьезно побудить ее дать удовлетворение кабинету, предъявляющему справедливые требования. *Если Порта убедится, что другие кабинеты не поддержат ее, она уступит, и возникающие споры будут разрешаться путем соглашения, не вызывая конфликтов.*»

Такова формула, с которою обращаются к Англии, чтобы она помогла России вырвать у Турции, на основании старых договоров, новые уступки.

«При теперешнем настроении умов в Европе кабинеты не могли бы равнодушно смотреть, как христианские народности в Турции подвергаются вопиющему угнетению и религиозным преследованиям. Надо, чтобы османские министры сознали эту истину и убедились, что могут рассчитывать на дружбу и содействие великих держав лишь при условии терпимого и мягкого отношения к христианским подданным Порты.

«Руководимые этими принципами, иностранные представители должны действовать в духе совершенной взаимной солидарности. Делая Порте представления, они должны придавать им характер действительного единодушия, хотя бы это делалось и не исключительно в форме предписаний».

В этой мягкой форме внушается Англии, чтобы она поддерживала притязания России на *церковный протекторат* над христианами в Турции.

Развив, таким образом, предпосылки своей «политики невмеша-

тельства», Россия не может скрыть от своего наперсника, что именно это невмешательство может оказаться опасней всякой агрессивной политики и в ужасающей степени содействовать росту «элементов разложения», которые уже имеются в Османской империи, так что в одно прекрасное утро *«непредвиденные обстоятельства* могут ускорить ее падение, помешать которому будет не во власти дружественных кабинетов».

Затем ставится вопрос, что же следовало бы делать в том случае, если такие непредвиденные обстоятельства вызовут окончательную катастрофу в Турции?

При неминуемом предстоящем крахе Турции единственно, что необходимо, читаем мы, — это — чтобы *«Англия и Россия столковались, прежде чем приступить к действиям»*. На этом, уверяет меморандум, «в принципе согласились во время последнего пребывания императора в Лондоне» (в долгих совещаниях самодержца с герцогом Веллингтоном, сэром Робертом Пилем и графом Эбердином). Результатом было *«обязательство России и Англии, в случае, если произойдет что-либо неожиданное в Турции, предварительно столкнуться между собою относительно совместных действий»*.

Что же означает это *«обязательство»*? Во-первых, что Россия и Англия должны уже сейчас прийти к соглашению *о разделе Турции*; во-вторых, что в этом случае Англия должна обязаться заключить священный союз с Россией и ее двойником, Австриею, против Франции, которая *«должна будет»*, т. е. будет принуждена, действовать в согласии с ними. Естественным результатом такого соглашения было бы вовлечение Англии в кровопролитную войну с Францией, что совершенно развязало бы России руки для проведения своей собственной политики в Турции.

С большою настойчивостью подчеркиваются все время «непредвиденные обстоятельства», могущие ускорить гибель Турции. В конце же меморандума эта таинственная фраза исчезает и заменяется более ясными словами: «Так как мы предвидим, что Османская империя должна рухнуть, то Англия и Россия должны предварительно вступить друг с другом в соглашение и т. д., и т. д.»... Единственным непредвиденным обстоятельством оказалось, таким образом, непредвиденное заявление России, что Османская империя должна рухнуть. Главный результат упомянутого выше обязательства заключается в предоставлении России свободы в нужную минуту предвидеть внезапный крах Турции и принудить Англию к вступлению в переговоры о том, чтобы по взаимному соглашению такая катастрофа была признана неминуемою.

Соответственно этому, теперь, лет десять спустя после составления меморандума, Англия в надлежащей форме ставится в известность, что жизнеспособность Оттоманской империи окончательно исчезла и что теперь наступил момент вспомнить об условленном ранее совместном образе действий, исключив Францию, т. е. конспирировать за спиною Франции и Турции. Этим сообщением открывается ряд тайных и доверительных документов, которыми обменялись Петербург и коалиционный кабинет.

11 января 1853 года сэр Дж. Гамильтон Сеймур, британский посланник в Петербурге, посылает свою первую секретную и конфиденциальную депешу лорду Дж. Росселю, министру иностранных дел. Вечером, 9 января, он имел «честь» видеть императора во дворце великой княгини Елены, которая удостоила пригласить лэди Сеймур и его, чтобы дать ему возможность встретиться с императорской фамилией. Император всемилостивейше подошел к нему и выразил большую радость по поводу известия об образовании коалиционного кабинета, которому он желает долголетия; он попросил посланника передать поздравления старому Эбердину и внушить лорду Джону Росселю, что «в высшей степени важно, чтобы оба правительства, — английское правительство и я, — я и английское правительство, — находились в полном согласии и что необходимость этого никогда не была так велика, как в данный момент».

Надо иметь в виду, что слова эти были сказаны в январе 1853 года, как раз в то время, когда Австрия, согласно меморандуму, «тесно связанная с Россией принципом полной солидарности в турецких делах», совершенно открыто вызывала Турцию на столкновение из-за Черногории.

«Если только *мы* придем к соглашению, — сказал царь, — то, в сущности, безразлично, что думают и делают другие. Турция, — продолжал он в лицемерно-участливом тоне, — находится в очень критическом положении и может наделать всем нам очень много хлопот». Сказав это, царь милостиво пожал сэру Г. Сеймуру руку, как будто бы прощаясь с ним. Но сэр Гамильтон, «которому тотчас же пришла в голову мысль, что разговор не закончен», взял на себя «большую смелость» смиренно просить самодержца «несколько подробнее высказаться по турецкому вопросу». «Слова и обращение императора, хотя все еще весьма милостивые, — замечает сэр Гамильтон, — показывали, что его величество не имеет намерения говорить со мною о демонстрации, которую он собирается произвести на юге империи».

Надо заметить, что еще в своей депеше от 7 января 1853 г. сэр

Гамильтон уведомлял английское правительство, что «пятый армейский корпус получил приказ продвинуться к границе Придунайских провинций, а четвертому корпусу приказано быть на всякий случай готовым к походу». 8 января 1853 года он доносил, что Нессельроде высказал ему мнение о «необходимости подкрепить дипломатию России мощной демонстрацией». Сэр Гамильтон продолжает в своей депеше: «Император говорил сначала сдержанно, но затем высказал совершенно откровенно и без стеснения следующее: «Турецкие дела находятся в состоянии полного расстройств. Стране, повидимому, угрожает распад. Ее гибель будет большим несчастьем, и важно, чтобы Англия и Россия пришли к полному соглашению и чтобы ни одна из этих двух держав не предпринимала решительного шага без ведома другой. — Видите ли, — воскликнул император, — на наших руках больной человек, очень больной человек! Откровенно говорю вам, было бы большим несчастьем, если бы он скончался, в особенности раньше, чем будут сделаны все нужные приготовления. Но теперь не время говорить с вами об этом деле».

Медведь считает пациента столь слабым, что *должен* съесть его. Сэр Гамильтон, несколько испуганный этим «непредвиденным» диагнозом московского врача, отвечает, как истый придворный: «Ваше величество так милостиво, что позволит мне сделать еще одно замечание. Ваше величество говорит, что этот человек болен, — вполне правильно; но ваше величество соизволит простить мне, если я осмеюсь заметить, что дело великодушного и сильного человека — щадить больного и слабого».

Британский посланник утешается мыслью, что его согласие с царем в оценке Турции и ее болезни и его призыв к пощаде больного человека, «по крайней мере, не оскорбили императора». Так заканчивает сэр Г. Сеймур донесение о своем первом доверительном разговоре с царем; но, хотя он и рисуется в этом донесении лишь как законченный тип придворного, все же он достаточно разумен, чтобы предостеречь свой кабинет и сказать ему следующее: «Каждое такое сообщение имеет целью поставить дилемму. Дилемма, кажется мне, заключается в следующем: если наше правительство не придет к соглашению с Россией насчет того, что следует предпринять в случае внезапного крушения Турции, то оно будет не в праве жаловаться, если отсюда произтекут неприятные для Англии последствия. Если же, наоборот, наше правительство вступит в обсуждение этих возможностей, то оно станет в некотором роде фактором, содействующим катастрофе, возможно большая отсрочка которой чрезвычайно важна».

Сэр Гамильтон заключает свою депешу следующей замечательной фразой: «Вывод из всего сказанного, повидимому, таков: для Англии желательно тесное соглашение с Россией, но с целью помешать крушению Османской империи; для России же было бы приятнее, если бы это соглашение привело к событиям, влекущим за собою гибель Турции».

В депеше к лорду Дж. Росселю, помеченной 22 января 1853 года, сэр Дж. Г. Сеймур сообщает, что 14 января у него снова был доверительный разговор с царем, которого «он застал одного». Самодержец соизволил прочесть английскому посланнику лекцию о восточном вопросе. Мечты и планы императрицы Екатерины II ему хорошо известны, но он их не разделяет. По его мнению, наоборот, для России, быть может, было бы лишь опасно дальнейшее приращение ее и без того чересчур обширной территории. (Ваши читатели вспомнят, что я ссылался уже на это, приводя выдержку из депеш графа Поццо-ди-Борго.) Status quo в Турции лучше всего отвечает русским интересам. С одной стороны, Турция утратила дух военной предприимчивости; с другой стороны, «эта страна еще достаточно сильна или *была до сих пор достаточно сильна*, чтобы защищать свою независимость и иметь уверенность в должном уважении к ней других стран». Но в этой империи находится несколько миллионов христиан, о которых он должен заботиться, как ни трудна и ни «неудобна» иногда эта задача. К этому обязывают его одновременно его право, его долг и его религия. Затем царь внезапно перешел к своей притче о больном человеке, очень больном человеке, которому ни в коем случае нельзя позволить «внезапно умереть у них на руках» (*de leur échapper*). «Хаос, путаница и неизбежность европейской войны должны сопровождать катастрофу, если она наступит неожиданно и если не будет *заранее составлен другой план*». После нового указания на грозящую смерть Оттоманской империи последовала новая апелляция к Англии — соответственно «обязательству» — учесть наследство совместно с Россией. Он избегал, однако, рассказывать о своих собственных «общирных планах» и удовольствовался тем, что в парламентских выражениях отметил главный пункт, который следует иметь в виду в случае раздела. «Теперь я хочу говорить с вами, как друг и *джентльмен*. Если нам — Англии и мне — удастся достичь соглашения в этом вопросе, то другие меня мало интересуют. Мне безразлично, что будут делать или думать другие. Поэтому я хочу сказать вам с полной откровенностью: если Англия имеет намерение когда-либо утвердиться в Константинополе, я этого не допущу. Я не

предполагаю, что у вас есть такие намерения, но в таких случаях лучше говорить напрямик. Со своей стороны, я также готов обязаться не занимать Константинополя, — разумеется, в качестве собственника, — что же касается роли оккупанта, то от этого я не отказываюсь. Если же не будут предварительно сделаны все нужные приготовления и все будет предоставлено случаю, то возможно, что обстоятельства заставят меня оккупировать Константинополь».

Итак, Англии запрещается занимать Константинополь. Царь это сделает, если не как собственник, то в качестве временного оккупанта. Британский посланник поблагодарил его величество за откровенные объяснения. Николай сослался затем на свой прежний разговор с герцогом Веллингтоном, изложенный или, вернее, резюмированный в меморандуме 1844 года.

Переходя к злободневным вопросам, т. е. притязаниям на святые места, британский посланник высказал следующие опасения: «В случае появления русских войск приходится заранее считаться с возможностью двоякого рода последствий: либо с контр-демонстрацией, на которую могла бы быть вызвана Франция, либо с возбуждающим еще более серьезные опасения восстанием христианского населения против власти султана, и без того уже ослабленной бунтами и тяжелым финансовым кризисом. Император уверял меня, что пока не происходило никакого движения его войск; они не тронулись с места, и он выразил надежду, что поход их и не понадобится. *О французской экспедиции в империю султана* его величество намекнул, что такой шаг довел бы дело до острого кризиса; чувство чести заставило бы его без промедления и колебания двинуть свои войска в Турцию, если бы даже такой образ действий повлек за собою крушение Турецкой империи (le Grand Turk); он сожалел бы о таком результате, но все же считал бы, что действовал так, как вынужден был действовать».

Таким образом, царь поставил теперь перед Англией задачу, о разрешении которой она должна позаботиться, иначе говоря, она должна выработать «заблаговременный план» уничтожения Османской империи «и уже заранее столкнуться насчет нового порядка вещей, который должен сменить ныне существующий». Он подбодряет своего ученика, показывая ему приз, который можно получить за успешное разрешение этой проблемы, и напутствует его отеческим советом: «Было бы великим триумфом для цивилизации XIX столетия, если бы оказалось возможным заполнить пустоту, которая создается исчезновением магометанского господства в Европе, без нарушения всеобщего мира, — а именно путем принятия

предохранительных мер двумя правительствами, наиболее заинтересованными в судьбах Турции».

После такого обращения к Англии выступает на сцену лорд Россель и посылает свой ответ в секретной и доверительной депеше от 9 февраля 1853 г. Если бы лорд Джон вполне понял коварный план царя — поставить Англию в фальшивое положение уже одним фактом тайных переговоров с нею о будущем разделе союзного государства, — он поступил бы точно так же, как царь, и ограничился устным ответом барону Бруннову, вместо того, чтобы посылать в Петербург официальную правительственную депешу. Раньше, чем секретные документы были представлены палате, «Times» назвал депешу лорда Джона весьма сильною и «возмущенною отповедью» на предложения царя. В своем вчерашнем номере он берет свои похвалы лорду Росселю обратно и заявляет, что «документ не заслуживает похвалы, которая была ему воздана вследствие неточной информации». Лорд Джон навлек на себя гнев «Times'a» своим заявлением, сделанным в пятницу на заседании Нижней палаты, что он не имеет привычки делать сообщения *этой* газете и что статью, посвященную его ответу сэру Дж. Г. Сеймуру, он прочел лишь три дня спустя после ее появления.

Кто знает униженный и заискивающий тон, в котором все английские министры, не исключая даже Каннинга, говорили с Россией после 1814 года, тот должен будет признать, что депешу лорда Джона приходится считать героическим деянием этого маленького гнома.

Так как этот документ имеет характер важного источника для всемирной истории и может иллюстрировать ход переговоров, то ваши читатели не посетуют, если я приведу его целиком.

Депеша лорда Джона Росселя сэру Джс. Г. Сеймуру.
(Секретно и доверительно.)

Министерство иностранных дел, 9 февраля 1853 г.

Милостивый государь!

Я представил вашу секретную и доверительную депешу от 22 января королеве. Ее величество с удовольствием отмечает в этом, как и в предыдущих случаях, умеренность, откровенность и дружественное расположение его императорского величества. Ее величество повелела мне ответить в том же духе умеренного, искреннего и дружественного обсуждения вопроса. Вопрос, поднятый его императорским величеством, очень серьезен. Считаюсь с вероятным и даже близким развалом Турецкой империи, ставится вопрос: не лучше ли заранее принять меры на такой случай, чем дать наступить хаосу, смутам и неизбежной европейской войне, которые были бы спутниками катастрофы, если бы она наступила неожиданно и раньше, чем будет начертана будущая система отно-

шений. «Вот пункт, — сказал его императорское величество, — на который я желал бы, чтобы вы обратили внимание вашего правительства». При рассмотрении этого важного вопроса правительство ее величества остановилось прежде всего на следующих соображениях: не произошло никакого действительного кризиса, который вызывал бы необходимость разрешения этой необычайно трудной европейской проблемы. Возникли споры о святых местах; но споры эти лежат вне плоскости внутреннего управления Турции и касаются более России и Франции, чем Высокой Порты. Некоторые неурядицы в отношениях между Австрией и Портою вызваны нападением турок на Черногорию; но и это касается более опасностей, угрожающих границам Австрии, чем власти султана, так что нет достаточных оснований заявить султану, что он не в состоянии сохранять порядок внутри или поддерживать дружественные отношения со своими соседями. Далее, правительство ее величества должно заметить, что нет никаких определенных указаний на то, когда может произойти имеющееся в виду событие. Когда Вильгельм III и Людовик XIV определили договором порядок наследования после Карла II Испанского, они принимали меры на случай события, которое не могло быть отдаленным. Болезненное состояние испанского государя и неизбежный конец всякой человеческой жизни делали наступление предусмотренного события несомненным и близким. Смерть испанского короля договором о разделе не была ускорена ни в каком отношении. То же самое можно сказать о заключенном в прошлом столетии наперед соглашении о Тоскане на случай смерти последнего государя из дома Медичи. Возможность распада Оттоманской империи совершенно иного рода. Распад может произойти двадцать, пятьдесят или сто лет спустя. *При таких условиях вряд ли было бы совместимо с одушевляющими императора России не менее, чем королеву Великобритании, дружественными чувствами по отношению к султану заранее определять провинции его империи.* Кроме этого соображения, следует заметить, что заключенное в подобном случае соглашение, совершенно несомненно, имеет целью ускорить то стечение обстоятельств, от последствий которого оно должно оберегать. Было бы несправедливо держать Австрию и Францию в неизвестности об этом соглашении, да такое сокрытие его было бы несовместимо с задачей—предотвратить европейскую войну. Но в действительности такое сокрытие не мог иметь в виду его величество. Следует полагать, что лишь только Великобритания и Россия столкновались бы о надлежащем образе действий и захотели бы дать ему силу, они сообщили бы о своих намерениях другим великим державам. Заключенное и сообщенное таким образом соглашение недолго оставалось бы тайным; известие о его существовании, обеспокоив и неприятно настроив султана, подстрекнуло бы всех врагов его к умножению насильственных действий и более упорной борьбе. Они сражались бы в убеждении, что, в конце концов, они должны восторжествовать, в то время как генералы и войска султана чувствовали бы, что никакие временные успехи не могут спасти их дело от конечной гибели. Так именно была бы вызвана и усилена та анархия, которой теперь боятся, и предусмотрительность друзей пациента оказалась бы причиной его смерти. Правительство ее величества вряд ли имеет надобность распространяться об опасностях, которыми сопровождалось бы приведение в исполнение всякого соглашения такого рода. Пример «войны за наследство» достаточно показывает, как мало соблюдаются такие соглашения, когда достаточно сильные соблазны подстрекают к их нарушению. Положение российского императора в качестве держателя, а не собственника Константинополя, рождало бы бесконечно много

опасностей как вследствие долго воспитывавшихся честолюбивых вождений его собственного народа, так и вследствие зависти Европы. Окончательный собственник, кто бы он ни был, вряд ли удовольствовался бы бездейтельным, вялым образом действий наследников Магомета II. Большое влияние обладателя Константинополя, держащего в своей власти ворота Средиземного и Черного морей, на европейские дела лежит в природе вещей. Это влияние могло бы быть употреблено в интересах России, но могло бы быть употреблено и для контролирования и ограничения ее могущества. Его императорское величество сказал справедливо и мудро: «Моя страна так велика и находится во всех отношениях в таком счастливом положении, что с моей стороны было бы неразумно желать больше территории или могущества, чем я уже имею. Наоборот, — заметил он далее, — великая и, быть может, единственная опасность для нас заключается в дальнейшем расширении империи, которая и без того чересчур велика. Но сильное и честолюбивое государство, которое сменило бы Высокую Порту, могло бы сделать войну со стороны России необходимою для императора или его преемников». Таким образом, европейская война была бы вызвана теми самыми средствами, которые ее старались предотвратить, потому что ни Англия, ни Франция, ни, вероятно, Австрия не примирились бы с тем, чтобы Константинополь оставался навсегда в руках России. Что касается Великобритании, то правительство ее величества заявляет раз навсегда, что ему чуждо какое бы то ни было намерение или желание овладеть Константинополем. Его императорское величество может пмечь в этом отношении полнейшую уверенность. Мы готовы также дать заверение, что мы не вступим ни в какие соглашения относительно мероприятий на случай падения Турции без предварительного сношения с российским императором. Итак, в общем правительство ее величества вполне уверено, что не может быть более мудрой, бескорыстной и благодетельной для Европы политики, чем та, которой так долго следует его императорское величество и которая сделает имя его более блестящим, чем имена самых знаменитых государей, искавших бессмертия в ничем не вызванных завоевательных войнах и переходящей славе. Для успеха этой политики желательно соблюдать величайшую сдержанность по отношению к Турции; желательно, чтобы всякого рода требования, предъявляемые ей Европою, служили более предметом дружественных переговоров, чем насильственного давления; чтобы по возможности избегались военные и морские демонстрации против султана; чтобы разногласия в вопросах, затрагивающих Турцию и лежащих в пределах компетенции Высокой Порты, решались по взаимному соглашению великих держав и чтобы при этом не чинилось насилий над слабым турецким правительством. К этим мерам предосторожности правительство ее величества хочет прибавить, что, по его мнению, весьма существенно — посоветовать султану обращаться со своими христианскими подданными в согласии с принципами справедливости и свободы веры, принятыми в общем просвещенными нациями Европы. Чем более усвоит себе турецкое правительство правила беспристрастных законов и нелицеприятного управления, тем менее будет находить российский император необходимым применить на деле то право исключительного покровительства, которое его императорское величество нашел столь тягостным и неудобным, хотя оно и предписано ему велениями долга и закреплено за ним договором.

Вы можете прочесть эту депешу графу Нессельроде и даже, если это будет признано желательным, передать копию ее в руки императора. В этом случае вы сопроводите передачу ее уверениями в дружбе и доверии ее величества,

нашей королевы, столь неоспоримо внушаемых образом действий его императорского величества.

Остаюсь и пр.

Дж. Россель.

Окончание моего анализа я должен перенести на ближайшее письмо. Но прежде чем закончить, я хочу прибавить к моим прежним сообщениям новейшие сведения об образе действий и планах Пруссии, полученные мною из источников, не доступных широкой публике.

Когда конфликт между Россией, с одной стороны, и франко-английским союзом — с другой, достиг уже известной остроты, император Николай послал собственноручно письмо своему шурину в Берлин. В этом письме он заявлял, что не боится Франции и Англии на суше, хотя они и могут причинить ему некоторый вред на море, так как в конце апреля у него может быть готово к походу 600 000 солдат. Из них он хотел предоставить 200 000 в распоряжение Фридриха-Вильгельма, если тот обещает ему пойти на Париж и низложить Луи-Наполеона. Тупоголовый король был так ослеплен этим проектом, что Мантейфелю понадобилось три дня, чтобы отговорить его от принятия этого предложения. Это — о короле.

Что касается г. фон-Мантейфеля, этого «великого характера», которым так гордится прусская буржуазия, то весь этот человек перед нами, как на ладони, когда мы рассматриваем секретные инструкции, которые он посылал Бунзену, своему посланнику в Лондоне, в то самое время, когда писалось вышеупомянутое русское письмо, и которые попали в мои руки, хотя и совсем иным путем, чем мои частные письма в руки Бунзена. Содержание этих инструкций, постыдной двусмысленностью своего стиля выдающих одновременно школьного педанта и унтер-офицера, приблизительно следующее: «Наблюдайте хорошенько, куда дует ветер. Если вы заметите, что Англия серьезно связана с Францией и решительно идет на войну, настаивайте на «неделимости и независимости» Турции. Если же вы заметите, что Англия колеблется в своей политике и не хочет войны, тогда доставайте свои копыя и ломайте их смело за честь и достоинство короля, моего и вашего государя».

Ну, не прав ли русский деспот, когда он обращается с Пруссией, как с нулем?

СЕКРЕТНАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

Лондон, 24 марта 1854 г.

Если, в общем и целом, можно считать депешу лорда Джона Росселя вежливым отклонением предложения царя заранее вступить в соглашение на случай возможного раздела Турции, то все же она содержит несколько весьма странных мест, на которые я хотел бы обратить внимание ваших читателей. Лорд Джон говорит: «Нет достаточных оснований наекнуть султану, что он не в состоянии сохранять внутренний порядок или поддерживать дружественные отношения со своими соседями».

Но в доверительных сообщениях сэра Сеймура мы нигде не находим указаний на то, что царь предложил ему сделать султану подобный намек. Мы должны предположить поэтому, что либо лорд Россель, настаивая на сопротивлении такому шагу, на деле сам хотел внушить мысль о нем, либо же некоторые из доверительных сообщений лорда Сеймура были изъяты из актов, представленных парламенту. Последнее подозрение тем более напрашивается, что всего шестнадцать дней спустя, 25 февраля 1853 г., лорд Кларендон, при своем вступлении в должность министра иностранных дел, дал следующие инструкции лорду Стратфорду де-Редклиффу:

«Ваше превосходительство, объясните султану со всею откровенностью и чистосердечием, какие допускают его мудрость и его достоинство, основания, заставляющие английское правительство опасаться, что Оттоманской империи грозит большая опасность. *Накопляющиеся претензии других наций*, которым Порты не способна или не склонна дать удовлетворение, *плохое ведение ее собственных дел и возрастающая слабость исполнительной власти в Турции* заставили ее союзников принять в последнее время новый и внушающий беспокойство тон. Если такое положение будет продолжаться, оно может повести к всеобщему восстанию христианских подданных Порты и оказаться роковым для ее независимости и целостности, — катастрофа, о которой правительство ее величества будет глубоко сожалеть, но которая некоторыми европейскими великими державами

считается вероятной и близкой». (Ср. Синюю книгу о правах и привилегиях латинской и греческой церкви, т. I, стр. 31, 32.)

Но разве это не значило для Англии в ясных словах «наметнуть» султану, «что он не в состоянии сохранять внутренний порядок или поддерживать дружественные отношения со своими соседями»?

Царь весьма бесцеремонно сказал сэру Сеймуру, что он *не позволит* Англии утвердиться в Константинополе, но что, с своей стороны, он намерен сам утвердиться там, если не в качестве *собственника*, то в виде *временного держателя* (depositary). Что же отвечает лорд Джон на это наглое заявление? От имени Великобритании он отвергает «какое бы то ни было намерение овладеть Константинополем». От царя он такого уверения не требует.

«Положение российского императора в качестве *временного держателя*, а не *собственника* Константинополя, рождало бы бесконечно много опасностей как вследствие долго воспитывавшихся честолюбивых вожделений его собственного народа, так и вследствие зависти Европы».

Зависть Европы, а не оппозиция Англии! Что касается Англии, то она не позволила бы этого, — впрочем, лорд Джон Россель не осмеливается говорить с Россией таким тоном, каким Россия говорит с Англией, — Англия *«не удовлетворилась бы тем, чтобы Константинополь оставался навсегда в руках России»*. Итак, она удовлетворилась бы тем, чтобы Россия владела Константинополем *временно*. Другими словами, она вполне соглашается с предложением, сделанным самим царем. Она не позволит того, от чего он сам отказывается, но готова терпеть то, что он намерен сделать.

Не «удовлетворенный» своею готовностью посадить при случае царя, как держателя, в Константинополе, лорд Джон заявляет от имени английского правительства, что оно «не вступит ни в какие соглашения относительно мероприятий на случай падения Турции без *предварительного* сношения с Россией», — т. е. Англия, с своей стороны, обязуется условиться с Россией раньше, чем заключить соглашение с Францией, хотя царь заявил сэру Г. Сеймуру, что он *уже* заключил соглашение с Австрией, не уведомив об этом заранее Англию. «В общем не может быть более мудрой, бескорыстной и благодетельной для Европы политики, чем та, которой так долго следует его императорское величество».

Казацкое величество, никогда не отступая, проводил возведенную еще при вступлении на престол политику, которую либеральный лорд Джон объявляет столь бескорыстной, столь благодетельной для Европы.

Важнейшим и главнейшим спорным пунктом в нынешней восточной смуте является притязание России на религиозный протекторат над христианами греческого исповедания в Оттоманской империи. Царь, и не думая скрывать своих притязаний, сказал лорду Гамильтону напрямик, что «право покровительства этим несколькими миллионам христиан обеспечено за ним договором», что «он пользовался своим правом умеренно и осторожно» и что «иногда это налагает очень неудобные обязательства». Дает ли ему лорд Джон Россель понять, что такого договора не существует и что царь такого права не имеет, что у него не больше права вмешиваться в дела греческих подданных Турции, чем у Англии в дела протестантов в России или у Франции в дела ирландцев в Великобритании? Пусть отвечает он сам: «Чем более усвоит себе турецкое правительство правила беспристрастных законов и нелицеприятного управления, тем менее будет находить российский император необходимым применять на деле то право исключительного покровительства, которое его императорское величество нашел столь тягостным и неудобным, хотя оно и предписано ему велениями долга и закреплено за ним договором».

«Исключительное право» России на покровительство подданным Турции *санкционировано договором!* В этом нельзя сомневаться, говорит лорд Джон; а лорд Джон — честный человек; и лорд Джон говорит от имени королевского правительства, и лорд Джон обращается к самому русскому самодержцу. О чем же спорит Англия с Россией? И зачем удваивает она свой подоходный налог и своими военными приготовлениями будоражит весь мир? Как мог лорд Джон несколько недель тому назад выступать в парламенте с милой и тоном Кассандры, негодовать, хвастать и извиваться в напыщенных проклятиях по адресу вероломного и коварного царя? Не он ли заявил кесарю, что притязания кесаря на *исключительный протекторат* «предписаны велениями долга и закреплены договорами»?

Не на скрытность или чрезмерную сдержанность царя мог жаловаться кабинет, а скорее, наоборот, на бесстыдную откровенность, с какою он позволил себе раскрыть свою душу перед министрами и сделать их поверенными своих тайных планов, так что кабинет на Даунингстрите превратился как бы в собственную его величества канцелярию на Невском проспекте. Некто поверяет вам свое намерение убить вашего друга. Он просит вас заранее условиться с ним насчет грабежа. Если этот некто — российский император, а вы — английский министр, то вы не потянете его на суд, но весьма

униженно поблагодарите его за оказанное вам доверие и будете почитать себя счастливым засвидетельствовать «его умеренность, откровенность и дружественное расположение». Так и сделал лорд Джон.

Но вернемся в Петербург. Вечером 20 февраля, — стало быть, всего за неделю до прибытия князя Меншикова в Константинополь, — самодержец подошел к сэру Гамильтону Сеймуру на рауте супруги наследника, и между обоими «джентльменами» завязался следующий разговор:

«Ну, что же, — сказал император, — вы получили ответ и завтра доставите его мне?»

«Я буду иметь эту честь, — ответил сэр Гамильтон, — но ваше величество уже знает, что содержание ответа весьма точно соответствует тому, о чем я предупреждал ваше величество».

Царь: «Я с сожалением услышал об этом, но, мне кажется, ваше правительство неправильно поняло мою мысль. Меня не столько интересует, *что должно случиться, когда больной человек умрет*, сколько я хотел условиться с Англией о том, что в этом случае *не должно случиться*».

Сэр Гамильтон: «Но, государь, позвольте мне заметить, что у нас нет никаких оснований предполагать, что больной человек лежит на смертном одре... Страны не умирают так скоро. Турция будет существовать еще долгие годы, если не случится непредвиденного кризиса. И как раз, государь, для предотвращения всех обстоятельств, которые могли бы вызвать такой кризис, правительство английской королевы рассчитывает на ваше великодушное содействие».

Царь: «Должен вам сказать, что если ваше правительство верит в то, *что у Турции еще сохранились некоторые элементы жизни*, то ваше правительство, должно быть, получило неправильную информацию. Повторяю, «больной человек» *умирает*. И мы ни в коем случае не должны позволить, чтобы такое событие свалилось на нас неожиданно. Мы должны прийти к какому-нибудь соглашению... И, заметьте, я не требую договора, протокола. *Соглашение в общих чертах — вот все, чего я требую; этого достаточно между джентльменами*. На сегодня довольно. Приходите ко мне завтра».

Сэр Гамильтон «сердечно поблагодарил его величество», но лишь только он покинул императорский салон и вернулся домой, как в его душу начинает вкрадываться подозрение. Он садится за свой письменный стол, пишет донесение о разговоре лорду Джону и заключает свое письмо следующими достойными внимания замечаниями:

«Вряд ли можно сомневаться, что государь, с такою настойчивостью говорящий о предстоящем развале соседнего государства, в душе своей уже решил, что конец этот близок... Но вряд ли он решился бы сделать такое утверждение, если бы не существовало, быть может, намеченного в общих чертах, но, во всяком случае, тесного соглашения между Россией и Австрией. Если мое подозрение основательно, то император имеет намерение склонить правительство ее величества к совместной с его и венским кабинетом выработке плана окончательного раздела Турции, и притом с отстранением Франции от участия в сделке».

Депеша эта прибыла в Лондон 6 марта, когда лорд Джон был уже заменен на посту министра иностранных дел лордом Кларендоном. Впечатление, произведенное этими робкими предостережениями посла на душу этого жалкого почитателя Турции, было совершенно изумительно. Зная уже вполне предательский план царя разделить Турцию с исключением Франции, он говорит графу Вальевскому, французскому посланнику в Лондоне, что «в противоположность Франции склонен доверять российскому императору», что «политика недоверия не была бы ни умна, ни полезна», что «хотя, надо надеяться, Англия и Франция всегда будут действовать совместно, поведение Франции за последнее время не рассчитано на обеспечение этого единения». (См. Синюю книгу, т. I, стр. 93, 98.)

Кстати, я хочу отметить, что как раз в то время, как царь читал лекции британскому посланнику в Петербурге, «Times» в Лондоне из номера в номер повторял, что положение Турции отчаянно, что Оттоманская империя распадается на куски и что от нее ничего не останется, кроме призрака «головой турка в тюрбане».

На следующее утро после разговора на императорском рауте Дж. Г. Сеймур, согласно приглашению, появляется перед царем. Между ними происходит «разговор, длящийся час двенадцать минут», о котором он доносит лорду Джону Росселю депешей от 22 февраля 1853 года. Император начал с того, что просил сэра Гамильтона прочесть ему секретную и доверительную депешу лорда Джона от 9 февраля». Содержавшиеся в этой депеше заявления, разумеется, нашел весьма удовлетворительными, и «он мог бы лишь пожелать, чтобы они были несколько расширены». Он повторил, что турецкая катастрофа угрожает ежеминутно и «что в каждый данный момент она может быть вызвана либо внешней войною, либо распрей между старо-турецкою партией и партией «новых поверхностных французских реформаторов», либо же восстанием христиан, которые, как известно, с нетерпением ждут сокрушения мусульманского ига».

Он не упускает случая пустить в ход свою затасканную хвастливую фразу, что если бы в 1829 году он не остановил победоносного похода генерала Дибича, «с властью султана было бы уже покончено». А между тем, вполне доказано, что из 200 000 человек, посланных им тогда в Турцию, лишь 50 000 вернулись домой, а остаток армии Дибича был бы уничтожен в Андрианопольской равнине, если бы не было измены турецких пашей вкуче с иностранными послами.

У него и в мыслях не было предлагать план, по которому Россия и Англия заранее распорядились бы провинциями, управляемыми султаном, предъявлять вполне готовую систему, а тем более проект формального договора обоих кабинетов. По мысли императора, дело шло весьма скромно и просто лишь о том, чтобы обе стороны с полным доверием сказали друг другу не столько, чего они хотят, сколько — чего они не хотят, «что противоречило бы английским и что — русским интересам, дабы, если этот случай наступит, каждая сторона избегала своим образом действий вступить в противоречие с другой».

Таким *отрицательным* соглашением царь добился бы всего, к чему стремится: во-первых, крушения Оттоманской империи, которое Россия и Англия согласились считать *fait accompli* (совершившимся фактом), хотя и в отрицательной и условной форме, так что ему осталось бы так запутать дело, чтобы иметь возможность с некоторым правдоподобием объявить Англии, что ожидаемый случай *наступил*. Во-вторых — тайного плана совместных действий Англии и России, который, каков бы ни был его неопределенный и отрицательный характер, неизбежно восстановил бы друг против друга Англию и Францию, так как был бы составлен за спиною Франции и с ее исключением. В-третьих, так как Англия своими отрицательными обещаниями была бы связана и осуждена *на ничегонеделание*, он имел бы полную свободу совершенно спокойно вырабатывать свой собственный положительный план действий. Кроме того, очевидно, что две стороны, соглашающиеся между собой насчет того, что они не разрешают друг другу делать в предполагаемом случае, тем самым соглашаются в замаскированной форме о том, что они будут делать. Такая отрицательная форма соглашения создает лишь более выгодные условия для более бессовестного.

«Быть может, ваше величество были бы столь добры, — залепетал напуганный сэр Гамильтон, — изложить мне свои собственные мысли об этой *отрицательной политике*». Сначала царь скромно отказывался, но затем, как бы уступая нежному давлению, сделал

следующее в высшей степени замечательное заявление: «Я против постоянного занятия Константинополя русскими; но Константинополь ни в коем случае не должен перейти во владение англичан, французов или какой-либо другой великой нации; также я никогда не допущу ни попытки восстановления Византийской империи, ни такого расширения Греции, которое превратило бы ее в сильное государство; тем более я не допущу раздробления Турции на мелкие республики — убежища для Кошута, Мадзини и других европейских революционеров. Чем примириться с одной из таких возможностей, я скорее начну войну и буду вести ее, пока у меня останется хоть один солдат, хоть одно ружье».

Ни Византийской империи, ни сильного расширения Греции, ни конфедерации мелких республик, ничего подобного! Чего же он в таком случае хочет? Послу не пришлось долго гадать. В ходе разговора император неожиданно выпалил следующее предложение: «В действительности княжества являются независимыми государствами под моим покровительством. Это так и могло бы остаться. Сербия могла бы получить такую же форму правления. Болгария — также; повидимому, нет оснований, почему бы эта провинция не могла образовать независимого государства. Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой области для Англии. Могу поэтому лишь сказать, что если бы при разделе владений Османской империи, который произошел бы при ее крушении, вы овладели Египтом, я не имел бы ничего против. То же самое могу сказать о Кандии (Крите); этот остров может подойти вам, и я не знаю, почему бы ему не стать английским». Так доказывает он, что, «в случае распада Турецкой империи, удовлетворительное разрешение территориальных вопросов было бы, по его мнению, менее трудно, чем это обыкновенно думают». Он заявляет откровенно, чего он хочет, — *раздела Турции*, — и ясно намечает очертания этого раздела, ясно как в том, что он говорит, так и в том, о чем он умалчивает. Египет и Крит — Англии; княжества, Сербия, Болгария — вассальные государства России; турецкая Кроация, Босния, Герцеговина будут присоединены к Австрии, о чем он преднамеренно умалчивает; Греция будет «не чрезмерно» расширена, скажем, присоединением нижней Фессалии и части Албании. Константинополь должен быть временно занят царем, а затем стать столицей государства, составленного из Македонии, Фракии и остатка Европейской Турции. Но кто же будет окончательным владельцем этого маленького государства, которое, быть может, будет еще увеличено некоторыми частями Анатолии? Он молчит об этом; но не тайна, что он имеет

кое кого в виду для этого поста, а именно своего младшего сына, который жаждет иметь собственный престол. А Франция? Неужели она выйдет с совершенно пустыми руками? Быть может! Впрочем, нет, она тоже получит подачку в виде — кто мог бы поверить этому! — *Туниса*. «Одною из ее целей является, несомненно, овладение Тунисом», — сказал царь сэру Гамильтону, и в случае раздела Турции он, быть может, и в самом деле оказался бы достаточно великодушным, чтобы удовлетворить аппетит Франции к Тунису.

О Франции царь говорит все время в подчеркнутом тоне высокомерного презрения. «Похоже на то, — говорит он, — что французское правительство старается всех нас перессорить на Востоке». — Что касается его самого, то он к ней относится совершенно безразлично. «Со своей стороны, он очень мало беспокоится о том, какую линию поведения Франция считает целесообразной в восточных делах, тем более, что менее месяца тому назад он сообщил султану, что если его участие желательно для сопротивления угрозам французов — он всецело находится в распоряжении султана!» Словом, император дошел до того, что заметил: «Как я говорил вам уже раньше, все, чего я желаю, это — соглашения с Англией, и то не о том, что следует делать, а о том, чего делать не следует. Когда это будет достигнуто и английское правительство и я, я и английское правительство достигнем полного взаимного понимания и согласия — все остальное мне будет безразлично». «Но, — восклицает сэр Гамильтон, — ваше величество позабыли об Австрии!» — «О, — возразил император, к его великому изумлению, — говоря о России, я тем самым говорю об Австрии; в отношении Турции наши интересы вполне тождественны». Итак, говоря — Россия, он тем самым говорил Австрия. О Черногории он заметил, что «одобряет образ действий австрийского кабинета».

В прежних беседах он трактовал султана как опереточного «Великого турка» (*Grand Turk*), теперь в стиле Поль-де-Кока он называет его «этот господин» (*ce monsieur*). И как бережно относится он к этому господину! Он послал в Константинополь только своего Меншикова, «а я ведь мог бы, если бы пожелал, послать туда армию, — ничто ее не задержало бы», как то после и было доказано Ольтеницей и Четате, а также доблестным отступлением его армии от Калафата.

Казацкое величество отпустил сэра Гамильтона со словами: «Итак, побудите ваше правительство снова написать об этих делах, — написать подробнее и без промедления».

7 марта, вскоре после этого замечательного диалога или, вернее, монолога, британский посол был приглашен к графу Нессельроде, который, согласно повелению императора, должен был передать ему весьма доверительный меморандум, отредактированный по приказанию его императорского величества и предназначенный служить ответом или комментарием к сообщениям лорда Джона Росселя. Граф Нессельроде просит его прочитать этот документ, «предназначенный для него». Сэр Гамильтон изучает документ, и он, который ранее не находил ни одного слова протеста против явно преднамеренных оскорблений москаля (Muscovite) по адресу Франции, внезапно пронизывается дрожью, открывая, что «впечатление, под которым меморандум составлен, совершенно ложно, — а именно впечатление, будто в разногласиях между Россией и Францией правительство королевы склоняется на сторону этой последней державы». Уже на следующее утро он посылает графу Нессельроде спешное *billet doux* (любовную записку), в котором заверяет его:

«Не только в течение последних критических переговоров не было склонности к Франции, как то утверждают, но желанием советников королевы, — в полной мере (!), поскольку это только было допустимо для правительства, вынужденного занять нейтральное положение (!), — было, чтобы требования, которые имел право выставить его императорское величество, были полностью удовлетворены».

Следствием этого хныкающего письма был «весьма дружественный и удовлетворительный разговор» сэра Гамильтона с канцлером, который утешил британского посла уверением, что тот не понял одного места в меморандуме императора и что в этом месте отнюдь не делалось упрека Англии в пристрастии к Франции. «Все, чего мы желаем, — сказал граф Нессельроде, — заключается в том, чтобы правительство ее величества постаралось открыть французским министрам глаза *указанием на великодушные и чувство справедливости императора».*

*Здесь не желают, следовательно, ничего иного, как чтобы Англия пресмыкалась и раболепствовала перед калмыками и взяла диктаторски-строгий тон по отношению к французам. Чтобы убедить канцлера, как английское правительство выполняет эту вторую часть задачи, сэр Гамильтон прочитывает ему выдержку из одной депеши лорда Джона Росселя, как «пример языка, каким английский министр говорил с французским правительством». Граф Нессельроде убеждается, что самые смелые ожидания его превзойдены. Он пожалел лишь о том, «что уже давно не имел в своих руках такого *веского доказательства».**

Русский меморандум в ответ на депешу лорда Джона Росселя сэр Гамильтон считает «одним из замечательнейших документов, выпедшим не из русской государственной канцелярии, а из собственного кабинета его величества». Так это и есть. Но нам незачем останавливаться на нем дольше, так как он представляет собою лишь резюме взглядов, уже развитых царем в его «диалоге». Он старается внушить английскому правительству, что, «каков бы ни был результат этих переговоров, он должен остаться тем, что есть, — *тайной* между двумя государями». По отношению к Порте царь «проявлял всегда величайшую снисходительность, что признает за ним сам лондонский кабинет». Франция следовала другой системе и тем вынудила Россию и Австрию, с своей стороны, также «действовать угрозами». Во всем меморандуме Россия и Австрия отождествляются. Как на одну из причин непосредственно предстоящего крушения Турции, указывается определенно на *вопрос о святых местах* и на «религиозные чувства православных греков, оскорбленных уступками, сделанными латинянам».

В заключение меморандум заявляет, что «не менее ценны, чем заверения, заключающиеся в депеше лорда Джона Росселя, были для него *доказательства дружбы и доверия ее величества*, выразителем которых явился при этом случае по ее поручению сэр Г. Сеймур». Эти «доказательства» вассальной преданности королевы Виктории царю были тщательно скрыты от английской публики, но, быть может, вскоре появятся на страницах «С.-Петербургской газеты».

Комментируя свой диалог с императором и московский меморандум, сэр Гамильтон еще раз обращает внимание своего кабинета на позицию Австрии. «Если принять как твердо установленный и признанный факт, что между обоими императорами существует соглашение или договор по турецким делам, то было бы в высшей степени важно узнать, как далеко идут их взаимные обязательства. Что касается способа заключения этой сделки, то, мне кажется, он вряд ли может возбуждать сомнение. Основа ее должна была быть заложена на одном из тех свиданий, которые происходили между обоими императорами минувшей осенью, а затем план был, вероятно, дальше разработан бароном Мейендорфом, представителем России в Вене, который провел зиму в Петербурге и сейчас еще находится тут».

И что же, теперь, когда английскому правительству стали известны эти сообщения, привлекает оно Австрию к ответственности? Нет, оно порицает только Францию. После вторжения России

в княжества оно делает Австрию посредницею, выбирает именно Вену местопребыванием конференции, поручает графу Буолу руководство заседаниями и все еще хочет внушить Франции нелепую веру в то, что Австрия является честным союзником в войне против москалей за сохранение и независимость Порты, хотя в течение уже более года определенно знает, что Австрия согласилась на раздел этой империи.

19 марта донесение сэра Гамильтона о его диалоге с царем пришло в Лондон. В это время лорд Кларендон занимает место лорда Джона и старается еще превзойти своего предшественника. Через четыре дня после получения изумительного сообщения, в котором царь уже не считает даже нужным скрывать своих заговорщических намерений относительно Франции и Порты, а открыто признает их, благородный граф посылает следующую депешу сэру Гамильтону: «Правительство ее величества сожалеет, что тревога и раздражение, господствующие в Париже, побудили французское правительство отдать приказ своему флоту направиться в греческие воды; но положение, в котором находится французское правительство, во многих отношениях отличается от положения правительства ее величества. Первое, насколько известно правительству ее величества, не получило заверений от императора относительно той политики, которой он (император) намерен следовать по отношению к Турции». (Ср. Синюю книгу, т. I, стр. 90.)

Если бы царь сообщил Франции, что «больной человек умирает», и начертал перед нею полностью свой план раздела наследства, то, конечно, Франции нечего было бы ни беспокоиться, ни сомневаться относительно судеб Турции, истинных целей миссии Меншикова и неизбежного решения российского императора сохранять целостность и независимость империи, которая, по его выражению, не обладает уже «жизнеспособностью».

Того же 23 марта граф Кларендон посылает вторую депешу сэру Гамильтону Сеймуру не из тех, что «стряпались» для Синих книг, но содержащую секретный ответ на секретное сообщение из Петербурга. Свое донесение о диалоге сэр Гамильтон закончил таким рассудительным предложением: «Осмеливаюсь рекомендовать, чтобы в следующую адресованную мне депешу было вставлено несколько выражений, имеющих целью положить конец дальнейшему рассмотрению или, по крайней мере, обсуждению вопросов, которые в высшей степени желательно было бы обсуждать не в качестве спорных вопросов».

Граф Кларендон, чувствующий себя тем человеком, который

В состоянии держать в руках горячие уголья, поступает в согласии с указаниями царя и в прямом противоречии с предостережениями своего собственного посланника. Он начинает свою депешу заявлением, что «правительство ее величества охотно идет навстречу желанию императора, чтобы вопрос этот и дальше обсуждался с откровенностью». «Высказанное императором благородное доверие дает его императорскому величеству *право* на такую же откровенность и со стороны британского правительства», которое должно помочь ему раздробить Турцию, предать Францию и, в случае развала Оттоманской империи, подавить какие бы то ни было попытки христианских народностей образовать свободные и независимые государства. «Правительство ее величества, — продолжает свободнорожденный (freeborn) британец, — совершенно уверено, что в случае, если какое-либо соглашение, имеющее отношение к будущим возможностям, явится целесообразным или действительно возможным, *слову его императорского величества* будет оказано предпочтение перед всяким договором, который может быть заключен».

Во всяком случае слово его стоит любого договора, который можно было бы заключить с ним; *ведь советники английской короны давно уже заявили, что договоры с Россией прекратили свое существование вследствие постоянного нарушения ею своих обещаний.*

«Правительство ее величества сохраняет уверенность, что Турция все еще обладает элементами жизнеспособности». И, чтобы доказать искренность этой уверенности, граф мягко прибавляет: «Если бы взгляд императора, что дни турецкой империи сочтены, стал достоянием гласности, ее крушение произошло бы еще раньше, чем рассчитывает его императорское величество».

Итак, калмыку достаточно высказать свой взгляд, что больной человек умирает, чтобы тот действительно умер. Завидная жизнь! Тут уж даже иерихонских труб не нужно. Дуновение высочайших уст императора, — и Оттоманская империя лежит в развалинах.

«Английское правительство *вполне* разделяет мнение императора, что занятие Константинополя какою-либо из великих держав будет признаваться несовместимым с сохранением нынешнего равновесия и с поддержанием мира в Европе, и должно быть сразу же признано невозможным; что нет данных для восстановления Византийской империи; что постоянная неурядица в Греции не поощряет к расширению ее территории и что, *ввиду отсутствия почвы для построения провинциального и общинного управления*, анархия была бы следствием предоставления турецких провинций самим себе или дозволения им образовать особые республики».

Обратите внимание, что британский министр, униженно валяющийся в ногах своего татарского господина и рабски повторяющий его слова, не стыдится повторить даже отвратительную ложь, будто в Турции «нет почвы для построения провинциального и общинного управления», между тем как именно сильное развитие общинной и провинциальной жизни давало Турции возможность до сих пор противостоять жесточайшим ударам изнутри и извне. Усвоив себе все предпосылки царя, британское министерство оправдывает и все выводы, какие ему угодно из них делать.

«В случае распада Турецкой империи, — сказал храбрый лорд, — единственным средством достигнуть мирного исхода был бы европейский конгресс». Но он боится последствий такого конгресса не из-за мошенничества России, — которая на Венском конгрессе так обманула Англию, что Наполеон на острове св. Елены воскликнул: «Если бы я остался победителем при Ватерлоо, я не мог бы продиктовать Англии более унижительных условий», — а из страха перед Францией. «Договоры 1815 года должны были бы в этом случае подвергнуться пересмотру, и Франция, вероятно, была бы готова рискнуть европейскою войною, чтобы освободиться от своих обязательств, которые она считает оскорбительными для своего национального достоинства и которые, будучи навязаны победоносным врагом, являются для нее источником постоянного раздражения».

Правительство ее величества желает сохранить Турецкую империю не как оплот против России и не потому, что крушение Турции заставило бы Англию защищать против России свои *диаметрально противоположные* интересы на Востоке. «О, нет! — говорит граф, — интересы России и Англии на Востоке совершенно *тождественны*». Англия хочет сохранить Турецкую империю не по каким-либо соображениям, связанным с восточным вопросом, а «из убеждения, что ни один крупный вопрос на Востоке не может быть поднят без того, чтобы не *стать источником раздоров на Западе*». Следовательно, восточный вопрос повлечет за собою не *войну западных держав против России, а войну западных держав между собою, войну Англии против Франции*. И тот же самый министр, который это писал, и его коллеги, которые это санкционировали, хотят уверить нас, что они серьезно собираются вести в союзе с Францией войну против России, и притом «из-за вопроса, возникшего на Востоке» и вопреки «тождественности интересов России и Англии на Востоке»!

Смелый граф идет еще дальше.

Почему боится он *войны с Францией*, которая, по его словам,

должна быть «неизбежным следствием» распада и раздробления Турции? Сама по себе война с Францией была бы очень приятной вещью. Но при этом возникают некоторые деликатные опасения. «Всякий крупный вопрос на Западе будет принимать революционный характер и включать в себя пересмотр всей социальной системы, к которому континентальные правительства, конечно, не готовы.

«Император вполне отдаёт себе отчет в тех силах, которые находятся в состоянии брожения над поверхностью общества, и в их способности взрываться даже в периоды мира; его императорское величество вследствие этого вряд ли откажется от своего мнения, что первый пушечный выстрел может явиться сигналом к наступлению положения дел и событий, более губительных даже, чем бедствия, которые неизбежно приносит с собою война». — «И отсюда, — восклицает откровенный миролюбец, — тревога правительства ее величества и стремление *предотвратить катастрофу*». Если бы за разделом Турции не угрожала война с Францией, а за нею — призрак революции, правительство ее величества было бы так же готово проглотить Великого Турка, как и его казачье величество.

Верный инструкциям, полученным через посредство сэра Г. Сеймура из русской канцелярии, храбрый Кларендон заканчивает свою депешу обращением к «великодушию и чувству справедливости императора».

В его второй депеше от 5 апреля 1853 года сэру Гамильтону дается поручение осведомить русского канцлера, что «лорду Редклиффу приказано вернуться к своему посту; что миссии его собственноручным письмом ее величества придан *особый характер*, в соответствии с тем впечатлением, что Порты будет скорее склонна следовать *умеренным* советам, исходящим от занимающего столь высокое положение и глубоко осведомленного в турецких делах виконта Стратфорда де-Редклиффа, — советам о необходимости для Порты обращаться с величайшей мягкостью со своими христианскими подданными».

Тот же Кларендон, который давал эти *особые* инструкции, писал в своей секретной депеше от 23 марта 1853 года: «Обращение с христианами не жестоко. По отношению к этой части своих подданных Турция обнаруживает терпимость, которая... могла бы служить образцом для некоторых правительств, презрительно считающих Турцию варварской страной».

В этой секретной депеше признается, что лорда Стратфорда посылают в Константинополь как наиболее ловкого и послушного исполнителя для оказания давления на султана. В министерских

•

газетах того времени посылка его изображалась в виде сильной демонстрации против царя, так как этот рыцарь издавна играл роль личного противника России.

Ряд секретных документов, предъявленных палате, заканчивается русским меморандумом, в котором Николай выражает удовольствие, что его взгляды вполне совпадают со взглядами английского кабинета по вопросу о политических комбинациях, которых прежде всего следует избегать, если паче чаянья произойдут на Востоке внезапные события.

Меморандум помечен 15-м апреля 1853 года. Он уверяет, что «лучшим средством поддержать прочность турецкого правительства было бы не беспокоить его чрезмерными требованиями, унижительными для его достоинства и его независимости».

Это было как раз в то время, когда разыграл свою комедию Меншиков, который 19 апреля обратился со своей бесстыдной «вербальной нотой», написанной языком, который, «к счастью, весьма редко встречается в дипломатии», как выразился в Верхней палате граф Кларендон, зато тем тверже был его светлость убежден, что царь намерен падить больного человека. Его убеждение становится еще более твердым, когда казаки вторгаются в княжества.

Коалиционный кабинет мог найти только одну щель, чтобы ускользнуть через нее от этих позорных документов. Он утверждает, что явную целью миссии князя Меншикова является вопрос о святых местах; сообщения о разделе Турции относятся лишь к неопределенно далекому времени. Но царь сказал ясно и определенно в своем первом меморандуме, что вопрос о крушении Турции «для него никоим образом не является праздною мечтой и отдаленною возможностью», что английское министерство ошибается, «считая оба вопроса — черногорский и о святых местах — простыми спорными вопросами, обычно занимающими дипломатию», — и что вопрос о святых местах «может принять очень серьезный оборот» и «повести к катастрофе». Министерство само согласилось не только в том, что в этом вопросе царю была причинена несправедливость, но и в том, что царь «по договору имеет право оказывать исключительное покровительство» одиннадцати миллионам подданных султана. И если английские министры теперь не позаботились о том, чтобы побудить Порту принять требования Меншикова, то царь, собираясь предать смерти этого «господина», действует лишь в духе меморандума, на основании сделанных ему ими самими обещаний и согласно своему устному заявлению сэру Г. Сеймуру,

что «шутить с собою он не позволит». Вопрос заключается не в том, прав ли он по отношению к ним; единственный вопрос, это — действуют ли они сами по отношению к нему в данный момент так, как *следует*. Каждому, кто читает внимательно эти документы, должно стать ясным, что, если это скандальное министерство останется на своем посту, уже одни только внешние осложнения могут толкнуть английский народ на страшную революцию, которая сметет трон, парламент и господствующие классы, потерявшие волю и способность охранять мировое положение Англии. Николай, бросивший коалиционному министерству через посредство «С.-Петербургской газеты» вызов — опубликовать секретные доказательства своего собственного бесчестия, действовал и в этом случае в духе своего лозунга: *«Я ненавижу того, кто мне сопротивляется, и презираю того, кто мне служит»*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ ОБ ИНДИИ. ¹

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Наполеон говорил: «Война, это — наука варваров». При помощи этой науки Англия подчинила себе свыше ста миллионов человек, или почти всю Ост-индскую империю, а теперь намеревается покорить остальную ее часть. В Англии целый ряд занятий, а именно все те, которые не связаны с церковными или государственными должностями, считаются ниже достоинства знатных фамилий и тех семей, которые основали свое благополучие на «ученом варварстве». Поэтому большинство представителей знати и состоит из «ученых варваров»; а так как прекратились войны Белой и Алой Розы и уже завоеваны Шотландия и Ирландия, они вынуждены искать занятий, нападая на отдаленные народы. Даже мирно настроенный коленкоровый сэр Роберт Пиль оставил после своей смерти двух сыновей военными — одного в армии, другого во флоте, — а третьего наследственным монополистом-помещиком с учено-варварским титулом баронета; его дочь также вышла замуж за «ученого варвара» с гербами и всякого рода прочими нелепыми эмблемами. Так обстоит дело с наиболее либеральными представителями английского цивилизованного варварства. Генерал Гоф, который едва избег судьбы пирата в Индии, за свое ученое варварство был возведен в пэры, и парламент изыскал для него средства, выжатые из развалин Ирландии, в которой он проживает. Денежный меняла Лойд-Джонс, достаточно богатый, чтобы сидеть в рядах «ученых варваров», недавно также был возведен в пэры, но ему было дано понять, что он должен прекратить свое ремесло как несовместимое с званием «ученого варвара». Подобного рода деятельность и по настоящий день еще настолько презирается «учеными варварами», что в их среде не может сидеть даже самый крупный маклер Европы; презрение, с которым относились к этому занятию в течение длинного ряда прошлых столетий, трудно себе представить. Но поэтому под властью «ученых варваров» Англии

¹ Настоящие две статьи Маркса — об Индии и Ирландии — не были своевременно включены в текст тома и поэтому печатаются в приложениях. *Ред.*

и понадобилось две тысячи лет, чтобы осуществить тот прогресс, на который нью-йоркскому штату потребуется всего три столетия. Лондонский «Times» уже около года тому назад высчитал, что богатство одного этого штата почти равно богатству всей Англии.

Поскольку всякая ложь в конце концов когда-нибудь должна обнаружиться, а «ученое варварство», соединенное с бессовестной торговлей, способно лишь привести к упадку любую страну, распятую между этими двумя разбойниками, нет ничего удивительного, что Индия достигла предельной бедственности своего положения, на что уже не может закрывать глаза само правительство и результатом чего явилась пятичасовая речь сэра Ч. Вуда об индийской реформе.

Нечего и думать, чтобы в Индии, изнывающей под двойным гнетом торговой войны и военной торговли, действительно могла иметь место какая бы то ни было реформа, и речь министра в этом отношении решительно ничего нового не дает. С подобной претензией произносились речи, — правда, не столь длинные, — и тогда, когда Ирландия взывала к богу бедных и обездоленных в агонии своей социальной и национальной смерти. Мы вовсе не расположены раздувать пламя общественного возмущения и гнева, но что политика английского правительства по отношению к другим народам, имеющая целью захват рынков и снабжение средствами своих привилегированных классов, есть без всякого преувеличения адская политика, — в этом мы убедимся из примера Индии.

Никто еще никогда не утверждал, что Индия когда-либо дала повод к нападению на нее со стороны Англии или что войны, ведшиеся против нее, были предприняты ради цивилизации. Целью этих войн, по общему признанию, был грабеж при помощи убийства, — грабеж, столь же отвратительный, как и работорговля, которая велась с полной санкцией и при соучастии епископов и других лиц, не столь близких к престолу милосердия. Завоевание этой почти бесчисленной массы человеческих существ происходило в условиях такого ужаса и таких страданий, что потребовался бы гений Берка, чтобы описать их. Далекие от того, чтобы свидетельствовать о христианском прогрессе, эти войны ничем не отличались в своем «ученом варварстве» от войн, которые велись греками и римлянами. Тот факт, что мириадам людей были причинены невыносимые страдания из-за того, что сыны английской аристократии были слишком горды, чтобы стать плотниками, кожевниками, сапожниками, каменщиками и земледельцами и таким образом зарабатывать средства к жизни у себя на родине честным трудом, и предпочли распространить свое «ученое варварство» до самых крайних преде-

лов, — этот факт настолько же ужасен, насколько кажется невероятным. Но в стране, где трудящиеся составляют касту, честного труда избегают, как укуса змеи, и пустота, образовавшаяся вследствие этого предрассудка, должна быть заполнена преступлением. «Будешь есть в поте лица твоего хлеб твой» — от этого проклятья привилегированные обычно стремятся ускользнуть и, прикрываясь традицией, без содрогания перелаживают все муки на плечи бедных, невежественных и беззащитных.

Лондонская «Daily News» пишет: «Те, которые должны были быть Вандербилтами Англии, избегают тратить свое богатство на великолепный образ жизни, как это делает их американский собрат. Они страшатся выставить напоказ каким-нибудь необычным образом свое богатство, так как это вызвало бы упрек по их адресу, что они — миллионеры и выскочки. В этом отношении существует большая разница между обеими странами. В Англии люди стыдятся своего собственного богатства, если только оно не приобретено одним из тех способов, которыми обычно приобретают его аристократы, т. е. через церковь, суд и армию. Если кто-нибудь сам настолько вульгарен, что не стыдится самого себя, его жена и дети прилагают все усилия, чтобы избегнуть всего того, что могло бы навести окружающих на мысль о их происхождении. Считалось чем-то сверхчеловеческим и героическим, когда сэр Роберт Пиль признавался в том, что он сын прядильного фабриканта, хотя об этом все знали».

Такое положение вещей у себя дома, в Англии, нашло соответствующее отражение и за границей — в Индии.

«Посмотрите на Индию, — пишет та же газета, — все богатство страны поглощается, а ее промышленное развитие задерживается правительством, которое, как кошмар, тяготеет над ней, парализуя свободу ее движений. Ее богатства неисчерпаемы, но никто их не использует. Ее население находится в состоянии застоя и даже вырождения. С чрезвычайным трудом платит она налоги, которые требуют с нее ее хозяева. Она становится банкротом и в дальнейшем, возможно, будет в тягость для метрополии. Сто миллионов ее жителей прозябают в бедности, мышление их ограничено самой узкой сферой. В то время как в Америку ежегодно вливаются сотни тысяч эмигрантов и, сливаясь с ее основным населением, увеличивают как общее богатство страны, так и свое собственное, — Индия является запретной территорией почти для всех, кто не имеет друзей на Лиденхолл-стрит и Кэннон-роу. Что иное можно делать в такой стране, как Индия, как не прозябать с угнетенными или вести жизнь сибарита с угнетателями? Удивительно ли, что при первом звуке

железнодорожного свистка изнеженные и ленивые владыки разбегаются по стране, стремясь уйти подальше от этого звука, появление которого всюду связано с энергией, богатством, активностью, свободой и прогрессом?»

Несмотря на эту реальную картину, сэр Чарльз Вуд пытался своей пятичасовой речью обелить политику Ост-индской компании. Комментируя предлагаемый им проект реформы, лондонский «Times» делает такое заключение: «Вместо кукольных королей и раджей сэр Чарльз намеревается дать нам картонных директоров без прав, без власти, без какой-либо твердой опоры, ожидающих только сигнала к своему окончательному уничтожению. Это можно сделать в Индии, где миллионные массы питаются рисом, но мы более чем сомневаемся в том, соответствует ли это духу Англии и действительно ли вызывается потребностями самого дела».

Лорд Вильям Бентик, — который, как бывший генерал-губернатор Индии, является компетентным судьей в этом вопросе, — характеризует английскую политику в Индии в противоположность магометанской, как политику «холодную, эгоистическую и бесчувственную: железная рука власти, с одной стороны, монополии и привилегии — с другой».

По словам полковника Сайкса, издержки на общественные работы в 1851 г. за период трех президентов достигли 93 000 ф. ст., — это при 70 000 000 населения. Покажется невероятным, что маленький штат Род-Айленд до самого последнего времени тратил на внутренние улучшения столько же, сколько Ост-индская компания для целой империи. По уверению одного англо-индийского чиновника, доходы Индии уменьшились за последние годы в отношении 7 к 5. Долг в настоящее время составляет 51 000 000 ф. ст. Доходы от яда, или опиума, поднявшиеся до 3 000 000 ф. ст., теперь почти иссякли в связи с развернувшимся кризисом.

Согласно лорду Корнуэллису, земельная рента в Индии принадлежит государству; этот вывод был сделан еще сорок лет тому назад. Г-н Милль повторил эту теорию перед парламентским комитетом в 1831 г., прибавив при этом, что «страна, где *вся рента* поступает государству, находится в наиболее счастливом положении, так как этой ренты может хватить на все нужды государства, и народ не нужно будет обременять никакими другими налогами». Прижатый к стене, г. Милль допустил, «что благодаря несовершенному знанию туземцев, их языка и условий жизни европейские сборщики налогов находятся в затруднительном положении при своре плохо оплачиваемых и продажных чиновников, когда приходится иметь дело

с страной в 10 000 квадратных миль и обращаться к каждому в отдельности из 150 000 земельных держателей; но он не сомневается в том, что будут изысканы способы ограничить взимание налогов одной рентой, и тогда благосостояние страны будет настолько обеспечено, насколько это вообще возможно, а, если земельный налог будет сведен к одной ренте, индийская налоговая система будет лучшей в мире». Г-н Милль является экономистом английской школы, но в данном случае он еще не определяет окончательного права «ученых варваров» на воровство ренты. Этот вопрос должен быть решен окончательно той английской политической экономией, которая служит источником просвещения для американской демократической партии. Пока же, несмотря на эти соединенные усилия «ученых варваров» и экономистов, население Индии бежит, зачастую *массами*, во владения «вырождающихся» («effete») туземных князей. Оно поступает так потому, говорит Диккинсон, что не чувствует там того унижения, которое оно испытывает под британским правлением, ибо не произвольная власть национального государя, но подчинение иностранному владычеству разрушает национальную силу и гасит народный дух, убивая вместе с ними и самый источник всего, что является похвальным в общественной и частной жизни. «Но, — продолжает тот же автор, — мы вставляем их особенно больно чувствовать владычество чужеземцев; мы отделяем барьером привилегий туземцев от иностранных хозяев; самый маленький европейский чиновник в черном или красном мундире стоит выше любого местного дворянина, хотя последний может быть потомком целой линии князей и часто бывает человеком рыцарских чувств и высокой образованности; тем не менее, мы третируем их как существа низшей расы, и мы действительно делаем их таковыми; наша монополия на все высшие должности систематически способствует деградации индийского народа; измельчание характера туземцев под нашим управлением ясно каждому; сэр Томас Менро зашел так далеко, что даже высказался за полное изгнание нас из этой страны, раз система нашего правления имеет своим следствием упадок целого народа. Таковы образцы благодетельного британского правления».

Не мешало бы, чтобы мемфисский съезд обратил внимание на то, что индусам препятствуют иметь оборудование для обработки их хлопка; последний обычно перевозится сначала по болотистой местности, часто на расстоянии восьмисот миль, на телегах, запряженных быками, далее водой по Гангу и, наконец, морем вокруг Мыса Доброй Надежды в Англию, где он должен подвергнуться обработке, чтобы

после этого обратно возвратиться к туземцам уже в виде фабриката, хотя стоимость всех этих операций достигает свыше 90 процентов всех расходов. Здесь можно провести параллель с поведением наших монополистов по отношению к южным плантациям, с той, однако, разницей, что индусы слишком слабы, чтобы сопротивляться этой политике, а мы слишком влюблены в доктрины г. Милля о свободе торговли.

Чтобы грабеж был еще более успешным, индийское правительство отменило право туземных князей на усыновление наследников, — право, гарантированное в свое время особым актом парламента и подтвержденное затем различными генерал-губернаторами. Беззастенчивость, с которой г. Маколей описывает в своей статье о Уоррене Гастингсе систематический грабеж английских авантюристов в Индии, наживавших себе здесь богатства, дававшие им возможность родниться с английской знатью, можно сравнить с жаргоном разбойников и убийц. И когда мы встречаем у Риккетса, писавшего чрезвычайно много об Индии, место, где он пишет, что «кучка англичан награбила в течение шестидесяти лет в Индии тысячу миллионов стерлингов», — мы спрашиваем самих себя: какое же влияние оказала христианская религия на эту нацию, которая может одобрять подобные вещи, которая возводит воров на самые высокие ступени наследственных почестей, помещает их в непосредственную близость к священной королевской особе, оказывает им публично при каждом удобном случае знаки предпочтения, приличествующее гению и достоинству, наделяет их такими титулами, какие когда-то употребляли евреи по отношению к Иегове, превращает их в привилегированных землевладельцев, — источник патроната, делает их зеркалом морали и хороших манер, образцом для самого крайнего честолюбия?

Ирландия была спасена от своей полной гибели — до самого последнего человека — тем, что часть ее населения эмигрировала в Америку. Эмиграция туда, по словам лондонского «Times», «предотвратила появление пушек на улицах Лондона». Но индийская империя находится слишком далеко, чтобы воспользоваться подобной помощью. И вот она лежит, осужденная на всеобщую и полную бедность, ибо туземный крестьянин (гуот) уже теперь низведен до степени самой безнадежной нищеты, а туземный дворянин быстро следует по его стопам. Таковы результаты британской монопольной системы, соединенной с «наукой варваров».

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. — ИРЛАНДСКОЕ АРЕНДНОЕ ПРАВО.

Лондон, 28 июня 1853 г.

Так как коалиционное министерство зависит от поддержки ирландской партии и так как все прочие партии, входящие в палату общин, настолько уравнивают одна другую, что ирландцы в любой момент могут повернуть весы в ту сторону, куда им угодно, — ирландским арендаторам собираются, наконец, сделать некоторые уступки. В билле об арендных правах (в Ирландии), прошедшем прошлую пятницу в палате общин, имеется положение, предусматривающее денежное вознаграждение арендатору, которое он должен получить по окончании срока аренды за улучшения, произведенные им в отношении почвы или отдельно от нее; новому арендатору предоставляется право внести их в оценку, причем компенсация за улучшения почвы должна быть оговорена в договоре между землевладельцем и арендатором.

Арендатор в той или иной форме вкладывает в землю свой капитал и тем самым способствует улучшению почвы; это он делает или прямым путем — через орошение, осушку и удобрение, или косвенным — через постройку зданий, предназначенных для сельскохозяйственных целей; в результате землевладелец требует повышенной ренты. Если арендатор уступает, то получается, что он должен платить землевладельцу проценты за свои собственные деньги. Если он упорствует, его без церемонии выбрасывают и заменяют новым арендатором, который в состоянии платить более высокую ренту вследствие издержек, произведенных его предшественниками; новый арендатор, в свою очередь, улучшает землю, в результате чего подобным же образом заменяется другим лицом или ставится в более тяжелые условия. Таким удобным способом класс отсутствующих землевладельцев получал возможность прикарманивать не только труд, но и капитал целых поколений; каждое поколение ирландских крестьян опускалось ступенью ниже на общественной лестнице в соответствии с теми усилиями и жертвами, которые ими делались для улучшения их положения и положения их семей. Если арендатор был трудолюбив и предприимчив, то он облагался

дополнительным налогом именно вследствие своего трудолюбия и предприимчивости. Если, наоборот, он становился бездеятельным и небрежным, его корили «природными пороками кельтской расы». Следовательно, у него не оставалось никакого иного выхода, как сделаться паупером — стать нищим от своего трудолюбия или от своего нерадения. В целях борьбы с подобным порядком вещей в Ирландии было провозглашено «арендное право» — право арендатора — не на почву, но лишь на те усовершенствования, которые он производит за свой счет и благодаря своей энергии. Посмотрим, как «Times» в своей субботней передовице пытается опровергнуть это ирландское «арендное право».

«Обычно существуют две главных системы фермерской аренды: или арендатор берет землю в аренду на определенное, точно установленное количество лет, или его аренда может быть прекращена в любое время при условии известного предупреждения. В первом случае он очевидно будет в состоянии приспособиться к сроку своей аренды и соответственно этому распределить свои издержки таким образом, чтобы иметь возможность получить прибыль до окончания аренды. Во втором случае не менее очевидно, что арендатор не будет рисковать вкладывать свой капитал без наличия соответствующих условий, гарантирующих ему возвращение затраченных средств».

Где землевладельцы имеют дело с классом крупных капиталистов, которые могут, как им заблагорассудится, помещать свои капиталы в торговлю, промышленность или сельское хозяйство, там, конечно, не приходится сомневаться в том, что подобные капиталистические фермеры сумеют обеспечить «приличное» возвращение своих издержек, снимают ли они аренду долгосрочную или без всякого срока. Но по отношению к Ирландии это предположение является совершенно фиктивным. Здесь вы имеете, с одной стороны, незначительный по численности класс земельных монополистов и, с другой, — класс мелких арендаторов с ничтожными состояниями, которые совершенно лишены возможности делать какой-либо выбор и помещать свои скудные средства куда-либо, кроме сельского хозяйства. Поэтому они бывают вынуждены делаться зависимыми от лорда арендаторами. В качестве таковых они, естественно, рискуют потерять свой доход, если не вкладывают в дело свой маленький капитал. Если же они вкладывают его в целях обеспечить свой доход, они в такой же степени рискуют потерять свой капитал.

«Может быть, — продолжает «Times», — нам возразят, что

редко когда аренда бывает без того, чтобы арендатор не оставил после себя чего-нибудь на земельном участке в той или иной форме, что составляет его собственность и за что он должен немедленно получить вознаграждение. В этом замечании имеется доля истины, но такое требование на возмещение в нормальных общественных условиях легко может быть удовлетворено соглашением между землевладельцем и арендатором, так как это, во всяком случае, можно предусмотреть в первоначальном договоре. Но мы утверждаем, что эти соглашения должны регулироваться условиями общества; по нашему мнению, никакой парламентский указ не в состоянии заменить собой подобного действия.

Действительно, в «нормальных общественных условиях» мы вовсе не нуждались бы в парламентском вмешательстве в ирландские арендные отношения, так же как в «нормальных общественных условиях» мы не ощущали бы нужды во вмешательстве солдат, полиции и палача. Законодательство, чиновничество и вооруженная сила — все это лишь плоды ненормальных общественных условий, и назначение их состоит в том, чтобы препятствовать установлению между людьми таких отношений, которые бы делали бесполезным принудительное вмешательство третьей высшей силы. Но, может быть, «Times» превратился в социального революционера? Может быть, он желает *социальной* революции, которая бы реорганизовала «общественные условия», и предпочитает «соглашения», вытекающие из этих новых условий, парламентским указам? Англия разрушила условия ирландского общества. Во-первых, она конфисковала землю ирландцев; затем «парламентскими указами» она подавила ирландскую промышленность; наконец, вооруженной силой она уничтожила активность и энергию ирландского народа. Таким образом Англия создала те отвратительные «общественные условия», которые дают возможность маленькой *касте* хищных лордиков диктовать ирландскому народу условия, на которых ему позволено владеть землей и жить на ней. Слишком слабый еще, чтобы революционным образом ниспровергнуть «общественные условия», народ обращается к парламенту, требуя, по крайней мере, смягчения или регулирования этих условий. «Нет, — заявляет тогда «Times», — пока вы не живете в нормальных общественных условиях, парламент не может исправить это положение». Но стоило бы ирландскому народу, по совету «Times», сделать попытку самому завтра начать исправлять условия своего общества, как тот же «Times» первый бы высказался за штыки и стал бы изливать кровавые доносы на «пороки кельтской расы», которой недостает

англо-саксонской склонности к мирному прогрессу и усовершенствованию в рамках закона.

«Если землевладелец, — пишет «Times», — намеренно обидит какого-нибудь арендатора, то ему труднее будет найти другого; и поскольку все его занятие состоит в сдаче земли в аренду, он убедится, что ему становится все труднее сдавать ее».

В Ирландии дело обстоит несколько иначе. Чем больше землевладелец обижает одного арендатора, тем легче он находит возможность угнетать другого. Арендатор, который вступает во владение, является орудием, которым наносится ущерб старому, выброшенному арендатору, а этот последний служит средством порабощения нового. Что, по истечении известного времени, землевладелец, помимо разорения своего арендатора, разорит и самого себя, — это не только вероятно, это уже факт для Ирландии, факт, который, однако, является сомнительным источником утешения для разоренного арендатора.

«Отношения между землевладельцем и арендатором, это — отношения между двумя торговцами», — пишет «Times». Это именно то *petitio principii* (недоказанность предпосылки), которое имеет место во всей статье «Times». Нуждающийся ирландский арендатор целиком зависит от земли, в то время как земля вся принадлежит английскому лорду. С таким же основанием можно было бы назвать отношением между двумя торговцами тот случай, когда грабитель предъявляет свой пистолет, а путешественник — свой кошелек.

«Но, — говорит «Times», — фактически отношения между ирландскими землевладельцами и арендаторами скоро будут реформированы действием, более могущественным, чем законодательство. Ирландская собственность быстро переходит в новые руки, и если эмиграция будет продолжаться с такой же быстротой, как она происходит в настоящее время, земледельческая собственность Ирландии подвергнется тому же самому перемещению».

Здесь, наконец, «Times» сказал правду. Британский парламент не является препятствием в тот момент, когда старая система довела до общего разорения как экономного землевладельца, так и нуждающегося арендатора; первый был сражен ударом молотка Комиссии о задолженных поместьях (*Encumbered Estates Commission*), второй был изгнан насильственной эмиграцией. Это напоминает нам историю мароккского султана. Какая бы тяжба ни велась между двумя сторонами, он не знал иного, более «могущественного действия» для разрешения спора, как казнь обеих сторон.

«Ничто не приведет к большому беспорядку, — заканчивает «Times» свою статью об «арендном праве», — как коммунистиче-

ское распределение собственности. Единственным лицом, обладающим в известной степени правом, является землевладелец».

«Times», повидимому, как Эпименид, проспал всю первую половину настоящего столетия и никогда не слышал о споре, который в течение всего этого времени велся против претензий землевладельца; этот спор происходил не между социальными реформаторами и коммунистами, а между самими экономистами британской буржуазии. Рикардо, создатель новейшей политической экономии в Великобритании, не оспаривал «права» землевладельцев, поскольку он был вполне убежден, что их претензии основаны на факте, но не на праве, а политическая экономия вообще не имеет никакого отношения к вопросам права. Возражение Рикардо против земельной монополии носит более скромный, но более научный и потому более опасный характер. Он доказывал, что частная собственность на землю, поскольку она отличается от специфических прав земледельца или фермера, является отношением совершенно излишним и не связанным со всей системой современного производства; что экономическое выражение этих отношений и земельная рента могли бы с большой выгодой быть присвоены государством; что, наконец, интересы землевладельца противоположны интересам прочих классов современного общества. Было бы утомительно перечислять те выводы, которые можно извлечь из этих предпосылок рикардианской школы против земельной монополии. Чтобы покончить с этим вопросом, я ограничусь цитатами из трех новейших экономистов Великобритании.

Лондонский «Economist», — главный издатель которого г. Дж. Вильсон является не только оракулом фритредеров, но также и вигом, и не только вигом, но и неизбежной принадлежностью казначейства в каждом вигском или коалиционном министерстве, — в различных своих статьях утверждал, что, точно выражаясь, не существует права, устанавливающего исключительную собственность одного или нескольких индивидов на территорию нации.

Г-н Ньюман в своих «Лекциях по политической экономии», Лондон, 1851 г., откровенно задававшийся целью опровергнуть социализм, пишет: «Ни один человек не имел и не может иметь естественного права на землю, исключая тех случаев, когда он лично обрабатывает ее. Его право касается лишь пользования ею, но не больше. Всякое иное право представляет собой продукт искусственного закона (или «парламентских указов», как выразился бы «Times»)... Если когда-нибудь земли будет нехватать, чтобы жить на ней, право частных собственников препятствовать пользованию ею другими должно будет исчезнуть».

В Ирландии дело обстоит именно так, и г. Ньюман ясно подкрепляет требования ирландских арендаторов, хотя его лекции читались перед избранной аудиторией британской аристократии.

В заключение разрешите мне процитировать несколько выдержек из работы г. Герберта Спенсера «Социальная статистика», Лондон, 1851 г., которая также стремится целиком опровергнуть коммунизм и признается наиболее подробным изложением учения о свободе торговли в современной Англии.

«Никто не имеет права пользоваться землей так, чтобы препятствовать остальным в пользовании ею подобным же образом. Справедливость не мирится с собственностью на землю, ибо тогда остальным приходилось бы жить на земле лишь с согласия собственников. Безземельные на законном основании могли бы даже совсем быть изгнаны с земли... Никогда нельзя претендовать на то, чтобы существующие права на земельную собственность являлись действительно законными правами. Если кто так думает, пусть обратится к хроникам. Первоначальные документы были написаны скорее мечом, чем пером. Не юристы, а солдаты были здесь нотариусами. Удары служили ходячей монетой, которую давали в уплату; для печатей кровь предпочиталась воску. Могут ли иметь силу права, созданные при таких обстоятельствах? Едва ли. А если нет, что сказать тогда о правах всех последующих владельцев поместьев, приобретенных таким образом? Разве порождается продажей или передачей по наследству право там, где его прежде не существовало?.. Если один акт передачи не дает права, то почему же это могут сделать многие?.. И в каком количестве в год не имеющие силы претензии получали эту силу?.. Право человечества в широком смысле слова на земельную площадь еще сильно, несмотря на все документы, традиции и законы. Невозможно исследовать способ, каким земля может превратиться в частную собственность... Мы каждый день отрицаем лендлордизм нашим собственным законодательством. Когда нам нужно проводить канал, железную дорогу или трактовую дорогу, мы не останавливаемся перед захватом многих акров, которые потребуются для этой цели. Мы не ожидаем согласия... Требуемая перемена была бы не чем иным, как переменной землевладельцев... Вместо того, чтобы быть собственностью отдельных лиц, страна принадлежала бы великой корпорации—обществу. Вместо аренды земли у отдельного собственника, арендатор снимал бы ее у нации. Вместо того, чтобы платить свою ренту агенту сэра Джона или «его светлости», он платил бы ее агенту или уполномоченному общины. Управляющие поместьями из частных

служащих превратились бы в общественных чиновников, а фермерство — в простое земельное владение... Доведенное до своих крайних последствий, право на исключительное обладание землей привело бы к землевладельческому деспотизму».

Таким образом, с точки зрения представителей новейшей политической экономии правом на землю своей страны обладают не узурпаторы, английские землевладельцы, а ирландские арендаторы и трудящиеся, и «Times», выступая против требований ирландского народа, ставит себя в прямое противоречие с британской буржуазной наукой.

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

- Абди-паша—турецкий генерал, в 1853 г. командующий армией на кавказском фронте — 555, 556, 590, 611.
- Абдул-Азиз-хан (1830 — 1876) — турецкий султан, брат Абдул-Меджида (1861 — 1876) — 433.
- Абдул-Меджид (1823 — 1861) — турецкий султан (1839 — 1861) — 371, 381, 410, 411, 413, 423, 425, 432, 433, 435, 337, 438, 440, 447, 448, 456, 457, 458, 461, 463, 471, 472, 473, 474, 475, 477, 478, 479, 480, 482, 493, 551, 552, 570, 572, 573, 574, 579, 580, 632, 639, 646, 650, 657, 660, 668, 669, 691, 694, 698, 701.
- Август, Кай - Юлий - Цезарь - Октавиан (63 до н. э. — 14 после н. э.) — римский император — 95.
- Агостини, Цезарь (ум. 1854 г.) — итальянский революционер, заговорщик, последователь Мадзини; после неудачного заговора в 1853 г. отошел от Мадзини — 108.
- Аделаида-Евгения-Луиза (1777—1847)— принцесса Орлеанская, сестра Луи-Филиппа — 426.
- Алар, Нельвир (1798 — 1877) — французский полковник, впоследствии генерал — 632.
- Александр, Джон (1802 — 1873) — англо-ирландский политический деятель, консерватор, член парламента — 80.
- Александр I (1777 — 1825) — русский император (1801 — 1825) — 371, 372, 480, 501, 504, 505, 510, 626.
- Александр Карагеоргиевич (1806 — 1885) — князь Сербский (1842 — 1858) — 437, 568, 613.
- Али-паша (1741—1822)—турецкий паша, правитель Янины (1788—1822)—394.
- Альбемарль, граф, Джордж-Томас-Кеппель (1799—1891)—английский аристократ, член палаты лордов, виг; в 1820 гг. состоял на службе в Индии — 344.
- Альберт-Френсис-Чарльз - Огюст-Эммауэль (1819 — 1861) — сын Кобургского герцога, «принц-супруг», муж королевы Виктории — 449, 450, 581, 585, 616, 617, 618, 619, 624.
- Алькок, Ретерфорд (1809 — 1897) — английский дипломат, в 1846 — 1858 гг. консул в Шанхае — 314.
- Американский капитал — см. Ингрехем.
- Американский консул — см. Оффи.
- Амло, де-ла Уссай, Никола (1634 — 1706) — французский писатель, автор книги «Histoire du Gouvernement de Venise» (1676) — 95.
- Андроников, князь, Иван Манхазеевич (1798 — 1868) — русский генерал; в 1853 г. командовал отрядом на кавказском фронте — 591.
- Анна (1685 — 1714) — английская королева (1702 — 1714) — 141.
- Анреп-Эльмлт, граф, Иосиф Романович (1798 — 1860) — русский генерал, участник Крымской войны — 612.
- Ансти, Томас-Чисгольм (1816 — 1873) — английский адвокат, радикал, член парламента — 503, 521, 522, 525, 528, 529, 530, 532, 542.
- Аппоньи, граф, Рудольф (1812 — 1876) — австро-венгерский дипломат, посол в Лондоне и Париже — 531.
- Атол, герцог, Джордж-Огюст-Фредерик-Джон - Муррей (1814 — 1864) — английский аристократ, член палаты лордов, торий — 86.
- Аристотель (384 — 322 до н. э.) — известный греческий философ, создатель формальной логики — 331.
- Атвуд, Томас (1783 — 1856) — английский политический деятель, радикал, участник правого крыла чартистского движения — 523, 525, 526, 531, 547.
- Ауренгзеб (Аврэнг-Сиб) (1619 — 1707) — «великий могол», император Индии (1658 — 1707) — 346.
- Ахмед (ум. 1855 г.) — тунисский бей (1837 — 1855) — 483.
- Ахмед-паша —турецкий генерал, в 1854г. командующий кавказской армией — 611.

Б.

- Баденский генерал — см. Фридрих I, великий герцог Баденский.
- Балкарис — см. Кроуфорд-Балкарис.
- Бандьера, братья, Атилино (1811—1844) и Эмилио (1819—1844) — итальянские патриоты, члены общества «Молодая Италия»; 12 июня 1844 г. сделали попытку поднять восстание в Калабрии, но были схвачены и вскоре казнены — 576, 543.
- Барагэ д'Илье, Ашиль, граф (1795—1878) — французский генерал; в 1853 г. был отправлен чрезвычайным послом в Константинополь; в 1854 г. командовал французскими войсками на Балтийском море — 557, 668.
- Барбур, Джеймс (1831—1852) — преступник в Шеффилде, казненный за убийство в декабре 1852 г. — 87.
- Баррингтон, виконт, Вильям-Кеппель (1793—1867) — английский политический деятель, консерватор, член парламента — 246.
- Барро, Камил-Гиасинт-Одилон (1791—1873) — французский политический деятель, участник революции 1830 г., в дальнейшем лидер либерально-монархической буржуазной оппозиции, в 1846 г. член Национального собрания и глава первого министерства при Луи-Наполеоне (1848—1849) — 637.
- Баттиани, граф, Людвиг (1806—1849) — венгерский политический деятель, либерал, министр президент венгерского конституционного правительства в 1848 г. — 280.
- Белль, Джордж, — английский судовладелец — 540, 543, 544, 546, 547.
- Беллью, Ричард-Монтескье — английский политический деятель, виг, член парламента, в 1846—1852 г. лорд казначейства — 27.
- Бельгийский король — см. Леопольд I, король Бельгии.
- Бем, Дездеф (1795—1850) — польский генерал, участник польского восстания 1830 г. и венгерской революции 1848—1849 гг. — 452, 529.
- Беннон — служащий в Лондонском городском совете — 240.
- Бентин, лорд, Вильям-Кавендиш (1774—1839) — английский генерал-губернатор Индии (1827—1835 гг.), с 1837 г. член парламента, виг — 716.
- Беранже де, Пьер-Жан (1780—1857) — известный французский поэт, при реставрации Бурбонов своими стихами способствовал созданию культа Наполеона I — 372.
- Берг — секретарь русского посольства в Лондоне — 630.
- Бересфорд, Вильям (1797—1883) — английский политический деятель, консерватор, член парламента, в 1852 г. военный министр — 12, 21, 60.
- Беринг, Френсис-Торнхилл, барон Нортбрук (1796—1866) — английский государственный деятель, происходивший из известной банкирской семьи; виг, в 1839—1841 гг. министр финансов (канцлер казначейства), в 1849—1852 гг. морской министр — 93.
- Берк, Эдмунд (1729—1797) — английский писатель и политический деятель, консерватор, один из упорных противников Великой французской революции, идеолог английской контрреволюционной финансовой и торговой аристократии — 337, 714.
- Беркли, Френсис-Генри-Фитц-Морис (1794—1870) — английский политический деятель, радикал, член парламента — 17, 168.
- Бертен, Луи-Мари-Арман (1801—1854) — французский журналист, издатель газеты «Journal des Débats» — 405.
- Бетман-Гольберг, Моритц-Август, фон (1795—1877) — прусский юрист и политический деятель, лидер консервативной партии, группировавшейся вокруг газеты «Preussisches Wochenblatt» — 291.
- Бетюн, Джон-Эллиот-Дринкуотер (1801—1851) — английский юрист, юрисконсульт по делам Индии — 324, 325.
- Бибеско - Стирбей, Барбо - Димитрий (1801—1869) — валахский господарь (1849—1853 и 1854—1856) — 580.
- Блайф, Джеймс — английский политический деятель, чартист — 258, 261.
- Блан, Луи (1811—1882) — французский журналист, историк и политический деятель, мелкобуржуазный социалист, член временного правительства в 1848 г.; в дальнейшем (1848—1870 гг.) жил в эмиграции в Лондоне — 261, 633.
- Бленкет, Джон-Фенвик-Бургойн (1821—1856) — английский политический деятель, либерал, член парламента — 467, 469.
- Боднин, Вильям-Генри (1791—1874) — английский юрист — 294, 295.
- Бойлан, Дж. — служащий на фабрике В. Хейля — 294.
- Бомон-Васи, де ла Боньер, Эдуард-Фердинанд, виконт (1816—1876) — французский публицист, автор шеститомной «Истории европейских государств со времени Венского конгресса» (1843—1853) — 404.

- Бомонт, лорд, Милья-Томас-Степльтон (1805 — 1854) — английский политический деятель, либерал, член палаты лордов — 433, 458.
- Бонапарт — см. Наполеон I и Наполеон III.
- Бонапарт, Жером (1784 — 1860) — младший брат Наполеона I, король Вестфальский (1807 — 1813) — 272.
- Бонапарт, Пьер, принц (1815 — 1881) — двоюродный брат Наполеона III — 272.
- Бонапарты — французская династия (1804 — 1815 и 1852 — 1870) — 98, 110, 583.
- Боргойн, сэр, Джон-Фокс (1782 — 1876) — английский военный инженер, генерал, участник Крымской войны — 632.
- Браммель — английский пастор — 118.
- Брайт, Джон (1811 — 1889) — английский фабрикант и политический деятель, лидер фритредеров, член парламента, в дальнейшем министр торговли в министерстве Гладстона (1868 — 1870) — 28, 52, 53, 69, 72, 98, 99, 100, 119, 129, 160, 162, 168, 226, 325, 338, 420, 617, 621, 644.
- Браутон, лорд — см. Гобхауз.
- Бреди, Джон (род. 1812 г.) — английский хирург и политический деятель, либерал, член парламента — 247.
- Бредертон, Джозеф (1783 — 1857) — английский политический деятель, радикал, член парламента — 98.
- Бриггс, Джон (1785 — 1875) — английский генерал в Индии — 340.
- Броун — американский дипломат, в 1853 г. поверенный в делах Соединенных Штатов Америки в Турции — 434.
- Брук, фон, Карл-Людовиг (1798 — 1860) — австрийский государственный деятель, министр торговли (1848 — 1851), в 1853 — 1855 гг. временный посол в Константинополе, в дальнейшем министр финансов (1855 — 1860) — 421, 482, 552.
- Брум, барон, Генри-Питер (1778 — 1868) — английский политический деятель, писатель и выдающийся оратор, либерал, член палаты лордов — 418.
- Бруннов, Филипп Иванович (1797 — 1875), барон, впоследствии граф — русский дипломат, в 1840 — 1854 гг. посол в Лондоне — 168, 169, 380, 406, 428, 429, 430, 431, 450, 454, 616, 629, 630, 689.
- Брут, Марк Юний (ок. 79 — 42 до н. э.) — римский политический деятель, один из лидеров республиканской аристократической партии, убийца Цезаря — 619.
- Брюа, Арман-Жозеф (1796 — 1855) — французский адмирал, в 1854 г. главнокомандующий французского флота в Черном море — 635.
- Будберг, фон, барон, Александр Иванович (1798 — 1876) — русский генерал; в 1853 г. был назначен чрезвычайным комиссаром в княжествах Молдавии и Валахии — 580.
- Бульвер, барон, Вильям-Генри-Литтон-Эрль (1801—1872) — английский дипломат и член парламента (1830—1835), виг; в 1837 г. секретарь посольства в Константинополе; в дальнейшем был послом в Мадриде (1843 — 1848), Вашингтоне (1849), в Константинополе (1858 — 1865) — 514, 531, 572.
- Бунзен, Христиан-Карл-Иовиас (1791—1860) — немецкий политический деятель и писатель, прусский посол в Лондоне (1842 — 1854) — 287, 693.
- Буоль-Шауэнштейн, граф, Карл-Фердинанд (1797 — 1865) — австрийский государственный деятель, дипломат, посол в Петербурге (1848—1850), министр иностранных дел и премьер-министр (1852 — 1859) — 421, 477, 580, 703.
- Бурбоны — французская династия (1589—1792 и 1814 — 1830) — 582.
- Бусак — венгерский революционер-демократ, сподвижник Кошута — 106.
- Бустрада (455) — см. Наполеон III.
- Бушби — чайная фирма в Ливерпуле — 219.
- Бэйли, Генри-Джемс (род. 1804 г.), английский политический деятель, консерватор, член парламента — 628.
- Бэнгауз — чиновник в английском министерстве иностранных дел — 528.
- Бэтт, Исаак (1813—1879) — ирландский политический деятель, консерватор, член парламента — 129, 632, 648.

В.

- Валевский, Флориан-Александр-Жозеф-Колонна (1810 — 1868) — польский граф, сын Наполеона I, французский дипломат, в начале 1850 гг. посол в Лондоне, с 1855 г. министр иностранных дел Франции; председательствовал на конгрессе дипломатов в Париже в 1856 г. — 263, 698.
- Вальполь, Спексер-Орас (1806—1898) — английский политический деятель, консерватор, министр внутренних дел (1852, 1858 — 1859 и 1866) — 55.
- Вандербильт, Корнелиус (1794 — 1877) — американский миллионер — 715.
- Ван-Димен (1593—1645) — голландский адмирал, по имени которого вначале

- называлась Тасмания (остров близ Австралии) — 200.
- Век — швейцарский патриций, участник Фрейбургского восстания 1853 г. — 297.
- Венфильд, Эдуард-Гиббон (1796—1862) — английский колониальный деятель (Австралия и Новая Зеландия) и писатель-теоретик капиталистической системы колонизации — 71.
- Веллингтон, герцог, Артур-Веллеслей (1769—1852) — английский фельдмаршал, главнокомандующий в эпоху наполеоновских войн и государственный деятель, консерватор, вожь английских реакционеров, премьер-министр (1827 — 1829 и 1834) — 43, 340, 417, 490, 492, 517, 522, 527, 534, 541, 556, 685, 689.
- Веллингтон, герцог, Артур-Ричард-Веллеслей, ранее маркиз Дуро (1807 — 1884) — сын предыдущего, член парламента, затем палаты лордов, консерватор — 44.
- Венкштерн, фон, Отто — немецкий журналист, сотрудник лондонского «Times», шпион прусского посольства — 287.
- Верити, Э. А. — английский пастор в Ланкашире — 119.
- Веслей, Джон (1703 — 1791) — английский проповедник, основатель методистской церкви в Англии — 158.
- Вестминстер, маркиз, Ричард Гровенор (1795 — 1869) — английский политический деятель, либерал, член палаты лордов — 247.
- Вестфален, фон, Фердинанд-Отто-Вильгельм-Геннинг (1799 — 1876) — шурин Маркса, прусский реакционный государственный деятель, министр внутренних дел (1850 — 1858) — 108.
- Видок, Франсуа-Эжен (1775 — 1857) — сыщик французской тайной полиции; в 1828 г. издал свои «Мемуары» — 490.
- Викари, Герман (1778 — 1868) — архиепископ Фрейбургский (1842—1868) — 560.
- Виктория I (1819 — 1901) — английская королева (1837 — 1901) — 192, 194, 277, 332, 423, 449, 466, 500, 547, 576, 581, 585, 603, 617, 618, 624, 652, 690, 702, 703, 705, 706.
- Виллере — участник Фрейбургского восстания 1853 г. (Швейцария) — 297.
- Вильгельм I (1772 — 1843) — король Нидерландов (1813 — 1840) — 510.
- Вильгельм III (1650 — 1702) — король Англии (1688 — 1702) — 141, 353, 354, 358, 490, 532, 691.
- Вильгельм IV (1765 — 1837) — король Англии (1830 — 1837) — 288, 528, 529, 530, 531, 546, 618, 633.
- Виллель, Жозеф, граф, де (1773 — 1850) — французский государственный деятель эпохи р старавции, крайний роялист, министр-президент (1822 — 1827) — 411, 426, 527.
- Вильерс, Чарльз-Пельгэм (1802—1880) — английский политический деятель, либерал, член парламента — 53, 71.
- Вильсон, Джемс (1805—1860) — английский экономист и политический деятель: с 1843 г. издавал еженедельную газету «Economist»; член парламента, либерал — 246, 723.
- Вильсон, Джордж (1808 — 1870) — один из лидеров фритредерского движения в Англии; в 1841 — 1846 гг. был председателем Лиги борьбы против хлебных законов — 97.
- Вильямс, Вильям — английский политический деятель, радикал, член парламента — 123, 135.
- Вильямс, Джемс — один из вождей чартистского движения — 17, 46, 258, 261.
- Висконти, маркиза, Констанца-Арионати (ум. 1871 г.) — итальянская патриотка-националистка — 273.
- Войнович, граф, Марко Иванович (ум. 1807 г.) — русский адмирал; в 1781 г. был взят в плен персидским генералом Аги-Мехметом — 400.
- Вольтер, Франсуа-Мари (1694—1778) — известный французский писатель-сатирик и философ, деист, один из идеологов французской буржуазии кануна революции — 637.
- Воронов, князь, Михаил Семенович (1782 — 1856) — русский генерал, в 1844 — 1853 гг. главнокомандующий кавказских войск и наместник Кавказа — 591.
- Воррен, сэр, Чарльз (1798 — 1866) — английский полковник, впоследствии генерал, состоявший на службе в Индии (1830 — 1838) — 364.
- Вуд, сэр, Чарльз (1800 — 1885) — английский государственный деятель, либерал, министр финансов (1846) и председатель контрольного совета по делам Индии (1852—1855); в дальнейшем морской министр (1855) и министр по делам Индии (1859—1865) — 13, 14, 17, 18, 61, 62, 63, 71, 91, 110, 152, 321, 322, 323, 324, 325, 327, 328, 330, 333, 337, 346, 418, 455, 459, 714, 716.
- Вудс и Стэбб — английская железнодорожная фирма — 76.

Г.

- Габсбург — графская фамилия в Австрии — 85.
- Габсбурги — австрийская династия (1282 — 1918) — 107, 385.
- Ганельберг-Ландау, барон, Отто — австрийский морской офицер, убитый в Смирне 23 июня 1853 г. — 434.
- Гаммедж, Роберт-Джордж (1815—1888) — чартист, автор книги «History of the Chartist—Movement» (1854) («История чартистского движения») — 48, 172.
- Гаммер-Пургшталь, фон, Иозеф (1774—1856) — немецкий ученый лингвист и историк, исследователь Ближнего Востока — 387.
- Гамильтон, сэр — см. Сеймур, Гамильтон.
- Гарашанин, Илья (1812 — 1874) — сербский государственный деятель, министр внутренних дел и финансов (1842 — 1853 и 1857 — 1858), министр-президент (1852 — 1853 и 1862 — 1867) — 377, 437, 462.
- Гардинг, виконт, Генри (1785 — 1856) — английский военный и политический деятель, консерватор, в 1852 — 1855 гг. главнокомандующий британских войск — 593.
- Гардуик, граф, Чарльз-Филипп-Иорк (1799—1873) — английский адмирал — 458.
- Гарран — вождь швейцарских крестьян в восстаниях 1851 — 1853 гг. — 296.
- Гасан-бей — турецкий генерал, участник Крымской войны — 659.
- Гастингс, Варрен (1732 — 1818) — первый английский генерал-губернатор в Индии (1772 — 1785), классический представитель хищнической колониальной политики британского торгового капитала — 718.
- Гегель, Георг - Вильгельм - Фридрих (1770—1831) — знаменитый немецкий философ, идеалист и диалектик — 88.
- Геца (ум. 997 г.) — венгерский король (ок. 972 — 997) — 127.
- Гейтсбери, барон, А'Корт, Вильям (1779—1860) — английский дипломат, посол в России (1828 — 1832) — 534.
- Гелуэй, виконт, Джордж-Эдуард-Арундель-Монктон (1805—1876) — английский политический деятель, консерватор, член парламента — 246.
- Гемпден, Джон (1594 — 1643) — известный деятель эпохи Великой английской революции, лидер пуританской буржуазно-дворянской оппозиции — 182.
- Генимен — см. Оффор и Генимен.
- Генри, Томас (1807 — 1876) — судья в Лондоне — 288, 294, 296.
- Генрих V, граф Бордо и герцог Шамбор (1820 — 1833) — французский принц из династии Бурбонов, претендент на королевский престол в эпоху Наполеона III и в начале Третьей республики — 581.
- Генрих, Фридрих-Людовиг (1726—1802) — принц прусский, брат Фридриха Великого; в 1770 г. вел в Петербурге переговоры о разделе Польши — 281.
- Георг I (1660 — 1727) — король Англии (1714 — 1727) — 141, 358.
- Георг II (1683—1760) — король Англии (1727 — 1760) — 441, 358.
- Георг III (1738 — 1820) — король Англии (1760 — 1820) — 141, 358.
- Герберс, Шарль - Леопольд - Доминик (1816 — 1879) — начальник городской милиции в Фрейбурге — 297.
- Герберг, барон Сидней (1810 — 1864) — английский государственный деятель, консерватор-пилит, военный министр (1845 — 1846, 1852 — 1855 и 1859 — 1860) — 29, 100, 129, 420, 648, 649, 650.
- Гергей, Артур (1818 — 1916) — один из генералов венгерской революционной армии 1848 — 1849 гг. — 280.
- Герлах — немецкий рабочий на фабрике Хейля близ Лондона: — 296.
- Геррис, Джон-Чарльз (1778 — 1855) — английский политический деятель, один из торийских лидеров, член парламента — 330.
- Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — знаменитый немецкий поэт — 352.
- Гетчиль, Джон (род. 1788 г.) — английский обер-прокурор Ирландии — 27.
- Гибсон, Томас-Мильнер (1806—1884) — английский политический деятель, Фритредер, член парламента, в дальнейшем министр торговли (1859 — 1865 и 1865 — 1866) — 28, 97, 100, 129, 133, 135, 192.
- Гибсон и К^о — хлопчатобумажная фирма в Манчестере — 219.
- Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом (1787 — 1874) — известный французский государственный деятель и историк, идеолог финансовой аристократии, премьер-министр (1840 — 1848) — 302, 304, 380, 393, 425.
- Гина, Григорий-Александр (1807 — 1852 — молдавский господарь (1849 — 1853 и 1854 — 1857) — 580.
- Гладстон, Вильям-Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель, вождь либеральной партии, министр торговли (1843 — 1846), финансов (1852 — 1855 и 1859 — 1866), премьер-

- министр (1868—1874, 1880—1885, 1885—1886, 1892—1894) — 9, 29, 71, 80, 93, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 162, 193, 203, 264, 265, 266, 267, 323, 417, 418, 653.
- Глизон, Джон-Вильсон (ум. 1848 г.) — английский преступник, повешенный за убийство в Ливерпуле — 88.
- Гоббс, Томас (1588—1679) — известный английский философ-материалист, теоретик абсолютистского государства — 246.
- Гобсон, Эдуард — один из деятелей чартистского движения — 172, 176.
- Гобхауз, Джон-Кэм, барон Броутон (1786—1869) — английский государственный деятель, виг, в 1835—1841 и 1846—1852 гг. председатель контрольного совета по делам Индии — 328, 336.
- Годерич виконт, Робинсон-Фредерик-Джон (1782—1859) — английский государственный деятель, консерватор, министр финансов (1823—1827) и премьер-министр (1827) — 39, 490.
- Гольдгейм — начальник полиции в Берлине — 294.
- Гоппе и К^о — банкирская фирма в Амстердаме — 510.
- Горжовский, Тадеуш — польский националист, агент Лелевеля — 272.
- Горнер, Леонард (1785—1864) — английский геолог и фабричный инспектор — 36, 73, 74, 119.
- Горчаков, князь, Михаил Дмитриевич (1793—1861) — русский генерал, главнокомандующий во время Крымской войны, с 1856 г. наместник Польши — 433, 442, 472, 478, 551, 557, 580, 679, 682.
- Готфрид Бульонский (ок. 1060—1100) — герцог нижней Лотарингии, главный предводитель так называемого первого крестового похода (1097—1100); умер и погребен в Иерусалиме — 647.
- Гоф, виконт, Хью (1779—1869) — английский фельдмаршал, в 1843—1849 гг. главнокомандующий английских войск в Индии — 713.
- Гранье-де-Кассаньяк, Бернар-Адольф (1806—1880) — французский журналист — 380.
- Грей, виконт, затем граф, Генри-Джордж (1802—1894) — английский государственный деятель, виг, военный министр (1835—1839) и министр колоний (1846—1852) — 13, 418.
- Грей, сэр, Джордж (1799—1882) — английский государственный деятель, виг, министр внутренних дел (1846—1852, 1855—1858 и 1861—1866) и колоний (1854—1855) — 27, 177.
- Грей, граф, Чарльз (1764—1845) — английский государственный деятель, виг, премьер-министр (1831—1834); провел реформу 1832 г. — 92, 516, 535.
- Гренвилль, барон, Вильям-Уайндгэм (1759—1834) — английский государственный деятель, торий, премьер-министр (1806—1807) — 92.
- Гренвилль, граф, Джордж-Левесон-Гоур (1815—1891) — английский государственный деятель, либерал, министр иностранных дел (1851—1852, 1870—1874 и 1880—1885) — 420.
- Грехем, сэр, Джемс-Роберт-Джордж (1792—1861) — английский государственный деятель, виг, министр внутренних дел (1841—1846) и морской (1852—1855) — 9, 29, 53, 61, 67, 71, 91, 98, 100, 110, 113, 264, 455, 576, 577, 633, 647, 650, 659, 663, 667.
- Грилландзони — итальянский революционер-патрист, сторонник Мадзини — 200.
- Грили, Орас (1811—1872) — американский журналист и политический деятель; редактор «Нью-Йоркской трибуны»; один из основателей и лидеров республиканской партии — 162.
- Грин, Томас (род. 1820 г.) — английский политический деятель, консерватор-пилит, член парламента — 28.
- Гринхау — см. Мак-Нер, Гринхау и К^о.
- Гриффит — преступник, казненный в Англии в 1849 г. — 87.
- Гровенор, лорд, Роберт (1801—1893) — английский политический деятель, виг, член парламента — 133.
- Грубер, Иоганн-Готфрид (7741—1851) — немецкий ученый, историк литературы; издавал вместе с Эршем «Всеобщую энциклопедию наук и искусств» — 130.
- Грюйер — графская фамилия в Австрии — 85.
- Гурьев, граф, Дмитрий Александрович (1751—1825) — русский министр финансов (1810—1823) — 626.

Д

Данненберг, Петр Андреевич (1792—1872) — русский генерал, участник Крымской войны — 678, 679.

- Далримпль, Джон (1726 — 1810) — английский юрист — 86.
- «Дан-король» — см. О'Коннелль, Даниэль.
- Данте, Аллигьери (1265 — 1321) — знаменитый итальянский поэт — 286, 287.
- Датский король — см. Фридрих VII, король Дании.
- Дедли, лорд — см. Стюарт. Дедли.
- Де-ла-Героньер — см. Ла-Героньер.
- Делакур, Эдмонд (1805 — 1873) — французский дипломат, в 1853 г. полномочный посол в Константинополе — 381, 454.
- Делла Рокка, граф, Генрико-Мороццо (1815 — ум. после 1870 г.) — итальянский генерал — 107.
- Демосфен (384 — 322 до н. э.) — знаменитый греческий оратор; возглавлял в Афинах республиканскую партию в борьбе против сторонников Филиппа Македонского — 380.
- Дендас, Джеймс-Уитли (1785 — 1862) — английский адмирал, командующий английским флотом в Крымской войне — 371, 400, 405, 648, 668.
- Дендас, Дэвид (1799 — 1877) — английский судья — 27.
- Дерби, граф, Эдуард-Джордж-Джозеф-Смит, лорд Стенли (1799 — 1869) — английский государственный деятель, консерватор, премьер-министр (1852, 1858 — 1859 и 1866 — 1868) — 14, 21, 27, 30, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 50, 51, 52, 54, 68, 70, 73, 95, 102, 103, 176, 190, 191, 192, 193, 327, 328, 329, 353, 418, 518, 548, 633, 639.
- Дергем, граф, Лембтоп, Джон-Джордж (1792—1840) — английский дипломат, посол в Петербурге (1832 и 1835 — 1837) — 531, 535, 545.
- Деффи, Чарльз-Говен (1816 — 1903) — ирландский политический деятель и писатель, член парламента — 72, 115.
- Джиованни-Гасто (1671 — 1737) — последний герцог тосканский из династии Медичей (1723 — 1737) — 694.
- Джон, лорд — см. Россель, Джон.
- Джон-Точка — см. Россель, Джон.
- Джонни — см. Россель, Джон.
- Джонс, Эрнест-Чарльз (1819 — 1869) — известный лидер революционного крыла чартистского движения — 13, 14, 17, 18, 20, 48, 69, 128, 167, 172, 174, 176, 184, 227, 230, 231, 237, 242, 250, 251, 258, 259, 261, 262, 424, 633.
- Джослин, лорд — см. Роден, граф.
- Дибич, граф, Иван Иванович (1785 — 1831) — русский фельдмаршал, главнокомандующий в русско-турецкой войне 1828 — 1829 гг., усмиритель польского восстания 1831 г. — 373, 394, 702.
- Дизраэли, Бенджамин, граф Биконсфилд (1804 — 1881) — английский государственный деятель; в 30 — 40-х годах романтик, идеолог «феодалного социализма», с конца 40-х годов лидер консервативной партии, в дальнейшем основоположник английского империализма; министр финансов (1852, 1858, 1859 и 1866 — 1868) и премьер-министр (1868 и 1874 — 1880) — 40, 53, 54, 55, 56, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 69, 70, 95, 100, 104, 110, 111, 112, 113, 126, 129, 130, 131, 135, 136, 137, 138, 140, 144, 145, 150, 151, 155, 156, 162, 168, 246, 267, 330, 418, 425, 442, 448, 459, 616, 643, 649, 650, 651, 653, 654, 662.
- Диккинсон, Джон (1815 — 1876) — английский писатель об Индии; фритредер; в 1853 г. основал Общество индийской реформы — 336, 361, 717.
- Дифей и К° — колониальная фирма в Манчестере — 76.
- Додсон, Джон (1780 — 1858) — английский судья — 114.
- Докси — преступник в Англии, убивший в 1849 г. своего отца — 88.
- Долгаузи, маркиз, Джеймс-Эндрью Браун (1812—1860) — английский государственный деятель, консерватор-пилит, министр торговли (1845), генерал-губернатор Индии (1847 — 1856) 50, 323, 341.
- Дон-Педро — см. Педро-дон.
- Дорнбек — английская фирма по торговле хлебом — 210.
- Дост-Мохаммед-хан (1793 — 1863) — афганский эмир (1826 — 1839 и 1842 — 1863) — 602, 660.
- Друммонд, Генри (1786 — 1860) — банкир в Лондоне и политический деятель, консерватор, член парламента — 647, 648.
- Друэн-де-Люис, Эдуард (1805 — 1881) — французский дипломат, министр иностранных дел (1848 — 1849, 1852 — 1855 и 1862 — 1866) — 199, 425, 432, 433, 460, 477, 594, 595, 607.
- Дрюэ, Анри (1799 — 1855) — швейцарский политический деятель, радикал, в 1850 г. президент швейцарской федерации — 306, 307.
- Дью-Плейт — английский консул в Варшаве — 508.

Е.

- Екатерина II (1729 — 1796) — русская императрица (1764—1796) — 281, 393, 400, 401, 545, 625, 626, 657, 687.
 Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Мария, 1805 — 1873) — русская княгиня, жена великого князя Михаила Павловича, брата Николая I — 686.
 Елизавета (1533—1603) — королева Англии (1558 — 1603) — 353, 357.

Ж.

- «Железный герцог» — см. Веллингтон.
 Жолле — участник Фрейбургского восстания 1853 г. (Швейцария) — 297.

З.

- Замойский, граф, Андрей (1800 — 1874) — участник польского восстания 1830 г. и член временного правительства — 527.
 Зедлинский — см. Селим-паша.

И.

- Ибрагим-паша (1789—1848) — сын и соправитель Мехмет-Али, главнокомандующий египетских войск — 513, 514, 516, 517, 518, 520.
 Измаил-паша (Георгий Кмети, род. 1810 г.) — турецкий генерал, австриец по происхождению; ранее участвовал в венгерском восстании, после чего бежал из Австрии и принял турецкое подданство — 624, 679, 680.
 Изабелла II (1830 — 1904) — королева Испании (1843 — 1868) — 263.
 Ингерсоль, Джозеф-Рид (1786 — 1866) — американский политический деятель, виг; в 1852 — 1853 гг. был послом в Лондоне — 72.
 Инглис, Роберт-Гарри (1786 — 1855) — английский политический деятель, консерватор, член парламента — 330, 520.
 Ингрехем, Дункан-Натанаэль (1802—1891) — американский морской капитан, отказавшийся в 1853 г. выдать в Смирне австрийскому правительству эмигранта Мартина Коста — 434.
 Иоанн Безземельный (ок. 1167 — 1216) — король Англии (1189—1216) — 389.
 Иосиф II (1741 — 1790) — австрийский император (1765 — 1790) — 676.
 Ирвинг — хлопчатобумажная фирма в Манчестере — 77.

Исламатов — русский морской капитан, командир фрегата «Аврора» — 577.

К.

- Каннинг, Джордж (1770—1827) — английский государственный деятель, торий, министр иностранных дел (1822—1827), премьер-министр (1827) — 92, 488, 490, 492, 527, 693.
 Каннинг, Стратфорд, виконт де-Редклифф (1786—1880) — английский дипломат, посол в Константинополе (1842—1846 и 1848 — 1858) — 381, 437, 471, 476, 518, 531, 532, 547, 575, 580, 615, 632, 644, 652, 653, 655, 668, 693, 707.
 Кант, Иммануэль (1724 — 1804) — знаменитый немецкий философ, идеалист — 88.
 Каподистрия, граф, Иоанн (1776 — 1831) — русско-греческий политический деятель, русский министр иностранных дел (1816 — 1822), президент Греции (1827 — 1831) — 498.
 Кара-Георгий (Черный Георгий) (1766—1817) — вождь сербского национального движения, основатель династии Карагеоргиевичей; в 1813 г. бежал за границу, после чего поселился в Бессарабии и получал пенсию от Александра I — 397.
 Карамзин, Николай Михайлович (1766 — 1826) — известный русский историк, монархист — 665.
 Кардуэль, Эдуард, виконт (1813 — 1886) — английский государственный деятель, консерватор-пилит, затем либерал, министр торговли (1852 — 1855), по делам Ирландии (1859 — 1861), колоний (1864 — 1866) и военный (1868 — 1874) — 9, 28, 420.
 Карл Великий (ок. 742 — 814) — император римский и король франков — 84, 439.
 Карл I (1600 — 1649) — король Англии (1625 — 1649), казнен в результате победы буржуазной революции — 101, 353.
 Карл II (1630—1685) — король Англии (1660—1685) — 467.
 Карл II (1661—1700) — король Испании (1665—1700) — 691.
 Карл VI (1685—1740) — австрийский император (1711—1740) — 676.
 Карл X (1757—1836) — король Франции (1824—1830) — 413, 440.
 Карл-Людвиг-Иоанн (1771 — 1847) — австрийский эрцгерцог, главнокомандующий австрийских войск в войнах против Наполеона I — 679.

- Карлейль, Томас (1795—1881)— известный английский писатель и философ — 201.
- Кармартен, маркиз, Осборн-Томас, (1631—1712)— английский государственный деятель, премьер-министр (1690—1705) — 532.
- Карно, Лазар-Ипполит (1801 — 1888)— французский публицист и политический деятель, один из лидеров буржуазно-республиканской оппозиции против Наполеона III — 582.
- Кассола — итальянский революционер-патриот, сторонник Мадзини — 200.
- Кассий, Гай-Лонгин (ум. в 44 г. до н. э.)— римский политический деятель, одно время был союзником Цезаря, но затем вступил в заговор против диктатора — 95.
- Кастельбажак, де, маркиз, Бартеlemi-Доминик-Жак-Арман (1787—1864) — французский генерал, в 1844—1854 гг. посол в России—616, 617, 630.
- Катилина, Луций-Сергий (ок. 108 — 62 до н. э.) — римский политический деятель; в 63 г. подготавливал в Риме заговор против аристократического правительства — 47.
- Каули, лорд, Генри-Ричард-Чарльз Уэллс (1804—1884)— английский дипломат, посол в Париже (1852 — 1867) — 289, 652.
- Кауэлл, Джордж—английский рабочий в Престоне, чартист — 225, 230.
- Каччьягвида ди Елисеи (ок. 1090 — 1147) — один из предков Данте—286.
- Келли, Фидрой (1796—1880)—английский юрист, член парламента, консерватор, в 1852 г. член министерства Дебри в качестве генерального прокурора — 116.
- Кемпбелль, сэр, Джордж (1824 — 1892)—английский чиновник в Индии, занимавший здесь различные административные посты в период 1842—1874 гг.; с 1875 г. член парламента, либерал—334, 335, 337, 341, 343, 344, 366.
- Кеплер, Иоганн (1571—1630)—знаменитый немецкий астроном — 311.
- Кестльри, лорд, Стюарт, Роберт (1769—1822) — английский государственный деятель, торий, военный министр (1805—1809) и министр иностранных дел (1812 — 1822); крайний реакционер, организатор подавления ирландского восстания 1789 г. — 511.
- Жетле, Ламбер-Адольф-Жак (1796 — 1874)—французский ученый, физик, астроном и социолог, основатель современной статистики — 89.
- Кибург—графская фамилия в Австрии — 85.
- Кинг, Питер-Джон-Локк (1811 — 1885) — английский политический деятель, радикал, член парламента — 17.
- Киш—секретарь суда на кельском процессе коммунистов в 1852 г. — 294.
- Киселев, Николай Дмитриевич (1800—1869)—русский дипломат, в 1851 — 1853 гг. посол в Париже — 403, 629.
- Ких, Вильям-Николас (1817—1878) — ирландский политический деятель, в 1852 г. генеральный прокурор Ирландии — 70, 71, 72, 96, 159.
- Киш—венгерский демократ, эмигрант, агент Кошута — 271, 272.
- Клавдий, Тиберий-Клавдий-Друз-Нерон-Германик (10 до н. э. — 54 после н. э.) — император римский (41 — 54) — 95.
- Клайв, барон, Роберт (1725—1774) — английский губернатор Бенгалии (1765—1766), один из завоевателей Ост-Индии — 367.
- Кларинард, маркиз, Улик-Джон-де-Бург (1802—1874)—английский политический деятель и дипломат, посол в Петербурге (1838—1841), член палаты лордов, либерал — 189, 418, 419, 458, 628, 629.
- Кларендон, граф, Джордж-Вильям-Фредерик-Вильерс (1802—1870) — английский государственный деятель, либерал, министр иностранных дел (1853 — 1858, 1865 — 1866 и 1868 — 1870)—72, 116, 168, 169, 199, 263, 380, 394, 406, 407, 410, 418, 419, 420, 433, 442, 453, 457, 473, 474, 476, 480, 595, 629, 630, 644, 645, 650, 651, 652, 653, 658, 659, 668, 694, 698, 704, 706, 707.
- Клементи — итальянский революционер-демократ, сторонник Мадзини — 200.
- Коббет, Вильям (1762—1835) — известный публицист и политический деятель; предшественник чартистов по борьбе за всеобщее избирательное право и улучшение положения рабочих и трудящихся масс; с 1832 г. член парламента — 177, 178, 179, 354.
- Коббет, Джон-Морган (1802—1877) — сын Вильяма Коббета, член парламента, консерватор — 177, 179, 184.
- Кобден, Ричард (1804 — 1865) — манчестерский фабрикант и политический деятель, лидер фритредеров, член парламента 40, 53, 59, 90, 91, 111,

- 119, 129, 162, 168, 217, 226, 276, 281, 282, 467, 468, 469, 470, 617, 620, 621, 622, 623, 644, 645, 646, 647, 649.
- Кобурги—немецкая княжеская фамилия, представители которой жили в Бельгии, а также были тесно связаны с дворами английским, испанским и австрийским — 206, 449, 512, 585.
- Кодрингтон, сэр, Эдуард (1770 — 1851)—английский адмирал, в 1827 г. главнокомандующий английского флота в Средиземном море—495, 517.
- Кок, Поль, де (1794 — 1871) — известный французский писатель, романист — 704.
- Колленштейн, фон, Коллен, барон — адъютант австрийского императора Франца-Иосифа — 640.
- Коллет, Добсон-Коллет — английский журналист; боролся против штемпельного сбора на газеты — 288.
- Коллер, Роберт-Поррит (1817 — 1886) английский судья, член парламента, либерал — 123.
- Кольбер, Жан-Батист (1619—1683) — французский государственный деятель, министр Людовика XIV, известный меркантилист — 136.
- Константин Павлович (1779—1831) — русский великий князь, с 1816 г. официально главнокомандующий польских войск, фактически наместник царя в Польше — 527.
- Коппок, Джемс (1798—1857) — английский агент по избирательным делам — 202.
- Кормарк — см. Стердж и Кормарк.
- Корнилов, Владимир Алексеевич (1806—1854) — русский адмирал, организовавший оборону Севастополя — 589.
- Корнуэль-Льюис, сэр, Джордж (1806—1863) — английский политический деятель и журналист, либерал, в 1850—1852 гг. секретарь казначейства — 27.
- Корнуэллис, маркиз, Чарльз-Корнуэллис (1783—1805)—английский генерал, участник войны против восставших американских колоний; в 1876 — 1793 и 1805 гг. генерал-губернатор Индии; усмиритель ирландского восстания 1798 г. — 716.
- Корри, Генри-Томас-Лоури (1803 — 1873) — английский адмирал и политический деятель, член парламента, консерватор, в 1841—1846 и 1858 — 1859 гг. лорд адмиралтейства, в 1867 — 1868 гг. морской министр — 400.
- Коста, Мартин—венгерский эмигрант, отдавший себя под покровительство Северо-Американских Соединенных Штатов — 445, 452.
- Кошут, Людвиг (1802—1894) — венгерский революционер, вождь либерального дворянства, глава республики 1848—1849 гг.—101, 106, 107, 108, 128, 172, 272, 274, 275, 276, 280, 283, 295, 296, 532, 662, 700.
- Крейг, Вильям-Гибсон (1797—18778)—английский политический деятель, виг, член парламента, лорд казначейства — 27.
- Кремер — русский консул в Лондоне — 294.
- Кренворт, барон, Роберт-Монси-Рольф (1790—1868) — английский юрист, виг, лорд-канцлер (министр юстиции) в 1852—1855 и 1865—1866 гг. — 109, 110.
- Кромвель, Оливер (1599 — 1658) — вождь английской буржуазной революции, лорд-протектор Англии (1653—1658) — 353, 467.
- Кроппер, Кларк —английский рабочий, чартист — 259.
- Кросли, Френсис (1817—1872) —фабрикант в Галифаксе, либерал, член парламента — 13, 14, 18, 424.
- Кроуфорд (Балкарис), граф, Джемс-Линдсей (1783—1869) —англо-шотландский аристократ, владелец угольных копей, консерватор — 217, 226.
- Кроуфорд, Вильям-Шермен (1781 — 1861) — ирландский политический деятель, радикал, член парламента — 96, 162.
- Кук, Джордж-Уингров (1814—1865) — английский писатель, автор трехтомной книги «История партий» (1836 — 1837 гг.) — 5.
- Купфер, Адольф Яковлевич (Адольф-Теодор) (1799—1865) — русский физик, академик; в 1829 г. начальник ученой экспедиции по обследованию Эльбруса — 533.
- Карри — см. Тондж, Карри и К°.

Л.

- Лабушер, Генри, барон Тонтон (1798 — 1869) — английский государственный деятель, либерал, министр торговли (1839 — 1841 и 1847 — 1852) и колоний (1855—1858) — 177, 431.
- Лавалет, Шарль-Жан-Мари-Феликс, маркиз де (1806—1881) — французский дипломат, посол в Константинополе (1851 — 1853 и 1860 — 1861);

- в дальнейшем министр внутренних дел (1865 — 1867) и иностранных дел (1868) — 462.
- Ла-Героньер, Луи-Этьен-Артур-Дюбрейль-Гелион, виконт де (1816 — 1875) — французский публицист, сторонник Луи-Бонапарта; своими статьями содействовал успеху переворота 2 декабря 1851 г. — 432.
- Лаварев, Михаил Петрович (1788 — 1851) — русский адмирал, в 1832 — 1845 гг. управлявший черноморским флотом — 540.
- Лайард, Остин-Генри (1817 — 1894) — известный английский археолог-ассиролог; дипломат член парламента, либерал — 246, 417, 418, 420, 425, 460, 462, 463, 464, 465.
- Лайонс, Эдмунд, барон (1790 — 1858) — английский адмирал, 1835 г. полномочный посол - министр в Афинах, в 1853 — 1855 гг. помощник главнокомандующего флота в Средиземном и Черном морях, в 1855 — 1858 гг. — главнокомандующий — 655.
- Ламартин, Альфонс (1790 — 1869) — французский поэт, историк и политический деятель; в 1848 г. в качестве члена временного правительства проводил контр-революционную политику в интересах буржуазии — 129.
- Ланкоронский, граф — польский эмигрант, агент русского правительства — 272.
- Дарош-Жаклен, маркиз, Апри-Огюст-Дюверже (1805 — 1867) — французский политический деятель, роялист-легитимист, перешедший после переворота 2 декабря 1851 г. на сторону Луи-Наполеона — 616.
- Лафайет, маркиз Мари-Жозеф, де (1757 — 1834) — известный французский политический деятель, участник революции 1789 и 1830 гг.; умеренный либерал; способствовал возведению на престол Луи-Филиппа — 129.
- Лев — князь армянский — 169.
- Ле-Грене, Мари-Мелкиор-Жозеф-Теодор (1860 — 1862) — французский дипломат, в начале 30-х годов поверенный в делах в Петербурге — 523.
- Ледрю-Ролен, Александр-Огюст (1807 — 1874) — французский политический деятель, мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. член временного правительства и кандидат в президенты; с 1849 г. жил в эмиграции в Лондоне — 582, 583.
- Лейн — см. Черчилль и Лейн.
- Лейнинген, князь, Карл-Фридрих (1804 — 1856) — австрийский государственный деятель, в 1848 г. президент имперского германского правительства, в 1853 г. чрезвычайный посол в Константинополе — 457, 640, 641.
- Лейхтенбергская герцогиня — см. Мария Николаевна.
- Лелевель, Иохим (1786 — 1861) — польский историк и политический деятель, демократ, участник восстания 1830 г. и член польского временного правительства (левое крыло); после 1831 г. эмигрировал за границу — 272.
- Лендиш — преступник, казненный в Англии в 1849 г. — 87.
- Лений — римский политический деятель, современник Августа — 95.
- Ленсдоун, маркиз, Генри-Петти-Фицморис (1780 — 1863) — английский аристократ, умеренный виг — 67, 100, 191, 247.
- Ленцбург — графская фамилия в Австрии — 85.
413, 415, 440, 475, 496.
- Леонардс — см. Согден.
- Леопольд I (Георг - Христиан - Фридрих) (1790 — 1865) — король Бельгии (1831 — 1865) — 426, 449, 581.
- Леопольд II (1747 — 1792) — австрийский император (1790 — 1792) — 676.
- Либени, Иоганн-Лассо (ум. 1853 г.) — венгерский портной-подмастерье, покушавшийся на Франца-Иосифа и затем казненный — 106, 283.
- Ливен, фон, князь, Христофор Андреевич (1777 — 1838) — русский — дипломат, посол в Берлине (1809 — 1812) и Лондоне (1812 — 1834) — 413, 415, 440, 475, 496.
- Ливен, фон, княгиня, Доротея (Дарья Христофоровна) (1784 — 1857) — жена предыдущего — 381.
- Ливерпуль, граф, Роберт-Бэнкс-Дженкинсон (1770 — 1828) — английский государственный деятель, горный, премьер-министр (1812 — 1827) — 92, 490.
- Лиддель, Генри-Джордж (род. 1821 г.) — английский политический деятель, консерватор-пилит, член парламента — 419.
- Лидерс, граф, Александр Николаевич (1790 — 1874) — русский генерал, участник венгерского похода 1849 г. и Крымской войны — 679.
- Лидс, герцог, Томас-Осборн (1631 — 1712) — английский государственный деятель, принимал участие в возведении на престол Вильгельма III («Славная революция» 1688 г.); в последующие годы фактически играл роль премьер-министра; в 1695 г. был обвинен в получении взятки от Ост-индской компании — 354.

- Литтон, барон, Эдуард-Джордж-Эрль-Бульвер (1803 — 1873) — английский писатель и политический деятель, консерватор, член парламента — 246.
- Литтон — см. Бульвер, Вильям-Генри-Литтон-Эрль.
- Ллойд, Эдуард (ок. 1688 — 1726) — содержатель кофейни в Лондоне, где собирались купцы и судовладельцы; в дальнейшем из этих собраний возникло крупное общество («Ассоциация Ллойда») по страхованию и защите морской торговли — 548.
- Ллойд, Самюэль-Джонс, барон Оверстон (1796 — 1883) — английский банкир и автор-экономист — 713.
- Локк, Джеймс (1780 — 1855) — управляющий имения герцогини Сутерленд; автор книги «An Account of the Improvements on the estates of the Marquess Stafford» (Об улучшениях, произведенных в имении маркизы Стеффорд (Сутерленд), 1820 г. — 83, 85.
- Лузиньяны — армянская династия, ведущая свое происхождение от Гвидо-де-Лузиньяна, французского феодала, участника крестовых походов, бывшего перусалимским королем (1186—1187) — 169.
- Луи-Филипп (1773 — 1850) — король Франции (1830 — 1848) — 68, 111, 263, 289, 353, 354, 414, 426, 429, 430, 449, 655, 660, 666, 669.
- Лукулл, Луций-Луциний (ок. 110 — 56 до н. э.) — римский полководец, соперник Цезаря, своими походами в Грецию и Азию награбивший колоссальные богатства — 671.
- Лукреций, Тит-Кар (ок. 98 — 55 до н. э.) — римский поэт, пропагандировавший в своих стихах учение философа-материалиста Эпикура — 104.
- Лутцо, Иоанн — румынский революционер-националист — 437.
- Лэнд — фабрикант в Кейле (Ланкашир) — 214.
- Людовик XIV (1638 — 1715) — король Франции (1643 — 1715) — 136, 691.
- Люкес, Фредерик (1812 — 1855) — ирландский политический деятель, член парламента — 72, 99.
- М.
- Магомет II (Беликий) (1430 — 1481) — турецкий султан (1451 — 1481), завоеватель Константинополя — 669, 692.
- Мадзини, Джузеппе (1805 — 1872) — известный итальянский революционер-заговорщик, демократ, основатель общества «Молодая Италия», в 1848 г. член временного правительства в Риме; в 1849 г. один из организаторов Европейского демократического комитета в Лондоне — 101, 107, 108, 128, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 280, 283, 289, 290, 291, 292, 306, 307, 560, 700.
- Майелл, Эдуард (1809 — 1881) — английский политический деятель, священник негосударственной церкви; с 1841 г. издавал газету «Non-conformist», через которую пытался влиять на чартистов; член парламента — 247.
- Майкель, Вильям — английский врач, член парламента — 247.
- Майн-Рид, Томас (1818 — 1883) — английский морской капитан, известный писатель, романист — 296.
- Майн, сэр, Ричард (1796 — 1868) — начальник полиции в Лондоне — 197.
- Мак-Грегор, Джон (1797 — 1857) — английский статистик, член парламента — 129, 246.
- Макдонелл, г-жа — землевладелица в Шотландии — 215, 216.
- Мак-Нейл, Джон (1795 — 1883) — английский дипломат, секретарь посольства и затем полномочный посол в Персии (1836 — 1842) — 504.
- Мак-Нер, Гринхау и К^о — железодельательная фирма в Глазго — 77.
- Маколей, Томас-Бабингтон, барон (1800 — 1859) — известный английский историк и политический деятель, либерал, член парламента — 246, 324, 334, 718.
- Малле-Дюпан, Жак (1749 — 1800) — швейцарско-французский журналист, монархист; в 1791 г. был послан Людовиком XVI за границу для подготовки интервенции против революции — 582.
- Малькольм, сэр, Джон (1769 — 1833) — английский губернатор в Индии и дипломат, автор ряда работ об Индии — 340.
- Мальмсбери, граф, Джеймс-Гоуорд-Гаррис (1807 — 1889) — английский государственный деятель, консерватор, министр иностранных дел (1852 и 1858 — 1859) — 55, 68, 190, 419, 433, 453, 454, 455, 456, 639.
- Мальтус, Томас-Роберт (1766 — 1834) — известный английский экономист, автор книги «Essay on Population» (1798) (опыт о населении) — 84, 185, 207, 226, 228, 230.
- Мандевиль — английский дипломат, секретарь посольства в Константинополе в начале 1830 гг. — 548.

- Мантейфель, Отто-Теодор (1805 — 1882) — прусский реакционный государственный деятель, министр внутренних дел (1848 — 1850) и министр-президент (1850 — 1858) — 291, 559, 696.
- Мария-Антуанетта (1755—1793)—французская королева, жена Людовика XVI — 233.
- Мария Николаевна (1819 — 1876)—дочь Николая I, жена герцога Лейхтенбергского Максимилиана — 450.
- Мария-Терезия (1717 — 1780)—австрийская императрица (1740 — 1780)— 673, 674.
- Мария-Христина (1816 — 1878) — королева испанская, регентша королевства (1833 — 1840) — 512.
- Мария II, да Глория (1819 — 1853)— королева Португалии (1826 — 1828 и 1834 — 1853) — 512.
- Маркс, Карл (1818 — 1883) — 166, 259, 260, 261.
- Мармон, Огюст-Фредерик-Луи-Виес, герцог Рагюз, де (1774 — 1852) — французский маршал, один из генералов армии Наполеона I; в 1845 г. опубликовал книгу «Esprit des institutions militaires». («Дух военных учреждений») — 656.
- Мартин, Вильям — Феншоу (1801 — 1895) — английский адмирал — 576.
- Мастерман, Джон (1782 — 1862) — банкир в Лондоне и политический деятель, торий, член парламента — 27.
- Маурагени — турецкий дипломат—515.
- Махмуд II (1785 — 1839) — турецкий султан (1808 — 1839) —412, 415, 421, 426, 427, 496, 497, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519.
- Мегон, лорд, Филипп-Генри, граф Стенгоп (1805 — 1875) — английский политический деятель и историк, консерватор-пилит, в 1834 — 1835 гг. помощник министра иностранных дел — 28, 517, 518, 534.
- Медичи — см. Дживанни-Гасто.
- Мейендорф, барон, Петр Кавмирович (1796 — 1863) — русский дипломат, посол в Берлине (1839 — 1850) и в Вене (1850 — 1854) — 421, 447, 475, 478, 703.
- Меккинон, Вильям-Александр, Старший (1789 — 1870) — английский политический деятель и писатель, либерал, член парламента — 247.
- Мельбурн, виконт, Вильям (1779 — 1848) — английский государственный деятель, виг, премьер-министр (1835 — 1841) — 92, 93, 633.
- Мельбурн, виконт, Фредерик-Джемс-Лэм (1782 — 1853)—английский аристократ, член палаты лордов, виг, в 1831 — 1841 гг. посол в Вене — 94, 430, 431.
- Менипп (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт и сатирик, принадлежавший к кинической школе; в подражание ему во Франции в 1593 г. был выпущен сборник памфлетов, носивший название «Мениппова сатира», направленный против реакционной феодально-католической лиги — 213.
- Меннерс, лорд, Джон-Джемс-Роберт — английский политический деятель, консерватор, член парламента — 645.
- Менро, сэр, Томас (1761 — 1827) — английский губернатор в Мадрасе (1819 — 1827) — 340, 717.
- Меншиков, князь, Александр Сергеевич (1787 — 1869) — русский генерал, главнокомандующий во время Крымской войны — 168, 169, 288, 293, 371, 398, 399, 403, 404, 406, 407, 409, 421, 437, 454, 456, 457, 460, 461, 462, 463, 464, 475, 477, 478, 479, 551, 568, 571, 616, 641, 645, 646, 651, 652, 667, 697, 701, 704.
- Меттерних, князь, Клеменс-Венцель-Лотарь (1773—1859)—известный австрийский реакционный государственный деятель, министр иностранных дел (1809 — 1848) и имперский канцлер (1821 — 1848) — 302, 304, 393, 414, 430, 496, 527, 576, 613, 665.
- Мехмет-Али (1769 — 1849) — правитель Египта, поднявший восстание против турецкого султана—84, 426, 427, 428, 430, 480, 502, 513, 514, 516, 517, 518, 525.
- Мехмет-Али-паша — турецкий генерал, в 1840-х и начале 1850-х гг. сераскир (военный министр), в 1852—1853 гг. великий визирь — 480, 668.
- Мехмет-паша-Кибрисли (1810 — 1871) — турецкий государственный деятель; в 1854 г. морской министр, в дальнейшем был великим визирем — 668.
- Мигуэль, Мария-Эварист (1802—1866) — король Португалии (1828 — 1834) — 496.
- Миллен — преступник, казненный в Англии в 1849 г. — 87.
- Милль, Джемс (1773 — 1836) — английский историк; автор «Истории Индии» (1818 г.) — 355.
- Милль, Джон-Стьюарт (1806 — 1876) — известный английский философ, экономист и социолог, идеолог либерализма, член парламента,—716, 717, 718.
- Мильнер — см. Гибсон.
- Мильна, Ричард-Монктон, барон Гоуф-

- тон (1809 — 1885) — английский политический деятель, вначале консерватор, затем либерал, член парламента — 247, 466.
- Минто, граф, Эллиот-Гильберт (1782—1859) — английский политический деятель, виг, в 1835 — 1841 г. морской министр — 431.
- Митчелль, Джон (1815—1875) — ирландский революционер-националист; в 1848 г. был приговорен к четырнадцатилетней ссылке — 200.
- Михаил, князь — см. Обренович, Михаил.
- Мольсворт, Вильям (1810—1855) — английский политический деятель, либерал, член коалиционного правительства Эбердина — 69, 71, 123, 246, 264, 420.
- Монк, виконт, Чарльз-Стенли (1819—1894) — английский политический деятель, либерал, член парламента — 246.
- Монпансье, герцог, Антуан-Мари-Филипп-Луи, д'Орлеан (1824 — 1890) — сын короля Луи-Филиппа, претендент на испанский престол — 509, 660.
- Монпансье, герцогиня, Мария-Луиза-Фердинанда (1832 — 1897), — жена предыдущего, сестра испанской королевы Изабеллы — 263, 509.
- Монселль, Вильям (1812 — 1894) — ирландский политический деятель, член парламента — 70, 71, 159.
- Монтемолен, граф, Карлос-Луи-Мария-Фердинандо, де Бурбон (1818—1861) — французский принц из династии Бурбонов, претендент на испанский престол — 263.
- Монталамбер, граф, Шарль (1810 — 1870) — вождь католической партии во Франции, в 1848 — 1849 г. член Национального и Законодательного собраний — 637.
- Мор, Томас (1478 — 1535) — известный английский государственный деятель и писатель-гуманист, автор «Утопии» (1516.), предшественник новейшего утопического социализма — 85.
- Морган, Генри (ум. 1853 г.) — английский рабочий, игольщик, умерший голодной смертью — 78, 79.
- Мур, Джордж-Генри (1810 — 1870) — ирландский политический деятель, член парламента — 72.
- Мунтц, Джордж-Фредерик (1794 — 1857) — английский политический деятель, член парламента, радикал — 466.
- Мустафа-паша — турецкий государственный деятель, в 1853 г. великий визирь — 480.
- Мэн, Томас (1571 — 1641) — директор британской Ост-индской компании, автор ряда экономических исследований — 358.
- Мэттьюз, Джон — один из деятелей чартистского движения — 230.
- Мюр, Вильям (1799 — 1860) — английский филолог, знаток древне-греческой литературы, член парламента — 247.
- Мюрат-Наполеон, Люсьен-Шарль (1803—1878) — принц, двоюродный брат Наполеона III — 273.

Н.

- Надир-Шах (Хули-хан) (1687 — 1747) — персидский шах; в 1738 г. предпринял завоевательный поход в Индию — 325, 346.
- Надо, Мартен (1815—1898) — французский политический деятель, мелкобуржуазный республиканец; в 1848 г. примыкал к монтаньярам; в 1851 — 1870 гг. жил в эмиграции в Англии — 261.
- Найт, Генри-Галли (1789 — 1846) — английский политический деятель, консерватор, член парламента — 504.
- Намик-паша — турецкий дипломат — 515.
- Наполеон I (1769 — 1821) — император Франции (1804 — 1815) — 69, 287, 371, 372, 495, 505, 510, 581, 669, 706, 713.
- Наполеон III, Луи-Бонапарт (1808 — 1873) — французский президент (1848—1852), затем император (1852—1870) — 51, 90, 91, 98, 101, 102, 105, 110, 111, 112, 114, 200, 206, 262, 263, 271, 272, 274, 281, 288, 301, 338, 380, 407, 409, 414, 432, 433, 436, 449, 450, 454, 455, 456, 457, 573, 581, 582, 585, 605, 614, 616, 618, 637, 639, 644, 647, 655, 659, 660, 666, 669, 693.
- Наср-эд-дин (1829 — 1896) — персидский шах (1848 — 1896) — 483, 602.
- Нахимов, Павел Степанович (1802 — 1855) — русский адмирал, участвовавший в защите Севастополя — 588.
- Нейман, Филипп (род. 1812 г.) — австрийский дипломат, советник посольства в Лондоне — 430.
- Немур, герцог, Луи-Шарль-Филипп-Рафаэль, д'Орлеан (1814 — 1896) — сын короля Луи-Филиппа, при Наполеоне II и Третьей республике претендент на французский престол — 581.
- Непир, сэр, Джозеф (1804 — 1882) — англо-ирландский политический деятель, консерватор, член парламента, генеральный прокурор Ирландии

- (1852 г.) и лорд-канцлер (1858 — 1859) — 190.
- Непир, сэр, Чарльз (1786 — 1860) — английский адмирал, в 1854 г. главнокомандующий балтийского флота — 264, 630, 655.
- Нернер — прусский чиновник, советник уголовного палаты в Берлине — 294.
- Нессельроде, граф, Карл Васильевич (1780 — 1862) — русский дипломат, в 1822 — 1856 гг. министр иностранных дел — 412, 413, 415, 420, 422, 423, 425, 426, 428, 429, 432, 436, 447, 456, 475, 477, 478, 479, 480, 483, 535, 539, 545, 546, 548, 551, 621, 650, 651, 652, 664, 682, 686, 692, 701, 703.
- Нессельроде, Дмитрий Карлович, сын предыдущего — русский дипломат — 371.
- Николай I (1796 — 1855) — русский император (1825 — 1855) — 168, 169, 200, 263, 372, 380, 398, 399, 400, 401, 404, 409, 412, 413, 422, 423, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 442, 443, 447, 448, 449, 453, 454, 455, 456, 458, 460, 462, 467, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 489, 497, 498, 501, 502, 514, 517, 520, 525, 527, 551, 552, 555, 557, 572, 573, 574, 579, 580, 581, 582, 585, 586, 594, 595, 596, 604, 605, 601, 612, 616, 617, 621, 623, 625, 626, 632, 635, 636, 637, 643, 646, 647, 650, 651, 652, 653, 655, 657, 658, 659, 661, 664, 667, 668, 669, 682, 685, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 704, 705, 706, 708, 709.
- Норманби, лорд, Константин-Генри-Флипс (1797 — 1863) — английский политический деятель, лорд-лейтенант Ирландии (1835 — 1839) и министр военных, колоний и внутренних дел (1839 — 1841), посол в Париже (1846 — 1852) — 509.
- Порт, лорд, Фредерик (1732 — 1792) — английский государственный деятель, министр финансов (1770 — 1782); в 1783 г. вошел в коалицию с Фоксом (см.) — 323, 355.
- Норфольк, герцог, Гоуард, Генри-Чарльз (1791 — 1856) — английский аристократ — 247.
- Нотарас, Лука — византийский адмирал середины XV века — 669.
- Нью-Кестль, герцог, Генри-Пелгэм-Клинтон, граф Линкольн (1811 — 1864) — английский аристократ и политический деятель, консерватор, министр по делам Ирландии (1846), военный министр и колоний (1852—1855) — 50, 190, 101.
- Ньюман, Френсис-Вильям (1805 — 1897) — английский профессор и писатель; автор ряда исследований по религиозным, политическим, социальным и экономическим вопросам; в 1851 г. выпустил «Lectures on political economy» — 723.
- Ньютон, Исаак (1642 — 1727) — знаменитый английский физик и астроном — 311.
- Ньютон, Н. Г. (ум. 1849 г.) — самоубийца в Англии — 88.
- Нэсмит, Джемс (1808 — 1890) — известный английский инженер и изобретатель — 74.

О.

- О'Брайен, Вильям-Смит (1803 — 1864) — ирландский революционер-националист, лидер общества «Молодая Ирландия», член парламента; в 1848 г. пытался в Дублине поднять восстание, за что был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Тасманию — 200, 509.
- Обренович, Милош (1780 — 1860) — сербский князь (1817 — 1839) — 397, 613.
- Обренович, Михаил (1823—1868) — сербский князь (1839 — 1842 и 1860 — 1868) — 437, 463, 613.
- Обручев 2-й — русский генерал, участник Крымской войны — 610.
- О'Доннелль, граф, Максимилиан-Карл (род. 1812 г.) — адъютант Франца-Иосифа — 106.
- Озеров — русский дипломат, в 1852—1853 гг. поверенный в делах в Константинополе — 640.
- О'Коннелль, Даниель (1775 — 1847) — известный лидер ирландских националистов, основатель клерикальной ирландской национальной Лиги, член парламента — 30, 128, 543, 633.
- О'Коннор, Фергус (1794 — 1855) — знаменитый лидер чартистов, член парламента — 128, 129, 242.
- Оксфорд, граф, Гарли-Альфред (1809 — 1853) — английский аристократ, член палаты лордов, виг — 94.
- Оливейра, Бенджамин — английский путешественник и писатель — 247.
- Ольга Николаевна (1822 — 1892) — дочь Николая I, королева вюртембергская — 450.
- Омер-паша (Михаил Латош) (1806 — 1871) — по национальности кроат, принявший турецкое подданство, главнокомандующий турецкой армии в Крымской войне, в 1868 — 1869 гг.

- военный министр — 471, 472, 475, 551, 552, 553, 562, 564, 565, 566, 567, 592, 604, 612, 624, 632, 638, 678, 680, 681.
- Орлеанская герцогиня, Мария-Амалия (1782 — 1866) — жена претендента на французский престол Генриха V — 449.
- Орлеаны — французская династия (1830—1848) — 581, 585, 660. См. также — Немур, герцог, и Монпансье, герцог.
- Орлов, граф, Алексей Федорович (1786—1861) — русский дипломат, заключивший Унклар-скелесский договор с Турцией, представитель России на Парижском конгрессе 1856 г.; один из упорных противников реформы 1861 г. — 514, 524, 531, 624, 630, 635, 636.
- Орсини, Феличе (1819—1858) — итальянский революционер-заговорщик, покушавшийся на Наполеона III — 560.
- Осборн-Бирнелль, Ральф (1808—1882) — английский политический деятель, либерал, член парламента — 69, 71.
- Осман-паша (род. 1792 г.) — турецкий адмирал, командовавший эскадрой, уничтоженной под Синопом русскими в ноябре 1853 г. — 590.
- Остен-Сакен, Дмитрий Ярославич (1790—1864) — русский генерал, участник Крымской войны — 599, 679.
- Остин, лейтенант — тюремный чиновник в Бирмингаме — 201.
- Оттон (1815—1867) — принц Баварский, король Греции (1833—1862) — 512, 658, 667.
- Оуэн, Роберт (1771—1858) — известный английский социалист-утопист — 634.
- Оффи — американский консул в Смирне, отказавшийся в 1853 г. выдать австрийскому правительству венгерского эмигранта Мартина Коста — 434.
- Оффор и Гемимен — английская судоходная фирма — 76.
- 420, 426, 427, 428, 431, 447, 449, 451, 469, 470, 472, 473, 474, 480, 481, 485, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 498, 500, 501, 503, 505, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 518, 520, 521, 522, 523, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 535, 536, 537, 538, 540, 541, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 568, 570, 572, 574, 575, 577, 578, 580, 584, 585, 586, 602, 603, 604, 617, 619, 628, 629, 630, 654, 659, 660, 662, 663, 664.
- Паскевич, князь, Иван Федорович (1782 — 1856) — русский фельдмаршал, усмиритель польского восстания в 1831 г. и венгерской революции 1849 г., наместник царя в Польше, где проводил политику насильственного обрусения — 625.
- Пауэлль и К — английская кожевенная фирма — 75.
- Педжет, лорд, Клеренс-Эдуард (1811—1895) — английский адмирал, в 1847—1852 гг. член парламента и секретарь адмиралтейства — 27.
- Педро-дон (1798—1834) — император Бразилии (1822—1831 под именем Педро I), король Португалии (1826 г. под именем Педро IV); отрекся в Португалии в пользу своей дочери Марии да-Глория — 512.
- Пекингтон, Джон - Сомерсет (1799 — 1880) — английский политический деятель, консерватор; в министерствах Дерби и Дизраэли занимал должности министров военного, колоний и морского — 55, 129, 140, 459, 465.
- Пелисье, Жан - Жак (1794 — 1864) — французский адмирал, во время Крымской войны сначала командовал одним французским корпусом, в 1855 г. был назначен главнокомандующим — 632.
- Пеллат, Эпсли (1791—1863) — английский стеклозаводчик в Сотворке (предместье Лондона), член парламента, либерал — 172.
- Перикл (490 — 429 до н. э.) — известный древне-греческий государственный деятель, стоявший во главе афинской республики в период ее наибольших успехов — 512.
- Персиваль, Дедли — английский политический деятель, консерватор; кандидат на выборах 1853 г. — 80.
- Персиваль, Спенсер (1762 — 1812) — английский государственный деятель, торий, премьер - министр (1809 — 1812) — 490.
- Персидский шах — см. Наср-эд-дин, персидский шах.
- Перье, Шарль - Никола - Фердинанд (1812 — 1882) — швейцарский поли-

П.

- Падшах — см. Абдул-Меджид, турецкий султан.
- Пальмер, Раундель (1812—1895) — английский политический деятель, член парламента, умеренный либерал — 29.
- Пальмерстон, виконт, Генри-Джон-Темпл (1784—1865) — английский государственный деятель, виг, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1852), внутренних (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865) — 50, 53, 64, 67, 68, 71, 85, 100, 129, 130, 177, 183, 192, 199, 239, 242, 243, 246, 264, 273, 280, 284, 285, 286, 289, 380, 391, 393, 394, 407, 409, 419,

- тический деятель, организатор фрейбургского восстания 1853 г. — 296, 297.
- Персиньи, герцог, Фиален, Жан-Жильбер-Виктор (1808 — 1872) — французский политический деятель, бонапартист, один из организаторов переворота 2 декабря 1851 г., в 1852 — 1854 гг. министр внутренних дел — 614.
- Петли — преступник, казненный в Англии в 1849 г. — 87.
- Петр I (Великий) (1672—1725) — русский император (1682 — 1725) — 390, 401, 439, 532.
- Пий IX (1792—1878) — римский папа (1846 — 1878) — 605, 637, 647.
- Пиль, Роберт (1788 — 1850) — английский государственный деятель, либерал-консерватор, премьер - министр (1830 и 1841 — 1846); в 1846 г. провел билль об отмене хлебных пошлин—3, 9, 28, 40, 44, 49, 50, 51, 53, 55, 63, 92, 110, 116, 131, 137, 168, 210, 217, 333, 449, 499, 507, 513, 516, 517, 522, 524, 546, 548, 577, 580, 633, 643, 685, 713, 715.
- Пин, Томас — врач в Лондоне — 120.
- Пиндар (ок. 522 — 443 до н. э.) — знаменитый древнегреческий поэт—490.
- Пирс, мисс — английская землевладелица — 247.
- Пис — служащий графа Балкарис (Англия) — 226.
- Питт, Вильям (младший), граф Чатам (1759—1806) — английский государственный деятель, торий, премьер-министр (1783—1801 и 1804—1806); организатор войны против французской республики — 139, 332, 355, 356.
- Платон (ок. 428 — 348 до н. э.) — знаменитый греческий философ, идеалист — 279.
- Поллексен, Джон (1638 — 1705) — английский купец и писатель по экономическим вопросам; настаивал на отмене монополий Ост-индской компании — 358.
- Понсонби, Джон, виконт (1770 — 1855) — английский дипломат, посол в Константинополе (1832—1837) и в Вене (1846 — 1850)—518, 522, 546, 547.
- Портленд, герцог, Вильям-Генри-Кэвэндиш-Бентинк (1738—1809) — английский государственный деятель, торий, премьер-министр (1783 и 1807—1809) — 489.
- Потемкин, князь, Григорий Александрович (1739—1791) — фаворит Екатерины II, фельдмаршал; после захвата Крыма (1783 г.) проводил колонизацию южного края (Новорос-сия) — 545.
- Поццо-ди-Борго, граф, Карл-Андрей (1764—1842)—русский дипломат, посол в Париже (1814—1835) и Лондоне (1834—1839) — 423, 414, 415, 426, 436, 440, 496, 664, 665, 688.
- Принц-супруг — см. Альберт.
- «Прочтывающий Робинзон»—см. Годереч-виконт.
- Прусский король — см. Фридрих II и Фридрих-Вильгельм IV.
- Пьюзей, Эдуард-Бувери (1800—1882) — английский богослов, по имени которого набывалось реакционное течение («пьюзейзм») в англиканской церкви, стремившееся к сближению с католицизмом — 71.

Р.

- Радецкий, граф, Иоганн-Иозеф-Венцель (1766 — 1858) — австрийский фельдмаршал, с 1831 г. главнокомандующий австрийских войск в Италии — 106, 107, 280, 291, 292.
- Раффлс, Томас - Стамфорд (1781 — 1826)—английский колониальный губернатор Явы (1811 — 1815) и Суматры (1818—1823); автор двухтомной работы «History of Java» («История Явы») (1817) — 347.
- Редклифф Стратфорд де — см. Каннинг, Стратфорд де-Реклифф.
- Реннель — английский политический деятель, виг, в 1847 — 1852 гг. член парламента — 27.
- Реш, Джемс-Бломфильд — английский преступник, казненный за убийство в апреле 1849 г. — 87.
- Решид-паша, Мустафа (1802—1858)—турецкий государственный деятель, министр иностранных дел (1837—1838, 1845 и 1853—1856), великий визирь (1846—1852 и 1856—1857)—288, 399, 434, 437, 438, 447, 452, 456, 460, 475, 480, 552, 571, 668.
- Рештон, Бенджамин (ум. 1853 г.) — английский рабочий, чартист — 176.
- Ривс — английский чиновник в министерстве иностранных дел—471, 476.
- Риза-паша — турецкий генерал, в 1854 г. военный министр — 668.
- Рикардо, Дэвид (1772—1823) — известный английский экономист, виднейший представитель классической школы политической экономии—226, 277, 279.
- Риккетс, сэр, Генри (1802 — 1886) — английский чиновник в Индии — 718.
- Рингли, Джон и Сын—хлопчатобумажная фирма в Ливерпуле — 76.

- Ричард I Львиное Сердце (1157 — 1199)—король Англии (1189—1199)—398.
- Ричард III (1452 — 1485)—король Англии (1483 — 1485) — 322.
- Ричмонд, герцог, Чарльз-Гордон-Ленокс (1791 — 1860)—английский аристократ, член палаты лордов, консерватор — 105, 247.
- Ришелье, Арман-Жан-Дю-Плеси (1585—1642) — французский кардинал и министр, фактический правитель королевства при короле Людовике XIII—439.
- Робек, Джон-Артур (1801 — 1879) — английский политический деятель, либерал, член парламента — 532, 543, 634.
- Робинсон, Абрагам — один из деятелей чартистского движения — 258.
- Робинсон, Фредерик-Джон (1782 — 1859) — английский государственный деятель, торий; в разное время был министром военным, морским, колониальным и торговли; в 1827 — 1828 гг. премьер-министр — 543.
- Роден, граф, Роберт-Джослин (1788 — 1870) — английский аристократ, консерватор, член палаты лордов — 190, 338, 643.
- Рональд — см. Юз и Рональд.
- Рональдс, Чарльз — английский прокурор — 576.
- Россель, сэр, Генри (1751 — 1836) — английский судья в Индии — 340.
- Россель, Джон, лорд, впоследствии граф (1792 — 1878) — английский государственный деятель, виг, премьер-министр (1846 — 1852 и 1865 — 1866), министр иностранных дел (1852 — 1853 и 1859 — 1865)—7, 14, 27, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 67, 71, 72, 91, 98, 103, 104, 109, 113, 115, 116, 123, 124, 125, 127, 129, 153, 158, 159, 162, 168, 169, 177, 240, 247, 263, 264, 324, 323, 328, 407, 421, 425, 429, 431, 434, 442, 443, 459, 460, 462, 465, 466, 474, 480, 492, 584, 616, 630, 641, 649, 651, 654, 659, 665, 667, 641, 649, 651, 654, 659, 665, 667, 668, 685, 687, 689, 690, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 702, 703, 704.
- Ротшильд, Лайонель-Натан, барон (1808 — 1879) — глава банковского дома Ротшильдов в Англии — 104, 115, 116.
- Роуз, Хью-Генри (1801 — 1885) — английский полковник, затем генерал; в 1852 — 1853 гг. поверенный в делах в Константинополе — 371, 409, 455, 460, 652.
- Руссен, Альбен-Рен (1781 — 1854) — французский адмирал, посол в Константинополе (1832 — 1834) — 513.
- Рюриковичи — русская династия (862—1598) — 439.

С.

- Сайкс, Вильям-Генри (1790 — 1872)—английский полковник на службе Ост-индской компании; в 1840 г. был избран одним из директоров компании; с 1857 г. член парламента, либерал; писатель-натуралист, историк и статистик — 716.
- Салтыков, князь, Алексей Дмитриевич (1806 — 1859) — русский путешественник, писатель и художник; в 1841 — 1843 и 1845 — 1846 гг. был в Индии; в 1848 г. на французском языке вышла его книга «Путешествие по Индии» — 366.
- Сандерс, Дж. — служащий уголовного розыска в Лондоне — 295.
- Сарданпал — легендарный древне-ассирийский царь (ок. XI века до н. э.)—462.
- Саффи, Аурелио (1819—1890) — итальянский революционер-националист, сторонник Мадзини — 284.
- Свифт, Джонатан (1667 — 1745) — знаменитый английский писатель-сатирик — 184.
- Святослав Игоревич (ок. 942 — 972) русский (киевский) князь — 439.
- Себастиани, граф, Орас-Франсуа-Бастьен (1772—1851)—французский генерал и дипломат, посол в Лондоне (1835—1840) — 426.
- Седдлес, Ганна (ум. 1849 г.) — самоубийца в Англии — 88.
- Седлер, Джон (1814 — 1856) — ирландский политический деятель, член парламента, в 1853 г. лорд казначейства — 70, 71, 72, 80, 96, 159, 593.
- Сеймур, сэр, Джордж-Гамильтон (1797—1880) английский дипломат, посол в Петербурге (1851—1854) — 199, 442, 458, 630, 650, 651, 652, 659, 685, 686, 687, 690, 694, 695, 696, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 707, 708.
- Селим-паша (Зедлинский) — по национальности поляк, принявший турецкое подданство, турецкий генерал, участник Крымской войны — 612, 624.
- Семере, Бартоломей (1812 — 1869) — венгерский писатель и политический деятель, в 1848 — 1849 гг. министр внутренних дел и позднее министр-президент в венгерском революционном правительстве — 108, 280.
- Семерс, Р. — английский писатель,

- автор книги «Письма о Шотландии» (1848) — 86.
- Сен-Джермен, лорд, Эллиот-Эдуард-Гренвилль (1798—1877)—английский политический деятель и дипломат, в 1841—1845 гг. министр по делам Ирландии — 50.
- Сендри, Мери-Энн (1810—1853)—лондонская работница — 120.
- Сен-Леонардс — см. Согден, Эдуард.
- Сен-Макр-Жирарден, Франсуа-Огюст (1801—1873) — французский журналист — 405.
- Сен-Хеленз, барон, Фитц-Герберт-Аллейн (1753—1839) — английский дипломат, в 1783—1787 гг. посол в России — 647.
- Сидмаут, виконт, Эддингтон, Генри (1757—1844) — английский государственный деятель, торий, министр внутренних дел (1812—1821); прославился своими респрессиями против луддитов; один из виновников Манчестерской бойни («Питерлоо») 1819 г. — 490.
- Сийес, Эммануэль-Жозеф (1748—1836) — аббат, известный деятель Великой французской революции, автор брошюры «Что такое третье сословие» (1788), сыгравшей роль политической программы для буржуазии — 136.
- Симпсон, Леонард-Френсис — английский писатель и журналист; в 1854 г. выпустил книгу «Missions of Leinigen and Menshikoff» — 638, 641.
- Сисмонди, Жан-Шарль-Леонард (1773—1842) — известный французский экономист, романтик — 84, 277, 279.
- Скелли, Винсент (1811—1871) — англо-ирландский политический деятель, либерал, член парламента — 191.
- След — английский землевладелец — 78, 79.
- Слени, Роберт-Эглайонби (1792—1862)—английский политический деятель, либерал, член парламента, автор ряда проектов реформы по вопросам народного образования и здравоохранения — 173.
- Смит, Адам (1723—1790) — знаменитый английский экономист, основатель классической школы политической экономии; автор книги «The Wealth of Nations» («Богатство народов») (1776) — 83.
- Смит — преступник, казненный в Англии в 1849 г. — 87.
- Согден, Эдуард-Бертеншоу, барон Сен-Леонардс (1781—1875) — английский юрист, в 1852 г. лорд-канцлер (министр юстиции), консерватор — 190, 511.
- Солиман-паша — турецкий генерал, участник Крымской войны — 659.
- Сольт, Тит (1803—1876) — английский фабрикант в Бредфорде, либерал, член парламента — 36, 37, 209, 215.
- Соммервиль, Вильям-Мередит (1802—1873) — английский политический деятель, в 1847—1852 гг. министр по делам Ирландии — 27.
- Софокл (ок. 495—405 до н. э.) — знаменитый древне-греческий драматург — 512.
- Спенсер, Герберт (1820—1903) — известный английский философ, социолог-эволюционист; в 1848—1853 гг. был одним из издателей «Economist» — 724.
- Спенсер, граф, Фредерик-Спенсер (1798—1857) — английский аристократ, либерал, член палаты лордов, в 1854—1857 гг. лорд-сенешал королевы — 593.
- Спунер, Ричард (род. 1783 г.) — банкир в Бирмингеме и политический деятель, консерватор, член парламента — 115.
- Стенли, лорд — см. Дербн, граф.
- Стердж, Дж.-Ч. и Кормарк — английская фирма по торговле хлебом — 187.
- Стерлинг-Мексвел, сэр, Вильям (1818—1878) — английский писатель-историк и политический деятель, консерватор, член парламента — 246.
- Стеффорд, маркиз — см. Сутерленд, герцог.
- Стеффорд, маркиза — см. Сутерленд, герцогиня.
- Стивенс, Джозеф-Рейнер (1805—1879) — английский методистский проповедник, примкнувший к чартистскому движению — 118.
- Стивенсон, Роберт (1803—1859)—сын знаменитого Герцога Ственса (Стефенсона), изобретателя паровоза; инженер и политический деятель, консерватор, член парламента — 247.
- Стирбей — см. Бибеско-Стирбей.
- Стоу (Гичер), Герриет-Елизабет (1811—1896) — известная американская писательница, аболиционистка, автор книги «Хижина дяди Тома» (1852)—161.
- Страссольдо, граф, Джулио-Пезарь (1791—1855) — помощник главнокомандующего австрийских войск в Северной Италии — 106, 206.
- Стюарт, лорд, Дедли-Коусс (1803—1854) — английский политический деятель, либерал, член парламента, сторонник независимости Польши —

192, 280, 296, 442, 465, 466, 468, 500, 506, 532, 534, 545, 632, 641, 643.

Стюарт, Джемс (1713 — 1780) — шотландский экономист — 83.

Стюарт, лорд, Патрик-Джемс-Герберт-Кричтон (род. 1794 г.) — английский политический деятель, либерал, член парламента — 506, 536, 537, 540.

Стюарт, сэр, Хоустон (1791 — 1875) — английский адмирал, виг, в 1850 — 1852 гг. лорд адмиралтейства — 27.

Стюарты — английская династия (1603 — 1688) — 81, 83.

Стабб — см. Вудс и Стабб.

Сулак (Фаустин I) (1782 — 1867) — негр, по освобождении из рабства был сначала слугой, а затем адъютантом у одного французского генерала; в 1847 г. был избран президентом о. Гаити, в 1849 г. провозглашен императором, в 1856 г. низвергнут республиканцами — 456.

Сутерленд, герцог, Джордж-Гренвиль-Левесон-Гоуэр (1786—1861) — английский аристократ, член палаты лордов, либерал — 84, 85, 247.

Сутерленд, герцогиня, Герриэт-Елизабет - Джорджиана - Левесон - Гоуэр (1806 — 1868) — жена предыдущего — 81, 84, 85, 86, 177, 215.

Сянь-Фынъ (ум. 1861 г.) — китайский император (1850—1861) — 664.

Т.

Тайпингванг — см. Хун-сю-цюань.

Талейран-Перигор, Шарль-Морис (1754—1838) — французский дипломат, министр иностранных дел (1797 — 1799, 1799 — 1809 и 1815), представитель Франции на Венском конгрессе — 544.

Тамерлан — см. Тимур.

Татищев, Дмитрий Павлович (1767—1845) — русский дипломат, посол в Вене (1826 — 1841) — 421.

Тацит, Корнелий (ок. 55 — 120) — знаменитый римский историк — 95.

Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — знаменитый восточный завоеватель, эмир Самарканда — 341, 352, 621.

Типпу-Сайб (1753—1799) — майсорский султан (набоб) (1782 — 1799), упорно сопротивлявшийся английскому завоеванию — 356.

Тирконнель, граф, Джон-Диливель-Карпентер (1790 — 1853) — английский аристократ — 94.

Титов, Владимир Павлович (ум. 1891 г.) — русский дипломат и археолог, посол в Константинополе — 462.

Томас, Сара — преступница, казненная в Англии в 1899 г. — 87.

Томпсон; Томас-Перронет (1783 — 1869) — английский полковник, впоследствии генерал, один из лидеров фритредерского движения, член парламента (1835 — 1837, 1847—1852 и 1857 — 1859) — 28.

Томпсон — английский дипломат, в 1853 — 1854 гг., поверенный в делах в Персии — 614.

Тондж, Кэрри и К^о — судоходная фирма в Ливерпуле — 76.

Торрингтон, Джордж-Байнг (род. 1812 г.) — английский политический деятель, виг, член палаты лордов; в начале 50-х годов был губернатором на о. Цейлоне — 17.

Троллоп, сэр, Джон (род. 1800 г.) — английский политический деятель, консерватор, член парламента — 281.

Трюлов, Э. — издатель в Лондоне — 288.

Тугут, барон, Иоганн-Амедей-Франц де-Паула (1736—1818) — австрийский дипломат, посол в Константинополе (1771 — 1776), в дальнейшем министр иностранных дел (1794 — 1797 и 1798 — 1801) — 438.

Туинант — русский генерал, участник Крымской войны — 612.

Тук, Томас (1774 — 1858) — английский экономист, автор книги «History of Prices» («История цен») (1838—1857) — 38.

Тьер, Луи-Адольф (1797 — 1877) — известный французский политический деятель и историк, премьер-министр (1836 — 1840); в дальнейшем глава Версальского правительства и палач Коммуны, президент Третьей республики (1871 — 1873) — 110, 431.

Тэйлор, сэр, Герберт (1775 — 1839) — английский генерал, личный секретарь при королях Георге III и Вильгельме IV — 528, 531.

У.

Уайзема, Николас - Патрик-Стивен (1802—1865) — английский кардинал-архиепископ (1850—1865) — 200.

Уайт — английский физик — 36.

Уэзер — немецкий эмигрант, рабочий на фабрике Хейля близ Лондона — 295, 296.

Уолмсли, сэр, Джошуа (1794—1871) — английский политический деятель, фритредер, член парламента — 434.

Уолш, сэр, Джон-Бейн (1798—1881) —

- английский политический деятель, торий, член парламента — 667.
- Уорд, сэр, Герни-Джордж (1797 — 1860) — английский колониальный губернатор на Ионических островах (1849 — 1855), Пейлоне (1855 — 1860) и в Мадрасе (1860) — 17.
- Уркарт, Вильям-Поллард (1815 — 1871) — английский писатель, автор книги «Life and Times of Francesco Sforza, Duke of Milan» (1852), член парламента, либерал — 247.
- Уркарт, Дэвид (1805 — 1877) — английский дипломат и писатель, туркофил; в 30-х годах служил в константинопольском посольстве; в 1847 — 1852 гг. член парламента; упорный противник политики Пальмерстона — 391, 405, 452, 471, 474, 481, 528, 529, 530, 531, 532, 538, 564, 547, 586, 596, 605, 629, 636, 637.
- Ф.**
- Фаллу, граф, Альфред-Пьер (1811 — 1886) — французский политический деятель и писатель, клерикал; в президентство Луи-Наполеона был министром народного просвещения и культов (1848 — 1849) — 637.
- Ферберн — машиностроительная фирма в Манчестере — 36.
- Фердинанд I (1793—1875) — австрийский император (1835 — 1848) — 676, 677.
- Ференце, Тереза — венгерская певица — 271.
- Феттер — венгерский революционный генерал, сподвижник Кошута — 271.
- Филлимор, Роберт-Джозеф (1810 — 1885) — английский юрист и политический деятель, консерватор-пилит, член парламента — 168.
- Фильден, Джон (1784 — 1849) — английский политический деятель, радикал, член парламента — 117.
- Финлен, Джеймс — один из лидеров чартистского движения, друг Эрнеста Джонса — 258, 262.
- Фитцвильям, граф, Чарльз-Вильям-Вентворт (1786 — 1857) — английский политический деятель, член парламента, либерал — 247, 419.
- Фицрой, Генри (1807 — 1859) — английский политический деятель, в 1852 — 1855 гг. помощник министра внутренних дел — 181, 182.
- Флери (Краузе), Карл Фридрих-Август (род. 1824 г.) — прусский шпион и полицейский агент, проживавший в Лондоне — 294.
- Флетчер, Маргарет — агитатор среди работниц Ланкашира — 237.
- Флетчер, Эчи — агитатор среди работниц Ланкашира, сестра предыдущей — 237.
- Фокс, Вильям-Джонсон (1786 — 1864) — английский политический деятель, фритредер, член парламента — 28, 246.
- Фокс, Чарльз-Джеймс (1749 — 1806) — английский государственный деятель, виг, в 1783 г. премьер-министр — 323, 355.
- Фома Аквинский (ок. 1225 — 1274) — известный средневековый ученый, схоластик; в своих философских произведениях старался обосновать учение католической церкви — 145.
- Форбс, Чарльз — землевладелец в Шотландии — 216.
- Франц I (1768 — 1835) — австрийский император (1792 — 1835) — 676.
- Франц-Иосиф (1830 — 1916) — австрийский император (1848 — 1916) — 106, 640, 676, 703.
- Франциск I (1494 — 1547) — французский король (1515 — 1547) — 130.
- Фрейзер и Сын — хлопчатобумажная фирма в Манчестере — 220.
- Фрейлиграт, Фердинанд (1810—1876) — немецкий революционер и поэт, друг Маркса — 287.
- Фридрих I Барбаросса (ок. 1123—1190) — германско-римский император (1152 — 1190) — 398, 501.
- Фридрих I (1826—1907) — великий герцог баденский (1852 — 1907) — 560.
- Фридрих II (Великий) (1712 — 1786) — прусский король (1740 — 1786) — 658, 679.
- Фридрих VII (1808 — 1863) — король Дании (1848 — 1863) — 436, 443, 444.
- Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — прусский король (1840 — 1861) — 475, 559, 625, 693.
- Фройд, Виктор — французский эмигрант — 101.
- Фрост, Джон (1785 — 1877) — чартистский деятель; 1839 г. за попытку освободить заключенных чартистов из Ньюпортской тюрьмы был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Тасманию — 17, 46.
- Фуад-паша, Мегемед (1814 — 1869) — турецкий государственный деятель и писатель, министр иностранных дел (1852 — 1853, 1858 — 1860 и 1867 — 1889), великий визирь (1861 — 1867) — 288, 371, 399.
- Х.**
- Хан-высочка (381) — см. Наполеон III.
- Хау — преступник, казненный в Англии в 1849 г. — 87.

Хейль, В.—английский фабрикант, владелец ракетной фабрики близ Лондона — 294, 295, 296.

Хейль, Р. — сын предыдущего — 294, 295, 296.

Хенли, Джозеф-Ворнер (1793 — 1884)—английский политический деятель, консерватор, министр торговли (1852 и 1858 — 1859) — 33, 49.

Хент, Генри (1773 — 1835) — английский политический деятель, радикал, член парламента; в 1819 г. председателемствовал на знаменитом митинге близ Манчестера — 242, 500.

Хогг, Джеймс (1790 — 1876) — директор британской Ост-индской компании (1839 — 1852) — 326.

Холланд, барон, Генри-Ричард-Вассель-Фокс (1773—1840) — английский политический деятель и дипломат — 429, 431.

Холлидей — чиновник британской Ост-индской компании — 330.

Хорсфолл, Томас-Берри (род. в 1805 г.) — английский промышленник, владелец каменноугольных копей, и политический деятель, член парламента, консерватор — 214, 646, 663.

Хотэм, барон, Бомонт (1794 — 1870) — английский генерал и политический деятель, консерватор, член парламента — 246.

Хули-хан — см. Надир-шах.

Хун-сю-цюань (Тай-пинг-ванг) (ум. 1864 г.) — вождь китайского восстания тайпингов (1850—1864); в 1853 г. был провозглашен своими сторонниками императором — 665.

Ц.

Цезарь, Гай-Юлий (ок. 102 — 44 до н. э.) — римский император — 95.

Ч.

Чаадаев — русский генерал, участник Крымской войны — 679, 681.

Чайльд, сэр, Джозайя (1630 — 1699) — английский купец и писатель-меркантилист; губернатор Ост-индской компании (1681 — 1683 и 1686 — 1688) — 358.

Чайльдс — английский консул в России — 540.

Чарльз, сэр — см. Вуд, Чарльз.

Чарторыйский, князь, Адам-Юрий (1770 — 1861) — польский политический деятель, одно время близкий друг Александра I; участник восстания 1830 г. и председатель польского временного правительства; после по-

давления восстания эмигрировал в Париж — 192, 527, 662.

Чепмен, Джон (1801 — 1854) — английский журналист, экономист; вначале был прядильным фабрикантом; изобретатель; автор известной книги «Cotton and Commerce of India» (1851) — 365.

Черчилль и Лейн — английский лесопромышленная фирма — 75.

Чесни, Френсис-Роудон (1798 — 1872) — английский полковник, впоследствии генерал; в 1850 г. опубликовал книгу «Русско-турецкая кампания 1828 — 1829 гг.» — 597, 598, 599.

Ш.

Шабелиц, Жак (ум. 1899 г.) — немецкий издатель — 284.

Шадуэль — английский чиновник по проверке избирательных списков — 43.

Шамиль (1797 — 1871) — шейх, вождь горцев Дагестана и Чечни; в течение двадцати шести лет (1833—1859) вел энергичную борьбу против русского завоевания — 410.

Шарль, Жак-Юбер (1793 — 1882) — швейцарский политический деятель, участник фрейбургского восстания 1853 г. — 297.

Шварценберг фон, князь, Феликс-Людвиг-Иоганн-Фридрих (1800 — 1852) — австрийский дипломат, в 1848 — 1852 гг. премьер-министр и министр иностранных дел — 509.

Шейль, Ричард-Лалер (1791 — 1851) — английский писатель-драматург и политический деятель, виг, член парламента — 522, 523, 532.

Шекиб-эфенди — турецкий дипломат, в 1852 — 1853 гг. министр иностранных дел — 434.

Шекспир, Вильям (1564 — 1616) — знаменитый английский драматург — 470.

Шелли, сэр, Джон-Вильерс (1808 — 1867) — английский политический деятель, либерал, член парламента — 281.

Шефтсбери, граф, Антони-Эшли-Купер (1801 — 1885) — известный английский политический деятель, консерватор, член парламента (1826 — 1854); виднейший представитель «феодального социализма» в Англии; содействовал проведению рабочего законодательства — 118.

Шильдер, Карл Андреевич (1785 — 1854) — русский военный инженер, один из организаторов обороны Севастополя — 681.

Шлик, Франц, граф (1789 — 1862) —

австрийский генерал, подавлявший в 1849 г. венгерское восстание — 614.
 Шольфильд, Вильям (1809 — 1867) — английский радикал, член парламента — 115.
 Шоу, Джон — один из лидеров чартистского движения — 262.
 Штибер, Вильгельм (1818 — 1882) — директор прусской полиции — 294.

Э.

Эбердин, граф, Джордж-Гамильтон-Гордон (1784 — 1860) — английский государственный деятель, консерватор-пилит, министр иностранных дел (1828—1830 и 1841 — 1846) и премьер-министр (1852 — 1855) — 67, 68, 69, 70, 72, 73, 93, 95, 96, 102, 103, 105, 109, 155, 159, 169, 191, 199, 200, 264, 286, 289, 321, 330, 380, 393, 394, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 415, 419, 420, 424, 440, 449, 450, 458, 461, 462, 463, 466, 472, 473, 474, 477, 480, 495, 496, 522, 527, 541, 568, 570, 579, 580, 584, 593, 604, 407, 621, 681, 682, 684, 685.
 Эванс, сэр, Джордж-де-Ласпи (1787 — 1870) — английский полковник, затем генерал, политический деятель, либерал, член парламента — 499, 504, 523.
 Эдвардс, Генри — английский политический деятель, торий, кандидат на выборах 1852 г. — 13, 18.
 Эдуард IV (1442 — 1483) — английский король (1461 — 1483) — 189.
 Элленберо, граф, Эдуард-Луо (1790 — 1871) — английский государственный деятель, консерватор, генерал-губернатор Индии (1841—1844), морской министр (1846) и председатель Контрольного совета по делам Индии (1858) — 333, 340, 418, 458.
 Эльфинстон, Маунт-Стюарт (1779 — 1859) — английский губернатор в Бомбее (Индия) (1819 — 1827) — 340.
 Эммануэль, Георгий Арсеньевич (1775 — 1837) — русский генерал, в 1826 — 1832 гг. командующий войсками на

Кавказе; в 1829 г. организовал военную экспедицию к Эльбрусу — 534.
 Эндертон — английский фабрикант в Ланкашире — 214.
 Эннесли, граф, Вильям-Ричард (1830 — 1874) — английский политический деятель, консерватор, член парламента — 246.
 Эрстед, Андерс-Санда (1778 — 1860) — датский государственный деятель, премьер-министр (1853 — 1854) — 621.
 Эрш, Иоганн-Самуэль (1766 — 1823) — немецкий библиограф, географ и статистик; издавал вместе с Грубером «Всеобщую энциклопедию наук и искусств» — 130.
 Эскобар-и-Мендоза, Антонио (1589 — 1669) — известный испанский иезуит, проповедник и писатель — 71.
 Эстергази, князь, Поль-Антуан (1786 — 1866) — австрийский дипломат, посол в Лондоне (1830 — 1838) — 428.
 Эшли — см. Шефтсбери.

Ю.

Юарт, Вильям (1798 — 1869) — английский политический деятель, консерватор-пилит, член парламента — 17, 28.
 Юа и Рональд — английская шерстяная фирма.
 Юм, Джозеф (1777 — 1855) — английский политический деятель, радикал, член парламента — 17, 41, 46, 51, 47, 52, 124, 135, 151, 226, 338, 500, 509, 511, 543, 547, 662, 663.
 Юр, Эндрю (1778 — 1857) — английский ученый, автор ряда работ по химии — 294.

Я.

Яков I Стюарт (1566 — 1625) — английский король (1603 — 1625) — 95.
 Яков II Стюарт (1633 — 1701) — английский король (1685 — 1688).
 Ярдли (ум. 1849 г.) — самоубийца в Англии — 88.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ.

- Алладин — персонаж из арабского сборника сказок «Тысяча и одна ночь» — 181.
- Альчина — волшебница, героиня из поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» — 487, 532.
- Ахилл — герой из известной древнегреческой поэмы «Илиада» — 60.
- Булль, Джон (Джон Бык) — произвигшее английской буржуазии, получившее широкое распространение со времени появления политической сатиры Абернета «History of John Bull» (1704) — 178, 453.
- Вагнер — персонаж из трагедии Гете «Фауст» — 512.
- Гануман — один из героев индийской мифологии, царь обезьян — 351.
- Геркулес (Геракл) — герой - богатырь древне-греческого эпоса — 138.
- Гудиброс — герой из поэмы английского сатирика Самюэля Бутлера (1612 — 1680) того же названия — 8.
- Джагернаут (Джаганатха) — название индийского идола, которому был сооружен громадный храм; под колесницу идола в процессиях бросались верующие индусы — 200, 346.
- Дон-Кихот — герой романа Сервантеса того же названия — 152, 490.
- Дядя Том — герой романа Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», употребляется в Америке и Англии как прозвище для негров — 154.
- Кассандра — одна из героинь древнегреческой поэмы «Илиада», предсказывавшая несчастья — 696.
- Куреты — мифологические существа, спасшие бога Зевса от его отца, всепожирателя Кроноса (греческий миф) — 23.
- Лингам — название индийского религиозного изображения, представляющего собой культ фаллуса — 346.
- Ману — в индийской мифологии один из прародителей человечества, которому приписывалось составление кодекса древне-индусских законов — 322, 330.
- Мафусаил — из библейской мифологии, один из древних патриархов, прославившийся своим долголетием — 92.
- Молох — название божества у древних финикийцев, которому приносились человеческие жертвы — 279.
- Нестор — из древне-греческой мифологии, один из старейших героев «Илиады», славившийся своей мудростью — 52.
- Пирам — герой одного из стихотворений Овидия, персонаж в пьесе Шекспира «Сон в Иванову ночь» — 666.
- Руджьеро — герой из поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» — 487.
- Сабала — название священной коровы в индийской религии — 351.
- Санчо — персонаж из романа Сервантеса «Дон-Кихот» — 152.
- Снаг — столляр, персонаж из пьесы Шекспира «Сон в Иванову ночь» — 662.
- Тисба — героиня одного из стихотворений Овидия, персонаж в пьесе Шекспира «Сон в Иванову ночь» — 662.
- Фальстаф — персонаж из произведений Шекспира «Веселые кумушки» и «Генрих IV», олицетворение хвастовства и трусости — 515, 526.
- Фауст — герой трагедии Гете под тем же названием — 512.
- Цербер — из древне-греческой мифологии — стоголовый пес, охранявший вход в подземное (адово) царство — 138, 663.
- Эдип — герой древне-греческой мифологии, славившийся умением разгадывать сложные загадки — 331.
- Эпименид — герой из греческой мифологии, о котором рассказывалось, что он спал зачарованный в течение 57 лет — 723.
- Юпитер — главное божество в римской мифологии, соответствовавшее греческому Зевсу — 23.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

- Австралия*, открытие золотых россыпей — 38, 76, 78, 80, 217, 312, 313; ссылка в Австралию — 191, 200.
- Австрия*, финансы — 206, 552, 608, 613, 671 — 675; позиция в восточном вопросе (и войне) — 421, 430, 448, 570 — 572, 605, 625, 631, 638—640, 701—703.
- Адрианопольский (русско-турецкий) договор (1829 г.)* — 393 — 394, 400, 406, 408, 412, 498, 513, 522, 529, 534, 536, 538, 545, 546, 572.
- Азиатское общество* — 347 — 352, 362 — 365. — См. также *Индия*.
- Аккерманская (русско-турецкая) конвенция (1827 г.)* — 498, 499.
- Америка* — см. *Северо-Американские Соединенные Штаты*.
- Американская демократическая партия*. — 717.
- Американские колонии*, противодействие Англии их освобождению — 141.
- Амнистия во Франции* — 101 — 102.
- Английская аристократия*, характеристика — 3, 4, 6, 7, 50, 81, 94 — 95, 109, 167, 183, 713 — 715; а. а. и отмена хлебных пошлин — 40, 43, 44, 118, 155; а. а. и буржуазия — 69, 100, 179; а. а. и «очищение поместий» — 85, 86.
- Английская буржуазия*, характеристика — 6 — 10, 41, 46, 68, 138, 127 — 218, 226, 254, 261, 365 — 366, 715; борьба за власть против аристократии — 13, 23, 44, 49—50, 59, 118, 136; а. б. и народные массы — 156, 217 — 218, 252; а. б. и рабочий класс — см. *Английское рабочее движение*, также *Локауты*.
- Английская внешняя торговля* — 186, 187, 229, 232 — 236, 276, 383, 384, 537, 539.
- Английская дипломатия* — см. *Восточный вопрос и Европейская дипломатия*.
- Английская история*, характеристика периода XVII — XVIII вв. — 177 — 179; нач. XIX в. — 490.
- Английская конституция*, характеристика, — 3, 168, 199, 490, 493, 494, 628.

- Английская монархия* — 314, 449, 450, 618.
- Английская палата лордов*, характеристика — 44, 188, 189, 194; обсуждение восточного вопроса — 453 — 458, 628 — 630.
- Английская палата общин*, характеристика — 12, 13, 15, 183, 331, 451, 474, 671; обсуждение восточного вопроса — 459, 470, 642 — 654, 662 — 664. См. также *Английская парламентская реформа* и *Английские парламентские выборы*.
- Английская парламентская реформа*, билль о реформе 1831 — 1832 г. — 6, 21, 23, 28, 118, 217, 440, 494; вопрос о парламентской реформе в 1852 — 1853 гг. — 29, 30, 46 — 47, 64, 70, 71, 91, 92, 97, 99, 109, 115, 116, 168; а. п. р. и коалиционное министерство — 103 — 105, 140, 165, 193. См. также *Торри*, *Виги*, *Чартисты*, *Национальная партия*.
- Английская (английская) церковь*, характеристика — 4, 10, 178, агитация среди рабочих — 117 — 120.
- Английские арендаторы* — 5, 11, 40, 54, 168, 278.
- Английские парламентские выборы 1852 г.* — 3, 13 — 18, 19 — 30, 42 — 43, 140, 168, 202, 281; состав нового парламента — 246 — 248.
- Английские радикалы* — см. *Фритредеры* и *Национальная партия Юма*.
- Английский банк*, паника во время кризиса — 37, резервы — 38, 78, 81, 94, 184, 188, 202 — 203, 210, 435; повышение учетного процента — 80, 92, 93, 157, 202; подкуп правительства — 354.
- Английский парламент* — см. *Английская палата общин*.
- Английский пролетариат*, характеристика — 11, 68, 217 — 218, 259 — 260, 423 — 424; бедственное экономическое положение — 14 — 16, 78, 119, 228 — 238, 251 — 253. См. также *Английское рабочее движение*.
- Английское крестьянство*, исчезновение его — 11, 85 — 86, 254, 259.

Английское общественное мнение, негодование против капиталистов — 202, против России — 481, 483, 500 — 501, 596 — 603.

Английское рабочее движение, в начале XIX в. — 178 — 179 — 490; великая забастовка 1851 г. — 208; стачки 1853 г. — 94, 165 — 167, 170 — 176, 181 — 184, 194, 195, 196 — 198, 204, 213 — 215, 217 — 218, 225 — 227, 230 — 231, 236 — 238, 241 — 242, 557 — 558; борьба за 10-часовой рабочий день — 117 — 120, 166, 174 — 180, 184; билль о рабочих объединениях — 188; массовое движение 1853 г. — 250, 254 — 258. См. также *чартисты*.

Англия, население (и эмиграция) — 33 — 34, 94, 185, 218, 228, 229, 276, 277; капиталистический характер Англии — 254, 259; внешняя политика Англии — см. *Восточный вопрос*.

Англо-французский союз — см. *Восточный вопрос*.

Антиякобинская война — см. *Французская революция и Англия*.

Аристократия, вымирание аристократии — 94 — 95.

Армяне, позиция в русско-турецкой войне — 169.

Афганистан, война с Англией (1838 — 1839 гг.) — 383, 602 — 603, 628; позиция в Восточной войне — 662.

Ахалцых, поражение турок — 587, 590 — 591, 610 — 611.

В.

Бавария, политический строй — 512.

Балто-лиманский (русско-турецкий) договор (1849 г.) — 408, 463.

Балтийское море, стратегическое значение — 606 — 607.

Батум, стратегическое значение — 555, 556.

Бельгийская революция 1830 г., позиция Англии — 510 — 512, 517.

Бельгия, бунты против Кобургов (1853 г.) — 206; отделение от Голландии — 510.

Берлин, «Калабрийский» заговор в Берлине — 291, 292, 204.

Бирма, мирный договор с Англией — 194, 195.

Бирмингем, жестокости в бирмингемской тюрьме — 201.

Блекберн (Ланкашир), рабочие беспорядки — 225.

Болтон (Ланкашир), стачка рабочих — 214, 227, 241.

Борнгольм (Дания), стремление к захвату со стороны России — 614 — 615.

Британия — см. *Англия*.

Буржуазная политическая экономия — 180, 185, 226, 228 — 229, 723 — 725.

См. также в именном указателе *Мальтус* и *Рикардо*.

Буржуазная революция, буржуазия и массы после победы революции — 353 — 354.

Буржуазный общественный строй, характеристика — 14 — 17, 147, 171 — 174, 178 — 180, 195, 254 — 255, 259 — 260, 261, — 262, 367 — 368, 721.

Буферные государства — 301 — 302, 307..

Бухарестский (русско-турецкий) договор — 408.

Бюджет Гладстона — 130 — 158, 264 — 268.

Бюджет Дизраэли — 54 — 59, 60 — 64, 100, 137.

В.

Валахия, война против венгров — 375.

См. также *Восточная война, занятие Россией Придунайских княжеств*.

Великобритания — см. *Англия*.

Венгерское национальное движение, характеристика 303 — 304; роль Кошута — 128 — 129; заговор 1853 г. — 106, 283; перспективы движения в связи с европейской войной — 581.

См. также *Смирнский конфликт* и *Эмиграция политическая*.

Венская конференция (1853 г.) — 460 — 462, 465, 472, 479, 480, 483, 551, 570 — 572, 594 — 595, 612, 629, 635.

Венская нота — см. *Венская конференция*.

Венский конгресс (1814 — 1815 гг.) — 372, 495, 501, 506, 510, 511, 536, 537, 538, 539, 572, 709.

Веронский конгресс (1822 г.) — 372, 399, 497.

Виген (Ланкашир) — рабочие беспорядки — 217 — 218, 225, 253, 557.

Виги, характеристика — 5 — 8, 9, 17 — 18, 52, 69, 179; парламентская тактика — 70, 71, 113, 459, 547, 628; на выборах 1852 г. — 14, 18, 26 — 30; в. и парламентская реформа — 21, 168; в. и свободная торговля — 53 — 54.

Виги американские — 5.

Византийская империя, стремление к захвату со стороны России — 439.

Война, «наука варваров» — 713.

Война и революция, превращение войны международной в войну гражданскую — 474. См. также *Восточная война и революция*.

Война внутри классового общества — см. *Буржуазный общественный строй*, а также *Английское рабочее движение*.

Восточная война, занятие Россией Придунайских княжеств—400, 408, 422, 442, 444, 458, 461, 462, 472, 475, 480, 521, 534, 551, 572, 580, 594, 596, 630, 640, 659; кампания на Дунае — 553, 562—567, 591—592, 604, 612, 647, 678—681, 701, см. также *Матчин*, *Ольтевица*, *Калафат*; действия на Черном море — 579 — 580, 587 — 590, 600 — 601, 606 — 607, 611, 616, 617, 667 — 668; см. также *Синол* и *Шефкатиль*; действия в Азии — 553 — 556, 610 — 615, 647, см. также *Ахалцых*, *Батум*, *Эрзерум*.

Восточный вопрос, значение в европейской политике — 371 — 373; англо-русское торговое соперничество—381, 386; Россия и турецкие христиане — 462 — 464; 497, 595, 650, 682, 683, 687, 696; поведение европейской дипломатии — 387 — 389, 393 — 394, 411, 415, 432, 439, 464, 471, 478, 552, 568, 587, 591, 584 — 595; 604, англо-французский союз — 425 — 431, 581, 654, 655 — 661, 693; проекты раздела Турции — 682 — 702; в. в. и европейская революция — 395, 399, 405, 435, 608 — 609, 645, 707. См. также *Венская конференция* и *Русско-турецкие отношения*.

Вообще избирательное право, значение его для английского пролетариата — 11, 12.

Г.

Германия, заключение австро-прусского торгового договора — 285; религиозные движения — 560.

Германская коммунистическая партия — 302.

Гибралтар, стратегическое значение — 384.

Голландия, торговля — 391; отделение Бельгии — 510; русский заем в Голландии — 510 — 512.

Голландская ост-индская компания — 347.

Государство в буржуазном обществе — 136, 142, 178, 262.

Гражданская война, симптомы ее в Англии — 215, 474.

Греки в Турции, греческая национальность — 376 — 377, греческая буржуазия — 392; греки и Россия — 463, 497.

Греция, восстание 1821 г. — 388, 513; восстание 1853 — 1854 гг. — 656, 658, 666, 667, 668.

Греческая церковь (в Турции) — 463, 636 — 637, 668 — 669.

Д.

Дания, интриги России — 405, 416, 436, 443, 554, 614 — 615; уничтожение конституции 1848 г. — 436, 443 — 444; Д. и Англия — 490, 603; позиция в Восточной войне — 620 — 621, 635.

Дарданеллы, торговое и военное значение — 384 — 385, 405; стремление России к захвату Дарданелл — 520—523, 539, 570, 666.

Демагогия и революция — 206.

Дунай, англо-русский конфликт из-за судоходства — 194, 419, 479, 533—539; экономическое значение Дуная — 382.

Е.

Европейская буржуазия, характеристика — 617.

Европейская война — см. *Восточная война*.

Европейская контр-революция, связь с промышленным подъемом — 288; роль мелких государств — 307; роль России — 423.

Европейская международная система, общая характеристика — 372, 642 — 645.

Европейская дипломатия — см. *Восточный вопрос*.

Европейская революция — см. *Революция*. *Египет*, восстание Мехмет-Али — 426—431, 513 — 519.

Ж.

Железнодорожные компании (в Англии), характеристика — 201 — 202.

Железные дороги (в Индии), значение их в развитии страны — 364 — 365.

З.

Заработная плата, в капиталистическом обществе — 15 — 16, 251 — 252; в Англии — 119, 149, 183, 208, 227 — 238.

Зунд, притязания России — 405.

И.

Индия, страна и население — 346 — 348, 715 — 718; система производства — 347 — 351, 363 — 365; завоевание Англией — 199, 332, 354, 356, 350, 711 — 715, революционизирующее влияние Англии на экономику Индии — 326, 349 — 352,

- 359 — 360, 362 — 368; британское правление в Индии — см. *Ост-Индская (британская) компания*.
- Индийская (туземная) промышленность*, характеристика — 348, — 350; конкуренция Англии — 350 — 351, 362 — 363, 365 — 367.
- Индийская (социальная) революция* — 351 — 352, 366 — 368.
- Индийская религия* — 200, 346, 350, 351, 367.
- Индийская торговля*, с Англией — 37, 76, 212, 235, 357 — 361, с Китаем — 312, 359.
- Индийская туземная аристократия* — 338 — 341, 717 — 718.
- Индийские финансы* — 325, 326, 344 — 345, 361, 459, 718 — 719.
- Индийский билль* — см. *Коалиционное министерство и индийская реформа*, а также *Ост-индская компания*, *пересмотр хартии*.
- Индийские землевладельцы* — 324, 342 — 345, 347 — 348, 363.
- «*Индийское общество*» (*фритредерское*) — 322.
- Ирландия*, угнетение Англией — 200, 718, 721, голод в Ирландии — 33, 34, 139, 184; эмиграция — 33, 184, 276 — 278, 722; положение крестьян-арендаторов — 96, 97, 493, 719 — 725.
- «*Ирландская бригада*» (депутаты) в парламенте — 30, 51 — 52, 70, 71, 96, 115, 129, 139, 140, 155, 593, 633, 719.
- Ирландская церковь* — 96 — 97, 117, 128, 158 — 159, 200. См. также *Эмансипация католиков*.
- Ирландские билли (о земле)* — 189—191, 194, 719 — 721.
- Ирландское национальное движение*, роль О'Коннеля — 128, подавление восстания в Ирландии — 200, 721.
- Испания*, англо-французские недоразумения из-за Испании — 263, 509, 664; подавление революции 1823 г. — 495, 512, 517; восстание 1853 — 660.
- История*, исторические эпохи — 185; буржуазный период — 367, 368; процесс постоянного изменения — 349 — 395.
- Итальянское движение*, роль Мадзини — 128, 271, 280; позиция крестьянства — 284; подготовка восстания в Пьемонте — 560 — 561; и. д. и европейская война — 581; и. д. и Луи-Наполеон — 604. См. также *Миланское восстание*.
- 410, 555, 556, 575, 611. См. также *Восточная война, действия в Азии*.
- Кайенна*, ссылка революционеров — 97, 200.
- Калафат*, битва — 562 — 563, 612, 682 — 685.
- Калифорния*, открытие золотых приисков — 33, 38, 78, 93, 207, 312, 313.
- Капитал*, в промышленности — 15, 36, 78; к. судный — 38; к. арендаторов — 719 — 720.
- Кельнский процесс коммунистов* — 284 — 285, 294.
- Китай*, торговля с Англией, — 76, 204, 219 — 220, 312 — 315; разложение старого Китая — 312 — 313.
- Китайская революция* — см. *Тайпинское восстание*.
- Коалиционное министерство*, характеристика — 67 — 71, 92, 98, 105, 109, 130, 156, 181, 193, 200, 286, 322; к. м. и коалиционная оппозиция — 129; к. м. и тории — 190 — 191; законодательство к. м. — 103 — 105, 109, 115 — 116, 145, 160, 188 — 189; к. м. и парламентская реформа — 105, 109, 115, 239 — 240, 263, 264, 666; к. м. и индийская реформа — 176, 321 — 322, 323 — 329, 330 — 331, 342, 459, 716, 716; к. м. и восточный вопрос (война) — 380, 407 — 410, 417, 421, 425, 443, 570, 573 — 574, 579 — 580, 585, 638, 642 — 654, 656, 660 — 670.
- Коммуны средневековые* — 172.
- Консерваторы* — см. *Тории*.
- Константинополь*, мировое значение — 440 — 441, 464, 692; стремление России к захвату Константинополя — 440 — 442; укрепление К. — 614, 620.
- Копенгаген*, бомбардировка англичанами (1808 г.) — 490, 603.
- Коррупция парламентская* — см. *Английские парламентские выборы*.
- Краков*, оккупация державами (1836 г.) — 192, 504 — 509, 535 — 539.
- Крестьянство*, движение крепостных — 172; исчезновение крестьянства при капитализме — 279, к. в национальных революциях — 284; консервативное крестьянства — 279, 306; страсть к накоплению — 643.
- Кризисы торгово-промышленные*, периоды кризиса — 33, 171; кризис 1825 г. — 39; кризис 1847 г. — 37; признаки наступления кризиса в Англии в 1853 г. — 37 — 40, 93, 203, 205, 207 — 209, 210, 213, 241, 313 — 314; возможность всеобщего кризиса 316, 318.
- Кронштадт*, стратегическое значение — 606 — 607.
- Крымская война* — см. *Восточная война*.

К.

- Кавказ, захват Кавказа Россией* — 534, 548; поход горцев против России —

Кучук-Кайнарджийский (русско-турецкий) договор (1774 г. — 399, 422, 546, 571, 650.

II.

Лайбахский конгресс (1821 г.) — 372, 399.

Либерал-консерваторы (пилиты), характеристика—8, 9; поражение на выборах 1852 г. — 28, 29, 30; парламентская тактика—49 — 51, 53, 69—70.

Либералы — см. *Фритредеры*.

Лига арендаторов (Ирландия) — 117.

Лига против хлебных законов, в Англии — 226.

Локауты, в Англии — 213, 218, 226, 230, 241, 252. См. также *Английское рабочее движение*.

Лондон, забастовка 1853 г. — 181 — 183, 191.

Лондонская пресса, боязнь кризиса — 30; отношение к рабочему движению — 213, 215, 242, 245; восточный вопрос — 380, 389 — 390, 409, 433, 472, 476, 480 — 481, 573 — 574, 577 — 578, 580.

Лондонский городской совет, коррупция — 239.

Лондонский договор по турецкому вопросу (1827 г.) — 498.

Люксембургское собрание (комиссия) Луи Блана — 261, 262, 633.

M.

Манчестер, стачка ткачей — 204, 227; Ассоциация для содействия промышленности в деле успокоения рабочих 188 — 189, 213 — 215, 226 — 227.

Манчестерская школа — см. *Фритредеры*.

Манчестерцы — см. *Фритредеры*.

Массовое движение (Англия) — см. *Английское рабочее движение*.

Матчин, атака русских — 591.

Машины, развитие машин — 10, 365.

Миланское восстание 1853 г. — 101, 106, 107, 108, 200, 284, 292, 386.

Мораль, обыкновенная и капиталистическая — 201 — 202.

N.

Наварин, битва — 423, 572, 601, 603, 651.

Навигационный акт, отмена—28, 197.

Наказание в классовом обществе — 87 — 89, 201 — 202. См. также *Смертная казнь*.

«Народная партия» — см. *Национальная партия*.

Национальная партия Юма (Англия) — 46—48.

Национальная ассоциация для защиты британской промышленности и британского капитала — 105.

Национальные революции, движущие силы — 283 — 284.

Национальный вопрос и его разрешение— см. *Итальянское национальное движение, Турция (национальности) и Швейцария*.

Немецкая демократическая печать, характеристика — 274.

Неурожай и дороговизна в Западной Европе (1853 г.)— 184, 187, 196, 204—205, 206, 208, 210—211, 217, 221 — 223, 233, 248 — 249, 315 — 316, 435, 539, 559, 583, 613.

«Нью-иоркская трибуна», характеристика — 160 — 161.

O.

Общественные отношения (базис и надстройка) — 185.

Общество для отмены налогов на знания (Англия) — 288.

Общество мира (фритредерское) — 42, 43, 91.

Оккупация Дунайских княжеств — см. *Восточная война, ваяние Россией Придунайских княжеств*.

Ольteniца, битва — 562, 567, 604, 658, 704.

Ост-Индия — см. *Индия*.

Ост-Индская (британская) кампания, история — 332, 353 — 361; характеристика правления — 321, 330—337, 347 — 348, 716 — 718; пересмотр хартии — 322 — 329, 353, 361. См. также *Коалиционное министерство и индийская реформа*.

«Очищение поместий» (в Великобритании и Ирландии) — 83 — 86, 177, 215 — 216, 277, 433.

P.

Панамский канал, значение — 445 — 446.

Панславизм — 385.

Пауперизм в Англии — 32—35; 40—41, 78 — 79; 720, в Индии — 344, 715, 718.

Переселение народов — см. *Эмиграция*.

Персия, позиция в Восточной войне — 447, 483, 614; отношения с Россией в 1848 г. и роль Англии — 503 — 504.

См. также *Туркманчайский договор*.

Петербургский (русско-турецкий) договор (1834 г.) — 521 — 522.

Пилиты — см. *Либерал-консерваторы, Политика и поэзия* — 107.

Политическая власть—см. *Государство*.

Польская эмиграция, в Париже — 192; Лондоне — 192, 272.

Польша, раздел Польши—601—602, 625; восстание 1830—1831 гг. — 500, 505, 527 — 532; перспективы революционного движения в связи с европейской войной — 581.

Португальская контр-революция, роль Англии — 449, 512, 517.

Престон (Ланкашир), локаут и рабочие беспорядки — 213 — 214, 218, 226, 237, 241, 253, 557 — 558.

Преступления в классовом обществе — 35, 87 — 89.

Прибыль — 4, 15, 16, 251.

Производительные силы — 260, 368.

«*Процветание*» (в Англии 1852 — 1853 г.) — 33 — 41, 49, 73 — 80, 165, 171, 183, 207 — 209, 266 — 313.

Протекционисты — см. *Тории*.

Пруссия, реакция после 1848 г. — 291 — 292; палаты 1852 г. — 559 — 560; правительство — 606, 693; позиция в восточном вопросе — 421, 570, 605 — 606, 625, 631, 693.

Прусская полиция — 284 — 285, 287 — 288.

Р.

Рабочий день в классовом обществе — 180. См. также *Английское рабочее движение*, борьба за десятичасовой рабочий день.

Рабочий класс в капиталистическом обществе — 261 — 262. См. также *Английский пролетариат*.

Рабочий парламент в Манчестере — 250 — 262, 633 — 634.

Рабы древнего мира, неудача движения рабов — 172.

«*Разоблачения о кельнском процессе коммунистов*», конфискация прусским правительством — 284 — 285.

Революция, условия возникновения — 107; поражения — 108; социальная р. в Англии — 11, 167, 218, 368, 709; в России — 405, 441; европейская (и всеобщая) социальная р. — 110, 175, 206, 316 — 318, 368, 386, 395, 399, 405, 435, 608 — 609, 645, 707; р. пролетарская — 175, 195, 217, 368, 474.

Рейнское крестьянство и прусская контр-революция — 291 — 292.

Рента (земельная), в Англии — 4, 40; в Шотландии — 83; в Ирландии 719 — 720; огосударствление ренты — 722.

Россия, экономика — 396; правительственная система — 397; расширение России — 401 — 402, 403; финансы — 404 — 405, 626 — 625; Р. и революция — 386, 399, 405, 441. См. также *Русская дипломатия*, *Русско-турецкие отношения* и *Восточный вопрос*.

Роттерхйт (Англия), пороховой заговор — 294 — 296, 586.

Румынское восстание 1848 г. — 375.

Русская дипломатия, характеристика — 387 — 389, 393 — 394, 399, 411 — 416, 422 — 423, 426, 432, 436 — 438, 464, 478, 539, 552, 568, 683 — 709.

Русско-турецкая война см. *Восточная война*.

Русско-турецкие отношения, традиционное стремление России к захвату Турции — 439 — 441; война 1809 г. — 377; война 1828 — 1829 гг. — 406, 498, 513, 529, 572, 599, 629, 647, 649, 799; оккупация Константинополя в 1833 г. — 513 — 519; ультиматум Меншикова весной 1853 г. — 389 — 399, 571, 616, 646, 708; ноты Нессельроде — 422 — 423, 478 — 479; турецкий манифест об объявлении войны России — 551 — 552. См. также *Анкерманская конвенция* и *Адрианопольский, Бухарестский, Кучук-Кайнарджийский, Лондонский, Петербургский и Ункяр-Скелеский договоры*.

С.

Самоубийства в Англии — 87 — 88.

«Свободная воля» — 88 — 89.

Свободная торговля — см. *Фритредеры*.

«*Святые места*», недоразумения из-за «святых мест» — 168 — 169, 288, 398, 407, 449, 454, 551, 640, 644, 651, 688, 690. См. также *Русско-турецкие отношения* и *Восточный вопрос*.

Священный союз — 507.

Северо-американские Соединенные Штаты, конкуренция с Англией — 161, 335 622; своеобразие страны — 303 — 304; конфликт с Австрией — см. *Смирнский конфликт*; заинтересованность в восточном вопросе — 440, 664.

Северо-германский союз (во главе с Пруссией) — 605.

Сербия, революция 1804 г. — 394; давление России на сербскую политику — 437, 462 — 463, 585, 612 — 613.

«*Синис книги*» — 636 — 638, 644, 649, 650, 666.

Синол, поражение турецкого флота — 579, — 580, 587 — 590, 600 — 601, 611, 617, 654, 668.

«*Славянская революция* (в Англии, 1688 г.) — 6, 81, 99, 178, 490.

Славяне в Турции — 374 — 378; славянская буржуазия — 392; Россия и турецкие славяне — 396 — 397, 462 — 463.

Смертная казнь — 87 — 89.

Смирнский (американо-австрийский)

- конфликт) — 421, 434, 443 — 444, 452 — 453.
- Собственность докапиталистическая*, патриархальная (родовая) — 81 — 83; феодальная — 84 — 86, 724; в азиатском обществе — см. *Индийское земледелие*.
- Собственность в капиталистическом обществе*, разрыв с трудом — 254; экспроприация мелкой собственности — 254; с. земельная — 723 — 725.
- Современная политическая экономия* — см. *Буржуазная политическая экономия*.
- Современный общественный строй* — см. *Буржуазный общественный строй*.
- Социальная революция* — см. *Революция*.
- Спекуляция*, в период «процветания» — 36, 37, 38, 77, 78, 209, 212, 315.
- «Старая Англия»* — 3, 10, 11, 178.
- «Старо-русская» партия* — 403 — 404.
- Стачки*, значение их в рабочем движении — 171 — 172, 253, 557; с. в Англии — см. *Английское рабочее движение*.
- Стокпорт* (Ланкашир) стачка рабочих — 204, 213, 253.
- Суэц-Канал*, оккупация Россией — 540, 542, 545.
- Суэцкий канал*, значение — 445.

Т.

- «Таймс» («Times»)*, отношение к эмигрантам — 286, 287, 288; к рабочему классу — 179 — 180; восточный вопрос и война — 179, 379 — 380, 389 — 390, 400 — 401, 403 — 404, 417, 443, 472 — 473, 568, 659; ирландский вопрос — 720 — 723, 725.
- Тайпинское восстание* (Китай), — 219, 233, 311 — 318, 660 — 661.
- Тильзитский мир* — 371.
- Торговля мировая* — 222 — 223.
- Торги*, характеристика — 3, 4, 7, 9, 64, 167, 178, 619; на выборах 1852 г. — 14, 21, 27, 41 — 44; парламентская тактика — 48, 53, 54, 129, 155, 547, 628; т. и свобода торговли — 68 — 70; т. и индийский вопрос — 330, 342; т. и парламентская реформа — 168; т. и ирландская арендная реформа — 189 — 191.
- Труд*, продажа труда — 15; т. прибавочный — 15, 118; т. как вид капитала — 251; т. и собственность — 254, 719; освобождение т. — 254, 260.
- Тред-юнионы* — 250.
- Турецкая торговля* — 382, — 384, 390 — 392.
- Турецкие финансы* — 433, 529.

- Туркманчайский (русско-персидский) договор* (1828 г.) — 497.
- Турция*, национальности в Турции — 373 — 378, 395 — 396, 463 — 464; положение христианского населения — 374, 393 — 395, 397, 655 — 656, 685, 707; правительственная система — 396 — 397; разложение Турции — 373, 397, 435, 439, 569, 684. См. также *Восточный вопрос и Русско-турецкие отношения*.

У.

- Узурпация крестьянских земель* — см. *«Очищение поместий»*.
- Унклар-Скелеский (русско-турецкий) договор* (1833 г.) — 423, 514, 518, 519, 520 — 526, 532, 568, 572.
- Утрехтский договор* (1713 г.) — 509 — 510.
- Уэльс*, забастовка углекопов и металлургов — 195 — 196.

Ф.

- «Финансы»* (в буржуазном государстве) — 145.
- Франция*, экономическое положение — 244 — 245, 581 — 583; 613; финансы — 262, 613 — 614, 671; позиция в восточном вопросе — 380 — 381, 605, 632, 637, 669. См. также *Англо-французский союз*.
- Французская буржуазия* и Луи Бонапарт — 582.
- Французская революция 1789 г.*, роль законодательства Кольбера в подготовке революции — 136; борьба против северных деспотов — 236; финансовый кризис и ф. р. — 317; Англия и ф. р. — 141, 367, 490, 510; Россия и ф. р. — 386, 510.
- Французская хлебная торговля* — 217 — 218.
- Французский пролетариат* и Луи Бонапарт — 538.
- Французское крестьянство* и Луи Бонапарт — 583.
- Фрейбургское восстание (Швейцария)* — 296 — 297.
- Фритредеры*, характеристика — 3, 9, 10, 69, 71, 91, 119, 136, 190, 151, 154, 208, 217 — 218, 557; тактика — 11, 16, 47, 51, 120, 129, 191, 217 — 218; на выборах 1852 г. — 26, 28, 30, 42, 202; ф. и бюджет Гладстона — 137 — 138; ф. и 10-часовой рабочий день — 165 — 166; ф. и индийский вопрос — 322, 330, 342; ф. о внешней политике — 90 — 91, 113, 423 — 424, 467 — 470, 621 — 623.

X.

Хлебные пошлины (законы) в Англии, отмена их — 3, 4, 6, 10, 24, 49, 50, 51, 53, 224, См. также *Фритредеры*.
Холерная эпидемия в Англии — 224, 481, 558.

Ц.

Цивилизация, западная, — 366, 367, 392, 395, 435, 714, 715; ц. византийская — 440 — 441.
Циклы в развитии промышленности — 171.

Ч.

Чартисты, характеристика — 3, 14 — 18, 23, 48, 99, 175, 176, 217 — 218; роль О'Коннора — 128 — 129; ч. и Коббет — 178; ч. в 1842 г. — 218; возрождение движения в 1853 г. — 166 — 167, 172 — 176, 184, 227, 230 — 231, 237 — 238, 242; ч. и восточный вопрос — 424. См. также *Рабочий парламент*.
Черкесия, аннексия Россией — 540 — 548.
Черногория, страна и население — 378; восстание против турок — 455, 638; позиция держав — 630 — 641, 685, 691.
Черное море, торговля на Черном море — 382 — 384, 390, 391, 396; стратегическое значение — 606 — 607.
Четате, битва — 612 — 701.
Четвертое соглашение — см. *Венская конференция*.

Ш.

Шефкотиль, захват турками — 590; бомбардировка русскими — 667—668.
Швейцария, общее политическое положение — 200, 301 — 307; население — 302 — 303; революция в Швейцарии — 304 — 305; положение Швейцарии в международной системе — 306 — 307. См. также *Фрейбургское восстание*.
Швеция, намерение выступить в пользу Польши (1848 г.) — 503; позиция в Восточной войне — 635.
Шлезвиг-голлитинский вопрос — 405.
Шотландия, кланы — 81 — 82; узурпация клановых земель — 83 — 85; эмиграция из Шотландии — 86, 276.

Э.

Эмансипация католиков (Ирландия) — 492 — 493.
Эмиграция населения, в античных государствах и у варваров — 278 — 279; в капиталистическом обществе — 279 — 280. См. также — *Англия*, *Шотландия*, *Ирландия*.
Эмиграция политическая, в Лондоне — 269 — 297, 582 — 583; в Швейцарии — 305 — 307; э. венгерская — 271 — 275, 280, 283, 662; э. итальянская — 271 — 275, 280, 283 — 284, 292 — 293, 305 — 307; э. немецкая — 284 — 285, 305; э. польская — 192, 272, 502 — 503; э. французская — 101 — 102, 582 — 583.
Эрзерум, стратегическое значение — 554 — 556.

ДАТЫ ЖИЗНИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА 1852—1854 ГГ.

1852 год.

Май. Брошюра Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта» напечатана в Нью-Йорке.

29 мая — 25 июня. Маркс у Энгельса в Манчестере. Совместная работа над брошюрой о немецкой эмиграции («Великие люди эмиграции»).

Июль — ноябрь. Раскол в Союзе коммунистов. Фракция Виллиха-Шаппера яростно нападает на Маркса в американской немецкой прессе.

6 августа. Маркс написал первую статью для «Нью-йоркской трибуны».
(Из серии статей об Англии).

Конец августа — начало сентября. Обострение материальной нужды в семье Маркса. («В течение 8—10 дней моя семья кормилась хлебом и картофелем.»)

21 сентября. Энгельс заканчивает корректуру английского перевода «18 брюмера Луи Бонапарта».

24 сентября. Энгельс закончил серию статей «Революция и контр-революция в Германии» (печатались с 25 октября 1851 г. по 23 октября 1852 г. в «Нью-йоркской Трибуне»).

Октябрь — ноябрь. Маркс деятельно следит за процессом коммунистов в Кельне и руководит защитой подсудимых.

17 ноября. По предложению Маркса Союз коммунистов объявил себя распущенным.

Ноябрь — начало декабря. Маркс работает над брошюрой «Разоблачения о Кельском процессе коммунистов» (закончена им 3 декабря).

Декабря (конец) — 10 января. Энгельс в Лондоне у Маркса.

1853 год.

11 января. Брошюра Маркса «Разоблачения о Кельском процессе коммунистов» отпечатана в Базеле.

Март (начало). Болезнь Маркса (воспаление печени).

6 марта. Конфискация прусским правительством 2 000 экземпляров брошюры «Разоблачения о Кельском процессе коммунистов».

Март — апрель. «Разоблачения о Кельском процессе коммунистов» печатаются в бостонской газете «New England Zeitung».

Март — апрель. Маркс пишет серию статей об английском (гладстоновском) бюджете.

Март (вторая половина). Маркс и Энгельс начинают серию статей по восточному (русско-турецкому) вопросу.

24 апреля. Брошюра «Разоблачения о Кельском процессе коммунистов» выходит в Бостоне отдельным изданием.

30 апреля — 6 мая. Маркс у Энгельса в Манчестере. Совместное обсуждение плана брошюры «Рыцарь благородного сознания».

3 мая. Нью-йоркская немецкая газета «Criminal Zeitung» печатает «Заявление» Маркса против группы Виллиха-Шаппера.

Май — июнь. Маркс пишет серию статей об Индии и Китае.

Июль — август. Серия статей Маркса о забастовках в Англии.

1 сентября. Статья Маркса в «Morning Advertiser» с объяснением о его отношениях в Бакуниным.

Сентябрь — октябрь. Статьи Маркса о промышленном кризисе в Англии.

19 октября. В «Нью-иоркской трибуне» начала печататься серия статей Маркса о Пальмерстоне.

22 октября. Та же серия о Пальмерстоне начала печататься в «People's Paper» (органе чартистов).

28 ноября. Маркс закончил брошюру «Рыцарь благородного сознания».

Декабря. Энгельс начинает серию военных статей (по Восточной войне).

25 — 31 декабря — Энгельс в Лондоне у Маркса.

1854 год.

Январь. Брошюра Маркса «Рыцарь благородного сознания» отпечатана в Нью-Йорке.

Февраль — март. Статьи Маркса о европейской дипломатии в восточном вопросе.

9 марта. Приветственное письмо Маркса Рабочему парламенту в Манчестере.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ 1852—1854 ГГ.

1852 год.

14 января. Франция. Опубликование новой конституции, санкционировавшей переворот Луи Бонапарта.

20 февраля. Англия. Отставка министерства Росселя.

28 февраля. Англия. Образование консервативного министерства Дерби.

17—22 мая. Англия. Конференция чартистов в Манчестере. Избрание нового Исполнительного комитета.

Июнь. Англия. Стачка механических рабочих.

7 июня. Англия. Помещение больного О'Коннора в больницу душевнобольных.

1 июля. Англия. Роспуск парламента. Объявление о выборах в новый парламент.

Сентябрь. Англия. Переговоры чартистов с радикалами об образовании национальной партии (Гарни, Холиок, Хент, Ньютон и др.)

4 октября — 12 ноября. Германия. Кельнский процесс коммунистов.

11 ноября. Англия. Открытие нового парламента.

2 декабря. Франция. Провозглашение Луи-Наполеона императором.

3 декабря. Англия. Внесение Дизраэли в парламент бюджетного проекта.

15 декабря Турция. Восстание Черногории.

16 декабря. Англия. Падение министерства Дерби.

Конец декабря. Англия. Образование коалиционного министерства Эбердина.

1853 год.

9 и 14 января. Восточная война. Николай I ведет переговоры с английским послом, предлагая раздел Турции.

6 февраля. Италия. Восстание в Милане, организованное Мадзини и Кошутом против австрийского правительства.

10 февраля. Англия. Открытие новой сессии английского парламента.

18 февраля. Австралия. Покушение на императора Франца-Иосифа в Вене.

18 апреля. Англия. Внесение Гладстоном в парламент бюджетного проекта.

22 апреля. Швейцария. Восстание в Фрейбурге против республиканского федерального правительства.

5 мая. Восточная война. Меншиков вручает в Константинополе ультимативную ноту России о правах православной церкви в Турции.

8 мая. Лондонский трактат между Англией, Францией, Россией, Австрией, Пруссией и Швейцарией, гарантирующий Дании владение Шлезвигом и Гольштейном.

12 мая. Восточная война. Заявление лорда Редклиффа о готовности держав поддержать Турцию в ее столкновении с Россией.

14 июня. Восточная война. Союзная эскадра в Дарданеллах.

Июнь — август. Англия. Стачечное движение на фабриках Ланкашира (Престон, Блекберн, Стокпорт и Болтон). Митинги чартистов в связи с этим.

3 июня. Англия. Чарльз Вуд вносит в парламент билль о реформе английского правления в Индии.

2 июля. Смирнский инцидент (освобождение американцами арестованного австрийского эмигранта).

2 июля. Восточная война. Переход русскими войсками границы по реке Прут (начало оккупации Придунайских княжеств).

28 июля. Англия. Принятие парламентом билля об индийской реформе.

31 июля. Восточная война. Конференция в Вене представителей Великобритании, Франции, Австрии и Пруссии по восточному вопросу.

- 2 августа. Восточная война. Предъявление Турции «Венской ноты».
- 19 августа. Восточная война. Турецкое правительство отказалось принять требования «Венской ноты».
- 22 августа. Восточная война. Продвижение Шамиля на Кавказе и обратный уход в горы.
- Сентябрь — декабрь. Англия. Признаки торгово-промышленного кризиса.
- Сентябрь — октябрь. Англия. Холерная эпидемия.
- 7 сентября. Революция в Китае. Взятие тайпингами Шанхая.
- 15 сентября. Англия. Объявление локаута ассоциацией хлопчатобумажных фабрикантов в Престоне (Ланкашир).
- 23 сентября. Восточная война. Отказ русского правительства принять мирные предложения Решид-паши.
- 24 сентября. Восточная война. Свидание русского и австрийского императоров в Ольмутце.
- 4 октября. Восточная война. Объявление Турцией войны России.
- 28 октября. Восточная война. Переход турок через Дунай и взятие ими Калафата.
- Октябрь — ноябрь. Восточная война. Вступление турок в Грузию и обратное движение русских.
- 28 октября. Англия. Рабочие беспорядки в Вигене (Ланкашир). Забастовавшие углекопы пытались разогнать собрание заседавшей ассоциации шахтовладельцев.
- 1 ноября. Восточная война. Манифест Николая I о войне с Турцией.
- 4 ноября. Восточная война. Поражение русских при Ольтенице (Валахия).
- 16 ноября. Англия. Рабочие беспорядки в Блекберне (Ланкашир) в связи с локаутом местных фабрикантов.
- 26 ноября. Восточная война. Сражение при Ахалцыхе (Закавказье).
- 28 ноября. Германия. Открытие прусской палаты депутатов.
- 30 ноября. Восточная война. Уничтожение турецкой эскадры русским флотом при Синопе.
- 5 декабря. Восточная война. Венский протокол неприкосновенности Турции.
- 12 декабря. Восточная война. Нота четырех держав Турции.
- 16 декабря. Англия. Выход Пальмерстона из коалиционного министерства. В результате переговоров между лидерами партий отставка была взята обратно.

1854 год.

- 3 января. Восточная война. Появление союзного флота в Черном море.
- 6 января. Восточная война. Битва при Четате. Поражение русских.
- 29 января. Восточная война. Письмо Наполеона III Николаю I с предложением, под угрозой войны, вступить в переговоры с Турцией.
- 29 января. Восточная война. Мобилизация французской армии.
- 8 февраля. Англия. Прекращение локаута в Престоне. Поражение рабочих.
- 8 февраля. Восточная война. Русский посол в Англии покидает Лондон.
- 16 февраля. Восточная война. Английский и французский послы покидают Петербург.
- 21 февраля. Восточная война. Манифест Николая I о войне с Англией и Францией.
- 28 февраля. Восточная война. Военное совещание союзников (Англии и Франции) в Париже, на котором решено высадить союзные войска в Крыму.
- 6 — 9 марта. Англия. Рабочий парламент (чартистов) в Манчестере.
- 12 марта. Восточная война. Подписание союзного трактата между Англией, Францией и Турцией.
- 18 марта. Англия. Опубликование министерством иностранных дел секретной дипломатической переписки о разделе Турции.
- 23—25 марта. Восточная война. Отход русских войск от Калафата; одновременный переход их через Дунай у Браилова, Галаца и Измаила.
- 27 марта. Восточная война. Объявление Англией и Францией войны России.
- 28 марта. Восточная война. Начало военных действий со стороны Англии и Франции против России.

СОДЕРЖАНИЕ.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции. 1852—1854 гг.

	Стр.
Предисловие. В. Адоратский	VII
<i>Выборы и партии в Англии</i>	
Выборы в Англии. — Тории и виги («New-York Daily Tribune» 21 августа 1852 г.)	3
Чартисты (N.-Y. D. T. 25 августа 1852 г.)	9
Избирательная коррупция (N.-Y. D. T. 4 сентября 1852 г.)	19
Результаты выборов (N.-Y. D. T. 11 сентября 1852 г.)	26
<i>Министерство Дерби</i>	
Пауперизм и свобода торговли. — Угрожающий торговый кризис (N.-Y. D. T. 1 ноября 1852 г.)	33
Политические последствия торгового оживления (N.-Y. D. T. 2 ноября 1852 г.)	40
Попытки создать новую оппозиционную партию (N.-Y. D. T. 25 ноября 1852 г.)	45
Политические партии и перспективы (N.-Y. D. T. 29 ноября 1852 г.)	49
Парламент. — Голосование 26 ноября. — Бюджет Дизраэли (N.-Y. D. T. 28 декабря 1852 г.)	53
Поражение министерства (N.-Y. D. T. 7 января 1853 г.)	60
<i>Коалиционное правительство. Министерство Эбердина. Миланское восстание</i>	
Отжившее правительство. — Перспективы коалиционного правитель- ства. (N.-Y. D. T. 28 января 1853 г.)	67
Политические перспективы. — Процветание торговли. — Случай голодной смерти (N.-Y. D. T. 2 февраля 1853 г.)	72
Выборы. — Печальное финансовое положение. — Герцогиня Сутер- ленд и рабство (N.-Y. D. T. 9 февраля 1853 г.)	80
Смертная казнь. — Pamфлет господина Кобдена. — Постановление Английского банка (N.-Y. D. T. 18 февраля 1853 г.)	87
Оборона. — Финансы. — Вымирание аристократии. — Политика. — Парламентская реформа (N.-Y. D. T. 23 февраля 1853 г.)	94
Итальянское восстание. — Амнистия Луи-Наполеона. — Британ- ская политика (N.-Y. D. T. 25 февраля 1853 г.)	101

	Стр.
Покушение на Франца-Иосифа. — Миланское восстание. — Бри- танская политика. — Речь Дизраэли. — Завещание Напо- леона	106
(N.-Y. D. T. 8 марта 1853 г.)	
Парламентские дебаты. — Духовенство и борьба за десятичасовой рабочий день. — Голодная смерть	115
(N.-Y. D. T. 15 марта 1853 г.)	
<i>Финансовая политика коалиционного правительства. Бюджет Гладстона</i>	
Достижения министерства	123
(N.-Y. D. T. 27 апреля 1853 г.)	
Фергус О'Коннор. — Поражения министерства. — Бюджет . . .	128
(N.-Y. D. T. 3 мая 1853 г.)	
Бюджет Гладстона	134
(N.-Y. D. T. 6 мая 1853 г.)	
Новый финансовый фокус, или Гладстон и пенсы	141
(«People's Paper» 16 апреля 1853 г.)	
Фунты, шиллинги, пенсы, или классовый бюджет и кому он идет на пользу	146
(«People's Paper» 23 апреля 1853 г.)	
Мыло для народа. — Лакомый кусок для «Times». — Коалицион- ный бюджет	150
(«People's Paper» 30 апреля 1853 г.)	
Провал Гладстона	157
(N.-Y. D. T. 22 июня 1853 г.)	
Налог на объявления. — «Нью-Йоркская трибуна» в палате общин. (N.-Y. D. T. 20 июля 1853 г.)	160
<i>Экономическое положение. Рабочий вопрос. Забастовочное движение. Ра- бочий парламент</i>	
Английское процветание. — Забастовки. — Восточные дела . . .	165
(N.-Y. D. T. 1 июля 1853 г.)	
Рабочие забастовки. — Народная хартия	170
(N.-Y. D. T. 14 июля 1853 г.)	
Борьба вокруг билля о десятичасовом рабочем дне	177
(N.-Y. D. T. 22 июля 1853 г.)	
Извозчики. — Забастовки и борьба с ними	181
(N.-Y. D. T. 12 августа 1853 г.)	
Население Англии и торгово-промышленная статистика. — Билль об объединении рабочих. — Лендлорды и арендаторы в Ирландии	185
(N.-Y. D. T. 24 августа 1853 г.)	
Положение в Англии. — Забастовки углекопов	192
(N.-Y. D. T. 5 сентября 1853 г.)	
Повышение хлебных цен. — Колера. — Забастовка. — Движение среди моряков	196
(N.-Y. D. T. 15 сентября 1853 г.)	
Политическое положение. — Английский банк. — Нехватка хлеба в Европе	199
(N.-Y. D. T. 30 сентября 1853 г.)	
Симптомы промышленного кризиса	207
(N.-Y. D. T. 7 октября 1853 г.)	
Повышение учетного — процента. — Недород и его последствия. — Забастовки. — Антирабочая лига	210
(N.-Y. D. T. 21 октября 1853 г.)	
Забастовки. — Локауты	217
(N.-Y. D. T. 15 октября 1853 г.)	
Дороговизна жизни	219
(N.-Y. D. T. 15 ноября 1853 г.)	
Вигенские углекопы	225
(N.-Y. D. T. 18 ноября 1853 г.)	

	Стр.
Англия. — Рабочий вопрос	228
(N.-Y. D. T. 28 ноября 1853 г.)	
Англия. — Процветание. — Рабочий вопрос	232
(N.-Y. D. T. 30 ноября 1853 г.)	
Лондонский городской совет. — Реформы Росселя	239
(N.-Y. D. T. 12 декабря 1853 г.)	
Промышленное бедствие	241
(N.-Y. D. T. 16 декабря 1853 г.)	
Экономическое положение во Франции	244
(N.-Y. D. T. 27 декабря 1853 г.)	
Статистика английского народного представительства. — Недород хлебов	246
(N.-Y. D. T. 16 февраля 1854 г.)	
Рабочий парламент	250
(N.-Y. D. T. 12 декабря 1853 г.)	
Рабочий парламент	254
(N.-Y. D. T. 29 марта 1854 г.)	
Рабочий парламент. — Письмо Маркса	259
(«People's Paper» 18 марта 1854 г.)	
Рабочий парламент. — Финансовое положение Франции. — Воен- ный бюджет	261
(N.-Y. D. T. 24 марта 1854 г.)	
<i>Революционная эмиграция в Лондоне. Эмиграция из Англии</i>	
Мадзини и Кошут. — Союз с Луи-Наполеоном. — Пальмерстон	271
(N.-Y. D. T. 19 октября 1852 г.)	
Кошут, Мадзини и Луи-Наполеон	274
(N.-Y. D. T. 1 декабря 1852 г.)	
Ответ «секретарю» Кошута	275
(N.-Y. D. T. 4 января 1853 г.)	
Вынужденная эмиграция. — Кошут и Мадзини. — Вопрос об эми- грантах. — Избирательные подкупы в Англии. — Господин Кобден	276
(N.-Y. D. T. 22 марта 1853 г.)	
Кошут и Мадзини. — Прусская пслиция. — Торговый договор между Австрией и Пруссией. — «Times» и эмиграция	283
(N.-Y. D. T. 4 апреля 1853 г.)	
Эмигранты. — Мадзини в Лондоне	289
(N.-Y. D. T. 7 апреля 1853 г.)	
Берлинский заговор. — Лондонская полиция. — Мадзини. — Ра- децкий	291
(N.-Y. D. T. 21 апреля 1853 г.)	
Дело о ракетах. — Швейцарское восстание	294
(N.-Y. D. T. 14 мая 1853 г.)	
<i>Швейцария</i>	
Политическое положение швейцарской республики	301
(N.-Y. D. T. 17 мая 1853 г.)	
<i>Китай</i>	
Революция в Китае и в Европе	311
(N.-Y. D. T. 14 июня 1853 г.)	
<i>Ост-Индия</i>	
Хартия Ост-индской компании	321
(N.-Y. D. T. 9 июня 1853 г.)	
Ост-индские реформы	323
(N.-Y. D. T. 22 июня 1853 г.)	
Ост-индские реформы	327
(N.-Y. D. T. 1 июля 1853 г.)	
Управление Индией	330
(N.-Y. D. T. 20 июля 1853 г.)	

	Стр.
Англия, туземная аристократия и князя в Индии	338
(N.-Y. D. T. 25 июля 1853 г.)	
Положение в Индии	342
(N.-Y. D. T. 5 августа 1853 г.)	
Британское владычество в Индии	346
(N.-Y. D. T. 25 июня 1853 г.)	
Ост-индская компания, ее история и результаты	353
(N.-Y. D. T. 11 июля 1853 г.)	
Будущие результаты британского господства в Индии	362
(N.-Y. D. T. 8 августа 1853 г.)	
 <i>Восточный вопрос</i>	
Национальности в Турции	371
(N.-Y. D. T. 7 апреля 1853 г.)	
Лондонская пресса и восточный вопрос	379
(N.-Y. D. T. 11 апреля 1853 г.)	
Действительно спорный пункт в Турции	382
(N.-Y. D. T. 12 апреля 1853 г.)	
Турецкий вопрос	387
(N.-Y. D. T. 19 апреля 1853 г.)	
Что будет с Европейской Турцией?	393
(N.-Y. D. T. 21 апреля 1853 г.)	
Турция и Россия	398
(N.-Y. D. T. 9 июня 1853 г.)	
Турецкий вопрос — «Times». — Рост России	400
(N.-Y. D. T. 14 июня 1853 г.)	
Русский обман	403
(N.-Y. D. T. 22 июня 1853 г.)	
Турция и Россия. — Преступное потворство министерства Эбер- дина по отношению к России	406
(N.-Y. D. T. 8 июля 1853 г.)	
Русская политика по отношению к Турции	411
(N.-Y. D. T. 14 июля 1853 г.)	
Запрос Лайярда	417
(N.-Y. D. T. 22 июля 1853 г.)	
Русско-турецкие затруднения. — Смирненное и уступчивое пове- дение британского кабинета. — Последняя нота Нессель- роде	420
(N.-Y. D. T. 25 июля 1853 г.)	
Русский вопрос. — Любопытная дипломатическая переписка . . .	425
(N.-Y. D. T. 30 июля 1853 г.)	
Россия и западные державы	432
(N.-Y. D. T. 5 августа 1853 г.)	
Традиционная политика России	436
(N.-Y. D. T. 12 августа 1853 г.)	
Действия России. — Дания. — Соединенные штаты и Европа . .	442
(N.-Y. D. T. 19 августа 1853 г.)	
Русско-турецкий конфликт и западные державы. — Русское влия- ние при английском дворе	448
(N.-Y. D. T. 24 августа 1853 г.)	
Уркарт. — Бем. — Турецкий вопрос в Верхней палате	452
(N.-Y. D. T. 2 сентября 1853 г.)	
Турецкий вопрос в Нижней палате	459
(N.-Y. D. T. 2 сентября 1853 г.)	
Западные державы и Турция	
I. (N.-Y. D. T. 4 октября 1853 г.)	471
II. (N.-Y. D. T. 7 октября 1853 г.)	476
Перед войной	482
(N.-Y. D. T. 21 октября 1853 г.)	

	Стр.
<i>Лорд Пальмерстон</i>	
I. («People's Paper» 22 октября 1853 г.)	487
II. («People's Paper» 29 октября 1853 г.)	494
III. («People's Paper» 5 ноября 1853 г.)	500
IV. («People's Paper» 12 ноября 1853 г.)	512
V. («People's Paper» 19 ноября 1853 г.)	520
VI. («People's Paper» 10 декабря 1853 г.)	527
VII. («People's Paper» 17 декабря 1853 г.)	533
VIII. («People's Paper» 24 декабря 1853 г.)	540
<i>Русско-турецкая война</i>	
Турецкий манифест	551
(N.-Y. D. T. 31 октября 1853 г.)	
Священная война	553
(N.-Y. D. T. 15 ноября 1853 г.)	
Открытие военных действий. — Стачечное движение и манчестерцы.	557
(N.-Y. D. T. 15 ноября 1853 г.)	
Речь Мантейфеля. — Религиозное движение в Пруссии. — Воз-	
звание Мадзми	559
(N.-Y. D. T. 12 декабря 1853 г.)	
Война на Дунае	562
(N.-Y. D. T. 16 декабря 1853 г.)	
И опять дипломатия	568
(N.-Y. D. T. 16 декабря 1853 г.)	
Четверное соглашение. — Англия и война	570
(N.-Y. D. T. 26 декабря 1853 г.)	
Русская победа. — Положение Франции и Англии	579
(N.-Y. D. T. 27 декабря 1853 г.)	
Отставка Пальмерстона	584
(N.-Y. D. T. 31 декабря 1853 г.)	
Синоп и Ахалцых	587
(N.-Y. D. T. 9 января 1854 г.)	
Державы и Турция	593
(N.-Y. D. T. 28 января 1854 г.)	
Европейская война	604
(N.-Y. D. T. 2 февраля 1854 г.)	
Военные действия в Азии. — Австрийские и французские фи-	
нансы. — Персия. — Укрепление Константинополя. — Рос-	
сия и Дания. — Падение цен	610
(N.-Y. D. T. 8 февраля 1854 г.)	
Взгляды царя. — Принц Альберт	616
(N.-Y. D. T. 11 февраля 1854 г.)	
Укрепление Константинополя. — Датский нейтралитет. — Кобден	
и Россия	620
(N.-Y. D. T. 16 февраля 1854 г.)	
Военные финансы	624
(N.-Y. D. T. 20 февраля 1854 г.)	
Документы по восточному вопросу. — Парламентские дебаты. —	
Миссия графа Орлова. — Действия союзного флота. — Ир-	
ландская бригада. — Манчестерцы и Рабочий парламент . .	628
(N.-Y. D. T. 21 февраля 1854 г.)	
Русская дипломатия. — Черногория	635
(N.-Y. D. T. 27 февраля 1854 г.)	
Прения в парламенте	642
(N.-Y. D. T. 9 марта 1854 г.)	
Франция и Англия. — Греческое восстание. — Азия и Россия.	
(N.-Y. D. T. 18 марта 1854 г.)	655
Кошут. — Дизраэли и Юм. — Русская политика. — Франция и	
Англия. — Греция	662
(N.-Y. D. T. 13 марта 1854 г.)	

Банкротство Австрии	Стр. 671
(N.-Y. D. T. 22 марта 1854 г.)	
Русское отступление	678
(N.-Y. D. T. 30 марта 1854 г.)	
Документы о разделе Турции	683
(N.-Y. D. T. 5 апреля 1854 г.)	
Секретная дипломатическая переписка	694
(N.-Y. D. T. 11 апреля 1854 г.)	

П Р И Л О Ж Е Н И Я.

Парламентские дебаты об Индии	713
(N.-Y. D. T. 24 июня 1853 г.)	
Великобритания. — Ирландское арендное право	719
(N.-Y. D. T. 11 июля 1853 г.)	

УКАЗАТЕЛИ.

Именной указатель	729
Литературные и мифологические персонажи	752
Предметный указатель	753
Даты жизни К. Маркса и Ф. Энгельса 1852 — 1854 гг.	761
Краткая летопись событий 1852 — 1854 гг.	763

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И.

Письмо Маркса к Энгельсу от 8 августа 1851 г., где Маркс сообщает о приглашении его в сотрудники «Трибуны»	VIII—IX
Шестая страница из «Нью-йоркской трибуны» от 21 августа 1852 г. с корреспонденцией К. Маркса о выборах в Англии	8—9
Редакция газеты «Нью-йоркская трибуна» в начале 50-х годов	160—161
Первая страница еженедельного издания «Нью-йоркской трибуны» от 25 июня 1853 г. с корреспонденцией К. Маркса о Великобритании [и Индии]	328—329
Письмо Энгельса к Марксу от 6 июня 1853 г. Место о Восточном обществе, вошедшее в статью Маркса «Британское владычество в Индии»	* 352—353
Письмо Дана к Марксу от 16 декабря 1853 г., с извещением о напечатании в «Трибуне» статьи «Война на Дунае»	564—565

(21—30 тысячи)

Ответственная редакция: В. АДОРАТСКИЙ, А. АНГАРОВ.

Техническая редакция: И. ГАЛАКТИОНОВ, А. ЕВТЕЕВ.

Подписана к печати с матриц 6/V — 1933 г.

Партиздат №1233/м.

Тираж 10375.

Ленгорлит №10255.

Заказ № 727.

Формат бумаги 68×100 см.,

49¹/₈ печ. л.

(101760 тип. знак. в 1 бум. л.).

Бум. л. 24³/₈.

Вышла в свет — май 1933 г.